

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра археологии, этнографии и музеологии
РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

СОВРЕМЕННЫЕ РЕШЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ЕВРАЗИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 3

Сборник научных статей

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2023

УДК 902(4/5)
ББК 63.48(051)
С 568

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук *В.В. Горбунов*;
доктор исторических наук *С.П. Грушин*;
доктор исторических наук *Н.Н. Серегин*;
доктор исторических наук *А.А. Тишкин* (отв. ред.);
кандидат исторических наук *О.С. Лихачева*;
кандидат исторических наук *И.И. Назаров*;
кандидат исторических наук *Т.В. Тишкина*

С 568 **Современные решения актуальных проблем евразийской археологии** : сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2023. — Вып. 3. — 362 с.
ISBN 978-5-7904-2779-4

В настоящем издании представлены статьи, основанные на материалах докладов Международной научной конференции «Современные решения актуальных проблем евразийской археологии», которая состоялась в начале сентября 2023 г. в Барнауле.

Статьи размещены согласно алфавитному порядку фамилий авторов в семи разделах, демонстрирующих основные тематические направления конференции: «Теоретико-методологические и методические разработки современной археологии»; «Использование естественнонаучных методов в археологических исследованиях»; «Культурные традиции в эпоху бронзы», «Древние и средневековые кочевники евразийских степей», «Реконструкция хозяйственной деятельности народов Евразии в различных природно-ландшафтных зонах (по материалам изучения археологических памятников)», «Древнейшее, древнее и средневековое искусство Евразии. Изваяния», «История изучения археологических материалов, их систематизация, комплексные реконструкции. Музеефикация, реставрация и атрибуция разновременных археологических объектов».

Сборник подготовлен в честь 35-летия кафедры археологии, этнографии и музеологии, 50-летия Алтайского государственного университета, 60-летия доктора исторических наук, профессора А.А. Тишкина и предназначен для специалистов разных научных дисциплин, занимающихся решением проблем евразийской археологии.

УДК 902(4/5)
ББК 63.48(051)

Подготовлен при частичной финансовой поддержке РНФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»), типографские расходы осуществлялись за счет кафедры археологии, этнографии и музеологии ИИМО АлтГУ

ISBN 978-5-7904-2779-4

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2023

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

Научная статья / Article

УДК: 902/904

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.01

К ПРОБЛЕМЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ОЗЕРА ЧАНЫ

Автушкова Александра Леонидовна¹, Плахута Денис Олегович²

¹*Новосибирский государственный краеведческий музей, Новосибирск, Россия*

²*Новосибирский государственный аграрный университет, Новосибирск, Россия*

Резюме. Работа посвящена анализу основных проблем археологического и частично палеоклиматологического изучения системы оз. Чаны. Авторы освещают начало научного изучения района в XIX — начале XX в. (В.М. Флоринский, А.Н. Молотилов, В.П. Левашова), подводят итоги современных исследований (О.Г. Невидимова, В.И. Молодин, В.И. Соболев, Я.В. Кузьмин, О.В. Софеев, С.В. Колонцов, В.А. Сумин и др.), в которые включены, наряду с традиционными методами археологического исследования, ГИС-технологии, компьютерное моделирование. На данный момент требуют научного разрешения следующие проблемы: корреляция геологических и археологических данных, более детальная картография археологических объектов и, собственно, до сих пор не решенная проблема планомерного площадного поиска археологических памятников в акватории озера Чаны.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Барабинская лесостепь, археологические памятники, озеро Чаны, археологическое изучение

Для цитирования: Автушкова А.Л., Плахута Д.О. К проблеме археологического изучения озера Чаны // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 3–7.

ABOUT THE PROBLEM OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF LAKE CHANY

Alexandra L. Avtushkova¹, Denis O. Plakhuta²

¹*The Museum of Local History, Novosibirsk, Russia*

²*Novosibirsk State Agricultural University, Novosibirsk, Russia*

Abstract. The work is devoted to the analysis of the main problems of archaeological and paleoclimatological research of the Chany Lake system. The authors explicate the beginning of the scientific research of the region in the 19th — early 20th centuries (V.M. Florinsky, A.N. Molotilov, V.P. Levashova), summarize the results of modern research (O.G. Nevidimova, V.I. Molodin, V.I. Sobolev, Ya.V. Kuzmin, O.V. Sofeykov, S.V. Kolontsov, V.A. Sumin, etc.), which along with traditional methods of archaeological research include GIS technologies and computer modeling. Now, the following problems require scientific resolution: the correlation of geological and archaeological data, more detailed cartography of archaeological objects, and, in fact, the still unresolved problem of a systematic areal search for archaeological sites on Lake Chany.

Keywords: West Siberia, Barabinsk forest-steppe, archaeological monuments, Lake Chany, archeological research

For citation: Avtushkova A.L., Plakhuta D.O. About the Problem of Archaeological Research of Lake Chany // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing house of Altai University, 2023. P. 3–7.

Озеро Чаны — одно из самых больших озер России и самое большое озеро Западной Сибири. Его площадь непостоянна и по различным оценкам на данный момент составляет до 2269 км². По типу происхождения озеро относится к остаточному, находящемуся в месте древней ложбины стока (Савченко, 2016, с. 4–52). Глубина его невелика, до 2–3 м, в редких случаях до 8 м.

Формирование озера относят к 13 тысячелетию до н.э., когда в ходе аридизации климата произошло исчезновение Мансийского приледникового озера (Невидимова, 2012).

Озерная система Чаны находится в уникальной географической области, сочетающей последовательную смену трех ландшафтных зон: от южной тайги до типичной степи с соответствующей сменой теплообменных и влагообменных процессов.

С самого начала своей истории озеро подвергалось значительным колебаниям водности с сокращением или увеличением занимаемой им площади. Поэтому чаще всего его относят к пульсирующим озерам (Пульсирующее озеро..., 1982).

В раннем голоцене система озера включила в себя соседние озера, сформировав таким образом целый озерный комплекс с возможностью постоянного наполнения. Вероятно, в Чановскую систему озер помимо самих Чанов входили Сартлан, Урюм, Яркуль, Чебаклы, Сопатое, Тухлое, Саргуль и еще немало современных мелких озер (Кузьмин и др., 2014, с. 320–323).

В позднем голоцене продолжилось увеличение водности озерной котловины, связанное с увеличением увлажненности (Невидимова, 2015). Таким образом, судя по всему, озеро достигло своего максимума, доходя до современной границы с Убинским районом и захватывая таким образом озера Тандово и Сартлан. Перепад высот от 108 до 143 м определяет большую вероятность того, что самые ранние по времени памятники должны располагаться северо-восточнее и юго-восточнее озера Чаны.

Последние исследования с помощью ГИС-технологий показали, что начиная с эпохи неолита археологические памятники занимают бывшую акваторию Палео-Чанов (Кузьмин и др., 2013, с. 235–239). Таким образом, имеются доказательства того, что к V тыс. до н.э. озеро значительно уменьшилось в своих размерах и приблизилось к современному (Кузьмин и др., 2014, с. 322, рис. 2).

Научное изучение побережья оз. Чаны началось во 2-й половине XIX в. В 1878 и 1880 гг. берега озера были обследованы отрядом, возглавляемым Николаем Михайловичем Ядринцевым. Им зафиксирован ряд памятников на побережье и островах, а именно: 17 курганов у деревни Казачьей на южном берегу оз. Чаны; 29 курганов по дороге от д. Казачьей в Костылево, 14 курганов по дороге из д. Костылево в д. Мальково, курганы по дороге из Мальково в Трехозерную, курганы у с. Кайгородово, курган у д. Чайчья на оз. Абышкан близ Чанов, а также городища Тюменка, Мальково, Чиняиха и Шульдяково и неизвестный объект у д. Овечкиной. Большую часть памятников Н.М. Ядринцев (1883, с. 181–205) посетил сам, об остальных ему рассказали местные крестьяне.

В 1889 г. к проблеме создания археологической карты Томской губернии обратился попечитель Западно-Сибирского округа В.М. Флоринский. В свет вышли две его работы: «Топографические сведения о курганах Западной Сибири» и «Курганы Томской губернии» (Флоринский, 1889а–б), в которых он дал полный обзор археологических памятников по округам и волостям, отдельно включив сюда участок Барабинской лесостепи по полосе Московско-Сибирского почтового тракта. Сведения о памятниках получены В.М. Флоринским от окружных исправников. В его работах мы находим сведения о неизвестном памятнике на о. Селезневском, о кургане у выселка Кульба на о. Черемуховом, о городище на о. Городок.

В 1912 г. на берегах оз. Чаны побывал студент-медик Томского Императорского университета А.Н. Молотилев. Помимо изучения языка барабинских татар, он занимался описанием археологических объектов. В акватории озера им зафиксированы городища Тюменка, Чиняиха и городища на Долгом мысу и на о. Соргановом. Кроме того, у городища на Долгом мысу им был найден курган, уже к тому моменту частично распаханый.

В 1927 г. омским археологом В.П. Левашовой были проведены разведочные работы на берегах озера. Целью работ стало составление археологической карты центральной линии островов, северного и южного побережья. В ходе работ открыто четыре городища на островах и свыше 100 курганов на островах и на побережье оз. Чаны. Результаты разведки, проведенной В.П. Левашовой (1928, с. 157–195) в Барабинской лесостепи, опубликованы в статье, вошедшей в сборник «Известия Западно-Сибирского музея». В статье дано подробное описание трех из исследованных городищ. Первое — это городище на о. Тюменском, где были найдены немногочисленные фрагменты керамики, идентичные керамике Вознесенского городища эпохи барабинских татар XV–XVII вв. Рядом с Тюменским городищем В.П. Левашова обнаружила следы второго городища, сильно испорченного пашней. Как и на первом памятнике, здесь были обнаружены фрагменты керамики, но совершенно другого характера, чем на Тюменском городище.

Два других городища — Чиняиха и городище на Долгом мысу. В обрыве первого В.П. Левашова собрала керамику, по орнаменту и составу глины идентичную керамике с Вознесенского городища, а также костяной наконечник стрелы, идентичный вознесенскому. Городище на острове Долгом, по мнению В.П. Левашовой, является поздним памятником, сторожевым пунктом послеермаковской эпохи.

Материалы, добытые В.П. Левашовой, позволили ей увязать памятники на островах Чиняиха и Тюменка с курганами, раскопанными в Омском округе и у деревни Абрамовка, и датировать их I тыс. н.э. Кроме того, в одном из курганов, раскопанных крестьянами, была найдена бронзовая монетка, которая должна была уточнить дату исследованных памятников (ГАНУ. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 78. Л. 5–6).

В 1978 г. обследования городищ у с. Мальково, на полуострове Тюменка и на острове Чиняиха проводил В.И. Соболев. Им был собран немногочисленный подъемный материал на Чиняевском городище, который позволил отнести его к кругу поздних памятников барабинских татар (Соболев, 2008).

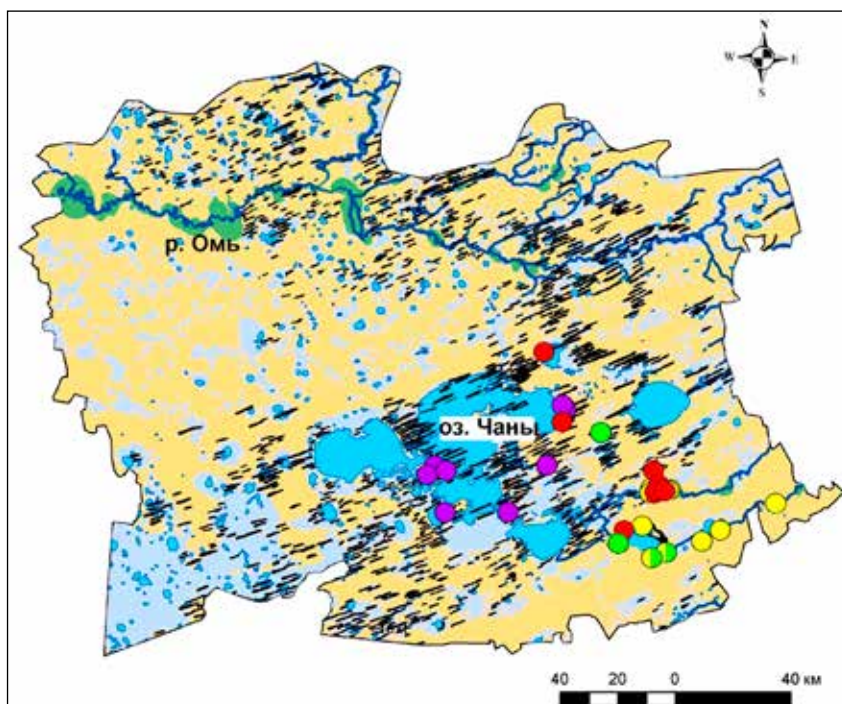

Рис. 1. Карта акватории озера Чаны с разновременными датированными археологическими памятниками, зафиксированными на его берегах: зеленым цветом отмечены памятники неолита, желтым — бронзового века; красным — раннего железного века; фиолетовым — средневековья (Никulina и др., 2017, рис. 1–4)

Fig. 1. The map of coasts of Lake Chany with archeological sites dated at different times recorded on its coasts: Neolithic sites are marked in green, — in yellow — Bronze Age; in red — early Iron Age; in purple — Medieval (Nikulina et al., 2017, fig. 1–4)

С начала 2000-х гг. регулярные работы по мониторингу археологических объектов побережья оз. Чаны ведет отряд ГАУ НСО «Новосибирский центр по охране историко-культурного наследия Новосибирской области» во главе с В.А. Суминым. Ими было открыто большое количество памятников, многие из которых до сих пор не датированы. Часть памятников в начале 2000-х была зафиксирована С.В. Колонцовым и О.В. Софеевым, среди них могильники у оз. Сартлан (Молодин, Новиков, Софеев, 2000; Молодин и др., 2011).

Судя по последним данным, в связи с малым процентом датированных открытых объектов археологии на побережье хорошо датированных неолитических памятников не зафиксировано. Ближайшие три памятника расположены между оз. Чаны и Сартлан, на южном берегу оз. Урюм и к востоку от него.

С эпохой бронзы тоже не все ясно. Побережье озера все еще остается слабо изученным. Памятники археологии этого периода были открыты с конца 1990-х гг. в межозерной равнине Чаны — Сартлан — Урюм (Кузьмин и др., 2013, с. 235–239), на южном берегу озера Урюм и к востоку от озера Урюм. С начала 2000-х гг. ситуация почти не изменилась. Буквально в позапрошлом году в непосредственной близости от п-ова Козий, на западном берегу озера, было найдено несколько фрагментов керамики ирменской культуры. Местонахождение располагалось в центре мысовой части, близко к воде. Высота местности над уровнем моря здесь всего 103 м. Дальнейшие исследования в этой локации позволят установить долговременный характер поселения ирменцев в этой области.

Курганные могильники раннего железного века находятся либо на склонах грив, либо расположены на самих вершинах. Их также мало. В начале 2000-х гг. О.В. Софеевым был найден курганный могильник на западной оконечности мыса Саган на прилегающем к Чанам оз. Тандово. Несколько памятников этого времени находятся в межозерной равнине между Чанами и Урюмом. В 2021 г. нашим отрядом также были найдены курганы предположительно раннего железного века на мысе Саган в центральной его части. Два однотипных памятника — на восточном побережье оз. Чаны и на южном побережье в 2021 г. одновременно были зафиксированы авторами и отрядом ГАУ НСО НПЦ. Один располагается у с. Красный Хутор, другой — у с. Усть-Тандовка.

Лучше всего обстоит дело с памятниками эпохи средневековья. На п-овах Чиняиха и Тюменка расположены два татарских городища XV–XVII вв. Их было бы значительно больше, но часть была распахана крестьянами в XVIII — начале XX в. в ходе освоения земель. Еще в конце XIX в. в трудах

Рис. 2. Курганы предположительно раннего железного века у с. Усть-Тандово, Барабинский район Новосибирской области. Фотография Д.О. Плахута, 2021 г.
Fig. 2. The mounds of the Iron Age presumably near the village of Ust-Tandovo, Barabinsky District, Novosibirsk region. Photo by D. Plakhuta, 2021

Н.М. Ядринцева и В.М. Флоринского, а затем в начале XX в. А.Н. Молотилова упоминались городища Мальково, Шутьдяково, городок на острове оз. Чаны (Флоринский, 1889а, с. 58–86); городища на Соргановом острове и на Долгом мысу (Молотилов, 1912, с. 221–229). Чиняиха и Тюменка были частично изучены в ходе раскопок В.И. Соболева в 1978 г. (Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 79). Городище на Долгом мысу в 1-й половине XX в. было обследовано студентом-медиком Императорского Томского университета А.Н. Молотилковым и сотрудником Западно-Сибирского музея ЗСОРО В.П. Левашовой (Молотилов, 1912, с. 221–229; Левашова, 1928, с. 157–195). По мнению В.П. Левашовой, городище являлось сторожевым пунктом послеermaковской эпохи.

Историки, кроме того, согласно Сибирским летописям, высказывают версию о существовании на берегах или островах ставки одного из наместников хана Кучума Абака или же ставки внука Кучума Аблай-Гирея (Трепавлов, 2011, с. 22–35). Место ставки до сих пор не известно. Возможно, это и есть

либо городище на Долгом мысу, либо городища Чиняиха или Тюменка. Необходимы дальнейшие исследования памятников.

В целом обстановка в части археологического изучения оз. Чаны показывает, что перед нами обширное белое пятно на археологической карте Новосибирской области. Работ по мониторингу памятников явно недостаточно для полномасштабного изучения его берегов. До сих пор не обследованным на 80–90 процентов остается побережье и многочисленные острова. Связано это, видимо, с труднодоступностью самих островов, а временами и побережья. Подходы к побережью частично заболочены в связи с постоянным изменением уровня воды в озере. Тем не менее озеро еще ждет своего исследователя, перед которым откроются многочисленные страницы древней истории этого края.

Список источников

Кузьмин Я.В., Софеев О.В., Зольников И.Д., Чупина Д.А., Новикова О.И., Никулина А.В., Ануфриев Д.Е. Геоархеологические исследования в Барабинской лесостепи (Новосибирская область) в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск, 2013. С. 235–239.

Кузьмин Я.В., Софеев О.В., Зольников И.Д., Чупина Д.А., Новикова О.И., Никулина А.В., Ануфриев Д.Е. Адаптация древнего населения центральной части Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) к природным условиям в голоцене: анализ на основе ГИС-технологий // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Т. IV. Казань, 2014. С. 320–323.

Левашова В.П. Предварительное сообщение об археологических исследованиях Зап.-Сибирского музея за 1926–1927 гг. // Известия Зап.-Сибирского музея. №1. Омск, 1928. С. 157–162.

Молодин В.И., Новиков А.В., Софеев О.В. Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области. Новосибирск, 2000. 224 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И., Чемякина М.А., Сумин В.А., Ануфриев Д.Е., Евтеева Е.М., Князев А.О., Кравченко Е.В. Археологические памятники Чановского района Новосибирской области. Новосибирск, 2011. 258 с.

Молотилов А. К вопросу о географическом распределении археологических памятников в Северной и Средней Барабе // Труды Томского Общества изучения Сибири. Томск, 1912. С. 221–229.

Невидимова О.Г. Развитие озерных систем и их реакция на климатические изменения в голоцене (на примере оз. Чаны, Барабинская низменность) // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2012. Вып. 3. Т. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-ozernyh-sistem-i-ih-reaktsiya-na-klimaticheskie-izmeneniya-v-golotsene-na-primere-oz-chany-barabinskaya-nizmennost/viewer>

Никулина А.В., Чупина Д.А. Археологические памятники центральной части Барабинской лесостепи (неолит — средневековье): геоморфологическая приуроченность и закономерности пространственного распространения. 2017. URL: <https://www.archaeolog.ru/media/periodicals/agis/AGIS-8/Nikulina/page1.html>

Пульсирующее озеро Чаны. Л., 1982. 304 с.

Савченко Н.В. Влияние палеогеографических и геолого-геоморфологических факторов на геологические особенности Западной Сибири // Scinces of Europe. 2016. №9. С. 4–52.

Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 10. Новосибирск, 2008. 356 с.

Трепавлов В.В. Кучумовичи и калмыки: геополитический мезальянс // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2011. №1. С. 22–35.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. Новосибирск, 1980. 184 с.

Флоринский В.М. Курганы Томской губернии // Известия ИТУ. Кн. 1. Отд. 2. 1889а. С. 58–86.

Флоринский В.М. Топографические сведения о курганах Западной губернии. Томск, 1889б. 72 с.

Ядринцев Н.М. Описание сибирских курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1870 и 1880 гг. // Тр. МАО. Вып. 2–3. 1883. С. 181–205.

Информация об авторах / Information about the Authors

Александра Леонидовна Автушкова, служба главного хранителя фондов Новосибирского государственного краеведческого музея, старший научный сотрудник; 630099, Россия, г. Новосибирск, Красный проспект, 23, <https://orcid.org/0000-0001-9070-1764>, alinanet913@gmail.com

Alexandra L. Avtushkova, Research Associate, The Service of Main Curator of the Funds, Museum of Local History; 630099, Russia, Novosibirsk, Krasny Ave., 23, <https://orcid.org/0000-0001-9070-1764>, alinanet913@gmail.com

Денис Олегович Плахута, Новосибирский государственный аграрный университет, кафедра истории и философии, доцент; 630039, Россия, г. Новосибирск, ул. Добролюбова, 160, plahuta_do74@mail.ru

Denis O. Plakhuta, Novosibirsk State Agricultural University, Department of History and Philosophy, Associate Professor; 630039, Novosibirsk, Russia, Dobrolubova St., 160, plahuta_do74@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article
УДК: 903.4(571.63)
DOI: 10.14258/msapea.2023.3.02

ЖИЛИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ НОВОСЕЛИЩЕНСКОГО ГОРОДИЩА (ЗАПАДНОЕ ПРИМОРЬЕ)

Яна Евгеньевна Анзулис

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия*

Резюме. В статье приводятся результаты исследований трех жилищ мохэской археологической культуры, расположенных на Новоселищенском городище в западном Приморье. Жилища различаются по площади и конструктивным особенностям, кроме того, два из них расположены внутри городского вала, а одно — за его пределами. По мнению автора, наличие на одном памятнике таких разных построек связано с хозяйственным укладом жизни населения: потребностью в строительстве зимних и летних жилищ, хозяйственных построек. Расположение мохэских жилищ за границами огороженной части памятника может быть обусловлено различными обстоятельствами, не исключающими как достаточно сложного социального устройства общества, так и роста населения городища и переноса застройки за его пределы.

Ключевые слова: мохэская культура, жилища, Приморье, Новоселищенское городище, полуземлянка, очаг

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект №20-18-00081 «Археология дальнего Востока»), руководитель — академик РАН Н.Н. Крадин.

Для цитирования: Анзулис Я.Е. Жилища и хозяйственные постройки Новоселищенского городища (западное Приморье) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 8–12.

DWELLINGS AND OUTBUILDINGS OF THE NOVOSELISHCHENSKOYE SETTLEMENT (WESTERN PRIMORYE)

Yana E. Anzulis

*The Institute of History, Archaeology and Ethnography (IHAE), the Branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia*

Abstract. The article presents the results of studies of three dwellings of the Mohe archaeological culture, located in the Novoselishchenskoye settlement in western Primorye. The dwellings differ in area and design features, in addition, two of them are located inside the city rampart, and one outside it. According to the author, the presence of such different buildings on one site is associated with the economy of the population: the need for the construction of winter and summer dwellings and outbuildings. The location of the Mohe dwellings outside the fenced part of the site may be due to various circumstances that do not exclude both a rather complex social structure of the society and the growth of the population of the settlement and the transfer of buildings outside it.

Keywords: Mohe culture, dwellings, Primorye, Novoselishchenskoye settlement, semi-dugout, hearth

Acknowledgments: the work was financially supported by the RSF Grant (Project No. 20-18-00081 “Archaeology of the Far East”), project manager — RAS academician N.N. Kradin.

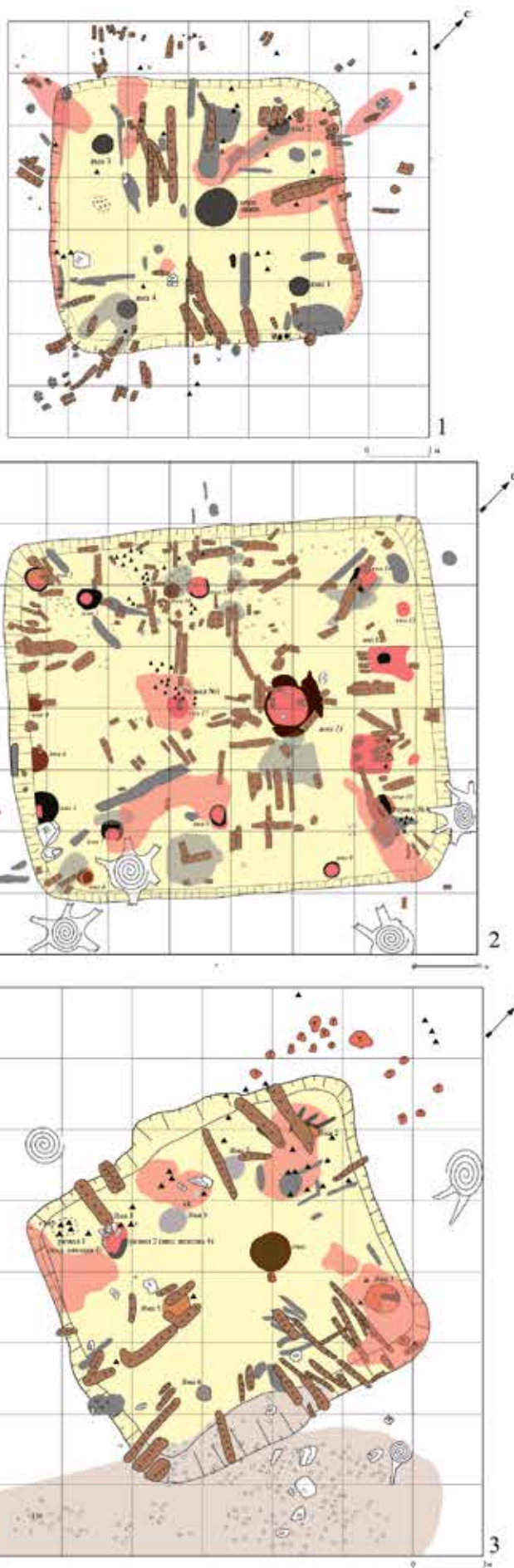
For citation: Anzulis Ya.E. Dwellings and Outbuildings of the Novoselishchenskoye Settlement (Western Primorye) // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 8–12.

Новоселищенское городище располагается на невысоком мысу — отроге горной системы, обрамляющей Приханкайскую долину в западной части Приморья. Рельеф памятника образуют две террасы, перепад между которыми — 2–2,5 м. На нижнем уступе располагается само городище с земляным валом и рвом. Его площадь 1 га, и на нем выявлена 41 западина. Вторая часть памятника, на возвышающейся террасе, состоит из 27 западин, она не огорожена и ее площадь составляет 1,5 га. Памятник многослойный, здесь найден материал эпохи неолита, палеометалла и раннего средневековья (мохэской археологической культуры). В первый же год исследований был изучен вал и выяснено, что он построен мохэцами, датировки, позже полученные по материалам жилища 1, указывают на конец V — VI в. Эти данные в совокупности с многослойностью памятника и его планиграфией стали основанием для предположения о том, что на ранних этапах поселение занимало большую площадь, а мохэ освоили только нижнюю террасу (Пискарева и др., 2019). С целью проверки этой идеи в 2021 г. после раскопок

двух жилищ в огороженной части памятника на первой террасе было выбрано для изучения жилища на второй террасе. В данной статье представлены результаты этих исследований.

Жилые и хозяйственные постройки в городище (на первой террасе). В огороженной части памятника были исследованы две сгоревших постройки, расположенные рядом, на расстоянии 7 м, и недалеко от северной линии вала. Котлованы были выкопаны в плотном светло-желтом суглинке, содержащем материалы периода неолита и палеометалла, но никаких следов более ранних построек при раскопках выявлено не было.

Жилище №8 (рис.-2). Размеры прямоугольного котлована по верхнему краю составляли 6,5×5,8 м, размеры по полу (стенки слегка расходились наружу) — 6,4×5,6 м, глубина около 0,5 м. Пол и стенки котлована обмазывались глиной: в юго-восточной его части, слева от входа, пол покрывала сплошная прокаленная глиняная обмазка. Очевидно, здесь происходила основная хозяйственная деятельность. Справа от входа (северо-западная часть) обожженная глина на полу встречалась отдельными участками. Это может быть связано с наличием здесь деревянных лежаков, нар и других элементов интерьера. На обмазке присутствовали отпечатки листьев и стеблей растений, а также, возможно, сетки или плетенки. Поверхность перед нанесением глины подсыпали дресвой — обратная сторона обмазки (прилежавшая к полу или стене) содержала ее в большом количестве. Такое глиняное покрытие могло быть сделано строителями этого жилища из практических соображений, учитывая особенности местного климата. Обмазанная глиной поверхность регулирует влажность воздуха в помещении, впитывая переизбыток влаги и отдавая излишки, когда это нужно; зимой такой дом будет медленнее выстывать, а летом — дольше держать внутри прохладу. Обмазка пола и стенок котлована глиной встречается в мохэских жилищах в Приморье и Приамурье (Пискарева, Слепцов, Гридасова, 2013; Кривуля, 2015; Волков, 2011). Вход в виде ступеньки размерами 70×30 см и высотой 30 см был зафиксирован в северо-восточной стенке котлована. С двух сторон от нее выявлены следы двух конструкций, на 6–7 см углубленных в пол. Судя по очертаниям и раз-

Планы жилищ Новоселищенского городища:
1 — жилище №1; 2 — жилище №8; 3 — жилище №46
Plans of the dwellings of the Novoselishchenskoye
settlement: 1 — dwelling No. 1; 2 — dwelling No. 8;
3 — dwelling No. 46

меру пятен прокаленного грунта (около 60×60 см), расположению округлых ямок от столбиков диаметром 4–5 см, здесь находились хозяйственные сооружения, например полки, на которых стояли сосуды (рядом найдены развалы двух емкостей).

Конструкция очага в этом жилище уникальна и аналогов на памятниках Приморья нет: с северо-восточной стороны округлую в плане очажную яму полукольцом окружала стенка из глины высотой 7–8 см и шириной 12–14 см, она загорживала очаг со стороны входа в жилище, прикрывая его от сквозняка. Изнутри очаг был также обмазан глиной, толщина слоя которой (стенок и дна очажной ямы) составляла 4–6 см. Внутренний диаметр очага (до глиняной стенки) — 68 см, глубина вместе с глиняной обмазкой — 16 см. В заполнении обнаружены два крупных закопченных камня, явно использовавшихся для поддержки кухонных горшков во время готовки. Там же найден венчик мохэского сосуда с орнаментированным налепным валиком и множество мелких косточек млекопитающих. Предполагалась очажная конструкция в центре со смещением к входу в жилище. На расстоянии 1,2 м к юго-западу от очага по центральной оси жилища выявлена неглубокая (5 см) круглая яма диаметром 40 см, заполненная прокаленным грунтом. Возможно, это также был небольшой дополнительный очажок.

В жилище хорошо сохранились остатки внутренней столбовой конструкции. Всего в полу выявлено 17 ям, к системе, поддерживающей крышу, относятся восемь: по три ямы протянулись в ряд, напротив друг друга, вдоль северо-западного и юго-восточного бортов на расстоянии 0,7–0,9 м и 1,2–1,8 м от борта. Расстояние между рядами столбов 3,5–3,6 м. Диаметры этих ям 32–40 см, а глубина 10–18 см. В каждой из них есть остатки сгоревшей древесины, а дно квадратной в плане ямы, расположенной ближе к северному углу жилища, укреплено камнями. На столбы, установленные в них, опиралась внутренняя рама обвязки. Еще две ямы обнаружены в южном и западном углу котлована (это стенка напротив входа). Они немного глубже остальных — 22 и 24 см, по форме — круглые, диаметром 30 и 38 см, столбы в них стояли вертикально. Юго-западная часть жилища была усилена дополнительными столбами, ямы от которых частично нарушали стенку котлована. В двух из них содержатся остатки горелой древесины, а в одной на дне лежала толстая стенка сосуда, относящегося к более раннему периоду. Возможно, в жилище была и внешняя деревянная рама, установленная по периметру верхнего края котлована: выявлены фрагменты горизонтально лежащих у верхнего края борта плашек и сильно прокален верхний край котлована. Отметим, что за пределами котлована жилища почти не было прокаленных пятен, фрагментов сгоревших конструкций, отсутствовали следы от опоры жердей крыши. Определенное сходство есть с описанным С.В. Ивановым (1951) старинным жилищем-полуземлянкой ульчей, которые также строили прямоугольные углубленные дома с четырехскатной крышей.

На полу жилища обнаружены развалы четырех лепных мохэских сосудов, керамические изделия (грузило, кольцо, бусина), обломок каменного клевца со следами вторичного использования. В восточном углу жилища, под одной из сгоревших деревянных балок, обнаружена железная подвеска. Длина предмета составляла 23 см, ширина в зауженной части — 1 см, в расширенной — 2 см. На одном конце есть отверстие для подвешивания, противоположный конец заострен. Аналогичные изделия были найдены в двух погребениях мохэ-бохайского могильника Чернятино-5 в Приморье (Никитин, Чжун Сук-Бэ, 2009, с. 51, 86–87).

Жилище №1 (рис. -1). Это сооружение было построено на расстоянии 2 м от городского вала и в 7 м от жилища №8. Размеры котлована сооружения 4×4 м, глубина 0,4–0,5 м. Судя по наличию прокаленных пятен на внешних углах, сюда опирались нижние концы центральных балок. В полу выявлены четыре округлые столбовые ямы диаметром около 30 см и глубиной 20–26 см. Они располагались на расстоянии 70–80 см от стен котлована. На столбах, расстояние между которыми составляло 2,3–2,5 м, находилась рама-опора. Пространство между основными балками было заполнено широкими плахами, обугленные остатки которых залегали параллельно друг другу на полу жилища. Стенки котлована были укреплены деревянными плашками, вероятно, достигавшими нижней части крыши, от них сохранились следы в бортах котлована в виде прогоревших полос и в полу в виде небольших округлых пятен вдоль стены. В центре постройки, ближе к ее северо-восточному борту, выявлены следы очажной ямы размером 50×53 см, заполненной прокаленным грунтом. Мощность заполнения составляет всего 8 см. Вход в сооружение не прослеживался.

Заполнение было очень бедным на находки: немногочисленные фрагменты разновременной керамики, каменное орудие вытянуто-трапециевидной формы, первоначально использовавшееся как терочная плита для растирания мягкого материала (зерна), а в последующем как абразив. На полу найдены два фрагмента венчиков сосудов мохэской культуры и фрагменты шаровидной емкости, залегавшие в разных частях котлована.

Нижняя часть заполнения жилища была частично профлотирована. Обнаружены зерна культурных растений: проса обыкновенного (*Panicum miliaceum*) и проса итальянского (*Setaria italica*), а также предположительно культурного ячменя голозерного или пшеницы (Пискарева и др., 2019). В археоботанической коллекции более 30% составляют семена мари, что позволяет предположить их преднамеренный занос. Известно, что мари применяется в различных качествах во многих частях мира как в древности, так и у традиционных обществ (Алкин, Сергушева, 2013). По углю от сгоревшего столба и углю, взятому из очага, получены две даты: 1535±90 и 1556±95 (ИМКЭС-14С1575). Калибровка радиоуглеродного возраста в календарный с помощью программы CALIB REV 7.1.0 показала, что они относятся к концу V — началу VI в. н.э.

Между двумя этими жилищами располагались три хозяйственные ямы диаметром от 40 до 60 см и глубиной 10–11 см. В их заполнении найдены разрозненные обломки керамических сосудов, а в одной присутствовало около десятка фрагментов, принадлежащих одному лепному мохэскому сосуду со следами пищевого нагара.

Жилище в неукрепленной части памятника (вторая терраса). Жилище №46 (рис.-3) было построено в котловане неолитической постройки, тоже сгоревшей. Следы раннего котлована частично сохранились возле северо-западной стенки, при его выборке найдено шлифованное тесло поздне-неолитического облика. Кроме того, при зачистке пола выявлены ямы, также относящиеся к более ранней постройке.

Размеры прямоугольного котлована мохэского жилища по верхней границе: 5×4,4 м, внутренние размеры были меньше: 4,6×4 м, глубина 0,4–0,45 м. По конструкции оно идентично жилищу №1. Выявлены четыре столбовые ямы, диаметром 17–38 см и глубиной 11–24 см, расположенные напротив углов жилища, на расстоянии 0,6–0,9 м от стенок. Расстояние между ними 2,5 м (короткие стороны котлована) и 3 м (длинные стороны котлована). На эти столбы крепилась рама, поддерживавшая конусообразную крышу. После пожара жерди крыши упали внутрь котлована и сверху их привалило прокалившимся от пожара грунтом. Очажная яма диаметром 54 см, глубиной 10 см располагалась по центру жилища, с небольшим смещением к северной стенке.

На полу найдены развалы сосудов с орнаментированным валиком, относящиеся к мохэской археологической культуре (возле столбовой ямы в западном углу котлована и в северо-западной части жилища) и керамическое изделие, похожее на игральную фишку, округлой формы с уплощенным основанием (размеры 2,5×1,4 см). Также в заполнении жилища обнаружены костные останки животных: зубы лошади, кости пятнистого оленя и косули*.

Заключение. На Новоселищенском городище исследовано три жилища. Несмотря на то, что они располагались в разных частях памятника (в городище и за пределами вала), все они относятся к мохэской археологической культуре, но при этом различаются по размерам и конструктивным особенностям. Больше по площади жилище №8 было построено основательнее, с расчетом на долговременное проживание: с большим вниманием к деталям, покрытию стен и пола, сооружению очага, укреплению столбовых ям. Его внутренняя конструкция была сложнее, по сравнению с другими жилищами. Устройство очага не имеет аналогов в мохэских жилищах Приморья, хотя подобные очаги известны на бохайских памятниках Северо-Восточного Китая, например на селище Силиньхэ (Ван Пэйсинь и др., 2018). В Приамурье на поселении Осинное Озеро в мохэском жилище был очаг с обкладкой из поставленных на ребро досок (Нестеров, 2015). Кроме того, и ассортимент находок в заполнении этого жилища был разнообразнее: четыре развала керамических сосудов, железная подвеска, каменный клевец. Другие два жилища — более простой конструкции, с маломощным очагом и незначительным количеством находок.

Наличие на одном памятнике таких разных построек, вероятно, связано с хозяйственным укладом жизни населения. Известно, например, что в ульчских и нанайских поселениях рядом с основным зимним домом-полуземлянкой располагались дополнительные постройки. Это могли быть и летние жилища, и родильные полуземлянки, и всевозможные лабазы (Иванов, 1951; Сем, 1973). Возможно, к одной из этих категорий относились и меньшие по площади жилища.

Расположение мохэских жилищ на второй террасе может быть обусловлено различными обстоятельствами, не исключая как достаточно сложного социального устройства общества, так и роста населения городища и переноса застройки за его пределы.

* Определение кандидата биологических наук, научного сотрудника ФНЦ Биоразнообразия ДВО РАН В.Е. Омелько.

Список источников

Алкин С.В., Сергушева Е.А. Семена мари белой (*Chenopodium album*) в культурных отложениях Усть-Чернинского городища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск, 2013. С. 164–167.

Ван Пэйсинь, Чжан Вэй, Ян Цзяньхуа, Лу Чэнгань. Отчет об археологических раскопках на памятнике Си-линьхэ города Хайлинь провинции. Бэйфан вэньу, 2018. №1. С. 3–25 王培新·张伟·杨建华·卢成敢. 黑龙江海林市细鳞河遗址发掘报告. 北方文物

Волков Д.П. Домостроение найфельдской группы мохэ в Восточной Азии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2011. Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. С. 176–182.

Иванов С.В. Старинное зимнее жилище ульчей // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XIII. М.; Л., 1951. С. 60–124.

Кривуля Ю.В. Исследование поселений Михайловка-1 и Михайловка-4 // Средневековые древности Приморья. Вып. 3. Владивосток, 2015. С. 447–458.

Нестеров С.П. Конструкция большого мохэского жилища из Западного Приамурья // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, №2. С. 69–74.

Никитин Ю.Г., Чжун Сук-Бэ. Археологические исследования на могильнике Чернятино-5 в Приморье в 2008 году. Сеул, 2009. 372 с.

Пискарева Я.Е., Асташенкова Е.В., Прокопец С.Д., Сергушева Е.А., Ивлиев А.Л., Дорофеева Н.А., Лящевская М.С., Базарова В.Б., Пшеничникова Н.Ф. Комплексные исследования на Новоселищенском городище в Ханкайском районе Приморья // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2019. №1. С. 88–114.

Пискарева Я.Е., Слепцов И.Ю., Гридасова И.В. Поселение Кордон-дровяник в Лазовском районе Приморского края: результаты раскопок мохэского жилища // Россия и АТР. 2013. №3. С. 173–186.

Сем Ю.А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX — середина XX в.) // Этнографические очерки. Владивосток, 1973. 313 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Яна Евгеньевна Анзулис, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, старший научный сотрудник; 690001, Россия, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-9102-0730>, 7yana7@mail.ru

Yana E. Anzulis, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher; 690001, Russia, Vladivostok, Pushkinskaya str., 89, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-9102-0730>, 7yana7@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.27(235.226)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.03

О КОЛИЧЕСТВЕ ОЛЕНЕЙ НА ОЛЕННЫХ КАМНЯХ ИЗ УШКИЙН УВЭРА

Андрей Васильевич Варенов

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Резюме. Статья посвящена подсчету точного количества фигур оленей на каждом из хорошо сохранившихся оленных камней памятника Ушкийн Увэр в Хубсугульском аймаке северной Монголии. Идея исследования заключается в том, что каждый оленный камень монголо-забайкальского стиля олицетворял первоначально воздвигшего его древнего коллектива (племени?) и одновременно его вселенную (макрокосм), а отдельные фигуры оленей соответствовали входившим в данный коллектив социальным (скорее всего, родовым) группам. Если создавшее оленные камни общество имело дуально-экзогамную родовую организацию, то количество оленей (каждый из которых символизировал отдельный род) на каждой стеле должно быть четным, а часто и кратным четырем. Подсчет, проведенный по прорисовкам оленных камней, опубликованных японской экспедицией под руководством Такахамы Сю, подтвердил наше предположение.

Ключевые слова: Ушкийн-увэр, оленные камни монголо-забайкальского стиля, интерпретация

Для цитирования: Варенов А.В. О количестве оленей на оленных камнях Ушкийн Увэра // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 12–17.

ABOUT THE NUMBER OF DEER ON THE SURFACE OF DEER STONES FROM UUSHIGIIN ÖVÖR

Andrey V. Varenov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the calculation of the exact number of deer figures on the surface of each of the well-preserved deer stones of the Uushigiin Övör site from the Khövsgöl aimag (province) near Mörön city in Northern Mongolia. The idea of the research is that each deer stone of the Mongol-Transbaikalian style personified the primordial ancestor of the ancient collective (tribe?) that erected it, and at the same time its universe (macrocosm), and individual figures of deer corresponded to the social (most likely tribal) groups included in this collective. If the society that created the deer stones had a dual-exogamous tribal organization, then the number of deer (each of which symbolized a separate clan) on each stele should be even, and often a multiple of four. A calculation based on drawings of deer stones published by a Japanese expedition led by Takahama Shu confirmed our assumption.

Keywords: Uushigiin Övör, deer stones of Mongolian-Trans-Baikal style, interpretation

For citation: Varenov A.V. About the Number of Deer on the Surface of Deer Stones from Uushigiin Övör // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 12–17.

Оленные камни — условно переданные человеческие фигуры в виде вертикально установленных каменных плит или столбов. Для них практически обязательно наличие выбитых серег, ожерелья и пояса с оружием. Кроме того, эти камни нередко покрыты изображениями оленей, откуда и получили свое название. Все оленные камни делятся на три типа: I — монголо-забайкальские (олени изображены с очень длинными изогнутыми телами и клювообразными мордами), II — саяно-алтайские (олени стоят на прямых вытянутых ногах — так называемая «поза на цыпочках»), III — общеевразийские, т.е. без изображений оленей (Новгородова, 1989, с. 185). Датируется культура оленных камней в целом первой половиной, а камни монголо-забайкальского стиля — первой третью I тыс. до н.э. (Савинов, 1994, с. 110–113).

Одно из наиболее известных, неоднократно исследовавшихся и публиковавшихся местонахождений — Ушкийн Увэр (существуют и иные варианты транскрипции этого топонима на русском языке, в частности, написание через дефис или раздельно, но вторая часть со строчной буквы) в Хубсугульском аймаке на севере центральной части Монголии, где встречены 15 прекрасных оленных камней монголо-забайкальского стиля. Памятник был обследован в 1970 г. и спустя пять лет опубликован В.В. Волковым и Э.А. Новгородовой (1975). В их статье приводится краткая характеристика всех 15 камней (в основном изображенного в районе поясов оружия), даны план Ушкийн Увэра и полные прорисовки камней №14 и №15, но описания оленей и подсчета их количества нет. В посвященных оленным камням Монголии монографиях В.В. Волкова раздел об Ушкийн Увэре в основном повторяет текст статьи 1975 г. Упоминания о количестве оленей, изображенных на той или иной поверхности камня, присутствуют эпизодически (Волков, 1981, с. 62–66; 2002, с. 78–83). На таблицах в конце книг даны прорисовки лишь отдельных плоскостей камней из Ушкийн Увэра, все четыре поверхности представлены только у камней №14 и №15 (Волков, 1981, с. 196–202, табл. 73–79; 2002, с. 188–194, табл. 73–79).

В 2003–2006 гг. в Ушкийн Увэре работала японо-монгольская экспедиция под руководством профессора Канадзавского университета Такахамы Сю. В опубликованном им отчете памятник назван Улаан Уушиг-I. Помимо раскопок части площади местонахождения, японские исследователи полностью скопировали поверхности всех оленных камней, а также провели их цифровую 3D фиксацию, что позволило выявить много новых деталей и существенно уточнить прорисовки В.В. Волкова (Takahama Shu et al., 2006, p. 76). Автору довелось в 2006 г. посетить эти раскопки и лично познакомиться с Такахамой Сю. В иллюстрациях к настоящей статье используются японские прорисовки оленных камней из Ушкийн Увэра (Takahama Shu et al., 2006, pp. 95–102, pl. 13–20).

Нам уже приходилось высказывать мнение, что «каждый оленный камень монголо-забайкальского стиля олицетворяет первопредка того или иного древнего коллектива (племени?), а отдельные фигуры оленей соответствуют входившим в данный коллектив социальным (скорее всего, родовым) группам» (Варенов, 2016, с. 210). Предложенная нами ранее рабочая гипотеза заключалась в том, что создавшее оленные камни общество имело дуально-экзогамную родовую организацию. Поскольку космология родового общества, как правило, соответствует его социологии, то количество оленей (каждый из которых символизировал отдельный род) на каждой стеле, олицетворяющей первопредка племени (а значит, не только микрокосм, но и макрокосм всего данного коллектива), должно быть четным, а часто и кратным четырем (Варенов, 2018, с. 26).

Проверить высказанную гипотезу предполагается путем подсчета оленей на всех плоскостях каждого из камней Ушкийн Увэра. Естественно, для подсчета подходят только полностью сохранившиеся камни, без утраченных фрагментов с изображениями оленей. Для удобства описания боковые поверхности оленных камней именуются «гранями», а лицевые и тыльные — «сторонами». Подсчет будет вестись по отдельным плоскостям каждого камня, в конце описания цифры суммируются. В случае если фигуры оленей переходят с одной поверхности камня на другую, в качестве реперных точек для отнесения их к той или иной плоскости принимаются глаза животных. Индикатором сохранности верхней части камня считается наличие на его боковых гранях серег.

Оленный камень №1. Верх камня обломан. Изображений серег на боковых гранях нет. На правой грани сохранилось три изображения оленей, на левой — еще три, на передней стороне изображений нет, на задней стороне — рога и часть морды от одного оленя. Изображений пояса или оружия нет. Камень для подсчетов непригоден.

Оленный камень №2. Верх камня не обломан. На боковых гранях есть четкие изображения серег. На правой грани сохранилось 16 изображений оленей, на левой — 15, на передней стороне четыре изображения, на задней стороне — шесть, на верхней грани — еще три фигуры оленей. На правой грани и частично на задней стороне показан пояс, на задней стороне ниже пояса — щит. Всего получается $16+15+4+6+3=44$ фигуры оленей (рис. 1.-1).

Оленный камень №3. Верх камня, возможно, обломан. Четкого изображения серег на боковых гранях нет. На правой грани сохранилось четыре изображения оленей, на левой — еще четыре, на передней стороне изображений нет, на задней стороне — часть рогов и круп от одного оленя и передняя часть тела без рогов — другого. На боковых гранях изображение пояса с подвешенным оружием, на задней стороне — щита. Камень для подсчетов непригоден.

Оленный камень №4. Верх камня не обломан. На боковых гранях есть четкие изображения серег. На правой грани сохранилось 17 изображений оленей (14 выше пояса и три — ниже), на левой — 13 (10 выше пояса и три — ниже), на передней стороне пять изображений (четыре выше пояса и одно — прямо на поясе), на задней стороне — 13 (11 выше пояса и два — ниже). На всех гранях, кроме передней стороны, показан пояс с оружием, на задней стороне выше пояса — щит, на левой грани — круглое зеркало. Всего получается $17+13+5+13=48$ фигур оленей (рис. 1.-2).

Оленный камень №5. Камень расколот, но верх его сохранился, и общий вид может быть восстановлен. На правой грани есть четкое изображение серьги. На правой грани сохранилось шесть изображений оленей, на левой — четыре, на передней стороне шесть изображений (пять целых выше пояса и фрагмент рогов одного оленя — ниже), на задней стороне — четыре, на верхней грани — еще две фигуры оленей. На всех гранях и сторонах показан пояс, на задней стороне выше пояса — щит, на левой грани — кинжал и круглое зеркало, на передней стороне — лук со стрелой и колчан. Всего получается $6+4+6+4+2=22$ фигуры оленей (рис. 1.-3).

Оленный камень №6. Верх камня обломан, серег на его боковых гранях нет. На правой грани два изображения оленей, на левой — тоже два, на передней стороне еще два изображения, на задней стороне — один олень. На всех гранях и сторонах есть изображения пояса с подвешенным оружием. На левой грани выше пояса показано круглое зеркало, на задней стороне — щит. Камень для подсчетов непригоден.

Оленный камень №7. Камень расколот посредине, но сохранился целиком. На боковых гранях есть четкие изображения серег, но, возможно, на левой грани и на задней стороне камня фигуры оленей уцелели не полностью. На правой грани сохранилось 12 изображений оленей, на левой — девять (пять выше пояса и четыре — ниже), на передней стороне два изображения, на задней стороне — пять. На задней и передней сторонах, на левой грани и частично на правой показан пояс с подвешенным к нему оружием. На задней стороне ниже пояса — щит, на левой грани выше пояса показано круглое зеркало. Всего получается $12+9+2+5=28$ фигур оленей (рис. 1.-4).

Оленный камень №8. Верх камня, возможно, обломан. Изображений серег на боковых гранях нет. На правой грани сохранилось четыре изображения оленей, на левой — еще три, на передней стороне изображений оленей нет (есть два козла), на задней стороне — два оленя. На задней стороне и частично на правой грани изображен пояс с подвешенным оружием. На задней стороне выше пояса показан щит, а на левой грани — круглое зеркало. Камень для подсчетов непригоден.

Оленный камень №9. Верх камня обломан. Изображений серег на боковых гранях нет. На правой грани сохранилось три изображения оленей, на левой — еще три, на передней стороне есть два оленя, на задней стороне — еще один. На передней и задней сторонах и на правой грани изображен пояс

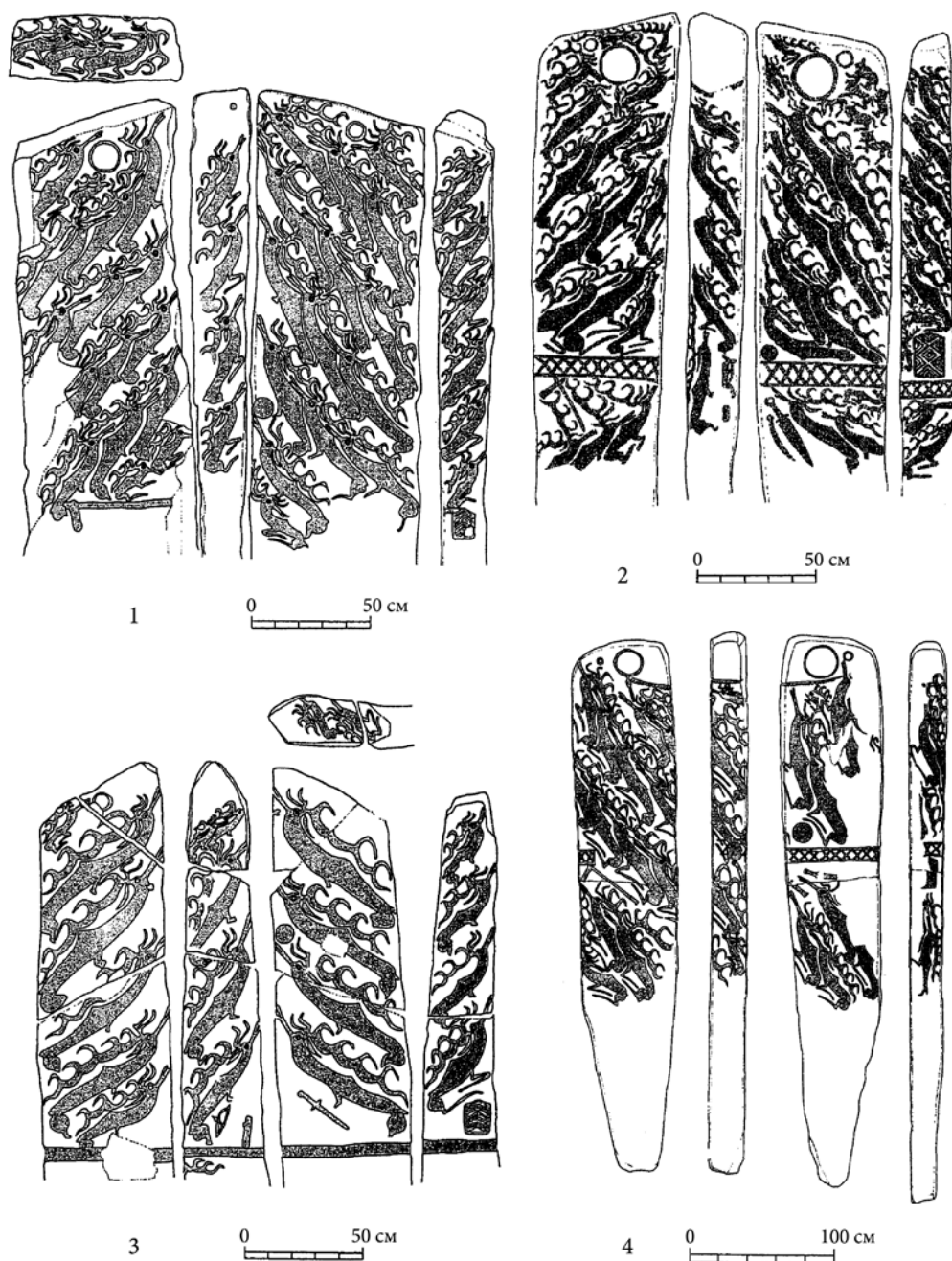

Рис. 1. Оленные камни из Ушгийн-Увэра: 1 — камень №2; 2 — камень №4; 3 — камень №5; 4 — камень №7. По: (1-4 — Takahama Shu et al., 2006, pp. 95-98, pl. 13-16)
 Fig. 1. Deer stones from Ushigiin Övör: 1 — stone no. 2; 2 — stone no. 4; 3 — stone no. 5; 4 — stone no. 7. As per: (1-4 — Takahama Shu et al., 2006, pp. 95-98, pl. 13-16)

с подвешенным оружием. На задней стороне выше пояса показан щит, а на правой грани — лук со стрелой, колчан и круглое зеркало. Камень для подсчетов непригоден.

Олений камень №10. Верх камня не обломан, но низ четко не показан. На правой грани есть изображение серьги. На правой грани сохранилось 12 изображений оленей (11 полных, еще от одного на самом верху грани близ серьги остались только рога и глаз), на левой — 12. На передней стороне есть пять оленей, на задней стороне — тоже пять (четыре выше пояса и один — ниже). На задней стороне и частично на правой грани показан пояс с оружием, на задней стороне выше пояса — щит. Всего получается $12+12+5+5=34$ фигуры оленей (рис. 2.-1).

Олений камень №11. Верх камня не обломан, но низ четко не показан. На правой грани есть изображение серьги. На правой грани сохранилось девять изображений оленей (семь выше пояса, а еще два — ниже), на левой — 12 (10 выше пояса, а еще два — ниже), на передней стороне пять изобра-

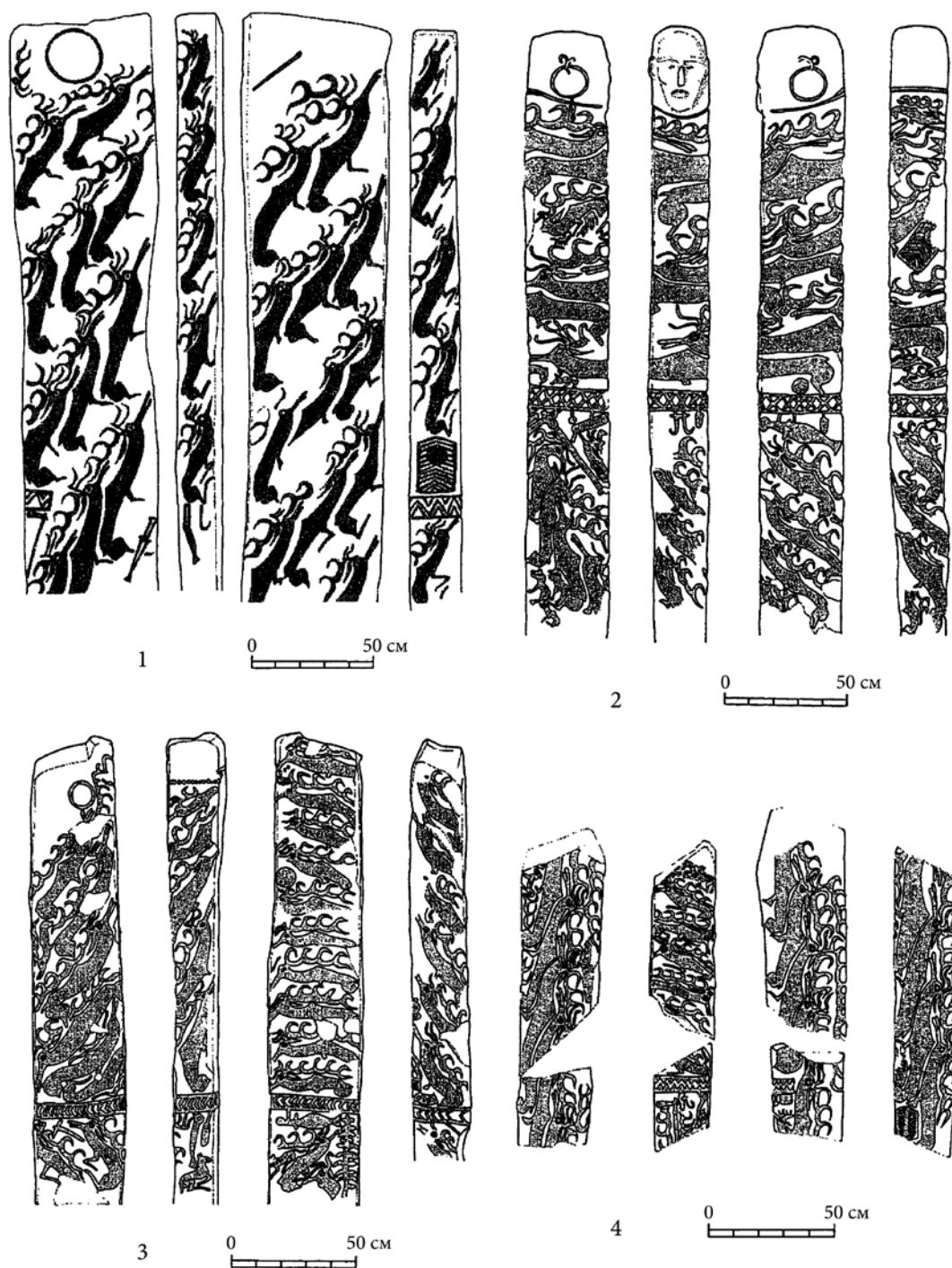

Рис. 2. Оленные камни из Ушкийн-Увэра: 1 — камень №10; 2 — камень №14; 3 — камень №11; 4 — камень №15. По: (1-4 — Takahama Shu et al., 2006, pp. 100, 102, pl. 18, 20)

Fig. 2. Deer stones from Ushigiin Övör: 1 — stone no. 10; 2 — stone no. 14; 3 — stone no. 11; 4 — stone no. 15. As per: (1-4 — Takahama Shu et al., 2006, pp. 100-102, pl. 18, 20)

жений, на задней стороне — восемь (семь выше пояса и одно — ниже). На всех гранях показан пояс с подвешенным к нему оружием, на левой грани выше пояса — круглое зеркало. Всего получается $9+12+5+8=34$ фигуры оленей (рис. 2.-3).

Оленный камень №12. Верх камня обломан. Изображений серег на боковых гранях нет. На правой грани сохранилось три изображения оленей, на левой — еще три полных оленя и передняя часть тела четвертого, на передней стороне есть четыре оленя, на задней стороне — еще один. На всех четырех плоскостях изображен пояс с подвешенным оружием. На задней стороне выше пояса показан щит, на правой грани — кинжал в ножнах, а на левой — круглое зеркало. Камень для подсчетов непригоден.

Оленный камень №13. Верх камня, возможно, не обломан. Есть изображение правой серьги, но сохранность фигур оленей на всех гранях и сторонах камня плохая. На правой грани частично сохранилось три (возможно, что и четыре) изображения оленей, на левой — еще пять, на передней стороне есть четыре частично сохранившихся изображения оленей, на задней стороне — еще два. Изображений пояса с подвешенным оружием нет. На задней стороне показан щит. Камень для подсчетов непригоден.

Оленный камень №14. Верх камня не обломан. На лицевой стороне есть рельефное изображение человеческого лица, а на боковых гранях — вдетых в уши круглых серег. На правой грани сохранилось 10 изображений оленей (пять выше пояса, а другие пять — ниже), на левой — семь (три выше пояса, еще четыре — ниже), на передней стороне пять изображений (два выше пояса, еще три — ниже), на задней стороне — 10 (пять выше пояса, а другие пять — ниже). На всех гранях показан пояс с подвешенным к нему оружием, на левой грани выше пояса — круглое зеркало, а на задней стороне — щит. Всего получается $10+7+5+10=32$ фигуры оленей (рис. 2.-2).

Оленный камень №15. Камень разбит, верх его обломан, низ тоже не сохранился, отсутствует фрагмент из середины. На боковых гранях сейчас нет изображений серег (одна была на правой грани), но, с учетом ранних публикаций, практически все фигуры оленей можно восстановить (Волков, Новгородова, 1975, с. 82, рис. 2; Волков, 2002, с. 193, табл. 78). На правой грани сохранилось семь изображений оленей, на левой — пять (сейчас находящуюся ниже пояса рукоять кинжала с оленьеголовым навершием, клинок которого ныне утрачен, можно принять за еще одного настоящего оленя), на передней стороне девять изображений (восемь выше пояса, из них реально сохранилось шесть и рога еще одного оленя, голова и шея которого ныне утрачены, — ниже пояса), на задней стороне — пять. На передней стороне и частично на левой грани показан пояс с подвешенным к нему оружием. На левой грани выше пояса — круглое зеркало, а на задней стороне — щит. Всего получается $7+5+9+5=26$ фигур оленей (рис. 2.-4).

Таким образом, сохранившиеся относительно целыми оленные камни Ушкийн Увэра дают следующие цифры: №2 — 44 фигуры, №4 — 48 фигур, №5 — 22 фигуры, №7 — 28 фигур, №10 — 34 фигуры, №11 — 34 фигуры, №14 — 32 фигуры, №15 — 26 фигур оленей. Все они делятся на два, а №2, 4, 7, 14 — еще и на четыре (т.е. на 11, 12, 7 и 8 фратрий соответственно), что может служить подтверждением высказанной нами гипотезы. Количество оленей на камне №5 ровно вдвое меньше, чем на камне №2, причем только на этих камнях изображения животных есть и на их верхних гранях. Стоит также отметить, что на соседних камнях №10 и 11 количество фигур оленей совпадает.

Список источников

Варенов А.В. О китайских неолитических корнях оленных камней монголо-забайкальского стиля и их социально-семантической интерпретации // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2016. №2. С. 195–211.

Варенов А.В. Петроглифы «в стиле оленных камней» и «демонические псы» из Китая // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2018. Т. 17, вып. 10: Востокведение. С. 9–29. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-9-29

Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981. 256 с.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002. 248 с.

Волков В.В., Новгородова Э.А. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия) // *Первобытная археология Сибири*. Л., 1975. С. 78–84.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М., 1989. 384 с.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994. 208 с.

Takahama Shu, Hayashi Toshio, Kawamata Masanori, Matsubara Ryuji, Erdenebaatar D. Preliminary Report of the Archaeological Investigations in Ulaan Uushig I (Uushigiin Övör) in Mongolia // *Канадзава дайгаку кокогаку кийэ* (金沢大学考古学紀要). 2006. No. 28. Pp. 61–102.

Информация об авторе / Information about the Author

Андрей Васильевич Варенов, Новосибирский государственный университет, доцент кафедры востоковедения, 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0003-2145-8611>, avvarenov@mail.ru

Andrey V. Varenov, Novosibirsk State University, Chair of Oriental Studies, Associate Professor of the Chair of Oriental Studies, 630090, Russia, Novosibirsk, Pirogov str. 1, Candidate of Science (History), <https://orcid.org/0000-0003-2145-8611>, avvarenov@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article
УДК: 903'1(571.51)
DOI: 10.14258/msapea.2023.3.04

К ВОПРОСУ О ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ В КРАСНОЯРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Дмитрий Александрович Виноградов
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Резюме. На сегодняшний день у исследователей нет единого мнения в интерпретации тагарских древностей окрестностей Красноярска. Данное обстоятельство вызвало необходимость публикации краткой характеристики материалов по этому периоду. На основании результатов раскопок курганов и грунтовых погребений обсуждаются их особенности и проводится сравнение с тесинскими погребальными комплексами Минусинской котловины. Кроме того, в статье дается оценка идеям удревнения культуры в районе. В результате проведенного исследования отмечается схожесть красноярских и тесинских погребальных памятников, что дополняет и корректирует представления о носителях курганной культуры в Красноярской лесостепи, а также ставит под сомнение многолетнюю гипотезу о существовании здесь самобытного варианта тагарской культуры.

Ключевые слова: Средний Енисей, Красноярская лесостепь, ранний железный век, тагарская культура, тесинская культура, курганы

Для цитирования: Виноградов Д.А. К вопросу о тагарской культуре в Красноярской лесостепи // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 18–23.

TOWARDS THE UNDERSTANDING OF THE TAGAR CULTURE IN THE KRASNOYARSK FOREST-STEPPE

Dmitry A. Vinogradov
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Abstract. To date, researchers do not have a common opinion on the interpretation of the Tagar antiquities in the Krasnoyarsk area. This circumstance induced the publication of a brief description of the materials for this period. Based on the results of excavations of mounds and soil burials, their features are discussed, and a comparison is made with the Tesin burial grounds of the Minusinsk depression. In addition, the article discusses ideas of ancientization the culture in the region. As a result of the study, the similarity of the Krasnoyarsk and Tesin burial sites have been shown, which may complement and correct the understanding of the kurgan culture bearers in the Krasnoyarsk forest-steppe. Moreover, here we dispute a statement about distinctiveness of the Tagar culture in this locality.

Keywords: Middle Yenisei, Krasnoyarsk forest-steppe, early Iron Age, Tagar culture, Tesin culture, burial mounds

For citation: Vinogradov D.A. Towards the Understanding of the Tagar Culture in the Krasnoyarsk Forest-Steppe // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 18–23.

Конец I тыс. до н.э. в Минусинской котловине был ознаменован активными миграционными процессами, приведшими к перенаселению, и вынудившими племена тагарской культуры к продвижению в северные лесостепные районы. Степень изученности этих районов различна, что не раз отмечалось в литературе (Мартынов, 1979; Бобров, 2011). Наименее изученной, но не менее интересной является граничащая с огромной таежной культурной общностью Енисея и Ангары Красноярская лесостепь. Основу наших знаний о тагарской культуре в окрестностях Красноярска составляют случайные находки множества бронзовых изделий тагарского облика, а также раскопки нескольких поселений и курганов.

Находки бронзовых изделий представлены широким ассортиментом всех этапов тагарской культуры. Проведенный Г.А. Максименковым анализ бронз Красноярского района показал, что кроме классических тагарских форм здесь отмечены и оригинальные вещи, выработанные на основе минусинских прототипов и в большей степени распространенные в лесостепном и лесном районах. Прежде всего это кинжалы без перекрестья и кельты с геометрическим орнаментом, имеющие генетическую преемственность от местной культуры карасукского круга (Максименков, 1961).

Степень изученности поселений слабая. На сегодняшний день в окрестностях Красноярска выявлено более двух десятков памятников с «тагарским слоем». В большинстве случаев основным марки-

рующим элементом для культурной идентификации выступают фрагменты лепной лощеной посуды, зафиксированные при сборах подъемного материала, в разведочных шурфах либо в составе раскопанных многослойных памятников. Как правило, керамика отличается сильной фрагментированностью и большим разбросом. Раскопками широкими площадями изучены только Есаульская стоянка (работы В.Г. Карцова в 1929 г.) и поселение позднетагарского времени Ладейское-2 (раскопки Н.П. Макарова в 1982–1983 гг.). На Ладейском поселении удалось собрать обширную коллекцию тагарской посуды, однако слой содержал и более поздние находки (Мандрыка, 1998).

Из-за смещенного состояния археологического материала на поселениях разновременные артефакты нередко оказываются на одном уровне, что может вызвать неверную интерпретацию у исследователя. Так В.Г. Карцовым (1929, с. 41) по результатам раскопок на Есаульской стоянке, содержащей типичные для тагарской культуры материалы с найденными там же каменными скребками и наконечниками стрел, поставлен вопрос о возможной деградации носителей тагарской культуры на территории Красноярска. Ложность подобного суждения убедительно доказал Г.А. Максименков (1966) на примере Усть-Собакинской стоянки.

Ключевым источником по тагарской культуре в Красноярской лесостепи являются раскопанные курганы. В результате многолетних исследований установлено, что от предгорий Восточного Саяна на юге и до сел Сухобузимское и Ковригино на севере их насчитывалось около 150, из которых раскопано не менее 25 (Виноградов, 2019). Подробнейшая характеристика большинства известных курганов дана в работе В.Г. Карцова (1929, с. 12–13).

Этап активных раскопок курганов пришелся на 2-ю половину XIX столетия и приурочен к деятельности местных археологов-любителей, чьи методы по современным меркам выглядят несовершенными. По этой причине были упущены многие детали, и сегодня мы имеем лишь общее представление об этих раскопках. Исследования курганов в XX в. также не всегда в достаточной мере представлены в публикациях и отчетах. Наиболее информативными являются раскопки Р.В. Николаевым пяти курганов у сел Коркино и Емельяново в 1956–1957 гг.

Результаты раскопок курганов выявили их сходство с поздними тагарскими коллективными захоронениями Минусинской котловины, однако отмечались и особенности (Максименков, 1961, с. 310–312). В окончательном виде их сформулировал Р.В. Николаев, развивший идею М.А. Дэвлет о выделении самобытного красноярского варианта тагарской культуры (Дэвлет, 1964, с. 210; Николаев, 1980). По мнению исследователя, отличительные черты красноярского района выражены в каменных оградах, манере изображения бронзовых оленных блях, в бронзовых изделиях «красноярского типа», в керамике (Николаев, 1980).

Несмотря на то что с момента обобщения и публикации Р.В. Николаевым полученных материалов прошел значительный период времени, концепция о красноярском варианте тагарской культуры продолжает широко бытовать в научных кругах (Фокин, 2023). В других случаях красноярский тагар объединяют с лесостепной тагарской культурой, выделенной А.И. Мартыновым (Мартынов, 1979, с. 82; Бобров, 2011). Роднит эти точки зрения убеждение, что курганы окрестностей Красноярска из-за своих оригинальных черт стоят особняком от памятников юга и, следовательно, рассматриваются в отрыве от новейших идей периодизации и культурогенеза тагарской культуры. Здесь следует констатировать, что в целом теоретические суждения о самых северных курганах с коллективными захоронениями остались на уровне 1960-х гг. (Вадецкая, 2022, с. 62).

Для понимания проблемы важно отметить и неравномерное изучение поздних тагарских курганов, из-за чего случился количественный перевес раскопанных памятников в северной лесостепной зоне, где впоследствии выделены лесостепная тагарская культура и красноярский вариант тагарской культуры (Мартынов, 1979; Николаев, 1980). В то же время для Минусинской котловины, где подобных курганов было раскопано значительно меньше, их относили к тесинскому этапу тагарской культуры (Пшеницына, 1979).

Между тем с 1980-х гг. благодаря работе сотрудников ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН) в научный оборот был введен значительный пласт материалов из раскопанных в Минусинской котловине позднейших тагарских курганов, вследствие чего в настоящее время красноярские особенности видятся не так однозначно.

Близость в сооружении каменных оград, изображении оленных блях, в форме и орнаментации керамических сосудов отмечена в памятниках «лепешкинского типа» и тесинской культуры, детальный обзор которых представлен в монографии Н.Ю. Кузьмина (2011).

Несмотря на то что автор выделения тесинской культуры отмечал схожесть и включил курганы окрестностей Красноярска в главу по истории изучения тесинских погребальных комплексов (Кузьмин,

2011, с. 18, 21), сам он считал методологической ошибкой объединение тесинских могильников с памятниками лесостепной зоны и не привлекал их к сравнению (Кузьмин, 2011, с. 15). По мнению Н.Ю. Кузьмина, динамика культурных процессов на юге и севере была разной — инновации, проникавшие в Минусинскую котловину из глубин Центральной Азии, начинали свое «брожение» с юга и затухали по мере продвижения на север, где новшества воспринимались с опозданием. Одним из показателей такого запаздывания является отсутствие грунтовых тесинских могил в лесостепной зоне (Кузьмин, 2011, с. 109).

Данное утверждение не совсем верно отражает действительность. Два грунтовых погребения, покрытых каменными плитками, обнаружены А.В. Адриановым вблизи кургана у с. Частоостровского (Отчет Императорской Археологической Комиссии..., 1904, с. 117). Позднее В.Г. Карцов (1929, с. 13–14) исследовал коллективное погребение в 4 км к западу от того же села. В обоих случаях инвентарь представлен керамикой тагарского облика. Примечательно, что эти погребения обнаружены на тех же полях, где находятся курганы, что характерно для тесинских грунтовых могильников. Кроме того, отмечены впускные погребения (в том числе парциальные) в курганах у сел Частоостровское (Вадецкая, 2022, с. 56), Ладейское, Есаульское (Карцов, 1929, с. 42), Коркино и Емельяново (Николаев, 1963; 1966). В одном из курганов у с. Коркино обнаружено погребение собаки (Николаев, 1963, с. 99), что свойственно тесинской традиции.

В 2021–2022 гг. автором настоящей публикации выявлено десять грунтовых погребений под бывшей насыпью разрушенного кургана на Шинном кладбище в г. Красноярске. Доклад об этих погребениях был зачитан осенью 2022 г в г. Санкт-Петербурге на конференции, посвященной М.П. Грязнову, а материалы готовятся к изданию. Среди погребений выделяются два с интересными особенностями. Яма парциального погребения №7 имела шестиугольную форму и заполнена множеством небольших плиток вперемешку с грунтом. В яме коллективного погребения №8 отмечен подбой в стенках. Обе эти черты характерны для тесинских грунтовых могил (Савинов, 2009, с. 58–59; Пшеницына, 1979, с. 85).

Кроме того, значимой характеристикой тесинских могильников являются посмертные операции с телами покойников. Так, в кургане у с. Частоостровского найдены две плотно свернутые ленты из бересты, наподобие тех, которыми обернуты шеи мумий-кукол в степных и лесостепных могильниках (Вадецкая, 2022, с. 57). Черепа с трепанациями обнаружены в курганах у сел Сухобузимское (Отчет Императорской Археологической Комиссии..., 1906, с. 132), Коркино (Николаев, 1966, с. 205), Есаульское (Карцов, 1929, с. 42), у Шинного кладбища. Обилие кусочков слюды на черепках в Сухобузимском кургане были интерпретированы Э.Б. Вадецкой (2022, с. 59) как результат моделирования черепков глиной. Обмазка из серой глины выявлена на одном из черепков в склепе кургана на Шинном кладбище.

Важным индикатором тесинских могильников является наличие железных изделий. В красноярских курганах железо встречено дважды — обломок кольчатого ножа найден В.Г. Карцовым (1929, с. 41) в кургане у Военного городка, фрагменты коррозированных пластин обнаружены в склепе и грунтовом погребении кургана на Шинном кладбище (Виноградов, 2022, с. 288). Очевидно, железные предметы находились и в других раскопанных курганах, но почвы окрестностей Красноярска агрессивны к металлам и часто не щадят даже бронзовые предметы.

К отличительной черте красноярских курганов принято относить своеобразную керамику (Дэвлет, 1964; Николаев, 1980). Местной особенностью считались сосуды, украшенные налепными «сосочками» или «шишечками». Сегодня можно говорить о том, что подобная керамика широко представлена в тесинских курганах (Кузьмин, 2011, с. 201), а традиция налепов продолжает бытовать в таштыкских комплексах. Однако стоит отметить, что на некоторых красноярских сосудах налепы имели слегка вытянутый вид и напоминали рожки (Николаев, 1963, с. 95, табл. 2; с. 98, табл. 6), что, вероятно, является исключением из общего правила. Выделяются также небольшие сосуды с двумя горизонтальными ручками по бокам, которые находят аналогии в соседних лесостепных памятниках (Мартынов, 1979, с. 174, табл. 26; Вадецкая, 1999, с. 141, рис. 69). Один подобный сосуд изображен на рисунке с перечнем тагарской посуды из Минусинской котловины в монографии С.В. Киселева (1951, с. 263, табл. XXVII). К сожалению, в тексте нет описания сосуда, поэтому было высказано предположение, что он происходит из раскопанного П.С. Проскураковым кургана у с. Ладейского (Николаев, 1966, с. 206), но исключать его южное происхождение нельзя. Других сосудов этого типа в памятниках юга не известно, однако в некоторых ранних тесинских склепах встречены схожие изделия, но выполненные из бронзы, — котелки-курильницы (Кузьмин, 2011, с. 195, рис. 39). В дальнейшем сосуды с боковыми ручками получают развитие в таштыкскую эпоху.

Орнамент на сосудах встречается редко. Отмечена орнаментация из пересекающихся косых линий, из ряда зигзагообразных полос, из незаконченных эллипсов (Николаев, 1980, с. 242–245). Различ-

ные вариации подобного орнамента присутствуют в курганной керамике в соседних областях (Мартынов, Мартынова, Кулемзин, 1971, с. 185–196). Схожий орнамент можно найти на тесинской посуде (Кузьмин, 2011, с. 194–195, рис. 38, 39). Кроме того, М.А. Дэвлет (1964, с. 210) выделила среди орнаментальных мотивов местный элемент, представленный керамикой с сетчатой (текстильной) и чешуйчатой поверхностью. Для подтверждения этой гипотезы необходимы дополнительные свидетельства, так как имеющаяся керамика представлена единичными фрагментами, и ее контекст неясен.

Из публикаций последних лет необходимо выделить тенденцию к удревнению красноярских курганов. Одним из оснований подобных гипотез являются находки ранних бронзовых изделий тагарского облика (Вадецкая, 2022, с. 63). Но обилие разновременных бронзовых тагарских вещей характерно и для соседней Канской лесостепи, где курганов, как известно, не найдено. Поэтому крайне важно разграничивать культурное влияние тагарцев и их непосредственное заселение территории Красноярской лесостепи, на что уже обращалось внимание в литературе (Бобров, 2011, с. 13).

Высказывалось любопытное предположение о существовании в Красноярской лесостепи крупных (до 5 м), элитных курганов с каменными конструкциями, которые не были изучены раскопками и могли относиться к ранним этапам пребывания тагарского населения в районе Красноярска (Акулов, Ишутина, 2020, с. 144). Сведения о «сильно распаханном» кургане высотой 5 м присутствуют в сводке В.Г. Карцова (1929, с. 12) и, вероятнее всего, являются опечаткой. Сам В.Г. Карцов (1929, с. 42) не ограничился перечислением известных курганов и в главе, посвященной средней поре неометаллической эпохи Красноярского района, дал им характеристику, обозначив максимальную высоту 2 м. Важно, что и другие исследователи района ничего не упоминали о столь внушительных курганах, при том что, как правило, выбирали для своих раскопок самые крупные насыпи, среди которых элитных черт не выявлено. Каменные конструкции зафиксированы во всех курганах, раскопанных большой площадью (Вадецкая, 2022, с. 55). Отсутствие крупных камней объясняется деятельностью местных крестьян, использовавших выделяющиеся в насыпи стелы для хозяйственных нужд (Отчет Императорской Археологической Комиссии..., 1898, с. 103–104).

Мнение о существовании раннего кургана на правом берегу Красноярска высказано С.М. Фокиным (2023), который интерпретировал сборы 16 бронзовых изделий, найденных в 1971 г. при рытье котлована, как сопроводительный инвентарь. Доводы автора о времени существования предметов (V–III вв. до н.э.) достаточно аргументированы, однако выглядит спорной причастность находок к кургану, так как основывается только на описании места находок, где указано наличие трех могильных пятен. К сожалению, не известно, кто дал подобную характеристику и выезжал ли на место обнаружения предметов археолог. Кроме того, на выявленном объекте не проводились раскопки, не зафиксированы сборы костей и керамики.

Краткий анализ материалов конца тагарской культуры из района Красноярска демонстрирует, что вывод о существовании здесь самобытного варианта культуры не совсем корректен. Культура пришла в Красноярскую лесостепь в сформированном виде и не претерпела существенных изменений в дальнейшем. Многие бывшие особенности находят аналогии в тесинских могильниках, а отличия незначительны. Здесь важно отметить, что некоторые красноярские курганы можно отнести и к так называемому лепешкинскому типу, однако граница между южными лепешкинскими и тесинскими склепами размыта, а критерии отнесения того или иного склепа к определенной категории недостаточно устойчивы.

Конечно, не все элементы тесинской культуры проявляются в красноярских курганах. В связи с чем необходимо подчеркнуть, что наличие особенностей в целом характерно для тесинских курганов — при общем единстве основной структуры наземных и подземных сооружений каждый курган обладает своей индивидуальностью (Кузьмин, 2011, с. 73). Возможно, незначительные отличия Красноярского района объясняются не локальным вариантом развития культуры, а хронологическими причинами. Именно здесь сосредоточено преобладающее количество курганов, возведенных в узкий временной диапазон, тогда как синхронные могильники из Минусинской котловины растворяются в обилии тагарских курганов.

На сегодняшний день требуют уточнения хронологические рамки существования культуры в районе. Непосредственное и массовое заселение тагарцами окрестностей Красноярска следует относить к тесинскому периоду, вероятно, II–I вв. до н.э. При этом нельзя исключать, что отдельные группы тагарского населения могли проникать сюда и раньше, но для подтверждения этой гипотезы необходимы более весомые аргументы, чем случайные находки бронзовых изделий. Верхняя хронологическая граница и дальнейшая судьба культуры остается неопределенной. Вероятно, имела место ассимиляция с таежными племенами, обитавшими на границе с лесостепным районом. На это указывают находки

керамических сосудов с боковыми ручками с поселений Шилка-9, Нижнепорожнинское-1, городища Шилка-2 (Мандрыка, 2003, с. 12, рис. 6.-9; 2005, с. 179, рис. 5.-20). Очевидно, что красноярские тагарцы, оставившие после себя полторы сотни курганов, не могли полностью раствориться в среде таежных культур. Возможно, какая-то часть населения могла вернуться назад, в южные районы, и участвовать в сложении таштыкской культуры.

В заключение необходимо отметить, что спустя 65 лет с момента последних раскопок курганов Р.В. Николаевым возрос интерес к данному виду памятников. В 2021–2022 гг. экспедицией Сибирского федерального университета изучен разрушенный курган на территории Шинного кладбища г. Красноярска. В 2022 г. раскопки кургана в пригороде Красноярска (окрестности с. Куваршино) предприняли представители красноярской коммерческой археологии под руководством П.В. Иштутиной. Эти работы должны внести определенность в понимание культурных процессов рубежа эр на территории Красноярской лесостепи. Однако кроме изучения курганов очевидна необходимость увеличения источниковой базы за счет поиска и раскопок синхронных с ними поселений. В обработке нуждаются и случайные находки. Их систематизация позволит отделить материалы автохтонного населения, испытывавшего влияние из Минусинской котловины, от изделий непосредственно тагарских пришельцев.

Список источников

- Акулов А.Г., Иштутина П.В. За краем Ойкумены: новые перспективы исследований курганов Красноярской лесостепи // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ). СПб., 2020. С. 141–145.
- Бобров В.В. Тагарская культура в северной лесостепи // Terra Scythica. Новосибирск, 2011. С. 11–22.
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. 440 с.
- Вадецкая Э.Б. Сухобузимский курган (новый взгляд на старые раскопки) // Енисейская провинция. Вып. VI. Красноярск, 2022. С. 55–70.
- Виноградов Д.А. История изучения курганных могильников Красноярской лесостепи // Теория и практика археологических исследований. 2019. Т. 26, №2. С. 61–72.
- Виноградов Д.А. Погребение тесинского времени в Красноярске (предварительное сообщение) // Евразия в энеолите — раннем Средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий). СПб., 2022. С. 286–289.
- Дэвлет М.А. Керамика позднетагарских курганов Красноярского района // Советская археология. 1964. №2. С. 205–210.
- Карцов В.Г. Материалы к археологии Красноярского района. Описание коллекций и материалов музея. Отдел археологический. Красноярск, 1929. 55 с.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 638 с.
- Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб., 2011. 456 с.
- Максименков Г.А. Новые данные по археологии района Красноярска // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 301–315.
- Максименков Г.А. Усть-Собакинская стоянка и ее значение для изучения древней истории района Красноярска // Сибирский археологический сборник. Вып. 2. Новосибирск, 1966. С. 77–83.
- Мандрыка П.В. Поселение Ладейское-2 — новый памятник тагарской культуры в черте города Красноярска (к вопросу о времени существования тагарской культуры в Красноярской лесостепи) // Межмузейный научный сборник (Сибирский межмузейный сборник). Красноярск, 1998. С. 61–71.
- Мандрыка П.В. Городище Шилка-2 — памятник железного века южной тайги среднего Енисея // История и культура Приенисейской Сибири. Красноярск, 2003. С. 32–52.
- Мандрыка П.В. Материалы многослойного поселения Шилка-9 на среднем Енисее и их значение для древней истории южной тайги средней Сибири // Известия лаборатории древних технологий. 2005. №1 (3). С. 172–185.
- Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. 208 с.
- Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. Кемерово, 1971. 250 с.
- Николаев Р.В. Курганы тагарской эпохи у Красноярска // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск, 1963. С. 93–106.
- Николаев Р.В. Раскопки тагарского кургана в окрестностях Красноярска в 1957 г. // Древняя Сибирь. Вып. 2. Новосибирск, 1966. С. 196–207.
- Николаев Р.В. Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 239–247.
- Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1896 г. СПб., 1898. С. 103–104.
- Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1902 г. СПб., 1904. С. 117–119.
- Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1903 г. СПб., 1906. С. 131–132.
- Пшеницына М.П. Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск, 1979. С. 70–89.

Савинов Д.Г. Минусинская провинция хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб., 2009. 226 с.

Фокин С.М. Тагарский курган в черте города Красноярска на улице Гладкова // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». Вып. 17. Кемерово, 2023. С. 159–167.

Информация об авторе / Information about the Author

Дмитрий Александрович Виноградов, Сибирский федеральный университет, Лаборатория археологии Енисейской Сибири; 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79, старший научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0002-2882-4402>, vindim0408@mail.ru

Dmitry A. Vinogradov, Siberian Federal University, Laboratory for Archaeology of Yenisei Siberia; 660041, Russia, Krasnoyarsk, Svobodny pr. 79; Senior Researcher, <https://orcid.org/0000-0002-2882-4402>, vindim0408@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902.2(571.13)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.05

ГОРОДИЩЕ ВЕСЕЛЫЙ-I И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЮЖНОЙ ГРАНИЦЫ ТАЕЖНЫХ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В СРЕДНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ

Юрий Викторович Герасимов, Михаил Андреевич Корусенко

Омский научный центр СО РАН, Омск, Россия, Омск, Россия

Резюме. В статье рассмотрены некоторые вопросы развития историко-культурной ситуации в лесостепной зоне Среднего Прииртышья в середине — 2-й половине I тысячелетия н.э. Авторы систематизировали археологические данные, свидетельствующие о проникновении в лесостепную зону Прииртышья населения археологических культур тайги. На основании анализа археологических материалов показано, что волны миграций, которых было не менее трех на протяжении шести столетий, создали тот фон, который послужил основанием для формирования этнокультурной картины эпохи средневековья в Ишимо-Иртышской лесостепи.

Ключевые слова: Среднее Прииртышье, лесостепная зона, раннее средневековье, археологические памятники, кулайская культура, потчевашская культура

Для цитирования: Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Городище Веселый-I и некоторые вопросы формирования южной границы таежных культур эпохи раннего средневековья в Среднем Прииртышье // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 23–27.

THE VESELYI-I HILLFORT AND SOME ISSUES OF THE FORMATION OF THE SOUTHERN BORDER OF THE TAIGA CULTURES OF THE EARLY MIDDLE AGES IN THE MIDDLE IRTYSH REGION

Yuri V. Gerasimov, Michael A. Korusenko

Omsk Scientific Center SB RAS, Omsk, Russia

Abstract. The article deals with some issues of the development of the historical and cultural situation in the forest-steppe zone of the Middle Irtysh region in the middle — second half of the 1st millennium AD. The authors systematized archaeological data indicating the penetration of the population of archaeological cultures of the taiga into the forest-steppe zone of the Irtysh region. Based on the analysis of archaeological materials, it is shown that the waves of migrations, of which there were at least three over the course of six centuries, created the background that served as the basis for the formation of the ethno-cultural picture of the Middle Ages in the Ishim-Irtysh forest-steppe.

Keywords: Middle Irtysh region, forest-steppe zone, early Middle Ages, archaeological sites, Kulaiskaya culture, Potchevashskaya culture

For citation: Gerasimov Yu.V., Korusenko M.A. The Veselyi-I Hillfort and Some Issues of the Formation of the Southern Border of the Taiga Cultures of the Early Middle Ages in the Middle Irtysh Region // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 23–27.

На рубеже эпох раннего железного века — средневековья в южнотаежной и лесостепной зонах Западной Сибири происходит коренная трансформация этнокультурной ситуации. В раннем железном веке территорию лесостепного Прииртышья, Ишимской степи и центральной Барабы занимали носи-

тели саргатской культуры, входившей в скифо-сибирскую общность. Контролируя северное ответвление Великого шелкового пути, на протяжении нескольких столетий саргатцы доминировали в регионе. Таежную зону Среднего Прииртышья до II–I вв. до н.э. занимали носители богочановской культуры, на смену которым позже приходят кулайские (саровские) племена.

Территории саргатской и кулайской культур определены границей ландшафтных зон тайги и северной лесостепи, маркированной в Прииртышье реками Тара на правом берегу и Ишим в левобережной части. Характер взаимоотношений между указанными культурами пока не до конца понятен. Великое переселение народов и последовавшее в результате изменение ситуации в системе трансевразийской торговли привели к разрушению экономической базы саргатского общества и его упадку, что находит отражение в памятниках III–IV веков. В указанный период происходит миграция саргатского населения, по крайней мере, его значительной части, на запад, вероятно, в составе гуннского союза.

Освободившиеся территории занимают носители кулайской культуры, памятники которой фиксируются в долине р. Омь на территории Омской области (Конилов, 1999, с. 17; Данченко, Гришаева, 1996, с. 31). Т.Н. Троицкая (2007, с. 86) полагала, что миграция носителей кулайской культуры на саровском этапе проходила по Иртышу, отмеченная локализация памятников свидетельствует в пользу этой гипотезы. Авторы коллективной монографии «Западная Сибирь в эпоху средневековья» относят время указанной миграции к II–III вв. н.э. (Западная Сибирь..., 2022, с. 11).

В 2021 г. житель р.п. Москаленка Н. Диканов сообщил о том, что им обнаружен археологический памятник, на поверхности которого в выбросах из нор животных собрано несколько десятков фрагментов керамики, переданных затем в местный музей. При осмотре коллекции авторами статьи установлено, что все фрагменты принадлежат одному сосуду, который, судя по орнаментации, следует отнести к саровскому типу кулайской культуры.

В полевом сезоне 2021 г. памятник был обследован нами и поставлен на учет как выявленный объект культурного наследия «Городище Веселый-1». Памятник, расположенный в зоне лесостепи, приурочен к северному берегу оз. Камышное, одного из многочисленных озер Камышловского лога — древней ложбины стока, протянувшейся через Ишимскую равнину от Казахского мелкосопочника до русла Иртыша и маркирующей существовавшую когда-то речку Камышловку, левый приток Иртыша. В настоящее время от реки, обозначенной на карте С.У. Ремизова, осталась лишь цепь горьких и соленых озер и заболоченный водоток протяженностью до 30 км, впадающий в Иртыш севернее Омска.

Рельеф территории равнинный, слабо расчленен неглубокими ложбинами сезонных водотоков, впадающих в Камышловский лог, ландшафты — типичные лесостепные, с небольшими березовыми колками, пашнями на месте остепненных лугов и сохранившимися солончаками. Городище расположено на небольшом мысовидном участке, который образован ложбиной сезонного водотока и бортом Камышловского лога. Памятник лежит на южной опушке небольшого березового колка, протянувшегося по ложбине; западнее и восточнее городища площади распаханы, по контуру полей проходят полевые дороги.

Городище имеет подовальную в плане форму, по контуру окружено кольцевым валом шириной до 3–4 м и высотой от 0,39 до 0,71 м от уровня дневной поверхности и рвом, ширина которого составляет 3–4 м, а глубина колеблется от 0,09 до 0,49 м; вход на городище не читается. Размеры укрепленной площадки составляют 27×35 м, на ней зафиксировано 17 жилищных западин округлой (диаметром до 6,5 м) или подовальной формы, размеры которых колеблются в пределах 2,5–3,5×6–8 м, глубина составляет от 0,13 до 0,51 м от поверхности. Большая часть объектов расположена по периметру вдоль вала, примыкая к его подножию, довольно плотно друг к другу, так, что расстояние между ними не превышает 3 м, а один, наиболее крупный, размером 6,5×10 м, лежит в центре памятника. В юго-западной части площадки между западинами зафиксирован широкий, до 10 м, пустой участок, который, возможно, связан с проходом на городище; еще один похожий участок, шириной до 6 м, прослежен в северо-восточном углу. На поверхности отмечены норы животных и три небольших прокопа, при осмотре отвала одного из них собраны фрагменты керамики, часть из которых принадлежит тому же сосуду, что и фрагменты керамики, сданные в Москаленский музей. При осмотре остальных повреждений, равно как и пашни, археологических предметов не обнаружено (Корусенко, 2022).

Подъемный материал, обнаруженный на поверхности памятника, включает в себя 31 фрагмент керамики и фрагмент глиняной обмазки. Из собранной коллекции керамики 25 находок представлены неорнаментированными фрагментами стенок керамического сосуда, еще на пяти зафиксированы элементы орнамента; кроме того, в коллекции присутствует венчик. Судя по орнаментации, фрагменты могут принадлежать как минимум трем разным сосудам.

К сосуду №1 относится фрагмент слабопрофилированного основания шейки, орнаментированный оттисками косо поставленного мелкозубого гребенчатого штампа, переход от плечиков к шейке подчеркнут тремя горизонтальными линиями, из которых верхняя выполнена оттисками того же штампа, а две нижние оттиснуты колесцовым штампом с небольшими зубцами. Черепок плотный, темно-коричневого цвета, в изломе — черный, в тесте фиксируется примесь шамота. Второму сосуду, более крупному, принадлежат два фрагмента шейки, орнаментальные мотивы на которых аналогичны вышеописанному, но выполнены более крупным инструментом. Третий сосуд представлен фрагментом венчика и шейки. Срез венчика гладкий, немного скошен внутрь, внешний край приострен. Под венчиком проходит поясок диагональных оттисков гладкого штампа, под которым расположен ряд округлых ямок. На шейке расположен пояс взаимопроникающих треугольников со скругленным основанием, подчеркнутый тремя прочерченными желобками, узкие валики между которыми рассечены оттисками гладкого штампа. На основании шейки и переходе к плечу нанесена горизонтальная елочка из косых оттисков гладкого штампа, под которым на сохранившейся части плечика заметны остатки линии взаимопроникающих треугольников. Профиль сосуда — горшковидный, с прямой шейкой, черепок рыхлый, желто-коричневого цвета, в изломе — красно-коричневый, в тесте читается примесь шамота.

Орнаментальный мотив взаимопроникающих треугольников, выполненных колесцовым штампом, хорошо известен в керамической традиции саровского этапа кулайской культуры. Географически ближайшими памятниками, в коллекции которых зафиксирована подобная керамика, являются городища Большой Лог и Сперановское, расположенные восточнее, на правом, северном берегу р. Омь (Данченко, 1995). Западнее городища Веселый-I памятников указанного круга пока не известно. Городище Большой Лог является многослойным, к кулайской культуре относится объект, интерпретированный Б.А. Кониковым как святилище, а также несколько жилищ (Конилов, 1999). В составе коллекции присутствуют крупные костяные наконечники стрел и керамика, орнаментированная в характерной для кулайской традиции манере, в том числе линиями взаимопроникающих треугольников (Герасимов, 2010, табл. 10.-6; 35.-1).

Материалы Сперановского городища послужили основой для выделения самого раннего, сперановского этапа потчевашской культуры В.А. Могильниковым, но анализ керамической коллекции Е.М. Данченко и О.Е. Гришаевой показал близость последней кулайским традициям (Данченко, Гришаева, 1996, с. 56.). Дальнейшие изыскания показали, что сперановский этап идентичен саровскому, и соответственно отнесенные к нему памятники следует рассматривать как кулайские, а не потчевашские (Конилов, 2005, с. 42). Таким образом, на основании собранной коллекции городище Веселый-I может быть интерпретировано как памятник саровского этапа кулайской культуры, а его появление следует связывать с миграцией носителей последней на юг, в лесостепную зону. Кулайские памятники в прииртышской лесостепи имеют четкую локализацию по долинам рек Омь и Камышловка, соответственно правого и левого притоков р. Иртыш, впадающих в него в границах территории г. Омска. Кроме упомянутых выше городищ кулайская керамика встречена на местонахождении Кемеровский спуск (правый берег р. Омь) и на Омской стоянке на левобережье Иртыша, также в пределах городской черты; южнее кулайские материалы не встречены. Отмеченное расположение памятников позволяет полагать крайним пределом движения носителей таежных культурных традиций в лесостепной зоне в конце раннего железного века линию р. Омь — р. Камышловка.

Гипотеза Т.Н. Троицкой о том, что продвижение саровцев на юг шло по реке Иртыш, выглядит состоятельной, но следует отметить, что убедительных доказательств в виде обнаруженных археологических памятников в лесостепной части долины реки пока нет. Присутствие кулайского населения в таежном Прииртышье документировано городищем Алексеевка-XIX, расположенным на границе зон южной тайги и северной лесостепи и датированным первыми веками новой эры. Кулайская керамика присутствует в коллекции саргатского поселения Окунево-IX, расположенного в 5 км от городища, на южном берегу р. Тара, и датирующегося тем же периодом. Южнее по Иртышу, вплоть до широты Омска, кулайские памятники пока не известны. Немногочисленная кулайская керамика, орнаментированная в саровской манере, известна в Павлодарском Прииртышье (поселения Павлодарское, Чернорецкий, Кызыл-Как), но утверждать кулайскую принадлежность перечисленных памятников пока оснований недостаточно, возможно, в данном случае следует говорить о «движении вещей».

В IV–V вв. н.э. в южнотаежном Прииртышье появляются памятники с керамикой карымского типа (Алексеевка-LI, Усть-Тара-VII, Красноярка-IV и др.), представленные курганными могильниками, которые маркируют движение племен нижнеобской культуры на юг. Вероятно, следствием этого

процесса стало смещение кулайцев, занимавших указанную территорию, южнее; в таком случае появление их в лесостепных районах следует относить не ко II веку н.э., а позже, возможно, к рубежу III–IV столетий. В этот период южные пространства освободились вследствие миграции саргатского населения, и одновременно выросло давление с севера. В какой степени саровцы смогли освоить обширные пространства лесостепи, не ясно, поскольку кулайские памятники здесь не выявлены, но отдельные находки, например литое изображение лося, обнаруженное в Большеуковском районе, могут рассматриваться как свидетельства их присутствия.

Насколько долгим было существование кулайского анклава в лесостепи, пока установить сложно, но уже в VI в. здесь появляются тюркоязычные кочевники (курганый могильник Соляное), маркируя, видимо, северную периферию владений первого Тюркского каганата. Вероятно, интересы тюрков в рассматриваемом регионе, как и более ранних кулайцев, связаны были со стремлением контролировать северное ответвление Великого шелкового пути. Дальнейшая судьба кулайского населения остается неясной, вполне возможно, оно вошло в состав новой формирующейся этнической общности в качестве субстрата; археологических данных о том, что кулайцы под давлением кочевников вернулись на север, в тайгу, пока не получено. Присутствие карымского населения в лесостепном Прииртышье до настоящего времени не зафиксировано, вероятно, его ареалом оставалась тайга.

Падение Тюркского каганата в начале VII в. ослабило и позиции кочевников прииртышской лесостепи, чем смогли воспользоваться носители теперь уже потчевашской культуры. Новая волна мигрантов с севера также прошла до линии Омь — Камышловка, двигаясь не только по Иртышу, но и по Ишиму и другим его притокам. Движение по Иртышу маркировано такими памятниками, как городища Мурлинское-I, Саратово-II, по Таре — городище Алексеевка-XLV, поселение Чеплярово-XXVI, по Оше — городища Старосолдатское-I, Новокарасук-VI, Усть-Логатка-60, поселения Савиново-I, Усть-Логатка-L, курганный могильник Калачики-II. На Оми памятники потчевашской культуры рассматриваемого периода представлены городищами Ростовка-I, Бурундуково-4, Преображенка-1, Туруновка-1; поселениями Борки-I, Корниловка-I, Сыропятское-II (Коников, 1998; Бараба в тюркское время, 1988, с. 57). Для коллекций отмеченных памятников характерны такие мотивы в орнаментации керамики, как оттиски уголкового штампа, многорядные прочерченные желобки, ряды глазчатого штампа. Любопытно отметить, что укрепления этого периода расположены на правом, южном берегу р. Оми, в то время как кулайские лежали на северном.

Керамика потчевашского облика встречена и южнее, вплоть до Павлодарского Прииртышья (Смагулов, 2006), но, на наш взгляд, рассматривать эти находки как свидетельство распространения потчевашского населения до указанных пределов пока преждевременно. Так, в коллекции поселения Черлак-I содержится около 250 фрагментов керамики, орнаментированных менее 50, большинство из них принадлежит одному сосуду. Коллекции поселенческих памятников Павлодарского Прииртышья полностью не опубликованы, что осложняет их интерпретацию, что же касается курганных могильников Бобровского и Качирского, то погребальный обряд, зафиксированный на этих памятниках, не аналогичен известному по другим памятникам. Возможно, упомянутые комплексы отражают движение вещей, а не людей, т.е. появились у степных кочевников в результате торгово-обменных операций.

Следующий этап формирования средневекового населения лесостепи связан с очередным усилением давления кочевников на север в начале VIII в., в результате чего потчевашское население сдвинулось к северу, в бассейн рек Оши и Тары, которые стали очередным рубежом противостояния двух миров. Этот этап маркирован такими памятниками, как городище Усть-Логатка-60, поселение Горно-сталево на левобережье Иртыша, поселение Чеплярово-XXVIII, курганный могильник Алексеевка-L. На левобережье кочевые племена уже к началу IX в. оттеснили потчевашское население на север, до приишимской тайги, на правом берегу этот процесс растянулся, видимо, до конца столетия. В итоге к концу I тысячелетия лесостепные пространства вновь были окончательно заняты населением кочевого мира, теперь тюркоязычным, северной границей которого стал географический рубеж тайги, маркированный реками Тара и Ишим. В таежной зоне, вероятно, на основе разнокультурного в своей основе населения, но имеющего общую угро-самодийскую принадлежность, начинает формироваться усть-ишимская культура, исчезновение которой связано со следующим периодом потрясений, вызванных распадом Золотой Орды и последующими событиями. Результатом этих процессов стала инфильтрация тюркоязычного населения в мир таежников и, вероятно, ассимиляция последних, что привело к возникновению этнокультурной основы формирования группы тоболо-иртышских татар.

Итак, на рубеже III–IV вв. н.э. первая волна мигрантов из тайги, носителей кулайской культуры, смогла занять опустевшие районы лесостепного Прииртышья, претендуя на контроль над северной

зоной Великого шелкового пути. Судя по распространению известных памятников археологии, они смогли выйти на естественные границы природных зон, которые маркированы долиной рек Омь и Камышловка в Прииртышье и Барабе. Дальнейшая судьба новых жителей лесостепи остается неясной, хотя наверняка на них сказались борьба кочевников Великой степи за доминирование в регионе. Вероятно, в конце VI в. в прииртышской лесостепи появляются кочевые общности тюркского мира, но вряд ли в это время им удалось занять здесь прочные позиции. В начале VII столетия просторы прииртышской лесостепи осваивает новая волна мигрантов из тайги, связанных с носителями культурных традиций зеленогорского этапа нижнеобской культуры, которые во взаимодействии с коренным населением сформировали потчевашскую культуру. Занятая ими территория оказалась больше, чем их предшественниками-кулайцами, они заняли не только Прииртышье, но и Барабу, а также прошли по Ишиму. После усиления Второго Тюркского каганата в VIII в. давление с юга возросло, противостоять ему таежники не смогли и постепенно стали отходить на север, останавливаясь на рубежах Оши — Тары. Вероятно, к X в. граница культурных миров окончательно установилась на рубеже тайга — северная лесостепь, продержавшись здесь до XIV столетия, когда расклад сил кардинально изменился в связи с процессами в Золотой Орде, в результате чего сложилась общность тюркоязычных народов, которая стала основой для формирования этнических групп сибирских татар.

Список источников

Бараба в тюркское время / В.И. Молодин., Д.Г. Савинов, В.С. Елагин, В.И. Соболев, Н.В. Полосьмак, Е.А. Сидоров, А.И. Соловьев, А.П. Бородавский, А.В. Новиков, А.Р. Ким, Т.А. Чикишева, П.И. Беланов. Новосибирск, 1988. 176 с.

Герасимов Ю.В. Археологические памятники степного и южного лесостепного Прииртышья в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского. Омск, 2010. 194 с.

Данченко Е.М. Сперановское городище на Оми // Памятники истории и культуры Омской области. Омск, 1995. С. 25-32.

Данченко Е.М., Гришаева О.Е. Позднекулайская керамика Сперановского городища // Керамика как исторический источник. Тобольск, 1996. С. 53–56.

Западная Сибирь в эпоху средневековья: взаимодействие этнокультурных общностей / Н.П. Матвеева, А.П. Зыков, А.С. Зеленков, Е.А. Третьяков, А.Н. Багашев, О.Е. Пошехонова С.М. Слепченко, Е.А. Алексеева, Л. Клима, В.С. Кулешов. Тюмень, 2022. 260 с.

Конигов Б.А. Культурно-хронологические комплексы городища Ростовки в низовьях Оми (по материалам раскопок В.И. Матющенко) // Гуманитарное знание. Сер.: Преемственность. Омск, 1998. Вып. 2, кн. 1: Исторические исследования. С. 20–28.

Конигов Б.А. Городище Большой Лог. Омск, 1999. 47 с.

Конигов Б.А. Омское Прииртышье в эпоху средневековья. Омск, 2005. 243 с.

Корусенко М.А. О проведении археологической разведки в Омском, Марьяновском, Москаленском, Исилькульском муниципальных районах Омской области в 2021 году // Архив Музея народов Сибири Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения. Ф. VIIа. Диск №6. 2022.

Смагулов Т.Н. Памятники потчевашского типа в Павлодарском Прииртышье // Известия НАН РК. Сер. Общественных наук. 2006. №1. С. 85–91.

Троицкая Т.Н. Некоторые вопросы развития кулайской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2007. Вып. 7. С. 85–86.

Информация об авторах / Information about the Authors

Юрий Викторович Герасимов, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, ведущий инженер; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15, кандидат исторических наук, <http://orcid.org/0000-0002-5066-576X>, ngajapti@yandex.ru

Yuri V. Gerasimov, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Lead Engineer; 644024, Russia, Omsk, Karl Marx Ave., 15; PhD in History, <http://orcid.org/0000-0002-5066-576X>, ngajapti@yandex.ru

Михаил Андреевич Корусенко, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, старший научный сотрудник; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-7004-1287>, otto.link@gmail.com

Michael A. Korusenko, Omsk Scientific Center SB RAS, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Research Fellow; 644024, Russia, Omsk, Karl Marx Ave., 15; PhD in History; <https://orcid.org/0000-0001-7004-1287>, otto.link@gmail.com

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Research Article

УДК: 902"637"

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.06

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ТИШКИН В «БРОНЗЕ»

Сергей Петрович Грушин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье сделана первая попытка наметить основные направления деятельности и достижения А.А. Тишкина в области изучения археологических памятников бронзового века Алтая и сопредельных территорий. Особую роль для формирования указанной проблематики сыграли открытия и раскопки таких ярких комплексов елунинской культуры, как Березовая Лука и Телеутский Взвоз-I, а также памятников чемурчекского круга в Восточном Казахстане и Западной Монголии. Вклад ученого заключается в проведении международных и региональных археологических экспедиций, в организации коллективных междисциплинарных исследований мирового уровня, нашедших отражение в высокорейтинговых публикациях, в монографическом издании полученных результатов, в подготовке высококвалифицированных специалистов.

Ключевые слова: Алексей Алексеевич Тишкин, бронзовый век, Алтай, научные достижения

Для цитирования: Грушин С.П. Алексей Алексеевич Тишкин в «бронзе» // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 28–34.

ALEXEY ALEXEEVICH TISHKIN IN «BRONZE»

Sergei P. Grushin

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article is the first attempt to outline the main directions of A.A. Tishkin's activities and achievements in the study of archaeological sites of the Bronze Age of Altai and adjacent territories. The discovery and excavations of such bright complexes of the Elunino culture as Berezovaya Luka and Teleutsky Vzvoz-I, as well as sites of the Chemurchek circle in Eastern Kazakhstan and Western Mongolia played a special role in the formation of these problems. The scientist's contribution consists in conducting international and regional archaeological expeditions, in organizing world-class collective interdisciplinary research, reflected in highly rated publications, in monographic publication of the results obtained, in training highly qualified specialists.

Keywords: Alexey Alexeevich Tishkin, Bronze Age, Altai, scientific achievements

For citation: Grushin S.P. Alexey Alexeevich Tishkin in "Bronze" // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing house of Altai University, 2023. P. 28–34.

В этом году профессор Алексей Алексеевич Тишкин отмечает свое 60-летие. Его учителем является Ю.Ф. Кирюшин — признанный специалист в области изучения бронзового века Западной Сибири, что не могло не оказать влияния на научные интересы его учеников, даже тех, чьи основные исследования были далеки от обозначенной тематики. Ярким примером этого можно считать научную деятельность А.А. Тишкина, который изначально стал заниматься изучением культуры древних и средневековых кочевников Алтая. Вместе с тем на протяжении многих лет Алексей Алексеевич постоянно обращался к исследованию различных аспектов изучения эпохи бронзы. Не претендуя на всеобъемлющий охват в этом небольшом обзоре, сделаем попытку наметить основные научные направления и достижения А.А. Тишкина при исследовании памятников бронзового века Алтая и сопредельных территорий.

Алексей Алексеевич впервые принял участие в археологических раскопках памятников бронзового века, еще будучи студентом Алтайского государственного университета (АГУ), когда в составе экспедиции под руководством Ю.Ф. Кирюшина исследовался памятник Цыганкова Сопка-II, расположенный в пойме Оби на границы Быстроистокского и Первомайского районов Алтайского края. Весной 1986 г. группа освобожденных от занятий студентов и школьников вместе с сотрудниками Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая АГУ выехала на место раскопок. Основной задачей являлась тщательная подготовка археологического комплекса к приезду зарубежной делегации. За короткое время была выполнена значительная по объему работа на грунтовом могильнике и поселении (Доктор исторических наук..., 2014, с. 11–12).

После окончания 4-го курса АГУ Алексей Алексеевич в 1988 г. получил свой первый Открытый лист и провел самостоятельные археологические разведки в Петропавловском и Смоленском районах

Алтайского края. В ходе этих работ были открыты и обследованы археологические памятники, большая часть из которых представлена курганными могильниками раннего железного века и эпохи средневековья. Однако среди них оказались два поселения с материалами бронзового века. На многослойном поселении Зеленый Дол-IV, расположенном в окрестностях одноименного села в Петропавловском районе, был собран небольшой подъемный материал, представленный фрагментами керамики и костями животных. Судя по находкам, оно датируется от бронзового века до средневековья. Второе поселение получило обозначение Берсень по названию правого притока Ануя. Оно зафиксировано на северо-западной окраине с. Зеленый Дол. Обнаруженный материал представлен керамикой эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Результаты разведки достаточно оперативно введены в научный оборот (Тишкин, 1990).

В ходе плановых работ на территории юго-западных районов Алтайского края А.А. Тишкиным были открыты новые объекты археологии, среди которых необходимо отметить могильник Сигнал-I, расположенный в окрестностях с. Плоское Третьяковского района Алтайского края. Обследование его в 1991 г. выявило разрушенное захоронение в каменном ящике. Полученный материал позволил отнести погребение к андроновской культуре XV–XIII вв. до н.э. (Тишкин, 1993, с. 98–99; Тишкин, Казаков, Бородаев, 1996, с. 209–210, рис. 51). Позднее на указанном памятнике осуществлялись раскопки, которые выявили комплекс из каменных оград (Грушин, Леонтьева, 2020).

Ежегодные археологические обследования объектов дорожного строительства, которые проводились сотрудниками АГУ, позволили Алексею Алексеевичу, как участнику таких разведок, включиться в практическую работу по охране археологического наследия. Так, летом 1994 г. им совместно с С.Д. Ведяниным обследовалась уже строящаяся в Алейском районе автодорога с. Боровское — с. Серебренниково. В результате были сделаны сборы на двух поселениях: Боровское-I и Серебренниково-III, которые дали материалы в том числе бронзового века (Ведянин, Тишкин, 1995, рис. 1). При раскопках аварийного участка поселения Серебренниково-III обнаружена керамика андроновской культуры.

В августе 1993 г. в Лабораторию археологии, этнографии и истории Алтая АГУ поступило сообщение о наличии в районе с. Безголосово Алейского района археологического объекта. В конце августа того же года А.А. Тишкин обследовал новый памятник (Кирюшин, Тишкин, 1995; Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005). Так началось многолетнее изучение поселения Березовая Лука — эталонного комплекса елунинской культуры раннего бронзового века на юге Обь-Иртышского междуречья. Не будет преувеличением отметить, что раскопки именно этого памятника определили глубокую увлеченность Алексея Алексеевича проблематикой эпохи бронзы.

Первое обследование поселения выявило уникальные условия залегания культурных отложений в береговой линии Алея, прекрасно сохранившие хозяйственные и жилищные конструкции, а также кости животных, изделия из них и другие артефакты (Кирюшин, Тишкин, 1995). Это позволило определить большие перспективы изучения памятника. С самого начала исследования на поселении приобрели междисциплинарный характер, который впоследствии станет визитной карточкой всей научной деятельности А.А. Тишкина. Так, к обработке материалов, уже на первоначальном этапе были привле-

Рис. 1. А.А. Тишкин на памятнике Березовая Лука, июль 1997 г. Фото М.В. Бабенкова

Fig. 1. A.A. Tishkin on the Berezovaya Luka site, July 1997. Photo by M.V. Babenkov

Рис. 2. А.А. Тишкин на памятнике Березовая Лука, июль 2001 г. Фото С.П. Грушина
Fig. 2. A.A. Tishkin on the 'Berezovaya Luka' site, July 2001. Photo by S.P. Grushin

Рис. 3. Археологический отряд Алтайского государственного университета на чемурчекском кургане бронзового века памятника Айна-Булак (Восточный Казахстан) в 1999 г.
Слева направо: С.П. Грушин, А.А. Тишкин, В.А. Бабенков, П.К. Дашковский
Fig. 3. The archaeological team of the Altai State University on the Chemurchek burial mounds of the 'Bronze Age site Aina-Bulak (East Kazakhstan) in 1999. From left to right: S.P. Grushin, A.A. Tishkin, V.A. Babenkov, P.K. Dashkovsky

ченые трасолог Н.Ю. Кунгурова и археозоолог А.В. Гальченко (Кирюшин, Тишкин, 1995, с. 49; Кирюшин, Гальченко, Тишкин, 1995), а в дальнейшем — известный географ А.М. Малолетко.

Под руководством Алексея Алексеевича раскопки поселения Березовая Лука удалось организовать в 1998 г. До этого была разработана программа аварийных работ в зоне активного разрушения памятника (Тишкин, 1998). В результате исследован участок культурного слоя в раскопе №1. Полученные материалы полностью опубликованы в первом томе монографии, посвященной уникальному памятнику (Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005). Эстафета полевого исследования поселения Березовая Лука была передана автору данной статьи, под руководством которого с 2000 по 2008 гг. изучался культурный слой в раскопах №2 и 3. Результаты частично отражены во втором томе указанной монографии (Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011). Остальные готовятся к изданию.

Стоит отметить, что полевое изучение поселения Березовая Лука стало для барнаульской археологической школы своеобразной площадкой (Тишкин, Грушин, 2009), на которой более 10 лет оттачивались необходимые навыки студентами и аспирантами исторического факультета АГУ в условиях незабываемой творческой атмосферы. Многие из них впоследствии защитили диссертации по различным темам древней и средневековой археологии Алтая (П.К. Дашковский, А.В. Кондрашов, С.С. Матренин, А.В. Шмидт, А.С. Федорук, О.Г. Лыжникова, Т.Г. Горбунова, Е.А. Артюх и др.). Под руководством А.А. Тишкина успешно была защищена и моя диссертация, посвященная изучению археологических материалов периода ранней бронзы (Грушин, 2002). Символично то, что в 2023 г. исполняется 30 лет со дня открытия и начала изучения поселения Березовая Лука.

Яркие и многочисленные материалы, полученные на поселении Березовая Лука, обозначили для Алексея Алексеевича необходимость постоянного обращения к ним для анализа и интерпретации различных аспектов важного археологического комплекса. Среди таких исследований можно назвать работы, посвященные изучению находок из металла (Кирюшин, Тишкин, 2000; 2003а), а также обнаруженных остатков руды (Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2009). Отдельной темой стали погребения младенцев (Кирюшин, Тишкин, 2003б). Опубликованы определения костей птиц и рыб (Тишкин и др., 2015). И исследования продолжают на самом современном уровне. Совсем недавно получены и готовятся к публикации результаты палеогенетического изучения лошадей. Одной из плодотворных идей, высказанных на основании первичного анализа материалов поселения Березовая Лука, стал тезис о существовании хозяйственно-культурного центра в период ранней бронзы в долине р. Алей (Кирюшин, Тишкин, 1998).

Вторым знаковым памятником можно считать разновременный погребально-поминальный комплекс Телеутский Взвоз-1, расположенный в Павловском районе Алтайского края. Археологические исследования на памятнике проводились экспедициями АГУ. При раскопках кургана монгольского времени в 1996 г. были обнаружены два погребения, отнесенные к елуинской культуре, что положило начало исследованию грунтового могильника бронзового века и связанных с ним поминальных и других ритуальных объектов. В 1997 г. под руководством А.А. Тишкина работы на памятнике были продолжены, обнаружены еще четыре погребения елуинской культуры. Позднее могильник исследовался В.В. Горбуновым (1998 г.) и С.П. Грушиным (1999–2003, 2010 гг.). Результаты междисциплинарного изучения комплекса периода ранней бронзы нашли отражение в двух монографиях (Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003; Елуинский археологический комплекс..., 2016), многочисленных статьях и сообщениях.

С 1999 г. А.А. Тишкин возглавляет работы археологических экспедиций в Казахстане и Западной Монголии, которые исследовали в течение нескольких полевых сезонов большое количество разновременных памятников, в том числе чемурчекской культуры периода ранней бронзы (Дашковский, Самашев, Тишкин, 2007; Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2008; 2010; Тишкин, Мунхбаяр, Грушин, 2009; Тишкин и др., 2011; Тишкин, Грушин, Мунхбаяр, 2012; Грушин и др., 2009; Кирюшин и др., 2009), включая открытие цветных росписей на погребальных камерах и святилищ.

В разное время А.А. Тишкин обращался к различным аспектам изучения бронзового века. Среди них отметим характеристику предметов искусства (Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, 2002), вопросы металлургии бронзы (Кирюшин и др., 2013) и др. Алексей Алексеевич участвовал в написании обобщающих работ о культурах бронзового века: елуинская (Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2010) и чемурчекская (Грушин, Тишкин, 2016). Нужно отметить его работу в архивах и введение в научный оборот археологических коллекций, полученных предшественниками, но по разным обстоятельствам так и не введенных в научный оборот. Среди них можно указать публикации, посвященные материалам М.П. Грязнова из памятника Чудацкая Гора (Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2002), В.И. Каца из могиль-

ника Кытманово (Грушин, Тишкин, в печати), а также характеристику материалов отдельных объектов бронзового века (Молоково, Усть-Алейка-Клуб, Кармацкий и др.). Ряд работ А.А. Тишкина были посвящены анализу ярких находок и разных категорий инвентаря (топоры, серпы, зеркала и др.) из памятников бронзового века Западной Сибири, Казахстана, Монголии и Туркменистана (Тишкин, Семибратов, 2013; Тишкин, Фролов, 2016; 2017; Тишкин и др., 2016; Тишкин, Мерц, Фролов, 2016; Фролов, Тишкин, Папин, Удодов, 2020; Дубова, Тишкин, 2020; и мн. др.). В них особое место занимает интерпретация результатов рентгенофлуоресцентного анализа, полученных с использованием соответствующего оборудования.

Уже в течение десяти лет А.А. Тишкин уделяет большое внимание международному сотрудничеству, являясь локомотивом плодотворного взаимодействия между учеными разных стран в вопросе организации научных коллабораций. Он занимался подготовкой совместных археологических раскопок на поселениях эпохи палеометалла — Колыванское-I (Грушин, Тишкин, Чжан, 2016), Советский Путь-I (Тишкин и др., 2018) и Нижняя Соору (Tishkin, Hermes, Grushin, 2021; Грушин, Гермес, Тишкин, 2022).

Благодаря своей неутомимой энергии, научным компетенциям и умению налаживать коммуникации А.А. Тишкин вошел в крупные российские и международные проекты, что нашло отражение в серии публикаций в высокорейтинговых журналах (включая *Science* и *Nature*). Среди них можно отметить работы, посвященные вопросам древней металлургии (Тишкин, Грушин, Чжан, 2015; Ma et al., 2022), радиоуглеродному анализу (Грушин, Тишкин, Чжан, 2018), реконструкции климата и палеодиеты (Matuzeviciute et al., 2016), палеогенетике животных (лошадей, собак, овец, медведей) и людей бронзового века (Dumova et al., 2017; Hollard et al., 2018; Kilinc et al., 2018; Narasimhan et al., 2019; и мн. др.). Это позволило вывести качество исследований материалов бронзового века Алтая и сопредельных территорий на новый мировой научный уровень.

Подводя итог научному вкладу А.А. Тишкина в разработку проблематики бронзового века, можно отметить следующие достижения: открытие и публикация новых памятников, включая отдельные яркие находки и целые категории предметов; организация и проведение международных экспедиций и коллективных исследований, нашедших отражение в высокорейтинговых публикациях; синтез междисциплинарных исследований мирового уровня; работа по подготовке специалистов в области изучения бронзового века.

В заключение хотелось бы пожелать Алексею Алексеевичу крепкого здоровья и дальнейших научных открытий в различных отраслях любимой науки. А также, пользуясь случаем, поздравляю коллектив кафедры археологии, этнографии и музеологии АГУ с 35-летием.

Список источников

- Ведянин С.Д., Тишкин А.А. Результаты археологического обследования объектов дорожного строительства в Алейском районе // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Вып. VI. Барнаул, 1995. С. 66–69.
- Грушин С.П. Культура населения эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 24 с.
- Грушин С.П., Гермес Т.Р., Тишкин А.А. Стратиграфия поселения Нижняя Соору (Центральный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVIII. Барнаул, 2022. С. 198–205.
- Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Особенности погребального обряда андроновского населения в контактной зоне Северо-Западного Алтая (по материалам могильника Сигнал-I) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. №64. С. 157–167.
- Грушин С.П., Тишкин А.А. Чемурчекская культура в Центральной Азии (краткий обзор имеющихся результатов изучения) // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 6. М., 2016. С. 553–563.
- Грушин С.П., Тишкин А.А. Андроновские погребения могильника Кытманово (по материалам раскопок 1961 г. В.И. Каца) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, №4 (в печати).
- Грушин С.П., Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч., Мерц И.В. Исследование комплексов эпохи ранней бронзы в Западной Монголии // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2008 г. Барнаул, 2009. Вып. 5. С. 10–15.
- Грушин С.П., Тишкин А.А., Чжан Л. Результаты изучения металлических находок с поселения Колыванское-I (Северо-западные предгорья Алтая) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №3(15). С. 91–101.
- Грушин С.П., Тишкин А.А., Чжан Л. Серия новых радиоуглеродных дат для памятников периода ранней бронзы Верхнего Приобья // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. Вып. 56. С. 110–117.
- Дашковский П.К., Самашев З.С., Тишкин А.А. Комплекс археологических памятников Айна-Булак в Верхнем Прииртышье (Восточный Казахстан). Барнаул, 2007. 95 с.

Доктор исторических наук, профессор Алексей Алексеевич Тишкин / отв. ред. А.Л. Кунгуров. Барнаул, 2014. 172 с.

Дубова Н.А., Тишкин А.А. Рентгенофлюоресцентный анализ сплавов двух статусных предметов с Гонур-депе (Туркменистан) // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ). СПб., 2020. С. 74–77.

Елунинский археологический комплекс Телеутский Взвоз-1 в Верхнем Приобье: опыт междисциплинарного изучения: коллективная монография / С.П. Грушин, Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин и др.; отв. ред. А.П. Деревянко. Барнаул, 2016. 270 с.

Кирюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Тишкин А.А. Результаты анализа остеологического материала из поселения Березовая Лука // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. II. Барнаул, 1995. С. 52–55.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул, 2003. 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Елунинская культура бронзового века в Обь-Иртышском междуречье // На пути открытия цивилизации. Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3. СПб., 2010. С. 552–566.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. II. Барнаул, 2011. 171 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Искусство населения Лесостепного Алтая в эпоху ранней бронзы // Гуманитарные науки в Сибири. 2002. №3. С. 16–20.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. I. Барнаул, 2005. 288 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Поселение Березовая Лука в Алейском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. II. Барнаул, 1995. С. 47–51.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Реконструкция системы жизнедеятельности населения эпохи ранней бронзы в лесостепном Алтае // Поселения: среда, культура, социум. СПб., 1998. С. 75–80.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Находки свинца при исследованиях памятников эпохи ранней бронзы в предгорно-равнинной части Алтайского края // 300 лет горно-геологической службе России: история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые. Барнаул, 2000. С. 8–12.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Металлические предметы эпохи ранней бронзы и свидетельства их производства на поселении Березовая Лука // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003а. Кн. I. С. 81–90.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Погребение младенцев на поселении Березовая Лука // Человек в пространстве древних культур. Челябинск, 2003б. С. 102–105.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Материалы эпохи ранней бронзы, полученные М.П. Грязновым с памятника Чудацкая Гора в Верхнем Приобье // Степи Евразии в Древности и Средневековье. СПб., 2002. Кн. 1. С. 153–155.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Предварительные результаты рентгенофлюоресцентного анализа находок руды с памятника Березовая Лука // География — теория и практика: современные проблемы и перспективы. Барнаул, 2009. С. 108–110.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Шайхутдинов В.М. Особенности металлургического производства елунинской культуры (по материалам изучения ошлакованной керамики с поселения Павловка-1) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №1 (7). С. 103–111.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., Эрдэнэбаатар Д., Мунхбаяр Ч. Археологические исследования в Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2009. Т. XV. С. 287–290.

Тишкин А.А. Археологическая разведка в Петропавловском районе // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. Вып. I. С. 71–74.

Тишкин А.А. Различные случайные археологические находки из северо-западных предгорий Алтая // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Вып. IV. Ч. I. Барнаул, 1993. С. 98–102.

Тишкин А.А. Методика раскопок поселения Березовая Лука и программа комплексного изучения материалов этого памятника // Поселения: среда, культура, социум. СПб., 1998. С. 80–83.

Тишкин А.А., Грушин С.П. Памятник Березовая Лука — база проведения полевых практик // Полевые практики в системе высшего профессионального образования. Новосибирск, 2009. С. 79–81.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч. Археологическое изучение объектов эпохи бронзы в урочище Улан худаг (Ховдский аймак Монголии) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2008. Вып. 4. С. 85–92.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч. Радиоуглеродное датирование курганов эпохи бронзы, исследованных в долине Буянта (Западная Монголия) // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск, 2010. С. 434–436.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Мунхбаяр Ч. История открытия комплексов ранней бронзы в центральной части Ховд аймака Монголии // *Чемурчекский феномен. Исследования последних лет.* СПб., 2012. С. 15–31.

Тишкин А.А., Казаков А.А., Бородаев В.Б. Третьяковский район. Памятники археологии // *Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края.* Барнаул, 1996. С. 194–210.

Тишкин А.А., Косинцев П.А., Некрасов А.Е., Грушин С.П. Находки костей птиц и рыб на поселении Березовая Лука // *Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований.* Барнаул, 2015. С. 272–276.

Тишкин А.А., Мерц И.В., Мерц В.К., Куц Г.А. Находки металлических изделия раннего бронзового века из Верхнего Прииртышья (Восточный Казахстан) // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края.* Вып. XXII. Барнаул, 2016. С. 163–170.

Тишкин А.А., Мерц И.В., Фролов Я.В. Изделие эпохи бронзы из Родинского районного музея (Алтайский край) // *Теория и практика археологических исследований.* 2016. №2 (14). С. 123–136.

Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч., Грушин С.П. Исследование кургана эпохи бронзы на памятнике Улаан худаг-II в долине р. Буянт (Западная Монголия) // *Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Т. II: Общественные науки.* Ховд; Томск, 2009. С. 79–84.

Тишкин А.А., Мунхбаяр Ч., Эрдэнэбаатар Д., Грушин С.П. Буянт голын ай сав дахь чемурчек булш (Ховд аймгийн нутаг дахь археологийн хайгуул, малтлага, судалгааны үр дүн) // *Эрдэм шинжилгээний бичиг.* Улаанбаатар, 2011. №4 (16). С. 118–156 (на монг. яз.).

Тишкин А.А., Семибратов В.П. Бронзовый наконечник копья из Новиково (Бийский район Алтайского края) // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края.* Вып. XVIII–XIX. Барнаул, 2013. С. 252–255.

Тишкин А.А., Фролов Я.В. Проушные металлические топоры Обь-Иртышского междуречья: тенденции изменений форм в конце эпохи бронзы и начале раннего железного века // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2016. №4 (42). С. 124–128.

Тишкин А.А., Фролов Я.В. Топоры эпохи бронзы с территории лесостепного Алтая // *Археология, этнография и антропология Евразии.* 2017. Т. 45, №2. С. 87–96.

Фролов Я.В., Тишкин А.А., Папин Д.В., Удодов В.С. Бронзовые серпы с крюком из Кулундинской степи: комплексная характеристика и рентгенофлуоресцентный анализ // *Теория и практика археологических исследований.* 2020. №3 (31). С. 172–180.

Тишкин А.А., Грушин С.П., Чжан Л. Перспективы изучения древних металлургических традиций в Центральной Азии // *Интеграция археологических и этнографических исследований.* Барнаул; Омск, 2015. С. 319–322.

Тишкин А.А., Чжан Л., Грушин С.П., Редников А.А., Шуй Т., Серегин Н.Н. Исследовательская программа междисциплинарного изучения поселения эпохи бронзы Советский Путь-1 // *Современные решения актуальных проблем евразийской археологии.* Барнаул, 2018. С. 131–138.

Dymova M.A., Zadorozhny A.V., Mishukova O.V., Khrapov E.A., Druzhkova A.S., Trifonov V.A., Kichigin I.G., Tishkin A.A., Grushin S.P., Filipenko M.L. Mitochondrial DNA Analysis of Ancient Sheep from Altai. *Animal Genetics.* 2017. Vol. 48. P. 1–4.

Hollard C., Zvenigorosky V., Kovalev A., Kiryushin Yu., Tishkin A., Lazaretov I., Crubézy E., Ludes B., Keyser C. New Genetic Evidence of Affinities and Discontinuities between Bronze Age Siberian Populations. *American Journal of Physical Anthropology.* 2018. №167. P. 97–107.

Kilinc G.M., Kashuba N., Yaka R., Sumer A.P., Yuncu E., Shergin D. et al. Investigating Holocene Human Population History in North Asia with Ancient Mitogenomes. *Scientific Reports.* 2018. 8:8969.

Ma R., Zhang L., Cui J., Tishkin A.A., Grushin S.P., Vertman E.G., Chang D. & Hu D. Late Bronze Age Metallurgy in Mining Altai. *Archaeological and Anthropological Sciences.* 2022. Vol. 14. 146 p.

Matuzeviciute G.M., Kiryushin Yu.F., Rakhimzhanova S.Zh., Svyatko S., O'Connell T., Tishkin A.A. Climatic or Dietary Change? Stable Isotope Analysis of Neolithic–Bronze Age Populations from the Upper Ob and Tobol River Basins. *The Holocene.* 2016. P. 1711–1721.

Narasimhan V.M., Patterson N., Moorjani P. et al. The Formation of Human Populations in South and Central Asia. *Science* 365, eaat7487 (2019) 6 September 2019 dx.doi.org/10.1126/science.aat7487.

Tishkin A.A., Hermes T., Grushin S.P. Nizhnyaya Sooru Settlement in Central Altai: Some Outcomes of the Study and Prospects for Further Research. *Theory and Practice of Archaeological Research.* 2021;33(3):125–141. DOI: 10.14258/tpai(2021)33(3).-08

Информация об авторе / Information about the Author

Сергей Петрович Грушин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-5404-6632>, gsp142@mail.ru

Sergey P. Grushin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61; Doctor of History, Docent, <https://orcid.org/0000-0002-5404-6632>, gsp142@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья/ Article

УДК: 902.2(571.52)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.07

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ СТОЯНОК ЭПОХИ БРОНЗЫ — РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ТУВЫ

Нина Александровна Жогова¹, Варвара Сергеевна Бусова², Анатолий Владимирович Семенов²

¹Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия;

²Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург, Россия

Резюме. В статье рассматривается история исследований древних поселений эпохи бронзы — раннего железного века Тувы, которую можно условно разделить на три этапа. Начальный этап (кон. 1920-х — нач. 1960-х гг.) связан с деятельностью С.А. Теплоухова и Л.Р. Кызласова, обнаруживших первые дюнные стоянки в бассейне Верхнего Енисея и в Северной Туве. На втором этапе (сер. 1950-х — 1980-е гг.) начинают проводиться раскопки на отдельных памятниках в Тоджинском районе на берегу оз. Азас и р. Тоора-Хем (С.И. Вайнштейн, М.А. Дэвлет, С.В. Студзицкая, Вл.А. Семенов), в преддверии и в самом Саянском каньоне в зоне будущего затопления (Вл.А. Семенов). На современном, третьем этапе (начало 2000-х — настоящее время) прослеживается возросший интерес к изучению древних стоянок, осуществляются целенаправленные разведки и раскопки памятников в различных ландшафтных условиях и районах Республики Тыва.

Ключевые слова: стоянка, эпоха бронзы, ранний железный век, Тува, история исследований

Благодарности: полевая часть работ 2022 г. была выполнена при финансовой поддержке Русского Географического Общества.

Для цитирования: Жогова Н.А., Бусова В.С., Семенов А.В. История исследований и современный этап изучения стоянок эпохи бронзы — раннего железного века Тувы // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 35–40.

HISTORY OF STUDY AND THE PRESENT STAGE RESEARCH INTO THE BRONZE — EARLY IRON AGE SITES OF TUVA

Nina A. Zhogova¹, Varvara S. Busova², Anatoliy V. Semenov²

¹State Hermitage, Saint Petersburg, Russia;

²Institute of History of Material Culture, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. The article considers the historiographical aspect of the study of settlements of the Bronze Age and Early Iron Ages of Tuva which can be divided into three stages. The initial stage (late 1920s — early 1960s) is associated with the works by S.A. Teploukhov and L.R. Kyzlasov who discovered the first dune sites in the basin of the Upper Yenisei river and Northern Tuva. At the second stage (mid-1950s — 1980s) excavations began at separate sites in the Todzha region on the shores of the lake Azas and the river Toora-Khem (S.I. Vainshtein, M.A. Devlet, S.V. Studzitskaya, V.I.A. Semenov). V.I.A. Semenov started excavations around and inside of the Sayan Canyon which will become a flooding part of the Sayan-Shushenskoye Reservoir. At the present, third stage (early 2000s till present) there is an increased interest in the study of ancient sites, targeted explorations and excavation of sites in various landscape and regions of the Republic of Tuva.

Keywords: settlement archaeology, Bronze Age, Early Iron Age, Tuva, the history of research

Acknowledgments: this work was financially supported by the Russian Geographical Society in the field season of 2022.

For citation: Zhogova N.A., Busova V.S., Semenov A.V. History of Study and the Present Stage Research into the Bronze — Early Iron Age Sites of Tuva // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 35–40.

История исследований поселений на Верхнем Енисее насчитывает без малого 100 лет и делится на три последовательных этапа. В данной работе учитываются известные в научной литературе памятники от эпохи бронзы до раннего железного века включительно. Забегая вперед, необходимо отметить, что на отдельных стоянках встречаются материалы эпохи палеолита, неолита, мезолита, средневековые и более позднего времени. Изучению памятников каменного века Тувы посвящена работа С.Н. Астахова (2008). Стоянки эпохи неолита — палеометалла активно исследовались Вл.А. Семеновым (1992; 2018). В эпоху средневековья появляются уйгурские городища, составляющие отдельную главу в истории региона (Кызласов, 1969; Тулуш, 2011).

Изучение поселений на начальном этапе носило ознакомительный характер: фиксировались памятники и происходил сбор подъемного материала. Первые упоминания о стоянках известны по работам С.А. Теплоухова. Ученым были открыты три объекта в Северной и Центральной Туве.

Стоянка на р. Туран обнаружена в 1929 г. в верховьях одноименной реки, на его левом берегу (Северная Тува). С.А. Теплоухов осмотрел вскрытые оросительным каналом участки разрушенного культурного слоя, зафиксировал две очажные ямы и собрал коллекцию фрагментов глиняных сосудов. Л.Р. Кызласов на основании анализа керамики отнес стоянку к неолиту (Кызласов, 1979, с. 18–19, рис. 10.-3). По мнению же Вл.А. Семенова (2018, с. 13), она может быть датирована энеолитом или эпохой бронзы.

Второй памятник открыт С.А. Теплоуховым в 1926 г. к юго-востоку от г. Кызыл на р. Ангачи (совр. Онгача). На песчаных выдувах надпойменной террасы была осмотрена неолитическая (?) «мастерская», найдены каменный инвентарь, фрагменты скифской и средневековой керамики и «часть железного серповидного ножа» (Кызласов, 1979, с. 9–11). В 1959 г. в этих местах побывал Л.Р. Кызласов, обследовав три большие дюны — Ангачи-I, II и III (8 пунктов). На поверхности зафиксированы остатки жилищ, каменный инвентарь, фрагменты керамических сосудов, единичные индивидуальные находки. Исследователь разделил стоянки по времени на верхнепалеолитические, мезолитические и неолитические, отметив, что «позднее на берегах речки жили уюкцы» (Кызласов, 1979, с. 14).

Следы третьей стоянки С.А. Теплоухов обнаружил в низовьях р. Баянкольчика близ г. Шагонар на песчаных выдувах, где провел сборы каменного инвентаря (Кызласов, 1979, с. 11). В 1960 г. здесь работала экспедиция Московского государственного университета. В десяти пунктах найдена коллекция разновременной керамики, каменного инвентаря, железных изделий. Материалы эпохи бронзы встречены в пункте №1, скифского времени — в пунктах №6 и 7, а также обнаружены находки эпохи мезолита (пункты №3 и 4), гуннские (№5), шурмакские (№10) и средневековые могилы (№8) (Кызласов, 1979, с. 17).

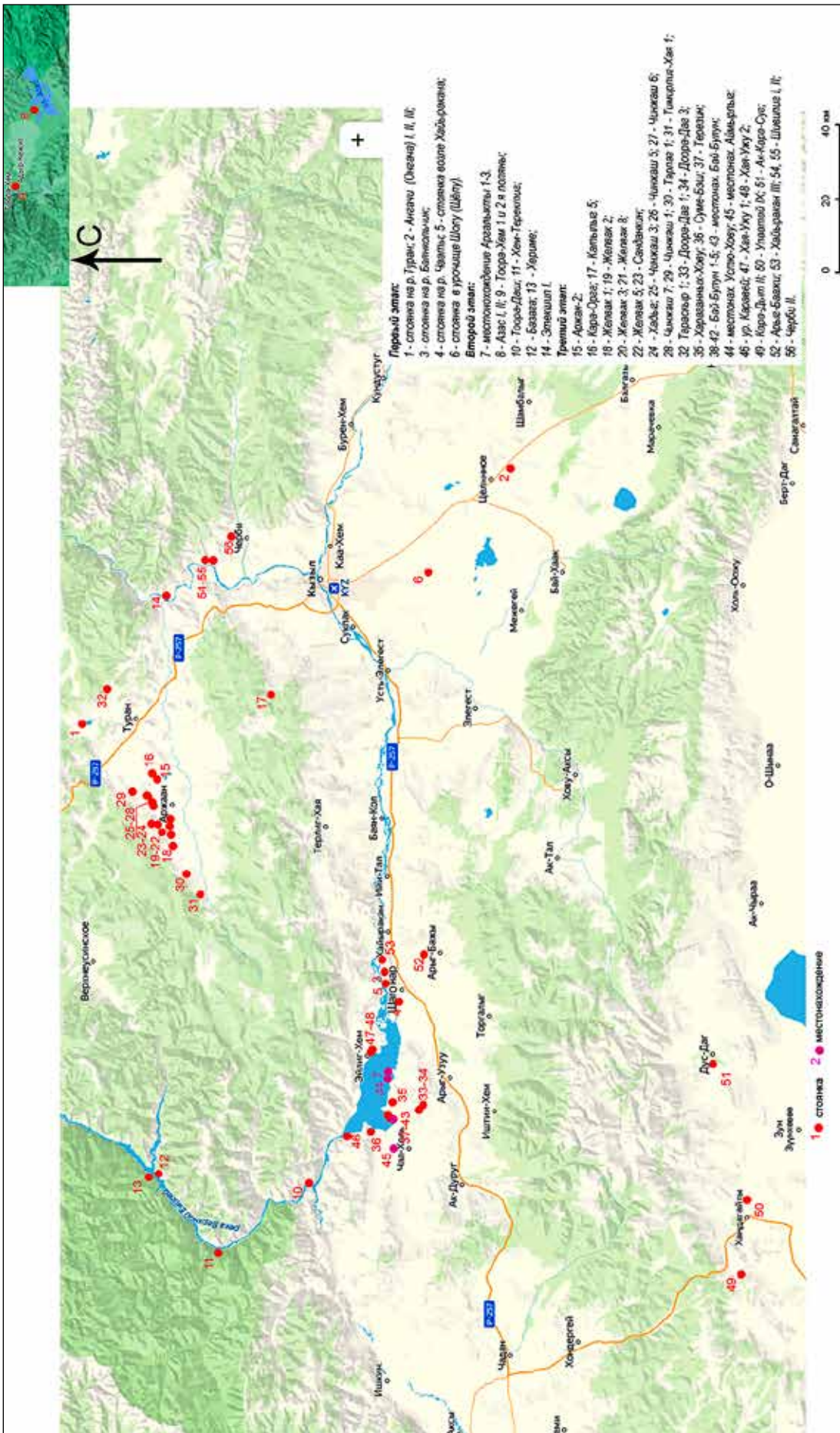
Кроме этого, в 1959–1960-х гг. экспедицией МГУ открыт еще ряд стоянок в бассейне Верхнего Енисея (р. Улуг-Хем). Так, на правой надпойменной террасе р. Чааты, левого притока р. Енисей, располагаются участки с барханами и котловинами между ними. На песчаных выдувах в 11 пунктах собран разновременный подъемный материал. Находки эпохи бронзы зафиксированы в пунктах №2 и 9, раннего железного века — в пунктах №3–7 (Кызласов, 1979, с. 14–16).

В 10 км к востоку от г. Шагонар, на левом берегу р. Улуг-Хем, с северной стороны горы Хайыракан на песчаных барханах исследованы шесть пунктов. Здесь удалось собрать коллекцию разновременной керамики, шлаков, металлических изделий, а также в пункте №2 зафиксировать остатки деревянного жилища. Находки, относящиеся к раннему железному веку, встречены в пунктах №1–5, в пункте №6 зафиксирован материал неолитического времени (Кызласов, 1979, с. 16–17).

В 1962 г. экспедицией МГУ осмотрены песчаные выдувы в урочище Шолу (Щелу), в 25 км к югу от г. Кызыл. На поверхности дюн в пяти пунктах собран подъемный материал, который датирован эпохой бронзы — ранним средневековьем (Кызласов, 1979, с. 18).

На втором этапе начинаются раскопки стоянок с целью их планомерного изучения, а также продолжают фиксироваться отдельные стоянки и местонахождения. Сначала внимание исследователей привлекла группа памятников в труднодоступном Тоджинском районе. В 1955 г. экспедицией Тувинского НИИЯЛИ на р. Тонмак открыта Тоджинская стоянка, известная также под названиями Тонмак, Азас-I и II. В этом же году С.И. Вайнштейн провел первые раскопки, обнаружив слои позднего неолита — эпохи бронзы (Вайнштейн, 1956, с. 37; Семенов, 2018, с. 229; 2021, с. 52). Работы в Тодже продолжила экспедиция Института археологии АН СССР совместно с Тувинским республиканским краеведческим музеем. Были зафиксированы еще три стоянки: Азас-II, Тоора-Хем «Первая поляна» и «Вторая поляна». На Тоора-Хеме раскопки велись с 1968 по 1975 гг., на Азасе-I и II — в 1970–1972 гг. (Дэвлет, 1973а, с. 211–212; 1973б, с. 104; Дэвлет, Студзицкая, 1971, с. 188–187). В 1989–1990 гг. на этих памятниках работал Вл.А. Семенов (2018, с. 290–304). В культурных отложениях стоянок обнаружен разновременный материал, относящийся в основном к окуневской культуре, а также к позднему неолиту и раннему железному веку (Семенов, 2018, с. 290–304; 2021, с. 52; Дэвлет, Ельцов, 1970, с. 194).

Со 2-й половины 1960-х гг. и до середины 1980-х годов проходили масштабные работы в зоне будущего затопления Саяно-Тувинской экспедицией ЛОИА АН СССР (Длужневская, Савинов, 2007). С 1965 по 1969 г. 5-м отрядом СТЭАН под руководством Ю.И. Трифонова велись исследования могильного поля Аргалыкты, расположенного на левом берегу Енисея. Кроме работ на курганах отря-

Карта местонахождения стоянок эпохи бронзы и раннего железного века на территории Тувы и в Саянском каньоне Енисея
 Map of sites of the Bronze and the Early Iron Ages in Tuva and in the Sayan Canyon of the Yenisei

дом зафиксированы три местонахождения, содержащие поселенческий материал от эпохи неолита до раннего средневековья (Трифонов, 1966, л. 3–5). На одном были заложены две траншеи, но выявить культурный слой не удалось.

Весомый вклад в изучение древних стоянок Тувы внес Вл.А. Семенов, работавший в рамках СТЭАН ЛОИА АН СССР в зоне затопления. С 1978 по 1985 г. он изучал многослойную стоянку Тоора-Даш, расположенную в преддверии Саянского каньона на правом берегу Енисея, в 5 км ниже устья р. Хемчик. В процессе раскопок выделено 13 культурных слоев, охватывающих периоды от неолита до XV–XVI вв. (Семенов, 1992; 2018). На данный момент стоянка является эталонным памятником для территории Верхнего Енисея.

В Саянском каньоне, но уже на территории Красноярского края, исследована группа многослойных памятников Хадынских-I, II, Ханнхское займище, Хем-Теректиг, Базага, Малые Уры, Сосновка-Джойская, Сосновка-Голованская, Усть-Кантегир (Длужневская, Савинов, 2007, с. 94; Семенов, 1992, с. 51–68; 2018, с. 229–290). Кроме этого, в 1985 г. открыта развешная дюнная стоянка Этекшил-I на левом берегу р. Бий-Хем, напротив устья р. Уюк. Подъемный материал представлен уникальными гравированными гальками и фрагментами керамики культуры окуневского типа, встречались также фрагменты глиняных сосудов, датируемые ранним железным веком (Семенов, 2018, с. 305–308).

После работ Вл.А. Семенова планомерных раскопок и поисков стоянок в Туве не проводилось вплоть до начала XXI в. Возникновение третьего, современного этапа связано с возобновлением интереса к проблематике поселенческих памятников. Кроме того, появляются новые объекты, обнаруженные в ходе спасательных археологических работ либо случайно. Так, в 2004 г. под курганом Аржан-2 зафиксированы остатки культурного слоя эпохи бронзы. Коллекция находок представлена единичными костяными и каменными изделиями, фрагментами орнаментированных керамических сосудов, характерных для культуры окуневского типа Тувы (Чугунов, Наглер, Парцингер, 2006, с. 303–306).

Примерно в 2 км к северо-востоку от погребально-поминального комплекса Аржан-2 в результате новостроечных работ открыта стоянка Кара-Орга. Раскопки здесь проводились в 2011 г. Тувинской археологической экспедицией ИИМК РАН. Памятник двухслойный (неолит — эпоха бронзы) и интерпретируется как стоянка — мастерская эпохи неолита. В материалах представлены в основном продукты расщепления камня, а также найдены две плиты с личинами окуневского типа (Семенов, 2011, с. 129).

В ходе спасательных работ найдено городище кокельской культуры Катылыг-5. Исследование его проводилось в 2014–2015 гг. отрядом Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН под руководством Т.Р. Садыкова. По мнению автора раскопок, памятник являлся производственным центром. Здесь зафиксированы следы железоделательного, косторезного производств, вероятно, производства шерсти, выделки кожи, а также земледелия и собирательства (Садыков, 2017).

Параллельно с новостроечными изысканиями начали проводиться исследования стоянок в предгорной зоне на территории Пий-Хемского района Тувы. Поиски памятников велись по методике, разработанной для горностепных ландшафтов Горного Алтая.

Первое поселение Желвак-1 открыл в 2011 г. П.И. Шульга (2015, с. 10) в результате однодневной разведки. А в 2013, 2014, 2019 и 2022 гг. отрядом Южно-Сибирской экспедиции Государственного Эрмитажа осуществлена серия разведок в Турано-Уюкской котловине с целью выявления стоянок скифского времени. В результате были обнаружены еще 13 поселений, расположенных в логах на южных и юго-восточных склонах гор: Желвак-2, 3, 5, 8, Санданкин, Хадыг, Тарлаг-1, Тимирлиг-Хая-1, Чинжаш-1, 3, 5–7 (Жогова, 2014; 2020; Чугунов, Жогова, Панкова, 2021). Материал, собранный на поверхности и в шурфах, свидетельствует о одновременности объектов. Здесь найдены в основном фрагменты керамических сосудов раннего железного века, на отдельных — эпохи бронзы (культуры окуневского типа). Также в 2022 г. осмотрена стоянка Тараскыр-1 на берегу одноименной реки, открытая в 2010 г. Н.Ю. Смирновым.

Перспективной для исследований оказалась многослойная стоянка Желвак 5. В одновременных слоях (от эпохи бронзы и предположительно до начала XX в.) зафиксированы изделия из камня, кости, рога, металла и многочисленные фрагменты керамических сосудов, кости животных, каменные ограды округлой и прямоугольной форм. Кроме этого, на поселении исследовано грунтовое погребение кокельской культуры.

В 2018 г. проведена разведка ТАЭ ИИМК РАН в Чаа-Хольском районе Тувы, в зоне затопления Саяно-Шушенского водохранилища. В предгорной зоне выявлены четыре стоянки: Доора-Даг-1, 3, Суме-Бэш и Хараганных-Хову. Шесть объектов обнаружены на краю разрушаемой речной террасы

р. Чаа-Холь: Терезин, Бай-Булун-1–5, а также зафиксированы четыре местонахождения в урочищах Устю-Хову, Бай-Булун, Аймырлыг. Подъемный материал на объектах разновременный (энеолит — ранний железный век) (Килуновская и др., 2020, с. 488–493).

В 2020 г. начаты исследования на стоянке Бай-Булун-5 экспедицией ТАЭ ИИМК РАН под руководством А.В. Семенова. Раскопки носят спасательный характер, поскольку памятник расположен на террасе, которая ежегодно подвергается разрушению под воздействием воды Саяно-Шушенского водохранилища. Особенностью данного объекта является и то, что культурный слой находится под толщей наносного песка. В течение двух полевых сезонов 2020, 2022 гг. были вскрыты ямы, назначение которых на данный момент не определено. Обнаружены фрагменты керамических сосудов, единичные каменные и металлические изделия периода поздней бронзы и скифского времени (Семенов, 2021, с. 84–95).

Кроме этого, А.В. Семеновым в 2022 г. проводилась зачистка песчаных барханов на стоянках эпохи энеолита — бронзы Хая-Ужу-1 и 2, расположенных вблизи устья р. Эйлиг-Хем. В этом же году в урочище Каравей на левом берегу Енисея в самом начале Саянского каньона осмотрена разрушаемая водой речная терраса, на поверхности которой найден разновременный материал, датированный широким хронологическим периодом от мезолита до средневековья.

В 2020 г. совместными работами Тувинского научного центра и ТАЭ ИИМК РАН в долине рр. Тапса и Черби выявлена стоянка скифского времени (Прудников, Семенов, 2021, с. 201–202).

С 2019 г. отдельным отрядом Тувинской археологической экспедиции под руководством В.С. Бусовой проводятся разведки на территории Овюрского района Тувы. В ходе исследований обнаружена однослойная стоянка Кара-Дыт-II на правом берегу одноименной реки (Бусова, Килуновская, 2020). Ее культурно-хронологическая привязка остается дискуссионной (встречены фрагменты керамического сосуда эпохи бронзы и обломки железных изделий, раннесредневековая керамика) из-за сильной перетолженности культурного слоя, испытывающего на себе постоянное воздействие реки.

В ходе разведок в разных районах Тувы В.С. Бусовой в 2022 г. обнаружены стоянки и местонахождения периода мезолита — раннего средневековья по берегам рек и в предгорной зоне: Ак-Кара-Сут, Улаатай-IX, Шивилиг-I, II, Арыг-Бажи, Хайыракан-III. А также осмотрены стоянки эпохи мезолита Ангачи-I, II (Онгача), открытые С.А. Теплоуховым в 1926 г., и Черби-II, открытые Т.Н. Прудниковой и А.В. Семеновым в 2020 г.

Таким образом, за почти столетнюю историю пройден путь от собирания находок и фиксации первых памятников до планомерных раскопок. К настоящему моменту известно более 50 поселений и местонахождений эпохи бронзы — раннего железного века (рис.). Количество стоянок в разных районах Тувы отличается, что обусловлено различной активностью исследований. Так, например, больше всего объектов найдено в бассейне Верхнего Енисея и Турано-Уюкской котловине, единичные памятники зафиксированы в южных районах.

Практически все они остаются не изученными. Многие местонахождения размыты водохранилищем, дюнные стоянки развеяны, а в Южной Туве культурный слой практически не сохраняется из-за эрозии почв. Напротив, в Северной Туве, в предгорной зоне на отдельных памятниках мощность слоев достигает 1–1,5 м.

По характеру подъемного материала и находок из разведывательных шурфов можно судить о продолжительном использовании стоянок во всех районах.

Наиболее исследованной остается многослойная стоянка Тоора-Даш, а также группа памятников в Тоджинском районе и Саянском каньоне (Семенов, 2018). В последнее десятилетие ведутся активные поиски и изучение отдельных объектов на севере и юге Тувы (Желвак-5 и Кара-Дыт-II). Проводятся спасательные работы в зоне затопления Саяно-Шушенского водохранилища на стоянках Бай-Булун-5 и Хая-Ужу-1, 2. Материалы раскопок дают новые данные, которые еще предстоит осмыслить и ввести научный оборот.

Список источников

- Астахов С.Н. Палеолитические памятники Тувы. СПб., 2008. 180 с.: ил.
Бусова В.С., Килуновская М.Е. Археологические памятники Овюра: история изучения, современное состояние и перспективы исследований // Археологические вести. №26. СПб., 2020. С. 188–201.
Вайнштейн С.И. Археологические исследования в Туве в 1955 г. // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ). Вып. IV. Кызыл, 1956. С. 33–40.
Длужневская Г.В., Савинов Д.Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб., 2007. 197 с.: ил.
Дэвлет М.А. Работы Тоджинской экспедиции // Археологические открытия за 1972 г. М., 1973а. С. 211–212.

- Дэвлет М.А. Стоянка Тоора-Хем «Вторая поляна» в северо-восточной Туве // КСИА. Вып. 137. М., 1973б. С. 104–106.
- Дэвлет М.А., Ельцов А.В. Работы в Тоджинском районе Тувинской АССР // Археологические открытия 1969. М., 1970. С. 193–194.
- Дэвлет М.А., Студзицкая С.В. Работы в Тодже // Археологические открытия за 1970 г. М., 1971. С. 188–189.
- Жогова Н.А. Первые результаты поисков стоянок раннего железного века на севере Тувы // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. Казань, 2014. С. 202–204.
- Жогова Н.А. Работы отдельного отряда Южно-Сибирской экспедиции ГЭ на многослойной стоянке Желвак 5 в Пий-Хемском районе // Археологические открытия. 2018 год. М., 2020. С. 486–487.
- Килуновская М.Е., Бусова В.С., Жогова Н.А., Лазаревская Н.А., Леус П.М., Семенов А.В., Семенов Вл.А. Исследования Тувинской археологической экспедиции в 2018 г. // Археологические открытия. 2018 год. М., 2020. С. 488–493.
- Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 212 с.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. 208 с.: ил.
- Прудникова Т.Н., Семенов А.В. Древнее земледелие в верховье Енисея. Долины р. Черби и Тапса // Бюллетень Института истории материальной культуры Российской академии наук (охранная археология). №11. СПб., 2021. С. 199–202.
- Садыков Т.Р. Следы бытовых и хозяйственных практик на городище Катлыг 5 в Центральной Туве // Известия Лаборатории древних технологий. Т. 13, №3. Иркутск, 2017. С. 19–29.
- Семенов А.В. Карасукский след в долине Чаа-Холя: случайные находки и исследование стоянки в урочище Терезин (Чаа-Хольский район, Республика Тыва) // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая. СПб., 2021. С. 84–95.
- Семенов В.А. Неолит и бронзовый век Тувы. СПб., 1992. 152 с.: ил.
- Семенов Вл.А. Плита с окуневской личиной со стоянки Кара-Орга в Туве // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Кемерово, 2011. С. 129–130.
- Семенов В.А. Тоора-Даш. Многослойная стоянка на Енисее в Туве. СПб., 2018. 340 с.: ил.
- Семенов Вл.А. Стоянки Тоджинская и Усть-Собакинская (Тува — Красноярский край) // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до эпохи сложения государственных образований. СПб., 2021. С. 52–54.
- Трифонов Ю.И. Отчет начальника V отряда Саяно-Тувинской экспедиции о работе отряда на левом берегу р. Улуг-Хема (Енисей) в районе гг. Шагонара, Чаа-Холя и пос. Кара-Тал в 1966 г. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1966. Д. 25. 62 л.
- Тулуш Д.К. Средневековые городища-крепости Тувы // Вестник КемГУ. 2011. №2 (46). С. 39–44.
- Чугунов К.В., Жогова Н.А., Панкова С.В. Исследования Южно-Сибирской экспедиции Государственного Эрмитажа в Туве и Хакасии // Археологические открытия. 2019 год. М., 2021. С. 441–445.
- Чугунов К.В., Наглер А., Парцингер Г. Аржан-2: материалы эпохи бронзы // Окуневский сборник №2. СПб., 2006. С. 303–311.
- Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск, 2015. 332 с.: ил.

Информация об авторах / Information about the Authors

Варвара Сергеевна Бусова, Институт истории материальной культуры РАН, отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, младший научный сотрудник; 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, Литер А, <https://orcid.org/0000-0001-8964-3480>, kulturnijkarman@gmail.com

Varvara S. Busova, Institute for the History of Material Culture of the RAS, Department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus, Junior Researcher; 191186, Russian, Saint Petersburg, Palace Emb. 18A, <https://orcid.org/0000-0001-8964-3480>, kulturnijkarman@gmail.com

Нина Александровна Жогова, Государственный Эрмитаж, отдел археологии Восточной Европы и Сибири, младший научный сотрудник; 190000, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34, <https://orcid.org/0000-0002-4491-7756>, nina.zhogova@inbox.ru

Nina A. Zhogova, State Hermitage, Department of Eastern Europe and Siberia, Junior Researcher; 190000, Russia, Saint Petersburg, Palace Emb. 34, <https://orcid.org/0000-0002-4491-7756>, nina.zhogova@inbox.ru

Анатолий Владимирович Семенов, Институт истории материальной культуры РАН, отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, младший научный сотрудник; 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18, Литер А, <https://orcid.org/0000-0002-6655-1783>, blaze85@inbox.ru

Anatoliy V. Semenov, Institute for the History of Material Culture of the RAS, department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus, Junior Researcher; 191186, Russian, Saint Petersburg, Palace Emb. 18A, <https://orcid.org/0000-0002-6655-1783>, blaze85@inbox.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902.01

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.08

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ, УГЛУБЛЕННЫХ В ОДНОРОДНЫЕ ПЕСЧАНЫЕ ГРУНТЫ

Павел Владимирович Мандрыка

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

Резюме. Приводится авторская методика выявления в однородных аллювиальных и эоловых песчаных почвах углубленных объектов, оставленных на поселениях и могильниках в лесной зоне долины рек Ангары и Енисея. Рассматриваются приемы сбора доказательств наличия в углубленных объектах конструктивных деталей: ямок, углов, «полок», столбов, жердей, очага, входа и т.п. Для этого используются данные планиграфии и микростратиграфии, наблюдения за микроструктурой, сопоставления и сравнения смежных участков, аппликация предметов из частей. Приводятся условия фиксации наблюдений через фото- и видеосъемку с равномерной освещенностью. Разбор таких объектов проводится археологическими инструментами — лопатами, совочками, ножами, мастихинами, иглами, кистями, воздушными грушами с просевкой грунта.

Ключевые слова: южная тайга, археология, методика, жилища, погребения, комплекс

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного коллектива лаборатории археологии Енисейской Сибири Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Для цитирования: Мандрыка П.В. Методика изучения археологических объектов, углубленных в однородные песчаные грунты // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С 41–44.

METHODOLOGY FOR STUDYING ARCHAEOLOGICAL OBJECTS, DEEPENED INTO HOMOGENEOUS SANDY SOILS

Pavel V. Mandryka

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Abstract. The article presents the author's method of detecting deep objects left on settlements and burial grounds in the forest zone of the Angara and Yenisei river valleys in homogeneous alluvial and Aeolian sandy soils. The methods of collecting evidence of the presence of structural details in deep objects are considered: pits, corners, "shelves", pillars, poles, hearth, entrance, etc. For this purpose, data from planography and microstratigraphy, observations of microstructure, comparison and comparison of adjacent areas, application of objects from parts are used. The conditions for recording observations through photo and video shooting with uniform illumination are given. The analysis of such objects is carried out with archaeological tools — shovels, shovels, knives, palette knives, needles, brushes, air pears with soil sifting.

Keywords: southern taiga, archaeology, methodology, dwellings, burials, complex

Acknowledgements: the work was carried out with the support of the scientific team of the Laboratory of Archaeology of the Yenisei Siberia Humanitarian Institute.

For citation: Mandryka P.V. Methodology for Studying Archaeological Objects Deepened into Homogeneous Sandy Soils // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 41–44.

Постановка проблемы. Реконструкция облика различных археологических объектов, связанных с хозяйственной деятельностью и погребальной практикой древних людей, — одна из актуальных тем современной археологии. Возможность подобной реконструкции во многом определяется приемами полевого археологического изучения этих объектов. Если для памятников, где культурные остатки приурочены к погребенным почвам или геологическим горизонтам разного состава, такая методика применяется давно (Авдусин, 1972; Методика полевых археологических исследований, 1983; Методика археологических исследований..., 2005; Полевая археология древнекаменного века, 1990а; Полевая археология мезолита..., 1990б; Бунин, 2016; и др.), то для объектов, заключенных в однородные песчаные грунты, эта задача требовала специальной разработки и апробации.

Материалы. Разработка и апробация методики проводилась автором многолетними работами на археологических памятниках в центральной части Евразии, в долине рек Енисея и Ангары, где изучавшиеся комплексы были приурочены к песчаным аллювиальным и эоловым почвам, которые плохо сохраняют очертания углубленных в древности объектов. Кроме этого, учитывалось, что на памятни-

ках в лесной зоне с момента возникновения на них культурного слоя до современности периодически произрастали деревья, которые неоднократно сгорали от лесных пожаров. От этого в погребенных почвах и культурном слое иногда сохраняются древесные угли, не связанные с деятельностью человека: от сгоревших стволов деревьев, лесной подстилки или корней. На изменение структуры погребенных почв оказывали влияние и вывороты, которые случались на территории памятников в разное время и приводили к смешению, нарушению культурного слоя. Все эти естественные процессы накладывали отпечаток на условия формирования и сохранения культуросодержащего слоя. Эти обстоятельства следует учитывать при изучении любого углубленного объекта — жилища, хозяйственной постройки, могилы и др.

Углубленный объект условно считался «закрытым» комплексом, и его обследование в ходе полевых работ включало изучение перекрытия, заполнения, дна, стенок. Каждое действие при разборе документировалось описанием, зарисовкой, фото- и видеосъемкой сохранившихся конструктивных элементов: ямок, углов, «полок», столбов, жердей, очага, входа и т.п. Неменьшее внимание уделялось изучению и древней поверхности, с которой впускались объекты. Здесь учитывались природные факторы, связанные с различными условиями формирования геологического слоя. Для этого к исследованиям подключались узкие специалисты — почвоведы, палеогеографы, геологи и др. (Mandryka et al., 2011). Данные планиграфии и микростратиграфии, наблюдения за микроструктурой позволяли в ряде случаев выделить признаки нарушения слоя однородного песчаного состава и, следовательно, вычленивать находки, залегающие *in situ*, от инородных, более молодых или, наоборот, более древних, но попавших на уровень слоя.

Основным критерием нарушения песчаного слоя выступало его отличие от окружающей почвы, смешанность, неоднородность. Ненарушенный песчаный грунт сохраняет цвет и естественные микровключения почвообразовательных процессов — ходы корней (в виде жилок, линз, округлых пятен), заполненные вышележащей супесью, супесчаные или песчаные жилки от проникающих поверхностных вод и т.д. На участках, где песчаный грунт имел нарушения в древности, он не сохраняет структуру естественного почвообразовательного процесса или ее характер выглядит несколько иным. Постоянное сопоставление различных соседних зачищенных участков между собой позволяло выявить нарушения, связанные с деятельностью людей, например, при сооружении углубленного объекта. В некоторых случаях такие наблюдения помогали выявить и участки памятника, где культурный слой был нарушен ходами роющих животных, корнями деревьев или выворотами. В качестве контроля над границами выделяемых углублений или естественных нарушений использовался разрез через «подстилающий грунт», который, как правило, имел совершенно иную структуру.

Если культуровмещающий песчаный слой однородного состава имел значительную мощность (более 15 см), то при раскопках он разбирался горизонтами (уровнями) по 5 см. Находки из каждого горизонта фиксировались отдельно. Это позволяло определять очертания углубленного объекта, его изменения в стратиграфии и планиграфии и, следовательно, фиксировать детали. Разбор таких горизонтов проводился совочками или ножами вертикальными срезами толщиной не более 1 см с обязательной последующей горизонтальной зачисткой. Фиксация на месте всех без исключения артефактов, включая отдельные угольки или фрагменты обгоревших деревянных плах, и нанесение их на план позволяли выявить отдельные элементы конструкции объектов. Горизонтальная зачистка выполнялась совковой лопатой с овальной кромкой лезвия (или другим инструментом с широким гладким лезвием, не оставляющим борозд). Это позволяло достаточно быстро и качественно получать свежий влажный срез почвы на относительно большой площади, на которой следы каких-либо изменений плотности и состава грунта читаются лучше. Такая работа проводилась при равномерной, но неяркой освещенности площади раскопа, например, в пасмурную погоду, когда солнце закрыто облаками. Равномерная освещенность позволяла видеть любые, даже незначительные изменения цвета почв, фотодокументировать эти наблюдения. Расчистка выявляемых твердых археологических предметов, а также фрагментов обожженного дерева проводилась мягкими сухими кисточками с фланцем длиной от 1 до 5 см. В особых случаях использовались острые металлические инструменты (нож, мастихин, игла) и воздушная груша (спринцовка). Разобранный и просмотренный грунт из углубленных объектов дополнительно просеивался (или промывался) через металлические сита. В последнее время стала применяться практика просеивания отработанного грунта и с других участков поселений, что позволило сократить утрату мелких предметов.

Все встретившиеся объекты и их детали — остатки костров, фрагменты солевых деревянных перекрытий строений, пятна прокаленной почвы, скопления костей, хозяйственные ямы, жилищные

углубления, ямки от столбиков, скопления камней и выкладки из них, развалы сосудов, остатки обгоревшего дерева или скопления древесного угля — исследовались и фиксировались особенно. Заполнение больших по размерам углубленных объектов выбиралось только ножами или совками по участкам (квадратам 1×1 м) с фиксацией разрезов. Выборка больших ям или котлованов жилищ начиналась с середины и завершалась к краям. Это позволяло выявить и изучить дно и стенки углубленного объекта. В жилищах ориентиром уровня пола выступали очаги, которые легко определимы даже при однородном характере песчаных почв, заполняющих и подстилающих котлован. В аналогичной геологической ситуации ямы от столбиков практически не улавливаются, если в них не сохранились остатки сгоревшего дерева или угля. По направлению волокон в крупных фрагментах обожженной древесины, расчищенных в ямах, определялся наклон столбов, что было важно при дальнейшей реконструкции объекта. Особая тщательность раскопок отмечалась при наложении нескольких объектов одного на другой. Кроме известных способов фиксации таких наложений (по микростратиграфии, изменению формы или заполнения) использовался и планиграфический метод, в частности сопоставление находок, фиксируемых на дне ям, котлованов.

В лесной зоне котлованы древних углубленных жилищ, которые не перерывались земляной насыпкой, заплывают медленно, поэтому сейчас хорошо читаются на поверхности. Их археологическое изучение начиналось во время расчистки площади памятника от валежника и травы, т.е. до начала земляных работ. Снятие нивелировочного плана дневной поверхности и вычерчивание микрорельефа с сечением горизонталей через 10 см позволяло иногда представить форму и глубину этого объекта, определить характер и направление выброса земли из ямы. Во время раскопок при приближении к культурному слою поселения начинают встречаться редкие отдельные небольшие предметы. На этом уровне проводилось наблюдение за характером почвы. Если на вскрываемом уровне отмечались включения пятен нижележащих почв, значит, на этом участке раскопа ожидалось расположение углубленного объекта. При разборе слоя возле таких объектов фиксируется залегание крупных предметов, их скоплений (камней, черепков, костей) и следов обожженного дерева, их взаимное расположение, выявление уровня древней поверхности, наклона и перекрытия. Не менее важен учет ориентировки углистых пятен и обожженных плах дерева по отношению к прослеженным скоплениям и характеру почвы между ними. Здесь могли отмечаться очажные пятна, участки с окрашенной почвой, линзами погребенной почвы. Границы этих включений вместе с границами скоплений значительно помогали определить конструктивные детали углубленного объекта или другого сооружения. Характер края скоплений материала, угол наклона плоских или длинных предметов помогали определить границы объекта, наклон его земляных стенок и, следовательно, установить форму и размеры. Фиксация таких признаков позволила нам обнаружить и изучить остатки углубленных в однородные песчаные почвы жилища и могилы на селищах Шилка-Х, XII, XIII, городище Шилка-II и комплексе Усть-Шилка-II (Мандрыка, 2003б; Комарова, Мандрыка, 2018; Денисова, Мандрыка, 2021; и др.). В ряде случаев во время раскопок наблюдались развалы керамических горшков, фрагменты которых стояли вертикально вдоль стен котлованов жилищ или размещались на земляных полках, в пристенке или на полу жилищ (Мандрыка, 2003а). Важно, что эти черепки склеивались в одну форму. Аналогичная картина была прослежена и по другим уплощенным и продолговатым предметам или их фрагментам, например костям животных, скребкам на каменных плитках, продолговатым галькам.

Заключение. При изучении углубленных объектов на поселениях важным является определение той группы артефактов, которая была связана с этим объектом. Удачными случаями вычленения такого комплекса выступают следы поспешного оставления жилища во время пожара, как фиксировалось нами, например, на городищах шилкинской культуры Усть-Шилка-II и Шилка-II. Закрытым комплексом условно можно считать и жилища, покинутые в спокойной обстановке, но при этом артефакты должны были быть погребены в пределах внутреннего его пространства, на полу или земляных полках под кровлей. Именно поэтому при исследовании углубленных в однородные песчаные грунты жилищных объектов важным являлось определение уровня его дна, если он не выделялся углистой прослойкой или уплотнением почвы. Кроме уровня размещения открытого очага, в этом случае уровень пола определялся по нижней поверхности крупных и тяжелых предметов. В нашем случае это были каменные орудия (грузила, молотки, точильные камни и др.), манупорты или крупные фрагменты (блоки) керамики. Учитывался и уровень залегания скоплений, состоящих из мелких костей, черепков и других изделий, которые можно рассматривать как выброшенный мусор.

Таким образом, предметы, залегавшие на уровне пола в жилище, условно следует объединять в один закрытый комплекс. Находки же, происходящие не из заполнения котлована жилища или

из культурного слоя вне жилищ поселения, не всегда сопоставляются с предметами из жилища. Однако если части изделий или фрагменты сосудов, обнаруженные на полу жилищ и в других местах одного поселения, склеиваются друг с другом, то их также можно причислить к одному комплексу.

Апробация предложенной методики проводилась стационарными раскопками автора на многих памятниках не один полевой сезон, и это позволяло не только выявить и изучить характер их стратиграфии, планиграфии, но и провести контрольные наблюдения, сделать уточнения в процессе дальнейшего полевого изучения.

Список источников

- Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. Учебное пособие. М., 1972. 344 с.
Бунин Д.С. Археология. Методы археологического исследования. Классическая археология: учеб. пособие. Владимир, 2016. 96 с.
Денисова А.А., Мандрыка П.В. Виртуальная реконструкция городища Усть-Шилка-2 // Междисциплинарные археологические исследования древних культур Енисейской Сибири и сопредельных территорий. Красноярск, 2021. С. 16–24.
Комарова О.С., Мандрыка П.В. Реконструкция жилища нижнепорожинской культуры раннего железного века (по материалам селища Шилка-ХІІІ на Среднем Енисее // Древности Приенисейской Сибири. Вып. ІХ. Красноярск, 2018. С. 80–85.
Мандрыка П.В. Городище Шилка-2 — памятник железного века южной тайги Среднего Енисея // История и культура Приенисейской Сибири. Красноярск, 2003а. С. 32–52.
Мандрыка П.В. Реконструкция жилищ железного века южной тайги Среднего Енисея // Забайкалье в геополитике России. Улан-Удэ, 2003б. С. 79–81.
Методика полевых археологических исследований. М., 1983. 80 с.
Методика археологических исследований Западной Сибири. Омск, 2005. 320 с.
Полевая археология древнекаменного века // КСИА. Вып. 202. М., 1990. 120 с.
Полевая археология мезолита — неолита. Л., 1990б. 130 с.
Mandryka P.V., Grenaderova A.V., Titova Ju.A. and Lisyutina E.O. Phytolith Research of Shilka-12 and Zaostrovka-2 Archaeological Settlements on the Middle Yenisey // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2011. 8 (4). 1088–1099.

Информация об авторе / Information about the Author

Павел Владимирович Мандрыка, Сибирский федеральный университет, Лаборатория археологии Енисейской Сибири, заведующий лабораторией; 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79. Доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-8647-3823>, pmandryka@yandex.ru

Pavel V. Mandryka, Siberian Federal University, Laboratory of Archaeology of Yenisei Siberia, Head of the Laboratory; 660041, Russia, Krasnoyarsk, Free Ave., 79. Doctor of Historical Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-8647-3823>, pmandryka@yandex.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903'1(571.151)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.09

ГОРНЫЕ СТРУКТУРЫ АЛТАЯ И ПАЗЫРЫКСКАЯ КУЛЬТУРА

Леонид Сергеевич Марсаолов, Сергей Сергеевич Зяблицкий

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

Резюме. Поклонение Небу, Земле и Горам послужило в древности основой для возникновения жречества, шаманизма, тенгрианства, а также для других культов и верований. Результаты археологических исследований древних сакральных объектов на Алтае свидетельствуют о том, что истоки этих верований уходят в глубокую древность, прослеживаются с эпохи ранней бронзы, но особенно ярко проявились в пазырыкской культуре. У подножья трех значимых гор Алтая (Белуха, Сарлык, Куркуребажи) расположены большие курганы в Туэкте, Башадаре, Береле и Пазырыке. Археологические, географические и этнографические исследования древних культовых памятников у подножья и на склонах гор Алтая имеют большое значение для изучения объектов, связанных с сакральными представлениями о Небе и Горах.

Ключевые слова: Алтай, горы, структуры, сакральность, пазырыкская культура, Пазырык, Туэкта

Для цитирования: Марсадолов Л.С., Зяблицкий С.С. Горные структуры Алтая и пазырыкская культура // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 44–50.

ALTAI MOUNTAIN STRUCTURES AND THE PAZYRYK CULTURE

Leonid S. Marsadolov, Sergey S. Zyablitsky

The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

Abstract. The worship to Sky, Earth and Mountains served in ancient times as the basis for the emergence of priesthood, shamanism, tengrianism, as well as for other cults and beliefs. The results of archaeological research of ancient sacred objects in Altai indicate that the origins of these beliefs go back to ancient times, can be traced back to the Early Bronze Age, but were especially pronounced in the Pazyryk culture. At the foot of three significant Altai mountains (Belukha, Sarlyk, Kurkurebazhi) there are large mounds in Tuekta, Bashadar, Berel and Pazyryk. Archaeological, geographical and ethnographic studies of ancient cult monuments at the foot and on the slopes of the Altai mountains are of great importance for the study of objects associated with sacred representations of the Sky and Mountains.

Keywords: Altai, mountains, structures, sacredness, Pazyryk culture, Pazyryk, Tuekta

For citations: Marsadolov L.S., Zyablitsky S.S. Altai Mountain Structures and the Pazyryk Culture // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. С. 44–50.

Изучение археологических памятников разных исторических периодов в горных районах Алтая — одна из основных тем в научных исследованиях Алексея Алексеевича Тишкина на протяжении более 35 лет. Различные проблемы пазырыкской археологической культуры, в том числе хронологии, многостороннего анализа предметов и объектов этой культуры постоянно находятся в зоне научного изучения и интереса А.А. Тишкина (2007).

Введение. Горы всегда играли большую роль в жизни людей. Вершины гор привлекают человека своей близостью к небу, труднодоступностью и перспективной красотой окружающего ландшафта. Ледники являются природными хранилищами и резервуарами живительной воды. Горные склоны удобны для хозяйственной деятельности, проживания, культовых обрядов и отдыха людей. В географии принято, что административно-территориальное деление соседних территорий удобнее всего производить по существующим в природе значимым линиям и крупным объектам. Это линии водоразделов крупных рек, их притоков или горных хребтов. Для Российского Алтая такими естественными линиями являются водоразделы рек Катунь, Бии и Иртыш.

Древние астронаблюдения объединяли Небо, Землю и Горы. Именно Горы являются сакральными медиаторами, объединяющими Небо и Землю. На своих скальных плоскостях и камнях горы сохраняют для Вечности древние символические наскальные изображения. Детальное исследование древних святилищ Алтая свидетельствует о том, что наскальные традиции выбивания сакральных астрознаков, животных и символических образов также проходят через века и разные культуры. Иногда о них забывали, а затем вновь открывали наследие предков, потому что изображения запечатлены на доступных твердых скальных породах.

Горные вершины и западины, круговые панорамы — основа для фиксации значимых астроточек в окружающем ландшафте в дни равноденствий и солнцестояний во время постоянных и временных астронаблюдений. Древние астропункты для астрономических наблюдений на Алтае найдены как на горных склонах, так и в межгорных степных долинах: в Семисарте, Адыр-Кане, Бийке, Юстыде, Туру-Алты, на горе Очаровательной и на других объектах (Марсадолов, 2007).

Горы обладают собственной сакральностью, независимой от человека. Именно горы, особенно их вершины, объединяют четыре основные природные стихии: **Огонь** (вулканизм, солнечные лучи и радиация), **Воздух** (чистый, лечебный), **Воду** (ледники, ручьи и реки) и **Землю** (почва, осадочные породы, растительность). Если посмотреть на географическую карту Евразии, то видно, что Алтай расположен на стыке разных регионов, отличающихся особенностями строения земной коры: на северо-западе от Алтая — Западно-Сибирская **низменность**; на севере и северо-востоке — Средне-Сибирское **плоскогорье**; на западе — Казахский **мелкосопочник**; на юго-западе — **степи и полупустыни**; на юго-востоке — **горы** Монгольского Алтая; на востоке — Западно-Саянские **горы и долины** Тувы.

С обыденной точки зрения — внутри Алтая горы расположены бессистемно, но так ли это на самом деле? Самая высокая и сакральная гора Алтая, **Белуха**, имеет высоту ок. 4499 м и располагается

на юго-западе. На северо-востоке Алтая находится гора *Куркуребажи* — ок. 3100 м, а напротив нее, на наивысшей точке значимого Семинского перевала, — гора *Сарлык*, ок. 2507 м над уровнем моря. Если на карте соединить вершины этих трех гор, то получится «равнобедренный треугольник», с двумя сторонами ок. 190 км и основанием ок. 160 км (рис. 1.-1).

Не исключено, что эти три горы являются частью своеобразного «пространственно-временного механизма», уникальной природной «динамо-машиной». Стороннему наблюдателю горы предстают в виде крупных, хаотично расположенных объектов из камня, разрушаемых разными стихиями, но пытливый взгляд геолога, географа и просто непредвзятого наблюдателя начинает отмечать некий порядок. Если сравнить горы с живым организмом, то этот порядок можно охарактеризовать как созидательный и конструктивный. И чем дальше будем вглядываться в карту, тем явственнее будет вырисовываться этот Порядок: 1) русла рек Центрального и Северного Алтая пролагаются с юга на север, и такое расположение речных долин обусловлено направлением горных хребтов; 2) горные хребты Южного Алтая схожи с радиально расходящимися от Белухи «лучами»; 3) при движении от предгорий к центру Алтая высота горных вершин постоянно повышается от 700 до 3500 метров. Белуха не только самая высокая и красивая гора Алтая, но и наиболее сакральная. Сотни легенд, преданий, стихотворений сложены о ней. Рядом с этой горной системой находятся немногочисленные проходы-перевалы, ведущие в разные части Алтая, в районы горно-лесостепного скотоводства.

Горы и древние курганы. Каждая из этих трех гор алтайского «треугольника» — уникальна и своеобразна, а у их подножий в межгорных долинах в середине I тыс. до н.э. достигла своего наивысшего расцвета пазырыкская археологическая культура скифского времени, наиболее яркая среди всех древних культур Алтая, которая изучается несколькими поколениями ученых уже более 200 лет (Грязнов, 1950; Руденко, 1953; Марсадолов, 1996; Тишкин, 2007; и др.).

Следует отметить, что ранние пазырыкские памятники расположены с южных сторон от подножья трех значимых гор. На юго-западе от горы Сарлык находятся Туэктинские и Башадарские большие курганы, а на северо-западе — поздние по времени Шибинские курганы. На юго-западе от горы Белухи — Берельские, а на северо-западе — более поздние Катандинские курганы. К юго-западу от горы Куркуребажи расположены большие курганы в Пазырыке. Туэкта — центр Алтая, Берель — важный форпост пазырыкской культуры на юго-западе Алтая, пограничье с тасмолинской культурой Центрального Казахстана, а Пазырык — на северо-востоке, в регионе, пограничном с сильной тагарской культурой.

Наиболее ранние памятники пазырыкской культуры отмечены в Центральном Алтае, к юго-западу от горы Сарлык — большие курганы вождей в Туэкте и Башадаре, диаметром от 58 до 68 м (рис. 1.-2; Руденко, 1960, с. 30, 97; Марсадолов, 2000). В этом культурно-историческом районе сосредоточено наибольшее число разновременных больших и средних курганов пазырыкской культуры — Туэкта, Башадар, Талда, Шибе, Ело и др. На юго-западе от горы Белухи, в Берельской долине, сформировались группы из меньших по размерам (почти в два раза) элитных курганов. В Большом Берельском кургане, раскопанном В.В. Радловым в 1865 г. и доисследованном С.С. Сорокиным в 1959 г., диаметр насыпи составлял 20–30 м (Сорокин, 1969, с. 213), а кургана №11 — 33,5×22,8 м (Самашев, 2011, с. 52).

По данным дендрохронологии, полученным автором, 1-й Туэктинский курган на Алтае был сооружен на 50 лет позже кургана Аржан-2 в Туве и на 130 лет раньше 2-го и 1-го Пазырыкских курганов, а 5-й курган соответственно через 48–49 лет после Пазырыка-2 (Марсадолов, 1988а; 2000). Курган Аржан-2 комплексно датируется 2-й половиной VII в. до н.э. (Марсадолов, 2004; Евразия в скифскую эпоху..., 2005, с. 215) или, по дендрощкале Л.С. Марсадолова, ок. 623 г. до н.э., что на 40 лет ранее Туэкты-1. Абсолютные даты сооружения 1-го Туэктинского и 2-го Башадарского курганов автор относит к 580-м гг. до н.э., а 2-й и 1-й Пазырыкские курганы — к 450-м гг. до н.э. (Марсадолов, 2000).

Согласно археологическим аналогиям Берельские курганы в основном были сооружены во временной период между большими курганами Туэкта-1/Башадар-2 и Пазырыками (рис. 1.-2–5). Большие курганы в Туэкте и Башадаре археологи в основном датируют VI в. до н.э. (Руденко, 1960, с. 336; Марсадолов, 1988б; 2000; 2015) или V в. до н.э. Курган №11 в Берели по спорным дендрохронологическим выводам был отнесен к 297 г. до н.э. (Слюсаренко, 2011, с. 247) либо к 322 г. до н.э. (Самашев, 2011, с. 198; и др.). В совместном каталоге «Золото властелинов Казахских степей» З. Самашев (2018, с. 179) Берельский курган №11 датировал концом IV — началом III в. до н.э., а южнокорейские археологи удревели этот курган до V–IV вв. до н.э. (Список коллекции артефактов, 2018, с. 620–623).

Изображения животных и орнаментальные мотивы из Большого Берельского кургана, как правило, восходят к предметам из Туэкты-1 и Башадара-2 (рис. 1). Вероятно, Большой Берельский курган

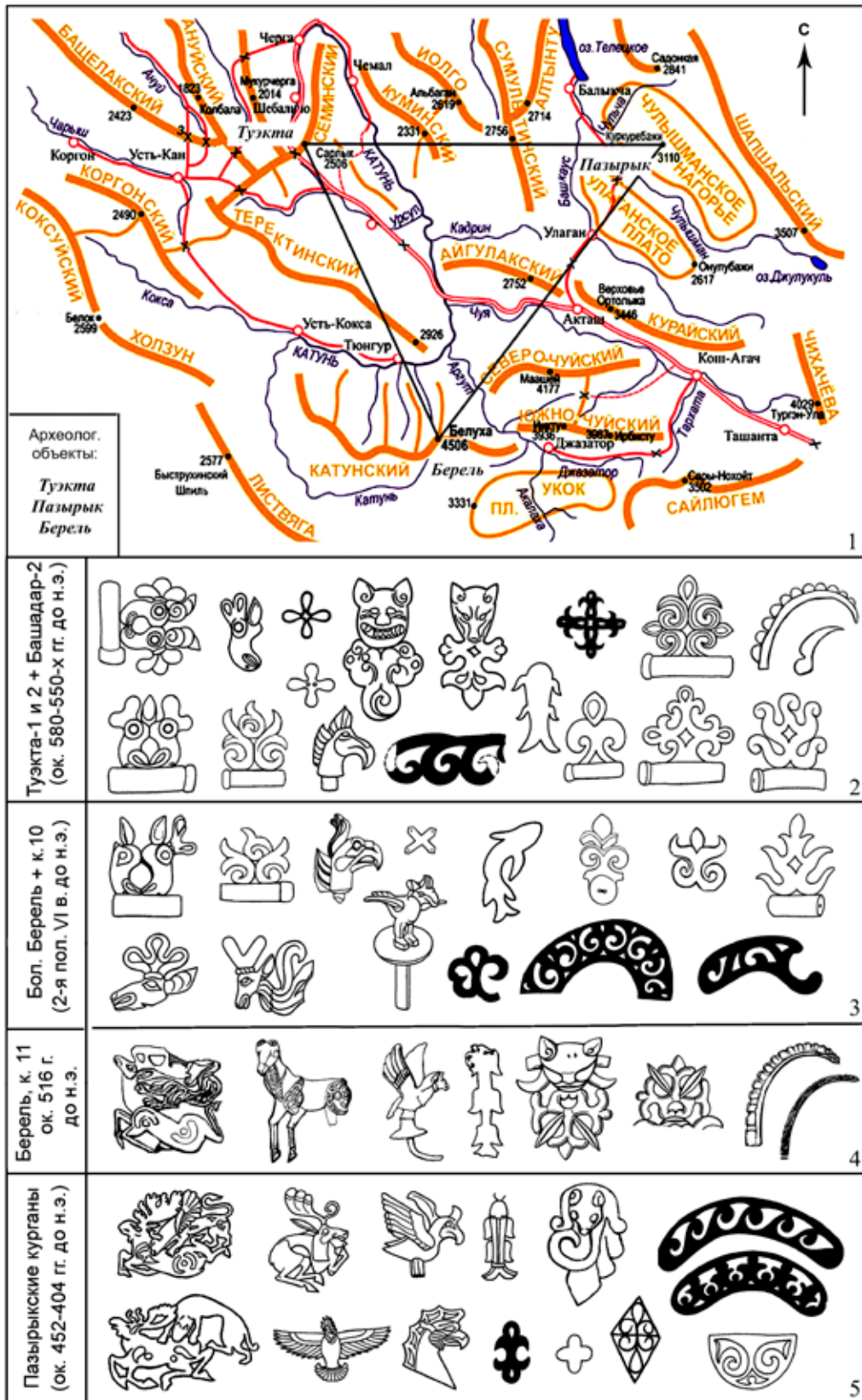

Рис. 1. Карта горных районов Алтая (1) и сопоставление изобразительных образов из курганов пазырыкской культуры Алтая VI–V вв. до н.э. (2–5). Масштабы разные. По материалам из публикаций С.И. Руденко, М.П. Грязнова, С.С. Сорокина, Л.С. Марсадолова и З.С. Самашева. Составил Л.С. Марсадолов
Fig. 1. The map of Altai mountain regions (1) and comparison of pictorial images from the barrows Pazyryk's culture of Altai of the 6–5 centuries BC (2–5). The scales are different. Based on materials from the publications of S.I. Rudenko, M.P. Gryaznov, S.S. Sorokin, L.S. Marsadolov and Z.S. Samashev. Combined by L.S. Marsadolov

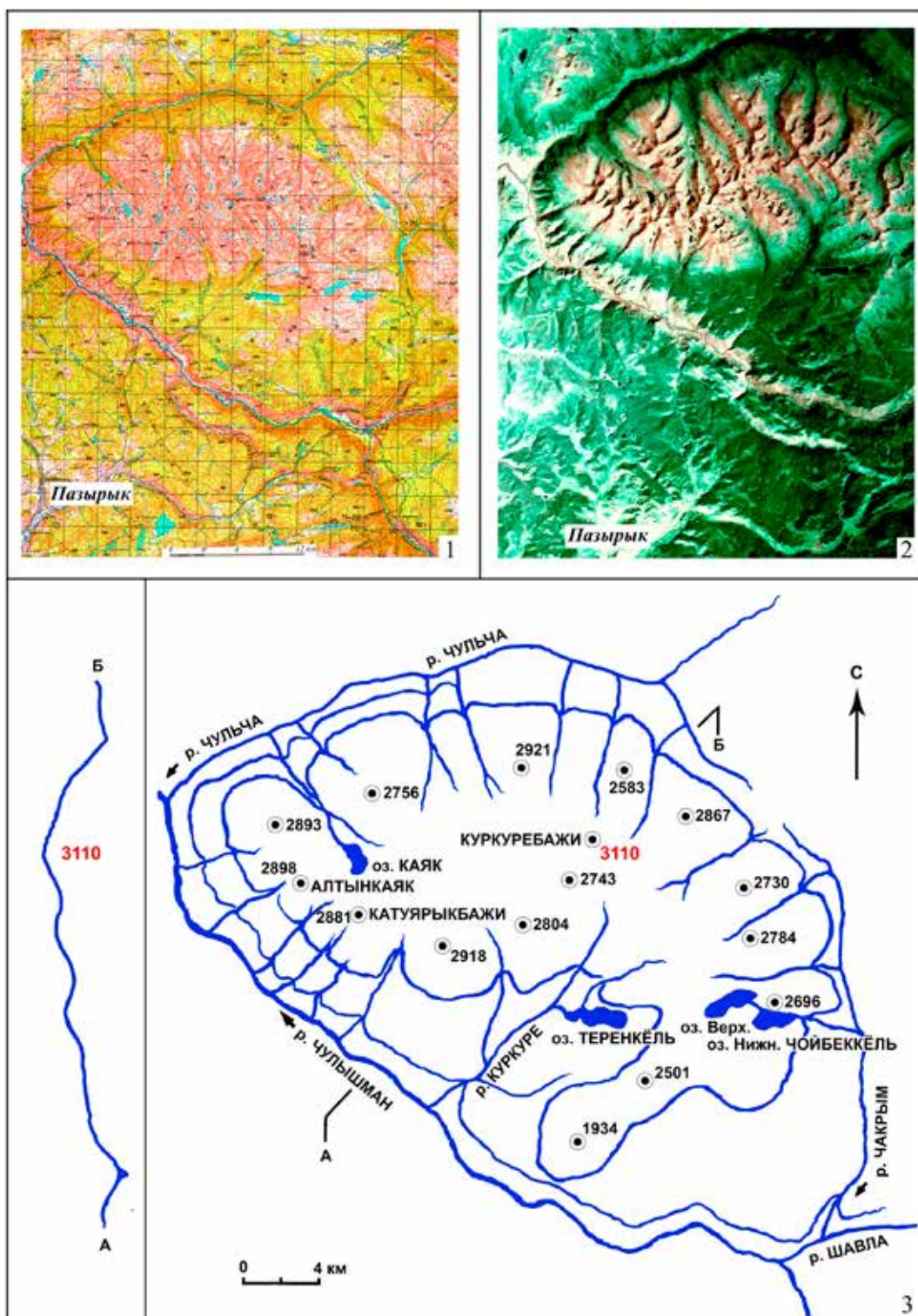

Рис. 2. Северо-восточная часть Алтая: 1 — фрагмент топографической карты с расположенными на юго-западе Большими Пазырыкскими курганами; 2 — космический снимок с горным массивом Куркуребажи на севере (с «мозговой» структурой) и находящимся на юго-западе урочищем Пазырык (снимок со спутника, передан Гос. центром «Природа» в г. Красноярске археологической экспедиции Гос. Эрмитажа в 1992 г.); 3 — схема-прорисовка «Мозга Алтая», сделанная на основе топографической карты и космического снимка (прорисовка С.С. Зяблицкого, дизайнерская обработка Е.Н. Богатюка). Составил Л.С. Марсадолов

Fig. 2. The north-eastern part of Altai: 1 — a fragment of a topographic map with large the barrows Pazyryk located in the southwest; 2 — a satellite image with the Kurkurebazi mountain range in the north (with a “brain” structure) and the Pazyryk tract located in the southwest (satellite image, transmitted by the State Center “Nature” in Krasnoyarsk of the archaeological expedition of The State Hermitage Museum in 1992); 3 — diagram-drawing of the “Brain of Altai”, made on the basis of a topographic map and a satellite image (drawing by S.S. Zyablitsky, design processing by E.N. Bogatyuk). Combined by L.S. Marsadolov

не самый ранний в Берельской группе, так как курган Берел-10 по археологическим аналогиям гораздо ближе к Туэкте-1 и Башадару-2, чем курганы Большой Берельский и Берел-11, но это тема специального исследования.

Еще в 1930–1950-е гг. наметились два основных направления в абсолютном датировании больших Пазырыкских курганов и близких им по времени малых и средних курганов Алтая — «классическое» и «омолаживающее» (Марсадалов, 2017). «Классическое» направление — это даты классического периода для 1-го и 2-го Пазырыкских курганов: ок. 450 г. до н.э. При такой датировке находки из 2-го и 1-го Пазырыкских курганов имеют много археологических аналогий не только в соседних, но и в удаленных регионах Евразии — в Прикубанье, Поволжье, Приуралье, Северном Причерноморье, Передней Азии (Сузы, Персеполь), Греции и др. Пазырыкские курганы близки не только к ранним Семибратним на Кубани, но и к Нимфейским курганам в Северном Причерноморье, Журовским (к. 400) на Украине, курганам из Мечетсая, Филипповки в Приуралье, Рогозихе в Приобье и другим памятникам. Сходство между этими памятниками прослеживается по близким предметам, по стилю, сюжетам и композиции независимо от материала, из которого они были изготовлены.

«Омолаживающее» археологическое направление предлагает даты для Пазырыков — 2-я половина IV — III в. до н.э. и позднее. Еще в 1950-е гг. С.И. Руденко подробно проанализировал проблему предполагаемого рядом археологов сходства находок из Пазырыка и Ноин-Улы и показал их хронологическое различие. При «омолаживающих» датах Пазырыки находятся в археологическом «вакууме» среди других степных кочевых культур Евразии. За период более чем 70 лет археологи этого направления не привели надежных археологических аналогий Пазырыкам с хорошо датированными, известными по тысячам объектов памятниками IV–II вв. до н.э. в Восточной Европе, а их аналогии находят только в разных районах Китая. Но проверялись ли эти китайские даты и правильно ли интерпретируются некоторые аналогии? На современном научном этапе датировки китайских средних и рядовых курганов по своей точности не могут сравниться с алтайскими датами. Например, основное погребение и впускное погребение в кургане М16 и курган М01 могильника Цзяохэ Гоубэй китайские археологи датировали ханьской эпохой, т.е. II в. до н.э. — II в. н.э. П.И. Шульга вначале датировал основное погребение кургана М16 1-й половиной V в. до н.э., позднее — концом V в. до н.э., а соседний курган М01 — 2-й половиной IV в. до н.э., в соответствии с поздними датами для Пазырыков (Шульга, 2010). Следует отметить, что по археологическим аналогиям с предметами из Пазырыкских и Филипповских курганов, по «классическим» датировкам для Пазырыка курган М16 в Цзяохэ Гоубэй можно датировать 1-й половиной, а курган М01 — 2-й половиной V в. до н.э., что позволяет устранить большой хронологический разрыв как между курганами М16 и М01, так и между ними и Пазырыками (Марсадалов, 2017).

Только сами археологи, заинтересованные в создании надежных хронологических шкал, смогут разобраться в вопросах датирования археологических памятников. Пока археологи еще недостаточно используют свои традиционные многочисленные методы и подходы для абсолютного и относительно датирования археологических памятников и объектов.

Структура горы Куркуребажи. На поверхности Чулышманского нагорья на северо-востоке Алтая находятся горы в виде «огромного слепка левого полушария головного мозга», что впервые было отмечено Л.С. Марсадаловым в 1992 г. на основе космического снимка и топографических карт (рис. 2.-1–2). В состав этого нагорья в основном входят горы средней высоты — по 2000–2500 м, расположенные на территории Алтайского государственного заповедника. Протянувшийся с запада на восток более чем на 20 км, этот горный массив со всех сторон омывается рекой Чулышман и ее притоками — реками Чульча, Шавла, Чакрым (Зяблицкий, 1997). С купола массива во все стороны стекают горные речки, наиболее крупной из которых является река Куркуре. Поверхность массива украшают котлованы многочисленных малых озер, среди которых выделяются своими размерами озера Каяк, Теренкель, Верхний и Нижний Чойбеккель (рис. 2.-3).

На обширном горном массиве куполом вздымается главная его вершина — гора Куркуребажи. Особую значимость этой территории придают вершины гор, расположенные в виде огромной, разворачивающейся по часовой стрелке спирали, начинающейся с наивысшей горной вершины — горы Куркуребажи (3110 м). Далее следуют высоты 2743, 2804, 2918, 2881 м (г. Катуюрыкбажи), 2898 м (г. Алтынкаяк), 2893, 2756, 2921, 2583, 2867, 2730, 2784, 2696, 2501 и 1934 м. Не менее 16 горных вершин составляют один разворот огромной «спирали». Близ горы Куркуребажи также расположен целый ряд вершин с высотами от 2900 м до 3031 м, не входящих в эту спиралевидную структуру. Сходство с «головным мозгом человека» усиливают ущелья и долины многочисленных

речек, стекающих с массива. Подобно извилинам, они как бы отделяют одну долю «мозга» от другой. В рельефе массива явно прослеживаются «лобная, теменная, височная, затылочная доли и мозжечок».

Заключение. В рельефе гор Алтая удалось выявить существование пространственно-временных структур в виде «равнобедренного треугольника» с вершинами на горах Белуха, Куркуребажи и Сарлык, у подножья которых расположены самые большие курганы пазырыкской культуры; а также особого, спиралеобразного расположения горных вершин с горой Куркуребажи в центре. Выявленные горные структуры в дальнейшем предполагают более детальное их изучение разными специалистами, что значительно дополнит и расширит как геоморфологическое и географическое, так и культурно-историческое описание значимых объектов Алтая.

Список источников

- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 90 с.
- Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология (под ред. Г.И. Зайцевой, Н.А. Боковенко, А.Ю. Алексева, К.В. Чугунова, Е.М. Скотт). СПб., 2005. 290 с.
- Зяблицкий С.С. Мудрость древних гор (размышление о сокрытом до времени). Горно-Алтайск, 1997.
- Марсадолов Л.С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тысячелетия до н.э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 29. Л., 1988а. С. 65–81.
- Марсадолов Л.С. О дате Большого Берельского кургана // Сообщения Государственного Эрмитажа. Вып. 53. Л., 1988б. С. 24–26.
- Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб., 1996. 100 с.
- Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III вв. до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2000. 56 с.
- Марсадолов Л.С. О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племен степей Евразии I-го тыс. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004. С. 69–85.
- Марсадолов Л.С. Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 5. СПб., 2007. 278 с.
- Марсадолов Л.С. Археологическая дата Большого Берельского кургана (к 150-летию начала исследования) // Казахстанская археология и этнология: прошлое, настоящее и будущее. Алматы, 2015. С. 55–60.
- Марсадолов Л.С. История датирования больших Пазырыкских курганов (сложившиеся направления и научные школы) // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2017. №8 (20). С. 88–110.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 403 с.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с.
- Самашев З.С. Берел. Алматы, 2011. 236 с.
- Самашев З. Сокровища Береля — величайшее культурное наследие предков казахов // Золото властелинов Казахских степей (Gold of the Elite of Kazakh Steppes). Таджон, 2018. С. 170–191.
- Слюсаренко И.Ю. Датирование скифских древностей Евразии: современные тенденции, достижения, проблемы, перспективы // «Terra Scythica». Новосибирск, 2011. С. 239–251.
- Сорокин С.С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. X. Л., 1969. С. 208–236.
- Список коллекции артефактов // Золото властелинов Казахских степей (Gold of the Elite of Kazakh Steppes). Таджон, 2018. С. 614–629.
- Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.
- Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. Погребальный инвентарь. Хронология и периодизация. Барнаул, 2010. 204 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Леонид Сергеевич Марсадолов, Государственный Эрмитаж, Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, ведущий научный сотрудник; 197000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34, доктор культурологии, <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>, marsadolov@hermitage.ru

Leonid S. Marsadolov, The State Hermitage Museum, Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia, Leading Researcher; 197000, St. Petersburg, Russia, Dvortsovaya nab., 34, Doctor of Culturology, <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>, marsadolov@hermitage.ru

Сергей Сергеевич Зяблицкий, независимый исследователь, Россия, Санкт-Петербург.

Sergey S. Zyablitsky, Independent Researcher, Russia, St. Petersburg.

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 94:39(571.1/.5)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.10

О МАРКЕРАХ ГРАНИЦ ПРОЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

Сергей Семенович Тихонов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск, Россия

Резюме. В археологии существует проблема определения границ археологических памятников или их совокупности в виде археологической культуры или ее локальных вариантов. Автор рассматривает возможность применения алгоритма их определения ретроспективно, начиная с объектов нового времени, и постепенно восходя к более ранним временам. Основой для такого предположения служат материалы исследований этнографо-археологических комплексов аялыньских татар и русских сибиряков Среднего Прииртышья, дополненные данными, происходящими в других территориях в бассейнах Оби, Тобола, Томи и их притоков. Границами в эпоху нового времени и позднего средневековья являлись реки, болота, четко выраженные складки рельефа, возможно, пороги на реках, или отдельные приметные объекты: холмы и гривы, некоторые деревья. Судя по тому, что многие элементы системы расселения, землепользования и природопользования восходят к эпохам более ранним, нежели позднее средневековье, не исключено, что и границы могли быть традиционными.

Ключевые слова: граница, территория проживания, группа населения

Благодарности: сердечно благодарю краеведа из г. Новосибирска И.В. Степанова за предоставленные сведения о месте хранения карт, выполненных геодезистом П.Г. Чичаговым и увезенных астрономом Ж.-Н. Делилем во Францию.

Для цитирования: Тихонов С.С. О маркерах границ проживания населения Сибири // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 51–54.

ABOUT MARKERS OF THE RESIDENCE BORDERS OF SIBERIAN POPULATION

Sergey S. Tikhonov

Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Omsk, Russia

Abstract. In archaeology, there is a problem of determining the boundaries of archaeological sites or their totality in the form of an archaeological culture or its local variants. The author considers the possibility of applying the algorithm for their determination retrospectively, starting with the objects of the new time, and gradually ascending to earlier times. The basis for this assumption is the materials of studies of the ethnographic and archaeological complexes of the Ayalyn Tatars and Russian Siberians of the Middle Irtysh region, supplemented by data from other territories in the basins of the Ob, Tobol, Tom and their tributaries. The boundaries in the epochs of the New Age and the late Middle Ages were rivers, swamps, clearly defined folds of relief, perhaps rapids on rivers, or individual noticeable objects: hills and manes, some trees. Judging by the fact that many elements of the system of settlement, land use and nature management date back to epochs earlier than the late Middle Ages, it is possible that the borders could have been traditional.

Keywords: border, territory of residence, population group

Acknowledgments: I sincerely thank the local historian from Novokuznetsk I.V. Stepanov for providing information about the storage location of maps made by surveyors P.G. Chichagov, and taken away by the astronomer J.-N. Delisle to France.

For citation: Tikhonov S.S. About the Markers of the Residence Borders of Siberian Population // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 51–54.

Проблема. При изучении этнографо-археологических комплексов (ЭАК) аялыньских татар и русских старожилов, проживающих в Среднем Прииртышье по берегам Иртыша и его правого притока Тары (Большереченский, Муромцевский и Тарский районы Омской области), омскими учеными под общим руководством Н.А. Томилова были получены сведения по многим аспектам культуры этих народов, что было обобщено в двух монографиях (Бережнова и др., 2014; Бережнова и др., 2016). В ходе исследований были получены и материалы о границах между деревнями — как русскими, так и татарскими, а также о границах угодий для ведения хозяйственной деятельности (прежде всего пастбищ и покосов). Однако в монографиях эти сведения почти не рассмотрены. В то же время границы между группами одно- или разнокультурных групп населения — весьма важный компонент ЭАК, который необходим при анализе систем расселения и землепользования, экологии, хозяйственных занятий населения эпохи средневековья и нового времени, да и более ранних эпох. К тому же оказалось, что возникает несколько аспектов изучения этих границ:

- существуют границы собственно татарских юрт и русских деревень. Еще в начале 1980-х гг. они совпадали с покотиной, состоящей из забора в три-четыре горизонтальных ряда жердей, укрепленных на врытых в землю столбах. Это было зафиксировано автором во время работ в экспедиции В.И. Матющенко на городище Мурлинка (Тарский район Омской области) в деревнях Киргап и Айткулово (ныне не существует). В последние годы я не видел покотин вокруг деревень, однако существует понятие «околица», соотносящееся с границами сельского населенного пункта. Обозначены и границы городской черты на дорогах, ведущих из российских городов;
- имеется граница, обозначающая территорию хозяйствования отдельных семей или отдельных деревень. Чаще всего это заборы из штакетника или горизонтальных жердей. Их автор видел в деревне Кордон-Бергамак (Муромцевский район Омской области) в хозяйстве фермера А.Д. Лисина (и даже помогал ему огораживать участки) в 1991 г. и позже. Фермер соорудил заборы на участке для выращивания картофеля в 200–400 м за пределами деревни, а также место для выпаса скота в 2–2,5 км от нее;
- во время разведки по правому берегу р. Тара между деревней Кордон-Бергамак и устьем р. Меткая (правый приток Тары) я и мои коллеги Л.В. и С.Ф. Татауровы несколько раз видели ров, тянущийся на сотни метров. Он был шириной не менее метра, глубиной до 50–60 см. Отвал на всем протяжении рва был выкинут на одну сторону. По словам А.Д. Лисина, его до революции выкопали работники муромцевских купцов, чтобы разграничить свои угодья между деревнями Усть-Тара и Муромцево;
- в ходе работ в д. Танатово и урочище Темеряк в 1990–1999 гг. были получены сведения о наличии границ угодий деревень Шуево, Бергамак, Танатово, Чеплярово на правом берегу Иртыша. К сожалению, они не были зафиксированы точно и сохранились только в виде воспоминаний наподобие: «от Калаярки до Кунлука — наши земли, а за Кунлуком бергамацкие косят». Получалось, что границами угодий могли быть лога, мелкие речки и ручьи, урочища, приметные деревья и т.д.

Эти наблюдения позволили сделать предположение: между хозяйствующими субъектами XVII в. и более позднего времени существовали/существуют границы, которые могли быть обозначены на местности искусственными знаками (столб, ров, забор) или природными феноменами: ручей, урочище, грива и т.д. О них имеются разрозненные сведения, но предметом целенаправленного изучения они не являются.

Обсуждение. При изучении закономерностей расселения аборигенов Сибири в конце XVIII — 1-й трети XVIII в. по Оби, Иртышу, Тоболу, Томи и их притокам по материалам С.У. Ремезова, Л. Лянге, Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова, картам П.Г. Чичагова автором были рассмотрены и сведения этих исследователей, содержащие данные о границах между разными сибирскими этносами (Тихонов, 2012, с. 291–293; 2013а, с. 133–136; 2013б, с. 112–115; 2013в, с. 52–56; 2013г, с. 58–61; 2013д, с. 98–109; 2013е, с. 79–87; 2016, с. 54–59; 2018, с. 198–202). После публикаций архивных документов 1701–1705 гг. (Дозорная книга Тарского уезда..., 2021; Тарское Прииртышье в документах..., 2022) стало очевидным существование зафиксированных письменно границ населенных пунктов, хозяйственных угодий (пашни, покосы, места рыбной ловли), принадлежавших либо русским, либо татарам. Были, конечно, и неосвоенные территории, которые мог занять любой желающий. Это проследили чиновники Министерства государственных имуществ, собиравшие статистические данные о сибирских крестьянах в 1870–1880 гг. (Материалы для изучения..., 1889; Материалы для изучения..., 1890; Филимонов, 1882).

К сожалению, не всегда границы, описанные в XVIII в., можно наложить на современные карты. Связано это с тем, что исчезли или звучат по-иному многие топонимы, отчасти изменились русла водотоков. Однако в целом можно предполагать, что границы могли проходить по рекам или ручьям, озерам, болотам. Наглядно это показал Е.С. Филимонов, работавший в практически не затронутой цивилизацией местности в северо-западной части Барабы. Он отметил, что границы изучаемого им района на севере ограничивало Васюганско-Абинское болото (Нарымский край, Томский округ). На западе между Барабой и Тарским округом Тобольской губернии лежали болота Юхалинское, Чистое, Кокшеневское, Китлинское. Южную границу с Тюкалинским уездом Тобольской губернии обозначали озера Тебис, Беркуль, Большое Куглу, Малое Куглу, Мочало, Чернокульское, Тумашка и займище Аллап. Границей между Барабинской и Кулундинской степями являлась р. Карасук (Филимонов, 1882, с. 3).

Иными словами говоря, границами могли служить урочища, местности с выраженными формами рельефа (логами, гривами), приметные деревья и т.д. К этому списку добавлю пороги на реках, сведения о которых были получены от сплавщиков леса на р. Томь, гонявших плоты в 1940-х гг. примерно от устья Средней Терси (правый приток Томи) до Крапивино и Порывайки, где лес забирали на крепь

в угольные шахты. Между устьем Тайдона (правый приток Томи) и устьем Уньги (левый приток Томи) в Крапивинском районе Кемеровской области, отчасти совпадающему с Мунгатским дистриктом 1-й трети XVIII в., находится несколько порогов: Курины Лапки, Широкая Щель, Камень Бурлыш (взорван до Великой Отечественной войны), Порывайка (иначе — Порывной порог, Паровайка). Именно на эту территорию по левому берегу Томи в 1-й трети XVIII в. переселились крестьяне, жившие в деревнях немного севернее Кузнецкой крепости (Мокроусова, Тихонова, Сидорова, Терехина и других). Здесь же в 1715 г. был основан Мунгатский острог (иначе — Мунгатский станец) для защиты земель. Осваиваемые крестьянами угодья находились между территориями, занятыми тюльберами (иначе — тюльбары, тулуберы. Ныне все ассимилированы), а границы земель, осваиваемые жителями отдельных деревень, в общем, соотносятся с порогами.

Заключение. На основании письменных источников, картографических материалов, этнографических данных можно довольно точно определять границы проживания отдельных этносов, расположенных на этих территориях населенных пунктов и мест ведения хозяйственной деятельности до рубежа XVII–XVIII вв., а может, и более раннего времени. Если говорить о границах памятников, археологических культур и их локальных вариантов (например, раннего железного века), то для территорий, о которых есть упоминания письменных источников, такие сведения есть. Например, *limeses* времен Древнего Рима. Этноним «заяксартские саки» тоже содержит сведения о пограничной реке. Известны сочинения Ксенофонта и Арриана, называемые «Анабасис», где также имеются сведения о границах проживания этносов. Что касается ареала распространения археологических культур и их вариантов, то в «бесписьменных» регионах археологи традиционно определяют их границы по крайним пунктам распространения находок, или по местам их наибольшей концентрации, или еще каким-нибудь образом. Но полагаю, что возможен и ретроспективный метод выявления границ древних обществ с учетом географических маркеров местностей.

Список источников

Бережнова М.Л., Корусенко С.Н., Матвеев А.В., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этносы: источники. Омск, 2014. 192 с.: ил. (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 13).

Бережнова М.Л., Корусенко М.А., Полеводов А.В., Татаурова Л.В., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: могилы, могильники, погребальный обряд и мир мертвых в свете этноархеологических работ. Омск, 2016. 294 с.: ил. (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 14).

Дозорная книга Тарского уезда 1701 года. Т. 1 / подгот. к изданию М.Л. Бережнова, Н.В. Кабакова, С.Н. Корусенко, Т.П. Рогожникова, М.В. Хоменко. Омск, 2021. 656 с.

Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. VI: Экономический быт государственных крестьян Тюкалинского округа Тобольской губернии: Исследования В.Я. Завадовского. СПб., 1889. 51 с. + прил.

Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. VII: Экономический быт государственных крестьян Тарского округа Тобольской губернии: Исследования П.И. Соколова. СПб., 1890. 138 с. + прил.

Тарское Прииртышье в документах Петровской эпохи: начало XVIII века / подгот. к изданию А.А. Крих, И.В. Межевикин. Омск, 2022. 502 с.

Тихонов С.С. Контактные зоны и промысловые территории населения Нижнего Прииртышья (на примере материалов Г.Ф. Миллера 1740 года) // Человек и Север. Антропология, археология, экология. Тюмень, 2012. С. 291–293.

Тихонов С.С. Этнографо-археологические комплексы русских Притомья и возможности их изучения (по материалам среднего течения р. Томь в Кемеровской области) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2013а. №3 (97). С. 133–136.

Тихонов С.С. Этнографо-археологическое выявление и изучение контактных зон населения Западной Сибири в древности и средневековье // Вестник Томского государственного университета. История. 2013б. №2 (22). С. 112–115.

Тихонов С.С. Карты С.У. Ремезова в археолого-этнографических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. История. 2013в. №3 (23). С. 52–56.

Тихонов С.С. Карты С.У. Ремезова и «межи» аборигенов на реке Демьянке // Вестник Омского университета. 2013г. №1. С. 58–61.

Тихонов С.С. Карты С.У. Ремезова и записки Г.Ф. Миллера как источники по изучению системы расселения и численности сибирских татар // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историографии средневековых тюрко-татарских государств. Казань, 2013д. С. 98–109.

Тихонов С.С. Река Демьянка на картах С.У. Ремезова и этнографо-археологические исследования // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013е. №2 (21). С. 79–87.

Тихонов С.С. Тартария, Тарский уезд, Тара на географических картах XVII–XVIII веков и их информативность // Материалы VIII региональной научно-практической конференции «Вагановские чтения», посвященной 85-летию со дня основания Тарского бюро краеведения. Омск, 2016. С. 54–59.

Тихонов С.С. Картографические материалы рубежа XVII–XVIII веков и выявление границ проживания этносов // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2018. С. 198–202.

Филимонов Е.С. Экономический быт государственных крестьян и инородцев северо-западной Барабы, или Спасского участка Каинского округа Томской губернии. СПб., 1882. 222 с. ил., табл. (Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. XVII).

Информация об авторе / Information about the Author

Сергей Семенович Тихонов, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, старший научный сотрудник; 644024, Россия, г. Омск, пр. К. Маркса, 15/1, кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0001-6909-0727>, semchi957@gmail.com

Sergey S. Tikhonov, Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museum Studies, Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Senior Researcher; 644024, Russia, Omsk, K. Marx Ave., 15/1, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-6909-0727>, semchi957@gmail.com

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 94:902(571.54/.55)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.11

СПЕЦИФИКА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАСЕЛЕНИЯ СТЕПЕЙ МОНГОЛИИ И ЮЖНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Александр Дондопович Цыбиктаров

Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Россия

Резюме. В статье показана специфика исторического развития населения степей Южного Забайкалья, Восточной и Центральной Монголии в эпоху бронзы и раннего железа. При переходе к раннему железному веку здесь не произошло трансформации материальной и духовной культуры, которая в областях к западу от указанных территорий выразилась в формировании новых культур скифо-сибирского типа. Раскрываются причины данной особенности. Аридизация климата в этих регионах во 2-й четверти II тыс. до н.э. обусловила трансформацию экономики селенгинско-даурской культуры раннего бронзового века в кочевое скотоводство и формирование кочевнической культуры плиточных могил. Она продолжала существовать и в скифское время. Выдвигаемое положение раскрывает специфику развития указанных регионов Монголии и Забайкалья: кочевническая материальная культура и погребальный обряд населения культуры плиточных могил, сложившиеся в середине II тыс. до н.э., продолжали сохранять свои особенности с небольшими изменениями в IX/VIII–III вв. до н.э. Это объясняет карасукский облик бронзового инвентаря и отсутствие, за редким исключением, в плиточных могилах инвентаря скифо-сибирских форм.

Ключевые слова: кочевое скотоводство, селенгинско-даурская культура, культура плиточных могил, палеогеография, аридизация, адаптация, трансформация

Для цитирования: Цыбиктаров А.Д. Специфика культурно-исторического развития населения степей Монголии и Южного Забайкалья в эпоху бронзы и раннего железа // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 54–58.

SPECIFICITY OF CULTURAL AND HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE POPULATION OF THE STEPPES OF MONGOLIA AND SOUTHERN TRANSBAIKALIA IN THE BRONZE AGE AND THE EARLY IRON AGE

Alexander D. Tsybiktarov

Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

Abstract. The article shows the specifics of the historical development of the population of the steppes of Southern Transbaikalia, Eastern and Central Mongolia in the Bronze Age and the Early Iron Age. During the transition to the early Iron Age, there was no transformation of material and spiritual culture, which in the areas to the west of these areas

was expressed in the formation of new cultures of the Scythian-Siberian type. The reasons for this feature are revealed. The aridization of the climate in these regions in the 2nd quarter of the 2nd millennium BC led to the transformation of the economy of the Selenga-Daurian culture of the early Bronze Age into nomadic cattle breeding and the formation of a nomadic culture of tiled graves. It continued to exist in the Scythian time. The proposed position reveals the specifics of the development of these regions of Mongolia and Transbaikalia: the nomad material culture and the funeral rite of the population of the culture of tile graves, which developed in the middle of the 2nd millennium BC, continued to retain their characteristics with minor changes in the 9th/8th – 3rd centuries BC. This explains the Karasuk appearance of the bronze inventory and the absence, with rare exceptions, of the inventory of the Scythian-Siberian forms in the tiled graves.

Keywords: migratory habits (nomadic) pastoralism, Selenginsko-Daurskay culture, slab grave culture, paleogeography, aridization, adaptation, transformation

For citation: Tsybiktarov A.D. Specificity of Cultural and Historical Development of the Population of the Steppes of Mongolia and Southern Transbaikalia in the Bronze Age and the Early Iron Age // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 54–58.

Центральная Азия считается одной из областей классического кочевничества в мире и связанного с ним образа жизни. В прошлом с ними исследователи связывали монголо-, тюркоязычные народы этого региона и их предков — носителей культуры хуннов и сяньби рубежа эр, культуры плиточных могил скифского времени. Их население в северные границы своего распространения включало и степи Южного Забайкалья. Принято считать, что время формирования кочевого скотоводства в Центральной Азии приходится, как и в других областях Великого пояса степей Евразии, на скифскую эпоху, IX/VIII–VII вв. до н.э. (см.: Степи Европейской части СССР..., 1989; Степная полоса Азиатской части СССР..., 1992; Сосновский, 1941; Волков, 1967; Наваан, 1975; Гришин, 1981; Членова, 1992). Однако В.В. Волков, Ю.С. Гришин, Д. Наваан не исключали и того, что в Монголии и Южном Забайкалье это могло произойти и в начале I тыс. до н.э. (Волков, 1967, с. 92; Наваан, 1975, с. 104–105; Гришин, 1981, с. 194). Вместе с тем необходимо отметить, что установление времени зарождения кочевничества в указанном регионе во многом было связано с решением проблемы датировки начала существования культуры плиточных могил, так как у исследователей сложилось единодушное мнение о том, что скотоводство у ее населения носило кочевой или полукочевой характер. До конца 1980-х гг. считалось, что это культурное образование относилось к скифской эпохе — VIII/VII–III вв. до н.э., что и послужило для указанных выше ученых обоснованием отнести время формирования кочевничества к началу скифского времени или, возможно, к самому концу бронзового века.

Нами в конце 1980-х гг. была пересмотрена датировка указанного выше культурного образования. Археологические и естественно-научные методы позволили обосновать начало ее существования позднебронзовым временем и выделить чулутский этап в его развитии, XIII–VIII вв. до н.э. (Цыбиктаров, 1989, с. 11–13; 1998, с. 88–106). Соответственно это позволило удревнить и время формирования кочевого скотоводства и кочевничества в Монголии и Южном Забайкалье до указанного времени.

В 1990 — начале 2000-х гг. автором статьи для изучения палеоэкономических и этнокультурных процессов в рассматриваемом регионе Центральной Азии стали привлекаться в более широких, по сравнению с 1960–1980-ми гг., объемах палеогеографические источники. Это было обусловлено тем, что ранее палеогеографические исследования в Монголии и Южном Забайкалье проводились в незначительном объеме (см. обзоры: Волков, 1967, с. 88–90; Гришин, 1981, с. 188–189). Ситуация резко изменилась с середины 1970-х — начала 1980-х гг. (см. обзор: Цыбиктаров, 2006, с. 54–63). Такими же особенностями характеризовалась ситуация с палеогеографией и в соседнем с севером Центральной Азии Прибайкалье (см. обзор: Цыбиктаров, 2006, с. 63–65), что позволяло коррелировать палеогеографические процессы в этих регионах.

Обобщение всего объема палеогеографической информации из трудов П.Б. Виппера, Л.В. Голубевой, Л.Г. Динесман, Н.И. Дорофеев, Н.К. Киселевой, А.В. Князева, Л.В. Лбовой, Е.П. Метельцевой, В.Т. Соколовской, К.С. Шулия с территории Монголии, Д.-Д.Б. Базарова, Л.Д. Базаровой, Н.В. Вашукевича, Н.И. Граниной, Э.Р. Гречищева, М.И. Дергачевой, А.Б. Иметхенова, И.И. Кириллова, М.В. Константинова, В.В. Савиновой, И.К. Феденевой, А.Д. Цыбиктарова — с Забайкалья, Г.А. Воробьевой, О.И. Горюновой, Н.А. Савельева — Прибайкалья показало, что климатические и ландшафтные трансформации по всем трем регионам, Монголии, Забайкалья и Прибайкалья, на протяжении неолита, бронзового и раннего железного веков, которые соответствуют периодам второй половины среднего и первой половины позднего (верхнего) голоцена по геологической периодизации, совпадают (см. обзор: Цыбиктаров, 2006, с. 54–67).

Происходившие климатические и ландшафтные изменения в природе указанных выше областей Центральной Азии и Прибайкалья заключались в следующих процессах. На время развитого неолита (приблизительно от 6 до 4,5 тыс. л.н.) во всех трех регионах приходится период климатического оптимума. Так, например, на территории Монголии в это время лесная зона имела гораздо более широкое распространение по сравнению с современностью. Показательно, что в почти безлесной засушливой ныне Восточной Монголии степная зона тогда прошла луговую стадию. Об этом, по мнению палеогеографов, свидетельствует залегание под каштановыми почвами современных злаковых степей более мощного по сравнению с ними гумусового слоя. Последующее суббореальное время в конце III — начале II тыс. до н.э. ознаменовалось изменением климата в сторону похолодания и сухости. После этого отрезок от 3500 до 3300 л.н. во всех трех областях отмечается как увлажненный. Но в Монголии предшествующее этому периоду время отмечается как сухое и теплое. В конце II тыс. до н.э. в Прибайкалье и Южном Забайкалье произошли похолодание и сухость, а затем потеплело. Во 2-й четверти I тыс. до н.э. как в Монголии, так и в Прибайкалье усиливается континентальность климата*. Таким образом, с IV до середины I тыс. до н.э. климат в Монголии, Южном Забайкалье и Прибайкалье развивался приблизительно по одной схеме: усиление аридизации с чередованием холодных и теплых фаз длительностью 250–500 лет, различающихся режимом увлажнения (см. более подробно: Цыбиктаров, 2006, с. 65–67).

Для раскрытия темы статьи большое значение имеет факт установления палеогеографами фазы сухого и теплого климата в Монголии во 2-й четверти II тыс. до н.э. протяженностью около 300 лет. Она характеризовалась изменениями в растительном мире по линии сокращения лесопокрытости в горных районах и ксерофитизации степной экосистемы (Виппер и др., 1989, с. 165; Динесман, Киселева, Князев, 1989, с. 197–200, рис. 1.7; Дорофеев, 2008, с. 34, 37, табл. 2). По всей вероятности, аналогичные процессы происходили и в сопредельных с Монголией степных районах Южного Забайкалья. По археологической периодизации эта фаза сухого и теплого климата синхронна концу раннего бронзового века в регионе.

Жизнедеятельность людей во все археологические эпохи в древней истории человечества во многом была связана с адаптацией к условиям окружающей природной среды. Формы хозяйственной деятельности, материальная и духовная культура и другие стороны жизни и быта людей во многом были связаны с освоением окружающей природной среды с целью обеспечения своих жизненно важных потребностей. В результате окружающая природная среда оказывала огромное воздействие на формирование палеоэкономики, а через нее и облик материальной и духовной культуры древних сообществ.

В эпоху раннего металла, в эпохи энеолита и ранней бронзы, с конца III до середины II тыс. н.э. в степных и лесостепных районах Центральной и Восточной Монголии, Южного Забайкалья развивалась селенгинско-даурская культура. Ее носители после климатического оптимума (от 6 до 4,5 тыс. л.н.) в конце III — начале II тыс. до н.э. в условиях все еще достаточно теплой и относительно влажной природной обстановки вели образ жизни оседлых земледельцев и скотоводов. Однако в хозяйственных занятиях этого древнего населения достаточно большое значение сохраняли и отрасли присваивающего хозяйства (Цыбиктаров, 2003, с. 16–17, 29–30; 2006, с. 74–101, 149–158).

Но установление в Монголии и Южном Забайкалье сухого и теплого климата во 2-й четверти II тыс. до н.э. существенно ухудшило носителям селенгинско-даурской культуры возможности для занятия земледелием и отраслями присваивающего хозяйства. Посевам недоставало влаги. Снижался травостой, а значит, снижалась кормовая база для фауны степей и лесостепей, сопровождавшаяся снижением численности поголовья диких животных — объектов охоты. Мелели реки и озера, что приводило к сокращению обитателей водоемов — объектов рыболовства. Такие же негативные процессы коснулись и собирательства. Расширение же зоны степей и лесостепей вело к увеличению пастбищных угодий для домашних животных, с которыми, вследствие их охраны людьми, не могли конкурировать дикие животные степей. Эти процессы вели к трансформации отраслевой структуры палеоэкономики носителей селенгинско-даурской культуры. Постепенно по мере сокращения значения отраслей присваивающего хозяйства и земледелия основой их хозяйства становилось скотоводство. Оно к середине II тыс. до н.э. с установлением сухого и теплого климата приняло кочевой и полукочевой характер. Люди перестали жить оседло и перешли к подвижному образу жизни. В процессе адаптации к изменившемуся образу жизни одновременно происходила и трансформация материальной и духовной культуры. В результате произошло завершение развития селенгинско-даурской культуры, она сменилась кочевнической культурой плиточных могил (Цыбиктаров, 2007; 2018).

* Следует предположить, что и в расположенном между ними Южном Забайкалье климатические изменения развивались в таком же направлении.

Таким образом, с переходом древнего населения степей и лесостепей Монголии и Южного Забайкалья в середине II тыс. до н.э. к новому хозяйственному укладу — кочевому и полукочевому скотоводству связано происхождение археологической культуры плиточных могил. Ее носители продолжали заниматься, как показывают материалы раннего тологойского этапа среднебронзового (XV–XIII вв. до н.э.) и чулутского этапа позднебронзового (XIII–VIII вв. до н.э.) времени, кочевым и полукочевым скотоводством на протяжении с середины II тыс. до н.э. до начала I тыс. до н.э. Эта форма ведения скотоводческого хозяйства не сменилась у них и на ацайском этапе VIII–VI вв. до н.э. с вступлением в скифскую эпоху по периодизации бронзового и раннего железного веков степной зоны Евразии. Весь же комплекс материальной и духовной культуры носителей культуры плиточных могил, в том числе инвентарь, религиозные верования и погребальный обряд, еще с середины II тыс. до н.э. были самым тесным образом связаны с кочевым и полукочевым скотоводством и с соответствовавшим такой номадной экономике образом жизни. По этой причине население этого культурного образования с началом скифской эпохи в степях Евразии, занимаясь по-прежнему номадным хозяйством, ведя кочевой и полукочевой образ жизни, продолжало пользоваться привычным инвентарем карасукских типов позднебронзового времени, придерживаться прежних религиозных верований, хоронить своих умерших сородичей по прежним погребальным обрядам. В результате на территории Центральной, Восточной Монголии и Южного Забайкалья не произошло и смены археологической культуры, как это четко прослеживается в других областях Великого пояса степей Евразии от Причерноморья на западе до Южной Сибири на востоке. Общеизвестно, что смена культур на этих пространствах во многом была связана с переходом от оседлого пастушеско-земледельческого хозяйства эпохи бронзы к кочевому и полукочевому скотоводству с началом раннего железного века — скифской эпохи. Эти процессы в указанных выше областях Центральной Азии произошли гораздо раньше — в середине II тыс. до н.э.

В результате мы можем сделать вывод о том, что главная особенность культурно-исторического развития населения рассматриваемых регионов Центральной Азии в эпоху бронзы и в раннем железном веке по сравнению с другими областями Великого пояса степей Евразии заключалась в том, что на их территории номадное скотоводство возникло гораздо раньше, чем в других районах евразийских степей, — в середине II тыс. до н.э., и оно продолжало там сохраняться и с переходом к скифскому времени. В свою очередь, данное обстоятельство обусловило плавное эволюционное вхождение носителей культуры плиточных могил в скифскую эпоху без кардинального изменения жизненного уклада, без трансформации материальной и духовной культуры и без смены культурного облика в целом. В результате с наступлением скифской эпохи в Центральной, Восточной Монголии и Южном Забайкалье продолжила свое развитие культура плиточных могил, которая, по существу, являлась культурой бронзового века, сформировавшейся еще в середине II тыс. до н.э. Эта специфическая особенность культурно-исторического развития данной общности центральноазиатского населения объясняет давно замеченный исследователями факт весьма слабого проявления в материалах культуры плиточных могил особенностей культурной специфики скифской эпохи для более западных областей, в частности так называемого скифо-сибирского звериного стиля в искусстве. Вместе с тем в скифское время в облике населения культуры плиточных могил появляются определенные новации, обусловленные общими эпохальными изменениями этого периода и контактами с группами населения культур скифо-сибирского типа соседних территорий (см.: Цыбиктаров, 1998, с. 116–122). Но такие новации не определяли своеобразия и специфики культурного облика людей этой археологической культуры. Так, например, к настоящему времени раскопано не менее 700 плиточных могил, тем не менее изделия, украшенные в скифо-сибирском зверином стиле, в составе находок из них буквально единичны. В то же время отмеченная в статье специфика исторического развития населения степей Южного Забайкалья, Восточной и Центральной Монголии в эпоху бронзы и раннего железа хорошо объясняет сформулированное Н.Л. Членовой положение о так называемой пережиточности карасукских традиций в скифскую эпоху в бронзовом инвентаре из погребений культуры плиточных могил (Членова, 1992, с. 249–250; 1993), что, как выясняется, не соответствовало реальной действительности той эпохи.

Список источников

- Виппер П.Б., Дорофеев Н.И., Метельцева Е.П., Соколовская В.Т. Ландшафтно-климатические изменения в Центральной Монголии в голоцене // Палеоклиматы позднеледникового и голоцена. М., 1989. С. 160–167.
- Волков В.В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. Улан-Батор, 1967. 148 с.: ил.
- Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М., 1981. 204 с.: ил.

Динесман Л.Г., Киселева Н.К., Князев А.В. История степных экосистем Монгольской народной республики // Биологические ресурсы и природные условия Монгольской народной республики. Т. XXXII. М., 1989. 215 с.: ил.

Дорофеюк Н.И. Реконструкция природных условий Внутренней Азии в позднеледниковье и голоцене (по материалам диатомового и палинологического анализов озерных осадков Монголии): автореф. дис. ... д-ра биол. наук. М., 2008. 49 с.

Наваан Д. Дорнод Монголийн хурлийн уе. Улаанбаатар, 1975. 200 с.: ил.

Сосновский Г.П. Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. 1941. Т. I. С. 273–309.

Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989. 464 с.: ил.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992. 493 с.: ил.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 24 с.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998. 288 с.: ил.

Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (II — первая половина I тыс. до н.э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2003. 49 с.

Цыбиктаров А.Д. Центральная Азия на заре бронзового века (конец III — первая половина II тыс. до н.э.). Улан-Удэ, 2006. 236 с.: ил.

Цыбиктаров А.Д. Формирование кочевого скотоводства в Центральной Азии в свете данных археологии и палеогеографии Монголии и Южного Забайкалья и его влияние на культурно-историческое развитие населения бронзового века // Этноистория и этноархеология Северной Азии: теория, методология и практика исследования. Иркутск; Эдмонтон, 2007. С. 194–198.

Цыбиктаров А.Д. Скотоводческое хозяйство носителей культуры плиточных могил Центральной Азии // Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории. Новосибирск, 2018. С. 173–189.

Членова Н.Л. Культура плиточных могил // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992. С. 247–354.

Членова Н.Л. О поздней дате карасукских бронз в Монголии, Горном Алтае, Забайкалье и Ордосе // Петербургский археологический вестник. №4. СПб., 1993. С. 31–69.

Информация об авторе / Information about the Author

Александр Дондопович Цыбиктаров, Бурятский государственный университет, кафедра всеобщей и отечественной истории, профессор; 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, доктор исторических наук, a.d.tsibiktarov@gmail.com

Alexander D. Tsybiktarov, Professor of Chair of General and National History of Buryat State University; 670000, Russia, Ulan-Ude city, Smolina Str., 24a, Doctor of Historical Sciences, a.d.tsibiktarov@gmail.com

Статья принята к публикации 14.07.2023.

The article approved after reviewing 14.07.2023.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Научная статья / Article

УДК: 903.03+666.27(571.56)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.12

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ СТЕКЛЯННЫХ БУС ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЯКУТИИ

Светлана Игоревна Валиулина¹, Елена Николаевна Соловьёва^{2,3}, Розалия Иннокентьевна Бравина⁴,
Виктор Михайлович Дьяконов^{3,4}, Владислав Владимирович Сыроватский⁴

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

²Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия), Якутск, Россия

³Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

⁴Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия

Резюме. Статья представляет результаты исследования химического состава стеклянных бус археологических памятников XV–XVIII вв. с территории Якутии. Цель исследования — определить происхождение стеклянных украшений и выявить особенности технологии. Химический состав 24 бусин был проанализирован методом сканирующей электронной микроскопии (SEM). Анализ стекла показал четыре типа химического состава. Исследованием установлено, что местом производства бус якутских памятников являются китайские мастерские одной геобиохимической сырьевой провинции, но работавшие в рамках разных ремесленных традиций. Полученные результаты могут стать одним из инструментов для реконструкции межкультурного взаимодействия региона в широком хронологическом диапазоне позднего средневековья и Нового времени.

Ключевые слова: Якутия, XV–XVIII вв., стеклянные бусы, химический состав, сканирующая электронная микроскопия

Благодарности: исследование выполнено в рамках НИР №121030100038-9 «Стратегии адаптации и этнокультурное развитие народов Якутии в эпохи древности, средневековья и Нового времени» и в рамках госзадания ИАЭТ СО РАН. Авторы выражают благодарность аналитику А.А. Трифонову.

Для цитирования: Валиулина С.И., Соловьёва Е.Н., Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Сыроватский В.В. Химический состав стеклянных бус из археологических памятников Якутии // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. унт-та, 2023. С. 59–62.

CHEMICAL COMPOSITION OF GLASS BEADS FROM THE ARCHAEOLOGICAL SITES OF YAKUTIA

Svetlana I. Valiulina¹, Elena N. Solovyova^{2,3}, Rozalia I. Bravina⁴,
Viktor M. Dyakonov^{3,4}, Vladislav V. Syrovatsky⁴

¹Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

²Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Russia

³Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, Novosibirsk, Russia

⁴Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS, Yakutsk, Russia

Abstract. The article presents the results of a study of the chemical composition of glass beads of archaeological sites of the 15th–18th centuries from the territory of Yakutia. The purpose of the study is to determine the origin of glass jewelry and to identify the features of the technology. The chemical composition of 24 beads was analyzed by scanning electron microscopy (SEM). Glass analysis showed 4 types of chemical composition. The study found that the place of production of the beads of the Yakut sites are the Chinese workshops of one geobiocultural raw material province, which worked within the framework of different handicraft traditions. The results obtained can become one of the tools for reconstructing the intercultural interaction of the region in a wide chronological range of the late Middle Ages and the New Age.

Keywords: Yakutia, 15th–18th centuries, glass beads, chemical composition, scanning electron microscopy

Acknowledgments: this work was carried out within the framework of research work No. 121030100038-9 “Strategies for Adaptation and Ethno-Cultural Development of the Peoples of Yakutia in the Eras of Antiquity, the Middle Ages and the New Age” and within the Framework of the State Task of the IAET SB RAS.

For citation: Valiulina S.I., Solovyova E.N., Bravina R.I., Dyakonov V.M., Syrovatsky V.V. Chemical Composition of Glass Beads from the Archaeological Sites of Yakutia // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 59–62.

Химический состав археологического стекла — украшений, посуды и других изделий является информативным археологическим источником (Галибин, 2001), сообщаящим сведения о технологии производства, особенностях использованного сырья, а значит, позволяет сделать проекцию на конкретную сырьевую провинцию, т.е. получить информацию не только о мастерстве стеклоделов, но и о происхождении изделий, в данном случае бус якутских памятников.

Аналитическую выборку составили 22 образца бус и бисера из археологических памятников Якутии: погребений Ат-Быраан-II, III, Кудук-II, III, V, Рассолода, Учугей Юрях из Центральной Якутии, погребения Тысагастаах (р. Яна), расположенного на севере Якутии, а также из культурного слоя первых русских поселений на территории Якутии — Якутского острога И.В. Приклонского (Троицкий собор) (Центральная Якутия, р. Лена) и Танарейского ясачного зимовья (Западная Якутия, р. Виллой). Памятники датируются XV–XVIII вв.

Химический состав стеклянных бус определен методом сканирующей электронной микроскопии (SEM). Исследования проводились на высокоразрешающем эмиссионном сканирующем электронном микроскопе Merlin фирмы Carl Zeiss (аналитик Трифонов А.А.).

Режим съемки: ускоряющее напряжение (ЭНТ) — 20 кВ. Ток пучка (I probe) — 8,6 нА. Режим детектирования — BSE обратно-рассеянные электроны 3 ЭДС детектора фирмы Bruker. Счет импульсов — 30 к — 40 к имп/сек. Режим вторичных электронов SE с рабочим расстоянием 8–10 мм, что дает оптимальные условия для набора микронного рентгеноспектрального анализа. Микроскоп совмещен с энергодисперсионным спектрометром Aztec X-MAX 80 мм².

Корректировка анализа на основе эталона Corning A и системы математической обработки Pb-ZAF.

Методика препарирования: зафиксированные на держатель образцы помещались в камеру электронного микроскопа. Зондирование проводилось с выбранного ровного участка на поверхности исследуемого образца. Объекты предварительно напылялись тонким токопроводящим слоем углерода для наилучшего выявления тяжелых элементов в образцах. При аналитических расчетах углерод был исключен.

На макрофотографиях отмечались участки спектров, получены качественные и количественные данные (весовой и атомарный состав), а также соотношение в оксидах (стехиометрия по кислороду). Все элементы сводятся к эталонам. Спектрометр предварительно юстировался по марганцу, никелю, углероду и фтору для максимально точного определения как легких, так и тяжелых элементов. Разрешающая способность спектрометра 126 эВ. Была также проведена количественная оптимизация по кобальту. Мертвое время спектрометра составляло от 10–20%, что является нормой. С каждого образца было снято по пять спектров.

На двух образцах было выполнено картирование химических элементов. Картирование позволяет наглядно представить топографию элементов, закономерности их распределения и уточнить или выявить корреляционные связи между ними.

Результаты анализа по концентрации и природе щелочных элементов разделили стекло бус на несколько химических типов, наиболее представительными оказались два: первый и второй.

В первый тип входит золистое стекло $\text{Na}_2\text{O}(\text{K}_2\text{O})\text{-CaO-SiO}_2$ (8 экз.), полученное с использованием золы растений аридного климата при значительном преобладании в ее составе натрия над калием. Концентрация оксида натрия в стекле — от 12.19 до 20.54%, калия — 2.07–4.30%, кальция — 4.48–13.29%, фосфора — 0.35–0.54%, магния — 1.43–2.72%, алюминия — 1.50–3.13%. Бусы из стекла первого типа обнаружены на следующих памятниках: Ат-Быраан-III, Кудук-III, Рассолода, Учугей Юрях, Тысагастаах, Троицкий собор и Танарейское зимовье.

Второй тип составляют бусы, выполненные из минерального калиевого стекла (10 экз.), сваренного, вероятно, с использованием полевого шпата — $\text{K}_2\text{O-CaO-SiO}_2$, фосфор присутствует в виде микропримеси. Разброс значений концентрации основных стеклообразующих элементов представляет следующую картину: оксид калия — 7.96–19.00%, оксид натрия — 0.48–3.63%, кальция — 5.25–13.74%, магния — 0.31–2.89%, алюминия — 0.64–5.26%. Бусы получены в результате раскопок на следующих памятниках: Ат-Быраан-III, Кудук-II, Кудук-III, Кудук-V, Рассолода, Учугей Юрях, Тысагастаах, Троицкий собор, Танарейское зимовье.

Третий тип (1 экз. из погребения Рассолода) отличается от первого прежде всего высокой концентрацией оксида свинца — 8.91%, что меняет его статус и требует ввести оксид свинца в формулу химического состава в качестве еще одного стеклообразующего элемента данного типа $\text{Na}_2\text{O}(\text{K}_2\text{O})\text{-CaO-PbO-SiO}_2$.

Четвертый тип $\text{Na}_2\text{O-K}_2\text{O-CaO-SiO}_2$ (3 экз.) представляют две непрозрачные бирюзовые бусины и одна черная, найденные на Ат-Быраан-II, Кудук-V, Тысагастаах. Щелочное минеральное стекло отличается примерно равной концентрацией щелочей — оксидов натрия и калия: 10.32% и 10.31%, 8.69% и 9.20%, 7.27% и 6.47% соответственно. Концентрация других стеклообразующих элементов варьирует в следующих диапазонах: кальция — 6.02–14.27%, магния — 1.42–4.27%, алюминия — 1.46–11.15%.

Распределение бус и бисера всех типов по памятникам не обнаруживает закономерностей ни по химическому составу, ни по морфологическим признакам (форме, размерам, цвету, прозрачности).

Выборку составили шаровидные и зонные бусы (12 экз.) и бисер (8 экз.), одна зонная продольно ребристая и одна таблетковидная бусины белого, черного, бирюзового непрозрачного и голубого прозрачного стекла.

Элементами красителями выступают соединения меди для бирюзового и разной интенсивности голубого цвета — максимальная концентрация составляет 1.81%. Голубой бисер в одном случае окрашен оксидом кобальта, для достижения интенсивного цвета оказалась достаточной концентрация Co — 0,06%. Примесь соединений мышьяка 0,25% в голубой бисеринке показывает, что был использован мышьяковистый кобальт смальтин — CoAs , характерный для позднего стеклоделия, что соответствует датировке погребения Тысагастаах XVIII в. Черный цвет плоской таблетковидной бусины обеспечен соединениями железа — 8.13% и высокой концентрацией оксида марганца — 6.70%. «Черные» бусы имеют темно-зеленый или темно-марганцевый цвет в тонком сколе.

Концентрация фосфора в количестве 5.03% в высоко-калиевом (19%) стекле позволяет говорить, что в данном случае и в качестве глушителя, и как краситель для достижения белого цвета использовалась костная мука (на это указывает также практическое отсутствие магния — 0.31%). Такой прием практиковали в китайском стеклоделии (Fuxi, 2009).

Представленная на анализ коллекция бус и бисера памятников Якутии по форме, размерам, цветовой гамме (белый, голубой, бирюзовый, черный цвет) и технике исполнения выступает довольно монолитной, что, вероятно, регламентировалось культурными приоритетами и этнографическими нормами. При этом результаты анализа выявили значительное разнообразие химии стекла украшений, обусловленное разными ремесленными традициями и, возможно, разной хронологией.

Также необходимо обратить внимание на то, что результаты анализа выявили два важных момента: во-первых, все образцы (при разных рецептурах) в своем составе содержали существенное количество оксида сурьмы (от 0,46 до 4,16%) — в различных концентрациях он присутствует в стеклах всех типов выборки, это обстоятельство как будто не позволяет рассматривать сурьму как намеренно введенный компонент. Однако там, где функция сурьмы как красителя и глушителя стекла бирюзовых и белых бус была особенно важна, ее концентрация могла превышать 4%. На Дальнем Востоке сурьму не использовали (Галибин, 2001, с. 50) и в европейских стеклах она присутствует редко и не в таких концентрациях. В этой связи нужно искать объяснение в особенностях сырьевой базы региона производства бус.

Вторая особенность не имеет такого универсального характера — касается только двух типов, II и IV, отмеченных высокой концентрацией калия и фтора, положительная корреляция между элементами очень выразительна. Ранее, при анализе бус могильника Проспихинская Шивера-IV в Красноярском крае, уже было установлено присутствие фтора, источником которого являлся минерал флюорит (плавиковый шпат, фторид кальция) (Валиулина и др., 2017). Флюорит встречается в доломитах и известняках. Как сообщают справочники, в ассоциациях с флюоритом могут быть кварц, молибденит, халькопирит, гипс, доломит и др., некоторые из этих минералов присутствуют в качестве микропримеси в составе бус.

Минерал флюорит CaF_2 , попав в составе шихты (вместе с кварцитами, полевыми и плавиковыми шпатами, другими силикатами и доломитами) в расплав калиевого стекла, вступал в реакцию $\text{CaF}_2 + \text{K}_2\text{CO}_3 = \text{CaCO}_3 + 2\text{KF}$. Этот процесс объясняет присутствие фтора исключительно в калиевых стеклах, при этом по результатам анализа бус могильника Проспихинская Шивера-IV было установлено пороговое значение концентрации калия для проявления фтора на уровне 7–8% (Валиулина и др., 2017), состав бус якутских памятников подтверждает эту закономерность. Фтор отмечен в составе китайского стекла с древности до Нового времени (Shi, Zhou, 1993, p. 103). По результатам анализов можно сделать предварительный вывод, что местом производства бус данной выборки являются китайские мастерские одной геобиохимической сырьевой провинции, но работавшие в рамках разных ремесленных традиций.

Исследователи и ранее допускали наличие торговых связей якутов с китайцами еще до прихода русских в Ленский край (Бравина и др., 2016). Примечательно, что якуты бисер называют *хоро чопчу*

симэз, т.е. хоринскими украшениями. На верхнем Амуре некоторое время находились так называемые старые баргуты, ныне проживающие на северо-восточной окраине Китая, в состав которых входили и хори. Количество и ассортимент бусинного материала значительно возрос с открытием на русско-китайской границе торговых пунктов Нерчинск (1689) и Кяхта (1728).

Список источников

Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Зайцев В.П., Масумото Т. Китайские изделия в культовой атрибутике якутов // Россия и АТР. 2016. №4 (94). С. 259–278.

Валиулина С.И., Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О., Трифонов А.А. Бусы населения Нижнего Приангарья в развитии Средневековья (по материалам могильника Проспихинская Шивера-IV) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. Вып. 5. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2017. С. 311–324.

Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. СПб., 2001. 216 с.

Fuxi G. Origin and Evolution of Ancient Chinese Glass / Fuxi Gan, Brill Robert, Shouyun Tian (ed.) // Ancient glass research along the silk road. Singapore, 2009. P. 1–40.

Shi M.G., Zhou F.Z. Some Chinese glasses of the Qing Dynasty // Journal of Glass Studies. 1993. Vol. 35. P. 102–105.

Информация об авторах / Information about the Authors

Светлана Игоревна Валиулина, Казанский (Приволжский) федеральный университет, кафедра археологии и всеобщей истории, доцент; 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-2651-8110>, svaliulina@inbox.ru

Svetlana I. Valiulina, Kazan (Volga Region) Federal University, Department of Archaeology and World History, Assistant Professor; 420008, Russia, Kazan, Kremlin str., 18, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-2651-8110>, svaliulina@inbox.ru

Елена Николаевна Соловьёва, Арктический научно-исследовательский центр Республики Саха (Якутия), Музей арктической археологии им. С.А. Федосеевой, научный сотрудник; 677000, Россия, г. Якутск, ул. Курашова, 22; Институт археологии и этнографии СО РАН, Якутская комплексная лаборатория археологии Крайнего Севера (ArcheoFarN), научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17, <https://orcid.org/0000-0001-8920-3696>, lenasolo05@mail.ru

Elena N. Solovyova, Arctic Research Center of the Republic of Sakha (Yakutia), Museum of Arctic Archaeology Named after S.A. Fedoseeva, Researcher; 677000, Russia, Yakutsk, Kurashova str., 22; Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakut Complex Laboratory of Archeology of the Far North (ArcheoFarN), Researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, Acad. Lavrentiev Ave., 17, <https://orcid.org/0000-0001-8920-3696>, lenasolo05@mail.ru

Розалия Иннокентьевна Бравина, Институт гуманитарных исследований проблем малочисленных народов Севера СО РАН, лаборатория археологии, зав. лабораторией, главный научный сотрудник; 677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-4902-8288>, bravinari@bk.ru

Rozalia I. Bravina, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of Archaeology, Head of Laboratory, Chief Researcher; 677000, Russia, Yakutsk, Petrovsky str., 1, Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-4902-8288>, bravinari@bk.ru

Виктор Михайлович Дьяконов, Институт археологии и этнографии СО РАН, Якутская комплексная лаборатория археологии Крайнего Севера (ArcheoFarN), и.о. заведующего лабораторией, старший научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17; Институт гуманитарных исследований проблем малочисленных народов Севера СО РАН, лаборатория археологии, старший научный сотрудник; 677000, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-4899-6148>, arkh_muz@mail.ru

Viktor M. Dyakonov, Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakut Complex Laboratory of Archaeology of the Far North (ArcheoFarN), Head of Laboratory, Senior Researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, Acad. Lavrentiev Ave., 17; Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of Archaeology, Senior Researcher; 677000, Russia, Yakutsk, Petrovsky str., 1, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-4899-6148>, arkh_muz@mail.ru

Владислав Владимирович Сыроватский, Институт гуманитарных исследований проблем малочисленных народов Севера СО РАН, лаборатория археологии, младший научный сотрудник; 677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1, <https://orcid.org/0000-0002-3026-0546>, syrovatskiy123@gmail.com

Vladislav V. Syrovatsky, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of Archaeology, Junior Researcher; 677000, Russia, Yakutsk, Petrovsky str., 1, <https://orcid.org/0000-0002-3026-0546>, syrovatskiy123@gmail.com

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902.01:550.424

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.13

ДИАГНОСТИРОВАНИЕ МОБИЛЬНОСТИ ПО ДАННЫМ АНАЛИЗА ИЗОТОПИИ СТРОНЦИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Андрей Владимирович Епимахов

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Резюме. Современный этап исследования миграций и мобильности опирается на анализ изотопов стронция. Перспектива решения крупных проблем связана с созданием карт фоновых значений. Несмотря на различия в подходах, эта работа обязательно предполагает определение изотопных значений образцов, статистический анализ и интерполяцию карты, а также анализ пространственного распределения. Изучение археобиологических материалов должно быть сфокусировано на создании выборок, включающих разные типы материалов и виды организмов. Это обеспечивает возможность проверки внутренней согласованности серий и позволяет оценить влияние диагенетических процессов. Итоговая интерпретация имеет вероятностный характер, поэтому должны тестироваться разные объяснительные гипотезы.

Ключевые слова: биоархеология, мобильность, $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$, биогенез, диагенез

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №23-18-45028 «Миграции человеческих коллективов и индивидуальная мобильность в рамках мультидисциплинарного анализа археологической информации (бронзовый век Южного Урала)»).

Для цитирования: Епимахов А.В. Диагностирование мобильности по данным анализа изотопии стронция: возможности и ограничения // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 63–66.

DIAGNOSTICS OF MOBILITY BASED ON STRONTIUM ISOTOPE ANALYSIS: OPPORTUNITIES AND LIMITATIONS

Andrey V. Epimakhov

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. Currently, $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ analysis is the basic method to research migrations and mobility. Solving the main problems is impossible without creating basemaps of background values. Despite the differences in approaches, this work necessarily includes determination of strontium isotopic values in samples; statistical analysis; map interpolation, and analysis of the strontium spatial distribution. The study of archaeobiological materials should be focused on the creation of samples that include different types of materials and species of organisms. This provides an opportunity to check the internal consistency of the series and allows us to evaluate the influence of diagenetic processes. The resulting interpretation is probabilistic, so different explanatory hypotheses should be tested.

Keywords: bioarchaeology, mobility, $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$, biogenesis, diagenesis

Acknowledgments: this work was financially supported by the RSF (Project No. 23-18-45028 “The Multidisciplinary Analysis of Group Migration and Individual Mobility in the Light of Archaeological Data (the case study of the Bronze Age of the Southern Urals)”).

For citation: Epimakhov A.V. Diagnostics of Mobility Based on Strontium Isotope Analysis: Opportunities and Limitations // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 63–66.

Изучение миграций и мобильности по археологическим данным никогда полностью не выходило из практики публикаций, особенно в работах специалистов, изучающих кочевые общества. Меньшее распространение эта тематика получила в публикациях по более ранним периодам, часто демонстрирующим следы оседлости. В этой связи актуальность исследований данной сферы не казалась очевидной за вычетом примеров исследования древней металлургии и некоторых экзотических материалов и артефактов (Черных, Кузьминых, 1989; Шишлина, 2019; и др.). Наличие стационарных поселений долгое время считалось едва ли не универсальным признаком земледелия (см.: Зданович, 2002; и др.), которое неизбежно предполагает оседлость большей части коллектива. Углубленный анализ не выявил прямых свидетельств возделывания культурных растений для большей части аридной зоны Евразии на протяжении бронзового века (Stobbe et al., 2021; и др.), пришлось признать животноводство основой системы жизнеобеспечения. Этот вид хозяйственной деятельности неизбежно предполагает освоение простран-

ства, поскольку для бронзового века господство стойлового содержания кажется маловероятным. Возникла потребность перейти от констатации факта к попыткам моделирования этого вида деятельности.

Параллельно тематика больших миграций и локальной мобильности получила внешний стимул в виде широкого внедрения методов естественных наук: палеогенетики и анализа изотопов (Kristiansen, 2022). Число работ с трудом поддается обзору, даже если ограничиться только изотопами, более того, едва ли не ежегодно появляются обобщающие методические публикации (Slovak, Paytan, 2011; Holt, Evans, Madgwick, 2021; Price, 2023; и др.). В этой связи следует ограничить рамки настоящей публикации, которая опирается на опыт реализации проекта, связанного с территорией Южного Зауралья и ориентированного на реконструкцию мобильности на базе анализа радиогенных изотопов стронция ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) (Epimakhov et al., 2023; и др.). Принципы, положенные в основу метода, сформулированы еще в 1980-е гг., однако по мере активного внедрения произошли существенные изменения в процедурах анализа и способах интерпретации. Пришло понимание множественности факторов, влияющих на результаты измерений, и границ применения метода.

Метод базируется на широком распространении в природе изотопов стронция в самых разных объектах, включая археобиологические. Количество ^{87}Sr зависит от возраста породы (или минерала), а также соотношения Rb/Sr. Самые высокие значения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ обнаруживаются в очень старых породах с высокими отношениями Rb/Sr (граниты и сланцы), более молодые породы и минералы с низкими отношениями Rb/Sr имеют низкие отношения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$. Учитывая, что последнее отношение мало меняется по мере прохождения по цепи от коренных пород до костной ткани или зубной эмали в ходе биохимических и иных процессов, мы получаем возможность сопоставления сигнала в разных источниках всей цепи. Зубная эмаль формируется в детстве и далее сигнал не меняется, костная ткань обновляется, следовательно, сигнал отражает последний период жизни организма. Разные кости изменяют свой состав с разной скоростью, что следует учитывать при отборе образцов и интерпретации результатов измерений.

При всей очевидности принципов использования метода есть и некоторые предварительные условия. Очевидно, что в случае больших пространств с однородной геологической структурой метод не имеет перспективы применения. Впрочем, некоторые авторы предполагают, что и большая геологическая изменчивость может затруднить исследование (Ericson, 1985). Подчеркнем, что речь не идет об «индивидуальном» характере сигнала для каждой зоны, поскольку породы одного возраста при измерении будут иметь сходные цифры независимо от их географической приуроченности.

Процедура всех исследований, опирающихся на анализ состава изотопов стронция, включает измерение соотношения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$ биологических образцов и их сравнение с фоновыми значениями. Главной задачей на этом этапе является обеспечение достоверности того и другого. Первое, на наш взгляд, предполагает отбор образцов из надежного контекста, а также определение круга решаемых задач, которые диктуют объем и состав выборки. Использование единичных образцов допустимо в случае уникальности объекта, в прочих — следует ориентироваться на серии. Это способно обеспечить достоверность выводов путем оценки однородности/разнородности серии, а также сравнения с аналогичными сериями. Состав образцов также может варьировать в зависимости от задач.

Сравнение с фоновыми значениями может проводиться в разных форматах. Наиболее распространенный вариант — сопоставление археобиологических образцов с локальными значениями. В роли последних могут выступать вода, почва, растительность, раковины моллюсков и др. Каждый тип имеет специфику. Например, отбор образцов воды не может производиться из больших и/или быстротекущих водоемов, так как полученный сигнал, скорее всего, будет объединять разнотипные горные породы в неизвестных пропорциях. Второй вариант предполагает иную стратегию: создание карты фоновых значений, которая становится базой для сопоставления с разнообразными биоархеологическими материалами. Это более трудоемко, но позволяет решать более широкий круг задач. Если в первом случае мы способны ответить только на вопрос, является ли образец местным или неместным, то во втором — позволяет определить исходную зону (или зоны) для неместных индивидов или особей. Отбор разнотипных образцов и дальнейшее их использование для построения серии карт позволяют сопоставить результаты зонирования при построении изоскейпов. Выделение сходных зон по разным типам резко повышает достоверность заключений о локальных особенностях соотношений $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$. В нашем примере, охватившем площадь около 40 000 кв. км в Южном Зауралье, разнотипные образцы, отобранные по сетке 25×25 км, позволили согласованно выделить четыре крупных зоны, соответствующие геологическим мегаструктурам.

Наконец, работа с древними материалами, как уже отмечено, наиболее эффективна при наличии серий. В нашем примере статистический анализ отдельных объектов выявил так называемые «выбро-

сы» — значения, резко отличные от ядра выборки. Они оказались ассоциированы с останками человека, точнее эмали зубов отдельных индивидов. При этом сигнал по кости и дентину не демонстрировал статистически значимых отклонений. Теоретически такая картина может отражать разные сценарии: (1) человек, рожденный в одном месте, провел последние годы жизни в другом; (2) человек, проведя жизнь в одной локации, потреблял привозное питание в детстве или взрослом возрасте. Однако, прежде чем выбрать более очевидный сценарий 1, следует убедиться, что влияние посмертных диагенетических процессов не внесло искажений в прижизненные показатели. В нашем случае контроль был осуществлен за счет серии парных образцов (кость и эмаль) для ряда особей домашних животных. Между величинами не оказалось различий, что указывает на достоверность вывода. Сравнение с фоновыми значениями подтвердило наши выводы, очертив круг неместных индивидов и наметив направление поиска места рождения. Подчеркнем, что наши заключения пока могут быть сделаны только в пределах созданной карты.

Подводя итог, отметим, что современный этап применения методики диагностирования миграций и мобильности по данным изотопии стронция характеризуется следующими чертами. В практику исследований постепенно входит построение карт фоновых значений для больших площадей, соответствующих критериям геологической изменчивости. Эти работы отличаются подходами в части локализации точек отбора (по сетке с заданным шагом либо по основным геоморфологическим структурам (Киселева и др., 2022)), что влияет на итоговый результат. Оба варианта предполагают статистический анализ пространственно распределенных данных и интерполяцию. Протестированный нами метод обычного кригинга продемонстрировал свою результативность. Использование разнотипных фоновых образцов из одних локаций позволяет провести проверку достоверности путем построения серии карт и моделирования зон повышенного и пониженного соотношения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$. Изучение археобиологических материалов во всех возможных случаях должно быть ориентировано на серии, включая разные типы (например, кость и эмаль зубов) и виды (например, люди и животные). Это обеспечивает не только возможность проверки внутренней согласованности выборок, но и дает дополнительные аргументы в диагностировании влияния диагенетических процессов. Итоговая интерпретация имеет вероятностный характер, по этой причине должны тестироваться разные объяснительные гипотезы. Таким образом, понимание процедуры анализа и интерпретации, а также осознание границ применения позволяет избежать поверхностных заключений и повысить их надежность.

Список источников

- Зданович Г.Б. Урало-казахстанские степи в эпоху средней бронзы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2002. 55 с.
- Киселева Д.В., Шагалов Е.С., Окунева Т.Г., Солошенко Н.Г., Рянская А.Д., Панкрушина Е.А., Карпова С.В., Уразова К.К., Сидорук А.Р. Изоскейпы биодоступного стронция для Оренбургской и Ростовской областей России // Междисциплинарные исследования объектов культурного наследия естественно-научными методами. Симферополь, 2022. С. 51–55.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989. 320 с.
- Шишлина Н.И. Бородинский клад Героической эпохи бронзового века. Естественно-научный и исторический контекст. М., 2019. 160 с.: ил. (Труды ГИМ. Вып. 211).
- Epimakhov A.V., Ankushev M.N., Ankusheva P.S., Kiseleva D.V., Chechushkov I.V. Preliminary Results of the Strontium Isotopes Analysis in the Framework of the Study of the Mobility of the Bronze Age Population in the Trans-Urals // Ankusheva N.N., Chechushkov I.V., Epimakhov A.V., Ankushev M.N., Ankusheva P.S. (eds.) Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy–2021. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer, Cham, 2023. P. 11–18.
- Ericson J.E. Strontium Isotope Characterization in the Study of Prehistoric Human Ecology // Journal of Human Evolution. 1985. Vol. 14. P. 503–514.
- Holt E., Evans J.A., Madgwick R. Strontium ($^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$) Mapping: A Critical Review of Methods and Approaches // Earth-Science Reviews. 2021. Vol. 216. 103593. <https://doi.org/10.1016/j.earscirev.2021.103593>
- Kristiansen K. Archaeology and the Genetic Revolution in European Prehistory. Cambridge, 2022. 100 p.
- Price D.T. Isotopic Provenancing and Mobility. The Current State of Research. Springer Cham, 2023. 281 p.
- Slovak N.M., Paytan A. Applications of Sr Isotopes in Archaeology // M. Baskaran (ed.) Handbook of Environmental Isotope Geochemistry. Advances in Isotope Geochemistry. Berlin; Heidelberg, 2011. P. 743–768.
- Stobbe A., Schneider H., Voigt R. et al. Reconstruction of the Holocene Vegetation and Landscape Development of the Karagailay-Ayat and Ural Valleys in the Southern Trans-Urals (Russia) Based on the Analysis of Pollen, Sediments, Plant Macro-Remains and Diatoms // Korjakova L.N. & Krause R. (eds.) The Bronze Age in the Karagailay-Ayat Region (Trans-Urals, Russia). Culture, Environment and Economy. Bonn, 2021. P. 286–298.

Информация об авторе / Information about the Author

Андрей Владимирович Епимахов, Южно-Уральский государственный университет, Институт медиа и социально-гуманитарных наук, заместитель директора по научной работе; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-0141-1026>, epimakhovav@susu.ru

Andrey V. Epimakhov, South Ural State University, Institute of Media and Social Sciences and Humanities, Deputy Scientific Director; 454080, Chelyabinsk, Russia, Lenin Ave., 76; Doctor of History, Assistant Professor, <https://orcid.org/0000-0002-0141-1026>, epimakhovav@susu.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.05:669

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.14

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЧЕРНАЯ МЕТАЛЛУРГИЯ В СВЕТЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Владимир Игоревич Завьялов, Наталия Николаевна Терехова

Институт археологии РАН, Москва, Россия

Резюме. В настоящее время хорошо известны принципы прямого восстановления железа, господствовавшего в металлургии на протяжении более трех тысячелетий. Однако далеко не всегда удается удачно провести экспериментальное моделирование сыродутного процесса. Нами было проведено 35 экспериментальных плавок. В качестве прототипа пиротехнического сооружения выбран полностью сохранившийся сыродутный горн, раскопанный на поселении Колесовка-4. В результате проведенных экспериментов установлено, что при обжиге руды не только происходило выгорание органических примесей, но и уменьшалась концентрация кремнезема и глинозема, и таким образом увеличивалось содержание окиси железа. Существенное значение имеет дробление руды. Можно со всей определенностью утверждать, что теоретических знаний недостаточно для осуществления успешного процесса получения железа сыродутным способом.

Ключевые слова: археометаллургия, эксперимент, сыродутный процесс, крица, конгломерат

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, грант №19-18-00144-П.

Для цитирования: Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Средневековая черная металлургия в свете экспериментальных данных // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 66–70.

MEDIEVAL IRON METALLURGY IN THE LIGHT OF EXPERIMENTAL DATA

Vladimir I. Zavyalov, Nataliya N. Terekhova

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

Abstract. At present, the principles of direct reduction of iron, which dominated in metallurgy for more than three millennia, are well known. However, it is not always possible to successfully carry out experimental modeling of the bloomery process. We have carried out 35 experiments. A fully preserved bloomery furnace, excavated at the Kolesovka-4 settlement was chosen as a prototype of the pyrotechnic structure. As a result of the experiments, it was found that during the roasting of the ore, not only the burnout of organic impurities occurred, but also the concentration of silica and alumina decreased, and thus the content of iron oxide increased. The crushing of ore is essential. It can be stated with all certainty that theoretical knowledge is not enough to implement a successful process of obtaining iron by the bloomery method.

Keywords: archaeometallurgy, experiment, bloomery process, bloom, conglomerate

Acknowledgments: this article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project 19-18-00144-P.

For citation: Zavyalov V.I., Terekhova N.N. Medieval Iron Metallurgy in the Light of Experimental Data // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 66–70.

За последние два столетия в изучении свойств различных веществ и их трансформаций были сделаны кардинальные открытия. Наиболее наглядно это можно проследить на примере черной металлургии. В частности, в переходе от сыродутного процесса (прямого восстановления железа) к доменному производству. При этом сыродутный процесс еще используется в отдельных регионах Европы на протяжении всего XIX в. (Espelund, 1993, p. 149).

Описание процесса прямого восстановления железа из руды зафиксировано в научной литературе уже в XVI в. В трудах В. Бирингуччо и Г. Агриколы дано первое систематическое исследование технологических процессов горного дела и металлургии. На рубеже XVIII и XIX вв. подробная характеристика сыродутного горна и видов железной руды приведены в работе норвежского естествоиспытателя О. Эвенстада (1995). Теоретические основы сыродутного процесса были сформулированы в 1-й половине XX в. русским ученым-металлургом А.А. Байковым (1948). Таким образом, принципы способа прямого восстановления железа, господствовавшего в металлургии на протяжении более трех тысячелетий, в настоящее время хорошо известны. Однако попытки подтвердить теоретические обоснования на практике в ходе эксперимента далеко не всегда приводили к положительному результату. Например, такой признанный авторитет в области экспериментальной археометаллургии, как П. Крю, только в половине проведенных экспериментов получил положительный результат (Crew, 2013, p. 32). Адекватное воспроизведение мастерства древних металлургов все еще остается сложной задачей и многие технологические вопросы далеки от решения. В то же время при современных исследованиях именно эксперимент является тем методом, с помощью которого можно проверить правильность теоретических построений.

В отечественной науке первым, кто предпринял попытки получить железо сыродутным способом, был Б.А. Колчин. Описание проведенных экспериментов было опубликовано в совместной с О.Ю. Круг статье, где приведена также сводка предшествующих зарубежных экспериментов (Колчин, Круг, 1965). Работы по моделированию сыродутного процесса были проведены Б.А. Колчиным в 1961 и 1962 гг. на базе Новгородской археологической экспедиции. Проведенные эксперименты позволили Б.А. Колчину сделать выводы об оптимальных условиях для успешного протекания процесса. К ним относятся обогащение руды (обжиг, измельчение), соотношение руды и древесного угля, температурный режим, время выпуска шлака (Колчин, Круг, 1965, с. 214–215). На основе экспериментов Б.А. Колчин высказал предположение о том, что получаемый наряду с кричным железом конгломерат (смесь недовосстановленной руды, шлака и частиц железа) может быть использован для получения крицы, т.е. может рассматриваться в качестве сырьевого материала (Колчин, Круг, 1965, с. 215). К аналогичным выводам пришел и А. Эспелунд (2010, с. 47; Espelund, 2005, p. 21), который допускал возможность проведения двухступенчатого процесса получения железа: руда — конгломерат; конгломерат — железо.

Обобщая известные нам экспериментальные данные, учитывая как позитивный, так и негативный опыт российских и зарубежных исследователей, мы также обратились к экспериментам по металлургическому получению черного металла. При этом мы оперируем следующими дефинициями. *Губка железа* — восстановленные частицы железа, спекшиеся, но не представляющие монолит. Проковать губку невозможно: при ударе она рассыпается на отдельные фрагменты. Ее требовалось раздробить и использовать как металлургическое сырье, т.е. засыпать в сыродутный горн для спекания и получения горновой крицы. *Горновая крица* — продукт сыродутного процесса, представляющий собой относительно плотную массу железа, содержащую многочисленные поры и шлак. Горновую крицу необходимо было уплотнить посредствомковки, после чего она становилась пригодной для изготовления кузнечных изделий. *Товарная крица* — крица, имеющая стандартные размеры и вес. Подобные крицы встречены на ряде древнерусских памятников. Например, в Новгороде они имели выпукло-вогнутую лепешкообразную форму диаметром 13–14 см и толщиной 5–6 см. Обычно такие крицы имели вес 2,7–3,2 кг (Колчин, Янин, 1982, с. 46; Терехова и др., 1997, с. 7–8).

Наши экспериментальные работы проводились в г. Рязань при непосредственном участии кузнеца-экспериментатора М.А. Раткина на базе ООО «Арта».

Особенностью проводимых нами экспериментов было то, что в качестве сырья использовалась руда из рудопроявлений на территории Рязанской области, эксплуатировавшихся в древнерусское время (Завьялов, Терехова, 2013, с. 44–45). Именно проблема выявления и характеристики сырьевых источников является наиболее сложной в изучении древней металлургии железа.

В качестве прототипа экспериментального пиротехнического сооружения был выбран полностью сохранившийся сыродутный горн, раскопанный на поселении Колесовка-4 (Тульская обл.) (Наумов, Наумова, Шмелев, 2018) (рис. 1). В отличие от горна, использовавшегося Б.А. Колчиным, шахта нашего горна имела не усеченно-коническую, а грушевидную форму. По-видимому, подобная форма имела определенное технологическое значение.

Сооружение экспериментального сыродутного горна (без подготовительных работ) заняло около часа. При экспериментальных плавках использовались как ручные меха, так и механическое дутье с помощью электромотора.

Рис. 1. Экспериментальный сыродутный горн
Fig. 1. Experimental bloomery furnace

Всего было проведено 35 плавок как с выпуском, так и без выпуска шлака. Из них удачными, в ходе которых было получено кричное железо, можно считать не более трети. Руда перед плавкой обжигалась костровым способом: на ряд деревянных жердей укладывался слой руды, который перекрывался жердями, вновь насыпался слой руды — и так четыре-пять слоев. Обжиг руды продолжался от одного до полутора часов (до полного прогорания дерева). В итоге руда теряла 7–10% первоначального веса.

Проведенные нами исследования показали, что отделение пустой породы (кремнезема и глинозема) происходит уже на стадии предварительного обогащения (обжига) руды, при котором сидерит переходит в гематит. На основании данных РФА был сделан вывод, что в процессе обжига изменялся

и химический состав руды: если в сырой руде содержание кремнезема превышало 30%, то в обожженной оно составляло менее 25%. Данное наблюдение подтверждает обязательность проведения такой предварительной операции, как обжиг руды (Колчин, Круг, 1965, с. 202), в процессе которой не только выгорали органические примеси и удалялась влага, но, как установлено нами, происходило и частичное очищение руды от пустой породы.

Процесс начинался с прогрева горна сухими сосновыми дровами в течение 1–1,5 ч. В конце прогрева температура на колошнике поднималась до 550–600 °С*. После этого горн порциями засыпался до колошников древесным углем и давалось усиленное дутье.

Соотношение руды к древесному углю в шихте составляло от 1 : 1 до 1,5 : 1 (не считая угля, загруженного в горн перед началом процесса). Шихта добавлялась в горн порциями по 2–3 кг после оседания предыдущей порции. Промежутки между засыпками шихты составляли от 5 до 15 мин. При этом замечено, что в наиболее удачных экспериментах эти промежутки были минимальны. Таким образом, для засыпки 10 кг руды требовалось около 1,5 ч., а сам процесс (от засыпки первой порции шихты) занимал 3–4 ч.

Металлографический анализ кричного железа, полученного в ходе экспериментов, выявил структуру феррита с неравномерным (крупным и средним) зерном и большим количеством крупных шлаковых включений (рис. 2). Микротвердость феррита составляет 170–181 кг/мм².

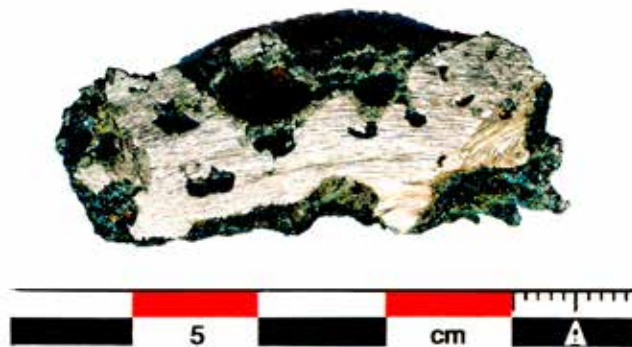

Рис. 2. Крица, полученная в ходе эксперимента
Fig. 2. The bloom obtained during the experiment

Учитывая идеи Б.А. Колчина по поводу возможности использования в металлургическом процессе конгломерата, в ходе экспериментов мы применяли конгломерат, обнаруженный при археологических раскопках в Истье-2, Старой Рязани, Старой Руссе. Особый интерес представляет конгломерат из Истье-2, где на площади 4 кв. м было обнаружено более 20 кг мелко дробленого конгломерата, по-видимому, подготовленного для дальнейшей переработки. Наиболее удачный эксперимент с конгломератом из Старой Рязани проведен в 2019 г. В результате было получено два фрагмента кричного железа общим весом около 1 кг.

Совокупность полученных в ходе экспериментального моделирования данных позволяет определить некоторые особенности процесса, не отраженные в теоретических изысканиях. Существенное значение имеет дробление руды, благодаря чему увеличивается суммарная площадь соприкасающихся с углеродом частиц руды и улучшается циркуляция газов в горне, позволяющая большей части шихты включаться в восстановительный процесс. На успешность проведения процесса, как было замечено, определенное влияние оказывает интервал между загрузками шихты — желательно, чтобы он был минимальным.

Таким образом, можно со всей определенностью утверждать, что теоретических знаний недостаточно для осуществления успешного процесса получения железа сыродутным способом.

Список источников

- Байков А.А. Физико-химические основы способов прямого восстановления железа из руд // Собрание трудов. Т. II. М.; Л., 1948. С. 356–381.
Завьялов В.И., Терехова Н.Н. Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М., 2013. 272 с.: ил.
Колчин Б.А., Круг О.Ю. Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа // Археология и естественные науки. М., 1965. С. 196–215.

* Температура замерялась с помощью лазерного пирометра.

Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 3–137.

Наумов А.Н., Наумова Т.В., Шмелев В.Н. Уникальная находка металлургического комплекса XIV в. на Куликовом поле // Город средневековья и раннего нового времени. IV. Археология. История. Тула, 2018. С. 81–102.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997. 318 с.: ил.

Эспелунд А. Черная металлургия в Норвегии на раннем этапе развития // РА. 2010. №3. С. 44–50.

Crew P. Twenty-five Years of Bloomery Experiments // D. Dungworth and R. C. P. Doonan (eds). Accidental and Experimental Archaeometallurgy. London, 2013. P. 25–50.

Espelund A. The Value of a Tradition in Ironmaking. Smelting in Budalen, according to O. Evenstad's Description from 1782 // Bloomery Ironmaking during 2000 Years. V. III. Trondheim, 1993. P. 149–166.

Espelund A. Bloomery Ironmaking — Witness of Skill and Organization in the Past // Reports. International Symposium "Metallurgy in Southeast Europe from Ancient Times till the End of 19th Century". Szopol, 2005. P. 13–21.

Evenstad O. A Treatise on Iron Ore as Found in the Bogs and Swamps of Norway and the Process of Turning it into Iron and Steel // A. Espelund. Iron Production in Norway during Two Millennia. Trondheim, 1995. P. 54–62.

Информация об авторах / Information about the Authors

Владимир Игоревич Завьялов, Институт археологии РАН, лаборатория естественно-научных методов; 117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук; <https://orcid.org/000-0002-7411-2107>, v_zavyalov@list.ru

Vladimir I. Zavyalov, Institute of Archaeology RAS, Laboratory of Natural Sciences; 117292, Russia, Moscow, Dm. Ulyanova str., 19, Leading Researcher, Doctor of Historical Sciences, <https://orcid.org/000-0002-7411-2107>, v_zavyalov@list.ru

Наталья Николаевна Терехова, Институт археологии РАН, лаборатория естественно-научных методов; 117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-3657-8600>, nnterekhova33@mail.ru

Nataliya N. Terekhova, Institute of Archaeology RAS, Laboratory of Natural Sciences; 117292, Russia, Moscow, Dm. Ulyanova str., 19, Senior Researcher, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-3657-8600>, nnterekhova33@mail.ru

Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.

Научный обзор / Scientific review

УДК: 902:577.21(235.226)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.15

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ ЛОШАДЕЙ АЛТАЯ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

**Мария Александровна Куслий^{1,2}, Александр Сергеевич Графодатский²,
Алексей Алексеевич Тишкин¹**

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Институт молекулярной и клеточной биологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Резюме. За 40 лет исследований древней ДНК изучены как фрагменты, так и полные последовательности митогеномов и ядерных геномов многих древних, средневековых и современных лошадей Алтая и сопредельных территорий. Указанный регион привлекает внимание, поскольку там обитали уже вымершие виды (*Equus lenensis*, *Equus ovodovi*), а также дикие и домашние лошади. Современные аборигенные породы этого региона являются резервуарами уникального генетического разнообразия. Полученные результаты расширили границы распространения лошадей ботайской энеолитической культуры и подтвердили происхождение древних домашних лошадей Азии от лошадей, разводимых носителями синташтинской культуры Южного Урала. Также было выявлено близкое генетическое родство между лошадьми культуры херексуров и «оленных» камней Монголии и алды-бельской культуры Тувы, между лошадьми пазырыкской культуры Алтая и хуннуской культуры Внутренней Азии.

Ключевые слова: древняя ДНК, митохондриальная ДНК, лошадь, *Equus caballus*, лошадь Пржевальского, филогеография, аборигенная порода лошадей

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирования: Куслий М.А., Графодатский А.С., Тишкин А.А. Генетические исследования древних и современных лошадей Алтая и сопредельных территорий // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 70–78.

GENETIC STUDIES OF ANCIENT AND MODERN HORSES OF ALTAI AND ADJACENT TERRITORIES

Mariya A. Kusliy^{1,2}, Alexander S. Graphodatsky², Alexey A. Tishkin¹

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

²Institute of Molecular and Cellular Biology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract. Over 40 years of ancient DNA research, both fragments and complete sequences of mitogenomes and nuclear genomes of many ancient, medieval and modern horses of Altai and adjacent territories have been studied. The mentioned region attracts attention because already extinct species (*Equus lenensis*, *Equus ovodovi*) as well as wild and domestic horses lived there. Modern native breeds of this region are reservoirs of unique genetic diversity. The obtained results expanded the boundaries of distribution of horses of the Botai Eneolithic culture and confirmed the origin of ancient domestic horses of Asia from horses bred by the carriers of the Sintashta culture of the Southern Urals. A close genetic relationship was also revealed between the horses of the Khereksur and Deer Stone culture of Mongolia and the Aldy-Bel culture of Tuva, between the horses of the Pazyryk culture of Altai and the Xiongnu culture of Inner Asia.

Keywords: ancient DNA, mitochondrial DNA, horse, *Equus caballus*, Przewalski's horse, phylogeography, native horse breed

Acknowledgments: this work was financially supported by Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00470 “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”).

For citation: Kusliy M.A., Graphodatsky A.S., Tishkin A.A. Genetic Studies of Ancient and Modern Horses of Altai and Adjacent Territories // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 70–78.

В позднем плейстоцене и голоцене на Алтае и сопредельных территориях обитали четыре генетически подтвержденных вида и подвида рода *Equus* (лошади) — подрод *Equus*: ленская лошадь — *Equus lenensis*, тарпан — *Equus gmelini* (*Equus ferus ferus*); домашняя лошадь — *Equus ferus caballus*, ботайская лошадь, лошадь Пржевальского — *Equus ferus przewalskii*; подрод *Sussemionus*: лошадь Оводова — *Equus ovodovi*; подрод *Asinus*: кулан — *Equus hemionus* (Orlando et al., 2009; Fages et al., 2019). Вымершие в голоцене ленская лошадь и лошадь Оводова населяли территорию Сибири. Ареал обитания ленской лошади простирался с юга до севера Восточной Сибири (Fages et al., 2019; Nedoluzhko et al., 2020), а территория распространения лошади Оводова включала юго-восточную часть Западной Сибири и северо-восточную часть Китая (Orlando et al., 2009; Druzhkova et al., 2017; Yuan et al., 2019). Юг Восточной Сибири являлся зоной их пересечения. Как показали митогеномные и полногеномные данные (Schubert et al., 2014; Librado et al., 2015; Druzhkova et al., 2017), ленская лошадь относится к вымершим кабаллоидным лошадям (крупная морфоформа), которые разошлись с предками домашних лошадей 130–110 тыс. лет назад (Fages et al., 2019). Лошадь Оводова генетически наиболее близка к зебрам, относящимся к некабаллоидным лошадям (мелкая морфоформа) (Vilstrup et al., 2013; Druzhkova et al., 2017). К мелкой морфоформе лошадей также относятся куланы (*Equus hemionus*), которые по результатам морфометрических исследований были распространены на юге Западной Сибири (Plasteeva, 2015; Пластеева и др., 2019) и сосуществовали с лошадью Оводова. Палеонтологи установили, что по размерам костей конечностей можно отличить лошадь Оводова (*E. ovodovi*) от кулана (*E. hemionus*) (Plasteeva, 2015; Пластеева и др., 2019). Однако генетическими методами это еще не подтверждено.

Что касается вышеперечисленных подвидов вида *Equus ferus*, то по результатам полногеномных исследований степной тарпан среднего голоцена оказался предком современной домашней лошади (Librado et al., 2021), а ботайская лошадь — предком лошадей Пржевальского (Gaunitz et al., 2018), которые были обнаружены в конце XIX в. в дикой природе и, как показали генетические данные, разошлись с предками современных домашних лошадей 35–50 тыс. лет назад (Der Sarkissian et al., 2015). Ботайскими назвали лошадей по многочисленным костным останкам, обнаруженным на поселениях ботайской энеолитической культуры Северного Казахстана и восточнее от него (Васильев и др., 2011; Кирюшин К.Ю. и др., 2015; и др.). Однако после публикаций о результатах их генетических исследований (Gaunitz et al., 2018; Fages et al., 2019; Librado et al., 2021) к ботайским стали также относить лошадей, кости которых найдены на неолитических поселениях Северо-Восточного Казахстана (памятник Борлы, датируемый 2-й половиной V тыс. до н.э. (Мерц В.К., 2013), на энеолитических памятниках терсекской культуры Северо-Западного Казахстана (Калиева, Логвин, 2011), на поселенческих комплексах елунинской культуры Северо-Восточного Казахстана и Обь-Иртышского междуречья раннего бронзового века (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко, Тишкин, 2005; Грушин, 2012; Мерц И.В., 2019; и др.), на ар-

хеологических объектах ботайского круга юга Западной Сибири (Новоильинка-III, Новоильинка-VI (Кирюшин К.Ю. и др., 2015; и др.), Александровское-IV (крохалевская культура)), а также лошадей Пржевальского и их гибридов с домашними лошадьми (Librado et al., 2021).

Предковость ботайских лошадей по отношению к лошадям Пржевальского не вызывает сомнений, однако одомашненный статус первых все еще оспаривается в научном сообществе (Outram et al., 2009; Kosintev & Kuznetov, 2013; Taylor & Barrón-Ortiz, 2021). В пользу доместикиации лошадей на поселении Ботай приводятся следующие аргументы: обнаружение жиров от молока лошадей на керамической посуде из этого памятника, фиксация следов от использования удил на зубах ботайских лошадей (Anthony, 1995; Outram et al., 2009), находки орудий труда и украшений из костей лошадей (Olsen, 2006), наличие загонов и конского навоза на территории поселения (French & Kousoulakou, 2003; Olsen, 2006). Однако первые из вышеперечисленных и самые важные из этих свидетельств были оспорены другими исследователями. Изучение зубного камня у людей из памятника Ботай не показало наличие белков молока лошади, а характерные следы на зубах ботайских лошадей очень схожи с повреждениями естественного происхождения (Taylor & Barrón-Ortiz, 2021). Наличие подобной научной дискуссии указывает на то, что вопрос о разведении домашних лошадей на поселениях ботайского круга остается открытым. При этом существует промежуточная гипотеза о том, что «ботайцы» начали разводить лошадей, не прекращая охотиться на диких представителей вида (Зайберт, 1993; Кузьмина, 1993, 1997; Anthony, 1995; Brown & Anthony, 1998; Benecke & Von den Driesch, 2003; Olsen, 2006). Будущие междисциплинарные исследования, которые могут поставить точку в данной дискуссии, также позволят определить степень одомашненности лошадей Пржевальского: являлись ли они только дикими лошадьми или стали одичавшими после приручения.

Происхождение современных домашних лошадей пока не вызывает сомнений. Недавнее полномасштабное исследование дает однозначный ответ на такой вопрос. Были выявлены регион и время начала их доместикиации. Как оказалось, степные тарпаны среднего голоцена, обитавшие на территории Понтийско-Каспийской степи, являлись предками современных лошадей (Librado et al., 2021). Неодомашненные степные тарпаны населяли степную зону Восточной Европы, Западной Сибири и Казахстана с позднего плейстоцена до начала XX в. (Кузьмина, 1997; Spassov & Piev, 1998; Косинцев, Пластева, Васильев, 2013). При этом, как показали исследования (Librado et al., 2021), после доместикиации некоторых степных тарпанов происходила частичная интрогрессия между дикими тарпанами и домашними лошадьми. Такое заключение подтвердило гипотезу Д. Энтони, который свои выводы основывал на присутствии в неолитических погребениях людей указанного региона костей лошадей, наличии находок с резными изображениями лошадей, булав с навершиями в виде конских голов, а также на обнаружении самых древних и неоспоримо одомашненных лошадей в памятниках сопредельных регионов (Anthony, 2007). Однако этих доказательств было недостаточно, и только статья П. Либрадо и соавторов смогла однозначно определить происхождение современных одомашненных лошадей (Librado et al., 2021). Вопрос об археологической культуре, в которой впервые была приручена лошадь, пока остается не разрешенным. Д. Энтони считал, что это ямная культура (Anthony, 2007), а П. Либрадо и соавторы (Librado et al., 2021) выделили три археологические культуры с древними лошадьми, наиболее генетически близкими современным. К ним относятся майкопская (Северный Кавказ), катакомбная (юго-восточная часть Европейской России) и ямная культура самого раннего репинского этапа (Юго-Восточная часть Европейской России и Южный Урал). В захоронениях памятников, синхронных ямной репинского этапа и майкопской культур, кости лошадей очень редки (Сыволоп, 2009; Рослякова, Турецкий, 2012; Моргунова, 2013; Юдин, Кочетков, 2019; Юдин, Баринов, Кочетков, 2020). При этом миграция носителей ямной культуры на запад происходила без участия лошадей (Narasimhan et al., 2019). В отличие от двух вышеуказанных, катакомбная культура характеризуется погребениями с находками целых скелетов лошадей (Bartosiewicz, 2011) или конских черепов с костями конечностей (Власкин, Беспалый, 2015; Небрат, 2016). Ранний этап развития этой культуры соответствует позднему (полтавкинскому) этапу ямной культуры (Моргунова, 2013). Именно к нему относятся лошади, геномы которых являются предковыми по отношению к геномам современных домашних лошадей (Librado et al., 2021). Приведенная информация свидетельствует в пользу выделения катакомбной культуры в качестве первой археологической культуры, характеризующейся наличием домашнего разведения лошадей. Однако этот вывод еще требует дополнительных подтверждений.

Если рассматривать генетический кластер домашних лошадей, происходящих от степных тарпанов среднего голоцена, отдельно (Fages et al., 2019; Librado et al., 2021), то можно увидеть, что все исследованные домашние лошади Азии происходят от коней синташтинской культуры севера степной зоны Южного

Урала, Южного Зауралья, Северного и Западного Казахстана, датируемой бронзовым веком (Koryakova, Erimakhov, 2007; Епимахов, 2020). С этой культурой связаны самые ранние негенетические свидетельства разведения лошадей в виде ритуальных захоронений лошадей вместе с частями колесниц со спицами, датируемые началом II тыс. до н.э. (Lindner, 2020). Вероятнее всего, домашние кони распространились по территории Азии благодаря миграции синташтинской культуры в восточном и юго-восточном направлении (Березанская, Отрощенко, 2014; Зубова, Чикишева, Поздняков, 2014). Эта культура являлась первым этапом развития андроновской культурно-исторической общности, с которой в последующем, возможно, могла быть связана традиция возведения курганов-херексуров во Внутренней Азии. Наличие таких погребальных сооружений на археологических памятниках Алтая и сопредельных территорий конца эпохи бронзы и начала раннего железного века, вероятно, демонстрируют значимое влияние андроновской общности на разные культуры указанного региона (Чугунов, 2002).

К настоящему времени осуществлены филогенетические реконструкции на основе полных и почти полных последовательностей геномов лошадей из жертвенников культуры херексуров и «оленных» камней Монголии, из сопроводительных захоронений в курганах бийкенской культуры Алтая и алды-бельской культуры Тувы. Они выявили схожесть генофонда групп лошадей культуры херексуров и «оленных» камней из разных регионов Монголии, пересечение их генетического разнообразия с лошадьми алды-бельской культуры Тувы, а также сильные различия между генофондами лошадей этих двух культур и бийкенской культуры Алтая. Результаты данного исследования указывают на единство культуры херексуров и «оленных» камней Монголии, а также подтверждают наличие контактов между ней и алды-бельской культурой Тувы и разобщенность бийкенской культуры Алтая по отношению к двум вышеперечисленным культурам (Librado et al., 2021). Эти заключения также подтверждаются митогеномными данными (Vorobieva et al., 2020; Kusliy et al., 2021).

Более раннее полногеномное исследование древних лошадей Алтая и сопредельных территорий показало генетическую близость между лошадьми пазырыкской культуры Алтая и хуннуской культуры Внутренней Азии раннего железного века и лошадьми карасукской культуры Южной Сибири периода поздней бронзы (Fages et al., 2019). Митогеномные исследования определили генетическое разнообразие по материнской линии лошадей пазырыкской культуры из Северо-Западной Монголии (Pilipenko et al., 2010) и Восточного Казахстана (Keyser-Tracqui et al., 2005), а также лошадей алды-бельской культуры Тувы (Бенеке, Прюво, Вебер, 2017) и из разных памятников бронзового и железного веков Северного Китая (Dawei et al., 2007; Cai et al., 2009; Lei et al., 2009).

Данное обстоятельство сформировало основу для дальнейших генетических исследований лошадей из памятников всех археологических культур рассматриваемого региона. Идентифицированные филогенетические связи между древними и современными лошадьми Алтая и сопредельных территорий, такие как близкие митотипы между лошадьми бийкенской и тюркской культур Алтая и многими современными лошадьми местных пород Центральной Азии, между лошадьми пазырыкской культуры и многими современными лошадьми аборигенных пород Среднего Востока, между лошадьми культуры херексуров и «оленных» камней и хуннуской культуры Монголии и многими современными лошадьми монгольской породы и коренных пород Китая и Средиземноморья (Куслий и др., 2016; Kusliy et al., 2021), а также древними лошадьми Китая и современными лошадьми Монголии (Cai et al., 2009), позволяют проследить генетическую историю разных аборигенных пород региона.

Как известно, все современные лошади являются домашними или одичавшими. Диких лошадей в природе не сохранилось. К лошадям, подвергавшимся наименьшему влиянию искусственного отбора, относятся лошади «примитивных» пород, которые характеризуются свободным выпасом, небольшой степенью межпородного скрещивания и, следовательно, более высокой степенью генетического разнообразия по сравнению с заводскими породами (Удина, Костюченко, 2004; Petersen et al., 2013). Алтайская, тувинская, бурятская и монгольская породы являются аборигенными породами лошадей рассматриваемого региона и принадлежат к этой категории (Лобанова, Трушников, 2005; Petersen et al., 2013; Анганов, Цыбикова, 2016; Анганов, Цыдыпдоржиев, 2017; Монгуш, Зайцев, Оюн, 2020; Хамируев, Монгуш, Базарон, 2020).

Высокое генетическое разнообразие вышеперечисленных коренных пород лошадей Алтая и сопредельных территорий было показано генетическими исследованиями на основе следующих ДНК-маркеров: полногеномных ОНП (McCue et al., 2012; Petersen et al., 2013; Tozaki et al., 2019), микросателлитов (Tozaki et al., 2003; Cho, 2006; Калашников и др., 2011; Храброва, 2016), митогеномных фрагментов (Kim et al., 1999; Cieslak et al., 2010; Воронкова, 2012). При этом уникальные микросателлитные аллели были обнаружены в генофонде всех этих пород (Калашников и др., 2011; Храброва, 2016). Лошади мест-

ных пород морфологически близки, они имеют небольшие размеры тела и высоту в холке (Лобанова, Трушников, 2005; Монгуш, Юлдашбаев, 2011; Чысыма и др., 2017; Анганов, Цыдыпдоржиев, 2017).

Изучение микросателлитных полиморфизмов показало близкое генетическое родство монгольской и североευропейских (норвежской, исландской) пород лошадей (Bjornstad et al., 2003), что в дальнейшем было подтверждено результатами митохондриальных (Kusliy et al., 2021) и полногеномных (Librado et al., 2021) исследований и, скорее всего, связано с миграциями в период Монгольской империи на запад (Bjornstad et al., 2003). Кроме этого, была подтверждена генетическая близость между монгольской и тувинской, алтайской и якутской породами, а также наибольшее отличие бурятской породы лошадей от остальных аборигенных пород сибирского региона (Калашников и др., 2011; Храброва, 2016). Изучение генофонда аборигенных пород лошадей является очень важной стороной исследований для понимания стратегий разведения лошадей, включающих сохранение уникальных аллелей, которые были утрачены в заводских породах.

Генетические исследования лошадей Алтая и сопредельных территорий позволили определить пути распространения домашних лошадей из первоначального центра одомашнивания в Понтийско-Каспийской степи и далее по территории Азии. Они продемонстрировали отличия в генофондах лошадей разных археологических культур рассматриваемого региона (культуры херексурсов и «оленных» камней и хуннуской культуры Монголии, алды-бельской культуры Тувы, бийкенской и пазырыкской культур Алтая), что может быть показателем разной степени взаимодействия носителей перечисленных культур. Полученные генетические данные осветили изменения генетического разнообразия аборигенных пород региона во времени, а также выявили уникальные аллели, сохранившиеся в генофондах этих пород. Исследования древней и современной ДНК лошадей Алтая и сопредельных территорий подчеркнули важность этого региона для понимания особенностей разведения аборигенных пород лошадей, определения путей миграции древних домашних лошадей по территории Азии и указали на уникальное их генетическое разнообразие.

Список источников

- Анганов В.В., Цыбикова Р.Н. Оценка экстерьера лошадей восточно-сааянского экотипа бурятской породы // Сибирский вестник сельскохозяйственной наук. 2016. №3 (250). С. 35–40.
- Анганов В.В., Цыдыпдоржиев Б.Д. Особенности бурятских лошадей восточно-сааянского экотипа селекционной группы // Теория и практика современного научного знания. Проблемы. Прогнозы. Решения. СПб., 2017. С. 85–87.
- Бенеке Н., Прюво М., Вебер К. Скелеты лошадей: археозоологические и генетические исследования // Чугунов К.В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск, 2017. С. 250–256.
- Березанская С.С., Отрощенко В.В. Елена Ефимовна Кузьмина и археология Украины // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул, 2014. С. 28–32.
- Васильев С.К., Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Семибратов В.П. Фаунистические остатки из поселения Новоильинка-3 (по материалам раскопок 2010 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2011. Вып. XVII. С. 147–151.
- Власкин М.В., Беспалый Г.Е. Раскопки грунтового некрополя городища Кобяково в г. Ростов-на-Дону в 2011 г. // Археологические открытия 2010–2013 годов. М., 2015. С. 328–329.
- Воронкова В.Н. Оценка генетического разнообразия лошадей Саяно-Алтайского региона с использованием ядерных и митохондриальных ДНК маркеров: дис. ... канд. биол. наук. М., 2012. 166 с.
- Грушин С.П. Хозяйственно-культурная вариативность Лесостепного Алтая в раннем бронзовом веке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, №3. С. 171–179.
- Епимахов А.В. Радиоуглеродные аргументы абашевского происхождения синташтинских традиций бронзового века // Уральский исторический вестник. 2020. №4 (69). С. 51–60.
- Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993. 244 с.
- Зубова А.В., Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропологические аспекты генезиса представителей андроновской культурно-исторической общности // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул, 2014. С. 541–544.
- Калашников В.В., Храброва Л.А., Зайцев А.М., Зайцева М.А., Калинкова Л.В. Полиморфизм микросателлитной ДНК у лошадей заводских и локальных пород // Сельскохозяйственная биология. 2011. Т. 2. С. 41–45.
- Калиева С.С., Логвин В.Н. О соотношении терсекских и ботайских древностей // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. I. СПб., 2011. С. 150–151.
- Кирюшин К.Ю., Гайдученков Л.Л., Гольева А.А., Силантьева М.М., Черных Д.В., Даньшин О.В., Ситников С.М., Соломонова М.Ю., Бирюков Р.Ю., Сперанская Н.Ю. Комплексные исследования поселения Новоильинка-VI в 2014 г. // Вестник алтайской науки. 2015. №1. С. 70–75.

- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. 1. Барнаул, 2005. 288 с.
- Косинцев П.А., Пластеева Н.А., Васильев С.К. Дикие лошади (*Equus (Equus) s. l.*) Западной Сибири в голоцене // Зоологический журнал. 2013. Т. 92, №9. С. 1107–1116.
- Кузьмина И.Е. Лошади Ботая // Проблемы реконструкции хозяйства и технологий по данным археологии. Петропавловск, 1993. С. 178–188.
- Кузьмина И.Е. Лошади Северной Евразии от плейстоцена до современности. СПб., 1997. 224 с. (Труды Зоологического института. Т. 273).
- Куслий М.А., Дружкова А.С., Попова К.О., Воробьева Н.В., Макунин А.И., Юрлова А.А., Тишкин А.А., Миняев С.С., Трифанов В.А., Графодатский А.С., Дымова М.А., Филипенко М.Л. Генотипирование и определение масти древних лошадей Бурятии // Цитология. 2016. Т. 58, №4. С. 304–308.
- Лобанова Т.В., Трушников В.А. Алтайская лошадь и этапы ее преобразования // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2005. Т. 17, №1. С. 83–87.
- Мерц В.К. Раскопки поселения Борлы // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVIII–XIX. 2013. С. 196–206.
- Мерц И.В. Казахстанские комплексы елуниинского типа // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. 2. СПб., 2019. С. 77–79.
- Монгуш Б.М., Зайцев А.М., Оюн С.М. Сохранение и использование генофонда лошадей тувинской породы // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2020. №6 (159). С. 165–170.
- Монгуш Б.М., Юлдашбаев Ю.А. Рост и развитие молодняка тувинских и монгольских лошадей // Вестник Тувинского государственного университета. Естественные и сельскохозяйственные науки. 2011. №2. С. 113–115.
- Моргунова Н.Л. Радиоуглеродная хронология ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия. М., 2013. С. 26–27.
- Небрат С.Г. Погребения ингульской катакомбной культуры с костями животных // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Історія. Політологія. 2016. Вип. 17. С. 43–56.
- Пластеева Н.А., Васильев С.К., Клементьев А.М., Косинцев П.А. Морфологическая дифференциация лошадей (*Equus ovodovi*, *Equus hemionus*) и границы их обитания в Западной Сибири в позднем плейстоцене // Зоологический журнал. 2019. Т. 98. №10. С. 1156–1167.
- Рослякова Н.В., Турецкий М.А. Археозоологические материалы из могильников ямной культуры Самарского Поволжья и Оренбуржья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14, №3. С. 219–225.
- Сыволап М.П. Новые данные о хозяйстве племен ямной культуры центральной Украины // Изучение историко-культурного наследия Центральной Евразии. Караганда, 2009. С. 168–173.
- Удина И.Г., Костюченко М.В. Оценка генетического разнообразия отечественных пород лошадей с помощью молекулярно-генетических методов // Доклады Российской академии сельскохозяйственных наук. 2004. №2. С. 32–34.
- Хамируев Т.Н., Монгуш Б.М., Базарон Б.З. Сравнительная оценка экстерьера тувинской и забайкальской пород лошадей // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2020. №9 (191). С. 89–93.
- Храброва Л.А. Сравнительная характеристика аллелофонда местных пород лошадей по ДНК-маркерам // Аборигенные породы лошадей: их роль и место в коневодстве Российской Федерации. Ижевск, 2016. С. 171–177.
- Чысыма Р.Б., Храброва Л.А., Зайцев А.М., Макарова Е.Ю., Федорова Ю.Н., Луду Б.М. Оценка генетического разнообразия в популяциях тувинских лошадей по локусам систем крови и микросателлитным ДНК // Сельскохозяйственная биология. 2017. Т. 52, №4. С. 679–685.
- Чугунов К.В. Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 142–149.
- Юдин А.И., Баринов Д.Г., Кочетков Ю.А. Поселение майкопской культуры в с. Кеслерово на Кубани // Труды VI (XXII) всероссийского археологического съезда в Самаре. Т. I. Самара, 2020. С. 363–365.
- Юдин А.И., Кочетков Ю.Е. Майкопское поселение Чекон на Кубани и проблемы культурных взаимодействий // Феномены культур раннего бронзового века степной и лесостепной полосы Евразии: пути культурного взаимодействия в V–III тыс. до н.э. Оренбург, 2019. С. 83–87.
- Anthony D.W. Horse, Wagon & Chariot: Indo-European Languages and Archaeology // *Antiquity*. 1995. №264 (69). P. 554–565.
- Anthony D.W. The Horse, the Wheel, and Language: How Bronze Age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton and Oxford, 2007. 552 p.
- Bartosiewicz L. Ex oriente equus... A Brief History of Horses between the Early Bronze Age and the Middle Ages // *Studia Archaeologica*. 2011. №12. P. 127–136.
- Benecke N., den Driesch A. Von Results of the Study on Horse Bones from Botai (Northern Kazakhstan). Cambridge, 2003. P. 69–82.

- Bjornstad G., Nilsen N.O., Roed K.H. Genetic Relationship between Mongolian and Norwegian Horses? // *Animal Genetics*. 2003. №1 (34). P. 55–58.
- Brown D., Anthony D. Bit Wear, Horseback Riding and the Botai Site in Kazakhstan // *Journal of Archaeological Science*. 1998. №4 (25). P. 331–347.
- Cai D., Tang Z., Han L., Speller C.F., Yang D.Y., Ma X., Cao J., Zhu H., Zhou H. Ancient DNA Provides New Insights into the Origin of the Chinese Domestic Horse // *Journal of Archaeological Science*. 2009. №3 (36). P. 835–842.
- Cho G.J. Genetic Relationship among the Korean Native and Alien Horses Estimated by Microsatellite Polymorphism // *Asian-Australasian Journal of Animal Sciences*. 2006. №6 (19). P. 784–788.
- Cieslak M., Pruvost M., Benecke N., Hofreiter M., Morales A., Reissmann M., Ludwig A. Origin and History of Mitochondrial DNA Lineages in Domestic Horses // *PLoS One*. 2010. №12 (5). P. e15311.
- Dawei C., Lu H., Chengzhi X., Shengnan L., Hui Z., Hong Z. Mitochondrial DNA Analysis of Bronze Age Horses Recovered from Chifeng Region, Inner Mongolia, China // *Progress in Natural Science*. 2007. №5 (17). P. 544–550.
- Der Sarkissian Clio, Luca Ermini, Mikkel Schubert, Melinda A. Yang, Pablo Librado, Matteo Fumagalli, Hákon Jónsson, Gila Kahila Bar-Gal, Anders Albrechtsen, Filipe G. Vieira, Bent Petersen, Aurélien Ginolhac, Andaine Seguin-Orlando, Kim Magnussen, Antoine Fages, Cristina Gamba, Belen Lorente-Galdos, Sagi Polani, Cynthia Steiner, Markus Neuditschko, Vidhya Jagannathan, Claudia Feh, Charles L. Greenblatt, Arne Ludwig, Natalia I. Abramson, Waltraut Zimmermann, Renate Schafberg, Alexei Tikhonov, Thomas Sicheritz-Ponten, Eske Willerslev, Tomas Marques-Bonet, Oliver A. Ryder, Molly McCue, Stefan Rieder, Tosso Leeb, Montgomery Slatkin, Ludovic Orlando. Evolutionary Genomics and Conservation of the Endangered Przewalski's Horse // *Current Biology*. 2015. №25 (19). P. 2577–2583.
- Druzhkova A.S., Makunin A.I., Vorobieva N.V., Vasiliev S.K., Ovodov N.D., Shunkov M.V., Trifonov V.A., Graphodatsky A.S. Complete Mitochondrial Genome of an Extinct Equus (Sussemionus) Ovodovi Specimen from Denisova Cave (Altai, Russia) // *Mitochondrial DNA Part B*. 2017. №1 (2). P. 79–81.
- Fages A., Hanghøj K., Khan N., Gaunitz C., Seguin-Orlando A., Leonardi M., McCrory Constantz C., Gamba C., Al-Rasheid K.A.S., Albizuri S., Alfarhan A.H., Allentoft M., Alquraishi S., Anthony D., Baimukhanov N., Barrett J.H., Bayarsaikhan J., Benecke N., Bernáldez-Sánchez E., Berrocal-Rangel L., Biglari F., Boessenkool S., Boldgiv B., Brem G., Brown D., Burger J., Crubézy E., Daugnora L., Davoudi H., de Barros Damgaard P., de los Ángeles de Chorro y de Villal-Ceballos M., Deschler-Erb S., Detry C., Dill N., do Mar Oom M., Dohr A., Ellingvåg S., Erdenebaatar D., Fathi H., Felkel S., Fernández-Rodríguez C., García-Viñas E., Germonpré M., Granado J.D., Hallsson J.H., Hemmer H., Hofreiter M., Kasparov A., Khasanov M., Khazaeli R., Kosintsev P., Kristiansen K., Kubatbek T., Kuderna L., Kuznetsov P., Laleh H., Leonard J.A., Lhuillier J., Liesau von Lettow-Vorbeck C., Logvin A., Lõugas L., Ludwig A., Luis C., Arruda A.M., Marques-Bonet T., Matoso Silva R., Merz V., Mijiddorj E., Miller B.K., Monchalov O., Mohaseb F.A., Morales A., Nieto-Espinet A., Nistelberger H., Onar V., Pálsdóttir A.H., Pitulko V., Pitskhelauri K., Pruvost M., Rajic Sikanjic P., Rapan Papeša A., Roslyakova N., Sardari A., Sauer E., Schafberg R., Scheu A., Schibler J., Schlumbaum A., Serrand N., Serres-Armero A., Shapiro B., Sheikhi Seno S., Shevnina I., Shidrang S., Southon J., Star B., Sykes N., Taheri K., Taylor W., Teegen W.-R., Trbojević Vukičević T., Trixl S., Tumen D., Undrakhbold S., Usmanova E., Vahdati A., Valenzuela-Lamas S., Viegas C., Wallner B., Weinstock J., Zaibert V., Clavel B., Lepetz S., Mashkour M., Helgason A., Stefánsson K., Barrey E., Willerslev E., Outram A.K., Librado P., Orlando L. Tracking Five Millennia of Horse Management with Extensive Ancient Genome Time Series // *Cell*. 2019. №6 (177). P. 1419–1435.
- French C., Kousoulakou M. Geomorphological and Micromorphological Investigations of Palaeosols, Valley Sediments and a Sunken Floored Dwelling at Botai, Kazakhstan // *Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse*. Cambridge, 2003. P. 105–114.
- Gaunitz C., Fages A., Hanghøj K., Albrechtsen A., Khan N., Schubert M., Seguin-Orlando A., Owens I.J., Felkel S., Bignon-Lau O., de Barros Damgaard P., Mittnik A., Mohaseb A.F., Davoudi H., Alquraishi S., Alfarhan A.H., Al-Rasheid K.A.S., Crubézy E., Benecke N., Olsen S., Brown D., Anthony D., Massy K., Pitulko V., Kasparov A., Brem G., Hofreiter M., Mukhtarova G., Baimukhanov N., Lõugas L., Onar V., Stockhammer P.W., Krause J., Boldgiv B., Undrakhbold S., Erdenebaatar D., Lepetz S., Mashkour M., Ludwig A., Wallner B., Merz V., Merz I., Zaibert V., Willerslev E., Librado P., Outram A.K., Orlando L. Ancient Genomes Revisit the Ancestry of Domestic and Przewalski's horses // *Science*. 2018. №6384 (360). P. 111–114.
- Keyser-Tracqui C., Blandin-Frappin P., Francfort H.-P., Ricaut F.-X., Lepetz S., Crubézy E., Samashev Z., Ludes B. Mitochondrial DNA Analysis of Horses Recovered from a Frozen Tomb (Berel site, Kazakhstan, 3rd Century BC) // *Animal Genetics*. 2005. №3 (36). P. 203–209.
- Kim K.I., Yang Y.H., Lee S.S., Park C., Ma R., Bouzat J.L., Lewin H.A. Phylogenetic Relationships of Cheju Horses to Other Horse Breeds as Determined by mtDNA D-loop Sequence Polymorphism // *Animal Genetics*. 1999. №2 (30). P. 102–108.
- Koryakova L., Epimakhov A.V. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge, 2007. 383 p.
- Kosintev P., Kuznetov P. Comment on “The Earliest Horse Harnessing and Milking” // *Tyragetia*. Serie nouă. 2013. №1 (22). P. 405–408.
- Kusliy M.A., Vorobieva N.V., Tishkin A.A., Makunin A.I., Druzhkova A.S., Trifonov V.A., Iderkhangai T.-O., Graphodatsky A.S. Traces of Late Bronze and Early Iron Age Mongolian Horse Mitochondrial Lineages in Modern Populations // *Genes*. 2021. №3 (12). P. 412.

Lei C.Z., Su R., Bower M.A., Edwards C.J., Wang X.B., Weining S., Liu L., Xie W.M., Li F., Liu R.Y., Zhang Y.S., Zhang C.M., Chen H. Multiple Maternal Origins of Native Modern and Ancient Horse Populations in China // *Animal Genetics*. 2009. №6 (40). P. 933–944.

Librado P., Der Sarkissian C., Ermini L., Schubert M., Jónsson H., Albrechtsen A., Fumagalli M., Yang M.A., Gamba C., Seguin-Orlando A., Mortensen C.D., Petersen B., Hoover C.A., Lorente-Galdos B., Nedoluzhko A., Boulygina E., Tsygankova S., Neuditschko M., Jagannathan V., Thèves C., Alfarhan A.H., Alquraishi S.A., Al-Rasheid K.A.S., Sicheritz-Ponten T., Popov R., Grigoriev S., Alekseev A.N., Rubin E.M., McCue M., Rieder S., Leeb T., Tikhonov A., Crubézy E., Slatkin M., Marques-Bonet T., Nielsen R., Willerslev E., Kantanen J., Prokhortchouk E., Orlando L. Tracking the Origins of Yakutian Horses and the Genetic Basis for Their Fast Adaptation to Subarctic Environments // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2015. №50 (112). P. E6889–E6897.

Librado P., Khan N., Fages A., Kusliy M.A., Suchan T., Tonasso-Calvière L., Schiavinato S., Alioglu D., Fromentier A., Perdereau A., Aury J.-M., Gaunitz C., Chauvey L., Seguin-Orlando A., Der Sarkissian C., Southon J., Shapiro B., Tishkin A.A., Kovalev A.A., Alquraishi S., Alfarhan A.H., Al-Rasheid K.A.S., Seregély T., Klassen L., Iversen R., Bignon-Lau O., Bodu P., Olive M., Castel J.-C., Boudadi-Maligne M., Alvarez N., Germonpré M., Moskal-del Hoyo M., Wilczyński J., Pospuła S., Lasota-Kuś A., Tunia K., Nowak M., Rannamäe E., Saarma U., Boeskorov G., Lõugas L., Kyselý R., Peške L., Bălăşescu A., Dumitraşcu V., Dobrescu R., Gerber D., Kiss V., Szécsényi-Nagy A., Mende B.G., Gallina Z., Somogyi K., Kulcsár G., Gál E., Bendrey R., Allentoft M.E., Sirbu G., Dergachev V., Shephard H., Tomadini N., Grouard S., Kasparov A., Basilyan A.E., Anisimov M.A., Nikolskiy P.A., Pavlova E.Y., Pitulko V., Brem G., Wallner B., Schwall C., Keller M., Kitagawa K., Bessudnov A.N., Bessudnov A., Taylor W., Magail J., Gantulga J.-O., Bayarsaikhan J., Erdenebaatar D., Tabaldiev K., Mijiddorj E., Boldgiv B., Tsagaan T., Pruvost M., Olsen S., Makarewicz C.A., Valenzuela Lamas S., Albizuri Canadell S., Nieto Espinet A., Iborra M.P., Lira Garrido J., Rodríguez González E., Celestino S., Olària C., Arsuaga J.L., Kotova N., Pryor A., Crabtree P., Zhumatayev R., Toleubaev A., Morgunova N.L., Kuznetsova T., Lordkipanize D., Marzullo M., Prato O., Bagnasco Gianni G., Tecchiati U., Clavel B., Lepetz S., Davoudi H., Mashkour M., Berezina N.Y., Stockhammer P.W., Krause J., Haak W., Morales-Muñiz A., Benecke N., Hofreiter M., Ludwig A., Graphodatsky A.S., Peters J., Kiryushin K Yu., Iderkhangai T. O., Bokovenko N.A., Vasiliev S.K., Seregin N.N., Chugunov K.V., Plasteeva N.A., Baryshnikov G.F., Petrova E., Sablin M., Ananyevskaya E., Logvin A., Shevnina I., Logvin V., Kalieva S., Loman V., Kukushkin I., Merz I., Merz V., Sakenov S., Varfolomeyev V., Usmanova E., Zaibert V., Arbuckle B., Belinskiy A.B., Kalmykov A., Reinhold S., Hansen S., Yudin A.I., Vybornov A.A., Epimakhov A., Berezina N.S., Roslyakova N., Kosintsev P.A., Kuznetsov P.F., Anthony D., Kroonen G.J., Kristiansen K., Wincker P., Outram A., Orlando L. The Origins and Spread of Domestic Horses from the Western Eurasian Steppes // *Nature*. 2021. №7882 (598). P. 634–640.

Lindner S. Chariots in the Eurasian Steppe: a Bayesian Approach to the Emergence of Horse-Drawn Transport in the Early Second Millennium BC // *Antiquity*. 2020. №374 (94). P. 361–380.

McCue M.E., Bannasch D.L., Petersen J.L., Gurr J., Bailey E., Binns M.M., Distl O., Guérin G., Hasegawa T., Hill E.W., Leeb T., Lindgren G., Penedo M.C.T., Røed K.H., Ryder O.A., Swinburne J.E., Tozaki T., Valberg S.J., Vaudin M., Lindblad-Toh K., Wade C.M., Mickelson J.R. A High Density SNP Array for the Domestic Horse and Extant *Perissodactyla*: Utility for Association Mapping, Genetic Diversity, and Phylogeny Studies // *PLoS Genetics*. 2012. №1 (8). P. e1002451.

Narasimhan V.M., Patterson N., Moorjani P., Rohland N., Bernardos R., Mallick S., Lazaridis I., Nakatsuka N., Olalde I., Lipson M., Kim A.M., Olivieri L.M., Coppa A., Vidale M., Mallory J., Moiseyev V., Kitov E., Monge J., Adamski N., Alex N., Broomandkoshbacht N., Candilio F., Callan K., Cheronet O., Cullen B.J., Ferry M., Fernandes D., Freilich S., Gamarra B., Gaudio D., Hajdinjak M., Harney É., Harper T.K., Keating D., Lawson A.M., Mah M., Mandl K., Michel M., Novak M., Oppenheimer J., Rai N., Sirak K., Slon V., Stewardson A., Zalzala F., Zhang Z., Akhatov G., Bagashev A.N., Bagnera A., Baitanayev B., Bendezu-Sarmiento J., Bissembaev A.A., Bonora G.L., Charginov T.T., Chikisheva T., Dashkovskiy P.K., Derevianko A., Dobeš M., Douka K., Dubova N., Duisengali M.N., Enshin D., Epimakhov A., Fribus A.V., Fuller D., Goryachev A., Gromov A., Grushin S.P., Hanks B., Judd M., Kazizov E., Khokhlov A., Krygin A.P., Kupriyanova E., Kuznetsov P., Luiselli D., Maksudov F., Mamedov A.M., Mamirov T.B., Meiklejohn C., Merrett D.C., Micheli R., Mochalov O., Mustafokulov S., Nayak A., Pettener D., Potts R., Razhev D., Rykun M., Sarno S., Savenkova T.M., Sikhymbaeva K., Slepchenko S.M., Soltobaev O.A., Stepanova N., Svyatko S., Tabaldiev K., Teschler-Nicola M., Tishkin A.A., Tkachev V.V., Vasilyev S., Velemínský P., Voyakin D., Yermolayeva A., Zahir M., Zubkov V.S., Zubova A., Shinde V.S., Lalueza-Fox C., Meyer M., Anthony D., Boivin N., Thangaraj K., Kennett D.J., Frachetti M., Pinhasi R., Reich D. The Formation of Human Populations in South and Central Asia // *Science*. 2019. №6457 (365). P. eaat7487.

Nedoluzhko A.V., Sharko F.S., Boulygina E.S., Tsygankova S.V., Slobodova N.V., Gruzdeva N.M., Rastorguev S.M., Spasskaya N.N., Maschenko E.N. The Complete Mitochondrial Genome of the Extinct Pleistocene Horse (*Equus cf. lenensis*) from Kotelny Island (New Siberian Islands, Russia) and Its Phylogenetic Assessment // *Mitochondrial DNA Part B*. 2020. №1 (5). P. 243–245.

Olsen S.L. Early Horse Domestication: Weighing the Evidence // *Bar International Series*. 2006. P. 81.

Orlando L., Metcalf J.L., Alberdi M.T., Telles-Antune M., Bonjean D., Otte M., Martin F., Eisenmann V., Mashkour M., Morello F., Prado J.L., Salas-Gismondi R., Shockey B.J., Wrinn P.J., Vasiliev S.K., Ovodov N.D., Cherry M.I., Hopwood B., Male D., Austin J.J., Hanni C., Cooper A. Revising the Recent Evolutionary History of Equids Using Ancient DNA // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2009. №51 (106). P. 21754–21759.

Outram A.K. [et al.]. The Earliest Horse Harnessing and Milking // *Science*. 2009. №5919 (323). P. 1332–1335.

Petersen J.L., Mickelson J.R., Cothran E.G., Andersson L.S., Axelsson J., Bailey E., Bannasch D., Binns M.M., Borges A.S., Brama P., da Câmara Machado A., Distl O., Felicetti M., Fox-Clipsham L., Graves K.T., Guérin G., Haase B., Hasegawa T., Hemmann K., Hill E.W., Leeb T., Lindgren G., Lohi H., Lopes M.S., McGivney B.A., Mikkio S., Orr N., Penedo M.C.T., Piercy R.J., Raekallio M., Rieder S., Røed K.H., Silvestrelli M., Swinburne J., Tozaki T., Vaudin M., Wade C.M., McCue M.E. Genetic Diversity in the Modern Horse Illustrated from Genome-Wide SNP Data // PLoS One. 2013. №1 (8). P. e54997.

Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Molodin V.I., Parzinger H., Kobzev V.F. Mitochondrial DNA Studies of the Pazyryk People (4th to 3rd centuries BC) from Northwestern Mongolia // Archaeological and Anthropological Sciences. 2010. №4 (2). P. 231–236.

Plasteeva N.A. Equus (Sussemionus) ovodovi Eisenmann et Vasiliev, 2011 from the Late Pleistocene of Western Siberia // Russian J. of Theriology. 2015 (14). P. 187–200.

Schubert Mikkel, Hákon Jónsson, Dan Chang, Clio Der Sarkissian, Luca Ermini, Aurélien Ginolhac, Anders Albrechtsen, Isabelle Dupanloup, Adrien Foucal, Bent Petersen, Matteo Fumagalli, Maanasa Raghavan, Andaine Seguin-Orlando, Thorfinn S. Korneliussen, Amhed M. V. Velazquez, Jesper Stenderup, Cindi A. Hoover, Carl-Johan Rubin, Ahmed H. Alfarhan, Saleh A. Alquraishi, Khaled A. S. Al-Rasheid, David E. MacHugh, Ted Kalbfleisch, James N. MacLeod, Edward M. Rubin, Thomas Sicheritz-Ponten, Leif Andersson, Michael Hofreiter, Tomas Marques-Bonet, M. Thomas P. Gilbert, Rasmus Nielsen, Laurent Excoffier, Eske Willerslev, Beth Shapiro, Ludovic Orlando. Prehistoric Genomes Reveal the Genetic Foundation and Cost of Horse Domestication // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. №111 (52). P. E5661–E5669 doi: 10.1073/pnas.1416991111

Spassov N., Iliev N. The Wild Horses of Eastern Europe and the Polyphyletic Origin of the Domestic Horse // Anthropozoologica. 1998. (25). P. 753–761.

Taylor W.T.T., Barrón-Ortiz C.I. Rethinking the Evidence for Early Horse Domestication at Botai // Scientific Reports. 2021. №1 (11). P. 7440.

Tozaki T., Kikuchi M., Kakoi H., Hirota K., Nagata S., Yamashita D., Ohnuma T., Takasu M., Kobayashi I., Hobo S., Manglai D., Petersen J.L. Genetic Diversity and Relationships among Native Japanese Horse Breeds, the Japanese Thoroughbred and Horses outside of Japan Using Genome-wide SNP Data // Animal Genetics. 2019. №5 (50). P. 449–459.

Tozaki T., Takezaki N., Hasegawa T., Ishida N., Kurosawa M., Tomita M., Saitou N., Mukoyama H. Microsatellite Variation in Japanese and Asian Horses and Their Phylogenetic Relationship Using a European Horse Outgroup // The Journal of Heredity. 2003. №5 (94). P. 374–80.

Vilstrup J.T., Seguin-Orlando A., Stiller M., Ginolhac A., Raghavan M., Nielsen S.C.A., Weinstock J., Froese D., Vasiliev S.K., Ovodov N.D., Clary J., Helgen K.M., Fleischer R.C., Cooper A., Shapiro B., Orlando L. Mitochondrial Phylogenomics of Modern and Ancient Equids // PLoS One. 2013. №2 (8). P. e55950.

Vorobieva N.V., Makunin A.I., Druzhkova A.S., Kusliy M.A., Trifonov V.A., Popova K.O., Polosmak N.V., Molodin V.I., Vasiliev S.K., Shunkov M.V., Graphodatsky A.S. High Genetic Diversity of Ancient Horses from the Ukok Plateau // PLOS One. 2020. №11 (15). P. e0241997.

Yuan J.-X., Hou X.-D., Barlow A., Preick M., Taron U.H., Alberti F., Basler N., Deng T., Lai X.-L., Hofreiter M., Sheng G.-L. Molecular Identification of Late and Terminal Pleistocene Equus Ovodovi from Northeastern China // PLoS One. 2019. №5 (14). P. e0216883.

Информация об авторах / Information about the Authors

Мария Александровна Куслий, Алтайский государственный университет, лаборант-исследователь, 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; Институт молекулярной и клеточной биологии СО РАН, лаборатория цитогенетики животных, научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 8/2, кандидат биологических наук, <https://orcid.org/0000-0001-9069-4744>, kusliy.maria@mcb.nsc.ru

Mariya A. Kusliy, Altai State University, Research Laboratory Assistant, 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; Institute of Molecular and Cellular Biology SB RAS, Laboratory of Animal Cytogenetics, Researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, Acad. Lavrentiev Ave., 8/2, Candidate of Biological Sciences, <https://orcid.org/0000-0001-9069-4744>, kusliy.maria@mcb.nsc.ru

Александр Сергеевич Графодатский, Институт молекулярной и клеточной биологии СО РАН, лаборатория цитогенетики животных, заведующий лабораторией; 630090, Россия, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 8/2, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, <https://orcid.org/0000-0002-8282-1085>, graf@mcb.nsc.ru

Alexander S. Graphodatsky, Institute of Molecular and Cellular Biology SB RAS, Laboratory of Animal Cytogenetics, Head of Laboratory; 630090, Russia, Novosibirsk, Acad. Lavrentiev Ave., 8/2, Doctor of Biological Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; <https://orcid.org/0000-0002-8282-1085>, graf@mcb.nsc.ru

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеелогии, заведующий кафедрой, Отдел сопровождения НИОКР, главный научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department, R&D Support Department, Chief Scientific Officer; 656049, Barnaul, Russia Lenin Ave., 61; Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.

Научная статья / Article

УДК: 902.3(470.58)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.16

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА КИЧИГИНО-I В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Ксения Геннадьевна Маргарян, Александр Дмитриевич Таиров
Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Резюме. Статья посвящена междисциплинарным исследованиям могильника Кичигино-I, расположенного в Увельском районе Челябинской области. Время функционирования некрополя — 2-я половина VII в. до н.э. — III в. н.э. Проведены анализы костных останков людей и животных (радиоуглеродный, изотопный, палеоантропологический, остеологический), почв (палеопочвенный и палеоклиматический), древесных останков (антракологический, радиоуглеродный), металлических и кожаных изделий. Результатом выполнения анализов стали абсолютная хронология погребений могильника Кичигино-I, палеоантропологическая характеристика населения, оставившего могильник, и новые данные о природной среде, хозяйстве и системе жизнеобеспечения ранних кочевников Южного Зауралья.

Ключевые слова: ранний железный век, междисциплинарные исследования, естественно-научные методы, Южное Зауралье, кочевники Южного Урала

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-20253. Авторы выражают признательность коллегам, которые приняли участие в различных исследованиях материалов из могильника Кичигино-I: И.А. Блинову, С. Браун (Германия), В.С. Бусовой, Л.Л. Гайдученко, Э.П. Зазовской, В.В. Зайкову, Е.В. Зайковой, С.Г. Захарову, Е.П. Китову, Л.А. Краевой, В.А. Котлярову, И.С. Степанову, А.В. Тиуну, М.О. Филатовой, О.С. Чагарову, Е.А. Чибилеву, А.М. Юминову, А.С. Якимову.

Для цитирования: Маргарян К.Г., Таиров А.Д. Естественно-научные исследования могильника Кичигино-I в Южном Зауралье // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 79–84.

NATURAL SCIENCE METHODS IN THE RESEARCH INTO THE KICHIGINO-I BURIAL GROUND IN THE SOUTHERN TRANS-URALS

Ksenya G. Margaryan, Aleksander D. Tairov
South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The paper concerns multidisciplinary research of the burial ground Kichigino-I. The necropolis is situated in the Uvelsky district of the Chelyabinsk Oblast. It functioned from the second half of the 7th century BC to the 3rd century AD. Radiocarbon, isotope, paleoanthropological, osteological, paleosoil and paleoclimatic, anthracological, radiocarbon analyzes of bone, organic, stone, metal remains were conducted. The results of the analyzes were the absolute chronology of the burials of the Kichigino-I burial ground, the paleoanthropological characteristics of the population that left the burial ground, and new data on the natural environment, economy and life support system of the early nomads of the Southern Trans-Urals.

Keywords: Early Iron Age, interdisciplinary research, natural science methods, Southern Trans-Urals, nomads of the Southern Urals

Acknowledgments: this work was financially supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-20253. The authors are grateful to the colleagues, who took part in various exploration of materials from the Kichigino-I burial ground: I.A. Blinov, S. Braun (Germany), V.S. Busova, L.L. Gaiduchenko, E.P. Zazovskaya, V.V. Zaikov, E.V. Zaikova, S.G. Zaharov, E.P. Kitov, L.A. Kraeva, V.A. Kotlyarov, I.S. Stepanov, A.V. Tiunov, O.S. Chagarov, M.O. Filatova, E.A. Chibilev, A.M. Yuminov, A.S. Yakimov.

For citation: Margaryan K.G., Tairov A.D. Natural Science Methods in the Research into the Kichigino-I Burial Ground in the Southern Trans-Urals // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 79–84.

Могильник Кичигино-I находится на крайнем юге лесостепной зоны Южного Зауралья, на левом берегу Южноуральского водохранилища на реке Увелька, в 1,5 км к западу от села Кичигино Увельского района Челябинской области. Занимает площадку на вершине господствующей возвышенности (гора Тушканская) в излучине реки Увелька при впадении в нее реки Кабанка. Некрополь состоял из десяти курганов, расположенных нерегулярной цепочкой, вытянутой вдоль общей направленности склона возвышенности (ЗСЗ–ВЮВ). Диаметр их грунтовых насыпей колеблется от 14 до 35 м при вы-

соте 0,1–1,5 м. В 2006–2011 гг. в ходе охранных работ, проводимых Южно-Уральским государственным университетом совместно с Институтом истории и археологии УрО РАН и Государственным историческим музеем Южного Урала, могильник был полностью исследован.

В настоящее время могильник Кичигино-I является единственным полностью раскопанным некрополем раннего железного века на территории Южного Зауралья. Время его функционирования — 2-я половина VII в. до н.э. — III в. н.э. Из погребений могильника происходит большая коллекция предметов, включающих вооружение, посуду, украшения, конскую амуницию, изделия из камня и различные органические материалы (кожа, дерево).

Изучение материалов могильника основывалось на мультидисциплинарном подходе, предполагающем интеграцию историко-археологических исследований с естественно-научными.

Радиоуглеродное датирование

Для уточнения хронологии погребений могильника проведено радиоуглеродное датирование. Последнее осуществлено с применением как жидкостинтилляционного метода (LSC) с последующей калибровкой, так и более совершенным и широко применяемым в мировой археологии методом ускорительной масс-спектрометрии (AMS). Всего получено 25 дат, охватывающих широкий хронологический диапазон 2510 ± 60 – 1720 ± 70 ВР. Датирование основного массива образцов (уголь, дерево, кости человека и животных) проводилось в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН под руководством к.г.н. Э.П. Зазовской. С помощью радиоуглеродного метода удалось датировать безынвентарные и малоинформативные комплексы (Таиров, 2020; 2020а; Маргарян, Грудочко, 2021). В качестве наблюдения стоит отметить превосходство AMS над LSC-датированием. Даты, полученные с помощью масс-спектрометрии для раннего железного века, наиболее удачны и соответствуют датам, определяемым археологическими методами.

Палеоантропологический анализ

Сотрудником Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва), к.и.н. Е.П. Китовым был проведен палеоантропологический анализ 10 индивидов из могильника Кичигино-I. Средняя продолжительность жизни у мужчин — 31–34 года, у женщин — 32–40 лет. Посткраниальные скелеты характеризуют их носителей как людей в основном некрупных. Средний рост мужчин — 167,5–171,6 см, женщин — 161–165 см. Среди патологий — поражения суставного аппарата, чаще позвоночника, в виде изношенности (уплощенности, остеофикации) тел позвонков, следствием чего обычно являются симптомы остеохондрозного заболевания, наличия грыж на суставных поверхностях. Краниологический материал из Кичигино-I вариативен — и в то же время имеет общие тенденции в характеристиках. На черепах довольно мозаично распределены европеоидные и уралоидные черты. Подобные характеристики фиксируются на черепах других групп Волго-Уральского региона. Но надо также отметить несколько увеличенную уралоидную составляющую, которая может быть обусловлена географической локализацией могильника на границе степной и лесостепной зон Южного Зауралья. С учетом результатов анализа антропологического материала из могильника Кичигино-I, выполненного Е.П. Китовым, была подготовлена и опубликована статья Н.А. Берсенева (2020).

Археозоологические исследования

Описание и обработка археозоологической коллекции осуществлялась к.г.-м.н. Л.Л. Гайдученко. Проанализировано 520 остеологических остатков из могильника Кичигино-I, определены видовой состав и отделы скелетов животных, возраст их забоя. Видовой состав жертвенных композиций в погребениях могильника однообразен: лошадь, крупный рогатый скот (в том числе вола), овца. Судя по наиболее сохранившимся композициям, использованы лишь части туш жертвенных животных. Возраст жертвенных животных разнообразный — от молодых до взрослых.

Анализ металлов

Все исследования проводились в Институте минералогии Южно-Уральского федерального научного центра минералогии и геоэкологии УрО РАН. Состав благородных и цветных металлов анализировался двумя главными методами: микронзондовым, сопряженным с рентгеноспектральным (РСМА), и рентгенофлуоресцентным (РФА). Исследования цветного металла выполнены к.г.-м.н. И.А. Блиновым и д.и.н. А.Д. Таировым. Проанализировано 580 наконечников стрел и 28 предметов невоенного назначения (зеркала, ворворки, поясные обоймы, детали уздечки, украшения и т.п.). По результатам исследования выяснилось, что основу состава всех наконечников стрел составляла медь, кроме нее в металле имеется мышьяк, сурьма, свинец, олово. Анализ показал, что около середины IV в. до н.э. происходит смена источников поступления цветного металла ранними кочевниками степной зоны

Южного Зауралья. В V — 1-й половине IV в. до н.э. почти весь металл поступал из иткульского очага металлургии и металлообработки, который находился в предгорной лесостепной части Зауралья. Этот металл представлен в абсолютном большинстве чистой медью без примесей или медью с добавками мышьяка, иногда — мышьяка и сурьмы. Во 2-й половине IV в. до н.э. появляется большое количество наконечников стрел, изготовленных из медных сплавов, содержащих свинец в качестве одного из компонентов. Источники части этого металла расположены к юго-западу и западу от Зауралья (Блинов, Таиров, 2020; 2022; Blinov, Tairov, 2022).

Среди предметов невоенного назначения из чистой меди, меди с малой примесью мышьяка, мышьяковой и мышьяково-сурьмяной бронзы отлито лишь незначительное число предметов. Большинство же предметов изготовлено из металла с добавлением олова. Как представляется, распространение бронз с лигатурой олова среди предметов невоенного назначения показывает, что использовались они в основном для производства изделий длительного применения. Очевидно, это указывает на высокую стоимость такого металла и олова, как его компонента. Кроме того, распространение в Южном Зауралье оловянных бронз свидетельствует о прямых или опосредованных связях с провинциями, где велась добыча олова (Памир, Прибалхашье, Алтай). Местный металл в целом ценился намного меньше и шел на изготовление легко теряющихся наконечников стрел или простых в изготовлении предметов, например ворворок. Предметы длительного пользования, достойные погребения в «богатых» курганах, из местного металла изготавливали редко (Блинов, Таиров, 2021; Blinov, Tairov, 2023).

Обобщены данные анализа всех изделий из драгоценных металлов (золото, серебро), обнаруженных в погребениях могильника Кичигино-I. Исследования были выполнены д.г.-м.н. В.В. Зайковым, д.и.н. А.Д. Таировым, к.г.-м.н. Е.В. Зайковой и к.г.-м.н. В.А. Котляровым. Большинство из 29 золотых предметов кургана 5 могильника Кичигино-I (2-я половина VII в. до н.э.) изготовлены из самородного весьма высокопробного золота, встречается также легированное золото средней и низкой пробности. В целом золото изделий могильника Кичигино-I образует на гистограмме две моды: более четкая в интервале 940–980‰ и меньшая по количеству предметов 800–860‰. Модальные значения пробности золотых изделий могильника близки пробности золота Кочкарского месторождения, расположенного в этом же районе. Вероятно, основным источником золота для населения пограничья степи и лесостепи Зауралья, прежде всего кочевых объединений, оставивших курганы могильника Кичигино-I, была Кочкарская россыпная зона. Использовалось, вероятно, и золото из Миасской и Миндякской россыпных зон (Юминов и др., 2009; Зайков и др., 2012; Зайков и др., 2016).

Коллективом исследователей под руководством к.г.-м.н. И.С. Степанова осуществлено исследование 12 образцов изделий из железа разной сохранности из разновременных погребений могильника Кичигино-I методом растровой электронной микроскопии. Состав шлаковых включений, выявленных в некоторых изделиях, показывает, что номады степной зоны Южного Зауралья получали железо разного происхождения, скорее всего, от разных производителей. Находки сыродутных железных шлаков известны в слоях V–III вв. до н.э. в соседнем Прикамье, кузнечные шлаки обнаружены на городищах раннего железного века Башкирского Приуралья. Это позволяет определить указанные регионы как возможные центры производства черного металла для кочевников Южного Урала.

Трасологический анализ 14 серебряных украшений из курганов №2 и 3 могильника Кичигино-I, хранящихся в Государственном историческом музее Южного Урала (г. Челябинск), был проведен К.Г. Маргарян. Все исследованные предметы разделены на две группы: цельнолитые и изготовленные из серебряного листа. Крупные предметы, такие как гривны или крупные детали височных подвесок, для экономии драгоценного металла изготавливались из бронзового и железного прута, который потом обрачивался в серебряный лист. Для мелких изделий (подвесные блоки височных подвесок, тонкие браслеты и витые колечки), где нужна была тонкая проволока, использовалась техника волочения. Предполагается два варианта появления проволоки с техникой волочения у кочевников Южного Зауралья: местная традиция изготовления с помощью фильер или использование импортных заготовок проволоки. На одной из проволок браслета вырезано стилизованное изображение клюва хищной птицы, размерами не более 1 мм. Дальнейшее исследование большей серии изделий из серебра и увеличение выборки поможет сделать вывод о местном или импортном происхождении серебряных изделий и проволоки у кочевников Южного Урала.

Геолого-минералогический анализ

Проведено определение пород камня семи предметов (мотыги, каменные жертвенники) могильника Кичигино-I. Выполнено оно с.н.с. Института минералогии ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН, к.г.-м.н. А.М. Юминовым. Все предметы изготовлены из местного сырья, встречающегося в окрестностях мо-

гильника. Это песчаник, гравий-песчаник, базальт, кварцит, кварц. Интересно, что предметы одного назначения (мотыги из кургана №5) изготовлены из разных пород камня: песчаник, гравий-песчаник и базальт.

Анализ красок

Работы по исследованию минерального состава красок проводились в Институте минералогии ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН к.г.-м.н. А.М. Юминовым и м.н.с. Научно-образовательного центра евразийских исследований ЮУрГУ К.Г. Маргарян. Проведен анализ красок с каменного жертвенника из погребения 2–3 могильной ямы 2 кургана 5 и с кожаного пояса с бронзовыми обоймами из могильной ямы 1 этого же кургана. Анализ красной краски с кожаного пояса показал наличие в ней киновари. Этот минерал практически не известен в местных месторождениях Южного Урала. Обнаружение киновари в составе пигмента, нанесенного на кожаный пояс, скорее всего, свидетельствует о том, что он изготовлен за пределами Южного Урала. Единственным комплексом сакского времени, где обнаружена киноварь, является курган Аржан-2. Ближайшие же аналогии бронзовым пряжкам с пояса происходят с территории Центрального Казахстана, Приаралья, Тувы и Алтая, скорее всего, в каком-то из этих регионов и был изготовлен кичигинский пояс, прокрашенный краской на основе киновари. Анализ красок, нанесенных на каменный жертвенник, показал, что в их состав входили предварительно растертые природные минералы, скорее всего, местного происхождения: пиролюзит, гематит, гетит, гипс, крокоит (Маргарян, Юминов, 2021; Margaryan, Yuminov, 2023).

Палеопочвенные и палеоклиматические исследования

Для реконструкции климата, ландшафта, флоры и фауны окрестностей могильника Кичигино-I во 2–3-й четверти I тыс. до н.э. проведен анализ образцов погребенной почвы и остатков растений, отобранных из курганов и отдельных погребений могильника. Ведущим научным сотрудником Института криосферы земли Тюменского научного центра СО РАН, к.г.н. А.С. Якимовым изучено морфологическое строение подкурганых почв и курганных насыпей, а также современной почвы. Методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии в Тюменском отделении СургутНИПИнефть проведено геохимическое исследование почв из двух курганов могильника Кичигино-I. Выявлено, что подкурганые почвы менее гумусированы, чем современная почва. Выполнена предварительная реконструкция состояния природных условий в два периода раннего железного века: 2-я половина VII в. до н.э. и конец V — IV в. до н.э., которые отличались небольшой засушливостью климата по сравнению с современной окружающей средой и были непродолжительными, так как кардинальных изменений в почвенном покрове в исследуемом районе не произошло. Осуществлено также геохимическое исследование почв из курганов №5 и 8 могильника Кичигино-I методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии. Получены и проанализированы данные о распределении 16 химических элементов в изученных профилях. Сделаны выводы о том, что природные условия во время сооружения этих курганов были близки к современной природной обстановке.

Представлена также физико-географическая характеристика района расположения могильника Кичигино-I. Выполнена она доцентом кафедры географии и методики обучения географии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, к.г.н. С.Г. Захаровым. Им рассмотрены особенности лесостепной провинции Зауральского пенеппена, дана современная климатическая характеристика местности. Рассмотрена гидрографическая сеть окрестностей могильника. Особое внимание уделено характеристике Кичигинского бора, на окраине которого расположен некрополь.

Анализ керамических изделий

В качестве эксперимента методом рентгенофазового (рентгеноструктурного) анализа проведено исследование фрагментов керамики из могильника Кичигино-I. Анализы выполнены к.г.-м.н. И.А. Блиновым (Институт минералогии ЮУ ФНЦ МиГ УрО РАН). Исследование показало, что керамика из Кичигино не имеет единообразного минерального состава. Это, вероятно, связано с использованием разных источников сырья.

Заведующим музеем археологии Оренбургского государственного педагогического университета к.и.н. Л.А. Краевой проведен технико-технологический анализ 12 сосудов и 14 фрагментов керамики могильников Кичигино-I и Кичигино-II. Для керамики савроматского времени (2-я половина VI — 3-я четверть V в. до н.э.) зафиксировано пять рецептов формовочной массы, использование ожелезненных слюдисто-талковых глин, ожелезненных глин средней и сильной степени запесоченности. В глины в качестве искусственных примесей добавлялись шамот, тальк, органический раствор. Корреляция посуды савроматского времени из одного погребения показывает, что в одно погребение могла быть

положена керамика, сделанная разными гончарами с разными традициями ее изготовления. В целом проанализированный керамический материал из курганных могильников Кичигино-I и II показывает смешение различных традиций и в то же время наличие специфики в изготовлении некоторых групп посуды. Проводя сравнение наиболее многочисленной керамики савроматского и раннесарматского периодов, следует отметить, что их керамические комплексы в морфологии, орнаментации и технологии демонстрируют больше различий, чем общего.

Исследования кожи, текстиля. Палеопротеомный анализ

Изделия из кожи и текстиля из шести курганов (16 образцов) могильников Кичигино-I проанализированы м.н.с. ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург) В.С. Бусовой. Полученные данные были дополнены протеомным анализом 13 изделий из кожи, проведенным С. Браун на базе общества палеопротеомики факультета предыстории и естественно-научных методов в археологии Университета Тюбингена (Германия). В курганах могильника найдены различные изделия из органики. Для их создания использованы следующие материалы: дерево, кожа и мех, текстиль, войлок, перья птиц. В основном это фрагменты поясной фурнитуры, колчанов и конской упряжи. Наибольшая концентрация фрагментов изделий из кожи зафиксирована в могильной яме 1 кургана №5 (2-я половина VII в. до н.э.). В целом костюм и набор сопроводительного инвентаря погребенного соответствуют условной моде военно-аристократической верхушки кочевого общества Южного Зауралья, находя прямые аналогии как в памятниках Оренбургской области (курганная группа Акоба-II), так и в кургане Чинге-Тэй-I в Туве. Следует отметить, что это первый опыт анализа фрагментов кожаных и текстильных изделий из погребальных комплексов Южного Зауралья.

Изотопный анализ

Изотопный анализ был проведен в Центре коллективного пользования «Масс-спектрометрические исследования» ЦКП (изотопного анализа) Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, под руководством д.б.н. А.В. Тиунова. Пробоподготовка образцов и интерпретация результатов были сделаны в лаборатории контекстуальной антропологии ИА РАН О.С. Чагаровым. Из 19 образцов коллагена костной ткани только 12 характеризовались сохранностью, позволяющей определять прижизненное соотношение $^{13}C/^{12}C$ и $^{15}N/^{14}N$. По результатам анализа можно заключить, что диета практически всех исследованных индивидов была высокобелковой. Территория выпаса сельскохозяйственных животных была связана с гумидными ландшафтами. Включенные в анализ два образца коллагена костной ткани лошадей показали очень низкие значения по $\Delta^{13}C$ и $\Delta^{15}N$. Скорее всего, изученные лошади паслись на травах и не получали дополнительного питания в виде зерна и других добавок. Наиболее интересной особенностью полученных данных, вероятно, следует считать то, что углеводный компонент пищи практически всех исследованных индивидов базировался на растениях исключительно C3-типа.

Антракологический анализ предметов из дерева

Проведен антракологический анализ древесных углей из могильников Кичигино-I и Кичигино-II м.н.с. лаборатории «PaleoData» ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск), к.и.н. М.О. Филатовой. Изучено 37 образцов из которых 19 были идентифицированы как древески стрел, чекана, копья; один образец представлен фрагментом чаши, остальные относились к конструкциям либо просто обозначались как отдельные бревна. В результате исследований выявлено, что к древесной породе березы повислой принадлежит 67% образцов, сосны сибирской — 5%, тополь/ива — 2%, к хвойным относятся 8%, лиственным — 13%, а 5% не были определены, так как анатомическая структура была сильно повреждена огнем.

Биологом Е.А. Чибилевым проведен анализ хитиновых покровов личинок (пупарий) *Sarcophaga* sp. и *Lucilia* sp. из кургана №4 могильника Кичигино-I. С помощью анализа удалось определить временной промежуток создания кургана: май — сентябрь.

При работе с материалами могильника Кичигино-I проведены как достаточно распространенные естественно-научные исследования, которые в мировой науке используются не первый год (радиоуглеродный, изотопный, археозоологический, антропологический, палеопочвоведческий, трасологический, петрографический анализы и др.), так и новые, только набирающие обороты исследования (палеопротеомный, антракологический и анализ красящих пигментов).

Таким образом, результатом проведенных анализов стала абсолютная хронология погребений могильника Кичигино-I, палеоантропологическая характеристика населения, оставившего некрополь. В ходе работ получены новые данные о природной среде, хозяйстве и системе жизнеобеспече-

ния ранних кочевников Южного Зауралья. Описанный круг использованных естественно-научных методов позволил расширить существующую информацию о кочевниках раннего железного века Южного Зауралья.

Список источников

Берсенева Н.А. Женские погребения могильника Кичигино-I в контексте особенностей погребального обряда ранних кочевников Южного Урала // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20, №4. С. 31–36. DOI: 10.14529/ssh200404

Блинов И.А., Таиров А.Д. Состав наконечников стрел раннесарматского времени из могильных ям 1 и 2 кургана №3 могильника Кичигино-I // Геоархеология и археологическая минералогия — 2020. Миасс; Челябинск, 2020. С. 190–193.

Блинов И.А., Таиров А.Д. Состав бронзовых изделий невоенного назначения могильника Кичигино-I // Геоархеология и археологическая минералогия — 2021. Миасс; Челябинск, 2021. С. 150–155.

Блинов И.А., Таиров А.Д. Химический состав металла медных и бронзовых наконечников стрел могильника Кичигино-I // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21, №1. С. 91–118. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.5>

Зайков В.В., Таиров А.Д., Зайкова Е.В., Юминов А.М., Котляров В.А. Благородные металлы в рудах и древних золотых изделиях Центральной Евразии. Челябинск, 2016. 320 с.

Зайков В.В., Таиров А.Д., Зайкова Е.В., Яблонский Л.Т., Котляров В.А. Благородные металлы в рудах и древних золотых изделиях Южного Урала. Екатеринбург, 2012. 232 с.

Маргарян К.Г., Грудочко И.В. Погребения начала I тысячелетия новой эры могильника Кичигино-I // Наука ЮУрГУ. Секция социально-гуманитарных наук. Челябинск, 2021. С. 124–130.

Маргарян К.Г., Юминов А.М. Минеральный состав красок на каменных жертвенниках кочевников раннего железного века Центральной Евразии // Геоархеология и археологическая минералогия-2021. Миасс; Челябинск, 2021. С. 76–81.

Таиров А.Д. Мужские воинские погребения кургана №3 могильника Кичигино-I // Археологическое наследие. 2020. №1 (3). С. 182–196.

Таиров А.Д. Женские погребения кургана 3 могильника Кичигино-I (Южное Зауралье) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3 т. Т. 2. Самара, 2020а. С. 117–119.

Юминов А.М., Зайков В.В., Таиров А.Д., Гуляев В.Д., Хворов П.В. Рентгенофлуоресцентный и микрозондовый анализ древних золотых изделий // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 102–106.

Blinov I.A., Tairov A.D. Arrowheads from Two Sarmatian Burials of the One Mound: Metal Composition and Shape Relation. In: Ankusheva N., Chechushkov, I.V., Stepanov I., Ankushev M., Ankusheva P. (eds) Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer, Cham. 2022. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86040-0_5

Blinov I.A., Tairov A.D. Composition of Non-military Bronze Items from the Kichigino-I Burial Ground. In: Ankusheva N.N., Chechushkov I.V., Epimakhov A.V., Ankushev M.N., Ankusheva P.S. (eds.) Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy — 2021. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer, Cham. 2023. https://doi.org/10.1007/978-3-031-16544-3_25

Margaryan K.G., Yuminov A.M. The Mineral Composition of Pigments from the Archaeological Sites of the Early Iron Age Nomads of the Southern Urals. In: Ankusheva N.N., Chechushkov I.V., Epimakhov A.V., Ankushev M.N., Ankusheva P.S. (eds.) Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy — 2021. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer, Cham. 2023. https://doi.org/10.1007/978-3-031-16544-3_13

Информация об авторах / Information about the Authors

Ксения Геннадьевна Маргарян, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Научно-образовательный центр евразийских исследований, младший научный сотрудник; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, <https://orcid.org/0000-0002-8017-7011>, konoplyova-ksenya@mail.ru

Ksenya G. Margaryan, South Ural State University (National Research University), Scientific and Educational Center Eurasian Studies, Junior Researcher; 454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 76, <https://orcid.org/0000-0002-8017-7011>, konoplyova-ksenya@mail.ru

Александр Дмитриевич Таиров, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), директор Научно-образовательного центра евразийских исследований; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, доктор исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-8575-0430>, tairov55@mail.ru

Aleksandr D. Tairov, South Ural State University (National Research University), Director of the Scientific and Educational Center Eurasian Studies; 454080, Russia, Chelyabinsk, Lenin Ave., 76, Doctor of History, <https://orcid.org/0000-0001-8575-0430>, tairov55@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.2(574.4)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.17

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОСТАВА МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ИЗДЕЛИЙ
ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ с. КУРЧУМ
(Восточный Казахстан)**

Алексей Алексеевич Тишкин¹, Гани Калиханович Омаров²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Казахский национальный университет им. аль Фараби, Алматы, Казахстан

Резюме. В музее села Курчум Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан экспонируется небольшая коллекция археологических предметов, которая представляет собой в основном случайные находки. Среди них выделяется группа изделий из цветного металла различной сохранности. Исследования проводились с помощью портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США). Тестировалась поверхность прикрепленных экспонатов, покрытых окислами и патиной. Полученные результаты могут рассматриваться как предварительные и демонстрирующие лишь качественные показатели. Однако эти данные позволяют охарактеризовать сплавы, использовавшиеся для изготовления разных категорий предметов материальной культуры.

Ключевые слова: Верхнее Прииртышье, музей, археологическая коллекция, случайные находки, эпоха бронзы, ранний железный век, рентгенофлуоресцентный анализ

Благодарности: работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства», А.А. Тишкин), а также в рамках исследований по ПЦФ Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (проект BR18574057 «Междисциплинарное (археологическое и историко-этнографическое) исследование культурного наследия юго-восточных и восточных регионов Казахстана (Шу-Илиский ареал, Тарбагатай и Алакольская котловина)», Г.К. Омаров). Авторы благодарны сотруднице музея в с. Курчум Нурзаш Калитовой за возможность познакомиться с археологической коллекцией и за консультации о находках.

Для цитирования: Тишкин А.А., Омаров Г.К. Предварительные определения состава металлических изделий из археологической коллекции музея с. Курчум (Восточный Казахстан) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 85–89.

**PRELIMINARY DETERMINATION OF THE COMPOSITION OF METAL PRODUCTS
FROM THE ARCHAEOLOGICAL COLLECTION OF THE KURCHUM VILLAGE MUSEUM
(East Kazakhstan)**

Alexey A. Tishkin¹, Gani K. Omarov²

¹Altai State University, Barnaul, Russia

²Al Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Abstract. The museum of the Kurchum village, the East Kazakhstan region of the Republic of Kazakhstan, exhibits a small collection of archaeological items which are mostly random finds. Among them stands out a group of items made of non-ferrous metal of various preservation. The studies were carried out with the use of a portable X-ray fluorescence spectrometer “INNOV-X SYSTEMS” ALPHA SERIES™ (model Alpha-2000, made in the USA). The surface of the attached exhibits covered with oxides and patina was tested. The results obtained can be considered as preliminary and demonstrating only qualitative indicators. However, these data make it possible to characterize the alloys used for the manufacture of various categories of objects of material culture.

Keywords: Upper Priirtyshye, museum, archaeological collection, accidental finds, Bronze Age, Early Iron Age, X-ray fluorescence analysis

Acknowledgments: This work was financially supported by Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00470 «The world of ancient nomads of Inner Asia: interdisciplinary studies of material culture, sculptures and economy», A.A. Tishkin), as well as in the framework of research under the PCF of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (project BR18574057 “Interdisciplinary (archaeological and historical-ethnographic) study of the cultural heritage of the south-eastern and eastern regions of Kazakhstan (Shu-Ili area, Tarbagatai and Alakol Basin)”, G.K. Omarov). The authors are grateful to Nurzash Kalitova, an employee of the museum in the village of Kurchum, for the opportunity to get acquainted with the archaeological collection and for advice on the finds.

For citation: Tishkin A.A., Omarov G.K. Preliminary Determinations of the Composition of Metal Products from the Archaeological Collection of the Kurchum Village Museum (East Kazakhstan) // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 85–89.

В Филиале коммунального государственного казенного предприятия «Областной историко-краеведческий музей» в с. Курчум Управления культуры, архивов и документации Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан экспонируется небольшая археологическая коллекция. В ее состав вошли случайные находки, собранные при разных обстоятельствах на территории Верхнего Прииртышья. Их изучение имеет важное значение, так как данный регион является ключевым при реконструкции процессов взаимодействия народов в древности и средневековье.

В указанной коллекции имеются находки эпохи бронзы и раннего железного века, сделанные из цветного металла. Они все прикреплены к планшетам с этикетками, на которых обозначены места обнаружения и предполагаемые датировки. С помощью портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIESTM (модель Альфа-2000, производство США) осуществлялись исследования этих музейных предметов в исходном состоянии (без снятия с планшетов). Тестировалась только поверхность, покрытая патиной и окислами, что не обеспечивает возможности более точного количественного определения состава сплава, а позволяет получить результаты лишь для качественной характеристики исходного материала. Снятие окислов не осуществлялось. Предварительные данные вводятся в научный оборот для привлечения внимания специалистов и осуществления дальнейших комплексных исследований, а также для демонстрации части археологической коллекции. Необходимость такой публикации обусловлена слабой изученностью находок из цветного металла, обнаруженных на территории Верхнего Прииртышья и Юго-Западного Алтая. Стоит отметить, что указанный прибор позволяет, не разрушая экспоната, методом рентгенофлуоресцентной спектрометрии определить содержание химических элементов в изделиях из цветных металлов и сплавов. Для фиксации таких результатов использовалась компьютерная программа с режимом «Аналитический», адаптированная для изучения археологических находок и предусматривающая время измерения 30 сек.

Первым исследовался кельт (рис. 1.-1а-в) хорошей сохранности, покрытый патиной. Он был найден в селе Куйган (Курчумский район), которое располагается на правом берегу Иртыша. Получены такие показатели тестирования окисленной поверхности: Cu (медь) — 88,02%; Sn (олово) — 9,57%; Pb (свинец) — 0,91%; As (мышьяк) — 0,86%; Bi (висмут) — 0,29%; Fe (железо) — 0,28%; Mn (марганец) — 0,07%. Они указывают на медно-оловянный (бронзовый) сплав с набором характерных рудных примесей. Датировка изделия обозначена на этикетке — XI–VII вв. до н.э.

Затем прибором изучался крупный нож (рис. 1.-2), имеющий утраты и покрытый рыхлыми окислами. Он был обнаружен в урочище Кулыбай и датирован XIII–XII вв. до н.э. Тестировался центр находки. Зафиксированы следующие химические элементы: Cu — 95,18%; Sn — 4,65%; Fe — 0,09%; Pb — 0,08%. Эти данные свидетельствуют о медно-оловянном (бронзовом) сплаве.

Наконечник дротика (рис. 1.-3), покрытый патиной и имеющий серию дефектов, которые, вероятнее всего, получены при отливке, был найден в селе Жылтау (Курчумский район). Он датирован XIII–XII вв. до н.э. В центре изделия получены следующие результаты тестирования спектрометром, свидетельствующие о медно-оловянном (бронзовом) сплаве: Cu — 88,08%; Sn — 11,4%; Pb — 0,18%; Zn (цинк) — 0,17%; Fe — 0,17%.

Следующая группа находок размещена на одном общем планшете и обозначена на этикетке как «бронзовые бритвы» VIII–VII вв. до н.э. (рис. 1.-4–6). Предметы обнаружены в районе рудника Кыстау-Курчум, который находится в 70 км на восток от с. Курчум. Все они являются частями обычных металлических ножей, предназначенных для хозяйственной деятельности. У первого из них (рис. 1.-4) обломана большая часть клинка. Получены такие результаты изучения окисленной поверхности: Cu — 48,97%; Sn — 50,97%; Pb — 0,06%. Они однозначно указывают на медно-оловянный (бронзовый) сплав. Вторая находка представляет собой обломок клинка ножа (рис. 1.-5), лезвие которого имеет зазубрины, что, по всей видимости, стало следствием неудачной отливки. Прибором зафиксированы такие показатели: Cu — 67,56%; Sn — 29,97%; Fe — 1,5%; Pb — 0,54%; Ti (титан) — 0,25%; Bi — 0,18%. Судя по ним, использовался медно-оловянный (бронзовый) сплав. Еще один обломок клинка с выраженным острием и заточенным лезвием (рис. 1.-6) указывает на использование ножа в практическом применении. Его тестирование рентгенофлуоресцентным спектрометром указывает на более сложный бронзовый сплав: Cu — 52,95%; Sn — 29,01%; Pb — 11,68%; Fe — 3,74%; Ag (серебро) — 1,79%; As — 0,53%; Bi — 0,3%. Основу составляет медь, а олово и свинец выступали основными легирующими добавками. Остальные указанные элементы могут отражать рудные примеси и результаты коррозии поверхности находки.

Следующий экспонат музея обозначен как бронзовый кинжал (рис. 1.-7). Он найден в карьере ДЭУ-339 у села Раздольное, которое располагается на левобережье Иртыша. Изделие датировано XII–X вв. до н.э. Оно покрыто «благородной» патиной. Исследование прибором выявило следующие

Рис. 1. Случайные находки с территории Верхнего Прииртышья:

- 1 — с. Куйган; 2 — урочище Кулыбай; 3 — с. Жылтау; 4-6 — у рудника Кыстау-Курчум;
7 — с. Раздольное; 8 — р. Курчум; 9 — р. Кыстау-Курчум; 10 — урочище Кыстау-Курчум
- Fig. 1. Accidental finds from the territory of the Upper Priirtyshie:
1 — Kuigan village; 2 — Kulybai tract; 3 — Zhyltau village; 4-6 — at the Kystau-Kurchum mine;
7 — Razdolnoye village; 8 — Kurchum river; 9 — Kystau-Kurchum river; 10 — Kystau-Kurchum tract

показатели: Cu — 56,83%; Sn — 40,79%; Pb — 1,32%; Fe — 1,06%. Эти данные действительно указывают на бронзовый сплав, в котором было повышенное содержание олова.

Следующие две публикуемые находки (рис. 1.-8, 9) представляют собой часть рыболовного крючка и иглу. Указанным портативным спектрометром они не исследовались. Первая находка (рис. 1.-8) была сделана на р. Курчум, а вторая (рис. 1.-9) — в долине р. Кыстау-Курчум, откуда также происходит средневековый наконечник стрелы из железа (рис. 2.-8).

Отдельное внимание нами было уделено части удил раннесакского времени (рис. 1.-10). Находка была сделана в урочище Кыстау-Курчум и не совсем верно атрибутирована музейными сотрудниками. Она покрыта мощными окислами. Сначала тестировалась длинная часть одного обломанного грызла с валиковым утолщением с одной стороны и с внутренним кольцевидным окончанием для соединения с другой. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа: Cu — 52,75%; Sn — 39,77%; Fe — 3,69%; Pb — 2,02%; Sb (сурьма) — 1,4%; Bi — 0,21%; Mn — 0,16%. Затем в районелома, где частично отпали окислы, исследовалась короткая часть второго звена удил. Зафиксированы следующие

Рис. 2. Случайные находки с территории Верхнего Прииртышья:
 1-4, 6-7 — у рудника Кыстау-Курчум; 5, 8-14 — р. Кыстау-Курчум; 15-17 — урочище Кулыбай
 Fig. 1. Accidental finds from the territory of the Upper Priirtyshie:
 1-4, 6-7 — at the Kystau-Kurchum mine; 5, 8-14 — Kystau-Kurchum river; 15-17 — Kulybai tract

щие показатели: Cu — 90,87%; Sn — 6,8%; Fe — 2,2%; Pb — 0,13%. Эти данные позволяют отметить, что детали удил могли изготавливаться отдельно.

Следующие публикуемые находки (рис. 2) тестировались также не все в силу ограниченного времени. Среди них имеется серия целых и частично сломанных шильев (рис. 2.-1-4, 6-7), обнаруженных в районе рудника Кыстау-Курчум и датированных XII-X вв. до н.э. (хотя некоторые относятся к раннему железному веку).

Исследование сохранившейся верхней части одного из изделий (рис. 2.-4), покрытого окислами, демонстрирует медно-оловянный (бронзовый) сплав: Cu — 48,69%; Sn — 42,66%; Fe — 7,78%; Pb — 0,6%; Bi — 0,27%. Тестирование поверхности крупного целого инструмента (рис. 2.-6) также указывает на бронзовый сплав, но с меньшим количеством олова: Cu — 81,38%; Sn — 16,38%; Fe — 2,08%; Pb — 0,08%; Mn — 0,08%.

Внимание было уделено также наконечникам стрел. Самый крупный из них (рис. 2.-5) найден на реке Кыстау-Курчум и датирован XI-VIII вв. до н.э. Тестирование его поверхности спектрометром выявило следующие показатели: Cu — 93,09%; As — 4,52%; Fe — 1,29%; Sn — 0,65%; Zn — 0,21%; Ti — 0,17%; Pb — 0,07%. Этот поэлементный ряд указывает на своеобразную рецептуру, в которой роль олова скорее символическая, чем необходимая технологическая. Основу сплава составляла медь с рудными примесями.

Следующие наконечники стрел также найдены на реке Кыстау-Курчум. На этикетке обозначена датировка — XIII-X вв. до н.э. Один из них оказался бронзовым (рис. 1.-12) и на его поверхности зафиксирован такой состав: Cu — 56,69%; Sn — 42,44%; Pb — 0,52%; Fe — 0,35%. Вторым (рис. 2.-13) был сделан на медной основе с символической добавкой олова: Cu — 98,55%; Sn — 0,44%; Fe — 0,34%; Bi — 0,31%; Zn — 0,2%; Pb — 0,11%; Ni — 0,05%.

Из имеющихся так называемых украшений (рис. 2.-15-17), датированных XII-X вв. до н.э., спектрометром исследовалось только одно (рис. 2.-15). Зафиксированы следующие химические элементы: Cu — 36,71%; Sn — 56,53%; Fe — 6,69%; Pb — 0,07%. Несмотря на сильное окисление, повлиявшее на результаты, как и во всех предыдущих случаях, можно констатировать наличие медно-оловянного (бронзового) сплава.

В заключение стоит указать, что культурно-хронологическая идентификация представленных случайных находок не являлась целью данной публикации. Для этого необходима отдельная работа. Важно было обозначить такую перспективу с учетом сделанных предварительных заключений об использованных сплавах. Такая работа нами была ранее проделана при изучении археологического собрания Зайсанского историко-краеведческого музея (Тишкин, Омаров, Жунисов, 2020). Большинство изделий, хранящихся в музее с. Курчум, изготовлено на медной основе с использованием такого легирующего компонента, как олово, дефицита которого древние мастера не испытывали, так как неподалеку находятся соответствующие месторождения.

Список источников

Тишкин А.А., Омаров Г.К., Жунисов Ф.Т. Рентгенофлуоресцентный анализ древних изделий из археологического собрания Зайсанского историко-краеведческого музея (Восточный Казахстан) // Маргулановские чтения — 2020: материалы международной научно-практической конференции «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований». Алматы, 2020. Т. 1. С. 180–186.

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой, Отдел сопровождения НИОКР, главный научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department, R&D Support Department, Chief Scientific Officer; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Гани Калиханович Омаров, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, кафедра археологии, этнологии и музеологии, доцент; 050040, Казахстан, г. Алматы, пр. аль-Фараби, 71, кандидат исторических наук, gany_omarov@mail.ru

Gani K. Omarov, Al Farabi Kazakh National University, Department of Archaeology, Ethnology and Museology, Associate Professor; 050040, Kazakhstan, Almaty, Al Farabi Ave., 71, Candidate of Historical Sciences; gany_omarov@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.2

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.18

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ZOOMS-АНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНИХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ КОЖИ (на примере находок из памятника Бугры)

Алексей Алексеевич Тишкин¹, Светлана Владимировна Шнайдер², Светлана Владимировна Баранова³, Александр Анатольевич Чернонос³, Олеся Викторовна Ершова², Юлия Владимировна Срывкина², Владимир Васильевич Коваль³

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

³Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН, Новосибирск, Россия

Резюме. В данной публикации рассматриваются перспективы и отдельный опыт изучения древних кожаных изделий или сохранившихся остатков от них. Наибольшее число находок из органических материалов обнаружено в замерзших могилах пазырыкской культуры. Отдельное внимание уделялось найденным шубам. Кроме них имеется существенный массив украшений, разных вещей и приспособлений из кожи, которые могут исследоваться с помощью ZooMS-анализа (Zooarchaeology by Mass Spectrometry analysis). Фрагменты кожаной одежды были зафиксированы в кургане №4 на памятнике Бугры, датируемом скифо-сарматским временем и отнесенном к каменской археологической культуре. Осуществлялось определение отобранных образцов. Были выделены пептиды, позволяющие определить животных, шкуры которых использовались для изготовления верхней плечевой одежды. Полученные результаты AMS-датирования дополняют реализуемую исследовательскую программу.

Ключевые слова: Алтай, археологические находки, древняя кожа, ZooMS-анализ

Благодарности: работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФИ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства», А.А. Тишкин).

Для цитирования: Тишкин А.А., Шнайдер С.В., Баранова С.В., Чернонос А.А., Ершова О.В., Срывкина Ю.В., Коваль В.В. О возможности применения ZooMS-анализа при изучении древних изделий из кожи (на примере находок из памятника Бугры) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 90–94.

ON THE POSSIBILITY OF USING ZOOMS-ANALYSIS IN THE STUDY OF ANCIENT LEATHER GOODS (on the Example of Finds from the Buggy Site)

Alexey A. Tishkin¹, Svetlana V. Shnaider², Svetlana V. Baranova³, Alexander A. Chernonosov³, Olesya V. Ershova², Julia V. Sryvkina², Vladimir V. Koval³

¹Altai State University, Barnaul, Russia

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

³Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract. This publication discusses perspectives and individual experiences in the study of ancient leather goods or their preserved remains. The largest number of finds from organic materials was found in frozen graves of the Pazyryk culture. Special attention was paid to the found fur coats. Besides them there is a substantial array of jewellery, different things and devices made of leather, which can be studied by ZooMS-analysis (Zooarchaeology by Mass Spectrometry analysis). Fragments from leather clothing were recorded in burial No. 4 at the Buggy site, dated to the Scythian-Sarmatian period and assigned to the Kamen archaeological culture. Determination of the collected samples was carried out. Peptides were isolated to identify the animals whose skins were used for upper shoulder clothing. The obtained AMS-dating results complement the ongoing research programme.

Keywords: Altai, archaeological finds, ancient skin, ZooMS-analysis

Acknowledgments: this work was financially supported by Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00470 «The world of ancient nomads of Inner Asia: interdisciplinary studies of material culture, sculptures and economy», A.A. Tishkin).

For citation: Tishkin A.A., Shnaider S.V., Baranova S.V., Chernonosov A.A., Ershova O.V., Sryvkina Ju.V., Koval M.M. On the Possibility of Using ZooMS-Analysis in the Study of Ancient Leather Goods (on the Example of Finds from the Buggy Site) // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing house of Altai University, 2023. P. 90–94.

При проведении археологических раскопок на Алтае и сопредельных территориях уже исследовано существенное число памятников, оставленных древними кочевниками. Они являются основой для проведения историко-культурных реконструкций. Среди полученных находок встречаются сохранив-

шиеся изделия из кожи, отдельные части или маленькие фрагменты. Они также являются важными источниками для изучения, однако требуют применения специальных методов и приборов. В настоящее время спектр возможностей расширился благодаря ZooMS-анализу. Перспектива таких исследований будет продемонстрирована на материалах, полученных при раскопках кургана №4 памятника Бугры, расположенного в предгорьях Алтая и относящегося к скифо-сарматскому времени. Прежде чем описать реализованный алгоритм, кратко остановимся на наиболее многочисленных кожаных артефактах, обнаруженных в погребениях пазырыкской культуры. Дополнительной информацией обеспечит изучение современными методами этого яркого феномена, зафиксированного на Алтае благодаря мерзлоте, образовавшейся в подкурганых захоронениях. Первые раскопки такой могилы в 1865 г. осуществлялись на Катандинском могильнике, где был вскрыт большой курган, ограбленный в древности. Там была найдена шуба, пошитая из соболиных шкур и покрытая шелком оливкового цвета, а также другие изделия из кожи (Радлов, 1989).

Дальнейшие исследования «царских» курганов на памятниках Пазырык, Туекта и Башадар дали большой массив находок из кожи совершенно разного назначения (Руденко, 1948; 1953; 1960; Грязнов, 1950; и др.). Изучение на плато Укок «ледяных» могил и других курганов на Алтае и в Северо-Западной Монголии дополнили такую источниковую базу (Полосьмак, 1994; 2001; Феномен..., 2000; Полосьмак, Молодин, 2001; Nagler, Parzinger, Piezonka, 2008; Молодин, Парцингер, Цэвээндорж, 2012; и др.). Среди них стоит отметить шубы, которые позволили расширить наши представления о системе жизнеобеспечения «пазырыкцев». Так, например, на памятнике Верх-Кальджин-II шубы обнаружены в первом и третьем курганах. Благодаря относительно хорошей сохранности изделий удалось определить животных, шкуры которых использовались для их пошива. Так, в первом кургане шуба была изготовлена из шкур сурков (внешний слой) и овчины (внутренний слой), также отмечается наличие орнамента из конского волоса (Полосьмак, 2001, с. 127, рис. 92, 93). Шуба из кургана №3 также состояла из овчины мехом внутрь, а для отделки дополнительно использовались соболиные шкурки и шкура черного жеребенка (Полосьмак, 2001, с. 128–130, рис. 94). Двусторонняя шуба была обнаружена на памятнике Олон-Курин-Гол-10 в Северо-Западной Монголии (Молодин, Парцингер, Цэвээндорж, 2012, с. 29, рис. 201–213). На основе макро- и микроскопических характеристик волос с разных участков удалось идентифицировать животных, шкуры которых использовались для ее изготовления (Молодин и др., 2009). Внутренняя сторона состояла из овечьих шкур, которые могут относиться к грубошерстной породе овец (*Ovis aries L.*) Верхняя часть наружной стороны шубы была сшита из соболиных шкурок (вероятнее всего, *Martes zibellina L.*). Использовался также зимний мех белки, близкой к современному подвиду *Sciurus vulgaris L.* В нижней наружной части шубы имеется декоративный орнамент. Он оформлен в виде двух вертикальных планок, на которые были нашиты темные ромбики и пучки длинных волос лошади, окрашенные в красный цвет. Низ шубы и рукава имели окантовку из лошадиных волос, окрашенных в голубой цвет (Молодин и др., 2009). Приведенные примеры демонстрируют лишь часть реализованных возможностей. Еще предстоит большая работа по дальнейшей идентификации других многочисленных кожаных изделий пазырыкской культуры.

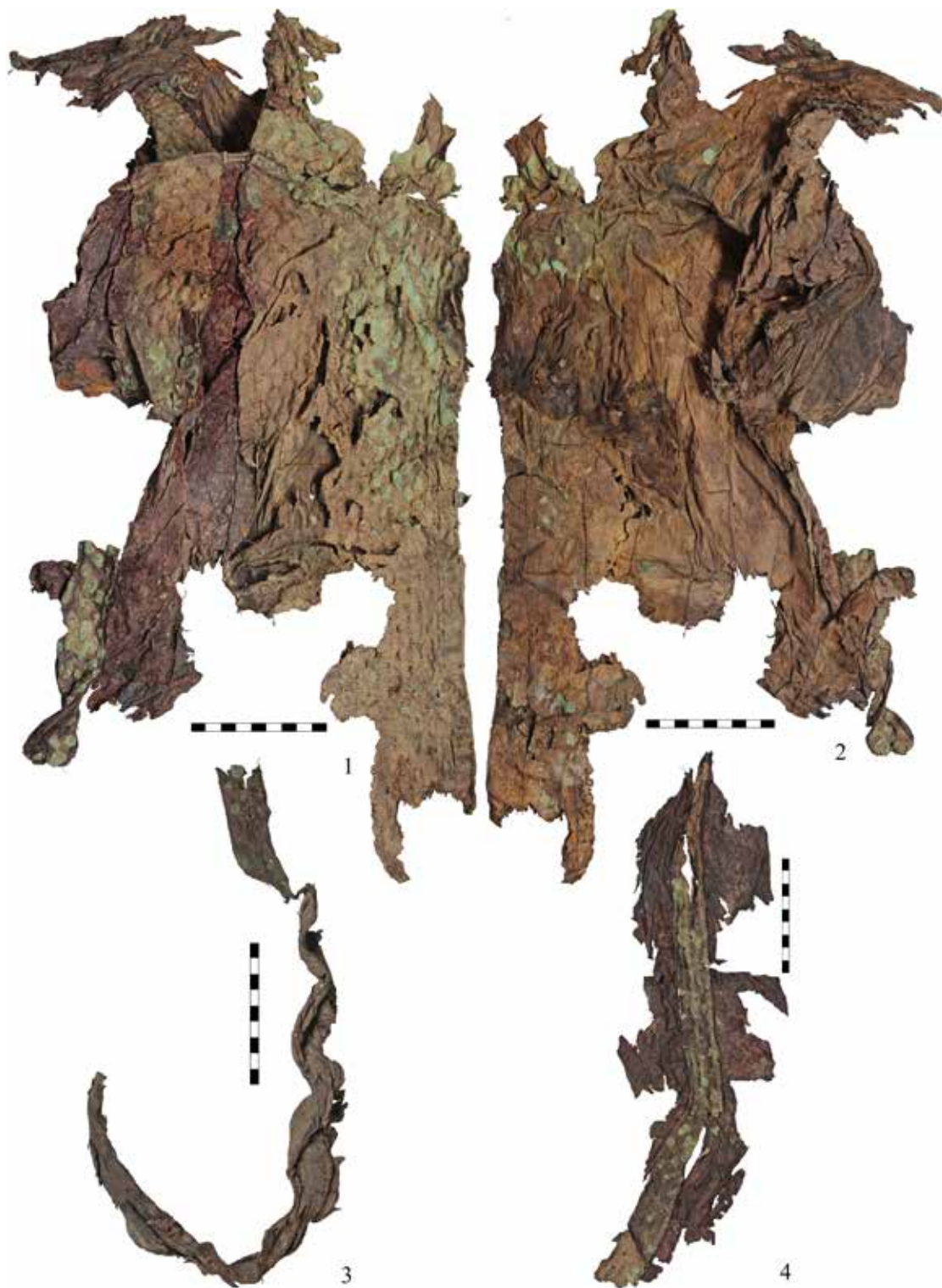
В других условиях кожаные изделия не сохраняются или от них остаются отдельные фрагменты. Изучение таких находок имеет еще более существенную важность. Опыт частично реализованных исследований материалов из одного кургана предгорно-степной зоны Алтая будет представлен ниже.

В 2007 г. Юго-Западной археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи совместно с отрядом, организованным сотрудником Государственного Эрмитажа К.В. Чугуновым, исследовался курган №4 на памятнике Бугры (Тишкин, Чугунов, 2008; Тишкин, 2012; и др.). В «дромосе» была обнаружена верхняя часть мумифицированного человеческого тела (Тишкин, 2009). Рядом с ней залегал крупный фрагмент одежды, которая представляет собой совокупность разных материалов: кожа разной толщины, шерсть, мех, остатки металлических изделий (Тишкин, 2019). В Государственном Эрмитаже, где ныне хранится эта находка, удалось провести частичную реставрацию. В результате установлено, что изделие представляло собой часть утепленной верхней одежды типа куртки/кафтана или халата-«шубы».

Найденный крупный фрагмент изделия состоит из двух частей: лицевой и изнаночной (внутренней). Лицевая сторона представляет собой толстую кожу с несколькими вставками (рис.-1). На ней видны четкие следы от ранее прикрепленных блях-нашивок, а также декорирование чередующимися прямоугольными кусочками полос кожи с мехом, окрашенных в бордовый и сине-зеленый цвет (Тишкин, 2019). Изнаночная сторона представляет собой подкладку из сшитых кусков довольно тонкой и тщательно выделанной кожи (рис.-2). В некоторых местах на ней сохранились шерсть и волосы. Хо-

рошо видны линии соединения и укрепления полос, прошитые нитями (Тишкин, 2019). Имеются еще два отдельных сохранившихся фрагмента от той же одежды (рис.-3, 4).

В силу плохой сохранности провести идентификацию использовавшихся типов шкур методами макро- и микроскопических наблюдений не представляется возможным для данной находки. Поэтому было принято решение о проведении ZooMS-анализа сохранившейся кожи. Для этого изучались 12

Фрагмент верхней плечевой одежды после очистки от грунта: 1 — лицевая поверхность; 2 — изнаночная сторона (подкладка); 3, 4 — отделившиеся детали (по: Тишкин, 2019, рис. 3)
Fragment of the upper shoulder garment after cleaning from the ground: 1 — front surface; 2 — back side (lining); 3, 4 — detached parts (by: Tishkin, 2019, fig. 3)

отобранных образцов из различных участков бывшего изделия. Для анализа также были взяты сухожилия, применявшиеся в качестве нитей.

ZooMS-анализ (Zooarchaeology by Mass Spectrometry analysis) основан на выделении и определении пептидов коллагена при помощи ионизации вещества на масс-спектрометре. Полученные результаты позволяют установить таксономическую принадлежность находок из кости и кожи.

В результате проведенного ZooMS-анализа удалось определить 10 образцов из 12 от части одежды, сохранившейся в кургане №4 памятника Бугры. Все эти образцы показали высокую степень таксономической идентификации. В них выявлено более шести пептидов. Имеющиеся заключения дают возможность сделать выводы о том, какие шкуры животных использовались для пошива найденной верхней плечевой одежды. Они будут детально представлены в отдельной статье.

Важной частью осуществленной работы стало AMS-датирование трех образцов изученной кожи. Получено подтверждение о ранее предполагаемой хронологии. Раскопанный объект относится к каменной культуре, которая существовала синхронно пазырыкской. Дальнейшие плановые исследования позволят расширить наши знания о древних кочевниках Алтая и их системе жизнеобеспечения.

Список источников

- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. 92 с.: ил.
- Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). М., 2012. 566 с.
- Молодин В.И., Прасолова Л.А., Потамов М.А., Евсиков В.И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д. Видовая идентификация меха шубы пазырыкца из могильника Олон голын гуур 10 на основе морфометрического анализа волос // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. №2 (38). С. 59–66.
- Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994. 125 с.
- Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001. 336 с.: ил.
- Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Могильники пазырыкской культуры на плоскогорье Укок // Археология, этнография и антропология Евразии. 2001. №1. С. 66–87.
- Радлов В.В. Из Сибири (страницы дневника). М., 1989. 718 с.
- Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948. 64 с.
- Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с. + 120 табл.
- Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с. + СХХVI табл.
- Тишкин А.А. Находка мумифицированной части умершей женщины на памятнике Бугры в северо-западных предгорьях Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 243–246.
- Тишкин А.А. Значение археологических исследований крупных курганов скифо-сарматского времени на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // *Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa, Joanni Chochorowski dedicatae*. Krakow, 2012. С. 501–510 (на рус. яз.).
- Тишкин А.А. Фрагмент одежды из кургана №4 памятника Бугры (предгорно-степная зона Алтая, скифо-сарматское время) // *SCYTHIA et SARMATIA*. М., 2019. С. 305–316.
- Тишкин А.А., Чугунов К.В. Начало исследований курганов памятника Бугры в предгорьях Алтая // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008. С. 86–88.
- Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск, 2000. 320 с.
- Nagler A., Parzinger H., Piezonka H. Surveys and excavations at the Ojgor-Gol, Northwestern Mongolia: Graves of the Pazyryk culture. 2008. URL: http://www.dainst.org/index_3933_en.html (на англ. яз.).

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеелогии, заведующий кафедрой, Отдел сопровождения НИОКР, главный научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department, R&D Support Department, Chief Scientific Officer; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Светлана Владимировна Шнайдер, Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии» ZooSCAN, IRL 2013, Национальный центр научных исследований — Институт археологии и этнографии СО РАН, старший научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр-т Акад. Лаврентьева, 17, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0003-2230-4286>, sveta.shnayder@gmail.com

Svetlana V. Shneider, International Laboratory “Archaeozoology in Siberia and Central Asia” ZooSCAN, IRL 2013, National Research Center — Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 630090, Novosibirsk, Russia, Akad. Lavrentiev Ave, 17; Cand. of hist. science, senior researcher, <https://orcid.org/0000-0003-2230-4286>, sveta.shnayder@gmail.com

Светлана Владимировна Баранова, ЦКП Центр масс-спектрометрического анализа ИХБФМ СО РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН, научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр-т Акад. Лаврентьева, 8, кандидат химических наук, <https://orcid.org/0000-0001-9228-3025>, swb@niboch.nsc.ru

Svetlana V. Baranova, Core Facility of Mass Spectrometric Analysis, ICBFM SB RAS, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine SB RAS, researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, Akad. Lavrentiev Ave., 8, Candidate of Chemical Sciences, <https://orcid.org/0000-0001-9228-3025>, swb@niboch.nsc.ru;

Александр Анатольевич Чернонос, ЦКП Центр масс-спектрометрического анализа ИХБФМ СО РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН, старший научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр-т Акад. Лаврентьева, 8, кандидат химических наук, <https://orcid.org/0000-0001-8362-2443>, alexander.chernonosov@niboch.nsc.ru

Alexander A. Chernonosov, Core Facility of Mass Spectrometric Analysis, ICBFM SB RAS, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine SB RAS, senior researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, Akad. Lavrentiev Ave., 8, Candidate of Chemical Sciences, <https://orcid.org/0000-0001-8362-2443>, alexander.chernonosov@niboch.nsc.ru;

Олеся Валерьевна Ершова, Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии» ZooSCAn, IRL 2013, Национальный центр научных исследований — Институт археологии и этнографии СО РАН, старший лаборант; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр-т Акад. Лаврентьева, 17, ersholesya198q@gmail.com

Olesya V. Ershova, International Laboratory “Archaeozoology in Siberia and Central Asia” ZooSCAn, IRL 2013, National Research Center — Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 630090, Russia, Novosibirsk, Akad. Lavrentiev Ave, 17, senior Assistant, ersholesya198q@gmail.com

Юлия Владимировна Срывкина, Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии» ZooSCAn, IRL 2013, Национальный центр научных исследований — Институт археологии и этнографии СО РАН, старший лаборант; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр-т Акад. Лаврентьева, 17, yulia.sryvkina@yandex.ru

Julia V. Srivkina, International Laboratory “Archaeozoology in Siberia and Central Asia” ZooSCAn, IRL 2013, National Research Center — Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, 630090, Russia, Novosibirsk, Lavrentiev Ave, 17, senior Assistant. yulia.sryvkina@yandex.ru

Владимир Васильевич Коваль, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН, и.о. директора; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр-т Акад. Лаврентьева, 8, кандидат химических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-2577-2184>, koval@niboch.nsc.ru

Vladimir V. Koval, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine, SB RAS, acting director; 630090, Russia, Novosibirsk, Akad. Lavrentiev Ave., 8, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0002-2577-2184>, koval@niboch.nsc.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.2(571.151)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.19

ФРАГМЕНТЫ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ КОТЛОВ С ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ

Ярослав Владимирович Фролов, Алексей Алексеевич Тишкин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В ходе плановых обследований археологических памятников на территории Лесостепного Алтая в разное время были обнаружены фрагменты металлических котлов. Имеются они и среди случайных находок. Часто определить датировку и культурную принадлежность таких предметов затруднительно, поэтому им уделяется мало внимания. Однако подобные находки имеют свой информационный потенциал и определенный археологический контекст. В ходе сбора сведений для формирования базы данных о металлических котлах, найденных в горах и на территории лесостепной зоны Алтая, авторами статьи привлекаются найденные обломки таких изделий, которые необходимо ввести в научный оборот. В данной публикации представлены четыре фрагмента. Приводятся результаты рентгенофлюоресцентного анализа, позволяющие помочь при культурно-хронологической идентификации находок.

Ключевые слова: Лесостепной Алтай, археологические памятники, фрагменты металлических котлов, рентгенофлюоресцентный анализ

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ: проекты №20-18-00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтничных социумов на территории Большого Алтая в древности и средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов» (Я.В. Фролов, описание находок и памятников) и №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства» (А.А. Тишкин, рентгенофлюоресцентный анализ, научное редактирование).

Для цитирования: Фролов Я.В., Тишкин А.А. Фрагменты металлических котлов с территории Лесостепного Алтая // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 94–98.

FRAGMENTS OF METAL CAULDRONS FROM THE FOREST-STEPPE ALTAI AREA

Yaroslav V. Frolov, Alexey A. Tishkin

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. In the course of planned surveys of archaeological sites in the Forest-Steppe Altai at different times fragments of metal cauldrons were found. There are also among accidental finds. It is often difficult to determine the dating and cultural belonging of such objects. Therefore, little attention is paid to them. However, such finds have their own information potential and a certain archaeological context. In the course of data collection for the formation of a database on metal cauldrons found in the mountains and in the forest-steppe zone of Altai, the authors of the article attract the found fragments of such items, which should be introduced into the scientific circulation. Four fragments are presented in this publication. The results of X-ray fluorescence analysis are given, which allow cultural and chronological identification of the finds.

Keywords: Forest-Steppe Altai, archaeological sites, fragments of metal cauldrons, X-ray fluorescence analysis

Acknowledgments: this work was financially supported by Russian Science Foundation: Projects No. 20-18-00179 “Migrations and Processes of Ethno-Cultural Interaction as Factors in the Formation of Multi-Ethnic Societies on the Territory of the Greater Altai in Antiquity and the Middle Ages: Interdisciplinary Analysis of Archaeological and Anthropological Materials” (Ya.V. Frolov) and No. 22-18-00470 “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy” (A.A. Tishkin).

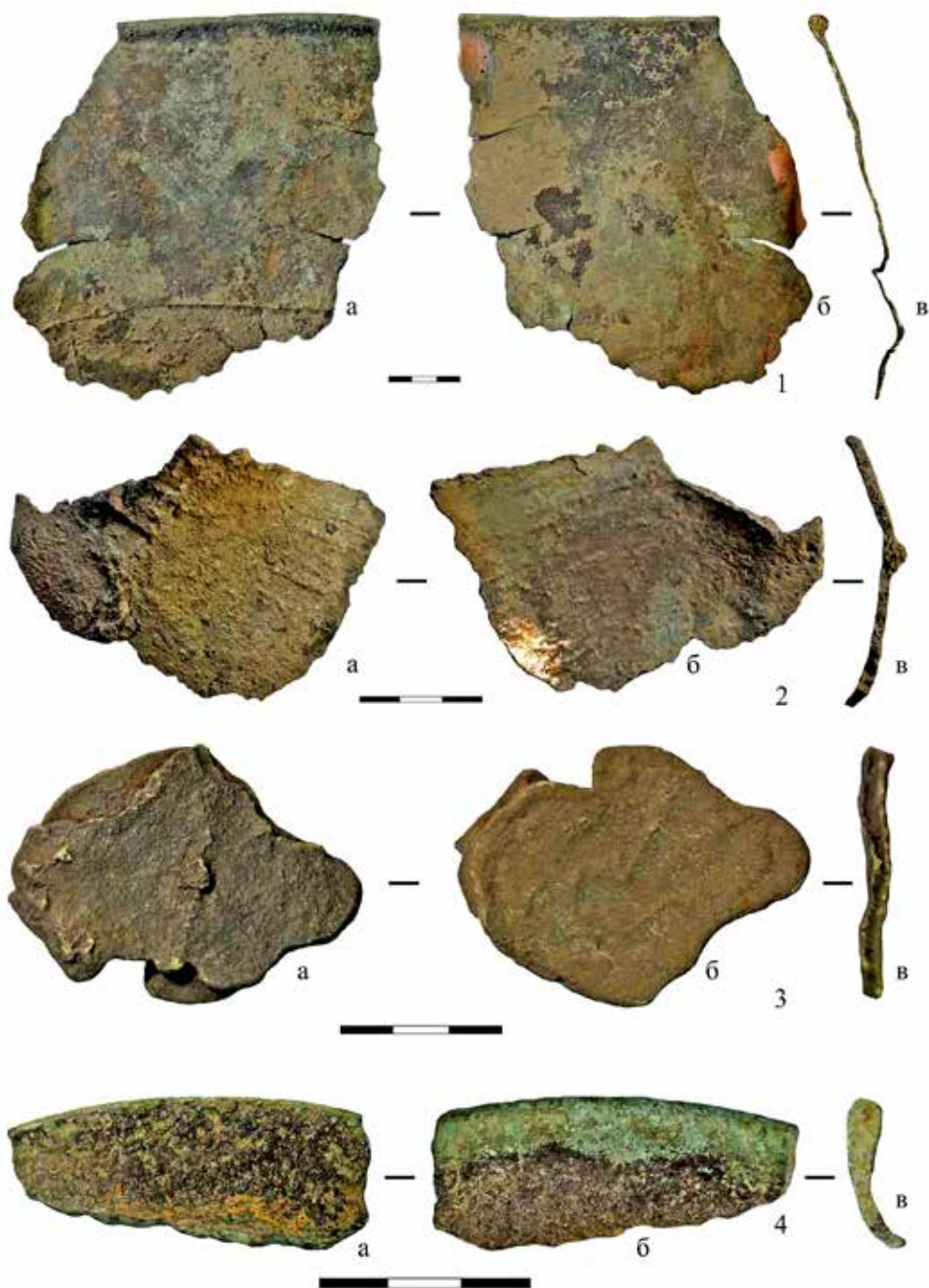
For citation: Frolov Ya.V., Tishkin A.A. Fragments of Metal Cauldrons from the Forest-Steppe Altai Area // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 94–98.

В ходе обследования археологических памятников Алтая и сопредельных регионов в составе подъемного материала встречаются фрагменты металлических котлов. Эти находки позволяют определить географию распространения таких изделий, дают представление о частоте их встречаемости, а также позволяют установить химический состав сплавов и частично реконструировать технологию изготовления. В данной публикации в научный оборот вводится несколько обломков котлов из цветного металла, найденных на территории так называемого Лесостепного Алтая. Данная работа является продолжением сбора сведений для формирования базы данных о древних котлах, найденных в горах и на территории лесостепной зоны Алтая (Тишкин, Киреев, Фролов, 2022).

Первая находка представлена крупным фрагментом венчика тонкостенного металлического сосуда (рис.-1), который имел диаметр 50–55 см. Размеры обнаруженного предмета — 15,5×14 см. В верхней части изделие имело форму банки со стенками без перехватов и шейки. Край венчика усилен округлым валиком диаметром 0,8 см. Толщина стенки составляет всего 0,2 мм. В 12 см ниже от края венчика на стенке котла прослеживается еще один валик (рис.-1а, в), образовавшийся, возможно, на стыке частей формы или демонстрирующий декоративное оформление. Края фрагмента неровные и имеют многочисленные трещины, замятости, загибы. Поверхность находки покрыта окислами разного цвета и структуры: рыхлой светло-зеленой активной коррозией, а также темно-зеленой и сероватой патиной, включающей следы въевшейся органики (рис.-1а, б). Представленный фрагмент котла найден в разрушениях культурного слоя на поселении Елбанка-II, которое находится в Усть-Пристанском районе Алтайского края на окраине с. Елбанка. Памятник расположен на левом берегу р. Чарыша, на юго-западном крае мысовидного выступа первой надпойменной террасы. В половодье края обрывистого берега разрушаются и образуют осыпи. На северной части памятника располагаются приусадебные участки и дома жителей села. В этой зоне верхняя часть культурного слоя ежегодно распахивается. В осыпях берега и на отмелях в пойме реки было собрано большое количество керамики, изделий из железа и цветного металла. Основной комплекс памятника относится к XVIII–XIX вв. При этом встречены обломки глиняных сосудов, датированных от эпохи бронзы и до средневековья. Поселение открыто Я.В. Фроловым (1999, с. 12) в 1994 г.

С помощью спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США, в комплекте с карманным переносным компьютером и испытательным стендом) устанавливался химический состав сплава найденного фрагмента котла. Прибор осуществляет определения методом рентгенофлуоресцентной спектрометрии в изделиях из цветных металлов. Для фиксации результатов применялась компьютерная программа с режимом «Аналитический», адаптированная для изучения соответствующих археологических находок и предусматривающая время измерения 30 секунд.

Сначала тестировалась лицевая поверхность, покрытая окислами. Получены такие показатели: Cu (медь) — 98,99%; Ag (серебро) — 0,63%; Pb (свинец) — 0,22%; Fe (железо) — 0,16%. Аналогичным образом исследовалась находка с обратной стороны. Зафиксированы следующие элементы: Cu — 99,54%; Pb — 0,25%; Fe — 0,21%.

Фрагменты металлических котлов с территории Лесостепного Алтая:

1 — венчик котла, поселение Елбанка-11; 2 — стенка котла, поселение Харчиха-2; 3 — стенка котла со следами починки, поселение Черемшанка-4; 4 — венчик котла, местонахождение Усть-Белое

Fragments of metal cauldrons from the Forest-Steppe Altai area:

1 — cauldron crown, Elbanka-11 settlement; 2 — cauldron wall, Kharchikha-2 settlement; 3 — cauldron wall with traces of mending, Cheremshanka-4 settlement; 4 — cauldron crown, Ust-Beloe site

Далее в трех разных местах изучались участки у сломов, где были удалены поверхностные окислы (рис.-1б). Получены схожие результаты, которые свидетельствуют о том, что тонкостенный котел был медным:

- Cu — 99,89%; Pb — 0,11%;
- Cu — 99,74%; Pb — 0,14%; Fe — 0,12%;
- Cu — 99,87%; Pb — 0,13%.

Следующий найденный фрагмент котла представляет собой обломок изогнутой стенки неправильных очертаний (рис.-2). Его толщина 0,3 мм. Максимальные размеры предмета — 9,7×7 см. На внешней

шероховатой стороне присутствуют остатки литейного шва и серо-зеленые рыхлые окислы (рис.-2а, в), а с внутренней — довольно ровная темно-зеленая патина (рис.-2б). Предмет найден на месте разрушений верхней части культурного слоя поселения Харчиха-2, потревоженного в ходе раскопки. Памятник находится в Павловском районе Алтайского края, в 0,5 км к северо-востоку–востоку от окраины с. Харьково, к востоку от кладбища, на краю коренного берега р. Оби и на правом борту устьевого зоны левого притока р. Харчихи. Он открыт в 2009 г. Я.В. Фроловым в ходе мониторинга археологических памятников.

Для установления химического состава сплава указанным прибором сначала тестировалась лицевая (внешняя) сторона находки, покрытая окислами. Получен такой поэлементный ряд: Cu — 98,5%; As (мышьяк) — 0,81%; Fe — 0,41%; Pb — 0,17%; Ni (никель) — 0,11%. Аналогичным образом исследовалась патина с внутренней стороны. Зафиксированы схожие показатели: Cu — 98,66%; As — 0,86%; Pb — 0,23%; Fe — 0,17%; Ni — 0,08%. Затем дважды изучался участок по центру у края слома, где были удалены поверхностные окислы (рис.-2б):

— Cu — 98,96%; As — 0,59%; Pb — 0,19%; Ni — 0,14%; Fe — 0,12%;

— Cu — 99,03%; As — 0,63%; Pb — 0,18%; Ni — 0,11%; Fe — 0,05%.

Представленные результаты свидетельствуют о том, что котел был отлит из меди, которая содержала ряд рудных примесей и остатки окислов, проникших вглубь металлического предмета.

Еще один фрагмент металлического котла представляет собой стенку с «заплаткой» (рис.-3). Его размеры такие: 6,5х4,7 см. Общая толщина — 0,4–0,9 см. Стенка от «заплатки» отличается равномерной толщиной (около 0,2 см). Возможно, что соединение «заплатки» и стенки котла частично фиксировалось коротким шпильком, основание которого видно с одной стороны находки (рис.-3а, в). На внешней стороне «заплатки» выделяется несколько неглубоких параллельных ложбинок (рис.-3б). Фрагмент покрыт однородной темно-зеленой патиной, что свидетельствует о его долгом нахождении на поверхности земли. Предмет обнаружен на песчаном выдуве — на месте разрушений культурного слоя в юго-восточной части поселения Черемшанка-4, которое расположено в Тюменцевском районе Алтайского края, в 2,5 км к западу-северо-западу от с. Черемшанка.

Найденный фрагмент исследовался тем же рентгенофлуоресцентным спектрометром. Сначала тестировалась поверхность стенки котла, покрытая окислами. Получены следующие результаты: Cu — 87,55%; Pb — 8,35%; Fe — 1,94%; As — 1,68%; Ti (титан) — 0,41%; Mn (марганец) — 0,07%. Затем исследовался участок у края, где были удалены следы коррозии. Зафиксированы такие показатели, которые свидетельствуют о медно-свинцовом сплаве с рудной примесью в виде мышьяка: Cu — 96,68%; Pb — 2,46%; As — 0,86%.

Аналогичным образом изучалась «заплатка». Сначала тестировалась окисленная поверхность. Выявлен следующий поэлементный ряд: Cu — 86,71%; Pb — 10,22%; As — 1,74%; Fe — 0,87%; Ti — 0,28%; Zn (цинк) — 0,18%. Затем исследовался участок, освобожденный от следов коррозии. Зафиксированы такие показатели: Cu — 96,74%; Pb — 2,48%; As — 0,71%; Ni — 0,07%. Они свидетельствуют о схожих сплавах, использованных при отливке котла и при его ремонте. По всей видимости, это происходило в одной и той же мастерской.

Указанное поселение расположено на юго-западном крае песчаной гряды в пойме р. Кулунды, в 0,5 км от устья р. Черемшанка. С северо-востока граница этого памятника примыкает к Черемшанской стоянке Бараба. Они разделены небольшой ложбиной. Местное название урочища — Бараба. Его территория используется как пастбище. Юго-западный край возвышенности, на которой находится поселение Черемшанка-4, подмывается р. Кулундой. Ю.С. Орлов (1964) рассматривал его вместе со стоянкой, находящейся на соседнем останце коренного берега. На тот момент данная территория распахивалась и раздувалась ветрами, что позволяло собирать подъемный материал, датирующийся от неолита до средневековья (Кирюшин, Удодов, Шамшин, 1990). В 1992 г. С.Л. Изоткин (1993а, б) разделил памятники, находящиеся на двух разных останцах коренного берега. Юго-западное поселение получило название Черемшанка-4. Тогда же было отмечено, что оно расположено на 2 м выше уровня воды и интенсивно разрушается речными паводками, распахкой и грунтовой дорогой. С.Л. Изоткин произвел шурфовку и осуществил сборы подъемного материала. При проведении мониторинга памятников археологии Алтайского края в 2009 г. поселение Черемшанка-4 обследовалось Я.В. Фроловым и О.Г. Филипповой. В ходе этих работ был снят общий план памятника и установлены его границы. В западной части поселения, с двух сторон от заболоченной низины, прослежены 14 жилищных западин. В том же году проводились раскопки аварийной части памятника.

Еще один найденный металлический предмет, вероятно, является обломком венчика котла, который имел короткую шейку-желобок в 1 см от устья (рис.-4). Размеры фрагмента — 5х2 см. Толщина стен-

ки 0,25 см, а у среза — 0,35 см (рис.-4в). Предмет покрыт с внутренней стороны гладкой неоднородной патиной темно-зеленого и светло-зеленого цвета, с внешней стороны патина более рыхлая, поверхность шероховатая и имеет многочисленные мелкие каверны (рис.-4, а, б). Фрагмент найден в Краснощековском районе Алтайского края, в 1,6 км к северу от с. Усть-Белое, на краю невысокой террасы в пойме правого берега р. Белой (левый приток Чарыша). Другие находки, позволяющие сделать вывод о наличии археологического памятника на этом участке, не зафиксированы. Предмет был обнаружен в 2008 г. в ходе мониторинга памятников археологии Краснощековского района Я.В. Фроловым и О.Г. Филипповой.

Исследование состава сплава осуществлялось спектрометром следующим образом. Сначала тестировалась поверхность обратной стороны венчика, покрытого окислами. Выявлены такие химические элементы: Cu — 81,32%; Pb — 17,36%; As — 0,67%; Sn (олово) — 0,47%; Fe — 0,11%; Mn — 0,07%. Затем исследовался участок на той же стороне, но очищенный от следов коррозии. Выявлены следующие показатели в двух разных местах:

— Cu — 92,74%; Pb — 6,74%; As — 0,47%; Ni — 0,05%;

— Cu — 92,62%; Pb — 6,69%; As — 0,48%; Sn — 0,17%; Ni — 0,04%.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что для изготовления котла использовался медно-свинцовый сплав.

Представленные металлические обломки датировать довольно сложно. В рассмотренных случаях имеющийся контекст не позволяет прояснить ситуацию. Подобные находки на территории Лесостепного Алтая соотносятся в основном с периодом раннего железа (Тишкин, Киреев, Фролов, 2022). Однако есть вероятность использования подобных изделий в эпоху бронзы и в средневековье. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа свидетельствуют о двух рецептурах изготовления металлических котлов: из меди и из медно-свинцового сплава. Такой состав фиксируется при изучении котлов скифо-сарматского времени. При этом тонкостенный сосуд мог быть изготовлен в более раннее или, наоборот, более позднее время. Дальнейший сбор информации о котлах из цветного металла, обнаруженных на территории Алтая и сопредельных регионов, позволит конкретизировать культурно-хронологическую атрибуцию случайных и других находок.

Список источников

Изоткин С.Л. Отчет об археологических исследованиях Тюменцевского отряда Приобской археологической экспедиции летом–осенью 1992 года. Барнаул, 1993а / Архив Музея археологии и этнографии Алтая АГУ. №130.

Изоткин С.Л. Аварийные памятники в верховьях Кулунды // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993б. Ч. I. С. 115–119.

Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С., Шамшин А.Б., Уманский А.П. Тюменцевский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая. Барнаул, 1990. С. 110–121.

Орлов Ю.С. Отчет краеведческого отряда Тюменцевской средней школы Тюменцевского района Алтайского края об археологической разведке на территории района в 1963 г. Тюменцево, 1964 / Научный архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. Д. 2768, 2768а.

Тишкин А.А., Киреев С.М., Фролов Я.В. Древние металлические котлы, обнаруженные на Алтае и юге Западной Сибири: обзор находок и комплексный анализ // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий). СПб., 2022. С. 184–187.

Фролов Я.В. Древние памятники Усть-Пристанского района // Нижнее Причарышье: очерки истории и культуры. Барнаул; Усть-Пристань, 1999. С. 6–29.

Информация об авторах / Information about the Authors

Ярослав Владимирович Фролов, Алтайский государственный университет, директор музея археологии и этнографии Алтая; 656049, Россия, г. Барнаул, ул. Димитрова 66, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-7259-2840>, frolov_jar@mail.ru

Yaroslav V. Frolov, Altai State University, Director of the Museum of Archaeology and Ethnography of Altai; 656049, Russia, Barnaul, Dimitrova Str., 66, PhD in History, <https://orcid.org/0000-0001-7259-2840>, frolov_jar@mail.ru

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Научная статья / Article

УДК: 903.02(571.63)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.20

КЕРАМИКА С ПРИМЕСЬЮ РАКУШКИ В КОМПЛЕКСАХ РАННЕГО ПАЛЕОМЕТАЛЛА ПРИМОРЬЯ

Ирина Владимировна Белова, Николай Александрович Ключев

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

Резюме. Работа посвящена одному из наиболее дискуссионных периодов в археологии Приморья — эпохе раннего палеометалла. Яркой особенностью данного периода является появление на территории края поселений, комплексы которых содержат керамику с примесью дробленой ракушины речного моллюска. Выделяется четыре культурные группы, к которым относятся данные комплексы: анучино-синегайская, чернытинская, рисовская и лидовская. В статье ставится под вопрос высказанная ранее исследователями гипотеза об объединении памятников, содержащих в комплексах керамику с примесью ракушки, в одну культурную общность. Указывается, что истоки миграций этих групп могли происходить как с запада, с территории Северо-восточного Китая, откуда пришло население, уже знавшее бронзу, так и с севера, по р. Уссури. При этом отмечается, что на сложение некоторых культурных групп могло повлиять население вознесеновской культуры позднего неолита.

Ключевые слова: Приморье, ранний палеометалл, культурная группа, керамика с примесью толченой ракушки, миграции, вознесеновская культура

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект №20-18-00081 «Археология Дальнего Востока России»).

Для цитирования: Белова И.В., Ключев Н.А. Керамика с примесью ракушки в комплексах раннего палеометалла Приморья // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 99–103.

POTTERY WITH AN ADMIXTURE OF POUNDED SHELLS IN THE COMPLEXES OF EARLY PALEOMETAL EPOCH IN PRIMORYE

Irina V. Belova, Nikolay A. Kluyev

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia

Abstract. The work is devoted to one of the most controversial periods in the archaeology of Primorye — Early Paleometal Epoch. A striking feature of this period is the appearance on the territory of the region of the settlements, which complexes contain ceramics with an admixture of pounded river mollusk shells. There are four cultural groups to which these complexes belong: Anuchino-Sinegaikskaya, Chernyatinskaya, Risovskaya and Lidovskaya. The article calls into question the hypothesis previously expressed by researchers about the unification of sites containing ceramics with an admixture of pounded shells in complexes into one cultural community. It is indicated that the origins of the migrations of these groups could have come both from the west, from the territory of Northeast China, from where came the population who knew bronze, and from the north, along the river Ussuri. It is also noted that the emergence of some cultural groups could have influenced by the population of the Voznesenskaya culture of the Late Neolithic.

Keywords: Primorye, Early Paleometal Epoch, cultural group, ceramics with admixtures of pounded shells, migrations, Voznesenskaya culture

Acknowledgments: this work was financially supported by RSF (Project No. 20-18-00081 “Archaeology of the Russian Far East”).

For citation: Belova I.V., Kluyev N.A. Pottery with an Admixture of Pounded Shells in the Complexes of Early Paleometal Epoch in Primorye // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 99–103.

Эпоха раннего палеометалла — яркий период в истории Дальнего Востока. В это время происходит интенсивное движение населения, меняется культурный облик региона. Появление на рубеже 1200–800 гг. до н.э. на территории Приморья множества памятников с различными археологическими комплексами является отражением сложных многолинейных процессов, происходящих в регионе в этот период. В отличие от эпохи неолита, когда на достаточно большой территории проживало население одной культурной традиции, особенностью эпохи раннего палеометалла в Приморье является

появление в западной и центральной части края небольших разрозненных групп населения, демонстрирующих различия в материальной культуре.

После открытия первых памятников раннего палеометалла в конце 50-х — начале 70-х гг. XX в. в юго-западном Приморье (Синий Гай А, Харинская, Кировское) исследователями была предпринята попытка объединить их в рамках одной культуры — синегайской (Бродянский, 1987; Дьяков, 1989). Но впоследствии по ряду причин, основной из которых являлось различие в археологическом материале, в большей степени керамике, концепция синегайской культуры оказалась несостоятельной (Жущиховская, 1996; Яншина, 2004а).

Дальнейшее открытие и изучение новых памятников (Новоселище-4, Чернятино-2, Анучино-4, Анучино-14 и др.), а также пересмотр коллекций уже известных (Синий Гай А, Лидовка-1) позволили исследователям выявить определенную особенность, присущую комплексам раннего палеометалла, — использование дробленой раковины моллюска в качестве отощителя формовочных масс (Клюев, 2001; Никитин, Гельман, Болдин, 2002; Яншина, 2004а; Жущиховская, 1996; 2004).

На основании сочетания двух рецептов в производстве керамики (глина + минеральный отощитель и глина + пресноводный моллюск), наряду с некоторыми сходствами в морфологии и декоре посуды (емкости с выделенной высокой горловиной и выпуклым туловом, расположение декора в верхней части сосуда или вовсе его отсутствие), И.С. Жущиховской и О.В. Яншиной данные комплексы были объединены в рамках одной культурной общности. Подчеркивалось, что группы памятников, включенных в эту общность, различны в культурном отношении, но при этом являются родственными (Яншина 2004а, с. 100; Жущиховская, 2004, с. 245; Яншина, Клюев, 2005, с. 205–206).

По имеющимся опубликованным данным на сегодняшний день на территории Приморья насчитывается как минимум 13 памятников, в комплексах раннего палеометалла которых содержится керамика с примесью дробленой раковины пресноводного моллюска. Все они относятся к разным культурным группам: анучино-синегайской, лидовской, чернятинской и рисовской. Следует отметить, что керамика, отощенная ракушкой, чаще всего составляет небольшую часть от всей посуды на памятниках раннего палеометалла. При этом исследователями отмечалось, что использование ракушечного отощителя в рецептуре формовочных масс не связано с особенностями морфологии или орнаментации посуды.

Памятники анучино-синегайской группы (Анучино-4, Анучино-14, Синий Гай А, Глазовка-городище, Синельниково-1, Кроуновка-21) расположены в центральных и западных районах Приморья. Часть поселений имеет укрепления (Анучино-4, Синельниково-1) (Яншина, 2004а, с. 144; Гридасова, Дорофеева, Слепцов, 2017). Яркой особенностью этой культурной группы являются находки изделий из бронзы. Бронзовые предметы были обнаружены на четырех памятниках: Синий Гай А (Бродянский, 1987, с. 138–139), Анучино-14 (Яншина, Клюев, 2005, с. 207), Глазовка-городище (Коломиец, Афремов, Дорофеева, 2002, с. 151), Кроуновка-21 (Клюев и др., 2008, с. 144). Керамические комплексы данной группы характеризуются сочетанием рецептов формовочных масс, при этом доля посуды, отощенной ракушкой моллюска, определена только для двух поселений: Анучино-4 — 10%, Анучино-14 — 5% (Яншина, 2004а, с. 67). Морфологически выделяются сосуды с изогнутой S-образной горловиной, а также с высокой выделенной горловиной и выпуклыми плечиками. Венчики сосудов отогнутые, орнаментация отсутствует.

Хронология анучино-синегайской группы памятников определяется серией дат. Для поселения Синий Гай А получены даты 2875 ± 45 л.н. (СОАН-1540) и 2820 ± 55 л.н. (СОАН-1541) (Бродянский, 2013, с. 36); для Анучино-14 — 2640 ± 55 л.н. (СОАН-4491) (по углю) и 2930 ± 30 л.н. (Poz-99528) (по зерну) (Яншина, Клюев, 2005, с. 207; Сергушева, 2022, с. 103); для Кроуновки-21 — 2935 ± 70 л.н. (СОАН-4485) (Клюев и др., 2008, с. 144).

В чернятинской группе выделяются два памятника, в комплексах которых присутствует керамика с ракушкой: Чернятино-2 и Новоселище-4 (Никитин, Гельман, Болдин, 2002, с. 222; Клюев, 2001). Поселения этой группы располагаются на западе Приморья. Для керамических комплексов характерны сосуды с выделенной горловиной и слабовыпуклыми плечиками. Венчик прямой, с поддепом, по кромке которого нанесен орнамент — прочерченные линии или ногтевые оттиски. Доля керамики с ракушкой подсчитана только в комплексах Чернятино-2 и составляет 7% (Никитин, Гельман, Болдин, 2002, с. 22). На поселении Новоселище-4 получена дата 2980 ± 50 л. н. (ГИН-6951) (Яншина, Клюев, 2005, с. 207).

Еще одна группа памятников, предварительно названная «рисовской», представлена комплексами двух поселений — Рисовое-4 и Шекляево-7. Особенностью данной группы является абсолютное преобладание керамики с примесью ракушки (Гридасова, 2018; Морева, Дорофеева, 2020, с. 112). Наиболее выразительным является комплекс поселения Рисовое-4. Здесь выделяются два типа посуды — емко-

сти с прямой горловиной, крутыми или слабовыпуклыми плечиками и горшковидные сосуды с короткой шейкой и слегка отогнутым венчиком. Венчики сосудов оформлены плоским поддепом, орнаментированным тонкими небрежно прочерченными линиями. Сосуды с прямой горловиной аналогичны посуде с памятников Чернятино-2. Но при этом форма горшковидных сосудов имеет поздненеолитические черты и не характерна для комплексов раннего палеометалла. Для рисовской группы получена одна дата на поселении Шекляево-7 — 2945 ± 30 л.н. (Poz-99459) (по зерну) (Сергушева, 2022, с. 103).

К лидовской культуре, ареал которой занимает восточные и юго-восточные районы края, отнесены комплексы трех памятников, на которых обнаружены сосуды с примесью дробленой раковины моллюска в составе формовочной массы, — Лидовка-1, Благодатное-3 и Черепаха-13 (Жущиховская, 2004, с. 241; Яншина, 2004а, с. 55; Сидоренко, 2007, с. 80; Морева, Дорофеева, 2020, с. 104). Керамика с ракушкой здесь также составляет небольшую часть от всей посуды. На Черепахе-13 на долю таких черепков приходится всего 6% (Морева, Дорофеева, 2020, с. 104). Что касается двух других памятников, то необходимо отметить наличие двух разных точек зрения на комплексы самих этих поселений. По мнению В.И. Дьякова и Е.В. Сидоренко, керамические комплексы их являются однородными и однокультурными (Дьяков, 1989; Сидоренко, 2007). При этом Е.В. Сидоренко (2007, с. 80) указывает, что в керамическом материале прослеживаются две технологии в приготовлении формовочных масс, но не уточняет долевого содержание посуды, отощенной раковинной моллюска. О.В. Яншина, в свою очередь, считает, что комплексы раннего палеометалла Лидовки-1 и Благодатного-3 являются двухкомпонентными и делятся на более ранний, сопоставимый с периодом бронзы, и поздний, который можно отнести к раннему железному веку. Исключая часть позднего материала, О.В. Яншина указывает, что долевого содержания керамики, отощенной ракушкой, для Лидовки-1 составляет 23%, а для Благодатного-3 — 5%. (Яншина, 2004а, с. 55–62). Лидовские комплексы характеризуются наличием емкостей с выделенной горловиной, выпуклыми плечиками, прямыми или слегка отогнутыми венчиками. Декор, как правило, располагался в верхней части сосудов. Узор в виде прочерченных линий, коротких пунктирных прочерков, ногтевых вдавлений, насечек располагался на поверхности налепных валиков, прикрепленных с внешней стороны у края венчика. Орнамент на тулове представлял собой прочерченные линии или налепные валики в основании горловины (Яншина, 2004а, с. 56–57; Сидоренко, 2007, с. 82–83).

Из указанных памятников лидовской группы даты получены только на поселении Лидовка-1: 2570 ± 60 (СОАН-1388), 2450 ± 50 (СОАН-1389), 2610 ± 45 (СОАН-1390) (Дьяков, 1989).

Использование ракушечного отощителя в изготовлении керамики рассматривается исследователями как один из индикаторов миграций населения (Жущиховская, 2004). В комплексах раннего палеометалла Приморья наряду с появлением изделий из бронзы новая гончарная традиция также рассматривается как свидетельство инфильтрации части населения на территорию края (Яншина, 2004а, с. 107; Жущиховская, 2004, с. 243). Кроме этого, И.С. Жущиховской отмечается, что использование ракушечной примеси не характерно для поздненеолитических комплексов Приморья, но имело широкое распространение в некоторых частях Западной и Южной Сибири, Центральной Азии и Северо-Восточном Китае с периода неолита. Миграции населения, по мнению исследователя, происходили поэтапно, в несколько волн, в результате чего происходило смешение культурных традиций, что объясняет сочетание двух технологий (минеральный и ракушечный отощитель) в керамическом производстве (Жущиховская, 2004, с. 243–244).

В гончарстве зайсановской культурной традиции позднего неолита, широко распространенной на территории края, действительно отсутствует технология отощения формовочных масс дробленой раковинной моллюска, а также не прослеживается сходства в морфологии и орнаментации сосудов с комплексами раннего палеометалла. Но при этом в северных и центральных районах края, вдоль по р. Усури и ее притокам отмечены памятники, содержащие керамические комплексы, имеющие аналогии в материалах вознесеновской культуры позднего неолита, основной ареал которой располагался на Нижнем Амуре. Часть этих комплексов (Шивелаза-1, Дальний Кут-15, Глазовка-городище, Анучино-14, Орловка-3) соотносится с малогаванским типом вознесеновской культуры, основной особенностью которого является керамика с примесью раковины моллюска (Шевкомуд, 2004; Батаршев, 2016; Слепцов, Белова, 2019, с. 142–143). Исследователями отмечается, что Приморье в качестве периферийной зоны входило в ареал вознесеновской культуры (Яншина, Клюев, 2005, с. 198).

Малогаванский тип вознесеновской культуры на территории Нижнего Амура датируется в диапазоне 4100–3500 л.н. (Шевкомуд, Кузьмин, 2009), среди комплексов Приморья даты получены только на поселении Шивелаза-1 — 3890 ± 80 л.н. (СОАН-7187) и 3410 ± 80 л.н. (СОАН-7192) (Лынша, Тарасенко, Кузьмин, 2011).

На возможную связь вознесеновских комплексов позднего неолита с материалами раннего палеометалла Приморья указывала О.В. Яншина. По ряду признаков, выражающихся в орнаментации сосудов (прочерченные линии по венчику, арочные оттиски), а главное, по наличию ракушечного отощителя в керамическом тесте сосудов ею было высказано осторожное предположение о рассмотрении вознесеновской культуры в качестве одного из источников в формировании комплексов раннего палеометалла в Приморье (Яншина, 2004б, с. 205–206). На наш взгляд, данное предположение вполне правомерно. Здесь особо следует отметить группу памятников в Центральном Приморье (долина р. Арсеньевки), представленную поселениями Рисовое-4 и Шекляево-7. По сравнению с остальными группами, анучино-синегайской, лидовской и чернятинской, комплексы этих поселений выглядят более архаичными. Наличие таких признаков в комплексах рисовской группы, как преобладание ракушечной примеси, а также присутствие ранних черт в морфологии сосудов, позволяет предполагать связь этих комплексов с культурами позднего неолита, в том числе, возможно, и с вознесеновской.

Появление поселений анучино-синегайской, чернятинской и рисовской групп на территории Приморья происходит примерно в одно время, чуть позже появляются представители лидовской группы. Важно отметить, что только на поселениях анучино-синегайской группы были обнаружены изделия из бронзы. Кроме этого, на некоторых памятниках отмечены укрепления. Керамический материал анучино-синегайской группы демонстрирует отличия от чернятинских, рисовских и лидовских комплексов, в первую очередь отсутствием орнамента, а также некоторыми особенностями морфологии сосудов. Вероятно, появление этой группы, уже знавшей бронзу, связано непосредственно с миграцией населения с территории Северо-Восточного Китая.

Что касается чернятинской, рисовской и лидовской групп, то в них прослеживается больше общих черт в керамических комплексах: морфология сосудов, орнамент в виде прочерченных линий и ногтевых оттисков по венчику. Истоки их, по всей видимости, связаны с другими волнами миграций, часть из которых, вероятно, связана с носителями вознесеновской культуры.

Вероятно, появление керамики с ракушкой является результатом нескольких волн миграций населения как с западного (Северо-Восточный Китай, с запада от оз. Ханка), так и с северного (по р. Уссури) направлений. Присутствие на территории Приморья памятников вознесеновской культуры, в частности ее малогаванского типа, позволяет нам вслед за О.В. Яншиной предполагать ее влияние на сложение некоторых комплексов раннего палеометалла. Таким образом, под вопрос ставится предложенная исследователями ранее гипотеза об объединении памятников раннего палеометалла с комплексами, содержащими керамику с ракушкой, в одну культурную общность.

Список источников

- Батаршев С.В. Археологические комплексы вознесеновской культуры в позднем неолите Приморья: проблемы выделения и интерпретации // Общество: философия, история, культура. 2016. №10. С. 53–55.
- Бродянский Д.Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток, 1987. 276 с.
- Бродянский Д.Л. Синий Гай. Поселения неолита и бронзового века в Приморье. Владивосток, 2013. 207 с.
- Гридасова И.В. Керамика эпохи палеометалла с поселения Рисовое-4 в Приморье // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Т. 20. С. 126–133.
- Гридасова И.В., Дорофеева Н.А., Слепцов И.Ю. Комплекс эпохи палеометалла на городище Синельниково-1 в Приморье // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 2017. С. 34–39.
- Дьяков В.И. Приморье в эпоху бронзы. Владивосток, 1989. 296 с.
- Жущиховская И.С. Древнее гончарство юга Дальнего Востока России (история производства): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1996. 42 с.
- Жущиховская И.С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток, 2004. 311 с.
- Клюев Н.А. Поселение Новоселище-4 и некоторые вопросы археологии Приморья (Дальний Восток России) // Society of North-Eurasian studies. Newsletter. 2001. №14. С. 1–9.
- Клюев Н.А., Хон Хён У, Гарковик А.В., Ким Дон Хун, Ким Джэ Юн, Слепцов И.Ю., Мезенцев А.Л., Пискарева Я.Е., Никитин Ю.Г. Археологические раскопки и разведки в Приморье в 2007 году. Тэджон, 2008. 460 с.
- Коломиец С.А., Афремов П.Я., Дорофеева Н.А. Итоги полевых исследований памятника Глазковка-городище // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 2002. С. 142–155.
- Лынша В.А., Тарасенко В.Н., Кузьмин Я.В. Новые данные по абсолютной хронологии археологических культур долины среднего Имана // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Уссурийск, 2011. С. 199–222.
- Морева О.Л., Дорофеева Н.А. Комплекс эпохи раннего палеометалла на поселении Черепаха-13 в южном Приморье // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. Т. 26. С. 98–116.
- Никитин Ю.Г., Гельман Е.И., Болдин В.И. Результаты исследования поселения Чернятино-2 // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток, 2002. С. 213–227.

Сергушева Е.А. Использование растений населением Приморья в раннем палеометалле (по археоботаническим и археологическим данным) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. №2 (57). С. 101–112.

Сидоренко Е.В. Северо-восточное Приморье в эпоху палеометалла. Владивосток, 2007. 271 с.

Слепцов И.Ю., Белова И.В. Новые результаты археологических исследований памятников первобытной эпохи Приморья // Россия кыкдонный сонса-чунсэсидэ когомунхва ёнгу, кы сонгвава чонман (Изучение древней и средневековой археологии и культуры Дальнего Востока России: результаты и перспективы. Тэджон, 2019. С. 127–154 (на рус. и кор. языках).

Шевкомуд И.Я. Поздний неолит Нижнего Амура. Владивосток, 2004. 156 с.

Шевкомуд И.Я., Кузьмин Я.В. Хронология каменного века Нижнего Приамурья (Дальний Восток России) // Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии. Хабаровск, 2009. С. 7–46.

Яншина О.В. Проблема выделения бронзового века в Приморье. СПб., 2004а. 212 с.

Яншина О.В. О происхождении культур раннего палеометалла Приморья // Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России. Хабаровск, 2004б. Ч. 2. С. 202–209.

Яншина О.В., Ключев Н.А. Поздний неолит и ранний палеометалл Приморья: критерии выделения и характеристика археологических комплексов // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток, 2005. С. 187–233.

Информация об авторах / Information about the Authors

Ирина Владимировна Белова, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, младший научный сотрудник; 690001, Россия, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, <https://orcid.org/0000-0003-2919-389X>, irceo@mail.ru

Irina V. Belova, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Junior Researcher, 690001, Vladivostok, Russia, Pushkinskaya str., 89; <https://orcid.org/0000-0003-2919-389X>, irceo@mail.ru

Николай Александрович Ключев, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, заместитель директора по научной работе; 690001, Россия, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-7406-649X>, klyuev2006@yandex.ru

Nikolay A. Kluyev, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Science Deputy Director; 690001, Vladivostok, Russia, Pushkinskaya str., 89; Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0001-7406-649X>, klyuev2006@yandex.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.4(571.56)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.21

СТОЯНКА ЭПОХИ РАННИХ МЕТАЛЛОВ В УСТЬЕ РУЧЬЯ МАСТАХ НА РЕКЕ ПЕЛЕДУЙ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЯКУТИИ

Виктор Михайлович Дьяконов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Резюме. В статье дается описание и интерпретация материалов стоянки эпохи палеометалла Мастах Пеледуйский, открытой на реке Пеледуй в Юго-Западной Якутии. Здесь были найдены фрагменты пяти керамических сосудов, каменные отщепы и пластинчатые сколы, резец на наконечнике стрелы, металлургический шлак и остеологический материал. Керамика со стоянки вся гладкостенная, емкости в основном профилированные — с более-менее выраженной шейкой. Три сосуда украшены налепными валиками, два из них относятся к усть-мильской культуре, а один — к раннему железному веку. Декор на отдельных сосудах дополняют вдавления многозубчатого штампа, округлые ямки, сквозные отверстия. Находка металлического шлака показывает наличие на стоянке собственного металлургического производства. Предварительные итоги исследования показывают, что стоянка Мастах Пеледуйский содержит остатки культур бронзы и железного века Якутии и может датироваться в пределах середины II тыс. до н.э. — I тыс. н.э.

Ключевые слова: Юго-Западная Якутия, река Пеледуй, усть-мильская культура, бронзовый век, ранний железный век, металлургический шлак

Благодарности: статья написана в рамках выполнения госзадания ИАЭТ СО РАН. Полевые работы были осуществлены в рамках хозяйственного договора ООО «Центр археологических и этнологических экспертиз».

Для цитирования: Дьяконов В.М. Стоянка эпохи ранних металлов в устье ручья Мастах на реке Пеледуй в Юго-Западной Якутии // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 103–108.

THE SITE OF THE PALEOMETAL AGE AT THE MOUTH OF THE MASTAKH STREAM ON THE PELEDUY RIVER IN SOUTHWESTERN YAKUTIA

Viktor M. Dyakonov

Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article describes and interprets materials from the Mastakh Peleduysky site of the Paleometal era discovered on the Peleduy River in Southwestern Yakutia. Fragments of five ceramic vessels, stone flakes and lamellar chips, a burin on an arrowhead, metallurgical slag and osteological material were found here. The pottery from the site is all smooth-walled, the vessels are mostly profiled, with a slightly marked neck. Three vessels are decorated with applied rolls, two of which belong to the Ust'-Mil' culture, and one to the Early Iron Age. The decor on individual vessels is complemented by impressions of a multi-toothed stamp, rounded pits, and through holes. The discovery of metal slag shows the presence of its own metallurgical production at the site. Preliminary results of the study show that the Mastakh Peleduysky site contains remains of the Bronze and Iron Age cultures of Yakutia and can be dated within the middle of the 2nd millennium BC — I millennium AD.

Keywords: Southwestern Yakutia, Peleduy River, Ust'-Mil' culture, Bronze Age, Early Iron Age, metallurgical slag

Acknowledgments: this work was supported by the government assignment of Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS. The field work was carried out within the framework of the economic agreement of the "Center for Archaeological and Ethnological Expertise" LLC.

For citation: Dyakonov V.M. The Site of the Paleometal Age at the Mouth of the Mastakh Stream on the Peleduy River in Southwestern Yakutia // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 103–108.

Река Пеледуй является одним из крупных левых притоков реки Лены в Юго-Западной Якутии на территории Ленского района Республики Саха (Якутия). Ее длина — 398 км, площадь водосборного бассейна — 14300 км². Все археологические открытия в бассейне Пеледуя были связаны с деятельностью отрядов Приленской археологической экспедицией ИЯЛИ ЯФ АН СССР, работавших тут в 1970–1980-х гг. (Мочанов, 1970; Федосеева, 1981; Эртюков, 1976; 1990). После этого долгое время данная река вообще не обследовалась археологами вплоть до 2017–2018 гг.

Стоянка Мастах Пеледуйский была открыта отрядом ООО «Центр археологических и этнологических экспертиз» под руководством автора в июле 2018 г. в ходе обследования земельных участков, предназначенных под карьеры общедоступных полезных ископаемых, подъездные автодороги к карьерам ОПИ по объекту «Магистральный газопровод "Сила Сибири"». Участок "Ковыкта — Чаянда" на территории Ленского района Республики Саха (Якутия). Памятник находится в 4 км западнее с. Толон, в 16,25 км к востоку–юго-востоку от с. Иннялы, в 2,4 км юго-восточнее перехода магистрального газопровода «Сила Сибири» через р. Пеледуй. Стоянка приурочена к восьмиметровому левому приустьевому мысу ручья Мастах, впадающего в р. Пеледуй справа в 5,8 км выше по течению от с. Толон (рис. 1).

Указанный мыс выделяется светлым цокольным основанием, контрастирующим на фоне темных надпойменных террас Пеледуя, и имеет ровную поверхность, удобную для расположения стоянки человека. На «стрелке» мыса был разбит разведочный шурф размером 2×2 м. Стратиграфия шурфа выглядела следующим образом:

- 1) дерн лесной (4–10 см);
- 2) суглинок коричнево-красный с включениями гальки, пронизанный корнями деревьев. Культурный слой (18–30 см);
- 3) суглинок бурый, плотно насыщенный щебнем и обломками известняка, с включением желтого опесчаненного суглинка (более 15 см).

Шурф был пройден до сплошного щебнистого горизонта на глубину 10–41 см. В слое подпернового суглинка в шурфе было найдено 175 фрагментов керамики эпохи палеометалла, 10 кремневых отщепов, кварцитовый отщеп, четыре кремневых желвачка, наконечник стрелы, переоформленный в резец, обломок пластины с ретушью, два пластинчатых отщепа (один с ретушью), металлургический шлак, 11 фрагментов костей (рис. 2).

Керамика, судя по фрагментам венчиков и привенчиковых частей, принадлежит по меньшей мере пяти сосудам.

Сосуд №1. Восемь фрагментов привенчиковой части тонкостенного гладкостенного сосуда устьемильской культуры, украшенного не менее чем двумя налепными валиками (рис. 2.-13–15). Валики опоясывали сосуд в приустьевой зоне, они тонкие, острореберные, треугольные в сечении, имеют высоту около 0,05 см, расположены на расстоянии 1,6–2,4 см друг от друга. Цвет фрагментов серовато-ко-

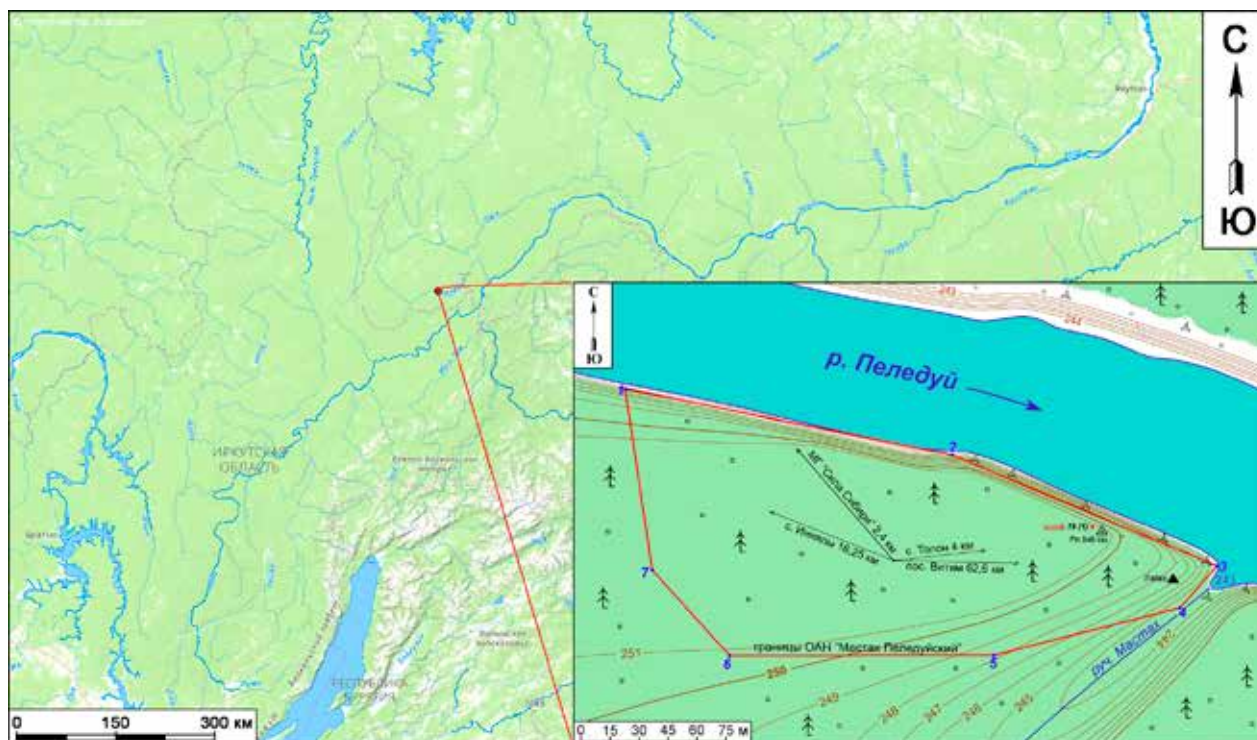

Рис. 1. Местоположение и топографический план стоянки Мастах Пеледуйский
 Fig. 1. The location and topographic plan of the Mastakh Peleduysky site

ричевый снаружи, темно-коричневый изнутри и светло-коричневый на изломе. Тесто плотное, с примесью разнозернистого песка и отдельными зернами дресвы. Толщина фрагментов 0,25–0,5 см.

Сосуд №2. Семь фрагментов привенчиковой части гладкостенного сосуда с тонкими стенками, украшенного налепными рассеченными валиками, а также глубокими округлыми вдавлениями, расположенными попарно и по диагонали (рис. 2.-8–10). Количество валиков неизвестно из-за фрагментарности находок. Валики имеют высоту 0,25–0,5 см, глубоко рассечены косыми с наклоном вправо вдавлениями, как бы расплющивающими валик, на некоторых фрагментах выделены неглубокими прочерченными сверху и снизу линиями. На двух фрагментах сохранились округлые вдавления, образующие выпуклины с внутренней стороны сосуда. На одном фрагменте фиксируется два неровных, почти округлых вдавления диаметром 0,3 см, на другом фрагменте — ряд попарно и по диагонали расположенных аналогичных вдавлений 0,15×0,2 см на расстоянии 1,4 см друг от друга. Цвет черепков неоднородного светло-коричневого и темно-коричневого цвета снаружи, светло-коричневого и черного — на изломе, черного — изнутри. Тесто плотное, с примесью разнозернистого песка и единичных зерен дресвы. Толщина фрагментов 0,2–0,4 см.

Сосуд №3. Два апплицирующихся фрагмента слабопрофилированного венчика гладкостенной керамики (рис. 2.-3). Срез венчика слегка скошен наружу и украшен глубокими косыми с наклоном влево вдавлениями, нанесенными округленным концом лопаточки. Ширина вдавлений 0,2 см, расстояние между ними — 0,3 см. Снаружи ниже устья венчик украшен горизонтальным пояском из чередующихся глубоких косых с наклоном вправо коротких миндалевидных наколов и удлиненно-миндалевидных многозубчатых вдавлений. Короткое вдавление имеет длину 0,3 см, длинное — 0,9 см. Ниже расположены парные глубокие округлые вдавления диаметром 0,3 см, ориентированные горизонтально относительно высоты сосуда. Еще ниже прослеживается горизонтальный ряд косых вдавлений, по-видимому, аналогичных тем, что нанесены ниже устья. Цвет фрагментов неравномерный светло-коричневый снаружи, черный изнутри и на изломе. Тесто плотное, с примесью разнозернистого песка. Толщина венчика 0,5–0,7 см, толщина стенки тулова у основания шейки 0,3 см.

Сосуд №4 представлен 22 фрагментами венчика и привенчиковой части гладкостенного сосуда раннего железного века, украшенного горизонтальными орнаментальными рядами, составленными из вдавлений многозубчатого мелкозубчатого штампа, и пояском сквозных отверстий в приустьеовой зоне (рис. 2.-2–7). Срез венчика прямой, оформлен рядом косых с наклоном вправо вдавлений зубчатого штампа, утолщен налепом в виде широкого подпрямоугольного в сечении карниза-бортика, который

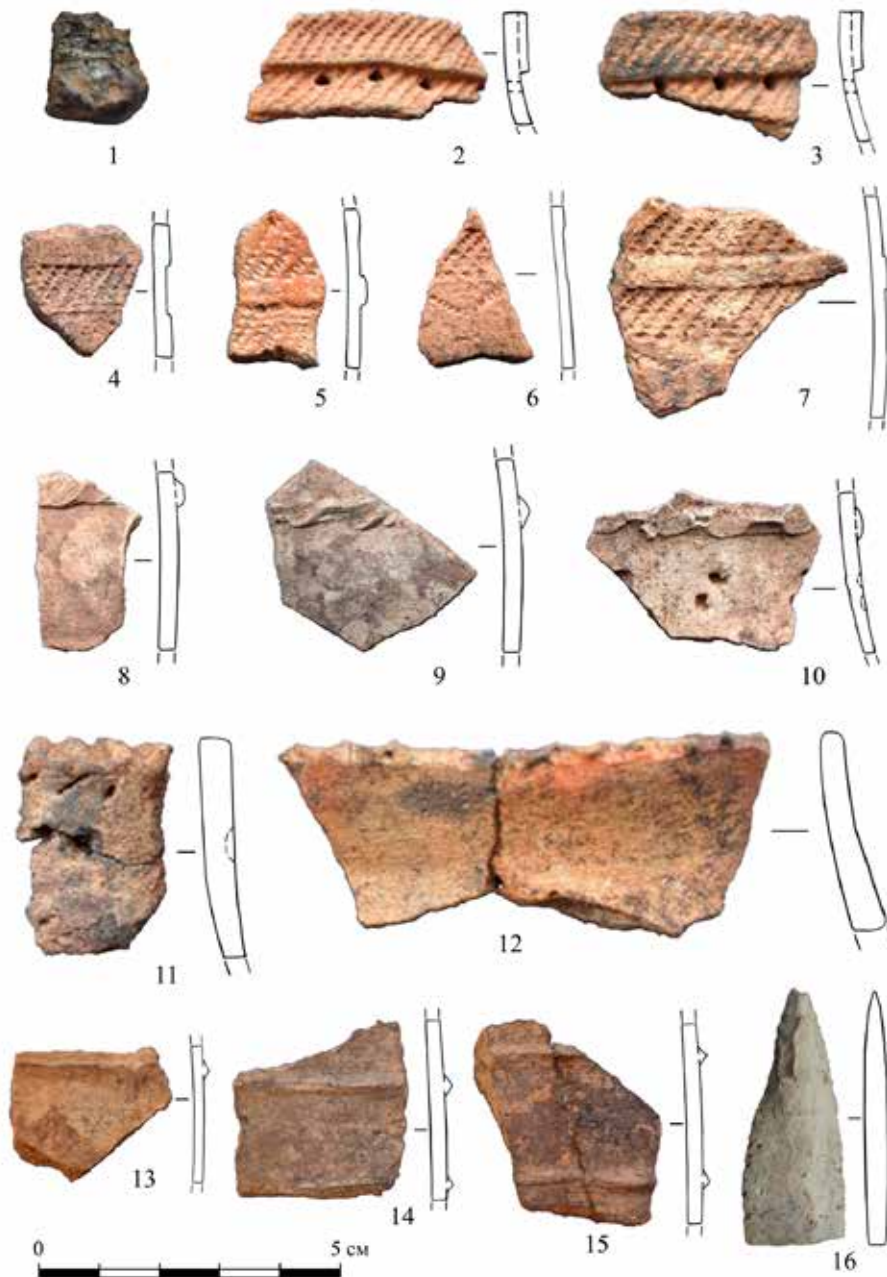

Рис. 2. Археологические материалы стоянки Мастах Пеледуйский: 1 — металлургический шлак; 2-15 — фрагменты керамики; 16 — резец на наконечнике стрелы
 Fig. 2. Archaeological materials of the Mastakh Peleduysky site: 1 — metallurgical slag; 2-15 — fragments of ceramics; 16 — cutter on the arrowhead

также украшен косыми вдавлениями часто расположенного многозубчатого мелкозубого штампа. Поясок сквозных округлых отверстий нанесен сразу под бортиком. Расстояние между отверстиями составляет 0,7–1,0 см, диаметр их — 0,2 см. Орнаментальные полосы косо нанесенных вдавлений многозубчатого штампа чередуются с неорнаментированными зонами. Ниже последнего орнаментального ряда косых вдавлений многозубчатого штампа расположен зигзагообразный орнамент, выполненный тем же многозубчатым штампом (рис. 2.-6, 7). Высота зигзага около 0,6 см. Цвет керамики терракотовый с черными пятнами снаружи и внутри, в изломе черный. Тесто плотное, с примесью мелкозернистого песка. Толщина фрагмента 0,2–0,6 см. Цвет фрагмента терракотовый, в местах свежих повреждений — черный. Тесто плотное, с примесью разнородного песка. Толщина утолщения 0,6–0,7 см, толщина фрагментов под утолщением 0,25–0,35 см.

Сосуд №5. Три фрагмента венчика и привенчиковой части гладкостенного сосуда с профилированной шейкой (рис. 2.-12). Высота шейки сосуда около 2 см, тулово слегка выпуклое. Срез венчика

оформлен подтреугольными вдавлениями шириной 0,7–0,8 см, нанесенными углом лопаточки поочередно с внутренней и с наружной стороны венчика. Цвет фрагментов светло-коричневый изнутри и на изломе, снаружи светло-коричневый с темно-коричневыми и терракотовыми пятнами, в местах свежих повреждений цвет черный. Тесто плотное, двухслойное, с примесью разнозернистого песка. Толщина фрагментов 0,4–0,6 см.

Оставшиеся 133 фрагмента керамики принадлежали неорнаментированным частям тулов вышеописанных гладкостенных сосудов. Цвет черепков терракотовый, светло- и темно-коричневый снаружи, светло-коричневый, темно-коричневый, черный и терракотовый изнутри, черный, коричневый и терракотовый на изломе. Тесто плотное, с примесью разнозернистого песка, мелкой дресвы и растительных волокон (один фрагмент) и выгоревшей органики (один фрагмент). Толщина фрагментов 0,15–0,5 см.

Среди каменных изделий выделяется проксимальная часть наконечника стрелы из суховатого кремня светло-серого цвета, переоформленного в резец (рис. 2.-16). Насад наконечника обломан. Наконечник оформлен бифасиальной параллельной ретушью. Высота сохранившейся части наконечника 4,3 см, ширина сохранившегося основания 1,7 см. Сечение наконечника сегментовидное. Резцовое лезвие оформлено четырьмя продольными сколами, нанесенными от острия к насаду. Высота лезвия резца 1,9 см.

Найдено шесть средних и четыре мелких кремневых отщепов. Мелкие кремневые отщепы имеют длину, не превышающую 1,5 см, средние — размеры от 1,5 до 2,5 см. Материал — полупрозрачный халцедон коричневого цвета, светло-серый кремнистый сланец, белый с коричневатыми прожилками, светло-серый, розовато-серый с темными прожилками, темно-серый, темно-коричневый и черный с серыми полосами кремень. Кроме того, в коллекции имеются крупный (более 2,5 см) галечный кварцитовый отщеп и четыре небольших кремневых галечки-желвачка серовато-коричневого, светло-серого, неоднородного розовато-бежевого с сероватыми прожилками цвета.

Обнаружены также дистальный фрагмент трехгранной ножевидной пластины с единичными фасетками ретуши из полупрозрачного халцедона светло-серого цвета, пластинчатый отщеп с ретушью из кремня темно-коричневого цвета и пластинчатый отщеп из черного кремня.

Характерной находкой является небольшой кусочек металлургического шлака черного цвета (рис. 1.-1), показывающий на возможное наличие металлургического производства на стоянке, что может подтвердиться при дальнейших исследованиях памятника.

Фаунистические остатки представлены 11 фрагментами костей животных, шесть из которых принадлежали крупному млекопитающему и были обнаружены на самом дне культурного слоя на контакте с цоколем террасы на 35-сантиметровой глубине.

Особую важность в коллекции имеет найденная керамика. Один из пяти сосудов (№1) по всей совокупности признаков отнесен к усть-мильской культуре бронзового века Якутии (3400–2000 кал. л.н.). Эту керамику отличают гладкие и тонкие стенки, наличие орнаментальных поясов острорезберных тонких налепных валиков, опоясывающих сосуды, плотно отмученное глиняное тесто с небольшим процентом примесей песка, дресвы и органики, обжиг в восстановительной среде, что обуславливало преимущественно черный цвет горшков (Эртюков, 1990; Алексеев, 1996а; История Якутии, 2020, с. 84). Найденные на стоянке черепки такой керамики имеют все перечисленные признаки, хотя полная реконструкция орнаментальной композиции и формы сосуда невозможна из-за фрагментарности находок.

К усть-мильской керамике, вероятнее всего, относятся фрагменты гладкостенного сосуда №2 с тонкими стенками, украшенного налепными рассеченными валиками и округлыми ямочными вдавлениями. Ранее сосуды усть-мильского облика с рассеченными и нерассеченными валиками и рядами округлых и точечных вдавлений были найдены на стоянках Ночохо (р. Пеледуй), Плитка (р. Пеледуй), Верхняя (средняя Лена), Усть-Чона-II (верхний Вилюй) и Зерновая-II (долина Туймаада, средняя Лена) (Эртюков, 1990, с. 67, 68, 127, 136, табл. 14.-4, 7, 23.-4–6; Мочанов и др., 1991, с. 133, табл. 59.-7), при этом керамика типа усть-чонской и зерновой, на которой горизонтальные пояса вдавлений точечные и расположены в шахматном порядке вертикально по три в ряд, в классификационных таблицах не учтена, хотя по остальным признакам они явно ассоциируются с усть-мильской посудой. Сосуды с комбинированной орнаментацией налепными валиками и ямочными вдавлениями были отнесены ранее к типу XIII, характеризующему поздний этап усть-мильской культуры и переход к раннему железу (Эртюков, 1990, с. 107; Алексеев, 1996а, с. 76). Примечательно, что в Ленском районе Якутии на Лене и ее притоках, включая Пеледуй (стоянки Ночохо, Мастах Пеледуйский, Пеледуй, Плитка, Липаевская, Усть-Витим), четко прослеживается ареал схожей по внешнему облику усть-мильской керамики с налепными валиками, рассеченными глубокими косыми вдавлениями конца лопаточки, расплющивающими валик, иногда в сочетании с округлыми вдавлениями.

Определенную преемственность от усть-мильской керамики, выраженную в виде наличия глубоких округлых вдавлений и срезу венчика, оформленному косыми глубокими вдавлениями, демонстрирует сосуд №3. В данном случае, однако, поясок округлых ямок чередуется с косо расположенными многозубчатыми вдавлениями — ярким признаком керамики раннего железного века Якутии.

Обращает на себя внимание сосуд №4 с широким венечным налепом, украшенный горизонтальными рядами косых вдавлений многозубчатого штампа и пояском сквозных отверстий в приустьеовой зоне. Фрагменты венчиков подобного рода сосудов раннего железного века, только без пояска сквозных отверстий, ранее были найдены в среднененской долине Туймаада (Степанов, Дьяконов, 2005, табл. 2.-32, 33). Эта керамика определенно ассоциируется с комплексом валиковой керамики раннего железного века Якутии.

Что касается фрагментов венчика сосуда №5, то аналогичные гладкостенные и среднестенные горшки со слоистой структурой стенок или венчика, профилированной шейкой и срезом венчика, рассеченным по углам вдавлениями края лопаточки, имеются в комплексах как усть-мильской культуры, так и в раннем железном веке (Эртюков, 1990, с. 135, 136, табл. 22, 23.-8; Алексеев, 1996б, с. 78, табл. V.-2, 3, 5).

Скудный каменный инвентарь стоянки, несмотря на наличие единичных пластинчатых заготовок, выражено отщеповый, что характерно для культур раннего металла Якутии. Принадлежность комплекса стоянки Мастах Пеледуйский эпохе палеометалла четко маркируется наличием металлургического шлака, указывающего на наличие собственного производства металлов на данном объекте. Найденные материалы позволяют предварительно датировать стоянку Мастах Пеледуйский бронзовым и ранним железным веками — ориентировочно в пределах середины II тыс. до н.э. — I тыс. н.э.

Список источников

- Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск, 1996а. 144 с.
Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. Новосибирск, 1996б. 96 с.
История Якутии: в 3 т. Т. I. Новосибирск, 2020. 536 с.
Мочанов Ю.А. Отчет о работе Приленской археологической экспедиции ЯФ СО АН СССР в 1970 г. Якутск, 1970 // Архив ИА РАН. Р-1. №5224, 5225.
Мочанов Ю.А., Федосеева С.А., Константинов И.В., Антипина Н.В., Аргунов В.Г. Археологические памятники Якутии. Бассейны Вилюя, Анабара и Оленёка. М., 1991. 224 с.
Степанов А.Д., Дьяконов В.М. Керамика железного века долины Туймаада // Северная Пасифика — культурные адаптации в конце плейстоцена и голоцене. Магадан, 2005. С. 117–122.
Федосеева С.А. Работы в бассейне средней Лены // Археологические открытия 1980 года. М., 1981. С. 218–219.
Эртюков В.И. Работы Витимского отряда // Археологические открытия 1975 года. М., 1976. С. 291.
Эртюков В.И. Усть-Мильская культура эпохи бронзы Якутии. М., 1990. 152 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Виктор Михайлович Дьяконов, Институт археологии и этнографии СО РАН, Якутская комплексная лаборатория археологии Крайнего Севера (ArcheoFarN), старший научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-4899-6148>, arkh_muz@mail.ru

Viktor M. Dyakonov, Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS, Yakutsk Complex Laboratory of Archaeology of Far North (ArcheoFarN), Senior Researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, Acad. Lavrentiev Ave., 17; Candidate of History, <https://orcid.org/0000-0002-4899-6148>, arkh_muz@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.226

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.22

НОВЫЕ НАХОДКИ КИНЖАЛОВ БРОНЗОВОГО ВЕКА: ВНОВЬ К ПРОБЛЕМЕ «СЕВЕРНЫХ» ПУТЕЙ ВЗАМОДЕЙСТВИЯ ДРЕВНЕГО КИТАЯ С КУЛЬТУРАМИ СТЕПНОЙ ЗОНЫ

Алексей Анатольевич Ковалев

Институт археологии РАН, Москва, Россия

Резюме. Находки бронзового кинжала с гардой в виде поперечной планки с двумя шариками на концах и «копьевидным» лезвием в элитной могиле Хоуши М32 (пров. Шаньси), а также копий таких кинжалов в элитной могиле Паньлунчэн РYWM11 и ритуальной яме Паньлунчэн РWZ85Н6 указывают на непосредственные кон-

такты китайцев и «северных народов» в средний период Шан (верхний слой Эрлиган, XIV в. до н.э.) (рис.-4–6). Племена, пользовавшиеся таким кинжалами, обитали в восточной части Внутренней Монголии и в Маньчжурии, о чем свидетельствуют аналогии из Внутренней Монголии, провинции Хэйлунцзян и Якутии (рис.-1–3). Благодаря этим контактам в древнекитайский язык могло проникнуть слово «кинжал» (совр. 剑 «jiàn»), принадлежащее вымершему языку алтайской семьи. На более раннем этапе маршрут передачи культурных инноваций проходил от Алтая до Центральной Равнины через Монголию. Недавно найденный во Внутренней Монголии кинжал «сопкино-каракольского типа» (рис.-9) также маркирует этот маршрут.

Ключевые слова: период Эрлиган, Паньлунчэн, бронзовые кинжалы, кротовская культура, Шаньси, Хубэй, Внутренняя Монголия, Якутия, Алтай, пути культурного взаимодействия, алтайская языковая семья

Для цитирования: Ковалев А.А. Новые находки кинжалов бронзового века: вновь к проблеме «северных» путей взаимодействия Древнего Китая с культурами степной зоны // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 108–116.

NEW DISCOVERIES OF BRONZE AGE DAGGERS: AGAIN ON THE “NORTHERN” ROUTES OF INTERACTION BETWEEN ANCIENT CHINA AND STEPPE ZONE CULTURES

Alexey A. Kovalev

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

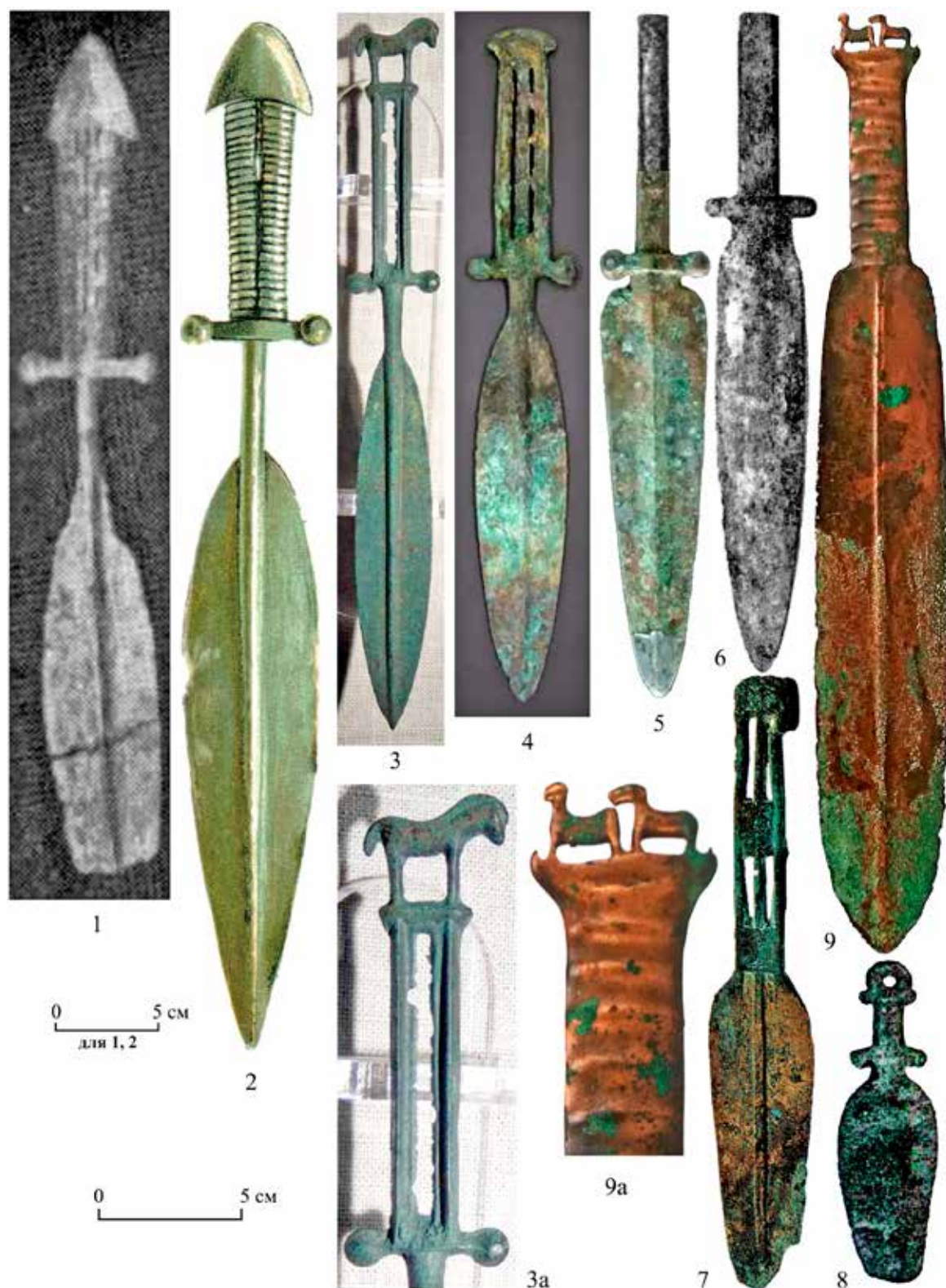
Abstract. Finds of bronze dagger with a guard in the form of a transverse bar with two balls at the ends, and a “spear-shaped” blade in the elite grave of Houshi M32 (Shanxi Province) as well of copies of this type daggers in elite tomb Panlongcheng PYWM11 and in the ritual pit of Panlongcheng PWZ85H6, indicate direct contacts between the Chinese and the “northern peoples” in the middle Shang period (Upper Erligan, the 14th century BC) (Fig.-4–6). The tribes that used such daggers lived in the eastern part of Inner Mongolia and in Manchuria, as evidenced by analogies from Inner Mongolia, Heilongjiang province and Yakutia (Fig.-1–3). Due to these contacts, the word “dagger” (modern 剑 “jiàn”), which belongs to the extinct language of the Altaic family, could have entered into the ancient Chinese language. At an earlier stage, the route of transmission of cultural innovations ran from Altai to the Central Plain through Mongolia. A dagger of the “Sopka-Karakol type” recently found in Inner Mongolia (Fig.-9) also marks this route.

Keywords: Upper Erligan period, Panlogcheng, bronze daggers, Krotovo culture, Shanxi, Hubei, Inner Mongolia, Yakutia, Altai, cultural transfer routes, Altaic language family

For citation: Kovalev A.A. New Discoveries of Bronze Age Daggers: Again on the “Northern” Routes of Interaction between Ancient China and Steppe Zone Cultures // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing house of Altai University, 2023. P. 108–116.

В 2020 г. при проведении спасательных археологических раскопок могильника Хоуши (后石墓地) (поселок Синьи, район Лиши городского округа Люйлян провинции Шаньси) 吕梁市离石区信义镇 экспедицией провинциального института археологии были исследованы две могилы раннешанского времени (Чжао Хуй и др., 2021), в одной из которых (M32) был обнаружен бронзовый кинжал, входивший в состав погребального инвентаря (рис.-3).

Могила M32 представляла собой элитное захоронение взрослого человека на спине головой на юго-запад, совершенное в просторном дощатом гробу, помещенном в квадратный в плане сруб около 3,5 м шириной, ориентированный углами по сторонам света. На крышке гроба и на дне могилы по обеим его сторонам были уложены три тела молодых мужчин; тела двух молодых женщин и ребенка возрастом примерно 10 лет помещены на заплечики могильной ямы. В юго-западной части могильной ямы был устроен грабительский лаз, в результате чего были разрушены верхние части скелетов погребенных на дне; основное погребение выбрано почти полностью. Сопроводительные погребения не имеют инвентаря. В публикации они названы «жертвами», хотя не приводятся сведения о признаках их намеренного умерщвления. Бронзовый кинжал зачищен поверх нарушенных грабителями костей субъекта XR4 (в тексте статьи ошибочно указан XR5), уложенного с юго-восточной стороны гроба (см. фото: Чжао Хуй и др., 2021, рис. 4); предмет был, видимо, переброшен грабителями вместе с землей из основного погребения. Общая длина кинжала 23,6 см, рукоять двутавровая в сечении, с продольными прорезями, с дуговидным выпуклым навершием, перекрестье его представляет собой утолщенную поперечину, заканчивающуюся шариками, с перекрестьем смыкается стержень округлого сечения, от которого на полтора сантиметра ниже отходит иволистное полотно клинка, тем самым придавая лезвийной части «копьевидную» форму (Чжао Хуй и др., 2021, рис. 6.-4; 11.-1).

Бронзовые кинжалы, найденные на территории России (2) и Китая:

- 1 — пос. Имяньпо, городской округ Шанчжи; 2 — пос. Укулан, Якутия; 3, 3а, 9, 9а — из коллекции музея Миньбо;
 4 — могила Хоуши М32, городской округ Люйлян; 5, 6 — комплекс Паньлунчэн, городской округ Ухань;
 5 — могила P^YW^M11, 6 — ритуальная яма P^WZ^H6; 7 — могила M1, могильник 1 севернее крепости ЛЭ,
 уезд Жоцянь; 8 — находка на мог. Хошаогоу, городской округ Юймэнь (источники — в тексте статьи)
 Bronze daggers found in Russia (2) and China: 1 — Yimianpo station, Shangzhi city; 2 — Ukulan village, Yakutia;
 3, 3a, 9, 9a — collection of Inner Mongolia Minbo museum; 4 — Houshi M32 tomb, Lyuliang city;
 5, 6 — Panlongcheng complex, Wuhan city: 5 — P^YW^M11 tomb, 6 — P^WZ^H6 ritual pit; 7 — tomb M1, cemetery No1
 north of LE fortress, Ruoqian county; 8 — Huoshaogou burial place, Yumen city (sources are in text of article)

Найденная в могиле керамика, как сообщают авторы, обнаруживает некоторое сходство с сосудами местной культуры Лицзяя периода Инь. Однако радиоуглеродные датировки, проведенные по костям погребенных, относят гробницу к раннешанскому времени, периоду Эрлиган (Чжао Хуй и др., 2021, табл. 1) (табл.). Могила Хоуши M32, таким образом, оказывается одной из самых больших шанских гробниц доиньского времени как по площади, так и по количеству человеческих жертв (Чжао Хуй и др., 2021, с. 14).

Результаты AMS-датирования по костям погребенных в могиле Хоуши M32

(по Чжао Хуй и др., 2021, табл. 1)

Results of 14C dating (AMS) of the bones of people buried in Houshi M32

(according to Zhao Hui et al., 2021, Table 1)

Погребенный	¹⁴ C возраст, BP	Интервалы калиброванного календарного возраста, calBC
2020HSM32XR1	3310±30	(93,9%) 1634–1504, (1,5%) 1669–1656
2020HSM32XR3	3240±30	(91%) 1545–1433, (4,4%) 1607–1582
2020HSM32XR5	33140±30	(80,1%) 1497–1377, (15,3%) 1345–1305

К сожалению, в публикации не приведены данные, позволяющие оценить вероятность искажения результатов радиоуглеродного анализа за счет резервуарного эффекта, при том что расхождения в датировке сопроводительных захоронений весьма велики. Тем не менее доиньский возраст гробницы подтверждается аналогиями в комплексе Паньлунчэн (пров. Хубэй). Здесь, на двух связанных с городищем местонахождениях, в стратифицированных позициях обнаружены два бронзовых кинжала. Кинжал PWZ85H6:2 найден в слое местонахождения Ванцзяцзуй на дне жертвенной ямы H6 вместе с бронзовыми клевцом «гэ», двумя кельтами, ножом, десятью черешковыми наконечниками стрел (Хубэй шэн..., 2001, с. 126, 135). Общая длина кинжала составляет 23 см, он имеет брусковидную рукоять или черешок, заканчивающийся перекрестьем в форме утолщенной поперечины. Концы перекрестья, как указано в тексте, украшены выпуклинами (乳釘, «сосцевидными металлическими выступами»); на фотографии предмета они слабо просматриваются (Хубэй шэн..., 2001, с. 135, табл. XXXV.-4) (рис.-6). Лезвие у перекрестья сужено, образуя «подрезку». Другой кинжал (PYWM11:44), еще более похожий на находку из Хоуши, обнаружен в инвентаре могилы M11 на местонахождении Янцзявань вместе с богатым набором бронзовых предметов, включая 15 ритуальных сосудов (4 «гу» (觚), 4 «цзюэ» (爵), 4 «цзя» (罍), 1 «цзунь» (尊), 1 «дин» (鼎), 1 «гуй» (簋)), четыре кельта, долото, два клевца «гэ», две танговых секиры «юэ» (钺), черешковый разделочный нож, два лезвия ножей-алебард, четырехгранный наконечник стрелы(?) и др. (Хубэй шэн..., 2001, с. 263–296). Общая длина кинжала 24 см, он также имеет брусковидную рукоять (или черешок), заканчивающуюся горизонтальным утолщенным перекрестьем. На концах перекрестья отлиты шарики. К перекрестью примыкает широкая, сужающаяся к острию «центральная жилка» лезвия, имеющая подромбическое сечение, от которой отходит полотно клинка (Хубэй шэн..., 2001, с. 292, рис. 214.-9, табл. XCIV.-3, на нашем рисунке использовано фото кинжала из Гудай гао..., 2017) (рис.-5).

Ритуальная яма PWZH6 отнесена авторами раскопок к V стадии Паньлунчэнского комплекса, а могила PYWM11 — к VII стадии, синхронизирующимся соответственно с первым этапом верхнего слоя и поздней фазой второго этапа верхнего слоя Эрлиган (Хубэй шэн..., 2001, с. 442–446). Последние данные систематических работ по радиоуглеродному датированию комплекса Паньлунчэн (AMS по древесному углю) позволяют датировать VII стадию на памятнике Янцзявань «1270–1230 гг. до н.э.» (Сунь Чжо и др., 2020, табл. 4), в то время как образцы, относящиеся к V стадии комплекса, датируются как рубежом XV–XIV вв. до н.э., так и XIV в. до н.э. в целом («1390–1300 гг. до н.э.») (Сунь Чжо и др., 2020, табл. 4, 7). По этим результатам V стадия сохраняет синхронизацию с первым этапом верхнего слоя городища Эрлиган, но VII стадия синхронизируется с периодом начиная от второго этапа верхнего слоя Эрлиган до раннего этапа Хуаюаньчжуан, не позднее 1250–1230 гг. до н.э. (Сунь Чжо и др., 2020, с. 114–115). Таким образом, обнаружение кинжалов в Паньлунчэне свидетельствует в пользу датировки могилы Хоуши M32 периодом верхнего слоя Эрлиган, т.е. в пределах XIV в. до н.э., чему соответствует наиболее поздняя из приведенных в нашей таблице радиоуглеродных дат, полученная по костям сопроводительного захоронения XR5 на дне могилы.

Кинжалы с горизонтальным перекрестьем, заканчивающимся выпуклинами, и «копьевидной» лезвийной частью, являются уникальными для памятников Шан-Инь. Более того, это вообще самые ранние кинжалы в памятниках Древнего Китая, не оказавшие влияния на формирование комплекса его вооружения. Впоследствии китайские мастера начали производство кинжалов без гарды с коротким плоским черешком, снабженным отверстием для крепления рукояти; этот тип оружия, несомнен-

но, копирует образцы Древней Месопотамии и Кавказа, ближневосточные аналогии не позволяют считать его оружием «пи» (钺) на длинном древке, как считает ряд китайских ученых (Чжу Яньпин, 2015). Таким образом, наиболее вероятно, что рассматриваемые кинжалы появились в Паньлунчэне либо как трофеи, либо как попытки подражания «варварским» образцам, не имевшие продолжения. В пользу местного «подражания» говорит отсутствие у паньлунчэнских кинжалов рукояти с навершием, форма которой позволяла бы использовать изделие с намотанным под обхват руки шнуром. «Рукояти» паньлунчэнских кинжалов, несмотря на их массивность, представляют скорее черешки, предназначенные для закрепления в отрезке бамбука. Кстати, наличие у них относительно узкой гарды говорит о том, что это были все же кинжалы, а не оружие «пи» (钺), к которому их отнесли раскопщики. Контакты паньлунчэнского населения с «варварской» периферией показывают также находки двух ножей, снабженных бронзовыми изогнутыми орнаментированными рукоятями с округлыми навершиями (Хубэй шэн..., 2001, рис. 117.-8, 9, 188.-4); эти ножи, судя по их форме, также являются подражаниями «варварским» изделиям.

Между тем известны три случайные находки кинжалов и мечей с прямым перекрестьем, заканчивающихся выпуклинами, «копьевидной» лезвийной частью и вертикальными прорезями на рукояти, которые указывают на ориентировочный ареал их бытования. С декабря 2022 по март 2023 г. на выставке «Вверх и вниз по Великой Реке», состоявшейся в Музее руин Куахуцяо в Ханчжоу экспонировался бронзовый кинжал этого типа длиной 25 см с рамчатой рукоятью, увенчанной фигурой стоящей лошади (рис.-3, 3а) (Хуацзяо Дасянь, 2023). Примечательно, что грива лошади не имеет характерной для сейминско-турбинских изображений «острой челки над мордой» (Пяткин, Миклашевич, 1990, с. 149), а ухо не поднято, а прижато к голове. Предмет был предоставлен для выставки Музеем степной цивилизации Миньбо (Хух-Хото) (см. ниже), в связи с чем можно предположить, что он был обнаружен на территории Внутренней Монголии. В 1956 г. относящийся к тому же типу меч с обломанным лезвием был найден в провинции Хэйлунцзян (Ли Хунцин, 1956) (рис.-1). При публикации этой находки в «Советской археологии» А.П. Окладников (1959, с. 135, рис. 1) допустил множество ошибок, к сожалению, повторяемых в российской литературе. Меч на самом деле имеет длину в два раза больше, чем написал Окладников, найден не в «местности Шанчжитан», не на «склоне виноградника» и передан не в провинциальный, а в столичный музей. Ошибки в локализации находки и размерах предмета уже были частично исправлены в монографии С.В. Комиссарова (1988, с. 93). Согласно исходному сообщению, меч был найден в 150 км к юго-востоку от Харбина крестьянином из поселка Имяньпо (一面坡镇) уезда (ныне городского округа) Шанчжи, на дне «притока» реки Маяньхэ (蚂蚁河), протекающей через территорию поселка; осенью 1956 г. меч поступил в музей Гугун (где его следы теряются). Таким образом, предмет нужно называть «мечом из Имяньпо». Описание и неясное фотоизображение меча в первичной публикации говорят о том, что сохранившаяся часть меча имеет длину 41(!) см, рукоять имеет прямоугольные прорези, расположенные в «шахматном порядке» (а не П-образные, как на прорисовке и в описании Окладникова). Исправление ошибки в размерах предмета делает еще более обоснованным вывод А.П. Окладникова, что этот меч является ближайшей аналогией предмету, найденному в 1943 г. на окраине поселка Укулан Алданского района Якутской АССР (ныне часть города Томмот). Укуланский меч имеет длину 49,8 см, посередине его рукояти — узкая прямоугольная прорезь (Окладников, 1955, с. 149–150, цв. вклейка; 1959, с. 134) (рис.-2). Что касается еще одного похожего меча, якобы обнаруженного в местности Сэндэлэ близ села Бютэйдэх Мегино-Кангаласского района Якутской АССР в 1985 году (Эртюков, 1990, с. 80, табл. 31), я не решаюсь включать его в подборку, поскольку конструкция и оформление рукояти этого составного предмета вызывают сомнения в его аутентичности. Вышеперечисленные находки позволяют выдвинуть предположение, что рассматриваемый вид лезвийного оружия использовался на территории Северного Китая к востоку от излучины Хуанхэ.

Дополнение гарды двумя выпуклинами или шариками на концах, характерное для рассматриваемых кинжалов и мечей, а также продольная прорезь на рукояти встречены еще на двух кинжалах того же времени. В 2013 г. мною было показано (Ковалев, 2013, с. 144), что в могиле 1040 на памятнике Чжукайгоу (городской округ Ордос), датируемой по сопроводительному инвентарю периодом Эрлиган, обнаружен кинжал, плоская рукоять которого с бесформенным отверстием в верхней части, окаймленная валиком с трех сторон, подобна рукоятям кинжалов из погр. 420, 443 Сопки-II, а также аналогичным им кинжалам «каракольского» типа из предгорного Алтая, Среднего Енисея, Восточного Казахстана и уезда Тяньшуй пров. Ганьсу (Ковалев, 2013, с. 144, рис. 2.-1–3; Молодин, 2015, с. 98–100; Ковтун, 2016, табл. VII.-1–3). В отличие от «сопкинского-каракольских» кинжалов предмет из Чжукайгоу имеет гарду в форме «усиков», заканчивающихся шариками. Кинжал с такими же «усиками», на концах

которых оформлены «овальные выступы-утолщения», а также продольной прорезью на рукояти происходит из Монгун-Тайгинского района Тувы (Чугунов, 1997). Навершие его украшено скульптурными изображениями повернутых в одну сторону животных подобно навершиям ножей из Сеймы и Турбино. В обоих случаях можно говорить о совмещении традиций изготовления рассматриваемого типа кинжалов и кинжалов «сопкиноско-каракольского» типа.

Более дальние аналогии рассматриваемым кинжалам, относящиеся к эпохе бронзы, происходят с запада Китая. В погребальном сооружении М2 могильника 1 на территории к северу от восточной крепости Лоулань (LE) (уезд Жоцянь, Синьцзян) обнаружен бронзовый кинжал длиной 21,5 см, без гарды, но с продольными прорезями на рукоятке (Бай Цзяньяо, 2010, с. 300) (рис.-7). На лезвии по обеим сторонам центральной жилки прямоугольного сечения просматриваются выступы, формирующие некое подобие «вильчатого стержня» сейминско-турбинских копий. К сожалению, информации о комплексе мне не удалось отыскать. С территории могильника Хошаогоу культуры Сыба (городской округ Юймэнь провинции Ганьсу) происходит бронзовая кинжаловидная подвеска длиной 11,5 см с гардой в виде несколько выгнутого валика, оканчивающегося выпуклинами, и «копьевидной» лезвийной частью (Ван Лу, 2018, с. 146, рис. 5–24) (рис.-8). Если подвеска действительно относится к культуре Сыба, можно датировать ее серединой II тыс. до н.э. (Ковалев, 2023). В 1-й четверти I тыс. до н.э. оформление гарды кинжала в форме выступающих валиков, оканчивающихся выпуклинами или дисками, характерно для комплексов т.н. «культуры верхнего слоя Сяцзядянь», а также появляется на древнейших кинжалах раннескифского времени (Ковалев, 1996, с. 123; Чугунов, 1997, с. 83; Лю Госян, 2000, с. 457). Проявление этой традиции на северо-востоке Китая через несколько веков подкрепляет наше предположение о первоначальном ареале распространения кинжалов рассматриваемого типа.

Таким образом, в комплексах среднешанского периода (период верхнего слоя Эрлиган), вероятнее всего — XIV в. до н.э. — мы впервые встречаем оригинал (Хоуши М32) и воспроизведения (Паньлунчэн) такого клинкового оружия, как кинжалы, что является самым ранним свидетельством знакомства древних китайцев с этим типом вооружения. Все эти кинжалы происходят из элитных комплексов, что подчеркивает их значимость. Традиция изготовления этих кинжалов пришла на юг Китая из степей Внутренней Монголии и Маньчжурии. Здесь необходимо вспомнить исключительно емкую статью С.А. Старостина, написанную им в 2004 г. и опубликованную посмертно в России и за рубежом (Старостин, 2007; Starostin, 2008). На нескольких страницах Старостин приводит перечень заимствований, на его взгляд, из общеалтайского языка (до отделения японского и тунгусо-маньчжурского) в древнекитайский, ярко отражающий глубину и разнообразие отношений их носителей. Наряду с такими выразительными этимологиями как др.-кит. «пшеница, ячмень» из алт. «злак», др.-кит. «враг, враждебность» из алт. «враг», др.-кит. «отрезать уши у убитых врагов» из алт. «ухо», др.-кит. «отрезать нос» из алт. «нос», др.-кит. «сестра отца, теща» из алт. «старшая сестра, мать», др.-кит. «гость, посетитель» из алт. «другой, чужой» и т.п. ученый предлагает такую этимологию древнекитайского слова «кинжал, меч» (совр. 劍 «jiàn»):

«ОС 劍 *kam-s* 'sword' [меч]: Alt. **k`emá* 'sharp, sharp tool' [острый, острое орудие] > Jap. **kámá* 'sickle' [серп]; ТМ **xemer* 'sharp' [острый]» (Старостин, 2007, с. 852; Starostin, 2008, p. 260).

Слово «меч, кинжал» по сводке Старостина, казалось бы, должно было появиться в древнекитайском как результат интенсивных контактов с носителями предкового «алтайского» языка. Однако этот общий язык, как установил сам Старостин, распался не позднее VI тыс. до н.э. (Starostin, 2008, p. 255), при том что заимствования исследователь предпочел осторожно датировать временем «не позднее II тыс. до н.э.» (Старостин, 2007, с. 853; Starostin, 2008, p. 257). Думаю, краткая статья 2004 г., не случись преждевременной смерти ученого, была бы им развита в части уточнения линий языковых контактов. Так, заимствования др.-кит. «окончание оси колеса» из реконструируемого алт. «повозка» и др.-кит. «ступица колеса» из реконструируемого алт. «втулка» (Старостин, 2007, с. 851–852) могли иметь место не ранее III тыс. до н.э., начала использования колесного транспорта в Восточной Азии. Скорее всего, реконструкции нуждаются в переосмыслении, поскольку могут отражать контакты не с общеалтайским языком, а с ныне исчезнувшей ветвью алтайского, где древние обобщенные, отвлеченные термины приобрели более конкретный, специфичный смысл. Так, заимствование в древнекитайский язык специфичного слова «кинжал» непосредственно из слова со значением «острый предмет» исключено, предковый термин должен был прилагаться к такой реалии, которая была бы ранее не известна языку-реципиенту. Поэтому должен был существовать язык алтайской семьи, в котором слово со значением «острый предмет» приобрело бы более узкое значение «кинжал», таким же образом, как предковое слово «острый предмет» приобрело значение «серп» в японском (см. выше этимологию Старостина).

То же относится и к терминам колесного транспорта. Носители этого языка и были северными соседями Шан. Копирование населением шанского Паньлунчэна, находящегося на р. Янцзы, в тысяче километров от Внутренней Монголии, северных образцов оружия является свидетельством присутствия северных чужеземцев в самом сердце Древнего Китая.

Ранее я писал о еще одном «северном» пути взаимодействия «варваров» бронзового века и Древнего Китая: от Западной Сибири и Степного Алтая через Монголию на северо-западную и северную периферию Ся (Ковалев, 2013; 2017; Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014, с. 218–222). Я указывал, что об этом свидетельствует распространение «петровско-кротовских» однолезвийных пластинчатых ножей (без выделенного черенка) по всей периферии Эрлитоу (поздний этап культуры Цицзя, культура нижнего слоя Сяцзядянь) и кинжалов «сопкино-каракольского» типа на востоке провинции Ганьсу и в Ордо-се, наряду с которыми происходило распространение наконечников копий с крюком ростовкинского облика и выгнутообушковых ножей-«кинжалов» с двутавровой рукоятью (типа Эрлитоу мог. 80ШМ2). Посредником в передаче культурных инноваций выступала открытая нами мунх-хайрханская культура XVIII–XV вв. до н.э., охватывавшая Северную Монголию и Туву.

К сожалению, в позднейших работах, посвященных распространению кинжалов «сопкино-каракольского» типа (Молодин, 2015; Ковтун, 2016), были проигнорированы мои доводы, а также мой вывод (Ковалев, 2013, с. 144) о принадлежности к этому типу кинжала из М1040 в Чжукайгоу, хотя, как упоминалось выше, его рукоятка воспроизводит особенности «второго варианта» кротовских кинжалов по Молодину (Молодин, 2015, с. 98–99). Включение этого кинжала в серию с «кротовскими» принципиально, поскольку признание их типологической общности не только подкрепляет вывод о «северном» пути контактов, но и ведет к существенному «омоложению» (до середины II тыс. до н.э.) верхнего рубежа бытования всей совокупности.

Уже после публикации моей статьи 2013 г. китайскими учеными было установлено, что наконечник копья, найденный в уезде Чаоян пров. Ляонин, имеет вильчатый стержень, как и находка, хранящаяся в Музее искусств и ремесел провинции Шаньси (Лю Сян, Лю Жуй, 2016). Авторы публикации и их научный руководитель Линь Мэйцунь делают правильный вывод, что поскольку наиболее схожими с сейминско-турбинскими прототипами оказались северо-восточные наконечники, то и проникновение сейминско-турбинских традиций в Древний Китай шло непосредственно с Алтая через степную зону на юго-восток; этот вывод подкрепляется и составом металла: находки из Ляонина и Шаньси выплавлены из оловянистой бронзы (Лю Сян, Лю Жуй, 2016, с. 107; Lin, Liu, 2017, р. 5–6). Вслед за китайскими учеными путь распространения «южносибирской» металлургической традиции с северо-запада на юго-восток обрисовывает на основании материалов этих и некоторых других публикаций С.А. Григорьев (2021а, б). При этом он совершенно не знаком с моими (общедоступными!) работами 2013–2017 гг., и его статьи выражают ложную уверенность в том, что он впервые на данном этапе российской историографии выступил с обоснованием «северного» пути передачи культурных инноваций. Удивительно, что в статьях С.А. Григорьева даже не упомянуты памятники Монголии, через которую должен был проходить рассматриваемый им маршрут. Оригинальные рисунки впервые введенных мною в научный оборот кинжалов из уезда Тяньшуй (Ковалев, 2013, рис. 2.-2, 3) С.А. Григорьев воспроизводит без ссылки на оригинал.

Несмотря на такие проблемы в восприятии моих аргументов коллегами, приведу еще одну находку, дополняющую картину распространения кинжалов «сопкино-каракольского типа». В 2018 г. была впервые опубликована фотография кинжала длиной 33 см, входящего в коллекцию частного «Внутренне-монгольского музея степной цивилизации Миньбо» (内蒙古名博草原文明博物馆) (Эрдосы цинтун ци..., 2018, с. 5) (рис.-9, 9а). Судя по отпечаткам ткани на лезвии кинжала, он был добыт из какой-то могилы в результате грабительских раскопок; место находки, к сожалению, неизвестно, но скорее всего — на территории Внутренней Монголии. Кинжал не имеет гарды, его овальная в поперечном сечении и прямоугольная в плане рукоять опоясана горизонтальными валиками и увенчана фигурами двух животных (овец?), для размещения которых сформирована расширенная площадка, лезвие имеет форму, близкую к пятиугольной, с выраженной центральной жилкой. Ближайшей аналогией этому предмету является бронзовый кинжал из Шемонаихи со скульптурой «сейминской» лошади (Самашев, Жумабекова, 1993, с. 24, рис.-3; Ковтун, 2013, фото 161, 163, 164). Эта находка, как и кинжал из Чжукайгоу, а также сейминско-турбинское навершие из Нарийнтээл сомона Увэрхангайского аймака Монголии, изображающее упряжку лошадей (Ковалев, 2013, с. 144, рис. 2.-5; Ковтун, 2013, фото 74), маркируют «монгольский» маршрут проникновения западносибирских традиций в Древний Китай в 1-й половине — середине II тыс. до н.э.

Список источников

- Григорьев С.А. Проникновение сейминско-турбинской традиции в Китай и развитие технологии оловянно-го легирования // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2021а. №1. С. 3–21.
- Григорьев С.А. Проблема южносибирских контактов в формировании китайской металлургии бронзового века // Вестник Томского государственного университета. 2021б. №471. С. 109–119.
- Ковалев А.А. Происхождение скифов согласно данным археологии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. СПб., 1996. С. 121–127.
- Ковалев А.А. Новые данные о связях культур Западной Сибири, Монголии и Китая в первой половине II тыс. до н.э. // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013. С. 140–146.
- Ковалев А.А. Мунх-хайрханская культура периода развитой бронзы и ее связи с культурами неолита — бронзового века Восточной Сибири // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 2017. С. 57–66.
- Ковалев А.А. О хронологической позиции металлокомплекса культуры Сыба (Северо-Западный Китай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51, №1. С. 70–79.
- Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Открытие в центре Евразии новой культуры эпохи развитой бронзы (мунх-хайрханская культура) // Российский археологический ежегодник. 2014. №4. С. 194–225.
- Ковтун И.В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово, 2013. 702 с.
- Ковтун И.В. Сопкинско-каракольские кинжалы и сейминско-турбинская эпоха // Археология Южной Сибири. К 40-летию кафедры археологии Кемеровского государственного университета. Вып. 27. Кемерово, 2016. С. 62–76.
- Комиссаров С.А. Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. Новосибирск, 1988. 120 с.
- Молодин В.И. Феномен бронзовых кинжалов из погребальных комплексов кротовской культуры (хронология, территория распространения, истоки) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 6, №2 (62). С. 97–107.
- Окладников А.П. Якутия до присоединения к Русскому государству. М.; Л., 1955. 482 с. (История Якутской АССР. Т. I).
- Окладников А.П. Бронзовый меч из Якутии // Советская археология. 1959. №3. С. 133–136.
- Пяткин Б.Н., Миклашевич Е.А. Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 146–153.
- Самашев З.С., Жумабекова Г. К вопросу о культурной атрибуции некоторых случайных находок из Казахстана // Известия НАН РК. Сер.: Общественные науки. 1993. №5 (191). С. 23–33.
- Старостин С.А. Altaic and Chinese // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007. С. 850–853.
- Чугунов К.В. Находка кинжала предскифской эпохи из Юго-Западной Тувы // Новые исследования археологов России и СНГ. СПб., 1997. С. 81–86.
- Эртюков В.И. Усть-мильская культура эпохи бронзы Якутии. М., 1990. 152 с.
- Lin Meicun, Liu Xiang. The Origins of Metallurgy in China // Antiquity. 2017 (Vol. 91). Iss. 359. P. 1–6.
- Starostin S.A. Altaic loans in Old Chinese // Past human migrations in East Asia : matching archaeology, linguistics and genetics / edited by Alicia Sanchez-Mazas ... [et al.]. London; New York, 2008. P. 254–262.
- Бай Цзяньбао 白建尧. Сылу гуйбао: Синьцзян гуань цзан вэньбу цзинпинь ту лу: Ин-Хань дуй чжао 丝路瑰宝: 新疆馆藏文物精品图录: 英汉对照 [Сокровища Шелкового пути: Иллюстрированный каталог коллекций культурных реликвий из хранилищ музеев Синьцзяна: фотографии с подписями на английском и китайском языках]. Урумчи, 2010. 364 с.
- Ван Лу. Гань-Цин дицюй цзаоци тун ци дэ кеэсюэ фэньси яньцзю — Линьтань Могоу ичжи чуту тун ци вэй чжунсинь [Естественно-научное исследование ранних медных изделий региона Гань-Цин — с фокусом на медных изделиях, добытых при раскопках могильника Могоу, Линьтань]: дис. ... д-ра наук. Пекин, 2018. 257 с.
- Гудай гао шуайфуцай юн дэ ци дэ бинци: Шан дай цинтун мао 古代高帅富才用得起的兵器: 商代青铜矛 [Оружие, которое в древности было доступно красивым и богатым: бронзовые копья эпохи Шан]. 2017. <https://baike.baidu.com/tashuo/browse/content?id=5822a6d1b460423c135acfcf>. Последнее обращение: 05.07.2023
- Ли Хунцин 李鸿庆. Шанчжи сянь ша ши чан гунжэнь чжэн гэй Гугун боуюань цинтун бинци и цзянь 尚志县砂石厂工人赠给故宫博物院青铜兵器一件 [Рабочие завода по производству гравия уезда Шанчжи передали в музей Гугун один бронзовый предмет вооружения] // Вэньбу. 1956. №10. С. 75.
- Лю Госян 刘国祥. Сяцзядянь шан цэн вэньхуа цинтунци яньцзю 夏家店上层文化青铜器研究 [Исследование бронзовых изделий культуры верхнего слоя Сяцзядянь] // Каогу сюэбао. 2000. №4. С. 451–500.
- Лю Сян, Лю Жуй 刘翔 刘瑞. Ляонин Чаоян сянь Вэньгуань со цан сайима-туэрбиньно тун мао дяоча цци сянгунань яньцзю 辽宁朝阳县文管所藏塞伊玛 - 图尔宾诺铜矛调查及相关研究 [Осмотр сейминско-турбинского бронзового копья, находящегося в депозитарии Управления культуры уезда Чаоян, Ляонин, а также связанное с этим исследование] // Каогу юй вэньбу. 2016. №2. С. 102–107.
- Сунь Чжо, Су Синь, У Сяохун, Пань Янь, Чэнь Хуй, Цзоу Цюши, Лу Цзиньдун 孙卓 苏昕 吴小红 潘岩 陈晖 邹秋实 路晋东. Цзинь нянь лай Паньлунчэн ичжи дэ тань шисы няньдай цэдин 近年来盘龙城遗址的碳十四年代测定 [Радиоуглеродное датирование памятника Паньлунчэн за последние годы] // Цзянхань каогу. 2020. №6. С. 103–116.

Чжао Хуй, Лю Цзисян, Янь Юнъюнь, Фэн Гэньбу, Сюэ Яли, Лю Ян, Бай Цайся, Ван Синь, Лян Сяо, Хоу Кань, У Цзюньхуа 赵辉; 刘吉祥; 闫勇允; 冯良武; 薛亚丽; 刘洋; 白彩霞; 王欣; 梁孝; 侯侃; 武俊华 Шаньси Лиши Хоуши Шан дай муцзан 山西离石后石商代墓葬 [Гробницы шанского времени в Хоуши, район Лиши провинции Шаньси] // Чжунго гоцзя боугуань гуанькань. 2021. №12. С. 6–15.

Чжу Яньпин 朱延平. Тун пи каоюань 铜铍考源 [Изучение происхождения медных «пи»] // Цинхэ Сюй Гуанци сяньшэн баши хуадань лунвэнь цзи庆贺徐光冀先生八十华诞论文集 [Сборник статей к празднованию 80-летнего юбилея господина Сюй Гуанци]. Пекин, 2015. С. 164–181.

Хуацзяо Дасянь 花脚大仙, «Да Хэ шан ся — Чжунго гудай бэйфан си цинтун ци цзинпинь вэньбу чжаньлань» чжи ци «大河上下—中国古代北方系青铜器精品文物展览»-之七 [«Вверх и вниз по Великой реке — выставка изысканных культурных реликвий Древнего Китая в стиле северных бронз», часть седьмая]. 2023. <http://www.580-8.com/news/news-show-1804548.htm>. Последнее обращение — 04.07.2023

Хубэй шэн вэньбу ваогу яньцзюсо 湖北省文物考古研究所 [Институт культурных реликвий и археологии провинции Хубэй]. Паньлунчэн: 1963–1994 нянь каогу фацзюэ баогао 盘龙城 : 1963–1994年考古发掘报告 [Паньлунчэн: отчет об археологических раскопках 1963–1994 годов]. Пекин, 2001. В 2-х тт. 1 том — 665 с., 2 том — 208 л.: ил.

Эрдосы цинтун ци боугуань 鄂尔多斯青铜器博物馆 [Музей ордосских бронз]. Мань мань сы лу цзэ и бай дай: цаюань, хэй шан сычоу чжи лу вэньбу цзинцуй 漫漫丝路 泽遗百代: 草原、海上丝绸之路文物精粹 [Долгий шелковый путь, сто поколений утраченных реликвий: наиболее характерные культурные реликвии степного и морского шелкового путей]. Пекин, 2018. ХХІХ. 236 с. Разд. пагин.

Информация об авторе / Information about the Author

Алексей Анатольевич Ковалев, Институт археологии Российской Академии наук, отдел сохранения археологического наследия, научный сотрудник; 117292, Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, <https://orcid.org/0000-0003-2637-3131>, chemurchek@mail.ru

Alexey A. Kovalev, Institute of Archaeology, Russian Academy of Science, Department of Preservation of Archaeological Heritage, Science Fellow; 117292, Moscow, Russia, Dm. Ulianov Str., 19; <https://orcid.org/0000-0003-2637-3131>, chemurchek@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.2

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.23

О НАЗНАЧЕНИИ ИРМЕНСКИХ КАМЕННЫХ РУЧНЫХ МЕЛЬНИЦ

Сергей Алексеевич Ковалевский

Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия;

Российский государственный институт сценических искусств,

Сибирская высшая школа музыкального и театрального искусства, Кемерово, Россия

Резюме. Статья посвящена такой категории каменного инвентаря ирменской культурно-исторической общности юга Западной Сибири, как ручные мельницы, или зернотерки. Мы постарались обобщить информацию о находках таких изделий в ирменских поселениях и погребально-поминальных памятниках. Было выяснено что они представлены двумя разновидностями: классическими овальными или прямоугольными зернотерками и жерновами округлой формы. Особое внимание в проведенном исследовании обращено на контекст нахождения зернотерок в пределах поселений и курганных могильников. Показано, что зернотерки в ряде случаев размещались в специально отведенных местах, играя, очевидно, определенную роль в обрядовой практике.

Ключевые слова: ирменская культурно-историческая общность, зернотерка, земледелие, могильники, поселения

Для цитирования: Ковалевский С.А. О назначении каменных ручных мельниц // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 116–120.

ABOUT THE PURPOSE OF IRMEN STONE HAND MILLS

Sergey A. Kovalevsky

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

Russian State Institute of Performing Arts, Siberian Higher School of Music and Theatrical Art, Kemerovo, Russia

Abstract. The article is devoted to such a category of stone tools of the Irmen cultural and historical community of the south of Western Siberia as hand mills or grain grinders. We have tried to summarize the information about the finds

of such products in the Irmen settlements and funeral and memorial sites. It was found out that they are represented by two varieties: classic oval or rectangular grain grinders and round-shaped millstones. Special attention in the conducted research is paid to the context of finding grain mills within settlements and burial mounds. It is shown that grain grinders in some cases were placed in specially designated places, obviously playing a certain role in ritual practice.

Keywords: Irmen cultural and historical community, grain milling, agriculture, burial grounds, settlements

For citation: Kovalevsky S.A. About the Purpose of Irmen Stone Hand Mills // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 116–120.

Начиная с 1950-х гг. в историографии, посвященной ирменским древностям юга Западной Сибири, утвердилось представление о существовании в период поздней бронзы на данной территории земледелия (Ковалевский, 2017, с. 138–142). Одним из свидетельств этого является изготовление и использование ирменским населением каменных ручных мельниц, или зернотерок. Целью данной статьи является обобщение информации по находкам этих древних механизмов, а также рассмотрение вопроса о их назначении.

А.В. Матвеев полагал что оседлость ирменского населения была невозможна без земледелия. Прямыми свидетельствами его существования специалист считал находки зернотерок, которые, по его мнению, встречаются почти в каждом исследованном жилище (Матвеев, 1985, с. 13).

Что же представляла собой зернотерка? По наблюдению Е.А. Сидорова, это был ручной механизм, состоящий из нижней плиты овальной или прямоугольной формы с плоской рабочей поверхностью и двуручного куранта, длина которого превышает ширину нижнего камня. Они предназначались для переработки зерна в муку и были, по его мнению, распространены у племен, практиковавших пашенное земледелие (Сидоров, 1986, с. 61–63).

В отличие от периодически встречающихся в ирменских памятниках овальных или прямоугольных зернотерок единственный жернов из могильника Журавлево-IV представлял собой круглый каменный диск с отверстием в центре и двумя углублениями для ручек на внешней выпуклой поверхности, ближе к краю. Указывается что внутренняя сторона плоская, со следами вращения (Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 91). Таким образом, можно говорить об использовании ирменским населением двух разновидностей ручных мельниц, а именно классических зернотерок и жерновов.

Одни из первых ирменских зернотерок были получены в ходе исследований 1952–1953 гг. Новосибирской экспедицией ИИМК АН СССР под руководством М.П. Грязнова поселения Ирмень-1. Две зернотерки найдены на полу землянки 1 (Грязнов, 1952, с. 47). В землянке 2 около южной стены находилась раздавленная большая корчага, а рядом с ней каменная зернотерка, лежавшая на каком-то большом предмете из рога лося, плохо сохранившемся (Грязнов, 1952, с. 50). Верхний камень зернотерки был найден также в слое серой супеси на территории ложбинки (Грязнов, 1953, с. 42).

Но наибольшее внимание привлекает находка двух камней зернотерки из материалов зольника (рис.). Согласно описанию М.П. Грязнова, большой нижний и малый верхний камни зернотерки лежали аккуратно сложенные вместе, но не в рабочем положении, так как нижний камень лежал в перевернутом виде. По форме и размерам зернотерка подобна зернотеркам современных шорцев. Нижний камень имел размеры 62×33 см, а верхний — 39×31 см.

Поселение Ирмень-1. Зернотёрка из зольника (по: Грязнов, 1953)
The settlement of Irmen-1. Grain grater from the ash pit (by: Gryaznov, 1953)

По мнению специалиста, большая, весом более 25 кг, зернотерка представляла в свое время большую ценность, так как должна была быть доставлена в поселок издалека, с учетом того, что р. Ирмень отстоит на многие десятки километров от ближайших выходов песчаника. М.П. Грязнов полагал, что зернотерки такого типа могли применяться только при мотыжном земледелии, доставлявшем небольшое количество зерна. В качестве этнографической параллели исследователь приводит наблюдение о том, что шорские женщины за полный день тяжелой работы на такой зернотерке перемалывали по 2–2,5 кг зерна (Грязнов, 1953, с. 8, 35).

Вместе с тем в самом факте данной находки привлекают внимание три момента. Во-первых, важно то, что найденная зернотерка не была сломана или повреждена, а следовательно, не было необходимости в ее утилизации. Во-вторых, верхний и нижний камни зернотерки находились вместе, а значит, и помещены в зольник они были с определенной целью. В-третьих, необычна находка целой зернотерки именно на территории зольника, традиционно рассматривавшегося в качестве места складирования золы и утилизации мусора (см. напр.: Матвеев, 1985, с. 12).

На это обратил внимание и сам М.П. Грязнов, квалифицировавший зольник как место, связанное с культом огня и очага, куда, вероятно, ставились горшки с какими-то приношениями и некоторые другие вещи. В их числе исследователь выделил лошадиную бабку, в головке которой просверлена пара отверстий, куда были вставлены аргиллитовые цилиндрические бусы-глазки. Один глазок сохранился на месте. По бокам головки, снизу, пара сквозных отверстий — возможно, для продевания серег. М.П. Грязнов сопоставил данную находку с эменгедерами или оренконерами, которые еще недавно изготавливались телеутами, шорцами и кумандинцами Северного Алтая и выступали в качестве женского духа-покровителя. Исходя из этого, М.П. Грязнов пришел к выводу о том, что антропоморфная лошадиная бабка, найденная в зольнике, является памятником домашнего семейного культа родовых предков (Грязнов, 1953, с. 5–6).

Находка на поселении Ирмень-1 двух сложенных вместе камней зернотерки не единственная. На территории лесостепного Алтайского Приобья целая зернотерка с лежащим на ней курантом была обнаружена в процессе исследования ирменского поселения Цыганкова Сопка-1 (Шамшин, Гальченко, 1997, с. 104). К сожалению, обстоятельства ее нахождения не ясны.

Помимо находок из Ирмени-1 в материалах ирменских памятников Новосибирского Приобья, по информации Е.А. Сидорова, обломки зернотерок обнаружены в качестве подъемного материала на поселениях Умна-1, Чингис-1. Есть зернотерки и среди находок в материалах поселений Красный Яр-1, Милованово-III, Быстровка-IV. Так в материалах исследованного им поселения Милованово-III Е.А. Сидоров зафиксировал три подобных изделия близкого размера. Нижняя плита составляла 40×24 см, три верхних куранта составляли соответственно 34×13, 32×11 и 32×8 см (Сидоров, 1986, с. 61–63). Из описания поселения Милованово-III ясно, что по крайней мере два фрагмента зернотерок были обнаружены на полу жилищ 2 и 6 (Сидоров, Новикова, 2004, с. 106, 112). На поселении Быстровка-IV зернотерка была обнаружена в одной из ям жилища 3. Другой массивный камень от зернотерки (22×16×7 см) находился на полу этого же жилища (Матвеев, 1993, с. 57, 59, табл. 22.-1, 2).

А.Б. Шамшин и А.В. Гальченко, реконструируя хозяйственную деятельность населения Барнаульско-Бийского Приобья в эпоху поздней бронзы, высказываются в пользу существования земледелия у населения ирменской культуры. Свидетельством этого, по мнению специалистов, являются зернотерки и их обломки, найденные практически на всех зимних поселениях, подвергшихся раскопкам. Это поселения Быково-III, Казенная Заимка, Цыганкова Сопка-1 (Шамшин, Гальченко, 1997, с. 104). Нижние камни зернотерок и их обломки были обнаружены и на поселении Казенная Заимка-1 (Шамшин, 2006, с. 117, рис. 4-16). Небольшая зернотерка и целый ряд обломков зернотерок известны и на Новоалтайском поселении (Шамшин, 1993, с. 80, рис. 5.-11). Фрагмент нижнего камня зернотерки есть и на поселении Фирсово-XVIII (Федорук, Шамшин, Папин, 2008, с. 128, рис. 14.-1). Фрагменты зернотерок и курантов обнаружены также на территории Кузнецкой котловины на поселении Исток (жилище 2 и зольник) (Бобров, 2010, с. 34–35).

В ирменских могильниках зернотерки обнаружены пока только на территории Кузнецкой котловины в могильниках Титово и Журавлево-IV. В Титовском могильнике две зернотерки находились в северной части могилы-4 кургана №5, располагаясь на ее покрытии. Само погребение представляло собой деревянную раму, в которой находилось погребение женщины 40–45 лет. Ниже лучевых костей найден бронзовый нож, под черепом — обломок гвоздевидной подвески (Савинов, Бобров, 1981, с. 123–124, рис. 2).

В могильнике Журавлево-IV два обломка верхнего камня ручной мельницы были найдены в юго-западной части насыпи кургана №2, среди скопления раздробленных костей животных. Стоит отметить, что в данном кургане было исследовано три погребения, одно из которых принадлежало молодой женщине 20–25 лет. Авторы публикации материалов пишут, что это первая находка жернова ручной мельницы.

Верхний камень зернотерки (куронт) был найден и под насыпью кургана 18 рядом с каменной оградой, расчищенной в западной части кургана. В самом кургане было обнаружено 10 захоронений, только одно из которых принадлежало женщине. Авторы считают, что эта находка является свидетельством зарождения традиции класть жернова в погребальные сооружения, получившей распространение в более позднее время (Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 9, 56, 91, рис. 5.-1, 2).

В.И. Молодин и А.П. Бородовский, анализируя факты нахождения каменных ручных жерновов в погребениях, включая и названные, приходят к выводу о том, что в погребальной обрядовой практике мы имеем дело не только с традицией помещения земледельческих орудий в могилу в качестве сопровождающего инвентаря, но и с какими-то более сложными по содержанию идеологическими представлениями, связанными с погребальной обрядностью, в частности с существовавшими представлениями о смерти — возрождении, плодородии и жизни (Молодин, Бородовский, 1994, с. 72, 79).

По мнению Ю.И. Михайлова, каменные ручные жернова, являясь утилитарными по своему назначению орудиями, играли особую роль в коммуникативной символике, являясь универсальным способом демонстрации социальных связей, который в системе погребальной обрядности символизировал единство всего общества. Зернотерка, по словам Ю.И. Михайлова, выступала и как символ хозяйственной деятельности — земледелия, требовавшего координации усилий всех членов общества, и как сакральный инструмент для общественного воспроизводства (Михайлов, 2001, с. 199–200).

Разделяя мнение о двойственном отношении древнего населения Южной Сибири применительно к каменным ручным мельницам, найденным в погребально-поминальных памятниках, следует, по нашему мнению, распространить его и в отношении зернотерок, найденных на поселениях. Несомненно, что кроме непосредственных утилитарных функций, связанных с растиранием корней и зерен растений, данные изделия играли какую-то роль в обрядовой практике ирменского населения.

Список источников

- Бобров В.В. Ирменский комплекс памятника Исток // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой). Новосибирск, 2010. С. 30–39.
- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск, 1993. 157 с.
- Грязнов М.П. Отчет об археологических работах Новосибирской экспедиции института истории материальной культуры Академии наук СССР за 1952 год // Архив ИА РАН. Р. I. №728.
- Грязнов М.П. Отчет об археологических работах Новосибирской экспедиции в зоне затопления Новосибирской ГЭС в 1953 году // Архив ИА РАН. Р. I. №920.
- Ковалевский С.А. Об ирменском земледелии (историография вопроса) // Вестник Омского университета. Сер.: исторические науки. 2017. №3 (15). С. 138–142.
- Матвеев А.В. Ирменские поселения лесостепного Приобья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. 21 с.
- Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 182 с.
- Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). Кемерово, 2001. 363 с.
- Молодин В.И., Бородовский А.П. Каменные ручные жернова в древней погребальной обрядности Западной Сибири // Altaica. Вып. 4. Новосибирск, 1994. С. 72–79.
- Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Ине // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. Новосибирск, 1981. С. 122–135.
- Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск, 1986. С. 54–66.
- Сидоров Е.А., Новикова О.И. Неопубликованные материалы поселения Милованово-3 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 104–124.
- Федорук А.С., Шамшин А.Б., Папин Д.В. Предварительные итоги исследования поселения Фирсово-XVIII // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008. С. 125–143.
- Шамшин А.Б. Новоалтайское поселение // Алтайский сборник. Вып. XVII. Барнаул, 1993. С. 70–82.
- Шамшин А.Б. Поселение Казенная Заимка в г. Барнауле и проблема взаимодействия ирменской и корчажкинской культур в Барнаульском Приобье // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Вып. 2. Павлодар, 2006. С. 105–126.
- Шамшин А.Б., Гальченко А.В. Хозяйство населения Барнаульско-Бийского Приобья в эпоху поздней бронзы и в переходное время от бронзы к железу // Источники по истории Республики Алтай. Горно-Алтайск, 1997. С. 90–117.

Информация об авторах / Information about the Authors

Сергей Алексеевич Ковалевский, Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, кафедра истории, философии и социальных наук, заведующий кафедрой; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28; Российский государственный институт сценических искусств, Сибирская высшая школа музыкаль-

ного и театрального искусства, профессор; 650991, Россия, Кемерово, ул. Д. Бедного, 6; доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0001-7940-8751>, koval71@mail.ru

Sergey A. Kovalevsky, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Department of History, Philosophy and Social Sciences, Head of Department; Russia, Kemerovo, Vesennya str. 28; Russian State Institute of Performing Arts, Siberian Higher School of Music and Theatrical Art, professor; 650991, Russia, Kemerovo, D. Bednogo Str., 6; Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-7940-8751>, koval71@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902.21

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.24

АНДРОНОВСКАЯ (ФЕДОРОВСКАЯ) КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ ЧЕКАНОВСКИЙ ЛОГ-3 В ПРЕДГОРЬЯХ АЛТАЯ

Илья Андреевич Савко

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье представлены результаты изучения керамики, полученной в ходе сборов в 2006 и 2020 гг. на поселении андроновской (федоровской) культуры Чекановский Лог-3 в предгорьях Алтая. Сосуды баночной формы имеют округлый срез венчика, орнаментацию в виде различных видов зигзагов, вдавлений и насечек, а горшки декорировались треугольниками, реже — меандрами, разделителем между зонами выступали каннелюры. Преобладает традиция добавления шамота в формовочные массы, к необычному относится рецепт с дробленой раковинной. Сопоставление с материалами других единовременных поселений региона показало, что морфология, орнаментация и технология изготовления изученной керамики, за некоторыми исключениями, типичны для андроновских коллекций, происходящих с территории степного и лесостепного Алтая. Наличие отдельных сосудов с ярко выраженными отличиями в технологии изготовления следует расценивать как примеры импорта или контактов с населением из других территорий.

Ключевые слова: андроновская (федоровская) культура, предгорья Алтая, историко-культурный подход

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая» (проект №FZMW-2023-0009) Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации».

Автор выражает благодарность за консультации и помощь в написании работы старшему научному сотруднику Барнаульской лаборатории ИАЭТ СО РАН, канд. ист. наук Н.Ф. Степановой.

Для цитирования: Савко И.А. Андроновская (федоровская) керамика поселения Чекановский Лог-3 в предгорьях Алтая // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 120–125.

ANDRONOVO (FEDOROVKA) CERAMICS OF THE CHEKANOVSKIY LOG-3 SETTLEMENT IN THE FOOTHILLS OF ALTAI

Ilya A. Savko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;

Altai State University, Barnaul, Russia;

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article presents the results of the study of the ceramics obtained during the collections in 2006 and 2020 at the settlement of the Andronovo (Fedorovka) culture Chekanovsky Log-3 in the foothills of the Altai Mountains. Jar-shaped vessels have a rounded cut of the corolla, ornamentation in the form of various types of zigzags, indentations and incisions, and pots were decorated with triangles, less frequently meanders, with cannelures acting as a divider between zones. The tradition of adding chamotte to the molding masses is predominant, and the recipe with crushed shells belongs to the unusual ones. Comparison with materials of other one-time settlements of the region has shown that morphology, ornamentation, and technology of production of the studied ceramics, with some exceptions, are typical for Andronovo collections originating from the territory of steppe and forest-steppe Altai. The presence of individual vessels with pronounced differences in the technology of manufacture should be regarded as examples of import or contacts with the population from other territories.

Keywords: Andronovo (Fedorovka) culture, Altai foothills, historical and cultural approach

Acknowledgments: the reported study was funded by state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (project FZMW-2023-0009 “Interdisciplinary Study of Ancient Societies of Altai”).

The author is grateful to N.F. Stepanova, Ph.D. in History, a senior researcher at the Barnaul Laboratory of IAET SB RAS of the Russian Academy of Sciences, for her advice and help in writing the paper.

For citation: Savko I.A. Andronovo (Fedorovka) Ceramics of the Chekanovskiy Log-3 Settlement in the Foothills of Altai // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 120–125.

Введение. Для изучения андроновской (федоровской) культуры особое значение имеют памятники предгорий Алтая, географически наиболее близкие к территории Восточного Казахстана, через которую осуществлялось продвижение андроновского населения на Алтай. К тому же данная территория находится на стыке разных ландшафтных зон, что обусловило наличие двух локальных вариантов культуры: верхнеобского и восточно-казахстанского (по Е.Е. Кузьминой) (Кузьмина, 2008, с. 200, 212; Савко, 2020). В связи с этим обращение к материалам андроновской (федоровской) культуры предгорий Алтая представляет большой интерес для исследования истории древнего населения этой географической области.

Материалы и методы. Поселение предгорий Алтая Чекановский Лог-3 приурочено к пойме правого берега р. Алей, ныне северной береговой линии Гилевского водохранилища, в месте впадения ручья Чекановский в водохранилище, в 2,5 км к юго-востоку от с. Корболиха Третьяковского района Алтайского края. ОАН открыт в ходе разведки М.А. Деминым и С.М. Ситниковым в 1997 г. (Ситников, 1998, с. 33–34; Демин, Ситников, 1998, с. 98). Первоначально поселение было названо Чекановский Лог-3, в дальнейшем в официальной документации это наименование получила та часть памятника, которая находится на левом берегу ручья, а правый берег получил название Чекановский Лог-3а. Ранее андроновские (федоровские) материалы этого памятника были частично опубликованы в ряде статей и монографии авторов исследований (Демин, Ситников, 1998, с. 98; 2007, с. 31). Материалы сборов С.М. Ситникова 2015 г. с территории правобережья ручья (Чекановский Лог-3а), были проанализированы в отдельной статье (Ситников, Семибратов, 2017), а также в диссертации Д.С. Леонтьевой (2016, с. 57–58, 86–88).

Целью данной работы является краткая публикация результатов изучения керамики андроновской (федоровской) культуры поселения Чекановский Лог-3, полученной в ходе сборов 2006 г. (сборы С.М. Ситникова и С.С. Запрудского — 17 экз.) и 2020 г. (сборы И.А. Савко — 15 экз.). Данные коллекции вместе со сборами 1997 г. на данный момент хранятся в собрании Историко-краеведческого музея АлтГПУ (ИКМ ОФ 658, 1129).

Методика исследования включала анализ форм, орнаментации, а также отдельные аспекты технологии изготовления керамики в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским (1978).

Форма, технология и стилистика декора. Статистический подсчет проведен только для 32 орнаментированных изделий (100%), 18 (56%) из которых являлись обломками венчиков и 14 (44%) — стенками сосудов.

Сосуды разделены по форме на горшки (фрагменты с шейкой и отогнутым наружу венчиком) — 5 экз. (16%) (рис. 1.-6, 12, 14, 16); и банки — (не профилированные сосуды с закрытым или прямым устьем, без шеи) — 10 экз. (56%) (рис. 1.-1, 2, 4, 5, 11, 15). По форме венчики разделены на несколько видов: округлые (7 экз.), подпрямые (4 экз.), грибовидные и приостренные (по 1 экз.).

Для орнаментации посуды наиболее часто применялись гребенчатые штампы, различающиеся размерами зубцов: мелкие зубцы размерами до 1,3 мм (12 экз. — 38%) (рис. 1.-6, 7, 10, 12–14, 16); средние — размерами от 1,3 до 2 мм (7 экз. — 32%) (рис. 1.-2, 4, 5, 9); крупные — от 2 мм (8 экз. — 26%) (рис. 1.-3; рис. 2.-1). Орнамент наносился штампованием/прокатыванием* (16 экз. — 50%), штампованием (10 экз. — 31%), накальванием (3 экз.) и шаганием (1 экз.). Помимо этого, зафиксировано прокатывание гладкого штампа (7 экз. — 22%) (рис. 1.-1, 11), протаскивание инструмента с коротким округлым рабочем краем (палочка) (7 экз.), накальвание и отступания инструментом с прямым (2 экз.) (рис. 2.-2); округлым (2 экз.) (рис. 1.-4) или овальным (рис. 1.-1) рабочем краем.

В стилистике декора определено восемь элементов орнамента, среди которых наиболее часто встречался горизонтальный зигзаг (16 экз. — 50%) (рис. 1.-1, 2, 4, 5, 11, 13), реже каннелюры (7 экз. — 22%) (рис. 1.-1, 6, 14), вдавления различной конфигурации (7 экз.) (рис. 1.-1, 4), треугольники (6 экз. —

* Из-за фрагментированности образцов точно определить технику орнаментации не представляется возможным.

Рис. 1. Андроновская (федоровская) керамика поселения Чекановский Лог-3:
1, 4, 6, 7, 9, 10, 12-14 — сборы С.С. Запрудского и С.М. Ситникова; 2, 3, 5, 8, 11, 15-16 — сборы И.А. Савко

Fig. 1. Andronovo (Fedorovo) pottery at the Chekanovsky Log-3:
1, 4, 6, 7, 9, 10, 12-14 — collections of S.S. Zaprudsky and S.M. Sitnikov; 2, 3, 5, 8, 11, 15-16 — collections of I.A. Savko

19%) (рис. 1.-1, 6, 12, 14, 16), насечки (6 экз.) (рис. 1.-2, 5, 11), вертикальный зигзаг (5 экз. — 16%) (рис. 1.-3, 8, 9 15), меандры (3 экз. — 9%) (рис. 1.-7, 10).

Технология изготовления посуды. Исходное сырье представлено только среднежелезными глинами с естественной примесью остроугольного песка размером от 0,2 до 6 мм. В составе формовочных масс (ФМ) керамики зафиксированы рецепты: глина + шамот + органический раствор, глина + дресва + органический раствор (рис. 1.-5, 15); глина + шамот + дробленая раковина + органический раствор. Преобладает первый рецепт. В качестве «строительных элементов» для конструирования стенок зафиксировано применение лоскутов, наложенных в 1 слой с сильным наложением друг на друга (4 экз.) (Бобринский, 1978, с. 174, 176-177) (рис. 1.-1-3; рис. 2.-7).

Из-за фрагментарного характера, отсутствия следов на керамике из-за долгого пребывания в воде *способы и обработки поверхности* посуды удалось определить не для всех образцов.

Механическая обработка внешней поверхности сосудов осуществлялась способом простого заглаживания (17 экз. — 53%) (Бобринский, 1978, с. 214-215) (рис. 2.-1, 2), а также лощения (4 экз. — 13%) (рис. 1.-6, 12, 16). Внутренняя поверхность заглаживалась инструментами, оставившими протяженные

Рис. 2. Фотографии стенок и изломов керамики: 1 — крупнозубчатый штамп; 2 — накалывание/отступание инструментом с прямой рабочей поверхностью; 3-4 — следы заглаживания; 5 — заглаживание зубчатым инструментом; 6 — двухслойный цвет излома; 7 — особенности конструирования сосудов
 Fig. 2. Photographs of the walls and fractures of the pottery: 1 — a coarse-toothed stamp; 2 — piercing/rebounding with a tool with a straight working surface; 3-4 — traces of smoothing; 5 — smoothing with a serrated tool; 6 — double-colored fracture; 7 — features of the construction of the vessels

равномерные тонкие неглубокие борозды одного размера (10 экз. — 31%) (рис. 2.-3, 4), а также зубчатым инструментом (3 экз. — 9%), оставляющим бороздки одинаковой ширины с глубоким ложем (рис. 2.-5).

Обжиг сосудов проводился в условиях смешанной восстановительной или окислительно-восстановительной, чаще всего с непродолжительным действием температур калия глины (не ниже 650 °С), о чем свидетельствуют цветовые характеристики поверхности и изломов керамики (Васильева, Салугина, 2013, с. 61–62). Поверхность сосудов имела пятнистый и иногда полностью оранжевый или темно-серый цвета. Цвет излома сосудов зачастую был двухслойным или трехслойным с мощностью осветленных слоев от 0,1 до 3,0 мм (15 экз. — 47%), реже — полностью темного цвета (13 экз. — 41%) (рис. 2.-7). Граница цветовых слоев в изломах у большинства образцов была размыта (11 экз. — 34%) (рис. 2.-6), это свидетельствует о том, что изделия оставались в обжиговом устройстве до полного его остывания (Васильева, Салугина, 2013, с. 61). Часть сосудов имели осветленный излом (4 экз. — 13%) (рис. 1.-4, 9, 13; 2.-5), что свидетельствует о достаточно длительном их нахождении в зоне высоких температур (окислительный обжиг), возможно, связанный с попаданием данных фрагментов в огонь повторно уже после фрагментации сосудов. Отмеченные цветовые особенности поверхностей и изломов сосудов позволяют говорить, что их обжиг проводился в простых кострищах или очагах (Волкова, 2015, с. 43–44).

Обсуждение результатов. Для поселения Чекановский Лог-3 характерны те же тенденции, что и для остальных поселенческих комплексов андроновской культуры Алтая (Леонтьева, 2016, с. 59–60, 120–122): преобладание сосудов баночной формы с заглаживанием внешней поверхности, декор в виде зигзагов, реже вдавлений; горшки со следами лощения, орнаментированные вертикальными косо поставленными треугольниками, с разделителями зон в виде каннелюр. Среди особенностей декора можно отметить нечастое использование каннелюр (13,5%) и довольно высокий процент встречаемости треугольников (14,3%) и меандров (7,7%). Частое использование геометрических орнаментов сближает данный памятник с поселением Советский Путь-1 (Грушин, Леонтьева, Ситников, 2017, с. 193–194) и отчасти с Фирсово-15, где также был выявлен низкий процент каннелюр (Грушин, Леонтьева, 2014, с. 78).

Исследователи, изучавшие керамику поселения Чекановский Лог-3, отмечали разные особенности ИС и ФМ. В.А. Борисов (2013, с. 89) фиксировал в изломах наличие только песчано-дресвяной примеси, а Д.С. Леонтьева (2016, с. 86–88) больше чем в половине случаев отмечала рецепт, отражающий смешение культурных традиций (шамот + дресва). В большинстве случаев в изученной нами коллекции в исходное сырье с естественной примесью остроугольного конгломератного песка был добавлен шамот. Раковина в андроновской керамике Алтая фиксировалась только в качестве естественной добавки (Леонтьева, 2016, с. 90–91). Как искусственная примесь она зафиксирована на поселении Каргат-6, что, по мнению О.А. Софеевской (1990, с. 95–96), связано с влиянием алакульской культуры. Однако на памятниках Северного и Центрального Казахстана (Ломан, 1993, с. 8–9, 16) и Нижнего Притоболья (Илюшина, 2017, с. 253) данная примесь тоже является редкой. Учитывая, что рецепт с раковиной не фиксировался в керамике предшествующего времени (Степанова, 2010; Грушин, 2011), можно предположить, что она связана с какой-то другой, возможно, пришедшей традицией у федоровского населения.

Традиция конструирования полого тела лоскутами в один слой, вероятнее всего, восходит к андроновской (федоровской) культуре современного Центрального и Северного Казахстана (Ломан, 1993, с. 29). Обжиг изделий ранее не был объектом предметного изучения федоровской посуды Алтая. Традиция восстановительного и окислительно-восстановительного обжига при непродолжительном воздействии температур каления также является распространенной для поселенческой федоровской керамики Нижнего Притоболья и Южного Зауралья (Илюшина, 2019, с. 43–44; Григорьев, Салугина, 2022, с. 183).

Заключение. Таким образом, анализ керамики поселения Чекановский Лог-3 показал, что ее морфология и орнаментация в целом типичны для андроновских коллекций, происходящих с территории степного и лесостепного Алтая: преобладание сосудов баночной формы с заглаживанием внешней поверхности, декор в виде зигзагов, реже — вдавлений и насечек; горшки со следами лощения, орнаментированные вертикальными косо поставленными треугольниками, с разделителями зон в виде каннелюр. Особенности изготовления сосудов (использование местного сырья) свидетельствуют об изготовлении их на территории предгорий Алтая. Наличие сосуда с дробленой раковиной в составе ФМ указывает на небольшой приток населения с другими традициями изготовления керамики.

Список источников

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.
- Борисов В.А. Опыт разработки и применения экспериментальных методов исследования керамики (по материалам эпохи бронзы Верхнего Приобья). Кемерово, 2013. 254 с.
- Васильева И.Н., Салугина Н.П. Из опыта проведения экспериментального обжига глиняной посуды // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век. Ульяновск, 2013. С. 57–89.
- Волкова Е.В. Очаг или кострище? (экспериментальный обжиг посуды) // Самарский научный вестник. 2015. №3(12). С. 37–55.
- Григорьев С.А., Салугина Н.П. Формирование федоровских керамических традиций позднего бронзового века в Зауралье // Геоархеология и археологическая минералогия. 2022. Т. 9. С. 180–185.
- Грушин С.П. Гончарное производство населения елунинской культуры эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Известия Алтайского государственного университета. 2011. №4–1. С. 60–67.
- Грушин С.П., Леонтьева Д.С. Андроновский керамический комплекс с поселения Фирсово-XV в Верхнем Приобье // Известия Алтайского государственного университета. 2014. №4-1(84). С. 74–81.
- Грушин С.П., Леонтьева Д.С., Ситников С.М. Андроновская керамика поселения Советский Путь-I в Рудном Алтае // Известия Алтайского государственного университета. 2017. №5(97). С. 189–195.
- Демин М.А., Ситников С.М. Археологические исследования на правом берегу Гилевского водохранилища // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 94–99.
- Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Барнаул, 2007. Ч. 1. 274 с.
- Илюшина В.В. Особенности гончарного производства у населения эпохи бронзы в Нижнем Притоболье // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе. Барнаул, 2017. Т. I. С. 253–257.
- Илюшина В.В. Технология изготовления керамики у населения алакульской и федоровской культур поселения Бочанцево-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. №2(45). С. 36–48.
- Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе, 2008. 358 с.
- Леонтьева Д.С. Керамика андроновской культуры степного и лесостепного Алтая (по материалам поселения): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016. 287 с.
- Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II тысячелетия до н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 31 с.
- Савко И.А. Погребальные сооружения андроновской (федоровской) культуры на северо-западных предгорьях Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 587–593.

Ситников С.М. Отчет об археологических разведках и раскопках Локтевского и Третьяковского отряда БГПУ в Локтевском и Третьяковском районах Алтайского края летом 1997 г. // Архив кабинета археологии УНИЛ «Историческое краеведение». 1998.

Ситников С.М., Семибратов В.П. Новые материалы андроновской культуры с поселения Чекановский Лог-3А // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2015 г.: археология. Вып. 11. Т. 2. Павлодар; Барнаул, 2017. С. 58–61.

Софеев О.В. Андроновская керамика поселения Каргат-6 и некоторые вопросы технологии // Древняя керамика Сибири: Типология, технология, семантика. Новосибирск, 1990. С. 89–99.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М., 2010. С. 117–125.

Информация об авторе / Information about the Author

Илья Андреевич Савко, Институт археологии и этнографии СО РАН, Барнальская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири, инженер-исследователь; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; Алтайский государственный университет, Лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, младший научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; Алтайский государственный педагогический университет, УНИЛ «Историческое краеведение», старший лаборант; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная 55, <https://orcid.org/0000-0002-7463-7333>, savko.ilia2016@yandex.ru

Ilya A. Savko, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia, Research Engineer; 630090, Russia, Novosibirsk, Akad. Lavrentiev Ave., 17; Altai State University, Laboratory for Interdisciplinary Study of the Archaeology of Western Siberia and Altai, Junior Researcher; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; Altai State Pedagogical University, UNIL “Historical Local History”, Senior Laboratory Assistant; 656031, Russia, Barnaul, Molodezhnaya Str., 55, <https://orcid.org/0000-0002-7463-7333>, savko.ilia2016@yandex.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.25

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.25

К ВОПРОСУ О «БЕЛОМ МЕТАЛЛЕ» АНДРОНОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (по материалам погребальных памятников)

Светлана Владимировна Сотникова

Центр археологических исследований, Надым, Россия

Резюме. На Алтае в могильнике Чекановский Лог-Х в нескольких погребениях обнаружены украшения из «белого металла» (серьги и бисер). Ближайшие аналогии бисеру известны на памятниках степного типа Средней Азии, где в некоторых погребениях найдено по 300–1200 штук. Согласно результатам спектрального анализа, среднеазиатский бисер состоял из меди с высоким содержанием олова или из сложного сплава, основой которого было олово, что придавало изделиям серебристый цвет. Автор высказывает предположение, что такой бисер у населения Средней Азии являлся заменой более дорогого и редкого металла — серебра, причем ценился не сам бисер, а искусно расшитая им одежда. Находки серебристого бисера и серег в могильнике Чекановский Лог-Х являются еще одним подтверждением высказанной ранее автором точки зрения, что формирование андроновского населения Алтая происходит под влиянием миграционных импульсов из южных регионов обитания андроновцев.

Ключевые слова: Алтай, Средняя Азия, бронзовый век, андроновская культура, погребальные памятники, украшения, бисер

Для цитирования: Сотникова С.В. К вопросу о «белом металле» андроновского населения (по материалам погребальных памятников) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 125–129.

TO THE QUESTION OF “WHITE METAL” OF THE ANDRONOVO POPULATION (BASED ON THE MATERIALS OF BURIAL PLACES)

Svetlana V. Sotnikova

Center for Archaeological Research, Nadym, Russia

Abstract. In Altai, in the Chekanovsky Log-X burial place, adornments made of “white metal” (earrings and beads) were found in several burials. The closest analogues to beads are known at the steppe type sites of Middle Asia, where

300–1200 things were found in several burials. According to the results of spectral analysis, the Middle-Asian beads consisted of copper with a high content of tin or a complex alloy, the basis of which was tin, which gave the things a silvery color. The author suggests that such beads among the population of Middle Asia were a substitute for a more expensive and rare metal — silver, and not the beads themselves were valued, but the clothes skillfully embroidered with them. Finds of silvery beads and earrings in the Chekanovsky Log-X burial place confirm the author's earlier opinion that the appearance of Andronovo sites in Altai occurs under the influence of migration impulses of Andronovo population from the southern regions.

Keywords: Altai, Middle Asia, the Bronze Age, Andronovo culture, burial places, adornment, beads

For citation: Sotnikova S.V. To the Question of “White Metal” of the Andronovo Population (based on the materials of burial places) // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 125–129.

Андроновское население, как федоровское, так и алакульское, изготавливало украшения из бронзы или из бронзы, плакированной золотом. Украшения из «белого металла» для него не характерны. Поэтому несомненный интерес представляют находки изделий из «белого металла» в могильнике Чекановский Лог-Х, расположенном на берегу Гилевского водохранилища в Третьяковском районе Алтайского края.

В могиле-72 погребен ребенок в возрасте до года, в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад. Под черепом и на нем обнаружены серьга со спиралевидным завитком, и обломок серьги непонятной формы. Украшения изготовлены из белого металла. По мнению авторов исследования, это могло быть серебро (Демин и др., 2011, с. 24, 35, рис. 18.-3).

В могиле-28 захоронена взрослая женщина в сильно скорченном положении, головой на юго-запад. На кистях рук обнаружены (по 20 на каждой) мелкие плохо сохранившиеся бусы из белого металла биконической формы. В районе правого и левого висков найдены бронзовые подвески в 1,5 оборота, очень плохой сохранности, одна из которых обернута золотой фольгой (Демин, Ситников, 2007, с. 43; Демин и др., 2011, с. 23, рис. 15.-2–12).

В могиле-7 захоронен мужчина 30–40 лет, в скорченном положении, на левом боку, головой на запад. Погребение нарушено, многие кости смещены, черепа нет. В районе пояса погребенного, со спины, найдено около 30 мелких бусинок из белого металла, очень плохой сохранности. В районе левого уха — бронзовая серьга, обернутая золотой фольгой. Обломок еще одной серьги найден в северной части могилы (Демин, Ситников, 2007, с. 35–36, рис. 35.-7, 8, 45–53).

Таким образом, украшения из «белого металла», как правило, сочетаются в одном погребении с типичными андроновскими украшениями из бронзы, или бронзы, плакированной золотом. Несомненный интерес представляет тот факт, что все изделия из «белого металла» происходят только из одного могильника, они отсутствуют даже в находящемся рядом могильнике Чекановский Лог-II.

Ближайшие аналогии изделиям из «белого металла» имеются на памятниках степного типа эпохи бронзы Средней Азии. Вследствие ограниченного объема публикации остановимся только на одном виде украшений — мелких бусах (бисере).

В Таласской долине Киргизии в могильнике Таш-Тюбе-II украшения из «белого металла» обнаружены в оградке №20, которая являлась частью длинной оградки-коридора, состоящей из пяти секций. Оградка №20 была крайней с западной стороны коридора. В яме на глубине 1,5 м отмечены мелкие фрагменты жженных костей человека. Ниже зарегистрирована в разных точках и на разной глубине, до самого дна ямы, серия находок: серебряные серьги с раструбом, обернутые золотой фольгой, пять бронзовых пластинок-накладок, четыре бронзовых браслета, фрагмент бронзового ножа, круглое в сечении бронзовое шило, сплюснутая обоймочка из пластинки, нашивная круглая бляшка, пастовые пронизи, а также бронзовые бусы, насчитывающие более 90 штук. В наибольшем количестве (свыше 1200 шт.) найдены мелкие бусы из белого блестящего металла, покрытого темно-серой патиной. Все они биконической формы, диаметром 0,4 см, диаметр отверстия 0,2 см (Кожемяко, 1960, с. 85–86, 97, рис. 5.-12).

В могильнике Муминабад в Зеравшанской долине (Узбекистан) в погребении №1 костяк захоронен в скорченном положении на левом боку, головой на северо-запад. У шейных позвонков обнаружены две бронзовые серьги с раструбом и множество бус типа бисера диаметром 0,3 см с хорошо выраженными следами от литейных форм, поверхность бус была покрыта плотной патиной. Всего в погребении обнаружено около 900 таких бус. Кроме того, в могиле найдены пять крупных бронзовых бусин. Перед лицевыми костями лежали два бронзовых кольца, обернутых золотой фольгой. На фалангах мизинцев обеих рук — по бронзовому кольцу, на запястьях рук — по два бронзовых браслета, у кисти правой руки — круглое плоское бронзовое зеркало с ручкой-петелькой в центре (Лев, 1966, с. 101–102, рис. 38). Д.В. Наумов, исследовавший химический состав металлических украшений Муминабадского могильника, отмечает, что все предметы, кроме бисера, представляют собой однородную в химическом

отношении бронзу с содержанием олова 4–10% и небольшими примесями до 1% других компонентов. В то же время литая темно-серая с серебристым отливом бисерина содержала 46% меди, до 30% олова, 15% мышьяка, 5% сурьмы, т.е. она отличалась повышенным содержанием не только олова, но также сурьмы и мышьяка. Д.В. Наумов считает, что если для всего исследованного металла Муминабадского могильника нахождение сурьмы и мышьяка (от 0,4 до 1,0%) связано с использованием медных руд, содержащих эти элементы, то более высокое содержание сурьмы и особенно мышьяка в бисере допускает предположение сознательного легирования меди не только оловом, но и мышьяком и сурьмой. Всего в могильнике Муминабад бисер обнаружен в трех погребениях, общее его количество превышает 1000 шт. (Наумов, 1972, с. 111–112, табл. 1). Н.А. Аванесова, также изучавшая металл этого могильника, отмечает, что мельчайший бисер отлит из сложносоставного сурьяно-мышьяковистого сплава по восковой модели. Он находит поразительное сходство как по форме, так и по химическому составу с аналогичными украшениями из могильника Таш-Тюбе-II (Аванесова, 1991, с. 80).

В могильнике Дашти-Козы (верховья Зеравшана, Таджикистан) бисер обнаружен в 13 из 26 исследованных погребений, в количестве от нескольких штук и десятков до нескольких сотен. Всего — более 2000 экз. (Потемкина, 2001, с. 66; рис. 1.-4, 8; 2.-3, 4, 10; 3.-6, 8, 16, 21). Наибольшее количество бисера встречено в погребениях №3 (220 экз.), №5 (140 экз.), №6, 7, 8 (71, 71, 31 экз. соответственно), №15 (209 экз.), №25-1 (300 экз.) (Бостонгухар, 1998, с. 101). Так, в погребении №25-1 захоронена женщина в сильно скорченном положении, на левом боку, головой на запад. Вся одежда погребенной, как отмечают Т.М. Потемкина и А.И. Исаков, была обильно расшита бисером, который рядами и скоплениями располагался у черепа, в области шеи, кистей рук, груди, живота, вдоль позвоночника. Перед грудью найдены два бронзовых зеркала с петелькой, рядом с которыми, частично перекрывая, находились плотные скопления диаметром 5–6 см мелкого бисера серой окраски, полностью рассыпавшегося при снятии. В области кистей рук вместе с бисером найдено бронзовое колечко, а вдоль позвоночника — пять пастовых пронизей (Исаков, Потемкина, 1989, с. 157, 159).

Т.М. Потемкина приводит данные спектрального анализа бронзовых изделий могильника Дашти-Козы, выполненного С.А. Агаповым в лаборатории естественно-научных методов ИА РАН. Из 103 проанализированных металлических предметов этого могильника основная часть (74 предмета) изготовлена на медной основе. Все крупные вещи (гривна, браслеты, бляхи-зеркала, пронизи, крупные бусы — 49 экз.) представляют собой оловянистую бронзу. Исключение составляет мелкий бисер. Одна часть бисера изготовлена из сложного комплексного сплава на медной основе с искусственными примесями олова, свинца, мышьяка, сурьмы. Другая часть бисера отлита из очень специфического сплава, в котором роль основы выполняло олово, а медь, свинец, мышьяк и сурьма являлись искусственными добавками (Потемкина, 2001, с. 68–69). По-видимому, те же самые результаты спектрального анализа опубликованы С. Бостонгухаром (Бобомуллоевым) (1998, приложение), но в данной работе отсутствует анализ этих результатов, между тем они достаточно интересны. В таблице, представленной в этом приложении, для категории «бисер» имеются результаты спектрального анализа изделий из погребений №3, 5, 7, 8, 25-1, всего 24 экз. Количественно преобладает бисер (15 экз.: ан. 40406, 40409, 40411, 40416, 40417, 40419–40422, 40439–40442, 40447, 40448), содержащий олова 74%, меди — 10–20%, мышьяка — 1,8–7,6%, доля сурьмы в большинстве экземпляров варьирует от 1,8 до 3,9%, но в нескольких изделиях — менее 1%. В меньшем количестве (6 экз.: ан. 40405, 40410, 40415, 40423, 40424, 40446) представлен бисер, содержащий олова 41–59%, меди 40–50%, доля мышьяка и сурьмы варьирует примерно в тех же границах, что и в первой группе. В единичных случаях (3 экз.) представлен бисер, где медь являлась основой, но содержание олова в них также достаточно высокое: в двух — 23% (ан. 40404, 40418), в одном — 16% (ан. 40438), доля мышьяка и сурьмы варьирует примерно в тех же границах, что и в первых двух группах. Относительно содержания свинца в бисере можно отметить следующую закономерность. В большинстве изделий доля свинца составляет 1,1–1,8%, несколько экземпляров — менее 1%. На этом фоне резко выделяется бисер из могилы №25-1, где в семи из десяти проанализированных экземпляров бисера содержалось от 3,0 до 5,9% свинца (ан. 40415, 40418, 40420–40424), что, безусловно, не является случайным совпадением. Таким образом, практически весь бисер могильника Дашти-Козы внешне имел вид изделий, изготовленных из «белого» или серебристого металла, что, вероятно, было важной характеристикой этой категории украшений.

В могильнике Кумсай (Южный Таджикистан) большое количество мелких бусин типа бисера найдены в двух погребениях. В погребении №1 женщина в возрасте 18–20 лет захоронена в скорченном положении, на левом боку, головой на северо-восток. У грудной клетки и таза находилось 70 мелких бусин, одна такая же бусина — на черепе. Крупные биконические бронзовые бусы в количестве 30 шт. расчищены на ногах умершей. Небольшие скопления мелких бусин находилось на бедренной и бер-

цовых костях. Несколько бусин находилось под черепом, на месте шейных позвонков. У затылочной части черепа обнаружены две бронзовые крюковидные подвески в золотой обкладке и три пастовые пронизи. В погребении №4 захоронена молодая женщина в сильно скорченном положении, на левом боку, головой на северо-восток. На запястьях — массивные бронзовые браслеты. Около черепа расчищены мелкие бронзовые и серебряные бусины типа бисера и пастовые пронизки. Несколько мелких бусин найдено также в районе тазовых костей. Возле костей правой стопы — несколько крупных бронзовых бусин. В районе шейных позвонков — бронзовая очковидная подвеска (Виноградова, Пьянкова, 1990, с. 98–100, рис. 3.-2, 4, 5; 4.-11). Металл из могильника Кумсай был проанализирован И.Г. Равич, которая особо останавливается на характеристике бус типа бисера и отмечает, что они содержат чрезвычайно много олова (23%), что придает им серебристый цвет, а также 1,2–2% мышьяка и сурьмы и повышенную концентрацию примесей висмута и серебра (Равич, 2004, с. 205, 224, табл. 1, ан. 30–32). Она отмечает также, что очень близок к ним по составу бисер из могильников земледельческого населения Средней Азии — Тандырйул и Сумбарского, а высокое содержание сурьмы и мышьяка характерно для Муминабадского могильника степного населения (Равич, 2004, с. 205).

Таким образом, чрезвычайно высокое содержание олова в бисере (23% и выше), а также использование для его изготовления специфического сплава, в котором роль основы выполняло олово, а медь, свинец, мышьяк и сурьма являлись искусственными добавками, вероятно, имело цель получить изделия серебристого цвета, более того, именно цвет был прежде всего значим для этой категории украшений. Для сравнения можно привести данные по химическому составу крупных бронзовых бус, которые также, как правило, встречались в этих захоронениях. Бронзовые бусы из могильника Кумсай содержат, по сравнению с бисером, очень небольшой процент олова — 2,8–5,0%, для них характерно низкое содержание мышьяка и сурьмы — до 1,2% (Равич, 2004, табл. 1, ан. 22–25). Бронзовые бусы из могильника Дашти-Козы, содержат 2,5–7,6% олова, а доля мышьяка и сурьмы не превышает 1% (Бостонгухар, 1998, приложение, ан. 40350–40352, 40359, 40380, 40383, 40391, 40397, 40398, 40402, 40403, 40408, 40414, 40431, 40435, 40437, 40443). Следовательно, крупные бусы являлись изделиями золотистого цвета.

Вероятно, следует принять во внимание тот факт, что бисер встречен, во-первых, в погребениях, являющихся одними из самых богатых, в которых также найдены украшения из бронзы, плакированные золотом. Во-вторых, в этих погребениях количество бисера чрезвычайно велико: в ограде №20 могильника Таш-Тюбе-II — 1200 экз.; в погребении №1 могильника Муминабад — 900 экз.; в погребении №25-1 могильника Дашти-Козы — более 300 экз. Вероятно, оловянный бисер, имеющий серебристый цвет, был заменой более редкого и дорогого металла — серебра, которое ценилось наравне с золотом. По-видимому, ценился не сам бисер как таковой, а богатая одежда, искусно расшитая серебром (бисером серебристого цвета). Серебряные или серебристые серьги, обнаруженные в могильниках Чекановский Лог-Х и Таш-Тюбе-II, возможно, являются отражением той же традиции.

Появление одежды, расшитой серебристым бисером, у степного населения Средней Азии могло быть следствием территориальной близости с ближневосточными цивилизациями и контактов с оседлым земледельческим населением среднеазиатского региона.

Находка серебристого бисера и серег в могильнике Чекановский Лог-Х достаточно показательна, с учетом широкого распространения подобных украшений в погребальных памятниках степного типа Средней Азии. В ранее вышедшей статье (Сотникова, 2022, с. 228–236, 239) мной был рассмотрен комплекс алтайских украшений как алакульского, так и федоровского облика, показано, что они имеют значительное сходство с изделиями южных регионов — Семиречьем и прилегающими районами Средней Азии. Было высказано мнение, что формирование андроновского населения Алтая и отчасти Восточного Казахстана могло происходить под влиянием миграционных импульсов из южных регионов обитания андроновцев. Антропологический материал не противоречит данным выводам (Сотникова, 2022, с. 236–239). Бисер и серьги из «белого металла» в могильнике Чекановский Лог-Х являются еще одним подтверждением высказанного предположения.

Список источников

- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991. 200 с.: ил.
- Бостонгухар (Бобомуллоев) С. Верховья Зеравшана во II тыс. до н.э. Душанбе, 1998. 210 с.: ил.
- Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т. Могильник Кумсай в Южном Таджикистане // Информационный бюллетень МАИКЦА. М., 1990. С. 98–112.
- Демин М.А., Запрудский С.С., Ситников С.М. Андроновские украшения Гилевского археологического микрорайона. Барнаул, 2011. 128 с.

- Демин М.А., Ситников С.М. Материалы Гилевской археологической экспедиции. Ч. 1. Барнаул, 2007. 274 с.
- Исаков А.И., Потемкина Т.М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // Советская археология. 1989. №1. С. 145–166.
- Кожемяко П.Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии // Известия АН Кирг. ССР. Серия обществ. наук. 1960. Т. 2, вып. 3. С. 81–107.
- Лев Д.Н. Погребение бронзовой эпохи близ г. Самарканда // КСИА. Вып. 108. М., 1966. С. 101–104.
- Наумов Д.В. Химический состав металлических украшений Муминабадского Могильника // Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои. Нов. серия. Вып. 218. Материалы по истории и археологии Узбекистана. Самарканд, 1972. С. 111–114.
- Потемкина Т.М. Украшения из могильника эпохи бронзы Дашти-Козы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 62–72.
- Равич И.В. Особенности состава и технологии изготовления металлических изделий, найденных на поселении Кангурттут // Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М., 2004. С. 200–224.
- Сотникова С.В. Миграции на востоке андроновского мира (по археологическим и антропологическим материалам) // Уфимский археологический вестник. 2022. Т. 22. №2. С. 227–242.

Информация об авторе/ Information about the Author

Светлана Владимировна Сотникова, Центр археологических исследований, научный консультант; 629730, Россия, г. Надым, ул. Зверева, 29/1, кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0003-4970-9160>, svetlanasotnik@mail.ru

Svetlana V. Sotnikova, Center for Archaeological Research, Scientific Consultant; 629730, Russia, Nadym, Zvereva str., 29/1, PhD in History, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0003-4970-9160>, svetlanasotnik@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Research Article

УДК: 903.2(571.151)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.26

КУРИЛЬНИЦЫ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ИЗ ГОРНОГО АЛТАЯ

Надежда Федоровна Степанова

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия*

Резюме. Курильницы относятся к категории редких находок. Они обнаружены в погребениях афанасьевской культуры, куротинского и покровского типов, реже — в ритуальных конструкциях. Найдены подобные предметы и на нескольких поселениях. Сравнительный анализ показал, что основные различия касаются оформления поддона (ножек). Куротинские отличаются от афанасьевских отсутствием ручек и, как правило, не орнаментированы. Алтайские афанасьевские изделия менее разнообразны по оформлению поддона по сравнению с енисейскими. От окуневских отличаются также оформлением поддона и наличием ручек. Отличаются они и от подобных изделий древнеямыной и катакомбной культур. В целом для афанасьевских курильниц характерны поддоны с выемкой, реже — плоские, и ручки-ушки.

Ключевые слова: афанасьевская культура, Горный Алтай, курильницы, орнамент, могильник, поселение

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая», проект № FZMW-2023-0009, Государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации.

Для цитирования: Степанова Н.Ф. Курильницы эпохи ранней бронзы из Горного Алтая // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 129–133.

CENSERS OF THE EARLY BRONZE AGE FROM THE ALTAI MOUNTAINS

Nadezhda F. Stepanova

*Altai State University, Barnaul, Russia;
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia*

Abstract. Incense burners belong to the category of rare finds. They were found in the burials of the Afanasievo culture, Kurotinsky and Pokrovsky types, less often in ritual constructions. Similar items were found in several settlements. Comparative analysis showed that the main differences relate to the design of the pallet (legs). Kurotinskiye differ from the

afanasievskiye ones in the absence of handles and, as a rule, are not ornamented. Altai Afanasievo products are less diverse in the design of the pallet compared to the Yenisei ones. They also differ from the Okunevsky ones in the design of the pallet and the presence of handles. They also differ from similar products of ancient pit and catacomb cultures. In general, Afanasievo incense burners are characterized by trays with a recess, less often flat, and handles-ears.

Keywords: Afanasievo culture, Altai Mountains, censers, ornament, burial ground, settlement

Acknowledgments: the research was carried out within the framework of the project “Interdisciplinary Study of Ancient and Medieval Societies of Altai”, project No. FZMW-2023-0009, of the State Assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

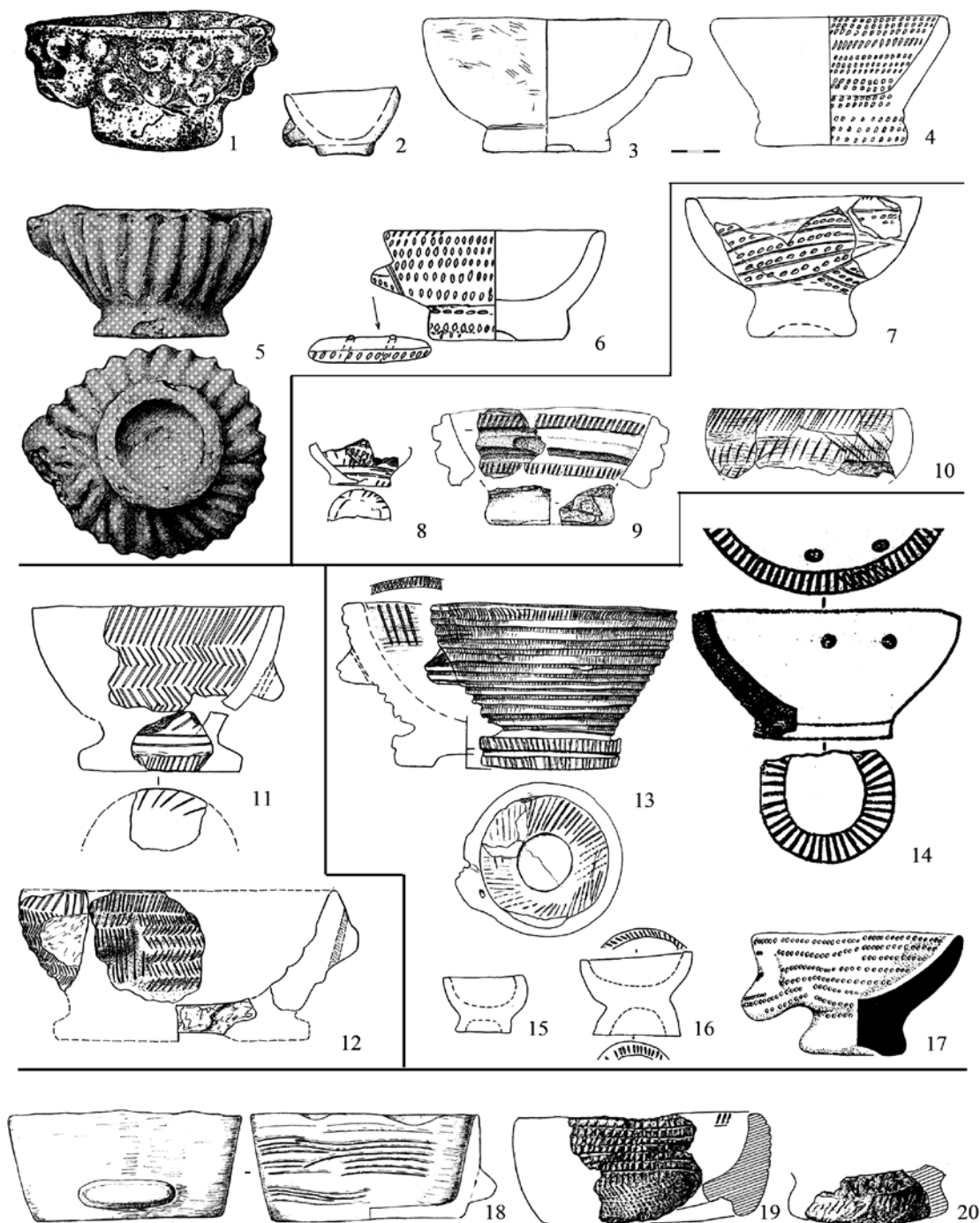
For citation: Stepanova N.F. Censers of the Early Bronze Age from the Altai Mountains // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing house of Altai University, 2023. P. 129–133.

Афанасьевские курильницы вызывают особый интерес у исследователей. Они найдены в Горном Алтае, в Минусинской котловине и Восточном Казахстане (Вадецкая, 1986; Толеубаев, Жуматаев, Шакинов, 2017). Подобные изделия необычны для этой культуры, и очевидно, что их появление связано с влиянием населения с другими традициями изготовления глиняной посуды. Не вызывает дискуссий точка зрения, что курильницы использовались в ритуальных целях. По мнению исследователей, происхождение курильниц может быть связано с окуневской или катакомбной культурами. Нельзя исключить и другие варианты их происхождения, так как отличия афанасьевских, окуневских и катакомбных курильниц очевидны (Вадецкая, 1986; Панасюк, 2015). Кроме того, афанасьевская культура датируется более ранним временем, чем катакомбная и окуневская. Существует точка зрения, что афанасьевская и окуневская культуры могли какой-то промежуток времени сосуществовать. Однако алтайские афанасьевские памятники считаются более древними, чем енисейские, а некоторые изделия из разных регионов имеют особое индивидуальное сходство, что исключает случайность совпадения форм и предполагает контакты населения из разных регионов. Для решения вопросов о происхождении курильниц необходима их систематизация.

Несмотря на немногочисленность, курильницы имеют непосредственное отношение к афанасьевской культуре (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014). Располагались они в погребениях, реже над могилами и на краю могильных ям или в ритуальных сооружениях. Обломки курильниц иногда встречаются в надмогильных конструкциях. Нельзя не отметить, что на могильнике Сальдьяр-1, где исследовано более 40 объектов, в могиле не найдено ни одной курильницы. Лишь в одной из насыпей обнаружены фрагменты подобного изделия. Нет курильниц на относительно полно исследованных могильниках Кара-Коба-1 и Первый Межелик-1. На Усть-Куюмском могильнике курильница обнаружена вне погребального комплекса, хотя, возможно, и связана с могильником. В то же время на Бойтыгеме-1 и 2, где исследованы афанасьевские и куротинские погребения, обнаружено три курильницы, в т.ч. 2 экз. в одном захоронении. Вряд ли отмеченные факты могут быть связаны со случайностью выборки. Кроме погребальных комплексов несколько изделий обнаружены на поселениях (рис.-7–10). Случайных находок подобных изделий немного, но все они, вероятнее всего, связаны с разрушенными погребениями (Ларин, 1988).

Первой сводку афанасьевских курильниц составила Э.Б. Вадецкая (1986). С тех пор их количество незначительно увеличилось, кроме того, обломки этих предметов были найдены на поселениях Кара-Тенеш, Малый Дуган, Узнезя-1, Ламах и в Денисовой Пещере (Погожева и др., 2006, рис. 11.-1; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014; Деревянко, Молодин, 1994). Курильницы, как правило, хорошо узнаваемы в обломках — по особенностям оформления венчиков, толщине стенок. Анализ целых форм показывает, что различия касаются в первую очередь оформления ножки (поддона), размеров, орнаментации. Всего несколько находок, отнесенных к курильницам, имеют существенные отличия по форме, например из Ело-баши, огр. 5, Денисова пещера (рис.-18, 19). Поскольку курильницы находят в афанасьевских захоронениях, а также в погребениях куротинского и покровского типов, актуальным остается уточнение, в каких захоронениях они встречаются чаще, есть ли какие-то совпадения с другими признаками погребального обряда.

Непосредственно в погребениях, в т.ч. у края могильной ямы, найдено 9 экз. (5 в афанасьевских и 4 в куротинских захоронениях), еще три предмета, по мнению исследователей, происходят из разрушенных погребений, две находки обнаружены в ритуальных объектах. Обломки двух изделий обнаружены в насыпях. Две курильницы найдены в объектах покровского типа: под камнями насыпи и в ритуальном кольце (Шульга, 2006). Очевидно, что прослеживается две закономерности: помещение курильниц в погребениях и в ритуальных сооружениях. Вторая традиция менее распространена, но, тем не менее, она зафиксирована несколько раз. Необходимо отметить, что курильницы чаще встречаются в захо-

Курильницы из афанасьевских могильников (1–6, 18), поселений (7–10), покровского и куротинского типа памятников (11–12, 13–17), из Денисовой пещеры (19, 20).

По: Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014 (1–4, 6–8), Полосьмак, 2020 (5); Деревянко, Молодин, 1994 (19, 20)
Censers from Afanasievo burial grounds (1–6, 18), settlements (7–10), Pokrovsky and Kurotinsky type sites (11–12, 13–17), from Denisova cave (19, 20). By: Vadetskaya, Polyakov, Stepanova, 2014 (1–4, 6–18), Polosmak (5); Derevyanko, Molodin, 1994 (19, 20)

ронениях женщин, подростков и детей. Однако из-за небольшого количества находок подобных предметов в погребениях это наблюдение может носить только предварительный характер.

Курильницы различаются оформлением, размерами и орнаментом (рис.). По некоторым изделиям информации нет, например из могильников Кара-Коба (раскопки А.С. Суразакова), Урусскин Лог-1, к. 4, по другим — не полная (Кор-Кобы, к. 6). Диаметр чаш может достигать 16 см. Самые маленькие (диаметром 5,8, 7,2 и 7,8 см) найдены на могильниках Нижний Тюмечин-1, огр. 4 (в погребении ребенка) и Бойтыгем-2, к. 1 (2 экз. в погребении женщины).

Все изделия, отнесенные к курильницам, могут быть разделены на три типа: 1) вазочки-курильницы; 2) баночного типа с ушком — Ело-Баши, огр. 5 (рис.-18); 3) чаши с поддоном из Денисовой пещеры (рис.-19). Курильница из Ело-Баши имеет практически полную аналогию на Карасуке-III, огр. 9, м. 2в (Грязнов, 1999, рис. 39.-5; Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014, рис. 89.-7). Основное различие состоит в количестве ушек (одно и два). Чаше третьего типа полных аналогий пока не известно.

Тип 1. Вазочки-курильницы. Изделия различаются по оформлению ножки (поддона) — вогнутая и плоская, наличию или отсутствию ручки, отверстиям в ручке или стенке изделия, размерам (от миниатюрных до массивных).

Вариант 1. С выемкой в поддоне, с ушками-ручками; 7 экз. (Бойтыгем-1, к. 1, Катанда-2, к. 32, Курота-2, к. 2, Усть-Муны, У-Куюм, Покровка-4 (2 экз.).

Изделия из Бойтыгема-1, Куроты-2, Усть-Мунов и Покровки-4 имеют сквозные отверстия в ушке.

Вариант 2. С выемкой в поддоне, без ручек; 3 экз. (Бойтыгем-2, к. 1 и Кулада). находка из Кулады имеет два отверстия в стенке.

К вариантам 1 и 2 относятся и другие изделия, от которых сохранились только фрагменты, в частности из Бике 1, к. 10.

Вариант 3. С плоской ножкой, ручка не имеет отверстия; 1 экз. (Нижний Тюмечин-1, огр. 4).

К этому же типу относится курильница из Кор-Кобы, к. 6, оформление поддона у которой не совсем ясно, но имеется ушко со сквозными отверстиями.

Фрагментов ножек на поселениях найдено немного. Можно отметить, что есть плоские поддоны и с выемкой. Также найдены ручки-ушки. Реконструировать частично удалось всего четыре курильницы (рис.-7-10).

Украшены курильницы разнообразно. Отметим, что две маленькие курильницы не орнаментированы, а третья — только по срезу венчика. Также по срезу венчика и частично по ножке украшена и находка из Кулады. Не орнаментирована банка из Ело-Баши, хотя здесь выполнено заглаживание зубчатым предметом, которое, возможно, заменяет орнамент. Большинство изделий украшено зубчатыми и незубчатыми инструментами, отпечатки которых составляют елочку или параллельные горизонтальные ряды. Реже фиксируется более сложный орнамент. В целом наиболее выделяются три изделия: из Кор-Кобы — орнамент в виде шишечек-налепов и Катанды-1 и Бойтыгема-1 — горизонтальные или вертикальные желобки, полученные от сильного вдавливания орнаментиром. В одном случае орнамент наносился отступанием незубчатого инструмента, а внутри и по срезу венчика — гребенчатым штампом.

Разница между изделиями из афанасьевских и куротинских объектов, пожалуй, сводится к тому, что куротинские чаще без орнамента, все изделия без ручек (3 экз.) также относятся к этой группе. Однако из-за малочисленности таких находок о закономерностях говорить преждевременно. В целом ушки редко встречаются на афанасьевской керамике, хотя известны на посуде и из Горного Алтая и с Енисея. Они встречаются чаще на плоскодонных горшках — Сальдяр-1, Афанасьева Гора, Карасук-III, Летник-VI (Вадецкая, Поляков, Степанова, 2014). Сравнение с афанасьевскими енисейскими курильницами показывает, что там четко выделяются три варианта оформления поддона: с выемкой (наиболее распространенный), с ножками (количество налепов от 4 до 7-8) и плоским поддоном. В ручках имеются отверстия. Для обоих вариантов афанасьевской культуры наиболее характерны изделия с поддоном с выемкой и ручками-ушками, но в Горном Алтае нет курильниц на 4-8 ножках.

Курильницы находят в погребениях окуневской, катакомбной культур и древнеямной культурно-исторической общности. Афанасьевские курильницы отличаются от окуневских, древнеямных и катакомбных наличием ручек-ушек, оформлением поддона и орнаментацией (Вадецкая, 1986; Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986; Коробкова, Шапошникова, 2005; Панасюк, 2015). Вероятно, наличие ушек-ручек в виде налепов — это особенность афанасьевских курильниц.

Происхождение афанасьевских курильниц остается невыясненным. В древнеямных погребениях их также мало и появляются они на позднем этапе. В частности, две курильницы (неглубокие чаши на низких круглых ножках без внутреннего отделения) обнаружены в памятниках южнобугтского варианта ямной культуры. Погребения, в которых они обнаружены, связаны со вторым стратиграфическим горизонтом, который датирован концом III — началом II тыс. до н.э. (примерно в пределах 2100-1900 гг. до н.э.) (Шапошникова, Фоменко, Довженко, 1986, с. 57-58). Э.Б. Вадецкая, сравнивая афанасьевские и катакомбные курильницы, пришла к выводу, что отмеченные различия не позволяют говорить о конкретных связях Северного Причерноморья и Сибири в период ранней бронзы, но, по ее мнению, сходство форм ритуальной посуды отдаленных территорий, очевидно, отражает единый исторический процесс (Вадецкая, 1986, с. 59). Сложно не согласиться с тем, что массовое распространение курильниц на огромной

территории может быть не связано между собой, однако пока остается не известным «центр», из которого началось распространение курильниц. Возможно, курильницы являются маркером для определения относительной хронологии памятников. В пользу этого говорит и наличие ушек, которые также изредка встречаются на афанасьевских сосудах и часто совпадают с еще одним необычным для культуры признаком — плоским дном, которое, по мнению исследователей, появилось на позднем этапе развития афанасьевской культуры под влиянием населения с другими культурными традициями.

Список источников

- Вадецкая Э.Б. Сибирские курильницы // Памятники неолита и бронзы // КСИА. №185. М., 1986. С. 50–59.
- Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул, 2014. 380 с.
- Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. СПб., 1999. 136 с.
- Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Ч. 1. Новосибирск, 1994. 261 с.
- Коробкова Г.Ф., Шапошникова О.Г. Поселение Михайловка — эталонный памятник древнеямной культуры (экология, жилища, орудия труда, системы жизнеобеспечения, производственная структура). СПб., 2005. 316 с. (Труды ИИМК РАН. Т. XX).
- Ларин О.В. Новые материалы эпохи ранней бронзы из Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 13–21.
- Панасюк Н.В. Курильницы катакомбных культур Предкавказья: автореф. ... канд. ист. наук: ин-т археологии РАН. М., 2015. 24 с.
- Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С. Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. Ч. 1. Барнаул, 2006. 234 с.
- Полосьмак Н.В. Братство кольца. Курганы катандинской долины // Наука из первых рук. 2020. №3 (88). С. 89–107.
- Толубаев А.Т., Жуматаев Р.С., Шакинов С.А. Новые оригинальные памятники энеолитической эпохи в За-йсанском районе Восточно-Казахстанской области // Мир Большого Алтая. 2017. №3 (4). С. 611–625.
- Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) // Свод археологических источников. В1-3. Киев, 1986. 160 с.
- Шульга П.И. Погребения эпохи энеолита — бронзы в долине Сентелека // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. Барнаул, 2006. С. 47–72.

Информация об авторе / Information about the Author

Надежда Федоровна Степанова, Алтайский государственный университет, Лаборатория Междисциплинарных исследований археологии Западной Сибири и Азии, старший научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; Институт археологии и этнографии СО РАН, Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири, старший научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>, nstepanova10@mail.ru

Nadezhda F. Stepanova, Altai State University, Laboratory Interdisciplinary Archaeology Research Laboratory Western Siberia and Asia, Senior Researcher; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography (South Siberia), Senior Researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, Acad. Lavrentieva Ave., 17, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0003-4017-5641>, nstepanova10@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.02(571.150)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.27

КЕРАМИКА ПЕРЕХОДНОГО ТИПА ОТ РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ К ПОЗДНЕЙ ПОСЕЛЕНИЯ КАЛИНОВКА-II (Восточная Кулунда)

Александр Сергеевич Федорук^{1,2}, Геннадий Егорович Иванов³, Ольга Александровна Федорук²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

³Независимый исследователь, Барнаул, Россия

Резюме. В работе представлены предварительные результаты изучения керамики переходного типа от развитой бронзы к поздней поселению Калиновка-II. Основу серии составляют банки, украшенные оттисками штампа, пальцев, валиками. Узоры состоят из двух, реже — трех различных мотивов или одного мотива, повторенного три и более раз. Большинство образцов изготовлено из среднежелезненного сырья. Выявлено пять рецептов

изготовления формовочных масс: глина + шамот + органический раствор, глина + шамот + органика, глина + шамот + дресва + органический раствор, глина + дресва + органический раствор, смесь двух глин + шамот + органика. При сопоставлении полученных данных с результатами изучения андроновской и саргаринско-алексеевской керамики памятника делается вывод о том, что посуда исследованной серии свидетельствует о притоке нового населения, его взаимодействии с местным, андроновским, и адаптации к новым условиям, что отразилось в появлении сосудов синкретичного типа.

Ключевые слова: бронзовый век, степной и лесостепной Алтай, керамика, поселение Калиновка-II, орнамент, исходное сырье, формовочные массы

Благодарности: исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

Для цитирования: Федорук А.С., Иванов Г.Е., Федорук О.А. Керамика переходного типа от развитой бронзы к поздней поселению Калиновка-II (Восточная Кулунда) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 133–139.

CERAMICS OF THE TRANSITIONAL TYPE FROM THE DEVELOPED BRONZE TO THE LATE BRONZE OF THE KALINOVKA-II SETTLEMENT (EASTERN KULUNDA)

Alexander S. Fedoruk^{1,2}, Gennady E. Ivanov³, Olga A. Fedoruk²

¹*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;*

²*Altai State University, Barnaul, Russia;*

³*Independent Researcher, Barnaul, Russia*

Abstract. The paper presents preliminary results of the study of ceramics of the transitional type from the developed Bronze Age to the Late of the Kalinovka-II settlement. The series is based on jars decorated with a stamp, fingers, rollers. The patterns consist of two, less often three, different motifs or one motif is repeated three or more times. Most of the specimens were made from medium ferrous raw materials. Five recipes for the manufacture of molding masses have been identified: clay + fireclay + organic solution, clay + fireclay + organic, clay + fireclay + grus + organic solution, clay + grus + organic solution, a mixture of two clays + fireclay + organic. As a result of comparison with the Andronovo and Sargarinsko-Alekseevskaya ceramics of the site, it is concluded that the studied dishes testify to the influx of a new population, its interaction with the local, Andronovo one, and adaptation to new conditions, which was reflected in the appearance of dishes of a syncretic type.

Keywords: Bronze Age, steppe and forest-steppe Altai, ceramics, Kalinovka-II settlement, ornamentation, raw material, pottery paste

Acknowledgments: the study was carried out under the project “Integrated Studies of the Ancient Cultures of Siberia and Adjacent Territories: Chronology, Technologies, Adaptation and Cultural Relations” (FWZG-2022-0006).

For citation: Fedoruk A.S., Ivanov G.E., Fedoruk O.A. Ceramics of the Transitional Type from the Developed Bronze to the Late Bronze of the Kalinovka-II Settlement (Eastern Kulunda) // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 133–139.

Одной из ключевых проблем при реконструкции процессов этнокультурного взаимодействия на территории степного и лесостепного Алтая в эпоху бронзы является малочисленность и недостаточная изученность материалов, отражающих процесс трансформации андроновских традиций развитого этапа бронзового века в традиции культур эпохи поздней бронзы. В первую очередь речь идет о керамических комплексах, поскольку для региона именно керамика является наиболее ярким и чувствительным индикатором происходивших процессов.

Ранее исследователи уже обращались к данной тематике. Так, в 1990 г. в совместной работе Ю.Ф. Кирюшин, Г.Е. Иванов и В.С. Удодов по материалам поселений Калиновка-II, Корчажка-5, Ляпустин Мыс и Заковряшино, могильников Киприно и Подтурино в качестве отдельной группы посуды выделяли керамику «раннего этапа культур валиковой керамики». Отмечая значительное сходство с традиционной для региона андроновской федоровской посудой, исследователи указывали на ее более поздний период бытования (Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990, с. 109–111, рис. 1). В 1994 г. В.С. Удодов (1994, с. 101), предполагая в дальнейшем выделение переходного периода от развитой к поздней бронзе, в качестве критериев керамических комплексов переходного типа предлагал позднеандоновские (позднефедоровские) материалы, выделенные в 1990 г. «как ранние в общности КВК». С.М. Ситников, обобщая материалы региона, также выделял керамические комплексы позднефедоровской группы (поселения Переезд (раскоп №2), Фирсово-XV, Гориное Озеро, часть керамики поселения Советский Путь-1 и могильников Подтурино, Березовка-1, Чекановский Лог-2), характеризующиеся потерей зональности, обеднением декора, появлением элементов орнамента характерных для эпохи поздней

бронзы (Гельмель, Ситников, 2000; Ситников, 2015, рис. 100). Одним из авторов статьи ранее в материалах поселения Калиновка-II отмечалось наличие позднефедоровского комплекса, синхронного черкаскульскому (Иванов, 2016, с. 22, рис. 24). Таким образом, исследователями неоднократно фиксировалось присутствие на памятниках лесостепного и степного Алтая сосудов, сочетающих андроновские и позднебронзовые черты, за которыми преимущественно закрепилось наименование «позднефедоровские», или «позднеандоновские», в отдельных случаях в общем виде описывались их внешние особенности, однако специального комплексного исследования данных комплексов не проводилось.

В настоящей работе, продолжающей публикацию результатов изучения материалов поселения Калиновка-II (Вальков, Иванов, Федорук, 2002; Федорук, Иванов, Федорук, 2022; Федорук Иванов, Степанова, 2022; 2023), представлены предварительные итоги совместного изучения серии посуды, отражающей переходный этап между комплексами развитого и позднего этапов бронзового века. Данная керамика была компактно сосредоточена в северной, возвышенной части мыса и связана с частично вскрытыми, видимо, сгоревшими жилищами. При полевом изучении этих сооружений были обнаружены керамические лепные грузила для сетей, изделия из рога, целый, необработанный рог косули и развалы сосудов, один из которых был заполнен чешуей и костями рыб.

Исследуемая группа представлена 115 фрагментами (54 венчика, 58 тулов и три развала), происходящими не менее чем от 62 различных сосудов. Ее доля в общем комплексе керамики памятника составляет 1,82%.

Изучение коллекции проводилось по ранее апробированной на материалах поселений региона программе, включающей исследование форм, техники орнаментации, орнаментальных схем, а также исходного сырья и формовочных масс сосудов (Федорук А.С., Иванов, Федорук О.А., 2022; Федорук, Иванов, Степанова, 2022; 2023). При анализе форм и орнаментации сосудов использовалась методика В.Ф. Генинга (1973, с. 115–116). Техничко-технологический анализ 46 образцов от различных сосудов был выполнен по методике А.А. Бобринского в рамках историко-культурного подхода (Бобринский, 1978; 1999; Цетлин, 2012). Исследование проводилось с помощью бинокулярных микроскопов МБС-10 и Stemi-2000-C. Для определения степени ожелезненности исходного сырья, а также характера искусственных и естественных примесей образцы дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи, при температуре 850 °С. Пластичность исходного сырья определялась по методике О.А. Лопатиной (2005, с. 95).

Анализ морфологии и орнаментации. В 51 случае форма сосудов определяется как банки закрытого типа (92,73% сосудов группы) (рис.-1-3, 5, 6, 8-15), в одном — слабопрофилированный горшок (1,82%), в трех — горшечно-баночная форма (5,45%) (рис.-4, 7). Сосуды последнего типа по форме близки банкам закрытого типа, однако имеют низкую, высотой 1,2–1,4 см, отогнутую наружу шейку, что приближает их к горшкам. Толщина стенок сосудов группы составляет от 7 до 14 мм.

Банки орнаментированы по венчику, плечикам и тулову. Сосуды горшечно-баночных форм и горшок — по зонам шейки и плечика. Форма венчика у горшечно-баночных сосудов округлая (66,67%) или уплощенная с «kozyрьком» по внешнему краю (33,33%), у горшка — округлая, у банок — округлая (38,78%), уплощенная (32,65%), уплощенная со срезом внутрь сосуда (18,37%), округлая с «kozyрьком» наружу сосуда (10,2%). Отмечено 11 случаев орнаментации среза венчика, все на сосудах баночных форм (рис.-1-3, 5, 6, 10, 11, 14). В шести случаях это венчики срезанной внутрь формы, в трех случаях — округлой формы и в двух случаях — уплощенной формы.

Зафиксировано использование следующих приемов нанесения орнамента: штампование (доля в исследуемой серии составляет 43,75%, в т.ч. гладкий штамп — 19,32%, гребенчатый — 24,43%), пальцевые узоры (26,13%, в т.ч. защипы пальцами и ногтями (8,52%), оттиски пальцев и ногтя (17,61%)), вдавления (15,34%), формованные валики (12,5%). По два раза отмечены прочерчивание и насечка.

Выявлено 19 разновидностей мотивов орнамента. Чаще прочих встречаются горизонтальные ряды оттисков уголка лопаточки (24,59%). Заметно реже зафиксированы горизонтальные ряды оттисков пальца (11,89%), наклонных оттисков гладкого (11,48%) или гребенчатого (10,66%) штампа, елочка из оттисков гребенчатого (9,43%) или гладкого (2,46%) штампа, валики без дополнительного декора (9,01%), ряды ногтевых (3,28%) или пальцевых (2,87%) защипов, вертикальная елочка из оттисков гребенчатого штампа (2,46%). Остальные мотивы встречены не более пяти раз. Срезы венчиков орнаментированы рядами наклонных оттисков гребенчатого (шесть случаев) или гладкого (один случай) штампа.

На развалах и крупных фрагментах сосудов преобладают узоры из двух (56,72%) различных мотивов. Реже отмечено сочетание трех различных мотивов (20,9%) и одного мотива, повторенного три и более раз (17,91%). Дважды в группе отмечено использование четырех и более различных мотивов и единожды — одного мотива, повторенного дважды.

Технико-технологический анализ. Большинство исследованных образцов серии изготовлено из среднежелезненного сырья. В четырех случаях сырье было ближе к сильножелезненному. В одном случае к среднежелезненной глине была добавлена слабожелезненная. Из пластичного сырья изготовлено 65,2% образцов, из среднезаспесоченного — 23,9%, из сильнозаспесоченного — 10,9%.

В 12 (26,1%) экземплярах встречен остроугольный или слабоокатанный песок размерами от 0,5 до 4 мм, а также слабоокатанные обломки горных пород (рис.-6, 12, 14), размерами до 9 мм (в одном случае, судя по концентрации, подобные частицы попали в глину, скорее всего, из шамота). Согласно имеющимся данным, подобное сырье для равнинной территории, на которой расположен памятник, не характерно (Степанова, 2017).

Кроме того, в исходном сырье встречены рыхлые включения аморфной формы серо-белого или желтых оттенков, бурый железняк оолитовой формы, размерами до 1 мм. В четырех экземплярах зафиксированы отпечатки и фрагменты чешуи рыб (рис.-1, 4), что может указывать на то, что данное сырье добывали в непосредственной близости к водоему.

Всего выявлено пять рецептов изготовления формовочных масс. Большая часть исследованных сосудов (63%) была изготовлена по рецепту глина + шамот + органический раствор (рис.-2-4, 6, 8-13). Рецепт глина + шамот + органика (рис.-1, 5, 14, 15) зафиксирован в 21,7% образцов, рецепт глина + шамот + дресва + органический раствор — в 8,7% (рис.-7). Два экземпляра (4,4%) было изготовлено по рецепту глина + дресва + органический раствор, один — по рецепту смесь двух глин + шамот + органика (2,2%).

Шамот использовался некалиброванным, средний размер частиц — 1-4 мм. В нескольких экземплярах (10,8%) использовался более крупный шамот, размерами до 6-8 мм. В двух образцах зафиксирован мелкий шамот (до 1 мм). Концентрация шамота в большинстве исследованных образцов составляет 1:3 — 1:4, реже встречается концентрация 1:5, в двух случаях — 1:2, еще в двух — 1:7. Сосуды, использованные для изготовления шамота, были изготовлены из среднежелезненного сырья. В одном экземпляре встречались фрагменты шамота черного цвета (ошлакованного?). В трех случаях в шамоте зафиксирован шамот (рис.-14), в двух — дресва. В 10 экземплярах в шамоте присутствовал песок.

Дресва использовалась кварцевая, размерами от 0,5 до 3 мм. Концентрация в трех экземплярах 1:3, в двух — 1:2, в одном — 1:4.

Органика представлена в большинстве случаев растворами, характеризующимися наличием в изломе рыжеватого налета, пустот аморфной формы, покрытых углистыми или прозрачными пленками с жирным блеском, а также небольшим количеством отпечатков измельченной растительности. В 10 экземплярах определить характер органики не удалось.

Корреляция типов исходного сырья с используемыми рецептами строгих закономерностей не выявила, однако можно отметить, что в большинстве сосудов, изготовленных из неместного сырья, использовался наиболее распространенный на памятнике рецепт глина + шамот + раствор. Лишь один подобный сосуд был изготовлен по рецепту глина + шамот + дресва + органический раствор.

Результаты проведенного изучения форм и орнаментации свидетельствуют о том, что данная керамика демонстрирует сходство как с традиционной для региона андроновской посудой периода развитого этапа бронзового века, так и с саргаринско-алексеевскими сосудами эпохи поздней бронзы. Сходство с андроновской керамикой, прежде всего поселенческих комплексов, проявляется по форме баночных сосудов, орнаментации значительной площади их поверхности (кроме придонной части) и используемым мотивам (треугольники, горизонтальные ряды оттисков уголка лопаточки, вертикальная елочка и т.д.). Вместе с тем орнаментальная схема упрощается, приближаясь к позднебронзовым стандартам. С керамикой эпохи поздней бронзы исследуемую серию сближает присутствие валиков и узоров, выполненных пальцами (защипов и оттисков пальца и ногтя), мотивов, не типичных для андроновской посуды, но часто используемых на саргаринско-алексеевской керамике Алтая. При этом формованный характер валиков и орнаментация среза венчика не типичны ни для андроновской, ни для саргаринско-алексеевской посуды региона.

Результаты технико-технологического анализа свидетельствуют о процессах смешения различных культурных традиций керамического производства, что проявляется в присутствии сосудов, изготовленных по смешанному рецепту (с использованием и дресвы, и шамота), а также использовании минеральных примесей разной размерности и концентрации.

Наличие в исходном сырье ряда экземпляров остроугольного и слабо окатанного песка, а также породных обломков указывает на место его добычи в горной либо предгорной местности. Очевидно, эти сосуды являются привозными. Сосуды с дресвой также могли быть импортными либо они изготавливались на месте, с использованием привозного камня, поскольку поблизости от памятника выходы камня отсутствуют.

Керамика переходного типа от развитой бронзы к поздней поселения Калиновка-II
Ceramics of the transitional type from the developed Bronze to the late Bronze of the Kalinovka-II settlement

В целом в керамике прослеживается тенденция угасания традиции использования дресвы в качестве минеральной примеси и преобладание шамотной традиции. На это, в частности, может указывать присутствие в одном из сосудов, изготовленном по рецепту глина + шамот + раствор, шамота, содержащего дресву.

При сопоставлении результатов технологического анализа с ранее полученными данными для андроновской и саргаринско-алексеевской коллекций поселения Калиновка-II можно отметить общую для всех трех групп тенденцию: преобладание шамотной традиции в составлении формовочных масс. Наличие шамота в качестве единственной минеральной примеси зафиксировано в 84,7% анализируемой серии керамики, 83,3% андроновских сосудов и 55% саргаринско-алексеевских (Федорук, Иванов, Федорук, 2022; Федорук, Иванов, Степанова, 2023).

Следует отметить, что дресва в андроновской и саргаринско-алексеевской керамике зафиксирована в смешанных рецептах (одновременное использование дресвы и шамота), тогда как в исследованной серии встречено несколько сосудов только с дресвой в качестве минеральной примеси.

С саргаринско-алексеевской посудой памятника анализируемую группу сближает наличие рецепта с применением смеси двух глин (ожелезненной и неожелезненной), присутствие исходного сырья с остроугольным песком и природными минералами, а также с чешуей рыб. Таким образом, в целом по традициям отбора исходного сырья и составлению формовочных масс данная посуда несколько ближе к саргаринско-алексеевской.

Обобщая полученные предварительные данные, можно говорить о том, что изученная группа сосудов поселения Калиновка-II характеризует переходный этап от развитой к поздней бронзе. Вероятно, в данный период на памятнике наблюдался приток нового населения, а также происходили процессы его взаимодействия с местным андроновским населением и адаптация к новым условиям, что отразилось в появлении посуды синкретичного типа. Уникальность изученной серии сосудов заключается в том, что она демонстрирует как сходство, так и различия с предшествующей андроновской (федоровской) и последующей саргаринско-алексеевской, что отмечается по всем направлениям выполненного анализа. Это позволяет поднять вопрос о наименовании данного типа керамики. На наш взгляд, термины «позднеандоновская» и «позднефедоровская» в значительной степени отражают лишь одно направление сходства. Возможно, более правильным в данном случае было бы использование ранее фигурировавшего в литературе наименования «посуда первого этапа КВК» или «керамика переходного типа от развитой бронзы к поздней», что лучше отражает ее специфический характер. Однако на настоящий момент полученные нами результаты имеют частный характер, необходимо продолжение целенаправленного изучения данной керамики, включающее как более детальное исследование коллекции поселения Калиновка-II, так и привлечение материалов единовременных памятников региона и сопредельных территорий.

Список источников

- Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. 272 с.
- Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5–109.
- Вальков И.А., Иванов Г.Е., Федорук А.С. Изделия из кости и рога с поселения бронзового века Калиновка-II // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, №2. С. 37–49. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(2\).-03](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(2).-03).
- Гельмелъ Ю.И., Ситников С.М. Материалы поселения Новоильинка-1 и некоторые проблемы относительной хронологии андроновских памятников Алтая // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 60–65.
- Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // Советская археология. 1973. №1. С. 114–135.
- Иванов Г.Е. Алтайская деревня на перекрестках истории: летопись Мамонтовского района. Барнаул, 2016. 516 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 104–128.
- Лопатина О.А. Технологические особенности древнейшей керамики Каширских городищ раннего железного века // Российская археология. 2005. №3. С. 93–99.
- Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул, 2015. 254 с.
- Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита — раннего железного века) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIII. Новосибирск, 2017. С. 401–404.
- Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 200 с.
- Федорук А.С., Иванов Г.Е., Степанова Н.Ф. Керамика донгальского типа поселения Калиновка-II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2022. Т. XXVIII. С. 778–786.
- Федорук А.С., Иванов Г.Е., Степанова Н.Ф. Саргаринско-алексеевская керамика поздней бронзы поселения Калиновка-II (лесостепной Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2023. Т. 35, №1. С. 160–181. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2023\)35\(1\).-10](https://doi.org/10.14258/tpai(2023)35(1).-10).
- Федорук А.С., Иванов Г.Е., Федорук О.А. Керамика развитого этапа бронзового века поселения Калиновка-II (Восточная Кулунда) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2022. Т. XXVIII. С. 787–794.
- Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М., 2012. 384 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Александр Сергеевич Федорук, Институт археологии и этнографии СО РАН, Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири, научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17; Алтайский государственный университет, Лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-9825-1822>, fedorukas@mail.ru

Alexander S. Fedoruk, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia, Researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, Akad. Lavrentiev Ave., 17; Altai State University,

Laboratory for Interdisciplinary Study of the Archaeology of Western Siberia and Altai, Researcher; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-9825-1822>, fedorukas@mail.ru

Геннадий Егорович Иванов, Независимый исследователь, Россия, г. Барнаул, ул. Попова, 22–46, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0003-3410-7378>, ge80866@yandex.ru

Gennady E. Ivanov, Independent Researcher, Russia, Barnaul, Popova Str., 22–46, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0003-3410-7378>, ge80866@yandex.ru

Ольга Александровна Федорук, Алтайский государственный университет, Лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-1861-6781>, olunka.p@mail.ru

Olga A. Fedoruk, Altai State University, Laboratory for Interdisciplinary Study of the Archaeology of Western Siberia and Altai, Researcher; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-1861-6781>, olunka.p@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.5(575.4)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.28

РЕДКИЕ ТИПЫ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ГОНУР-ДЕПЕ: ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ПРАВИЛ ИЛИ РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИИ?

Алексей Викторович Фрибус¹, Надежда Анатольевна Дубова², Камилла Ю³, Владимир Владимирович Куфтерин^{1,2}, Ольга Владимировна Сычева¹

¹Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия;

²Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия;

³Университет Париж 1 — Пантеон-Сорбонна, Париж, Франция

Резюме. Основные типы погребальных конструкций Гонур-депе (2300–1500 до н.э.) представлены следующими категориями: шахтные могилы, ямные могилы, камерные гробницы, цисты. Ревизия материалов Большого некрополя и локальных могильников позволяет построить более детальную типологию и уточнить данные. В результате выделяется серия редких погребений с нетипичными конструкциями. Их появление не является развитием погребального обряда БМАК во времени, что подтверждается анализом сопроводительных наборов и имеющимися данными по ¹⁴C. Вероятнее всего, речь идет о локальных особенностях, характерных для микроколлективов, оставивших комплексы погребений на периферии Северного Гонура и спутных поселений.

Ключевые слова: БМАК, эпоха бронзы, погребальный обряд, Юго-Восточный Туркменистан, Цивилизация Окса

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-28-01720, <https://rscf.ru/project/23-28-01720/>. Работы в Туркменистане проводятся в рамках Соглашения о сотрудничестве между ИЭА РАН и Министерством культуры Туркменистана.

Для цитирования: Фрибус А.В., Дубова Н.А., Ю К., Куфтерин В.В., Сычева О.В. Редкие типы погребальных конструкций Гонур-депе: исключение из правил или развитие традиции? // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 139–144.

RARE TYPES OF GONUR DEPE BURIAL CONSTRUCTIONS: AN EXCEPTION OF THE RULES OR THE DEVELOPMENT OF THE TRADITION?

Alexey V. Fribus¹, Nadezhda A. Dubova², Camille Hut³, Vladimir V. Kufterin^{1,2}, Olga V. Sycheva¹

¹Institute for the History of Material Culture RAS, Saint-Petersburg, Russia;

²N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow, Russia;

³Université Paris 1 — Panthéon-Sorbonne, Paris, France

Abstract. The main types of burial constructions at Gonur Depe site (2300–1500 BC) are represented by the following variants: shaft tombs, ordinary pit graves, chambers and cists. The revision of materials from the Large Necropolis and local necropolises allows depicting a more detailed typology and redefine the dataset. As a result, it is possible to describe a series of rare graves with atypical constructions. Their appearance is not the development of the BMAC burial rituals in chronological aspect, which is confirmed by the analysis of grave goods and the available ¹⁴C dataset. More likely, this is related to the local characteristics of micro groups that left burial complexes on the periphery of Gonur North and satellite settlements.

Keywords: BMAC, Bronze Age, burial rituals, Southeastern Turkmenistan, Oxus Civilization

Acknowledgments: this work was financially supported by the Russian Science Foundation, project №23-28-01720, <https://rscf.ru/project/23-28-01720/>. Research in Turkmenistan is carried out within the framework of the Agreement between IEA RAS and Ministry of Culture of Turkmenistan.

For citation: Fribus A.V., Dubova N.A., Hut C., Kufterin V.V., Sycheva O.V. Rare Types of Gonur Depe Burial Constructions: an Exception of the Rules or the Development of the Tradition? // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 139–144.

Материалы известного памятника эпохи бронзы Гонур-депе (2300–1500 до н.э., без учета единичных дат) (Зайцева и др., 2008, с. 179; Сатаев, Дубова, Мамедов, 2019, с. 40–41; Дубова и др., 2020, с. 26–27; Fontugne et al., 2021, p. 863–911), расположенного в Юго-Восточном Туркменистане, играют важную роль в изучении феномена БМАК/Цивилизации Окса. В значительной мере это касается проблем формирования и эволюции погребального обряда населения этой культуры. Благодаря большому количеству исследованных погребений, наличию представительных серий биоархеологических данных Гонур является ключевой площадкой для подобных исследований.

Могильники Гонур-депе локализуются на различных участках памятника. Прежде всего это практически полностью исследованный Большой некрополь (2831 погребение), расположенный к западу от центральной части памятника, и «Царский некрополь» (109 могил) на юге (Сарианиди, 2001; Sarianidi, 2007; Сарианиди, Дубова, 2012; Dubova, 2021). Кроме того, около 2000 погребений исследовано на сегодняшний день на локальных некрополях, которые располагаются на юге (раскоп 8), юго-западе (раскопы 12, 16) и северо-востоке (раскоп 18) памятника. Механизм формирования этих «малых некрополей» пока не до конца ясен. Частично они, по всей видимости, начинают складываться еще в период функционирования центрального дворцово-храмового комплекса, что подтверждается имеющимися радиоуглеродными датами. Поначалу погребения занимают площадки, свободные от застройки, за пределами третьей обводной стены. Позднее, когда дворцово-храмовый комплекс потерял свое первоначальное значение и был оставлен его обитателями, погребения стали устраивать и в руинах. Кроме того, небольшая серия (123 погребения) исследована на спутниковых поселениях Гонур-20 и Гонур-21, расположенных на расстоянии 2–4 км к югу от дворцово-храмового ансамбля (Сарианиди, Дубова, 2012; Fribus et al., 2020). Все локальные могильники обладают определенной спецификой, о чем свидетельствуют некоторые наблюдения, касающиеся погребальной практики, половозрастного состава погребенных и т.д.

Основные подходы к типологии погребальных сооружений Гонур-депе были разработаны в трудах В.И. Сарианиди. Анализируя результаты раскопок Большого некрополя, он отмечал, что представители элитарной части маргианского общества захоранивались в камерных гробницах и цистах (4–5% погребений), «среднего класса» — в подбойных (шахтных) могилах (75–85%), бедного слоя — в простых грунтовых ямах (10–20%) (Сарианиди, 2001, с. 35–36; Sarianidi, 2007, p. 124–125).

С включением в состав выборки материалов локальных «малых» некрополей количественное соотношение отдельных типов погребальных конструкций меняется. Наиболее распространенным типом остаются «шахтные» или подбойные могилы, имеющие различные варианты оформления (уступы, заклады подбоев сырцовыми кирпичами) (около 50% от общего числа погребений). Вторым по численности типом являются простые ямные могилы (около 30%). Около 6% погребений составляют цисты, 2,5% — погребения в хумах (в основном детские). К редким типам погребальных конструкций относятся котлованы (7 могил), камерные гробницы (86 могил, из них 9 — «подземные дома» сложной планировки, исследованные исключительно на «Царском некрополе») (Сарианиди, 2007; Дубова, 2014; Sarianidi, Dubova, 2016). Таким образом, с учетом материалов локальных некрополей несколько меняется количественное соотношение подбойных и ямных погребений, в обособленные типы выделяются погребения в хумах и камерных гробницах.

Недавно проведенная ревизия данных по погребениям Большого некрополя позволила уточнить общее число сооружений различных типов и их количественное соотношение между собой. Так, в выборке из 2788 могил абсолютно преобладают «шахтные» (подбойные) могилы (2103 погребения — 75%), 8% приходится на ямные могилы (220 погребений), по 2% составляют цисты и камерные гробницы (47 и 50 погребений соответственно). Для 13% могил однозначно определить тип погребальной конструкции не представляется возможным. Важно, что, несмотря на бесспорную унификацию, внутри известных классов удалось выделить подтипы с учетом тех или иных особенностей конструкций. Это обстоятельство заставляет обратить внимание на редкие типы погребальных сооружений, исследованных в последние годы на локальных некрополях Гонура и спутниковых поселениях.

«Шахтные» (подбойные) могилы с камерами из сырцового кирпича. Подобная конструкция была исследована в погребении 4551 на раскопе 18 (северо-запад). Погребение представляло собой подбойную могилу с уступом, подбой был сделан в западной стенке ямы. С северной и южной сторон, а также вдоль уступа в нише подбоя на ребро были установлены кирпичи. Сверху подбой был заложён двумя кирпичами, уложенными плашмя. Иными словами, ребенок 13–14 лет (предположительно женского пола) был уложен в некое подобие сырцового ящика с перекрытием, который был сооружён внутри подбоя (рис.-1). Поза и ориентировка погребенной были обычными, сопроводительный инвентарь в могиле представлен достаточно типичным набором, состоящим из стандартной посуды и украшений (Фрибус, Грушин, Дубова, 2021, с. 205–206). Серия таких погребений с ящиками (всего 16* могил) выделена в настоящее время и на Большом некрополе.

Хум в цисте. Такое сочетание элементов зафиксировано на раскопе 18 в погребении 4557 (рис.-2). В довольно крупном хуме, уложенном внутри цисты набор, был похоронен ребенок в возрасте около 8 лет. Погребальный инвентарь был представлен лишь бусинами. Сосуды, установленные внутри цисты, были достаточно типичными: баночный, кубок на ножке и круглый сосуд с носиком (Фрибус, Грушин, Дубова, 2021, с. 206–207). Эта могила — единичный случай, другие подобные сочетания элементов погребальных конструкций на Гонуре не известны.

«Саркофаг», составленный из двух хумов. Подобная конструкция тоже является единственной, она обнаружена на Гонуре-20 в погребении 82 (рис.-3). В грунтовую яму были помещены два крупных хума, обращенные устьями друг к другу. Внутри этого «саркофага» находились кости ребенка. Инвентарь представлен несколькими бусинами.

На Гонур-депе исследовано несколько десятков детских погребений в хумах, однако обычно они находятся на уровне древней дневной поверхности, иногда в неглубоких грунтовых ямах или внутри разрушенных стен. Какие-либо дополнительные конструкции (кроме обкладки кирпичами), как правило, отсутствуют. Наличие значительного количества погребений в хумах можно считать особенностью Гонур-депе. Такие погребения довольно широко распространены в III тыс. до н.э. в Западной и Центральной Анатолии, но на Ближнем Востоке и в Центральной Азии встречаются крайне редко (Selover, Durgun, 2019, p. 273). Что же касается «саркофага», подобные конструкции известны на памятниках II и I тыс. до н.э. в различных регионах Ближнего Востока. Самые ранние из них датируются рубежом III–II тыс. до н.э. (Strommenger, 1964, p. 157–173; 1971, p. 583; Baker, 1995, p. 209–220).

Грунтовые ямы с внутренними конструкциями из сырцового кирпича. Эта немногочисленная серия представлена обычными грунтовыми ямами, внутри которых имеются перегородки из кирпича — одна поперечная или две, образующие подобие небольшой камеры с входом. Погребения такого типа зафиксированы на Большом некрополе (2 и 4** случая соответственно). По всей видимости, количество их больше, особенно с учетом локальных некрополей, материалы которых требуют дальнейшей ревизии. Очевидно, например, что к этому же типу следует отнести неординарное женское погребение 78 с Гонура-20 (рис.-4). Здесь двумя стенками была оформлена камера, внутри которой размещались сосуды (11 экз. и еще 7 непосредственно в погребении). Сопроводительный инвентарь включал целый ряд «необычных» и, вероятно, престижных предметов: печать, изготовленную из шпейза, бронзовую булаву с подвеской в виде человеческой стопы, цилиндрический деревянный предмет, украшенный сюжетной полихромной росписью (Фрибус, Дубова, Беглиев, 2019, с. 59–61; Агаханова и др., 2022, с. 334–337).

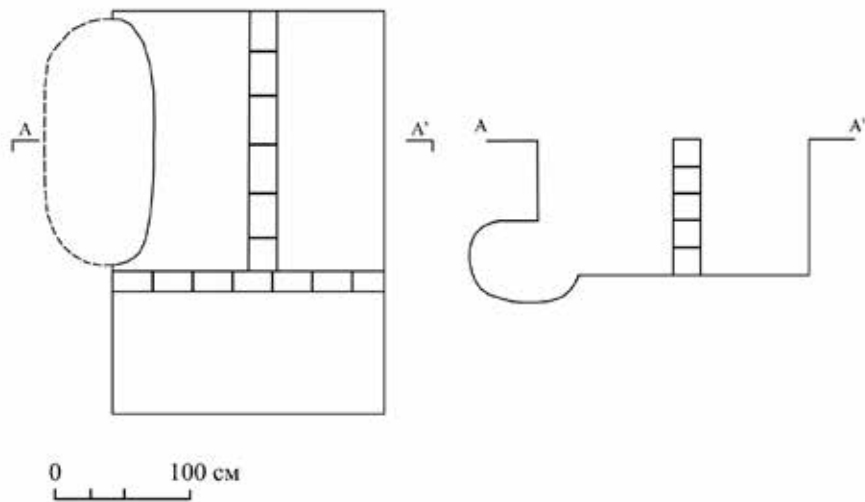
Нетипичные камерные могилы. Немногочисленная, но интересная серия таких погребений исследована на Большом некрополе и на сателлитном поселении Гонур-20. Эти могилы представляют собой грунтовые ямы, в которых с помощью стенок и перегородок из кирпича оформлены отдельные камеры. Многие сближает их с цистами, но цистами в прямом смысле слова назвать их нельзя. В качестве примера можно привести два погребения с Гонура-20.

Могила-86 (рис.-5). В грунтовой яме, ориентированной по длинной оси на северо-запад, с восточной стороны была сооружена погребальная камера, образованная тремя стенками из сырцового кирпича. С северо-западной стороны кладка отсутствовала. Здесь был похоронен мужчина в возрасте 35–45 лет. С западной стороны с помощью перегородки была выделена еще одна камера, в которой были компактно размещены сосуды (17 экз.). Еще 10*** сосудов и бронзовое шило найдены на уровне древнего горизонта в третьей, южной камере. Среди погребальных приношений были найдены бронзовый сосуд, печать-

* Погребения №204, 437, 731, 1212, 1220, 1335, 1345, 1783, 1860, 1898, 2064, 2225, 2420, 2448, 2641, 2727.

** Погребения №1397, 2230, 2253, 2350.

*** Еще два керамических сосуда было найдено непосредственно в погребальной камере, таким образом, общее количество сосудов в могиле — 29.

Редкие типы погребальных конструкций Гонур-депе:

- 1 — Северный Гонур, раскоп 18, погребение 4551; 2 — Северный Гонур, раскоп 18, погребение 4557;
 3 — Гонур-20, погребение 82; 4 — Гонур-20, погребение 78; 5 — Гонур-20, погребение 86;
 6 — Гонур-20, погребение 93; 7 — Гонур-20, погребение 1

Rare types of Gonur Depe burial constructions:

- 1 — Gonur North, Area 18, grave 4551; 2 — Gonur North, Area 18, grave 4557; 3 — Gonur-20, grave 82;
 4 — Gonur-20, grave 78; 5 — Gonur-20, grave 86; 6 — Gonur-20, grave 93; 7 — Gonur-20, grave 1

пуговица и «игровой набор», состоящий из каменных фишек конической формы, шариков, имитаций плодов фисташки и раковины каури, а также ракушек. *Идентичные* предметы («плоды фисташки», четырехгранная пирамидальная каменная фишка и 9 мраморных шариков) происходят из известного погребения 3880 на «Царском некрополе» Гонура (Сатаев, Сатаева, Фрибус, 2021, с. 114–115, рис. 3).

Могила-93 (рис.-б). В грунтовой яме, ориентированной по линии С–Ю (с небольшим отклонением), с западной стороны с помощью трех стенок была сооружена погребальная камера, в которой захоронена женщина в возрасте около 30–40 лет. С востока под углом было поставлено еще две перегородки из кирпичей. Таким образом, была сооружена еще одна камера, в которой размещались сосуды (18 экз.). Третью, южную камеру, образовывала перегородка и стенки ямы. Сопроводительный инвентарь включал «престижные» предметы: бусину из травленного сердолика и печать из шпейза.

Камерная могила с подбоем. Подобная конструкция достоверно зафиксирована, по крайней мере, в одном случае — в погребении 1 (рис.-7). Грунтовая могильная яма была разделена на три камеры с помощью двух перегородок (продольной и поперечной) из сырцового кирпича. В восточной камере в подбое находился скелет барана. В западной были помещены сосуды (22 экз.). В самой погребальной камере обнаружено еще три сосуда, сломанная «миниатюрная колонка», навершие жезла, бронзовый браслет и наконечник стрелы, детали «игрового набора»: конусовидные фишки, ракушки, альчики, камешки различных форм и размеров. Сопроводительный набор в этом погребении вряд ли можно назвать ординарным.

Выводы. 1. Количественное соотношение основных типов погребальных конструкций в целом по материалам Гонур-депе можно признать закономерным. Небольшие отклонения связаны, как правило, с особенностями рассматриваемых выборок, а нетипичные могилы в целом являются редкостью.

2. Внутри основных типов погребальных сооружений, описанных В.И. Сарияниди и Н.А. Дубовой, возможно выделение подтипов, которые характеризуются теми или иными конструктивными особенностями.

3. Появление необычных погребальных конструкций вряд ли является результатом развития погребального обряда БМАК во времени, что подтверждается анализом сопроводительных наборов и имеющимися данными по ^{14}C (Сатаев, Дубова, Мамедов, 2019).

Возвращаясь к вопросу, поднятому в начале этой статьи, следует признать, что все описанные выше конструкции не образуют значительных серий. Отступления от канона носят локальный характер. Если согласиться с суждением В.И. Сарияниди о том, что Большой некрополь Гонура формировался представителями довольно широкой сельской округи, многое становится понятным. По всей видимости, здесь действовали довольно жесткие каноны и ограничения, что создает иллюзию существования строго регламентированной погребальной практики. Формирование кладбищ, порой стихийных и несанкционированных, вокруг «святынь» широко распространено в Средней Азии вплоть до сегодняшнего дня. Именно таким «центром притяжения», по всей видимости, был дворцово-храмовый ансамбль Гонур-депе, как во времена своего расцвета, так и после запустения. В этой связи локальные могильники, и особенно могильники на сателлитных поселениях, более адекватно отражают локальные особенности погребальной практики отдельных микроколлективов, а не рисуют «обобщенный портрет», каким и является, по сути, Большой некрополь Гонура. По всей видимости, дальнейшие исследования способны показать, что погребальная практика населения БМАК обладала определенной вариабельностью в рамках общего канона.

Список источников

Агаханова В.А., Юминов А.М., Фрибус А.В., Дубова Н.А. Находка печати из шпейза с Гонур-депе // *Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий)*. СПб., 2022. С. 334–337.

Дубова Н.А. Типы погребальных сооружений Гонур-депе (Туркменистан) // *Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях*. Барнаул, 2014. С. 328–340.

Дубова Н.А., Зайцева Г.И., Бутова Н.Д., Сатаев Р.М., Фрибус А.В., Грушин С.П. Новые радиоуглеродные даты по отдельным территориям Гонурского оазиса (Туркменистан, эпоха бронзы) // *Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее*. СПб.; Самара, 2020. С. 26–27.

Зайцева Г.И., Дубова Н.А., Семенов А.А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х. Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Деде // *Труды Маргианской археологической экспедиции*. Т. 2. М., 2008. С. 166–179.

Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. 246 с.

Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Археологические работы Маргианской археологической экспедиции в 2008–2011 гг. // *Труды Маргианской археологической экспедиции*. Вып. 4. Исследования Гонур-депе в 2008–2011 гг. М., 2012. С. 29–55.

Сатаев Р.М., Дубова Н.А., Мамедов М.А. Внутренняя хронология и периодизация Гонур-депе // *Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в Евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции)*. СПб., 2019. С. 40–41.

Сатаев Р.М., Сатаева Л.В., Фрибус А.В. Фитоморфные сюжеты в материалах из раскопок Гонур-депе // Археологические вести. 2021. Вып. 3 (32). С. 110–118.

Фрибус А.В., Грушин С.П., Дубова Н.А. Нетипичные погребальные конструкции из раскопок Гонур-депе (Туркменистан) в 2018–2019 гг. // Культуры азиатской части Евразии в древности и средневековье. Самарканд, 2021. С. 203–209.

Фрибус А.В., Дубова Н.А., Беглиев М.Ы. Первая находка полихромной росписи на Гонур-Депе (Туркменистан) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. I. СПб., 2019. С. 59–61. DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2-59-61.

Baker H. Neo-Babylonian Burials Revisited // The Archaeology of Death in the Ancient Near East. Oxbow Monograph. Oxford, 1995. P. 209–220.

Dubova N.A. The “Royal Necropolis” at Gonur Depe: An Attempt of Systematization (Plan, Constructions, Rituals) // The World of the Oxus Civilization / Lyonnet B., Dubova N. (eds.). London; NY, 2021. P. 333–366.

Fontugne M., Zajtseva G.I., Lyonnet B., Dubova N.A., Burova N.D. Radiocarbon Dates Related to the BMAC/Oxus Civilization // The World of the Oxus Civilization / Lyonnet B., Dubova N.A. (eds.) Appendix. London; NY, 2021. P. 863–911.

Fribus A., Dubova N., Sataev R., Sataeva L., Kufterin V., Begliev M. New Polychrome Painting from Gonur Depe, Turkmenistan // Antiquity. 2020. Vol. 94 (376): e22, 1–9. <https://doi.org/10.15184/aqy.2020.118>

Sarianidi V.I. Necropolis of Gonur Depe. Athens, 2007. 340 p.

Sarianidi V.I., Dubova N.A. Types of Graves at Gonur Depe Bronze Age Site in Turkmenistan // Proceedings of the 9th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East. Wiesbaden, 2016. P. 615–626.

Selover S., Durgun P. Reexamining Burials and Cemeteries in Early Bronze Age Anatolia // The Archaeology of Anatolia. Vol. III. Recent Discoveries (2017–2018) / Eds. Sh.R. Steadman, G. McMahon. Cambridge, 2019. P. 271–283.

Strommenger E. Grabformen in Babylon // Baghdader Mitteilungen. 1964. Vol. 3. P. 157–173.

Strommenger E. Grab. I. Irak und Iran // Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie. Berlin, 1971. Band III. P. 581–593.

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Викторович Фрибус, Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, старший научный сотрудник; 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18а, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0003-3208-0319>, fribus@list.ru

Alexey V. Fribus, Institute for the History of Material Culture of the RAS, Department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus, Senior researcher; 191186, Russia, Saint Petersburg, Palace Emb., 18a; Candidate of History, <https://orcid.org/0000-0003-3208-0319>, fribus@list.ru

Надежда Анатольевна Дубова, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Центр антропоэкологии, заведующий центром, главный научный сотрудник; 119334, Россия, г. Москва, Ленинский пр., 32а, доктор исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-4340-1037>, dubova_n@mail.ru

Nadezhda A. Dubova, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Center of Human Ecology, Head of the Center, Principal researcher; 119334, Russia, Moscow, Leninskiy Ave., 32a; Doctor of History, <https://orcid.org/0000-0002-4340-1037>, dubova_n@mail.ru

Камилла Ю., Университет Париж 1 — Пантеон-Сорбонна, Факультет истории искусств и археологии, аспирант; 75005, Франция, г. Париж, площадь дю Пантеон, 12; camille.hut@gmail.com

Camille Hut, University of Paris 1 — Panthéon-Sorbonne, Institute of Art and Archaeology, Ph.D. Student; 75005, France, Paris, Place du Panthéon, 12; camille.hut@gmail.com

Владимир Владимирович Куфтерин, Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, старший научный сотрудник; 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18а; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Центр антропоэкологии, ведущий научный сотрудник; 119334, Россия, г. Москва, Ленинский пр., 32а; доктор биологических наук, <https://orcid.org/0000-0002-7171-8998>, vladimirkufterin@mail.ru

Vladimir V. Kufterin, Institute for the History of Material Culture of the RAS, Department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus, Senior Researcher; 191186, Russia, Saint Petersburg, Palace Emb., 18a; N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Center of Human Ecology, Leading researcher; 119334, Russia, Moscow, Leninskiy Ave., 32a; Doctor of Biology, <https://orcid.org/0000-0002-7171-8998>, vladimirkufterin@mail.ru

Ольга Владимировна Сычева, Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, младший научный сотрудник; 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18а, <https://orcid.org/0000-0003-0867-4969>, olysycheva@gmail.com

Olga V. Sycheva, Institute for the History of Material Culture of the RAS, Department of Archaeology of Central Asia and the Caucasus, Junior Researcher; 191186, Russia, Saint Petersburg, Palace Emb., 18a; <https://orcid.org/0000-0003-0867-4969>, olysycheva@gmail.com

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОЧЕВНИКИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Научная статья / Article

УДК: 903.25(571.150)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.29

УКРАШЕНИЯ ИЗ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПАМЯТНИКА СРОСТКИ-I

Ксения Евгеньевна Бояринцева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Статья содержит сведения о выявлении украшений среди результатов раскопок курганной группы Сrostки-I разных лет. Рассмотрены материалы экспедиций 1925, 1930, 2012–2014 и 2016 гг., которые осуществлялись под руководством М.Д. Копытова, археологов М.Н. Комаровой, С.М. Сергеева, В.В. Горбунова. Приведены количественные сведения в соответствии с типами изделий, сформированы группы по месту ношения украшений. В качестве основных материалов изготовления отмечается использование цветных металлов, стекла, встречаются вставки камней. К наиболее распространенным изделиям отнесены украшения поясного набора. Анализ проведен на основе опубликованных материалов и является основой для последующей работы с музейными коллекциями.

Ключевые слова: Сrostки-I, раннее средневековье, украшения, сrostкинская культура, музей

Для цитирования: Бояринцева К.Е. Украшения раннесредневекового памятника Сrostки-I // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 145–147.

JEWELRY FROM THE EARLY MEDIEVAL SITE SROSTKI-I

Xeniya E. Boyarintseva

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article contains the information about the identification of the presence of jewelry based on the results of excavations of the mound group Srostki-I of different years. The materials of the expeditions of 1925, 1930, 2012–2014, 2016, which were carried out under the leadership of M.D. Kopytov, archaeologists M.N. Komarova, S.M. Sergeev, V.V. Gorbunov, are considered. Quantitative information is given in accordance with the types of products, groups are formed by the place of wearing jewelry. The use of non-ferrous metals and glass is noted as the main materials of manufacture, there are also inserts of stones. The most common products include jewelry belt set. The analysis was carried out on the basis of published materials and is the basis for further work with museum collections.

Keywords: Srostki-I, Early Middle Ages, Jewelry, Srostki culture, museum

For citation: Boyarintseva X.E. Jewelry from the Early Medieval Site Srostki-I // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 145–147.

Курганный могильник Сrostки-I представляет собой базовый комплекс периода раннего средневековья на территории юга Западной Сибири. Он расположен вблизи с. Сrostки в Бийском районе Алтайского края. Материалы раскопок данного археологического памятника стали основой для выделения М.П. Грязновым в 1950-х гг. сrostкинской археологической культуры, а сам могильник хронологически соотносится с грязновским этапом (2-я половина IX — 1-я половина X в.) (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 54–56).

Впервые памятник был исследован М.Д. Копытовым, сотрудником Бийского краеведческого музея. В ходе работ, проведенных в 1925 г., было вскрыто 39 объектов. Раскопки велись без составления документации, в связи с чем точное местонахождение обнаруженных предметов определить не представляется возможным. Коллекция хранится в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки (колл. №849) (Неверов, 1991, с. 125; Горбунов, Тишкин, Серегин, 2015, с. 75).

В том же 1925 г. работы на памятнике были продолжены отрядом Алтайской археологической экспедиции Этнографического отдела Русского Музея (начальник экспедиции С.И. Руденко). Раскопки проводились под руководством М.Н. Комаровой. В результате исследовано 11 курганов. Полученные археологические материалы и копия отчета хранятся в Государственном Эрмитаже (колл. №4381) (Савинов, 1998, с. 175).

В 1930 г. работы на памятнике проводились экспедицией Общества изучения Сибири. Под руководством С.М. Сергеева были изучены шесть курганов, материалы которых также поступили на хранение в Государственный Эрмитаж (колл. №1285) (Савинов, 1998, с. 175).

В 2012–2014 и 2016 гг. изучение курганной группы Сростки-I было продолжено археологами Алтайского государственного университета (АлтГУ). Экспедиция проводилась под руководством В.В. Горбунова при участии Казанского (Приволжского) федерального университета и Института истории им. Марджани Академии наук Республики Татарстан. В результате были полностью исследованы шесть курганов, содержащих 15 могил. Коллекция предметов и отчеты хранятся в Музее археологии и этнографии Алтая АлтГУ (колл. №650, 656, 669) (Горбунов, Ситдииков, Тишкин, 2013, с. 103; Горбунов, Тишкин, 2014, с. 55, 60; и др.). Краткие отчеты о раскопках курганного могильника Сростки-I в 2014 и 2016 г. размещены на новостной ленте Информационно-аналитического портала «Археология Алтая»^{*}.

Целью данной статьи является анализ опубликованных материалов археологического памятника Сростки-I и выявление среди находок только украшений.

Материалы с результатами раскопок могильника не раз освещались в научной литературе. Так, обзор коллекции предпринимался С.В. Неверовым (1991), краткая характеристика работ М.Д. Копытова была дана С.М. Сергеевым (1998). Конкретные находки частично опубликованы в работах М.П. Грязнова (1930), С.В. Киселева (1949), Г.Г. Король (2008), В.В. Горбунова и А.А. Тишкина (2019) и др. Полевые дневники и большая часть предметного комплекса, обнаруженного в ходе экспедиций под руководством М.Н. Комаровой и С.М. Сергеева, введены в научный оборот Д.Г. Савиновым (1998). Результаты исследований С.М. Сергеевым одного из курганов представлены в монографии А.А. Гавриловой (1965). Сведения о раскопках, осуществленных экспедициями АлтГУ, отражены в ряде предварительных публикаций (Горбунов, Ситдииков, Тишкин, 2013; Горбунов, Тишкин, Ситдииков, 2014; Горбунов, Тишкин, Серегин, 2015; и др.).

В связи с тем, что полной публикации материалов, полученных М.Д. Копытовым, в научной литературе пока не состоялось, мы опирались на работы отдельных авторов. В рамках обозначенной темы особое значение представляет группа портретных личин, которые использовались преимущественно в качестве подвесок. При анализе личин, обнаруженных на территории Алтае-Саянской горной страны, Г.Г. Король (2008, с. 95–108), исходя из общих характеристик, осуществила их типологию, включающую в себя восемь основных групп изделий. Были учтены личины из Бийского краеведческого музея, обнаруженные в ходе раскопок М.Д. Копытова. Всего к ним были отнесены 9 экз. (Король, 2008, с. 96–105). Также в работе фигурируют ременные подвески — 48 экз., концевые накладки — 8 экз., бляхи в виде всадников-воинов («с диском за спиной») — 2 экз. (Король, 2008, с. 137, 201). Последние были подробно изучены и опубликованы В.В. Горбуновым и А.А. Тишкиным (2019).

Как уже было отмечено, материалы из раскопок М.Н. Комаровой введены в научный оборот Д.Г. Савиновым (1998, с. 175–177). Описание курганов произведено по копии отчета с включением расширенной характеристики вещей из коллекции Государственного Эрмитажа. Украшения были обнаружены в четырех из 11 раскопанных курганов. Среди таких находок отмечены 12 бусин (курган №1 — 1 экз.; курган №2 — 11 экз.), ажурная подвеска с изображением птицы с расправленными крыльями (курган №6, могила «а»), перстень (курган №2), две застёжки (курган №4 — 1 экз.; курган №6, могила «а» — 1 экз.) и 115 блях (курган №2 — 63 шт.; курган №6, могила «а» — 52 шт.). В описании находок из кургана №2 отмечено также наличие квадратных блях с прорезями для ремешков, однако число их не указано. Среди находок из кургана №4 фигурирует обломок круглого железного украшения.

С.М. Сергеев на памятнике Сростки-I исследовал шесть курганов. Украшения были обнаружены в двух — №2 и 4. К ним относятся девять бусин (курган №2 — 6 экз.: пять из черного лигнита и одна из сердолика, курган №4 — 3 экз.), серебряное украшение от шапки (курган №2), 158 блях (курган №2) и 26 наконечников ремней (курган №2) (Савинов, 1998, с. 178–179).

В ходе работ экспедиций под руководством В.В. Горбунова украшения были обнаружены в трех курганах. Найдены включают в себя одну двудольную бронзовую подвеску с ремешком (курган №12, могила-2), пять кольчатых серег с разведенными окончаниями (курган №8, могила-1 — 2 экз.; курган №16, могила-2 — 2 экз., могила-3 — 1 экз.), две стеклянные бусины (курган №16, могила-4) (Горбунов, Тишкин, Ситдииков, 2014, с. 82; Горбунов, Тишкин, Серегин, 2015, с. 79–80; Горбунов, Тишкин, 2016).

^{*} URL: <http://archaeology.asu.ru/portal/>

Исходя из полученных сведений комплекс украшений можно разделить на группы по месту их ношения: головные, шейно-нагрудные, поясные и украшения для рук.

К головным украшениям относятся: серьги (5 экз.) и украшение шапки (1 экз.). Комплекс шейно-нагрудных украшений включает в себя бусины (23 экз.), подвески (11 экз.) и бляхи (2 экз.). Поясные украшения подразделяются на ременные подвески (48 экз.), концевые накладки / наконечники ремней (34 экз.) и поясные бляхи (273 экз.). Украшения для рук представлены одним перстнем со вставкой бирюзы.

Таким образом, общее количество выявленных украшений составило 398 экз. В качестве материала изготовления украшений использовался цветной металл. Бусины сделаны из стекла и камней. Отмечается использование камня в качестве вставки для металлического перстня. К наиболее распространенным украшениям относятся изделия для поясных наборов. Общее число их составило 355 экз. Затем следуют шейно-нагрудные украшения (36 экз.) и головные (6 экз.). Наиболее малочисленной оказалась группа украшений для рук (1 экз.). Следует отметить неучтенное (ввиду отсутствия точных сведений) число квадратных блях с прорезями для ремешков, а также обломок круглого железного украшения из раскопок М.Н. Комаровой. Не ясны пока сведения о полном составе коллекции, полученной при вскрытии курганов М.Д. Копытовым. С целью детального изучения находок из раннесредневекового памятника Сростки-I и создания базы данных автором планируется работа в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки и Государственном Эрмитаже.

Список источников

- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 144 с.
- Горбунов В.В., Ситдинов А.Г., Тишкин А.А. Новые результаты изучения курганного могильника Сростки-I в Бийском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVIII–XIX. Барнаул, 2013. С. 102–107.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник Сростки-I: история изучения и современные исследования // Известия Алт. гос. ун-та. История. Политология. 2014. №4/2 (84). С. 54–67. DOI: 10.14258/izvasu(2014)4.2-07
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Краткий отчет о раскопках курганного могильника Сростки-I в 2016 году. Барнаул, 2016. URL: <http://archaeology.asu.ru/portal/> (дата обращения: 11.06.2023)
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Металлические бляхи в виде воинов-всадников из памятника Сростки-I: история изучения, новые сведения и рентгенофлуоресцентный анализ // Теория и практика археологических исследований. 2019. №2 (26). С. 179–187.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Основные итоги и дальнейшие перспективы изучения раннесредневекового памятника Сростки-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул, 2015. С. 75–83.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Ситдинов А.Г. Продолжение исследований курганного могильника Сростки-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул, 2014. С. 80–86.
- Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 1930. 12 с.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949. 364 с. (МИА. №9).
- Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово, 2008. 332 с.: ил. (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. V).
- Краткий отчет о результатах раскопок на памятнике Сростки-I в 2014 году. URL: <http://archaeology.asu.ru/portal/> (дата обращения: 11.06.2023).
- Неверов С.В. Материалы раскопок М.Д. Копытова у с. Сростки // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Вып. II. Барнаул, 1991. С. 125–128.
- Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки Н.М. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. 1998. №3. С. 175–190.
- Сергеев С.М. Курганные погребения близ с. Сростки Бийского округа. Краткая характеристика // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX. Барнаул, 1998. С. 187–190.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас: учебное пособие. Барнаул, 2011. 136 с.: ил.

Информация об авторе/ Information about the Author

Ксения Евгеньевна Бояринцева, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; boyarinceva98@gmail.com

Xeniya E. Boyarintseva, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Postgraduate Student; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; boyarinceva98@gmail.com

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article
УДК: 903.24(571.1)
DOI: 10.14258/msapea.2023.3.30

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРЕДМЕТНОГО КОМПЛЕКСА ОДЕЖДЫ ИЗ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Николай Николаевич Головченко

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена характеристике половозрастной дифференциации предметного комплекса одежды из детских и юношеских погребальных комплексов населения Верхнеобского бассейна второй половины I тыс. до н.э. Анализируются материалы погребений, для которых опубликованы половозрастные определения. Представлено половозрастное распределение украшений. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что отсутствие четкого канона в оформлении погребального костюма способствовало его индивидуализации. Предполагается, что единство ансамбля костюма определялось вкусами и предпочтениями конкретного человека, а применительно к погребальному обряду — и предпочтениями сообщества, осуществляющего акт захоронения.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, эпоха раннего железа, погребения, предметный комплекс одежды

Для цитирования: Головченко Н.Н. Дифференциация предметного комплекса одежды из детско-юношеских погребальных комплексов Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 148–153.

DIFFERENTIATING THE COMPLEX OF CLOTHING FROM CHILDREN'S AND YOUTH BURIAL COMPLEXES OF THE UPPER OB REGION IN THE EARLY IRON AGE

Nikolay N. Golovchenko

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the characteristics of gender and age differentiation complex of clothing from children's and youth burial complexes of the population of the Upper Ob basin of the second half of the 1st millennium BC. The materials of burials for which sex and age definitions are published are analyzed. The gender and age distribution of jewelry is presented. In the course of the study, the author comes to the conclusion that the lack of a clear canon in the design of the funeral costume contributed to its individualization. It is assumed that the unity of the ensemble of the costume was determined by the tastes and preferences of a particular person, and in relation to the funeral rite and the preferences of the community performing the act of burial.

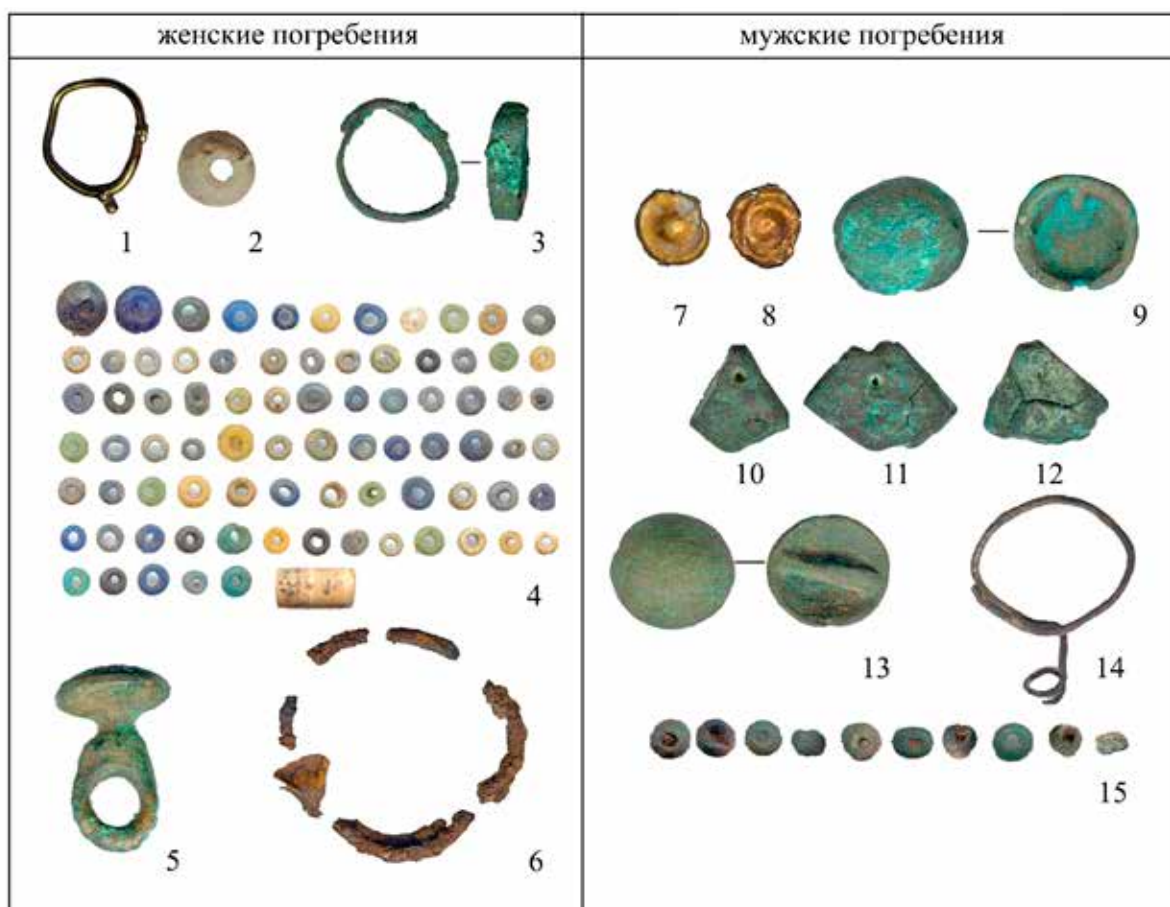
Keywords: Upper Ob region, Early Iron age, burials, clothing item complex

For citation: Golovchenko N.N. Differentiating the Complex of Clothing from Children's and Youth Burial Complexes of the Upper Ob Region in the Early Iron Age // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 148–153.

Предметный комплекс одежды — сложный археологический источник. Его изучение позволяет охарактеризовать определенные черты экономической организации общества, связанные с деятельностью по производству одежды, обуви и украшений к ним; погребальной обрядности, отражающие процесс использования костюма в ритуальных практиках; межкультурных связей, заимствований и адаптационных стратегий поведения. Важная роль предметного комплекса одежды в отражении социальных структур древних обществ признается большинством исследователей. Вместе с тем фрагментарный, избирательный и зачастую даже ситуативный характер представительности данного источникового пласта в материалах погребальных памятников вызывает обоснованные сомнения в его возможности представлять достоверный демографический или социальный срез эпохи. Не способствует этому и подход к изучению украшений из захоронений как некой единой и неделимой категории материальной культуры. Кроме того, к сожалению, не все погребальные комплексы изучены антропологами на современном методическом уровне. Однако при корректном анализе предметный комплекс одежды дает некоторые дополнительные возможности для социокультурных интерпретаций.

Предлагаемая статья представляет собой попытку рассмотреть половозрастную дифференциацию предметного комплекса одежды, происходящего из детских и юношеских погребальных комплексов населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа.

Безусловно, анализ половозрастной дифференциации предметного комплекса одежды должен быть основан прежде всего на точных антропологических определениях. Однако не все введенные в научный оборот с указаниями пола и возраста погребения ими обладают. Кроме того, известно, что пол детей возрастом до 15 лет на основании морфологического изучения костей скелета не определяется, а молодых людей в возрасте 15–20 лет — устанавливается с вероятностью не более 70% (Martin, Osterholtz, 2015, p. 77). К сожалению, специальные генетические исследования по данному вопросу, перспективность которых обоснована в научной литературе (Krzewińska et al., 2018), для массы материалов скифского времени Верхнего Приобья пока не проводились. Источниковую основу представляемого исследования составили материалы памятников эпохи раннего железа Верхнеобского бассейна, для которых точные антропологические определения были сделаны М.П. Рыкун (2005, с. 160–172) или даны в публикациях, вводящих собрания в научный оборот: Новотроицкое-1, 2 (рис.), Быстровка-1, Рогозиха-1, Масляха-1, 2, Камень-2 и др.

Предметный комплекс одежды из детско-юношеских погребений. 1–6 — женские погребения, 7–15 — мужские погребения: 1 — Новотроицкое-1 курган №17 могила-4; 2 — Новотроицкое-1 курган №13 могила-2; 3, 4 — Новотроицкое-1 курган №17 могила-6; 5 — Новотроицкое-2 курган №6 могила-7; 6 — Новотроицкое-2 курган №8 могила-1; 7, 8 — Новотроицкое-2 курган №24 могила-2; 9 — Новотроицкое-2 курган №6 могила-4; 10–12 — Новотроицкое-1 курган №17 могила-5; 13 — Новотроицкое-2 курган №6 могила-5; 14 — Новотроицкое-2 курган №8 могила-6; 15 — Новотроицкое-2 курган №14 могила-2. Фото Н.Н. Головченко (без масштаба)

The complex of clothes from children's and youth burials: 1–6 — female burials, 7–15 — male burials. 1 — Novotroitskoye-1 mound №17 grave 4; 2 — Novotroitskoye-1 mound №13 grave-2; 3, 4 — Novotroitskoye-1 mound №17 grave-6; 5 — Novotroitskoye-2 mound №6 grave-7; 6 — Novotroitskoye-2 mound №8 grave-1; 7, 8 — Novotroitskoye-2 mound №24 grave-2; 9 — Novotroitskoye-2 mound №6 grave-4; 10–12 — Novotroitskoye-1 mound №17 grave-5; 13 — Novotroitskoye-2 mound №6 grave-5; 14 — Novotroitskoye-2 mound №8 grave-6; 15 — Novotroitskoye-2 mound №14 grave-2. Photo by N.N. Golovchenko (without scale)

Анализ 39 погребальных комплексов лиц возрастной категории от 0 до 20 лет позволил сделать ряд выводов относительно особенностей содержания помещаемого с ними в захоронения предметного комплекса одежды (таб.).

*Половозрастное распределение предметного комплекса одежды
в детских и юношеских погребениях Верхнеобского бассейна второй половины I тыс. до н.э.
Gender and age distribution complex of clothing in children's and youth burials complexes
of the Upper Ob basin of the second half I millennium BC*

№	Памятник	Курган	Могила	Пол погребенного	Возраст, лет	Предметный комплекс одежды
1	Быстровка-1 (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 125)	9	1	Не установлен	0,5	Бронзовая бляха
2	Масляха-1 (Могильников, Уманский, 1982)	3	11	Женский	2	Серьга, бусины,
3	Новотроицкое-1 (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 47; Рыкун, 2005, с. 165)	17	6	Не установлен	2–3	Бусины
4	Быстровка-1 (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 125)	11	1	Не установлен	2,5–3	Бусина
5	Рогозиха-1 (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 98)	3	3	Не установлен	2–5	Деформированное объемное изображение животного
6	Новотроицкое-1 (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 29)		4	Не установлен	3	Бусины
7	Новотроицкое-1 (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 46)	17	5	Не установлен	3–4	Бляхи и подвески головного убора, кольцо
8	Масляха-1 (Могильников, Уманский, 1982)	2	10	Не установлен	3–6	Бляха, бусины
9	Новотроицкое-1 (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 25)	11	2	Не установлен	4–5	Бусина
10	Локоть-4а (Шульга, 2003, с. 27)	9	3	Не установлен	4–5	Поясные бляхи из золотой фольги, серьга, пронизи, золотая фольга
11	Масляха-1 (Могильников, Уманский, 1982)	3	5	Женский	4–5	Бусины
12	Локоть-4а (Шульга, 2003, с. 16)	14	1	Не установлен	6–7	Золотая фольга, пронизи
13	Новотроицкое-1 (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 33)		14	Не установлен	6–8	Бусины
14	Камень-2 (Могильников, Куйбышев, 1982)	16	1	Не установлен	6–8	Серьги, бусины
15	Локоть-4а (Шульга, 2003, с. 24)	8	4	Не установлен	7	Нашивные золотые бляхи, пронизи
16	Масляха-1 (Могильников, Уманский, 1982)	3	14	Не установлен	7–9	Серьга, пронизь, бусина
17	Новый Шарап-2 (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 118)	1	2	Не установлен	7–11	Серьга
18	Новотроицкое-1 (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 21)	9	7	женский	8–9	Серьга, Бусины
19	Масляха-1 (Могильников, Уманский, 1982)	1	9	Не установлен	9–11	Пронизь
20	Милованово-2 (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 120)	1	6	Не установлен	10–12	Гривна
21	Новотроицкое-1 (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 33)		15	Не установлен	10–12	Бусины
22	Рогозиха-1 (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 109)	16	9	Женский	10–12	Серьга
23	Масляха-1 (Могильников, Уманский, 1982)	2	2	Не установлен	10	Бусина
24	Масляха-1 (Могильников, Уманский, 1982)	2	5	Не установлен	10	Поясные пряжки
25	Рогозиха-1 (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 100)	4	2	Не установлен	10–12	Пронизь
26	Фирсово-14 (Кирюшин и др., 2015, с. 12)		20	Женский	11	Бляха, бусины, раковины прудовика
27	Рогозиха-1 (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 111)	17	2	Не установлен	12	Бусина
28	Новый Шарап-2 (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 119)	2	5	Мужской	12–14	Серьга, раковины каури, поясная бляха
29	Первомайская (Ширин, 2007)	37	1	Женский	13–15	Заколка, бусина
30	Рогозиха-1 (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 98)	3	2	Женский	14–16	Гривна, серьга, бусина
31	Масляха-1 (Могильников, Уманский, 1982)	3	9	Женский	15–20	Костылек
32	Быстровка-1 (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 126)	15	1	Женский	16–18	Костяные пластины, костыльки

№	Памятник	Курган	Могила	Пол погребенного	Возраст, лет	Предметный комплекс одежды
33	Рогозиха-1 (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 103; Рыкун, 2005, с. 168)	7	3	Мужской	16–18	Костылек
34	Быстровка-3 (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 130; Рыкун, 2005, с. 171)	2	16	Мужской	16–20	Серьга
35	Рогозиха-1 (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 107)	8	10	Женский	18	Гривна
36	Новотроицкое-1 (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 38)	15	1	Женский	18–20	Серьги, заколки, бусины, пронизи
37	Рогозиха-1 (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 117; Рыкун, 2005, с. 169)	19	7	Мужской	18–20	Пронизи, золотые пластинки, бляхи, бусины
38	Фирсово-14 (Кирюшин и др., 2015, с. 15)		31	Женский	19–20	Заколки, серьга, браслеты, обоймы
39	Рогозиха-1 (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 98; Рыкун, 2005, с. 168)	3	4	Женский	20	Раковина каури

Статистически большая часть предметного комплекса одежды данной возрастной группы выявлена в женских захоронениях.

Внимание исследователя сразу привлекает практически полное отсутствие предметного комплекса одежды в погребениях детей до полугода. С одной стороны, это может быть объяснено ненужностью грудничкам одежды с украшениями, по фасону соответствующей взрослой, они могли укутываться в достаточно большие фрагменты материи и т.п. С другой стороны, вероятно, в изучаемом сообществе ребенок до полугода за полноправного члена общины не считался, в силу высокой послеродовой детской смертности в условиях отсутствия должного медицинского сопровождения (Бородовский, 2002, с. 186).

Наиболее встречаемой в захоронениях категорией предметного комплекса одежды являются разного рода бусины и бисер, они выявлены в 20 из 39 рассматриваемых погребений (51,28%). Они встречаются при мужских и женских костяках, скоплениями или единично. Бусинами и бисером декорировалась верхняя часть наплечной одежды (при этом они могли использоваться в составе ожерелья), головные уборы и опояска. Иногда бусины входили в состав подвесок сережек или наверхий заколок.

В один ряд с бусинами, прежде всего в женских комплексах, оказывались включенными пронизи (как пастовые, так и металлические). Зачастую подобные находки выявляются скоплениями в районе пояса или головных уборов погребенных. Впрочем, как и бусины, в захоронениях они могли присутствовать единично. Обнаружение в части захоронений единичных бусин, пронизей и других элементов предметного комплекса одежды, вероятно, указывает на пока не определенный ритуальный характер их использования.

Примечательно, что с достаточно раннего возраста (0,5 года, Быстровка-1), в захоронения детей оказываются помещенными различного рода единичные металлические изделия, предположительно используемые в качестве украшений головных уборов. Среди подобных находок встречаются единичные поясные бляхи, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле, при этом в отдельных случаях используются «бракованные»/сломанные экземпляры (Фирсово-14, могила-20). Кроме фирсовской находки есть еще ряд фактов обнаружения в районе черепа погребенных единичных поясных блях и пряжек (Масляха-1, курган №2 могила-5; Масляха-1, курган №2 могила-10; Быстровка-1, курган №9 могила-1), что может быть связано с ранее отмеченным нами обрядом символической деструкции поясного набора или нестандартным использованием транскультурных украшений (Головченко, 2022, с. 340–342).

Частой находкой в погребениях людей рассматриваемой возрастной группы являются серьги (обнаружены в 12 из 39 погребений, 30,77%). Встречаются они в мужских и женских захоронениях, в основном по одной у правого или левого виска.

С пятилетнего возраста в погребениях девочек, и реже — мальчиков, появляются пряслица (орудия труда). С 12–14-летнего возраста инвентарь погребенных приобретает «взрослые» черты, у девочек встречаются заколки, гривны, браслеты, костыльки, пряслица, обоймы, элементы вооружения; у мальчиков — костыльки, бляхи и другая фурнитура наборных поясов, изделия, выполненные в зверином стиле, вооружение, уздечки. Встречаются отдельные женские погребения с оружием и элементами воинского пояса (Рогозиха-1, курган №3 могила-3).

В трех случаях заколки встречены в женских погребениях индивидов от 14 до 20 лет. Традиционно связываемое с замужеством изменение девичьей прически — кос на сложное убранство с заколками,

происходящее в этот возрастной период, вероятно, может объясняться и другими явлениями биологической (менархе) и социальной жизни.

Наличие в погребениях мальчиков-подростков поясных наборов, по составу сопоставимых со взрослыми мужскими, может указывать на прохождение ими в данном временном интервале неких обрядов инициации, приобщения к воинскому сообществу. Однако тяжелых воинских поясов с металлическими крюками и защитными пластинами в юношеских погребениях, как правило, не отмечается. При этом элементы взрослых «воинских» поясов — массивные пряжки, костяные пластины, обоймы встречаются в погребениях более взрослых индивидов, старше 14 лет, в сочетании с предметами вооружения.

Подвески-костыльки в анализируемой возрастной группе выявлены в женских погребениях и, вопреки предположениям отдельных авторов (Сингаевский, 2007), теряют однозначную интерпретацию в качестве маркера наборных поясов мужчин-воинов. Традиционно принято считать мужским украшением и шейные гривны, однако в нашей выборке они также отмечаются в женских погребальных комплексах. Редкость обнаружения колец и браслетов не позволяет высказать суждения о специфике их ношения лицами обоих полов.

Редкими и универсальными категориями украшений костюма лиц рассматриваемой возрастной группы служили изображения из золотой фольги и раковины каури. Несмотря на предполагаемую исследователями дороговизну/«элитность» данных предметов, по имеющимся в нашем распоряжении материалам необходимо отметить определенную демократичность в их распространении. Вероятно, их наличие или отсутствие в погребениях определялось ситуационными факторами и достатком рода.

Подводя итог, необходимо отметить, что на имеющемся в нашем распоряжении материале невозможно сконструировать типовые комплекты-шаблоны предметного комплекса одежды для детских и юношеских групп населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа. Отсутствие четкого канона в оформлении погребального костюма способствовало его индивидуализации. Фактически набор одежды и аксессуаров у каждого индивида был свой. В нем неизбежно имелись некоторые общие черты с окружающей материальной культурой, привнесенные транскультурные элементы. Внутреннее единство ансамбля костюма определялось вкусами и предпочтениями конкретного человека, а применительно к погребальному обряду — предпочтениями сообщества, осуществляющего акт захоронения.

Список источников

- Бородовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской области. Новосибирск, 2002. 207 с.
- Головченко Н.Н. Предметный комплекс одежды в погребальной обрядности населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2022. №3. С. 337–358.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Тур С.С., Пилипенко А.С., Федорук А.С., Федорук О.А., Фролов Я.В. Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья: материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV. Барнаул, 2015. 208 с.
- Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы «Камень-II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // *Советская археология*. 1982. №2. С. 113–135.
- Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы Масляха-I по раскопкам 1979 года // *Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла*. Барнаул, 1982. С. 69–93.
- Рыкун М.П. Палеоантропология Верхнего Приобья в эпоху раннего железа (по данным краниологии): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2005. 294 с.
- Сингаевский А.Т. Поясные подвески VIII в. до н.э. с территории Обь-Иртышского междуречья как культурно-хронологический индикатор // *Известия АлтГУ*. 2007. №56. С. 161–173.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.
- Ширин Ю.В. Начало исследования курганной группы Первомайская // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. 2007. №16. С. 133–136.
- Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. 204 с.
- Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.
- Krzewińska M., Kiliń G.M., Juras A., Koptekin D., Chyleński M., Nikitin A.G., Shcherbakov N., Shuteleva I., Leonova T., Kraeva L.A., Sungatov F.A., Sultanova A.N., Potekhina I., Łukasik S., Krenz-Niedbała M., Dalén L., Sinika V., Jakobsson M., Storå Ja., Götherström A. Ancient Genomes Suggest the Pontic-Caspian Steppe as the Source of Western Iron Age Nomads // *Science Advances*. 2018. №4. P. 1–12.
- Martin D.L., Osterholtz A.J. Bodies and Lives in Ancient America: Health before Columbus. London, 2015. 176 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Николай Николаевич Головченко, Алтайский государственный педагогический университет, лаборатория «Историческое краеведение», старший научный сотрудник; 656031, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Nikolay N. Golovchenko, Altai State Pedagogical University, Laboratory "Historical Local Lore", Senior Researcher; 656031, Barnaul, Russia, Molodezhnaya str. 55, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-1498-0367>, nikolai.golowchenko@yandex.ru

Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.

Научная статья / Article

УДК: 903.22

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.31

ЭВОЛЮЦИЯ ПАНЦИРНЫХ ПЛАСТИН БУЛАН-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вадим Владимирович Горбунов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Систематизируются материалы о защитных пластинах, найденных в памятниках булан-кобинской культуры II в. до н.э. — 1-й половины V в. н.э. с территории Горного Алтая. Дается обзор опубликованных источников, включая их количественное и качественное состояние. Разработана классификация пластин ламеллярного доспеха. Проведен их типологический анализ, при котором рассмотрены вопросы датировки, происхождения и развития типов пластин. Выделяются признаки оформления панцирных пластин, характерные для местной военной традиции. Отмечается изменение значения доспехов в погребальной практике населения булан-кобинской культуры от символически-обережного в ранних комплексах к профессионально-статусному в поздних памятниках.

Ключевые слова: Горный Алтай, поздняя древность, ламеллярный доспех, панцирные пластины, классификация и типология

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирования: Горбунов В.В. Эволюция панцирных пластин булан-кобинской культуры // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 153–157.

EVOLUTION OF THE ARMOR PLATES OF THE BULAN-KOBIN CULTURE

Vadim V. Gorbunov

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The materials about the protective plates found in the sites of the Bulan-Kobin culture of the 2nd century BC — the 1st half of the 5th century AD from the territory of the Altai Mountains are systematized. An overview of the published sources, including their quantitative and qualitative state, is given. A classification of lamellar armor plates has been developed. Their typological analysis is carried out which considers the issues of dating, origin and development of plate types. The signs of the design of armor plates characteristic of the local military tradition are highlighted. There is a change in the value of armor in the funeral practice of the population of the Bulan-Kobin culture from the symbolically protective in early complexes to the professional status in later monuments.

Keywords: Altai Mountains, late antiquity, lamellar armor, armor plates, classification and typology

Acknowledgments: the work was financially supported by the Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00470 «The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy»).

For citation: Gorbunov V.V. Evolution of the Armor Plates of the Bulan-Kobin Culture // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 153–157.

Защитные средства являются редкими находками в археологических памятниках Алтая. К настоящему времени их весьма представительная серия обнаружена среди объектов булан-кобинской культуры. Эти материалы уже становились предметом специального анализа, но рассматривались в более широком хронологическом или территориальном контексте (Горбунов, 2003, с. 90; Худяков, 2003, с. 66–67). Определенные трудности в изучении доспеха населения булан-кобинской культуры создавало отсутствие и неопубликованность находок защитных средств из памятников белобомского этапа

II — 1-й половины IV в. н.э., которые мешали проследить их линию развития на всем протяжении существования культуры (Горбунов, 2007, с. 159, рис. 1–3). Сейчас, благодаря новым находкам в погребальных комплексах и введению в научный оборот материалов старых раскопок, данный разрыв преодолен. Это позволяет рассмотреть эволюцию доспеха булан-кобинской культуры, прежде всего его основных элементов — панцирных пластин, как самостоятельное явление.

Защитные пластины обнаружены в 16 погребениях, на восьми могильниках булан-кобинской культуры.

1. Берель. В погребении человека вместе с тремя лошадьми из кургана №3 этого некрополя найдена полоса из четырех пластин (Гаврилова, 1965, с. 55, рис. 4.-13; Сорокин, 1969, с. 234, рис. 23.-14). Из другого вооружения присутствовали меч и два боевых ножа в одних ножнах. По всему набору инвентаря могила датируется 2-й половиной IV — 1-й половиной V в. н.э.

2. Верх-Уймон. В погребении кургана №35 зафиксирована одна пластина, вместе с наконечниками стрел (Соенов, 2005, с. 53–54, рис. 1.-3). По составу инвентаря и аналогиям из других курганов некрополя могила датируется 2-й половиной IV — 1-й половиной V в. н.э.

3. Кокса. Впускное погребение человека с конем в курган №1 содержало шесть обломков, из которых реконструируются три пластины (Горбунов, Тишкин, 2023, с. 200–201, рис. 2.-1–3, 3.-13–15). Кроме этого с умершим были положены лук, стрелы, меч и боевой нож. По инвентарю могила датируется II — 1-й половиной IV в. н.э.

4. Кок-Паш. Остатки доспехов обнаружены в шести погребениях по обряду одиночной ингумации этого могильника: курган №27 — две пластины; курган №28 — 20 пластин; курган №29 — 50 пластин; курган №33 — семь пластин; курган №39 — 20 пластин; курган №40 — четыре пластины (Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 7, 8, 10, 11, 13, 15–17; Горбунов, 2003, с. 15). Во всех указанных могилах было и оружие в разном сочетании: стрелы, меч, боевые ножи. По облику инвентаря памятник датируется 2-й половиной IV — 1-й половиной V в. н.э.

5. Степушка. В детском захоронении кургана №20 обнаружена одна пластина (Соенов, Константинов, Трифанова, 2018, с. 14–15, рис. 60.-12). Другого вооружения нет. По составу инвентаря и аналогиям из других объектов памятника могила датируется 2-й половиной III — 1-й половиной IV в. н.э.

6. Чендек. Погребение человека с конем из кургана №2 сопровождалось фрагментом панциря из трех полос по девять пластин в каждой (Соенов, Эбель, 1992, с. 10–11, 42–43, рис. 2–4). Из оружия здесь были лук и стрела. Данный объект относится к поздней группе некрополя и датируется 2-й половиной IV — 1-й половиной V в. н.э.

7. Чобурак-I. В погребении женщины с конем из кургана №33 найдена одна пластина (Серегин и др., 2019, с. 53, рис. 7.-1). Другого вооружения не было. По составу инвентаря и аналогиям из соседних объектов могила датируется 2-й половиной IV в. н.э.

8. Яломан-II. Доспехи найдены в четырех объектах данного некрополя. В женских погребениях с конем курганов №57 и 61 находилось по две пластины, без иного вооружения (Горбунов, Тишкин, 2006, с. 83–84, рис. 1.-7–10). Эти два объекта относятся к ранней группе некрополя и датируются II в. до н.э. — I в. н.э. Полоса из 14 пластин найдена в погребении-кенотафе с конем кургана №31 (Тишкин, Горбунов, 2007, с. 166, рис. 1.-2). Вместе с ней там присутствовали лук, колчан со стрелами и два боевых ножа. Целый панцирь (около 400 пластин) обнаружен в погребении мужчины с двумя конями из кургана №29 (Тишкин, Горбунов, 2012, с. 55–56, рис. 2–4). Здесь также имелся лук, колчан со стрелами, меч и два боевых ножа. Последние два объекта входят в позднюю группу некрополя и датируются 2-й половиной IV — 1-й половиной V в. н.э.

Помимо этого, панцирная пластина опубликована с поселения Купчегень-1 (Константинов, 2021, с. 24, рис. 4.-6). Судя по наличию на одном ее боку дополнительных окантовочных отверстий, характерных для пластин позднеяньбийского доспеха (Горбунов, 2005, с. 207, рис. 1.-23, 25, 36, 38, 53, 55, 61, 63), она относится к завершающему этапу булан-кобинской культуры, в погребениях которого также встречаются экземпляры с аналогичными отверстиями.

Итого в памятниках булан-кобинской культуры обнаружено порядка 559 пластин от 17 панцирей. Для классификационного описания и типологического анализа можно использовать 506 пластин. Наиболее значимыми представляются их следующие признаки: материал изготовления (группа), структура набора в составе панциря (разряд), направление длинных сторон (раздел), система расположения отверстий (отдел), форма пластины (тип), количество отверстий (вариант).

Группа I. Железные. Пластины изготовлены из железа.

Разряд I. Ламеллярные. Пластины соединяются между собой при помощи ремешков.

Раздел I. Вертикальные. Пластины длинной стороной направлены по вертикали.

Отдел I. С боковыми и срединными (верхними) отверстиями.

Тип 1. Овальнопрямоугольные. Верхний край пластины закруглен, а нижний прямой. Вариант а — с 6 отверстиями: 4 боковых (2 с одной и 2 с другой стороны) и 2 срединных; 4 экз. от двух панцирей, размеры 3,1–3,3×2,7–2,8 см, Яломан-II, курганы №57, 61 (рис.-1–4).

Отдел II. С боковыми и срединными (верхними и нижними) отверстиями.

Тип 2. Овальнопрямоугольные. Вариант а — с 8 отверстиями: 4 боковых (2 и 2) и 4 срединных (2 верхних и 2 нижних); 1 экз. от одного панциря, 4×3,1 см, Степушка, курган №20 (рис.-5). Вариант б — с 7 отверстиями: 4 боковых (2 и 2) и 3 срединных (2 и 1); 1 экз. от одного панциря, 4,3×2,7 см, Чобурак-I, курган №33 (рис.-9). Вариант в — с 10 отверстиями: 7 боковых (5 и 2) и 3 срединных (2 и 1); 1 экз. от одного панциря, 5,5×3,1 см, Купчегень-1 (рис.-10).

Отдел III. С боковыми, срединными (верхними и нижними) и окантовочными (верхними и нижними) отверстиями.

Тип 3. Прямоугольные. Пластина имеет форму прямоугольника. Вариант а — с 18 отверстиями: 8 боковых (4 и 4), 4 срединных (2 и 2), 6 окантовочных (3 вверху и 3 внизу); 4 экз. от одного панциря, 9×3,2 см, Берель, курган №3 (рис.-13).

Отдел IV. С боковыми и срединными (верхними и центральными) отверстиями.

Тип 4. Прямоугольные. Вариант а — с 11 отверстиями: 8 боковых (4 и 4) и 3 срединных (2 вверху и 1 в центре); 11 экз. от одного панциря, 8,6–9×3,6–4,6 см, Яломан-II, курган №31 (рис.-14).

Тип 5. Прямоугольные волнистовырезные. Один бок пластины имеет выемки, напоминающие волну. Вариант а — с 11 отверстиями: расположение аналогично типу 4а; 3 экз. от одного панциря, 8,7–9×3,8–4 см, Яломан-II, курган №31 (рис.-15).

Отдел V. С боковыми, срединными (верхними и центральными) и окантовочными (нижними) отверстиями.

Тип 6. Овально-прямоугольные вогнутые. Боковые стороны пластины сужены к центральной части. Вариант а — с 15 отверстиями: 9 боковых (4 и 5), 4 срединных (2 и 2) и 2 окантовочных; 1 экз. от одного панциря, 7,2×2 см, Верх-Уймон, курган №35 (рис.-12).

Отдел VI. С боковыми, срединными (верхними и центральными) и окантовочными (верхними и нижними) отверстиями.

Тип 7. Прямоугольные. Вариант а — с 17 отверстиями: 8 боковых (4 и 4), 3 срединных (2 и 1) и 6 окантовочных (4 вверху и 2 внизу); 50 экз. от одного панциря, 5–5,5×4–4,3 см, Кок-Паш, курган №29 (рис.-11). Вариант б — с 11–12 отверстиями: боковых 4 (2 и 2), срединных 3 (2 и 1), 4 (2 вверху, 1 в центре, 1 внизу), окантовочных 4 (2 и 2); 400 экз. от одного панциря, 7,5–10,2×2,5–3,4 см, Яломан-II, курган №29 (рис.-16–17). Вариант в — с 11–16 отверстиями: боковых 8 (4 и 4), 4 (2 и 2), 7 (2 и 5), срединных 3 (2 и 1), 4 (2 и 2), 5 (2 и 1 и 2), окантовочных 4 (2 и 2); 27 экз. от одного панциря, 8,1–9,8×5–6,8 см, Чендек, курган №2 (рис.-18–22).

Группа II. Роговые. Пластины изготовлены из рога.

Разряд I. Ламеллярные.

Раздел I. Вертикальные.

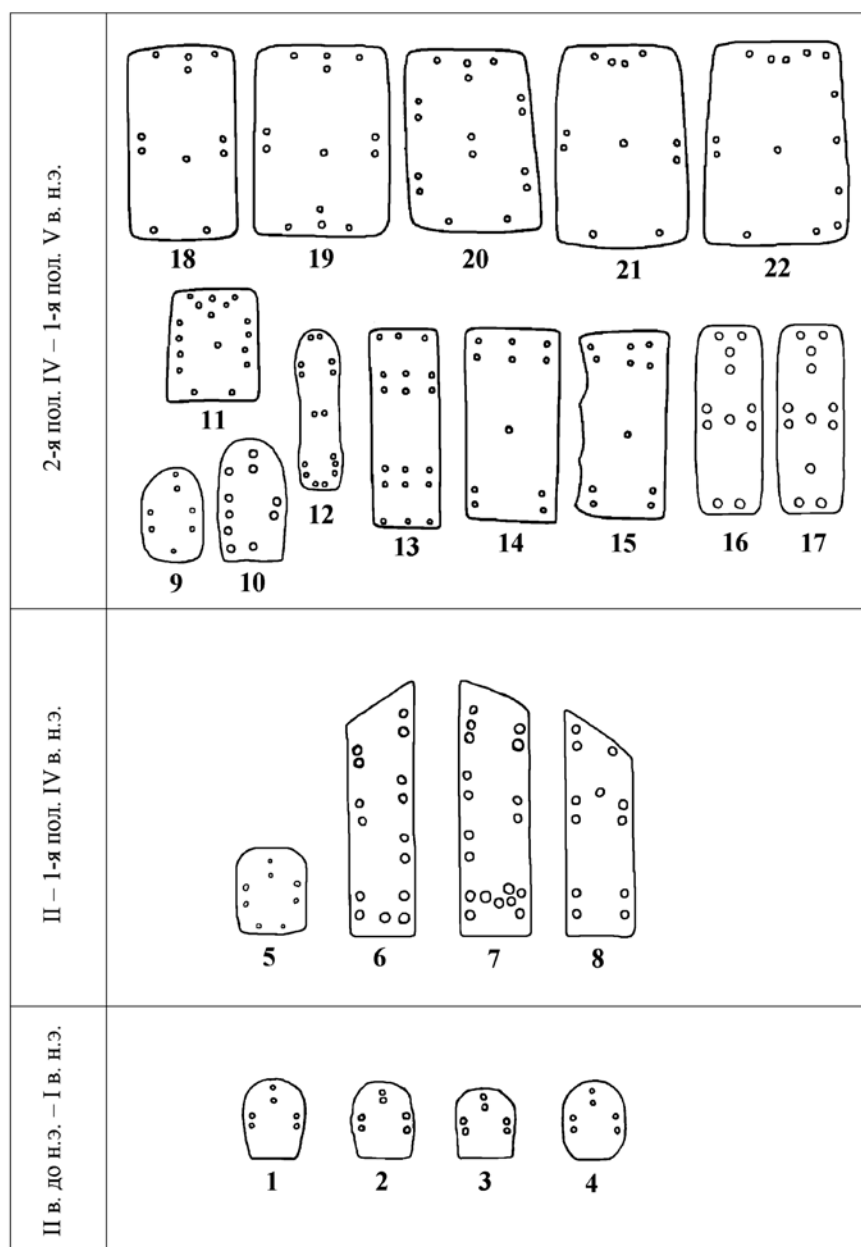
Отдел VII. С боковыми и срединными (верхними или нижними) отверстиями.

Тип 8. Прямоугольные со скошенным краем. Вариант а — с 12–19 отверстиями: боковых 11 (6 и 5), 14 (6 и 8), 15 (6 и 9), срединных 1 (вверху или внизу), 4 (внизу); 3 экз. от одного панциря, 9,7–11×2,9–3,1 см, Кокса, курган №1 (рис.-6–8).

В результате систематизации материала выделено две группы, один разряд, один раздел, семь отделов и восемь типов панцирных пластин, дополненных 12 вариантами.

Рассмотрим развитие пластин в рамках периодизации, разработанной для памятников булан-кобинской культуры (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 160–161). На раннем (усть-эдиганском) этапе известны только пластины типа 1а, которые копируют хуннские образцы конца III в. до н.э. — I в. н.э. Данный тип не встречается позднее III в. н.э. (Горбунов, 2013, с. 81). Скорее всего, в это время железный пластинчатый доспех не имел широкого распространения и поступал на Алтай в виде импорта из ремесленных центров державы Хунну. То, что такие пластины обнаружены в двух богатых погребениях женщин, говорит об их использовании в погребальной практике как своеобразных подношений-оберегов (Горбунов, Тишкин, 2006, с. 83–84).

Пластины среднего (белобомского) этапа также представлены находками из двух погребений. Железный экземпляр типа 2а по форме восходит к хуннской традиции, а по системе отверстий — к циньско-

Типолого-хронологическая схема панцирных пластин булан-кобинской культуры
Typological and chronological scheme of the armor plates of the Bulan-Kobin culture

ханьской. Наиболее активное бытование таких пластин приходится на II в. до н.э. — V в. н.э. (Горбунов, 2013, с. 82). На Алтай в это время они могли попасть от кочевников сяньби, у которых аналогичные изделия встречаются достаточно часто, особенно в составе бармиц от шлемов (Горбунов, 2005, рис. 2.-7, 12, 17, 18). Роговые пластины типа 8а, видимо, использовались для бронирования воротника панциря. Похожие изделия из кости есть в саргатских памятниках III/II в. до н.э. — III в. н.э., а из железа — в сяньбийских 1-й трети IV в. н.э. Роговые пластины выглядят архаично для данного времени и явно завершают бытование брони из такого материала на Алтае, связанное с традициями населения лесостепных районов Западной Сибири (Горбунов, Тишкин, 2023, с. 200–201). В погребальной практике продолжается использование отдельных пластин как оберегов, что видно по детской могиле из Степушки. Однако появляются и фрагменты доспеха, подчеркивающие профессиональный статус воина, как это видно по могиле из Коксы.

Поздний (верх-уймонский) этап отличается резким увеличением числа погребений с доспехами. Это 12 могил, в которых редко есть одна пластина, чаще это полоса из нескольких пластин или несколько полос и даже целый панцирь. Велико и разнообразие пластин. Единично еще встречаются мелкие пластины типа 2б–в хунно-китайско-сяньбийского облика, редки крупные пластины с китайской системой отверстий типа 3 и абсолютно преобладают экземпляры с сяньбийской системой отверстий —

типы 4–7 (Горбунов, 2003, с. 52–53). В это время вырабатываются и собственно булан-кобинские черты в оформлении брони. Речь идет о снабжении окантовочными отверстиями не только низа, но и верха пластины — отделы III и VI (Горбунов, 2013, с. 82–83). Кроме того, в Горном Алтае очень рано зафиксированы пластины с фигурным оформлением боков — типы 5 и 6 — ставшие популярными в раннем Средневековье (Горбунов, 2013, с. 85). Погребальная практика еще демонстрирует помещение пластины-оберега в женскую могилу, но в остальных захоронениях панцири идут в комплекте с оружием, т.е. выступают профессиональным маркером мужчин-воинов, которые являлись латниками.

В целом развитие панцирной защиты у населения булан-кобинской культуры прошло путь от следования чужим образцам на первых этапах до выработки своеобразных черт на последнем. Сначала пластины были слишком ценными и попадали в погребения даже не воинов, а как символы-обереги. В дальнейшем их становилось больше, возможно, и за счет дешевых материалов, и они стали выполнять еще и функцию маркера воина-латника, которая возобладала на завершающем этапе развития. Видимо, к этому времени панцирных пластин из железа имелось достаточно, и их количество, наряду с видами оружия, стало отражать и ранг воина.

Список источников

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). Новосибирск, 2003. 224 с.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003. 174 с.
- Горбунов В.В. Сяньбийский доспех // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005. С. 200–223.
- Горбунов В.В. Основные этапы развития военного дела у кочевников Горного Алтая во II в. до н.э. — V в. н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 157–163.
- Горбунов В.В. Этнокультурные признаки в оформлении железных пластин ламеллярного доспеха // КСИА. 2013. Вып. 231. С. 78–87.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №4 (28). С. 79–85.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Погребение воина булан-кобинской культуры на могильнике Кокса (материалы раскопок И.С. Руденко на Алтае) // Российская археология. 2023. №2. С. 195–205.
- Константинов Н.А. Предметный комплекс поселения Купчегень-1 (Центральный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, №1. С. 19–33.
- Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-I) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4 (28). С. 51–68.
- Соенов В.И. Комплекс вооружения населения Верхней Катуни в гунно-сарматскую эпоху // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005. С. 52–55.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. Горно-Алтайск, 1992. 116 с.
- Соенов В.И., Константинов Н.А., Трифанова С.В. Могильник Степушка-2 в Центральном Алтае. Горно-Алтайск, 2018. 242 с.
- Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. Культура и искусство народов Востока. Л., 1969. Т. X. С. 208–236.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс вооружения «эпохи великого переселения народов» из Горного Алтая (по материалам могильника Яломан-II) // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 164–172.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В. Ламеллярный панцирь IV–V вв. н.э. из археологического комплекса Яломан-II на Алтае // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул, 2012. С. 55–59.
- Худяков Ю.С. Защитное вооружение кочевников Центральной Азии. Новосибирск, 2003. 202 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Горбунов Вадим Владимирович, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>, vadingorbunov67@mail.ru

Vadim V. Gorbunov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Professor; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; Doctor of History, Docent, <https://orcid.org/0000-0002-4772-6373>, vadingorbunov67@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.5(571.150)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.32

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУРГАНА №29 СКИФО-САКСКОГО ПЕРИОДА НА МОГИЛЬНИКЕ ЧИНЕТА-II (АЛТАЙ)

Петр Константинович Дашковский

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье представлены результаты изучения кургана №29 могильника Чинета-II, расположенного на левом берегу р. Иня (Краснощековский район Алтайского края). В кургане обнаружено парное погребение мужчин с сопроводительным захоронением лошадей. Проведен анализ сопроводительного инвентаря, среди которого особый интерес представляет железный боевой кинжал в деревянных ножнах. На основе сравнительно-исторического анализа артефактов и погребального обряда курган №29 могильника Чинета-II предварительно датирован 2-й половиной IV — III в. до н.э. Наличие железного кинжала, имеющего определенные аналогии в каменной и быстрианской культурах, наряду с особенностями погребального обряда (вытянутое положение умершего и др.), может отражать процесс межкультурного взаимодействия кочевников горных, предгорных и лесостепных районов в скифо-сакскую эпоху.

Ключевые слова: скифо-сакский период, Алтай, погребальный обряд, кочевники, артефакты

Для цитирования: Дашковский П.К. Результаты изучения кургана №29 скифо-сакского периода на могильнике Чинета-II (Алтай) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 158–162.

RESULTS OF THE STUDY OF KURGAN NO. 29 OF THE SCYTHIAN-SAKA PERIOD AT THE CHINETA-II BURIAL GROUND (ALTAI)

Petr K. Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article presents the results of the study of kurgan No. 29 of the Chineta-II burial ground, located on the left bank of the Inya river (Krasnoshchekovsky district of the Altai Territory). A paired burial of men with an accompanying burial of horses was found in the kurgan. An analysis of the accompanying inventory was carried out, among which an iron combat dagger in a wooden sheath is of particular interest. On the basis of a comparative historical analysis of the artifacts and the funeral rite, kurgan No. 29 of the Chineta-II burial ground is tentatively dated to the second half of the 4th–3rd centuries BC. The presence of an iron dagger, which has certain analogies in the Kamenskaya and Bystryanskaya cultures, along with the peculiarities of the funeral rite (the elongated position of the deceased, etc.), may reflect the process of intercultural interaction of nomads in the mountainous, foothill and forest-steppe regions in the Scythian-Saka era.

Keywords: Scythian-Saka period, Altai, funeral rite, nomads, artifacts

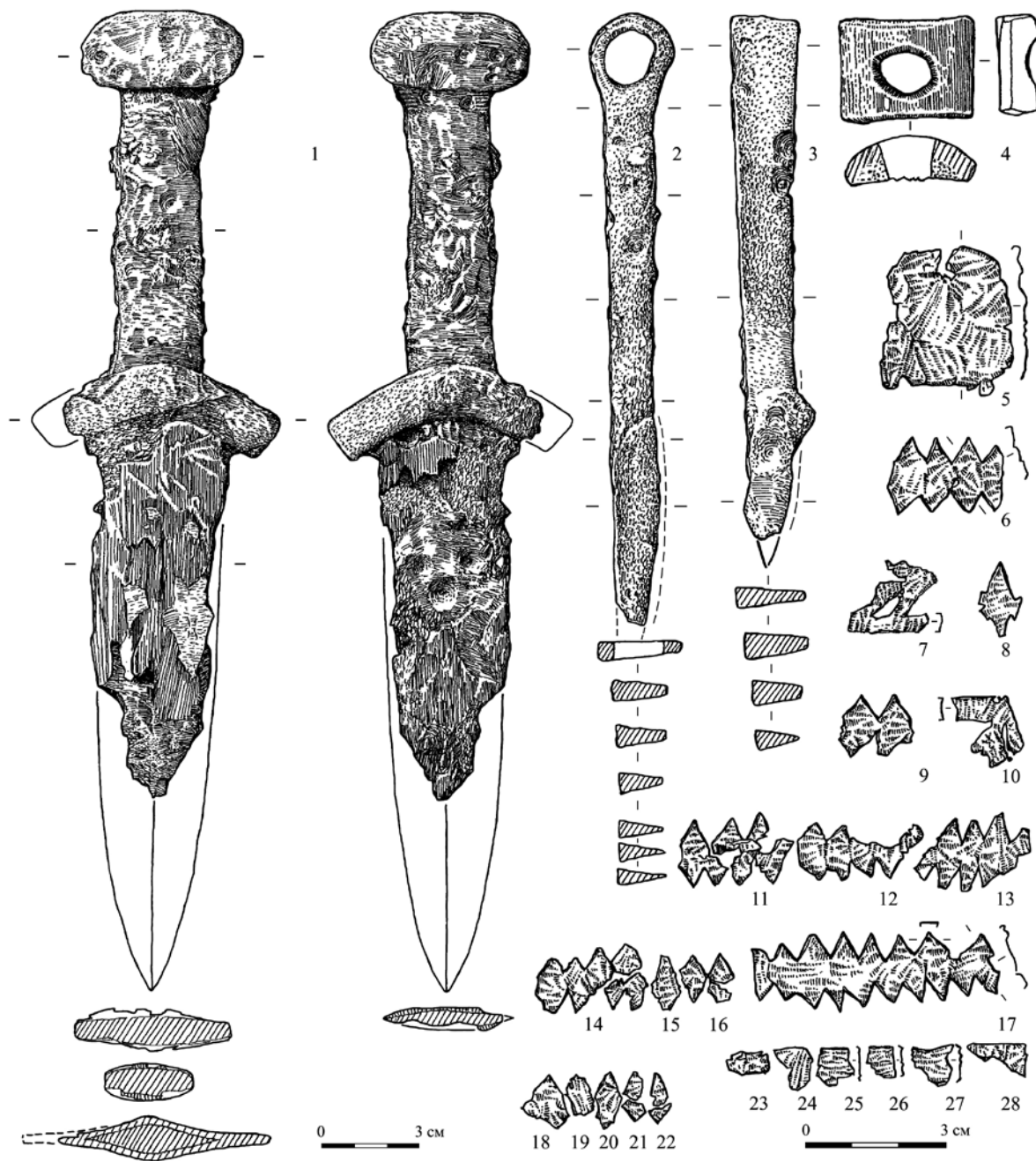
For citations: Dashkovskiy P.K. Results of the Study of Kurgan No. 29 of the Scythian-Saka Period at the Chineta-II Burial Ground (Altai) // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 158–162.

Изучение разновременных памятников Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в окрестностях села Чинета по берегам реки Иня (Краснощековский район Алтайского края), проводится экспедицией Алтайского государственного университета уже более 20 лет начиная с 2001 г. (Дашковский, 2017а). Среди приоритетных направлений изучения памятников — выявление и исследование объектов скифо-сакского периода. В настоящее время раскопано значительное количество курганов указанного периода, среди них особый интерес представляет курган №29 на могильнике Чинета-II. Некрополь Чинета-II находится на второй надпойменной террасе на левом берегу р. Иня (левый приток Чарыша) в 1–1,5 км к югу-юго-востоку от с. Чинета. На памятнике выявлено более 40 курганов, которые относятся к скифо-сакской эпохе, тюркской, кыргызской и сроткинской культурам (Дашковский, 2023).

Курган №29 располагался в северной части памятника и имел диаметр каменной насыпи с севера на юг — 9,25, а с запада на восток — 9 м. Высота сооружения вместе со слоем земли достигала 0,5 м. Насыпь объекта сооружена в основном из мелких и средних камней преимущественно в один слой. При этом камни были уложены неплотно друг к другу, тем самым не образуя единой конструкции. По периметру кургана выявлены более крупные камни, чем в насыпи, они образуют кольцевую выкладку диаметром с севера на юг 9,25 м, а с запада на восток — 9 м. В центре насыпи зафиксирован участок без камней, образовавшийся в результате ограбления могилы в древности. Под насыпью кургана в цент-

ральной ее части зафиксирована могильная яма, которая ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ и имела размеры 3,4×2,5×1,85 м. В центральной части могилы на глубине 1,68–1,85 м зафиксировано сильно потревоженное грабителями парное захоронение двух людей. Судя по сохранившимся *in situ* костям ног, умершие были уложены в вытянутом положении на спине и ориентированы головой на восток. В центральной части погребения обнаружены два керамических сосуда, фрагменты золотой (?) фольги (рис.-5–27), два набора ритуальной пищи (кости барана), два железных ножа (рис.-2–3), железный боевой кинжал (рис.-1) в деревянных ножнах.

На глубине 1,11–1,66 м вдоль северной стенки могильной ямы обнаружено сопроводительное захоронение двух лошадей, уложенных на живот и ориентированных головой на восток. Под лошадьми и частично у западной стенки могилы находились камни. Под первой лошадью в районе ребер обнаружена костяная пронизка (рис.-4).

Инвентарь из кургана №29 могильника Чинета-ТТ: 1 — железный кинжал;
2–3 — железный нож; 4 — костяная пронизка; 5–28 — фрагменты золотой фольги

*Inventory from kurgan No. 29 of the Chineta-TT burial ground:
1 — iron dagger; 2–3 — iron knife; 4 — bone thread; 5–28 — gold foils*

Среди предметов погребального инвентаря особого внимания заслуживает боевой железный кинжал в деревянных ножнах плохой сохранности (рис.-1). Навершие кинжала из кургана №29 могильника Чинета-II имело валикообразную форму, длиной 5 см и шириной 2,3 см. Перекрестие кинжала представлено в виде дугообразного бруска шириной 1,5 см, с максимальной длиной в сечении 7,6 см. Размеры изделия: общая длина — 30 см; длина лезвия — 17,5 см; длина рукояти — 8,5 см; ширина ромбического лезвия в перекрестии — 4,3 см. Следует отметить, что в погребениях пазырыкской культуры боевые кинжалы встречаются достаточно редко. Гораздо чаще среди погребального инвентаря обнаруживаются уменьшенные копии, изготовленные из бронзы (Кубарев, 1987; 1991; 1992; и др.). Исходя из размеров кинжалов их принято делить на миниатюрные (длина 10–14 см), уменьшенные (длина 16–21 см) и настоящие боевые длиной 30–40 см (Кубарев, 1992, с. 57) или 27–40 см (Суразаков, 1988, с. 40). Учитывая параметры и морфологические признаки кинжала из кургана №29 некрополя Чинета-II, его можно отнести к группе настоящих боевых предметов вооружения ближнего боя.

Важно отметить, что в памятниках пазырыкской культуры железные боевые кинжалы встречаются относительно редко и они имеют длину 30–40 см (Кубарев, 1987, с. 54–59; Кубарев, Шульга, 2007, с. 74–78). Первоначально было выдвинуто даже предположение о том, что все железные кинжалы из погребений данной культуры были боевыми (Кубарев, 1987, с. 56). Однако последующие исследования показали, что на позднем этапе пазырыкской культуры встречаются модели оружия ближнего боя — кинжалов и чеканов, изготовленные из железа (Кубарев, 1992, с. 57; Суразаков, 1988, с. 49). В большей степени железные боевые кинжалы известны на памятниках каменной и быстрианской культур Алтая (Могильников, 1997; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 148, рис. 108; Шульга, 2003, с. 54; Лихачева, 2020; и др.). В данном случае обратим внимание на то, что экземпляр железного кинжала из кургана №29 могильника Чинета-II имеет типологическое сходство по отдельным признакам (дугообразное перекрестие) с экземплярами из кургана №26, могилы-3 могильника каменной культуры Новотроицкий-2 (Лихачева, 2020, с. 236, рис. 3.-3) и могилы-4 могильника Каменка, относящейся к быстрианской культуре (Казаков и др., 2016). Железные кинжалы со сломанным под углом перекрестием или дугообразным перекрестием с разными типами наверший из курганов каменной культуры рассматриваются как переходные типы от кинжалов с бабочковидным перекрестием. В этой связи железные кинжалы с дугообразным перекрестием датируются IV–III вв. до н.э. (Могильников, 1997, с. 43–44). Железный кинжал из кургана №29 могильника Чинета-II с учетом особенностей погребального обряда и инвентаря, вероятно, можно отнести ко 2-й половине IV — III в. до н.э.

Из предметов снаряжения лошади представлена подпрямоугольная костяная (роговая) седельная пронизка с овальным отверстием в центре (рис.-4). В памятниках пазырыкской культуры встречаются преимущественно круглые пронизки (Шульга, 2015, с. 156). В то же время выявлено и несколько подчетыреугольных костяных пронизок, в частности в кургане №3 могильника Ташана-II (Кубарев, 1987, с. 42, рис. 39.-8), в кургане №26 могильника Барбургазы-I (Кубарев, 1992, с. 37, рис. 9.-16–17). Аналогичного типа подчетыреугольные изделия известны в каменной культуре в кургане №15 могильника Камень-2 (Могильников, Куйбышев, 1982), в кургане №4 могильника Рогозиха-I (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005), а также в быстрианской культуре в кургане №4 могильника Енисейское-4 (Абдулганев, Кунгуров, 1996). Функциональное назначение таких изделий подробно рассмотрено П.И. Шульгой (2015, с. 156), который отметил, что известно три способа их использования, но чаще всего для крепления подхвостных ремней.

В погребении выявлено два железных пластинчатых однолезвийных ножа. Длина первого изделия составляла 13 см, ширина до 1 см (рис.-2). В верхней части предмета располагалось кольцевое навершие, внешний диаметр которого 1,8 см, а внутренний — 1 см. Второе изделие имело первоначально, вероятно, длину 11 см, ширину 0,9–1,9 см (рис.-3). Ножи обоих типов достаточно хорошо известны в материалах пазырыкской и других культур скифо-сакского периода Южной Сибири и Казахстана. При этом на начальном этапе развития пазырыкской культуры преобладают бронзовые изделия. Во 2-й половине I тыс. до н.э. большее распространение получают ножи, изготовленные из железа. Особенно это относится к прямым однолезвийным ножам с кольцевым навершием (Суразаков, 1988, с. 16–25; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 76). Период существования железных однолезвийных ножей достаточно широк, но преимущественно они встречаются в памятниках IV–III вв. до н.э. (Кубарев, 1991, с. 71). При этом некоторые исследователи отмечают, что наиболее широкое распространение у древнего населения Саяно-Алтая они получают в III в. до н.э. (Могильников, 1997, с. 67).

Следует также остановиться на том, что при исследовании кургана №29 могильника Чинета-II зафиксированы некоторые особо значимые особенности в погребальной обрядности. В частности, в ука-

занном кургане умершие были ориентированы головой на восток, но уложены в вытянутом положении на спине, а не на правом боку, как это характерно для классического пазырыкского погребального обряда. В то же время ранее такая особенность в положении умершего в погребении фиксировалась на некоторых других объектах скифо-сакского периода в горных районах Алтая. В частности, серия таких погребений выявлена в Северо-Западном Алтае, в т.ч. на некоторых курганах Чинетинского археологического микрорайона, а также в районе среднего течения Катунь (Дашковский, 2017б; Дашковский, Шершнева, 2020; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 16–17; Тишкин, Дашковский, 2003, с. 164–165). Вероятно, это является следствием межкультурного взаимодействия различных племен в контактной зоне гор и предгорий в скифо-сакский период. Отметим, что боевые кинжалы обнаружены в памятниках скифо-сакского периода в пределах Чинетинского археологического микрорайона только в двух погребениях, при этом парных. Кроме кургана №29 могильника Чинета-II, в котором обнаружен железный боевой кинжал в парном мужском погребении, еще один случай зафиксирован в кургане №25 могильника Ханкаринский Дол, в котором данная категория выявлена тоже в парном погребении, но мужчины и женщины. В последнем из указанных курганов, который относится к раннему этапу пазырыкской культуры, был найден редкий биметаллический кинжал (Дашковский, 2020).

Таким образом, приведенные предварительные результаты исследования позволяют датировать курган №29 могильника Чинета-II 2-й половиной IV — III в. до н.э. Отметим, что наличие железного кинжала, имеющего определенные аналогии в каменной и быстрянкой культурах, наряду с особенностями погребального обряда (вытянутое положение умершего и др.), может отражать процесс межкультурного взаимодействия кочевников горных, предгорных и лесостепных районов Алтая. Примечательно также, что в отличие от некрополя Ханкаринский Дол на могильнике Чинета-II выявлено сравнительно мало погребений, полностью совершенных по канонам пазырыкского погребального обряда (Дашковский, 2017б; 2023; и др.). Материалы этого памятника демонстрируют синкретичные элементы погребальной обрядности разных культур скифского времени, а также проникновение инокультурных компонентов из сопредельных районов степного и лесостепного Алтая и, вероятно, Казахстана.

Список источников

- Абдуганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрянской культуры в междуречье Бии и Чулышмана // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 143–155.
- Дашковский П.К. Исследования Краснощекской археологической экспедиция на Алтае в 2001–2016 гг.: обзор экспедиционных работ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017а. Вып. XXVIII. С. 83–87.
- Дашковский П.К. Результаты изучения погребального обряда кочевников Северо-Западного Алтая скифской эпохи (по материалам могильника Чинета-II) // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе. Барнаул, 2017б. С. 112–116.
- Дашковский П.К. Исследование кургана раннего этапа пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол в Северо-Западном Алтае: хронология и атрибутация артефактов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. №1. С. 91–100.
- Дашковский П.К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: краткий путеводитель. Барнаул, 2023. 72 с. (Этнокультурные и религиозные исследования в Евразии. Вып. 6).
- Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Результаты изучения кургана №30 скифского времени на памятнике Чинета-II (Алтай) // Народы и религии Евразии. 2020. №1. С. 42–55.
- Казаков А.А., Семibrатов В.П., Редников А.А., Матренин С.С., Григоров Е.В. Исследование погребального комплекса быстрянской культуры Каменка в Советском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXI. С. 103–109.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул, 2004. 292 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.
- Лихачева О.С. Вооружение и военное дело населения лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул, 2020. 304 с.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.
- Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // Советская археология. 1982. №2. С. 113–134.
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1988. 165 с. 49 ил.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрения населения Алтая скифской эпохи. Барнаул, 2003. 430 с.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул, 2003. 204 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Новосибирск, 2015. Ч. II (VI–III вв. до н.э.). 322 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Петр Константинович Дашковский, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, https://orcid.org/0000-0002-4933-8809_dashkovskiy@fpn.asu.ru

Petr K. Dashkovskiy, Altai State University, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Head of the Department; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, Doctor of Historical Sciences, Professor, https://orcid.org/0000-0002-4933-8809_dashkovskiy@fpn.asu.ru

Статья принята к публикации 14.07.2023.

The article approved after reviewing 14.07.2023.

Научная статья / Article

УДК: 902:903.5(235.226)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.33

РАСКОПКИ НОВЫХ КУРГАНОВ СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ В СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ: ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС У ГОРЫ ГАВИЛУЙ В ХОНГОР СОМОНЕ ДАРХАН-УУЛ АЙМАКА

Тумур-Очир Идэрхангай

Монгольский государственный университет, Улаанбаатар, Монголия

Резюме. Автором статьи с 2010 г. проводились исследования по поиску политического центра империи Хунну в долинах рек Орхон, Тамир, Хануй и Хунуй в Центральной Монголии. В 2018–2022 гг. такая научная работа продолжена в долинах рек Орхон и Сэлэнгэ в Северной Монголии, ежегодно проходили археологические разведки и раскопки. В результате этого обнаружено 540 памятников и более 10 000 курганов хуннского времени, а также элитные погребальные комплексы сяньбийского времени. В статье, помимо результатов раскопок кургана сяньбийского времени, проведенных в 2021 г. на погребальном комплексе у горы Гавилуй (Хонгор сомон Дархан-Уул аймака), представлены сведения о третьем погребальном комплексе знати сяньбийского времени, обнаруженном в Монголии у горы Хонгор овоо в Баруунбурэн сомоне Сэлэнгэ аймака.

Ключевые слова: Северная Монголия, Дархан-Уул аймак, Хонгор сомон, гора Гавилуй, элитные курганы сяньбийского времени, новые погребальные памятники

Для цитирования: Идэрхангай Т.-О. Раскопки новых курганов сяньбийского времени в Северной Монголии: погребальный комплекс у горы Гавилуй в Хонгор сомоне Дархан-Уул аймака // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 162–166.

EXCAVATIONS OF NEW BURIAL MOUNDS OF THE XIANBEI PERIOD IN NORTHERN MONGOLIA: THE BURIAL COMPLEX AT MOUNT GAVILUY IN KHONGOR SUM OF DARKHAN-UUL AIMAG

Tumur-Ochir Iderkhangai

National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract. Since 2010, the author has conducted research to find the political center of the Xiongnu empiricism, concentrated in the valleys of the Orkhon, Tamir, Hanui and Hunnu rivers in the central region of Mongolia. In 2018–2022 these studies were continued in the valleys of the Orkhon and Selenge rivers in northern Mongolia, and archaeological surveys and excavations were organized annually. As a result of this research, more than 10000 burial mounds of the Xiongnu time and elite burial complexes of the Xianbei time were discovered from 540 sites. The article, in addition to the results of the excavation of the mound of the Xianbei time, carried out in 2021 at the burial complex of Mount Gaviluy, Khongor somon of Darkhan-Uul aimag, presents the information about the third burial complex of the nobility of the Xianbei time, discovered in Mongolia, located near Mount Khongor ovoos in Baruunburen somon of Selenge aimag.

Keywords: Northern Mongolia, Darkhan-Uul aimag, Khongor sum, Mount Gaviluy, elite burial mounds of the Xianbei period, new funerary monuments

For citation: Iderkhangai T-O. Excavations of New Burial Mounds of the Xianbei Period in Northern Mongolia: the Burial Complex at Mount Gaviluy in Khongor Sum of Darkhan-Uul Aimag // *Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology*. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 162–166.

В последние годы в Монголии интенсивно проводятся археологические исследования, но памятники некоторых периодов по-прежнему мало изучены. Одним из них является сяньбийское время. После падения кочевой империи Хунну в конце I в. н.э. сяньбийцами было создано свое государство. Сяньбийское время отражено в периодизации монгольской истории, но до 2014 г. не были обнаружены памятники, связанные с сяньби, что являлось одним из основных дискуссионных вопросов среди исследователей. Но понемногу монгольские археологи находят ответ на этот вопрос, и уже установлено, что памятники сяньбийского времени есть на территории Монголии. Часть таких результатов получена в ходе пятилетних археологических исследований в 2018–2022 гг., проведенных II исследовательской группой кафедры истории и археологии Улаанбаатарского университета (сейчас он в составе Монгольского национального университета). В данной статье представлены результаты изучения новых погребальных комплексов сяньбийского времени, обнаруженных в ходе археологических разведок в Северной Монголии в 2019 г., а также результаты раскопок курганов сяньбийского времени у горы Гавилуй в 2021 г.

С 2010 г. автором статьи были проведены обследования для поиска политического центра империи Хунну. Основное внимание уделялась памятникам, которые сконцентрированы в долинах рек Орхон, Тамир, Хануй и Хунуй Центральной Монголии. В результате этих работ установлено, что основное население в хуннское время было сосредоточено в долинах рек Орхон и Тамир (Идэрхангай, 2012, с. 19–33). С 2018 г. обследования были продолжены в долинах рек Орхон и Сэлэнгэ в Северной Монголии, хотя наши исследования, проводимые в этом регионе, начались еще в 2014 г. в период спасательных раскопок в долине Эгийн-гола (Идэрхангай и др., 2014). Был открыт элитный погребальный комплекс с 415 курганами хуннского времени, расположенный в долине реки Сэлэнгэ, у южного подножия горы Алтан овоо, в селе Хялганат Хангал сомона Булган аймака (Идэрхангай др., 2020, с. 71–80). С тех пор в долинах рек Орхон и Сэлэнгэ автором непрерывно проводятся поисковые работы с использованием программ космической съемки. В результате обнаружены и зафиксированы новые погребальные памятники. С 2018 г. были организованы археологические исследования для изучения этих памятников на местности.

В результате проведенных археологических изысканий в 2018 г. на территории Бурэгхангай сомона Булган аймака, Заамар сомона Центрального аймака, Орхонтуул и Орхон сомонов Сэлэнгэ аймака зафиксированы 758 погребальных объектов (Идэрхангай, 2018). В 2019 г. археологическая разведка выявила курганы хуннского времени в Баруунбурэн, Орхонтуул, Сант и Хушаат сомонах Сэлэнгэ аймака. Зафиксированы 2789 новых курганов на 55 памятниках, в том числе пять элитных комплексов хуннского времени, а также один элитный комплекс сяньбийского времени в Хонгор овоо Баруунбурэн сомона (Идэрхангай и др., 2019а–б). В 2020 г. в некоторых регионах Сэлэнгэ, Булган и Архангай аймаков вновь проводились археологические обследования. Были обнаружены 1894 кургана, в том числе 57 хуннских элитных комплексов на восьми памятниках (Идэрхангай и др., 2020). В ходе трехлетних разведочных работ выявлены 205 элитных курганов хуннского времени на 20 памятниках, 5087 курганов рядового населения на 96 памятниках. Кроме этого, зафиксированы 55 элитных курганов сяньбийского времени на двух памятниках. Эти важные материалы вносят существенный вклад в изучение истории хунну и сяньби.

Погребальный комплекс сяньбийского времени у горы Гавилуй

В августе 2021 г. были проведены раскопки погребального комплекса с элитными курганами сяньбийского времени, расположенными у западного подножья горы Гавилуй в Хонгор сомоне Дархан-Уул аймака. Этот памятник находится в 32 км к юго-востоку от центра Хонгор сомона и в 6 км к западу от центра Шарын гол сомона Сэлэнгэ аймака (рис. 1).

Всего там зафиксировано 19 археологических объектов, расположенных в ряд по линии ЮЗ–СВ. Из них 11 курганов оказались с земляными насыпями, есть также семь курганов с небольшими каменными насыпями и один с округлой насыпью и с оградкой в виде квадрата из камней небольших размеров. Курганы с земляной насыпью имели следующие три особенности и отличия по внешнему виду.

1. Курган только земляной насыпью и рвом.
2. Куган с каменной кладкой в нижней части земляной насыпи и со рвом.
3. Курган только с каменной насыпью и рвом.

В рамках исследования 2021 г. нами были выбраны и раскопаны у горы Гавилуй курган №14 с каменной кладкой в нижней части земляной насыпи и курган №3 с небольшой каменной насыпью (рис. 2) (Идэрхангай и др., 2021, с. 20–23).

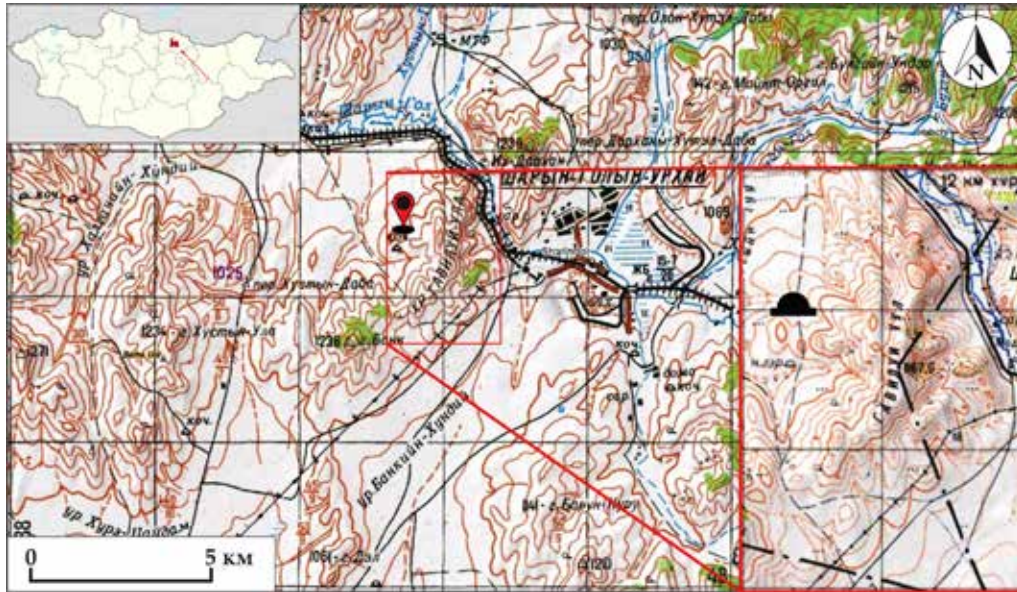

Рис. 1. Месторасположение погребального комплекса сяньбийского времени у горы Гавилуй на фрагменте карты
Fig. 1. Location of the burial complex of Mount Gavilui of Xianbei time on a map fragment

Рис. 2. Археологический памятник у горы Гавилуй: 1 — вид с северо-востока на погребальный комплекс;
2 — участок рва кургана №14; 3 — дромос кургана №14
Fig. 2. Archaeological site of Mount Gavilui: 1 — view from the northeast of the burial complex;
2 — section of the moat with lintels of mound No. 14; 3 — dromos of mound No. 14

Погребальный комплекс сяньбийского времени в Хонгор овоо

В результате археологических исследований, проводимых с 2010 г. с целью поиска политического центра империи Хунну, на 540 памятниках Монголии нами были обнаружены и зафиксированы 10 301 курган хуннского времени (9701 курган рядового населения и 600 курганов знати). Согласно сформированной базе данных, по состоянию на 2022 г. в Монголии всего зафиксировано 20 471 погребальный объект хуннского времени (18 636 курганов рядового населения и 1835 курганов знати). Кроме того, в ходе данного исследования в 2019 г. был обнаружен погребальный комплекс сяньбийского времени в месте под названием Хонгор овоо в Баруунбурэн сомоне Сэлэнгэ аймака (Идэрхангай и др., 2019).

Хонгор овоо-1. Этот памятник находится в 27 км к юго-западу от центра Баруунбурэн сомона, у подножья холма на западной стороне горы Хонгор овоо в западной долине слияния рек Орхон и Туул. Погребальные комплексы расположены по обеим сторонам оврага, спускающегося на юго-восток по склонам этого холма. На задней террасе оврага расположен погребальный комплекс с 15 курганами рядового населения хуннского времени.

Хонгор овоо-2. В погребальном комплексе, расположенном на южной террасе оврага, зафиксировано 59 курганов. Среди них выявлено 29 курганов с квадратной каменной кладкой знати и 30 курганов с округлой каменной насыпью рядового населения. Самый большой из курганов знати имеет размеры 10,6×10,7 м и высоту 1 м, а маленький — 6×6 м и высоту 0,4 м. Курганы рядового населения оказались диаметром 3,4–8,9 м. Также курганы знати делятся на два типа: только с каменной насыпью (3) и с каменной кладкой вне земляной насыпи (26). Кроме того, важно, что курганы с каменной насыпью этого памятника (рис. 3) аналогичны элитным курганам сяньбийского времени на погребальном комплексе Айргийн гозгор в Джаргалант сомоне Орхон аймака (Одбаатар и др., 2018, с. 230–233).

Рис. 3. Погребальный памятник сяньбийского времени Хонгор овоо-2
Fig. 3. Funeral monument of the Xianbei time Khongor ovoo-2

Основное устройство кургана №14 у горы Гавилуй аналогично курганам сяньбийского времени Айргийн гозгора, но внутримогильное сооружение аналогично элитным курганам хунну. В частности, курганы сяньбийского и тюркского времени, такие как Айргийн гозгор (Одбаатар и др., 2018), Шороон бумбагар в Баяннуур сомоне Булган аймака (Очир и др., 2013а) и Шороон дов в Заамар сомоне Центрального аймака (Очир и др., 2013б), которые относятся ко времени позже существования империи ле Хунну, имеют погребальную камеру с подбоем в конце дромоса, а курганы хуннуской знати — квадратную яму. Однако примечательно, что курган №14 у горы Гавилуй содержал форму хуннуской могильной ямы. Отличался он от курганов хуннуской знати тем, что между ямой и дромосом была обнаружена деревянная дверь.

Раскопанные нами курган сходны с курганами сяньбийского времени комплекса Айргийн гозгор по внешнему и внутреннему устройству. Найдены также остатки небольшой керамической печи. Рас-

копанный курган у горы Гавилуй можно считать относящимся к сяньбийскому периоду. Также могильная яма с дромосом, содержащая основную форму устройства элитных курганов хуннского времени, и некоторые найденные в погребениях керамические сосуды аналогичны по форме хуннской керамике. Судя по материалам раскопок 2021 г., курганы у горы Гавилуй, вероятно, относятся к промежуточному периоду от хунну к сяньби или могут быть первой формой курганов знати сяньбийского времени. Следует отметить, что приведенные выше гипотезы основаны на сравнительных исследованиях. Поэтому необходимо интенсивно проводить дальнейшие детальные исследования этого памятника и установить абсолютную датировку с помощью радиоуглеродного анализа.

Список источников

Идэрхангай Т. Булган, Төв, Сэлэнгэ аймгийн зарим бүс нутагт явуулсан хүннү булшны бүртгэл судалгааны ажлын тайлан (2018 оны 07 сарын 16–22) [Отчет об археологических разведках курганов хуннского времени, проведенных в некоторых районах Булган, Тувь и Сэлэнгэ аймаков (16–22 июля 2018 г.)]. Улаанбаатар, 2018. 41 с. (на монг. яз.) / Архив рукописей кафедры истории и археологии Улаанбаатарского университета.

Идэрхангай Т. Тамирын голын хөндий Хүннүгийн улс төрийн төв болох нь // Journal of Archaeology, History and Culture. 2012. Vol. 8 (7). С. 19–33 (на монг. яз.).

Идэрхангай Т., Оргилбаяр С., Цэнд Д., Батчимэг Б., Эрдэнэпүрэв П., Баянсан Б., Хүслэн Л., Намсрайжамц А., Уянга Х., Амгаланбат Б., Баянсан П., Даваахүү Э. Дархан-Уул аймгийн Хонгор сумын нутаг дахь Говил уулын дурсгалт газарт явуулсан бунхант булшны малтлага судалгааны ажлын урьдчилсан үр дүн // Монголын археологи-2021. 2021. С. 20–23 (на монг. яз.).

Идэрхангай Т., Цэнд Д. Сэлэнгэ аймгийн Баруунбүрэн, Орхонтуул, Сант, Хушаат сумдын нутаг дахь Орхон голын хөндийд явуулсан хүннү булшны бүртгэл судалгааны ажлын 2019 оны тайлан [Отчет за 2019 г. об археологических разведках курганов хуннского времени, проведенных в долине реки Орхон в Баруунбүрэн, Орхонтуул, Сант и Хушаат сомонах Сэлэнгэ аймака]. Улаанбаатар, 2019а. 33 с. (на монг. яз.) / Архив рукописей кафедры истории и археологии Улаанбаатарского университета.

Идэрхангай Т., Цэнд Д. Сэлэнгэ аймгийн Ерөө сум, Дархан-Уул аймгийн Хонгор сумдын нутагт явуулсан бунхант булшны хайгуул судалгааны ажлын 2019 оны тайлан [Отчет за 2019 г. об археологических разведках курганов сяньбийского времени, проведенных на территориях в Еруу сомоне Сэлэнгэ аймака и Хонгор сомоне Дархан-Уул аймака]. Улаанбаатар, 2019б. 18 с. (на монг. яз.) / Архив рукописей кафедры истории и археологии Улаанбаатарского университета.

Идэрхангай Т., Цэнд Д., Амгаланбат Б. Сэлэнгэ, Булган, Архангай аймгуудын нутагт явуулсан Хүннү булшны хайгуул судалгааны ажлын 2020 оны тайлан [Отчет за 2020 г. об археологических разведках курганов хуннского времени, проведенных на территориях Сэлэнгэ, Булган и Архангай аймаков]. Улаанбаатар, 2020. 42 с. (на монг. яз.) / Архив рукописей кафедры истории и археологии Улаанбаатарского университета.

Идэрхангай Т., Эрдэнэ М., Мижиддорж Э., Оргилбаяр С., Маратхаан А., Галбадрах Б. Булган аймгийн Хутаг-Өндөр сумын нутаг Эгийн голын усан цахилгаан станцын талбай, авто замын трассын дагуу явуулсан археологийн малтлага судалгааны ажлын 2014 оны тайлан [Отчет об археологических раскопках, проведенных в 2014 г. в зоне строительства Эгийн-гола гидроэлектростанции и дороги в Хутаг-Ундур сомоне Булган аймака]. Улаанбаатар, 2014. 340 с. (на монг. яз.) / Архив рукописей кафедры истории и археологии Улаанбаатарского университета.

Идэрхангай Т., Эрдэнэпүрэв П., Цэнд Д. Умард Хүннүгийн хаад язгууртнуудын шинээр илрүүлсэн нэгэн оршуулгын дурсгалт газрын тухайд // Нүүдэлчдийн өв судлал. 2020. Т. XXI-II, Ф. 7. С. 71–80 (на монг. яз.).

Одбаатар Ц., Барс М., Нямбат М., Амгаланбат Б. 2017 онд Айргийн гозгорт явуулсан археологийн судалгаа // Монголын археологи-2017. 2018. С. 230–234 (на монг. яз.).

Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа. Улаанбаатар, 2013а. 290 с. (на монг. яз.).

Очир А., Данилов В.С., Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа. Төв аймгийн Заамар сумын Шороон бумбагар дурсгалын малтлага судалгаа. Улаанбаатар, 2013б. 165 с. (на монг. яз.).

Информация об авторе / Information about the Author

Тумур-Очир Идэрхангай, Улаанбаатарский университет Монгольского государственного университета, кафедра истории и археологии, старший преподаватель; 13343, Монголия, г. Улаанбаатар, ул. Лувсанцэвээнэ, Баянзурх район; кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0001-5077-1100>, iderkhangai2022@gmail.com

Tumur-Ochir Iderkhangai, Ulaanbaatar University of National University of Mongolia, Department of History and Archaeology, Lecturer; 13343, Ulaanbaatar, Mongolia, Luvsantseveen Str., Bayanzurkh district; Doctor of History, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0001-5077-1100>, iderkhangai2022@gmail.com

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.7(571.1)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.34

**КУЛЬТОВЫЕ ПЛОЩАДКИ В КУЛЬТУРЕ АБОРИГЕНОВ
РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ДОЛИНЫ Р. КАСЬМЫ
НА ТЕРРИТОРИИ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ**

Андрей Михайлович Илюшин

Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия

Резюме. В статье исследуются материалы археологических раскопок культовых семейных площадок на комплексах археологических памятников Торопово-7 и Торопово-7А, расположенных в долине среднего течения р. Касьма в Кузнецком Присалаирье. Приводятся описания объектов и частично — результатов их раскопок. Исследуются археологические предметы, которые были найдены при раскопах этих уникальных объектов, и архитектура земляных сооружений. Для отдельных находок керамической посуды приводятся результаты сравнительного анализа, которые позволяют датировать исследуемые объекты периодом развитого средневековья и соотнести их с кругом древностей шандинской археологической культуры. Картографирование свидетельствует о том, что семейные культовые площадки на территории Кузнецкой котловины известны в настоящее время лишь в долине среднего течения р. Касьма. Эти обстоятельства позволяют высказать гипотезу, что данные объекты являются этническими маркерами для населения этой локальной территории в развитом средневековье.

Ключевые слова: Кузнецкое Присалаирье, река Касьма, культовые семейные площадки, комплекс памятников Торопово-7 и Торопово-7А, развитое средневековье

Для цитирования: Илюшин А.М. Культовые площадки в культуре аборигенов развитого средневековья долины р. Касьмы на территории Кузнецкой котловины // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 167–169.

**ICONIC SITES IN THE ABORIGINES' CULTURE OF THE DEVELOPED
MIDDLE AGES IN THE KASMA RIVER VALLEY OF THE KUZNETSK BASIN**

Andrey M. Ilyushin

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

Abstract. The article examines the materials of archaeological excavations of iconic family sites on the complexes of archaeological sites Toropovo-7 and Toropovo-7A located in the valley of the middle reaches of the Kasma river in Kuznetsk Prisalairye. Descriptions of the objects and, in part, the results of their excavations are given. Archaeological objects that were found during the excavation of these unique objects and the architectonics of earthen structures are investigated. For individual finds of ceramic utensils, the results of comparative analysis are given, which makes it possible to date the objects under study during the developed Middle Ages and correlate them with the circle of antiquities of the Shandin archaeological culture. Mapping indicates that family cult sites are currently known on the territory of the Kuznetsk basin only in the valley of the middle reaches of the river Kasma. These circumstances allow us to hypothesize that these objects are ethnic markers for the population of this local territory in the developed Middle Ages.

Keywords: Kuznetsk Prisalairye, Kasma river, cult family sites, complex of monuments Toropovo-7 and Toropovo-7A, developed Middle Ages

For citation: Ilyushin A.M. Iconic Sites in the Aborigines' Culture of the Developed Middle Ages in the Kasma River Valley of the Kuznetsk Basin // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 167–169.

С 2008 г. по настоящее время Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета (ККАЭЭ ГНЦ КузГТУ) проводит полевые исследования на комплексах археологических памятников Торопово-7 и Торопово-7А в касьминском археологическом микрорайоне на территории Кузнецкой котловины (Борисов, Бутьян, Илюшин, 2017, с. 436–438; Илюшин, 2013, с. 137–142; 2015, с. 647–650; Илюшин, Борисов, 2017, с. 85–91; Илюшин, Бутьян, Борисов, 2012, с. 142–152; Илюшин, Сулейменов, Бутьян, 2009, с. 165–179; Илюшин, Борисов, Бутьян, 2014, с. 149–160; 2018, с. 422–423; и др.). В процессе полевых исследований на этих памятниках были выявлены уникальные объекты, так называемые культовые семейные площадки, которые ранее на территории Кузнецкой котловины не были известны. На Торопово-7 было выявлено 20 таких объектов, а на Торопово-7А — 29 (Илюшин, 2008, с. 22–33; 2022, рис. 16).

ККАЭЭ раскопала пять семейных культовых площадок: три на Торопово-7 и две на Торопово-7А, что позволяет дать общую характеристику этому виду археологических объектов, определить их культурную принадлежность и период сооружения и функционирования.

Внешне исследуемые объекты выглядят как четырехугольные земляные насыпи подтрапециевидной формы, которые на 0,27–0,55 м возвышаются над современной дневной поверхностью и, как правило, ориентированы углами по сторонам света. Объекты располагались цепочками и неупорядоченно в нижней части первой надпойменной террасы, на удалении от воды на 10–100 м. Хорошая сохранность и форма земляных объектов первоначально привели нас к восприятию их как следы обваловки деревянных изб, или площадки-фундаменты для установки на них хозяйственных или жилых срубных построек Нового времени. Однако археологические раскопки опровергли первичную гипотезу. Уже под дерном и до уровня материка во всех слоях раскопов встречались скопления и единичные фрагменты и целые кости животных (преимущественно лошади), керамической посуды, костяных и металлических изделий, древесные угли и следы кострища. Под отдельными насыпями в материке имелись грунтовые ямы, где были кости животных и фрагменты керамической посуды. В одном случае четырехугольную земляную насыпь окружал с внешней стороны неглубокий ров такой же формы. Во всех остальных случаях на углах земляных насыпей на уровне материка были зафиксированы массивные ямы, грунт из которых, вероятно, использовался для сооружения трапециевидных площадок. В этих ямах также встречаются древесные угли, следы воздействия огня, кости животных и фрагменты керамической посуды. Таким образом, трапециевидные четырехугольные насыпи первоначально были окружены рвом или грунтовыми ямами, представляющими собой сакральную границу. Судя по находкам тризны, насыпи использовались для совершения обрядовых действий, захоронений в них и под ними не было. Наиболее вероятно они были связаны с культом предка, так как их количество и расположение внешне напоминает планиграфию курганных групп и могильников на близлежащих территориях Кузнецкой котловины (Мусохраново-1, Мусохраново-3 и Торопово-1), где под насыпью, как правило, погребались члены одной семьи. Подобные сооружения с трапециевидной формой насыпи-площадки, ориентированной углами по сторонам света и окруженной рвом или ямами, на территории Кузнецкой котловины больше не известны. Отсутствие в них следов захоронения людей указывает на то, что они представляют собой культовые сооружения. На это же указывает основная масса находок из раскопок из этих объектов: целые и колотые кости животных и фрагменты керамической посуды, которые встречаются во всех слоях насыпи и под ней, а также в заполнении грунтовых ям, расположенных по углам четырехугольных насыпей-площадок.

На предварительной стадии изучения этих объектов они были интерпретированы как семейные культовые площадки и отождествлены с шандинской археологической культурой развитого средневековья (XI–XIV вв.) в Кузнецкой котловине (Илюшин, 2013а, с. 127–136; 2014, с. 64–69; 2016, с. 124–129; Илюшин, Сулейменов, 2020, с. 40–45; Онищенко, Илюшин, 2022, с. 148–153; и др.). В настоящее время эти объекты также отождествляются с шандинской археологической культурой в Кузнецкой котловине (Илюшин, 2005, с. 120–124). Можно ставить вопрос о том, что семейные культовые площадки появились и функционировали в среднем течении р. Касьма в монгольский период истории.

Можно отметить, что по форме насыпи-площадки имеют отдаленные аналогии на территории Центральной Барабы по результатам реконструкции насыпей венгеровских и осинцевских курганов, которые являются погребальными объектами, имеющими специфические элементы культуры. Это позволило исследователям ставить вопрос о выделении своеобразной локальной группы археологических памятников или культуры XI–XIII в. (Молодин, Савинов, Елагин и др., 1988, рис. 52, с. 90–112; Савинов, 1983, с. 228). Сходство наблюдается и в расположении объектов. Как правило, они располагаются на первой надпойменной террасе близ воды скоплениями или рядами вдоль течения реки и образуют локальные обособленные группы по отношению к соседним территориям. На данном этапе исследования это позволяет лишь ставить вопрос, чем вызвано сходство венгеровских курганов и тороповских культовых семейных площадок.

Список источников

Борисов В.А., Бутьян В.А., Илюшин А.М. Исследования Кузнецкой экспедиции // Археологические открытия. 2017. Т. 2015. С. 436–438.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005. 240 с.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году на территории Кемеровской области. Кемерово, 2008. 220 с.

Илюшин А.М. Касьминский археологический микрорайон и результаты раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013. С. 137–142.

Илюшин А.М. Семейные святилища у восточных кыпчаков (по материалам исследований Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2011 году) // Казахстан и Россия: научное и культурное взаимодействие и сотрудничество. Астана; Омск, 2013а. С. 127–136.

Илюшин А.М. Исследование семейных культовых площадок восточных кыпчаков на Торопово-7 в Кузнецкой котловине // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2013 г.: археология, этнография, устная история. Вып. 9. Павлодар, 2014. С. 64–69.

Илюшин А.М. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2010–2012 гг. // Археологические открытия. 2015. Т. 2010–2013. С. 647–650.

Илюшин А.М. Культура кочевников Дешт-и-Кыпчак (по материалам раскопок на Торопово-7) // Казахи Евразии: история и культура. Омск; Павлодар, 2016. С. 124–129.

Илюшин А.М. Отчет об археологических раскопках культового комплекса Торопово-7А и одиночного кургана Окунево-5 на территории Ленинск-Кузнецкого и Промышленновского муниципального округа Кемеровской области в 2021 году. Кемерово, 2022. 183 с.

Илюшин А.М., Борисов В.А. Исследования на комплексе археологических памятников Торопово-7 // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2015 г. Археология. Вып. 11. Павлодар, 2017. Т. 2. С. 85–91.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2012 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2014. №1 (101). С. 149–160.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия. 2018. Т. 2016. С. 422–423.

Илюшин А.М., Бутьян В.А., Борисов В.А. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2011 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2012. №2. С. 142–152.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Исследования на комплексе археологических памятников Торопово-7А // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2019 г. Вып. 15. Барнаул, 2020. С. 40–45.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Бутьян В.А. Результаты полевых разведок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 году // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2009. №3. С. 165–179.

Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др. Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988. 176 с.

Онищенко С.С., Илюшин А.М. Предварительные итоги анализа фаунистической коллекции из раскопок ритуальной площадки на культовом комплексе Торопово-7А // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2022 г.: Вып. 17. Барнаул, 2022. С. 148–153.

Савинов Д.Г. Археологические открытия. 1983. Т. 1981. С. 228.

Информация об авторе / Information about the Author

Андрей Михайлович Илюшин, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, директор гуманитарного научного центра; 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0001-9937-646X>, ilushin1963@mail.ru

Andrei M. Pyushin, Kuzbass State Technical University Named after T.F. Gorbachev, Director of the Humanitarian Scientific; 650000, Russia, Kemerovo, Vesennyaya str., 28, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Associate, <https://orcid.org/0000-0001-9937-646X>, ilushin1963@mail.ru

Статья принята к публикации 14.07.2023.

The article approved after reviewing 14.07.2023.

Научная статья / Article

УДК: 903.59(4/5)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.35

КУЛЬТУРА СЕВЕРНОЙ ЦИ (550–577) В КОНТЕКСТЕ КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЕВРАЗИИ (по материалам элитных погребальных комплексов)

Мария Андреевна Кудинова, Сергей Александрович Комиссаров, Александр Иванович Соловьев
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Резюме. В статье рассмотрены материалы погребальных комплексов представителей высшей аристократии государства Северная Ци (550–577). Конструкция, сопроводительный инвентарь, сюжеты и стиль исполнения настенных росписей этих погребений единообразны, что свидетельствует о строгой регламентации погребального обряда. Материалы погребений отражают полиэтничность китайско-сяньбийского населения (и в частности,

элит) Северной Ци и его интенсивные внешние контакты (с тюрками, жужанями, согдийцами). Представленное на памятниках искусство демонстрирует сплав идей и образов, как восходящих к ханьской традиции, так и возникших под влиянием буддизма и заимствованных в ходе контактов со степными кочевниками и оседлым населением Центральной Азии.

Ключевые слова: Северная Ци, средневековый мультикультурализм, сяньби, древние тюрки, погребальное искусство

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №22-78-10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121/>).

Для цитирования: Кудинова М.А., Комиссаров С.А., Соловьев А.И. Культура Северной Ци (550–577) в контексте кросс-культурных связей в восточной части Евразии (по материалам элитных погребальных комплексов) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 169–175.

THE CULTURE OF NORTHERN QI (550–577) IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL CONTACTS IN THE EAST PART OF EURASIA (BASED ON THE MATERIALS FROM ELITE FUNERAL COMPLEXES)

Maria K. Kudinova, Sergei A. Komissarov, Aleksander I. Soloviev

Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article examines materials of the burial complexes belonging to representatives of the highest aristocracy of Northern Qi (550–577). The design, burial inventory, plots and style of wall paintings in these burials are uniform, which indicates the strict regulation of the funeral rites. All the materials reflect the polyethnicity of the Chinese-Xianbi population of the Northern Qi (and in particular, the elites) and its intensive external contacts (with Turks, Rouran, Sogdians). The art presented in the tombs discussed demonstrates a fusion of ideas and images, originated from the Hun tradition and formed under the influence of Buddhism, as well as borrowed during the contacts with steppe nomads and the settled population of Central Asia.

Keywords: Northern Qi, medieval multi-culturalism, Xianbi, ancient Turks, funerary art

Acknowledgments: this work was financially supported by RSCF (Project No. 22-78-10121, <https://rscf.ru/en/project/22-78-10121/>).

For citation: Kudinova M.K., Komissarov S.A., Soloviev A.I. The Culture of Northern Qi (550–577) in the Context of Cross-Cultural Contacts in the East Part of Eurasia (based on the materials from elite funeral complexes) // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 169–175.

Государство/династия Северное Ци просуществовало всего неполных 28 лет, но оставило заметный след в истории и культуре Китая. Само его образование было связано с глубоким социально-политическим кризисом, который привел к распаду некогда могучего государства Северное Вэй, а затем и к ликвидации созданного на его остатках эфемерного государственного образования Восточная Вэй. Правящая элита этих государств была разделена на группировки племенной аристократии, представителей бюрократического аппарата и военных командиров, и правителям приходилось лавировать между интересами этих групп; неверный шаг вел к гибели (Кравцова, 2014, с. 139–142). Изначально такое деление элиты носило характер этнического противостояния, однако на практике происходило постоянное взаимопроникновение ее составляющих. Групповщина все больше приобретала социальное звучание, а обращение лидеров к этнокультурным ценностям часто носило демагогический характер (Eisenberg, 2008, p. 96–98). Попытка усидеть на двух стульях (в данном случае — на «варварских сиденьях» ху чуан, которые как раз в тот период появляются в дворцовом интерьере (Крюков, Малявин, Софронов, 1979, с. 127–128), приводит к ситуации, когда семейство Гао, создавшее Северное Ци, с одной стороны, поддерживало утверждение конфуцианства, а с другой — активно участвовало в т.н. сяньбийском возрождении.

Во 2-й половине VI в. происходит активное взаимодействие, как дипломатическое, так и военное, между в той или иной степени китаизированными государствами Северных династий и кочевыми сообществами тюрков и жужаней. При этом не только Срединные государства пытались подавлять «варваров руками варваров», но и тюрки, влияние которых постоянно растет, осуществляли собственную политику, вступая в союзы то с одной, то с другой династией (Ганиев, 2017). С этими событиями, вероятно, можно связать появление китайских вещей в тюркских памятниках Центральной Азии (Тишкин, Серегин, 2013).

Взаимодействие этих исходно противоречивых процессов при постоянно действующем факторе Великого шелкового пути (Комиссаров, Соловьев, Трушкин, 2015) в итоге вело к формированию смешанного культурного комплекса или, пользуясь, на наш взгляд, точным выражением К. Лингсли, «энергичного мультикультурного общества» (Lingley, 2014, p. 10). Разумеется, такое взаимодействие

затрагивало прежде всего политически активные верхние слои социума, но многие его элементы могли постепенно просачиваться и в массовую культуру, особенно посредством буддийской религии. Подтверждением высказанной концепции служат материалы раскопок элитных захоронений той эпохи.

Высокоранговые гробницы правителей и аристократии Северной Ци сконцентрированы вблизи двух столиц государства: главной — города Ечэн (на территории совр. городского округа Ханьдэнь пров. Хэбэй) и второй — Цзиньяна (совр. г. Тайюань, административный центр пров. Шаньси). Эти погребения единообразны по своему устройству, большинство ориентированы по линии север — юг, конструкция включает три основных элемента: длинный наклонный дромос, небольшой, прямоугольный в плане входной тамбур и погребальную камеру квадратной (и лишь в отдельных случаях — круглой или трапецевидной) формы с купольным сводом. Погребальная камера могла быть вырезана в толще грунта, так же как дромос и тамбур, или сложена из кирпича.

Стены гробниц нередко были покрыты росписями, сюжеты которых также были устойчивыми. Росписи на стенах дромоса изображали торжественную процессию, сопровождавшую покойного в мир иной. Внутри погребальной камеры настенные изображения делились на три яруса. Нижний условно можно обозначить как «мир людей», где показаны портреты погребенных (в центре на северной стене); слуги и почетный караул (по обе стороны от покойных); запряженная быком повозка и оседланная лошадь, на которых души покойных отправлялись в загробный мир (на восточной и западной стенах); стражи, охраняющие гробницу (на южной стене, по обе стороны от входа). Средний ярус, в верхней части стен, содержал изображения духов — хранителей сторон света, божества грома Лэй-гуна, животных зодиакального цикла, фантастических животных и т.п. Верхний ярус — росписи потолка — включал изображения небесных светил, Млечного пути и созвездий (Чжунго каогусюэ, 2018, с. 196–215). Многие из этих образов восходят к погребальному искусству ханьской эпохи, хронологически более близкие аналогии представлены в росписях позднего этапа Северной Вэй. Фиксированный репертуар образов и манера их исполнения, жесткая зависимость набора изображений от социального статуса погребенного позволили выделить особый «ечэнский стандарт» настенных росписей (Чжэн Янь, 2002, с. 181–203). Сопроводительный инвентарь элитных погребений Северной Ци состоял из нескольких сотен предметов, в основном керамических фигурок людей и животных, моделей зданий, повозок, очагов и т.д., а также фарфоровых сосудов. Непременным атрибутом захоронений были каменные плиты с эпитафиями, сохранившими биографии покойных и позволяющими датировать погребения с точностью до года.

К числу наиболее ярких погребальных комплексов Северной Ци относится гробница Лоу Жуя (531–570), влиятельного сановника и сородича правящей династии в государстве Северная Ци. В ходе раскопок обнаружен богатый инвентарь, а также цветные фрески сохранившейся площадью 200 кв. м, среди которых выделяются картины торжественного выезда из дворца и возвращения обратно (Комиссаров, Соловьев, 2022). Размещение многофигурных композиций на стенах дромоса имело статусный характер. Самую заметную часть изображений составляют лошади (более 200 голов), у которых детально показаны убранство и упряжь, что позволяет отметить переходный характер ряда важных элементов (седло, стремяна). В нарядах людей, изображенных на стенах, видны черты культурного смешения. В одежде всадников преобладают «варварские мотивы». Религиозно-идеологический аспект организации погребения носит синкретический характер, где традиционные представления о переходе в «мир иной» сочетаются с конфуцианскими и буддийскими мотивами, возможно, с влиянием зороастризма. Воздействие иранской религии китайские авторы видят в изображении сэнмурва, а также в найденных в составе инвентаря переносных алтарях для священного огня. Из других находок следует выделить золотое украшение, вероятно, для головного убора со вставками жемчуга, агата, перламутра, стекла и цветных камней синего и зеленого цвета (рис. 1.-1). Найдено также 650 погребальных терракотовых фигурок, набор которых (кавалеристы в тяжелом вооружении, конные чиновники, слуги и служанки, лошади, бык) большей частью соответствует погребальному инвентарю Северной Вэй; тогда как отдельные группы: конные музыканты, лежащие и стоящие верблюды (рис. 1.-5), символизируя Шелковый путь, по форме и цветам раскраски не только закрепляли традицию, но и направляли ее в сторону создания знаменитой танской трехцветной керамики. Можно отметить корреляцию между сюжетами настенных росписей (кавалькады, караваны, музыкальные занятия) и номенклатурой керамических фигур.

Сходный инвентарь обнаружен в гробнице из окрестностей Ечэна, где была захоронена жужаньская принцесса Чидилинь (китайское имя Линьхэ), дочь Аньлочэнь-кагана (Чжу Цюаньшэн, Тан Чи, 1984). Ее просватали за Гао Даня, сына влиятельного милитариста Гао Хуна и будущего императора Учэн-ди в государстве Северная Ци. Однако в 550 г. она умерла в возрасте 13 лет, так и не став императрицей. Тем не менее юную принцессу похоронили весьма пышно. В росписи стен ее гробницы преобладают ханьские

мотивы. Набор погребальной пластики (слуги, воины в доспехах, придворные дамы, животные, бытовые предметы) является стандартным для той эпохи; привлекают внимание фигурка груженого верблюда как символа Шелкового пути (рис. 1.-2); всадника охраны с китайской прической и «варварским» (левым) запахом халата (рис. 1.-3); и уникальная фигура танцующего «шамана» с трещоткой в руках вместо бубна (рис. 1.-4). Как и в могиле Лоу Жуя, обнаружена золотая брошь, выполненная в полихромном стиле, который был особенно популярен у кочевников предшествующего периода.

Еще одно элитное захоронение, могила Сюй Сяньсю (501–571), расположена в местности, известной под названием «Склон царских гробниц» (Ванмупо), к востоку от дер. Ванцзяфэн городского округа Тайюань пров. Шаньси (Бэй Ци Сюй Сяньсю, 2005). Погребение несколько раз подвергалось ограблению, поэтому сопроводительный инвентарь серьезно пострадал, от гроба остались несколько металлических деталей и фрагменты лакового покрытия. Тем не менее сохранилось более 530 предметов, в основном керамические статуэтки (более 320 экз.) и фарфоровые изделия (ок. 200 экз.). Набор керамических фигурок, с одной стороны, типичен для Северных династий и включает изображения стражей могилы, воинов в доспехах, всадников, служанок, с другой стороны, содержит и специфические элементы: фигурки сяньбийских или тюркских воинов-кавалеристов, вероятно, состоявших на службе в войске Северной Ци. Предметы из фарфора представлены кувшинами с носиком в форме петушиной головки, блюдами, пиалами, горшками и светильниками различных форм; многие украшены орнаментом в виде лotosовых листьев. Кроме того,

Рис. 1. Золотое полихромное украшение (1) и керамическая фигурка верблюда (5) из гробницы Лоу Жуя; керамическая фигурка верблюда (2), всадника (3) и «шамана» (4) из гробницы Линьхэ.

Дано по: 1, 5 — (Бэй Ци Дунъань ван, цв. ил. 157, 129); 2–4 — (Ци Шоумин, 2017, фото 7, 8, 22)

Fig. 1. Golden polychrome ornament (1) and ceramic figurine of camel (5) from the tomb of Lou Rui; ceramic figurines of camel (2), rider (3) and “shaman” from the tomb of Linhe.

According to: 1, 5 — (Bei Qi Dong'an wang., color ill. 157, 129); 2–4 — (Qi Shouming, 2017, photo 7, 8, 22)

в гробнице найдены серебряное кольцо и золотой перстень со вставкой турмалина, вероятно, изготовленный в Центральной или Западной Азии (Чжан Цинцзе, Чан Иминь, 2003), а также каменные плиты с эпитафией, благодаря которой известны дата создания комплекса и имя «хозяина» могилы.

В погребении сохранилось более 300 кв. м росписей, покрывавших стены дромоса, тамбура и погребальной камеры. По обеим сторонам дромоса был изображен почетный караул, на стенах тамбура — воины, охранявшие вход в гробницу. Наиболее разнообразные изображения были нанесены на стены погребальной камеры. На северной стене прямо напротив входа располагались портреты супружеской пары — Сюй Сяньсю и его жены, которые, видимо, и были похоронены в могиле. На восточной стене показана процессия с повозкой, запряженной быком, впереди которой шествуют мужчины, судя по особенностям изображения черт лица, причесок и одежды, принадлежащие к разным этническим группам. Среди них выделяется «согдиец» в круглой шапочке, с короткими волнистыми волосами, высоким носом и округлыми глазами. За повозкой следует группа женщин, чьи прически и наряды также весьма разнообразны. На западной стене изображена процессия мужчин, ведущих оседланную лошадь. Привлекают внимание трехзубые «короны» у некоторых фигур — черта, отмеченная также у отдельных персонажей росписи в могиле Лоу Жуя. Мы вслед за А.В. Вареновым (2020) склонны считать такой головной убор принадлежностью тюркского костюма, который могли носить мужчины-воины — такие как один из офицеров стражи, изображенный на стене в красном халате (рис. 2.-2), в данном случае с «правильным» левым запахом (Крюков, Малявин, Софронов, 1979, с. 145). Символично

Рис. 2. Находки в могиле Сюй Сяньсю: росписи на стене тамбура (1, 2) и керамическая фигура всадника (3, 4).

Дано по: (Бэй Ци Сюй Сяньсю, 2005, ил. 6, 7, 38, 40)

Fig. 2. The finds made in Xu Xianxiu tomb: murals on the wall of tomb vestibule (1, 2) and ceramic figure of rider (3, 4).

According to: (Bei Qi Xu Xianxiu, 2006, ill. 6, 7, 38, 40)

смотрится фрагмент росписи, на котором вместе несут сторожевую службу китаец с прической в виде шиньона, заколотого шпилькой, и тюрок в треугольной шапочке (рис. 2.-1). Еще один выразительный портрет представителя кочевого мира найден в составе погребальной пластики. Это конный лучник, который, судя по прическе (рис. 2.-3, 4), относился к «косоплетам»-табгачам, которого еще не затронула китаизация.

Отличительной особенностью настенных росписей погребения Сюй Сяньсю стало подробное изображение костюмов, зафиксировавшее детали орнаментации и фурнитуры одежды, обуви и головных уборов. Распространенным орнаментальным паттерном был узор в виде т.н. «сасанидских» медальонов (Лубо-Лесниченко, 1987). Еще одной особенностью этой могилы является множество изображений лотосов и на настенных росписях, и на фарфоровой утвари. Обилие лотосовых узоров можно связать с высоким статусом буддийского учения в государстве в целом и с интересом покойного к этой религии в частности.

На основе проведенного обзора можно констатировать, что общество Северной Ци представляло собой сложное полиэтничное образование, включавшее потомков различных родов и племен сяньби, китайцев (ханьцев), а кроме того, вероятно, тюркских и жужаньских воинов-наемников, согдийских торговцев и т.д. Представители элиты зачастую имели смешанное происхождение и множественные этнические идентичности. Так, основавший династию клан Гао считался изначально китайским, но фактически имел полуханьские-полусяньбийские корни. Причем в культурном отношении его представители скорее манифестировали свою сяньбийскую идентичность и намеренно демонстрировали презрение к китайской культуре. Нестабильная военно-политическая ситуация в регионе, сохранявшаяся в течение всего времени существования Северной Ци, вынуждала ее правителей к активному поиску союзников в борьбе с соседней Северной Чжоу, что привело к интенсификации дипломатических контактов, обменов данью и династических браков. Параллельно развивалась торговля по Шелковому пути, позволявшая снабжать элиты престижными импортными товарами. Активные кросс-культурные коммуникации способствовали открытости внешнему миру и ускоряли процессы обменов в области как материальной, так и духовной культуры, что нашло отражение в материалах погребальных комплексов высших аристократов Северной Ци.

Список источников

- Варенов А.В. Всадники в трехрогих головных уборах на петроглифах Китая и их сибирские и центрально-азиатские соответствия // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2020. Т. 19, №10: Востоковедение. С. 35–49.
- Ганиев Р.Т. Древние тюрки и Китай в 553–581 гг.: приемы и методы внешней дипломатии // Вестник Томского государственного университета. 2017. №418. С. 78–84.
- Комиссаров С.А., Соловьев А.И. Гробница Лоу Жуй (династия Северная Ци) как памятник переходного периода // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2022. Т. 21, №10: Востоковедение. С. 22–36.
- Комиссаров С.А., Соловьев А.И., Трушкин А.Г. Мультикультурализм в эпоху средневековья: к изучению могилы Юй Хуна (Тайюань, Китай) // Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул, 2015. Вып. 9. С. 6–14.
- Кравцова М.Е. Северные государства Южных и Северных династий (386–581) // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Т. III: Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907). М., 2014. С. 124–142.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. 327 с.
- Лубо-Лесниченко Е.И. «Сасанидские» перлы в Китае // Прошлое Средней Азии. Археология, нумизматика и эпиграфика, этнография. Душанбе, 1987. С. 87–94.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2013. №1. С. 49–71.
- Eisenberg A. Kingship in Early Medieval China. Leiden; Boston, 2008. XII. 279 p. (Sinica Leidensia; vol. 83).
- Lingley K.A. Silk Road Dress in a Chinese Tomb: Xu Xianxiu and Sixth-Century Cosmopolitanism // The Silk Road. 2014. Vol. 12. P. 1–12.
- Бэй Ци Дунъань ван Лоу Жуй му [北齐东安王娄叡墓 // 陶正刚、邓林秀、王天麻等]. Могила дунъаньского вана Лоу Жуй, династия Северная Ци / Тао Чжэнган, Дэн Линьсю, Ван Тяньсю [и др.]. Пекин, 2006. 308 с. + 160 ил. (на кит. яз.).
- Бэй Ци Сюй Сяньсю му [北齐徐显秀墓]. Могила Сюй Сяньсю, династия Северная Ци. Пекин, 2005. 62 с. (на кит. яз.).
- Ци Шоумин. Жужу гунчжу му таюун, вэй нинь цзекай наньбэйчао шэньми мяньша, яньи цычжоубань «шэньхуа» [齐守明·茹茹公主墓陶俑·为您揭开南北朝神秘面纱·演绎磁州版《神话》 // 搜狐]. Керамические фигуры из могилы жужаньской принцессы открывают для Вас завесу тайны Наньбэйчао. Интерпретация цычжоуской версии «Мифа» // Соху : медиа-портал. 17.05.2017. URL: https://www.sohu.com/a/141376814_700561 (дата обращения: 29.05.2023) (на кит. яз.).

Чжан Цинцзе, Чан Иминь. Бэй Ци Сюй Сяньсю му чутудэ цянь ланьбаоши цзинь цзечжи [张庆捷、常一民·北齐徐显秀墓出土的嵌蓝宝石金戒指 // 文物]. Золотой перстень, инкрустированный синим драгоценным камнем, найденный в погребении Сюй Сяньсю эпохи Северной Ци // Вэнью. 2003. №10. С. 53–57 (на кит. яз.).

Чжу Цюаньшэн, Тан Чи. Хэбэй Цысянь дунвэй жужу гунчжу му фацзюэ цзяньбао [朱全升、汤池·河北磁县东魏茹茹公主墓发掘简报 // 文物]. Краткий отчет о раскопках могилы жужаньской принцессы династии Восточная Вэй в уезде Цысянь, пров. Хэбэй // Вэнью. 1984. №4. С. 1–9 (на кит. яз.).

Чжунго каогусюэ: саньго, лян цзинь, наньбэйчао цзюань / Ян Хун, Чжу Яньши чжубянь [中国考古学: 三国、两晋、南北朝卷 / 杨泓、朱岩石主编]. Археология Китая: Троецарствие, Западная и Восточная Цзинь, Северные и Южные династии. Пекин, 2018. 668 с. (на кит. яз.).

Чжэн Янь. Вэй, цзинь, наньбэйчао бихуаму яньцзю [郑岩·魏、晋、南北朝壁画墓研究]. Исследование погребений с настенными росписями эпох Вэй, Цзинь, Северных и Южных династий. Пекин, 2002. 301 с. (на кит. яз.).

Информация об авторах / Information about the Authors

Мария Андреевна Кудинова, Институт археологии и этнографии СО РАН, научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр-т Акад. Лаврентьева, 17, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>, maria-kudinova@yandex.ru

Maria A. Kudinova, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of RAS, researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, Acad. Lavrentiev Ave., 17, Candidate of History, <https://orcid.org/0000-0001-8369-2089>, maria-kudinova@yandex.ru

Сергей Александрович Комиссаров, Институт археологии и этнографии СО РАН, старший научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр-т Акад. Лаврентьева, 17, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-7657-054X>, sergai@mail.ru

Sergei A. Komissarov, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of RAS, Senior Researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, Acad. Lavrentiev Ave., 17, Candidate of History, <https://orcid.org/0000-0002-7657-054X>, sergai@mail.ru

Александр Иванович Соловьев, Институт археологии и этнографии СО РАН, ведущий научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр-т Акад. Лаврентьева, 17, доктор исторических наук, <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>, easolovievy@mail.ru

Aleksander I. Soloviev, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of RAS, Leading Researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, Acad. Lavrentiev Ave., 17, Doctor of History, <https://orcid.org/0000-0003-3891-8944>, easolovievy@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.7(571.13)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.36

КАМЕННЫЕ АЛТАРИКИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Ксения Геннадьевна Маргарян

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Резюме. В статье рассматриваются 130 каменных алтариков раннего железного века с территории Барабинской низменности, Кулундинской степи и Верхнего Приобья. Самые ранние комплексы с рассматриваемыми предметами зафиксированы в Барабинской низменности и датируются переходным временем. Самая многочисленная группа алтариков происходит из Верхнего Приобья и насчитывает 94 предмета. На основании классификации и типологии каменных блюд и сравнения с близлежащими регионами в статье делается вывод о миграции населения в VII–VI вв. до н.э. с территории Центрального и Северного Казахстана в Верхнее Приобье, а в VI–V вв. до н.э. фиксируется миграция на территорию Верхнего Приобья населения с территории Южного Урала на основе распространения типов жертвенников прямоугольной и подпрямоугольной формы с закругленными углами на трех и четырех ножках. Регионом, где в большом количестве распространены такие предметы, является Южный Урал.

Ключевые слова: ранний железный век, каменные алтарики, миграции, Обь-Иртышское междуречье, каменная культура

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-20253.

Для цитирования: Маргарян К.Г. Каменные алтарики раннего железного века Обь-Иртышского междуречья // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 175–182.

STONE ALTARS OF THE EARLY IRON AGE AT THE OB-IRTYSH INTERFLUVE

Ksenya G. Margaryan

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Abstract. The paper concerns 130 stone altars of the Early Iron Age from the Baraba Lowland, Kulunda Steppe and Upper Ob area. The earliest complexes with the regarded objects are situated in the Baraba lowland and are dated to the transitional period. The largest group of altars comes from the Upper Ob region and consists of 94 items. Based on the classification and typology of stone altars and comparison with nearby regions, the article concludes that the population of Central and Northern Kazakhstan migrated in the seventh-sixth centuries BC to the Upper Ob. Most likely in the 6th–5th centuries BC migration, most likely was from the territory of the Southern Urals to the Upper Ob region conclusion is made based on distribution of altars of rectangular and subrectangular shape with rounded corners on three and four legs. The region where such items are widely distributed is the South Urals.

Keywords: Early Iron Age, stone altars, migrations, Ob-Irtysh interfluve, Kamenskaya culture

Acknowledgments: this work was financially supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-20253.

For citation: Margaryan K.G. Stone Altars of the Early Iron Age of Ob-Irtysh Interfluve // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing house of Altai University, 2023. P. 175–182.

Каменные алтарики являются распространенной категорией инвентаря у кочевников раннего железного века Евразии. В восточном ареале их распространения чаще всего для обозначения таких предметов употребляются термины «курильница», «алтарики» или «краскотерка». Самыми многочисленными центрами распространения каменных жертвенников в раннем железном веке являются такие регионы, как Южный Урал и Обь-Иртышское междуречье. Всего на территории Обь-Иртышского междуречья в настоящее время автору известно 130 каменных алтариков. Спорадически комплексы с рассматриваемыми предметами расположены в Барабинской низменности и Кулундинской степи, основная масса — в Верхнем Приобье. Цель настоящей статьи — классификация и типология каменных алтариков Обь-Иртышского междуречья. Всего в процессе анализа выделено 20 типов. Основные принципы классификации каменных алтариков приведены в работе К.Г. Маргарян (2017).

Тип 1. Без опоры, овальной формы, с бортиком (38 экз.).

В Верхнем Приобье известен 31 каменный жертвенник, в Барабинской низменности — два, в Кулундинской степи — пять. Самым ранним комплексом в этой группе с каменным алтариком является погребение 6 кургана №1 могильника Здвинск-1, которое в настоящее время датировано переходным временем IX–VII вв. до н.э. (Молодин, 2006, с. 119–120). Погребение у села Знаменка в Кулундинской степи отнесено авторами раскопок к VII–VI вв. до н.э. (Гельмель, 2013, с. 13). Также к этому периоду относятся погребения с каменными алтариками, происходящими из могил-18 и 25 могильника 1 останца Малый Гоньбинский Кордон-1 (МГК-1) (Кунгуров, 1999, с. 97), расположенного в Верхнем Приобье и отнесенного к староалейской культуре (Фролов, 2019, с. 226).

В Кулундинской степи к VI–V вв. до н.э. отнесен комплекс с алтариком из могилы-3 кургана №1 могильника Кучук-I (Фролов, 1999, с. 214–215). Жертвенники из могилы-3 кургана №3 северной группы и могилы-11 кургана №8 могильника Рогозиха-1 по сопутствующему инвентарю и погребальному обряду датированы 2-й половиной VI — 1-й половиной V в. до н.э. (Уманский и др., 2005, с. 73–75, 77, 98, 107), комплекс отнесен к южному (барнаульскому) варианту каменной культуры и расположен в Приобье (Уманский и др., 2005, с. 78). Два алтарика из курганов №7 и 14 могильника Ордынское-1 авторами публикации датированы VI–V вв. до н.э. и отнесены к большереченской культуре (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 14, 143). Сейчас ряд исследователей большереченскую культуру приравнивают к каменной культуре, последняя датируется в пределах 2-й половины VI — III в. до н.э. Она занимает территорию от Иртыша до района г. Новосибирска (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 180–181).

Периодом V — серединой IV в. до н.э. датируются памятники с каменными алтариками из могилы-19 могильника Староалейка-2 (Кирюшин, Кунгуров, 1996, с. 114–115) и могилы-24 грунтового могильника Обские Плесы (Ведянин, Кунгуров, 1996, с. 88, 114). Оба комплекса отнесены авторами публикаций к староалейской культуре. Один алтарики с территории Барабинской низменности из погребения 1 кургана №1 могильника Бергуль Н.В. Полосьмак (1987, с. 66, 91) отнесен к новочекинской культуре. Основной массив каменных блюд происходит из погребальных памятников каменной культуры (могильники Кирилловка-III, курган №9, погребение 9; Андронов-1, курган №8, погребение 3; Мельничихин Лог-5, курган №2; курганы «26 Июня», курган №2; Елуниинский курганный могильник-I; Рогозиха-1, центральная группа, курган №16, могила-4 и курган №17, могила-8; Новотроицкое-2, курган №5, могила-1, курган

№17, могила-6, курган №18, могила-7, южная камера; Новотроицкое-1, курган №17а, могилы-6–7, курган №22, могила-11, курган №24, могила-4, курган №25, могила-2; Гоньба II; Дресвянка-I, курган №1; Камень-II, курган №16, погребение 4, курган №20, погребение 5; Ближние Елбаны-XII; Масляха-I, курган №4, погребение 3; Быстровка-1, курган №1, могила-1, южный скелет; могильник Усть-Иштовка-1, могила-21; Новоалтайский могильник; могильник Соколово (Могильников, Телегин, 1992, с. 107, 115; Могильников и др., 1991, с. 133, 137; Фролов, 2014, с. 190–191; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 15, 121; Кирюшин, Фролов, 2000, с. 11–12, 45; Фролов, Тишкин, 2019, с. 263; Уманский и др., 2005, с. 109, 112; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 50–129; Шамшин, Лузин, Изоткин, 1991, с. 55; Уманский, Телегин, 1995, с. 119–120; Могильников, Куйбышев, 1982, с. 121–122; Грязнов, 1956, с. 102; Могильников, Уманский, 1992, с. 80, 82; Алехин, 1992, с. 68–69; Фролов, 2006, с. 63; Уманский, Брусник, 1982, с. 199). Каменная культура датируется в пределах 2-й половины VI — III вв. до н.э. Хронологические рамки комплексов достаточно широкие. Комплекс с алтариком в Прииртышье в кургане №4 могильника Кызылтан датирован I тыс. до н.э. — IV–II вв. до н.э. (Смагулов, Пересветов, Айлыбаев, 2014, с. 221, 225).

Тип 2. Без опоры, овальной формы, без бортика (2 экз.).

Такой тип каменных жертвенников известен в могиле-14 могильника 1 останца МГК-1 (Кунгуров, 1999, с. 93, 97). Он отнесен к староалейской культуре VII–VI вв. до н.э. (Фролов, 2019, с. 226). Еще одно блюдо происходит из погребения 3 кургана №21 могильника Камень-II, которое датировано IV–II вв. до н.э. (Могильников, Куйбышев, 1982, с. 122, с. 126–127).

Тип 3. Без опоры, подпрямоугольной формы с закругленными углами, с бортиком (22 экз.).

В Кулундинской степи известно три каменных жертвенника. Они происходят из погребений 7 и 9а кургана №8 могильника Кирилловка-III (Могильников, Телегин, 1992, с. 113–114). Одна находка половины каменного алтарика происходит с поселения Крестьянское-III (Кулундинская степь). Основной материал поселения представлен предметами IV–III вв. до н.э. (Иванов, 2000, с. 18).

Все оставшиеся 19 предметов происходят с территории каменной культуры (Приобье) и датированы V–III вв. до н.э. (останец МГК-1, могильник 1, могила-7; Новотроицкое-1, курган №15, могила-1, костяк №3, курган №5, могила-1, курган №7, могила-3 и 5, курган №30, скелет №3, курган №39, скелет №2; Новотроицкое-2, курган №5, могила-2, курган №8, могила-1; Ордынское-1, курган №2, могила-7; Клепиково-I, погребение 2; Рогозиха-1, центральная группа, курган №16, могила-2 и 6, курган №18, могила-6; Новый Шарап-1, курган №11; Новый Шарап-2, курган №2, могила-10; Быстровка-1, курган №1, могила-1, северный скелет; Милованово-8, курган №3, могила-7; Усть-Иштовка-1, могила-10 (Кунгуров, 1999, с. 97; Фролов, 1996, с. 135–136; Уманский и др., 2005, с. 108–109, 113; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 10–11, 14–18, 37–38, 40, 63–64, 68–69, 78, 80, 86–87; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 118–119, 128, 143, 150, 166; Кунгуров, Тишкин, 1996, с. 131, 136).

Тип 5. Без опоры, яйцевидной формы, с бортиком (3 экз.).

Два предмета известны на территории Барнаульского Приобья (могильник Рогозиха-1, южная группа, курган №13, могила-1; северная группа, курган №4, могила-1). Датируются комплексы 2-й половиной VI — IV вв. до н.э. и отнесены к южному (барнаульскому) варианту каменной культуры (Уманский и др., 2005, с. 77–78, 99, 116). Комплекс с алтариком в Прииртышье в кургане №1 могильника Кызылтан датируется I тыс. до н.э. — IV–II вв. до н.э. (Смагулов, Пересветов, Айлыбаев, 2014, с. 221, 228).

Тип 7. Без опоры, округлой формы, с бортиком (12 экз.).

В Верхнем Приобье известно 11 предметов рассматриваемой формы. Они обнаружены в могиле-А кургана №16 могильника Ордынское-1, кургана №6 могильника Новый Шарап-1, могиле-2 кургана №19 могильника Новотроицкое-1, могиле-5 кургана №11, могиле-4 кургана №15 могильника Новотроицкое-2, погребении 4 кургана №24 могильника Камень-II, могиле-5 могильника Ближние Елбаны-XII, могильника Быстровка-III, кургана №1 могильника Милованово-8, погребении 1 могилы-13 могильника Усть-Иштовка-1. Датируются комплексы в пределах VI–III и в большинстве своем отнесены к каменной культуре (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 14, 16, 22, 127, 143; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 52–53, 93–94, 100–103, 181; Могильников, Куйбышев, 1982, с. 128–129; Грязнов, 1956, с. 95; Бородовский, 2009, с. 78; Кунгуров, Тишкин, 1996, с. 133). В Кулундинской степи алтарик из кургана №6 могильника Михайловский-VI датируется 2-й половиной VI — началом V вв. до н.э. (Шамшин, Демин, Навротский, 1992, с. 62–63; Уманский и др., 2005, с. 6, 187).

Тип 8. Без опоры, округлой формы, без бортика (1 экз.).

Такой формы алтарик известен в погребении каменной культуры (V–III вв. до н.э.) 8а кургана №5 могильника Кирилловка-III в Кулундинской степи (Могильников, Телегин, 1992, с. 107, 117).

Тип 9. Без опоры, прямоугольной (в т.ч. квадратной) формы, с бортиком (3 экз.).

В Верхнем Приобье известно два комплекса с каменными алтариками рассматриваемой формы (могильник Новотроицкое-2, курган №18, могила-7, северная камера и грунтовый могильник Кордон, обрушившееся погребение). Датированы погребения авторами публикаций V–III вв. до н.э. (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 108, с. 113–114, 181; Фролов, 2000, с. 169, 171). В Кулунде известен один алтарь из могильной ямы 3 кургана №6 могильника у села Леонтьевка (Арсланова, 1962, с. 87, 93).

Тип 13. Без опоры, подтреугольной формы, с бортиком (1 экз.).

Алтарь происходит с поселения VI–V вв. до н.э. Шелаболиха-III в Верхнем Приобье (Фролов, 1999, с. 214–215).

Тип 14. Без опоры, неправильной формы, с бортиком (2 экз.).

В Приобье каменные жертвенники известны в могильнике Ордынское-9 (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 133, 182) и погребении 8а кургана №5 могильника Кирилловка-III (Могильников, Телегин, 1992, с. 107, 110). Датированы комплексы в пределах бытования каменной культуры.

Тип 16. Без опоры, полуовальной формы, с бортиком (1 экз.).

Такой формы алтарь происходит из могилы-1 кургана №6 северной группы могильника Рогозиха-1 (Верхнее Приобье). Комплекс авторами раскопок отнесен ко 2-й половине VI — 1-й половине V в. до н.э. (Уманский и др., 2005, с. 73–75, 77–78, 101).

Тип 17. Без опоры, трапецевидной формы, с бортиком (3 экз.).

Самый ранний комплекс с таким типом каменных алтариков известен в ритуальном прикладе в ограде №1 могильника Семиярка-IV (Кулундинская степь). Датирован комплекс VII–VI вв. до н.э. (Грушин и др., 2019, с. 90, 95). Такой тип каменных алтариков в Приобье известен несколько позднее, в могиле-5 кургана №23 могильника Новотроицкое-2 и могиле могильника Усть-Иштовка-1. Датированы комплексы в пределах V–III вв. до н.э. (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 124–125, 181; Кунгуров, Тишкин, 1996, с. 129, 136).

Тип 18. С опорой, овальной формы, на низком поддоне, с бортиком (4 экз.).

Все предметы происходят с территории каменной культуры и датированы V–III вв. до н.э. (Верхнее Приобье) (курган №1 в урочище Раздумье-IV, могила-1; Рогозиха-1, центральная группа, курган №17, могила-6; курганный могильник Масляха-I, курган №1, погребение 9; могильник Быстровка-1, курган №2, могила-1 (Уманский, 1995, с. 111–112; Уманский и др., 2005, с. 111; Могильников, Уманский, 1992, с. 69, 72; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 121).

Тип 20. С опорой, округлой формы, на низком поддоне, с бортиком (1 экз.).

Один предмет рассматриваемой формы происходит из могилы-23 могильника МГК-1 (Верхнее Приобье). Датирован комплекс VII–VI вв. до н.э. (Кунгуров, 1999, с. 93, 97, рис. 1.-27).

Тип 34. С опорой, овальной формы, на четырех низких ножках, округлой формы в сечении, с бортиком (6 экз.).

Такая форма жертвенников известна в Барабинской низменности и Кулунде. С территории Барабы каменные алтарики происходят из кургана Красноярка-10, погребения 1 кургана №1 могильника Малинино-3 и из могильника Здвинск-2 (Трофимов, Плахута, 2011, с. 129–134; Трофимов, 2017, с. 135–136; Плахута, Автушкова, 2018, с. 182; Молодин, Гаркуша, Гришин, 1999, с. 442–443). Курган Красноярка-10 авторами публикации относится к периоду V–IV вв. до н.э., по их мнению, он оставлен саргатским населением. Датировка не вызывает сомнений, за исключением нижнего погребения, которое стоит особняком от остальных четырех погребений кургана. Авторы уточняют, что погребенные находились в одном могильном котловане, очертания же могильных ям проследить не удалось. Нижнее погребение по стратиграфическим наблюдениям авторов более раннее и датировано, по их мнению, вероятнее всего, V–IV вв. до н.э., а верхние четыре — IV в. до н.э. (Трофимов, Плахута, 2011, с. 131–133). Инвентарь, с которым был уложен нижний погребенный, включает в себя предметы, которые находят аналогии в первую очередь в памятниках тасмолинской историко-этнографической общности VII–VI вв. до н.э. Подробно вопрос о датировке каменных алтариков рассматриваемого типа дан в работе автора (Маргарян, 2019, с. 219–223). В Кулунде каменные алтарики известны в кургане №4 могильника Михайловский-VI и в могильной яме 3 кургана №3 могильника у села Леонтьевка. Датированы комплексы авторами публикаций концом VI–II вв. до н.э. (Шамшин, Демин, Навротский, 1992, с. 62–63, 66–67; Уманский и др., 2005, с. 6; Фролов, Шамшин, 1999, с. 49; Арсланова, 1962, с. 93, 81–83, табл. VI.-2). По нашему мнению, эти комплексы относятся к каменной культуре и по аналогии с жертвенниками этого типа с других территорий должны датироваться в пределах конца VI — V в. до н.э.

В этом типе 34 выделен вариант 1, подвариант 1.10 — алтарики с опорой, овальной формы, на четырех низких ножках, округлой в сечении формы, с бортиком, с наличием геометрических изображений в виде орнамента в форме треугольного зигзага, заключенного между двумя параллельными линиями. Известен один алтарик в Барабинской низменности в кургане №3 могильника Старый Сад, датирован алтарик V в. до н.э. (Полосьмак, 1987, с. 86–87).

Тип 37. С опорой, подпрямоугольной формы с закругленными углами, на четырех низких ножках, округлой формы в сечении, с бортиком (5 экз.).

Такая форма алтариков известна только в Верхнем Приобье в могиле-7 кургана №12, могиле-4 кургана №18 могильника Новотроицкое-1, могиле-3 кургана №13 могильника Новотроицкое-2, могильнике Быстровка-III и Новоалтайском. Датируются все комплексы в пределах каменной культуры V–III вв. до н.э. (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 28, 48–49, 96–97, 181; Плахута, Автушкова, 2018, с. 183; Бородовский, 2009, с. 78; Фролов, 2006, с. 63, 65).

Тип 38. С опорой, прямоугольной формы (в том числе квадратной), на четырех низких ножках, округлой формы в сечении, с бортиком (2 экз.).

К этому типу относятся фрагменты от жертвенников из кургана №2 и могилы-1 кургана №5 северной группы могильника Рогозиха-1 (Верхнее Приобье) (Уманский и др., 2005, с. 98, 100). Авторы раскопок датируют курганы северной группы по сопутствующему инвентарю ранним периодом существования каменной культуры: концом VI — началом V в. до н.э. (Уманский и др., 2005, с. 77).

Тип 39. С опорой, прямоугольной формы (в том числе квадратной), на четырех высоких ножках, овальной в сечении формы, с бортиком (1 экз.).

В Кулундинской степи известен один каменный «стол» из могилы-2 кургана №11 могильника у поселка Кызылтан (Смагулов, Пересветов, Айлыбаев, 2014, с. 227, рис. 2.-13). Погребальный обряд и инвентарь этого комплекса, как видится, находит общие черты с комплексами каменной культуры, которая в VI–III вв. до н.э. занимала территорию от Иртыша до района г. Новосибирска (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 180). Дата же комплекса с каменным жертвенником по аналогии с алтариками с других территорий рассматриваемого типа датируется в пределах конца VI — IV в. до н.э.

Тип 41. С опорой, прямоугольной формы (в том числе квадратной), на четырех высоких или равных высоте блюда ножках, округлой формы в сечении, с бортиком (12 экз.).

В Барабинской низменности известно два погребальных комплекса с каменными алтариками, относящихся к саргатской культуре. Это жертвенник из кургана №2 могильника Карташово-II (Могильников, 1983, с. 219–220) и из погребения 2 кургана №1 курганной группы Богдановка-III (Могильников, Колесников, Куйбышев, 1977, с. 225–226). Рисунок или фотография последнего мне, к сожалению, не известны. Обнаружены эти предметы в саргатских комплексах V–IV (III) вв. до н.э.

Жертвенники в кулундинской степи (Павлодарское Прииртышье) и в Приобье в большинстве случаев меньше по размерам, чем южноуральские образцы. Их длина в среднем от 10,0 до 21,6 см, ширина — от 5,0 до 16,2 см, высота — от 4,6 до 9,2 см. Выделяется среди всех своими крупными размерами алтарик из могилы-12 могильника Усть-Иштовка-1 (Кунгуров, Тишкин, 1996, с. 132, рис. 3.-1; Фролов, Тишкин, 2019, с. 262, рис. 2.4.-2). К сожалению, авторы публикации не приводят точных размеров алтарика, но судя по рисунку его длина 23–24 см, ширина 19–20 см, высота 8–9 см. Датированы рассматриваемые предметы V–III вв. до н.э. и отнесены к каменной культуре (Могильников и др., 1991, с. 132, 138; Могильников, Телегин, 1992, с. 107, 117; Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 89–90, 181; Уманский и др., 2005, с. 73–75, 77, 98, 101, 103, 107; Горбунов и др., 2001, с. 103; Кунгуров, Тишкин, 1996, с. 130, 132, 136).

Тип 42. С опорой, подпрямоугольной формы с закругленными углами, на четырех высоких ножках, прямоугольной в сечении формы, с бортиком (1 экз.).

Пока что в этот тип включен только один жертвенник, из могильной ямы 4 кургана №5 могильника у с. Леонтьевка в Кулундинской степи. Автор публикации датирует этот жертвенник IV–II вв. до н.э. (Арсланова, 1962, с. 85, 83, 93, табл. VI.-3). Скорее всего, этот алтарик изготовлен носителями каменной культуры. В.А. Могильников (1997, с. 7) пишет, что памятники Павлодарского Прииртышья по своим характеристикам погребального обряда и инвентаря близки каменной культуре.

Тип 44. С опорой, подпрямоугольной формы с закругленными углами, на трех низких ножках, с бортиком (1 экз.).

Жертвенник такого типа найден в могиле-8 кургана №9 могильника Новотроицкое-1 на территории Приобья. Погребальный комплекс с алтариком авторами раскопок датирован V–III вв. до н.э. и отнесен к каменной культуре (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 19, 22, 181, 211, рис. 11.-9).

По его внешним характеристикам можно предположить, что этот предмет изготовлен местными камнерезами. Такая форма каменных алтариков в большом количестве распространена только на Южном Урале (Коноплева, 2016, с. 111).

Известно также семь фрагментов алтариков без опоры и четыре предмета, форма, которых из публикаций не известна.

Таким образом, самая большая концентрация каменных алтариков зафиксирована в Верхнем Приобье (94 предмета). Среди всех типов каменных блюд преобладают алтарики без ножек (99 экз.), в хронологическом плане это самый ранний тип каменных алтариков. Эта форма является самой распространенной на территории обитания племен раннего железного века. По мнению ряда авторов, каменные жертвенники в Обь-Иртышье и Приобье появляются в связи с миграцией населения из Северного, Центрального Казахстана и Юго-Восточного Приаралья (Могильников, 1997, с. 88–98; Мошкова, 2000, с. 214; Таиров, 2007, с. 114–115; Уманский и др., 2005, с. 25–26). Спорадические комплексы на территории Кулундинской степи и Обь-Иртышья как раз маркируют, скорее всего, движение «тасмолинцев» и «улубаевцо-тасмолинцев» на территорию Приобья в VII–VI вв. до н.э. Они приносят на территорию Верхнего Приобья алтарики без опоры, овальной, подпрямоугольной формы с закругленными углами и других типов без ножек. Вторая волна мигрантов была, скорее всего, несколько позднее — с территории Южного Урала в VI–V вв. до н.э. Подтверждением этому является распространение каменных алтариков в Приобье прямоугольной и округлой форм на четырех или трех ножках. У сакского населения VII–VI вв. до н.э. Центрального и Северного Казахстана такие формы алтариков не известны. Дальнейшая корреляция погребального обряда с инвентарем и типами каменных алтариков могут дать возможность выделения культурно-хронологических горизонтов и сужения дат некоторых комплексов.

Список источников

- Алехин Ю.П. Охранные раскопки на могильнике Усть-Иштовка-I // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Вып. 3. Горно-Алтайск, 1992. С. 68–69.
- Арсланова Ф.Х. Могильник ранних кочевников на правом берегу Иртыша // Известия Академии Наук Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. 1962. Вып. 2 (19). С. 77–93.
- Бородовский А.П. Традиционные и естественно-научные методы датирования погребальных комплексов (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа). Новосибирск, 2009. 90 с.
- Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 88–114.
- Гельмель Ю.И. Раннескифское погребение из Кулундинской степи // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае. 2011–2012 гг.: археология, этнография, устная история. Вып. 8. Барнаул, 2013. С. 10–14.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Фролов Я.В., Дашковский П.К. Аварийные раскопки на курганном могильнике Иня-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. Барнаул, 2001. С. 101–104.
- Грушин С.П., Мерц И.В., Мерц В.К., Фрибус А.В. Ритуальный приклад раннего железного века из могильника Семиярка-IV (Восточный Казахстан) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №1 (25). С. 86–98.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1956. №48. 228 с.
- Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово). Барнаул, 2000. 160 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 115–134.
- Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Памятники скифского времени (VI–III вв. до н.э.) на территории Павловского района // Павловский район: очерки истории и культуры. Барнаул; Павловск, 2000. С. 42–50.
- Коноплева К.Г. Каменные жертвенники ранних кочевников Южного Зауралья // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Оренбург, 2016. С. 109–113.
- Кунгуров А.Л. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-I в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 92–98.
- Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Результаты исследования памятника эпохи раннего железа Усть-Иштовка-I на Алтае // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 124–144.
- Маргарян К.Г. Основные принципы классификации и типологии каменных жертвенников раннего железного века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, №2. С. 104–106.
- Маргарян К.Г. Каменные жертвенники раннего железного века овальной формы на четырех низких ножках // Наука ЮУрГУ. Челябинск, 2019. С. 218–225.
- Могильников В.А. Работы Алтайской экспедиции // Археологические открытия 1981 года. М., 1983. С. 217–220.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.

- Могильников В.А., Колесников А.Д., Куйбышев А.В. Работы в Прииртышье // Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С. 225–226.
- Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы «Камень-II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // Советская археология. 1982. №2. С. 113–134.
- Могильников В.А., Неверов С.В., Телегин А.Н., Уманский А.П. Андроново-I — могильник раннего железа в Восточной Кулунде // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 127–139.
- Могильников В.А., Телегин А.Н. Кирилловка-III — могильник эпохи раннего железа на севере Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 107–120.
- Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы Масляха-I по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 69–93.
- Молодин В.И. Некрополь городища Чича-I и проблема погребальной практики носителей культуры переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. №4 (28). С. 115–121.
- Молодин В.И., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е. К археологической карте Западной Барабы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1999. С. 439–445.
- Мошкова М.Г. Еще раз о каменных «жертвенниках» и «савроматской» археологической культуре // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 201–215.
- Плахута Д.О., Автушкова А.Л. О семантике некоторых жертвенников раннего железного века Западной Сибири: вариант интерпретации // Stratum plus. Археология и культурная антропология. Социология потустороннего. 2018. №3. С. 181–186.
- Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск, 1987. 144 с.
- Смагулов Т.Н., Пересветов Г.Ю., Айлыбаев Т.К. Предварительные итоги раскопок курганов раннего железного века у п. Кызылтан // Маргулановские чтения — 2014. Алматы; Павлодар, 2014. С. 221–229.
- Таиров А.Д. «Тасмолинцы» и внешний мир // Кадырбаевские чтения. Актобе, 2007. С. 112–120.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.
- Трофимов Ю.В. Каменный жертвенник и керамическая курительница // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. №3 (15). С. 134–137.
- Трофимов Ю.В., Плахута Д.О. Археологические исследования ОГИК музея в 2010 году // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2011. №16. С. 129–134.
- Уманский А.П. Курган раннего железного века из урочища Раздумье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 110–118.
- Уманский А.П., Брусник Н.Д. Соколовские курганы // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 187–202.
- Уманский А.П., Телегин А.Н. Два кургана раннего железного века близ села Дресвянка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 119–123.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.: ил.
- Фролов Я.В. Грунтовый могильник раннего железного века Клепиково-I // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 135–143.
- Фролов Я.В. Некоторые проблемы в изучении памятников, датируемых VI–V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 211–219.
- Фролов Я.В. Вещевой комплекс могильника раннего железного века Кордон // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул, 2000. С. 169–171.
- Фролов Я.В. Материалы скифского времени из Новоалтайского могильника // Современные проблемы археологии России. Т. II. Новосибирск, 2006. С. 63–66.
- Фролов Я.В. Новые могильники раннего железного века в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул, 2014. С. 189–194.
- Фролов Я.В. Староалейская культура // История Алтая. Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Т. I. Барнаул; Белгород, 2019. С. 220–233.
- Фролов Я.В., Тишкин А.А. Каменная культура // История Алтая. Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Т. I. Барнаул; Белгород, 2019. С. 255–272.
- Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Курганный могильник Михайловский VI на юге Кулунды и некоторые вопросы, связанные с интерпретацией курганов скифского времени с шатровыми деревянными конструкциями под насыпью // Михайловский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 1999. С. 42–50.
- Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И. Раскопки курганного могильника раннего железного века «Михайловский IV» на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 60–68.
- Шамшин А.Б., Лузин С.Ю., Изоткин С. Раскопки курганов раннего железного века в окрестностях г. Барнаула // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 52–56.
- Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Ксения Геннадьевна Маргарян, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Научно-образовательный центр евразийских исследований, младший научный сотрудник; кафедра «Международные отношения, политология и регионоведение», старший преподаватель; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 76, <https://orcid.org/0000-0002-8017-7011>, konoplyova-ksenya@mail.ru

Ksenya G. Margaryan, South Ural State University (National Research University), Scientific and Educational Center Eurasian Studies, junior researcher; Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Senior Lecturer; 454080, Chelyabinsk, Russia, Lenin Ave., 76, <https://orcid.org/0000-0002-8017-7011>, konoplyova-ksenya@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.53(571.150)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.37

«КУРГАН С “УСАМИ”» ТРОИЦКОЕ-1 В СЕВЕРНОЙ КУЛУНДЕ

Жанна Валерьевна Марченко, Артем Евгеньевич Гришин

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Резюме. Статья вводит в научный оборот информацию о новом ритуальном комплексе древних степных кочевников типа «курган с “усами”». В работе представлены основные характеристики подобных сооружений из казахстанско-южно-уральского ареала — основного места их локализации, а также перечислены основные историографические вопросы, связанные с их изучением. Обнаруженный авторами объект Троицкое-1 расположен в северной части Кулундинской степи, первоначально выявлен по анализу космоснимков. В статье описана ландшафтная ситуация, структура комплекса, морфологические признаки и размеры основных элементов памятника. Пойменное расположение комплекса, а также ряда других подобных объектов в Северной Кулунде объясняет, на взгляд авторов, их относительно позднюю археологическую фиксацию.

Ключевые слова: ритуальный комплекс, «курган с “усами”», север Кулундинской степи, степные кочевники, период раннего железного века и раннего средневековья

Благодарности: исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технология, адаптация и культурные связи» (FWZG–2022–0006).

Для цитирования: Марченко Ж.В., Гришин А.Е. «Курган с “усами”» Троицкое-1 в Северной Кулунде // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 182–186.

THE «KURGAN WITH A “MOUSTACHE”» TROITSKOE-1 FROM THE NORTHERN KULUNDA STEPPE

Zhanna V. Marchenko, Artem E. Grishin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract. Here we present information about new ritual complex of ancient steppe nomads the «kurgans with a “moustache”» type. The paper presents the main characteristics of such structures from the Kazakh-South Ural area — the main place of their localization and lists the main historiographic issues related to their study. The Troitskoye-1 object discovered by the authors is in the northern part of the Kulunda steppe, originally identified by analyzing satellite images. The article describes the landscape situation, the structure of the complex, morphological features, and dimensions of the main elements of the site. The floodplain location of the complex, as well as a number of other similar objects in Northern Kulund, explains, in the authors’ opinion, their relatively late archaeological fixation.

Keywords: ritual complex, «kurgan with a “moustache”», north of the Kulunda steppe, steppe nomads, Early Iron Ages and Early Medieval Time

Acknowledgments: the study was carried out under the Project “Comprehensive Studies of the Ancient Cultures of Siberia and Adjacent Territories: Chronology, Technology, Adaptation and Cultural Ties” (FWZG–2022–0006).

For citation: Marchenko Z.V., Grishin A.E. The «Kurgan with a “Moustache”» Troitskoe-1 from the Northern Kulunda Steppe // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 182–186.

Введение. «Курганы с “усами”» (КСУ) являются масштабными ритуальными памятниками древнего степного кочевого населения. Основная территория их распространения включает центр Евразии.

зии — от Верхнего Прииртышья до Южного Зауралья. История их исследования составляет почти 100 лет. Первые объекты в виде специфических каменных конструкций были выявлены на территории Центрального Казахстана. На данный момент известно уже около 600 объектов «курганов с «усами»» (Грудочко, 2020, с. 130, табл. 1). Около 60 сооружений изучены раскопками, в т.ч. с исследованием всех сооружений и внутреннего пространства комплекса.

Характерными признаками этих объектов являются небольшие уплощенные ритуальные площадки (реже собственно курган с останками человека), от которых в восточном или юго-восточном направлении на десятки, а порой сотни метров простираются невысокие каменные (реже грунтовые) гряды-«усы» (Бейсенов, 2017, с. 32; Грудочко, 2020, с. 47). Окончания «усов», как правило, оформлялись особым образом — кольцевыми выкладками, насыпями, расширениями в виде ромба, квадрата, треугольника и пр. Иногда в каменных грядах или их окончаниях устанавливались стелы (Боталов, Таиров, Любчанский, 2006; Бейсенов, 2017; Любчанский, Таиров, 2007). Длина всего комплекса может варьировать от 10 до 280 м и может быть разной даже в рамках одного памятника (Грудочко, 2020, табл. 1).

Расположение КСУ на курганных могильниках, а также часто их планиграфическая приуроченность к курганам осложняют их идентификацию в качестве самостоятельных объектов или синхронной составляющей части погребально-поминального комплекса. В основу типологических схем исследователей положено, как правило, наличие собственно кургана, расположенного к западу от ритуальных площадок (иногда курган и ритуальная площадка планиграфически совмещаются), а также количество ритуальных площадок, от которых начинаются каменные «усы»-гряды (Маргулан и др., 1966; Бейсенов, 1996; 2017; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006; Любчанский, 2006; Грудочко, 2020).

Основные вопросы изучения КСУ касаются времени их появления и периода использования, культурной атрибуции и функциональной принадлежности (Бейсенов, 1996; 2017; Боталов, Таиров, Любчанский, 2006; Грудочко, 2020). Проблема культурно-хронологической атрибуции комплексов выражена в двух основных направлениях: «раннекочевническом» (М.П. Грязнов, М.К. Кадырбаев, А.З. Бейсенов и др.) и «раннесредневековом» (А.Х. Маргулан, С.Г. Боталов, И.Э. Любчанский, И.В. Грудочко и др.) (Грудочко, 2020, с. 27–30). Обе культурно-хронологические концепции имеют актуальный корпус аргументов и самостоятельно развиваются. Единство мнений заключается в отнесении этих комплексов к скотоводам-кочевникам. Невозможность однозначной хронологической идентификации КСУ на настоящий момент связана с тем, что в большинстве центральных насыпей археологический материал отсутствует или весьма скуден. Редкие погребальные комплексы в курганах или отдельные находки в заполнении объектов могут относиться к разным кочевым традициям: от раннего железного века (сакские древности) до раннего средневековья (раннетюркские образования), т.е. к диапазону от середины I тыс. до н.э. до I тыс. н.э. Положительная тенденция по вопросу решения хронологии отдельных КСУ наметилась в связи с радиоуглеродным датированием образцов из разных планиграфических частей КСУ: курганов, ритуальных площадок и из «усов» (Грудочко, 2020; Бейсенов, 2020; Бейсенов и др., 2020), что на новом доказательном уровне позволяет рассматривать время и место появления и распространения данной архитектурной традиции в разных частях ареала. Наибольшее количество КСУ, разнообразие типов, а также наиболее ранние ^{14}C даты происходят из объектов с территории Центрального Казахстана, что, возможно, и определяет место генезиса этой традиции (Бейсенов, 2017; 2020; Бейсенов и др., 2020).

Недавно благодаря изучению космоснимков Google Earth группа подобных грунтовых ритуальных комплексов была обнаружена в северной части Кулундинской степи, на территории Карасукского и Баганского районов Новосибирской области (Гришин, Марченко, 2022). Кулундинские КСУ расположены на расстоянии более чем 300 км северо-восточнее от ближайших подобных объектов в Казахстане. На данный момент в Кулунде выявлено и в разной степени обследовано 20 сооружений. В данной работе мы характеризуем наиболее западный КСУ из Кулундинской группы памятников, который включает наибольшее количество (четыре) ритуальных насыпей в своем составе.

Памятник Троицкое-1 расположен на правом берегу р. Карасук, в 1 км к северу от одноименной деревни (Карасукский район, Новосибирская область). КСУ был выявлен в виде характерной структуры — цепочки из нескольких «курганов» и двух вытянутых изогнутых валов по линии В-3 (рис. 1). В ходе разведки территория памятника была осмотрена и составлен подробный план памятника, схематично представленный в статье. Подъемный материал не обнаружен.

Пойменный участок, на котором находится памятник, ровный субгоризонтальный, расположен между двух заболоченных, местами пересыхающих стариц, соединенных с озерами Малое Горькое и Кусган. Судя по серии космоснимков, произведенных в весеннее время, в сезон половодья, этот участок находится вплотную к зоне временного подтопления. На почве проступают засоленные участки.

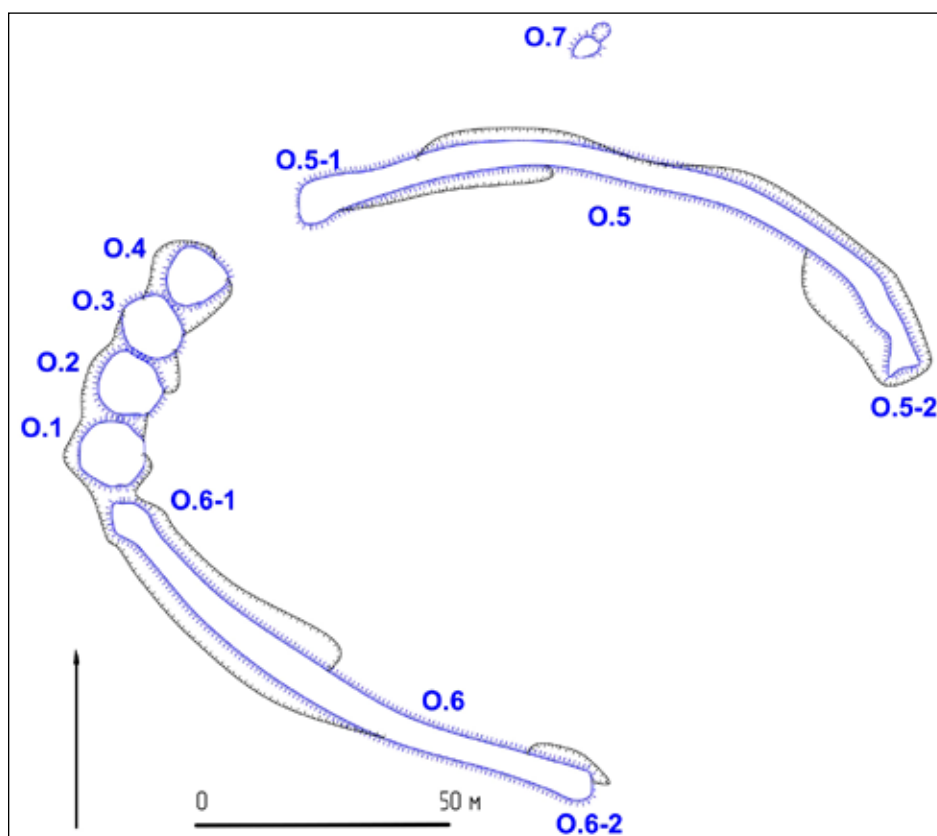

Рис. 1. Схема «кургана с «усами»» Троицкое-1
 Fig. 1. The schema of the «kurgan with «mustaches»» Troitskoe-1

В настоящее время территория объекта используется под выпасы, вследствие чего поверхность памятника нарушена тропами скота в направлении север — юг. Тип растительности — луговой. Археологические структуры локально или полностью покрыты суккулентами (солерос), типчаком.

Структура комплекса — четыре центральные грунтовые, невысокие, округлые в плане насыпи (об. 1–4) (рис. 2). Они расположены равномерной цепочкой по линии СВ–ЮЗ; имеют практически одинаковую высоту — 0,24–0,28 м, и диаметр от 10 до 13 м. Следует подчеркнуть, что в профиль насыпи имеют не полусферическую форму, как большинство надмогильных сооружений в регионе, а уплощенный контур, близкий к трапецевидному. В результате центральные объекты представляют собой своеобразные площадки, на уплощенной части которых характер растительности резко изменяется (солерос) (рис. 2.-1). От крайних насыпей (об. 1 и 4) на расстоянии в 4–18 м к юго-востоку начинаются два невысоких грунтовых вала — северный и южный (об. 5 и 6; рис. 2.-2). Все четыре окончания валов переходят в концевые сооружения округлой формы, вытянутые вдоль их оси и имеющие чуть большую высоту, чем вал. Восточная концевая насыпь южного уса (об. 6-1) имеет заметное понижение по центру. Восточные участки валов выражены наиболее рельефно (0,15–0,12 м). Валы в профиль уплощенные. Общая протяженность всего комплекса сооружений — 137 м, максимальная ширина — 129 м. Продольная ось памятника Троицкое-1 ориентирована ЗСЗ–ВЮВ.

По периметру центральных сооружений и валов, вплотную к их подошве фиксируются протяженные и сглаженные неравномерные по глубине выемки (на плане показаны черной линией). Вероятнее всего, эти углубления имеют технологический характер и остались после извлечения грунта для строительства комплекса.

В 23 м к северу от края северного вала обнаружена западина овальной формы размером 4×3 м, глубиной около 0,2 м, вытянутая по линии север — юг (об. 7). Вплотную к ней с южной части примыкал выкид размером 5×4 м. Нельзя исключать, что данный объект может быть грунтовым захоронением достаточно позднего времени, на что указывают морфология и размеры западины и остатки выкида.

Очевидно, что комплекс Троицкое-1 и другие сооружения группы — типичные КСУ, которые по морфологии, планиграфии и размерам аналогичны многочисленным памятникам основного казахстанского — южно-зауральского ареала (Грудочко, 2020, с. 47–80). Так, в кулундинских сооружениях

Рис. 2. «Курган с “усами”» Троицкое (фото): 1 — цепочка центральных ритуальных сооружений (об. 1–4, вид с северо-запада); 2 — западная оконечность южного вала (об. 6–1, вид с юго-востока)

Fig. 2. The «kurgan with “mustaches”» Troitskoe-1 (photo): 1 — the chain of central ritual buildings (objects 1–4, view from the northwest); 2 — the western ending of southern swell (object 6–1, view from the southeast)

достоверно зафиксированы одна, две или четыре центральных насыпи. Ориентировка азимутов продольной оси укладывается между 82° и 130° , ЗЮЗ–ВСВ до СЗ–ЮВ. Общая длина КСУ колеблется достаточно значительно — между 83 и 281 м, ширина — 88–261 м. Центральных насыпей высотой более 0,6 м нами пока не зафиксировано. Для некоторых КСУ группы, и в частности для Троицкого-1, характерна также неравномерность размещения цепочки центральных насыпей относительно валов, некоторая асимметрия общей композиции комплекса (один вал длиннее другого, разная степень изогнутости).

Особенности расположения северо-кулундинских КСУ в пойменных участках повлияли на их относительно позднее обнаружение. Традиционно пойма не рассматривались исследователями, работавшими в регионе, в качестве перспективных мест для поиска археологических памятников, поскольку все известные до сих пор объекты расположены на более высоких формах рельефа (гривы, террасы). Кроме того, пойменные участки не всегда доступны для обследования, так как сезонно подтапливаются и покрыты густым травостоем. Поэтому ключевым моментом для обнаружения КСУ в Северной Кулунде стала дешифровка космоснимков, ставших доступными исследователям сравнительно недавно. Метод дешифровки аэрофотоснимков и космоснимков активно используется и коллегами, выявляющими и исследующими КСУ в основном ареале их распространения.

Список источников

- Бейсенов А.З. Культово-ритуальные сооружения древних кочевников Центрального Казахстана // Известия Министерства науки Академии наук Республики Казахстан. Серия: Общественные науки. 1996. №2. С. 31–40.
- Бейсенов А.З. Курганы с «усами» Центрального Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Т. 2. Алматы, 2017. С. 31–37.
- Бейсенов А.З. Находки костей животных в курганах с «усами» Центрального Казахстана // Теория и практика археологических исследований. 2020. №1. С. 122–134.
- Бейсенов А.З., Ахияров И.К., Джуманазаров Н.Ш., Дуйсенбай Д.Б. Олений камень на кургане с «усами» в долине Койшоки в Центральном Казахстане // Археологические вести. 2020. Вып. 26. С. 166–177.
- Боталов С.Г., Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Курганы с «усами» урало-казахстанских степей. Челябинск, 2006. 232 с.
- Гришин А.Е., Марченко Ж.В. Первые объекты типа «курган с «усами»» в Кулундинской степи // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022. Т. XXVIII. С. 479–486.
- Грудочко И.В. Курганы с «усами»: эпоха поздней древности и раннего средневековья урало-казахстанских степей (IV–VII вв. н.э.). Будапешт, 2020. 351 с.
- Любчанский И.Э. Курганы с «усами»: типология и хронология // Археология Южного Урала. Степь (проблема культурогенеза). Челябинск, 2006. С. 386–408 (Серия: Этногенез уральских народов).
- Любчанский И.Э., Таиров А.Д. Археология и архитектура комплекса кургана с «усами» Новокудуровский-I // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. Курган, 2007. С. 158–162.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. 436 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Жанна Валерьевна Марченко, Институт археологии и этнографии СО РАН, Отдел археологии палеометалла, старший научный сотрудник; 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-4729-8575>, afrika_77@mail.ru

Zhanna V. Marchenko, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Department of Palaeometal Archaeology, Senior Researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, Akad. Lavrentiev Ave., 17, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-4729-8575>, afrika_77@mail.ru

Артем Евгеньевич Гришин, Институт археологии и этнографии СО РАН, Отдел археологии палеометалла, старший научный сотрудник; 630090, Россия, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-8367-2272>, grishin@archaeology.nsc.ru

Artem E. Grishin, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Department of Palaeometal Archaeology, Senior Researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, Akad. Lavrentiev Ave., 17, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0001-8367-2272>, grishin@archaeology.nsc.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.22(235.226)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.38

О МЕДНОМ ВТОКЕ, НАЙДЕННОМ В МОНГОЛЬСКОМ АЛТАЕ

Мунхбаяр Чулуунбат Боролдой

Ховдский филиал Монгольского государственного университета, Ховд, Монголия

Резюме. В статье описывается медный вток, найденный на территории Монгольского Алтая, приводятся результаты определения его химического состава и дается сравнение с датировками уже известных археологических памятников. Считается, что артефакт может быть связан с периодом от чемурчекской культуры (2700–1600 гг. до н.э.) до чандманьской культуры (700–300 гг. до н.э.), а также вероятно его бытование у населения культуры херексуров и «оленных» камней (1300–700 гг. до н.э.). Химический состав металлического ножа, аналогии которому есть среди изображений на «оленных» камнях, близок к изученному сплаву медного втока, который публикуется в данной статье впервые.

Ключевые слова: Монгольский Алтай, медный вток, культура херексуров и «оленных» камней, чандманьская культура, изображение чекана, рентгенофлюоресцентный анализ

Благодарности: Авторы выражают благодарность студенту Ховдского филиала МГУ С. Айханате за предоставленный медный вток.

Для цитирования: Мунхбаяр Ч.Б. О медном втоке, найденном в Монгольском Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 186–192.

ABOUT THE COPPER WTOK FOUND IN THE MONGOLIAN ALTAI

Munkhbayar Chuluunbat Boroldoi

Hovd branch of the Mongolian State University, Khovd, Mongolia

Abstract. The article describes a copper wtok found in the Mongolian Altai, presents the results of determining its chemical composition and compares it with the dating of already known archaeological sites. It is believed that the artefact can be associated with the period from the Chemerchek culture (2700–1600 BC) to the Chandman culture (700–300 BC), and it is also likely that it was used by the population of the culture Khereksurs and “deer” stones (1300–700 BC). The chemical composition of the metal knife, analogues of which are found among the images on the “deer” stones, is close to the studied alloy of the copper wtok, which is published in this article for the first time.

Keywords: Mongolian Altai, copper wtok, culture Khereksurs and “deer” stones, Chandman culture, image of chaser, X-ray fluorescence analysis

Acknowledgments: The authors would like to thank S. Ayhanata, a student of the Hovda branch of MSU, for providing the copper wtok.

For citation: Munkhbayar Ch.B. About the copper wtok found in the Mongolian Altai // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Barnaul: Publishing house of Altai University, 2023. Vol. III. P. 186–192.

Летом 2019 г. на основной дороге из Ховдского аймака в г. Баян-Ульгий, в северной части долины Олонских озер, у южных предгорий перевала Баян-Энгер (рис. 1) был найден металлический вток. Эта территория относится к Толбо сомону Баян-Улгийского аймака. Прежде чем опубликовать описание находки, позволю себе сделать кратки обзор того, как аналогичные находки (рис. 2) отражены в археологической литературе.

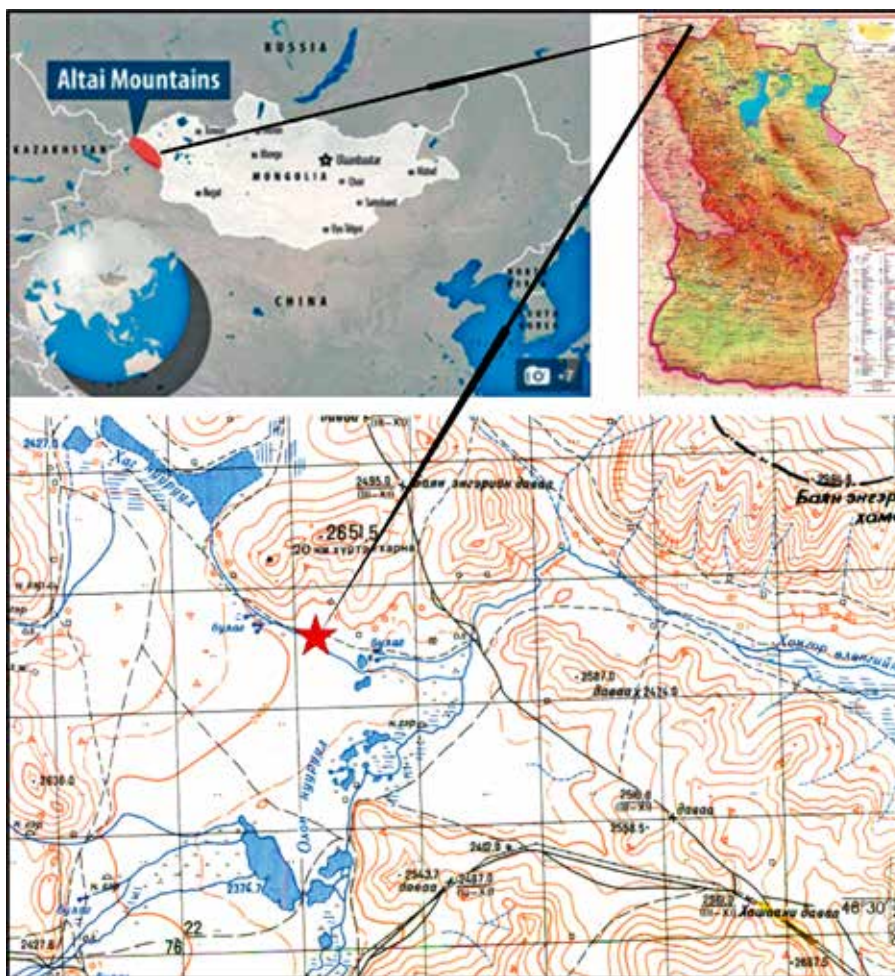

Рис. 1. Место обнаружения бронзового втока у южных предгорий Баян-Энгэра (Толбо сомон, Баян-Ульгийский аймак)

Fig. 1. Topographical map of the place where the protective tip on the end of the handle of the bronze war hoe was found in the southern foothills of Bayan-Enger (Tolbo sum, Bayan-Olgii aimag)

Рис. 2. Аналогии медному втоку из Толбо сомона:

1, 2, 3 – Чадмань, курган №43 (по: Цэвээндорж, 1980, рис. 69.-2; Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, рис. 36.-5; Ногородова, 1989, с. 263); 4, 9–15 – изделия тагарской культуры (по: Кулемзин, 1982, с. 74; Киселев, 1951, табл. 25.-10–16.); 5, 7, 8 – находки из Тувы (по: Вайнштейн, 1966, табл. VII.1.-9; Кызласов, 1979, рис. 50.-5, 56.-14); 6 – Аржан-2 (по: Ćugunov, Parzinger, Nagler, 2010, табл. 111.-3)

Fig. 2. Analogies to the copper wtok from Tolbo somon:

1, 2, 3 – Chadman, barrow No. 43 (according to: Tseveendorj, 1980, fig. 69.-2; Khudyakov, Erdene-Ochir, 2011, fig. 36.-5; Nogorodova, 1989, p. 263); 4, 9–15 – products of the Tagar culture (according to: Kulemzin, 1982, p. 74; Kiselev, 1951, tab. 25.-10-16.); 5, 7, 8 – finds from Tuva (according to: Vainshtein, 1966, tab. VII.1.-9; Kyzlasov, 1979, l. 63, 66, figs. 50.-5, 56.-14); 6 – Arzhan-2 (according to: Ćugunov, Parzinger, Nagler, 2010, tab. 111.-3)

Изображение боевого чекана, обнаруженное на комплексе Ямаан ус, было неоднократно опубликовано (Дорж, Новгородова, 1979, с. 15, 74, табл. VI, рис. 5; Цэвээндорж, 1980, с. 60; 1983, т. 38, 101, рис. 59*; Санжмятав, 1995, табл. 92). Информацию о находке из памятника Чандман впервые опубликовал Д. Цэвээндорж (1978, 1980, 1983а–б). На конце рукояти одного боевого чекана найден металлический вток, который не только защищал деревянную рукоять, но мог использоваться в качестве орудия

* В работе ошибочно указано, что петроглифы находятся в Манхане сомоне. Памятник расположен на границе Алтай и Уэнч сомонов Ховдского аймака.

труда и ударного оружия при рукопашном бое (Цевеендорж, 1980, с. 59–60, 177, рис. 69; Кулемзин, 1982, с. 71–75, 72; Кочеев, 1999, с. 74–82, 151; Кызласов, 1979, с. 63, 66, 69, 71; Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, с. 132, 133, рис. 36.-5; Эрдэнэ-Очир, 2016, с. 142–143).. Вток из могильника Чандмань можно отнести к категории «митровидных уплощенных». Такие формы обнаружены в Туве (Кызласов, 1979), Алтае (Завитухина, 1961, с. 98; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 84) и Минусинской котловине (Радлов, 1894, табл. 7–9; Киселев, 1951, с. 201–203). Аналогичный железный вток обнаружен при раскопках Быстрянского могильника в предгорьях Алтая (Завитухина, 1966, рис. 2.-26). Ю.С. Худяков и Н. Эрдэнэ-Очир (2011, рис. 41, 5) опубликовали находку из Чадманя (Цэвээндорж, 1980, с. 59–60, 177, рис. 69; Новгородова, 1989, с. 263) и отметили, что этот бронзовый наконечник имеет отверстие для крепления к деревянному древку, а по форме и строению такие же изделия встречаются в памятниках разных культур раннего железного века Саяно-Алтая. Некоторые исследователи упомянули его и опубликовали вместе с изображением музейного образца (Ариунболд, Базарсүрэн, Эрдэнэхишиг, 2011, с. 56).

В нескольких публикациях монгольских авторов (Бямбадорж, 1999, с. 17; Эрдэнэ-Очир, 2016, с. 142–143; Батсух, Эрдэнэ-Очир, 2017, с. 141; и др.) рассматривалось название, предназначение и датировка изученных аналогичных предметов. Однако мы поддерживаем мнение академика Д. Цэвээндоржа.

Следующий металлический вток (рис. 3.-3) был опубликован вместе с другими бронзовыми изделиями из Завханского краеведческого музея, но его атрибуция была осуществлена не совсем правильно (Мөнхбаяр, Цогбаяр, Тишкин, 2017, с. 72, 76, рис. 1.-11). Его длина 10,2 см. Инвентарный номер – 83-475-1, состояние хорошее. Рентгенофлуоресцентный анализ показал следующее: Cu (медь) – 100%. В той же статье опубликована еще одна находка (рис. 3.-2). Его длина 4,4 см. Сохранность удовлетворительная. Определен такой химический состав: Cu – 100% (Мөнхбаяр, Цогбаяр, Тишкин, 2017, рис. 1.-10).

Ниже приводится описание втока, найденного у Баян-Энгэра. Изделие имеет длину 11,2 см, ширину 4,2 см и толщину 2,5 см (рис. 3.-1). На расстоянии 1,5 см от основания имеется сквозное отверстие диаметром 0,7 см для фиксации изделия на деревянной рукояти. Толщина стенки наконечника 0,25 мм. Еще одно отверстие меньшего диаметра расположено на расстоянии 4,4 см от окончания втока. Оно тоже сквозное. Глубина полости для размещения рукояти составляет 9 см.

Рис. 3. Металлические втоки из Баян-Энгэра (1) и музея Завхана (2, 3)
Fig. 3. Metal wtoks from Bayan-Enger (1) and Zavkhan Museum (2, 3)

При определении химического состава этого втока результаты анализа показывают, что основной в нем является медь (Cu). Зафиксированы также такие элементы, как железо (Fe), хром (Cr), молибден (Mo), марганец (Mn) и никель (Ni). Они демонстрируют наличие рудных примесей и результаты коррозии.

Как уже было отмечено и показано (рис. 2), известно много аналогий публикуемому медному втоку. Среди них наиболее близкие изделия обнаружены в курганах алды-бельской и уюкско-саглынской культуры Тувы (Вайнштейн, 1966, с. 164, табл. VIII.-9; Кызласов, 1979, с. 63, 66, 69, 71, рис. 50.-5, 56.-14; Ćugunov, Parzinger, Nagler, 2010, табл. 111.-3).

Отметим еще такое наблюдение, связанное с изучением металлического ножа с выпуклым обухом, который был найден в среднем течении р. Хонгор-Улен в урочище Дунд Увелжин (Мөнхбаяр, 2016, с. 281, рис. 18). Химический состав его и представленных втоков (рис. 3) имеет сходство. Аналогичный нож с зеркалом изображен на «оленном» камне, хранящемся в краеведческом музее Булган сомона Ховдского аймака (Мөнхбаяр, 2017, с. 59, 66, рис. 4). Данное обстоятельство указывает на возможность датировки найденного втока периодом существования культуры херксуров и «оленных» камней (1300–700 гг. до н.э.). Исследователи датировали аналогичные ножи этим периодом (Очир, Баярсайхан, Энхтөр, 2007, с. 196–200). Такие экземпляры хранятся в Завханском музее (Монхбаяр, 2009, с. 38, 39, 40).

Было обнаружено немало реальных артефактов, связанных с боевым чеканом и найденных в разных местах (Волков, 1967, с. 118, рис. 5.-3; Цэвээндорж и др., 2003, с. 101, рис. 52; Маннай-Оол, 1970, с. 47–50; Руденко, 1960, табл. XXII; Киселев, 1951, табл. XXIV; Гришин, 1975, табл. XXI, рис. 6; Цэвээндорж, 1978, с. 116; 1980, с. 59–60; Цэвээндорж и др., 2003, с. 101, рис. 52; и др.). Боевые чеканы изображены на петроглифах (Сэр-Оджав, Долгурсурэн, 1964, с. 22, 24, табл. VIII.-1) и датированы V–II вв. до н.э. (Диков, 1951, с. 39). Представим еще такие изображения (Мөнхбаяр, 2022, с. 85–98; Цэрэндагва, Цэвээндорж, 2022, с. 33–44, 35, рис. 3), отраженные на рис. 4.

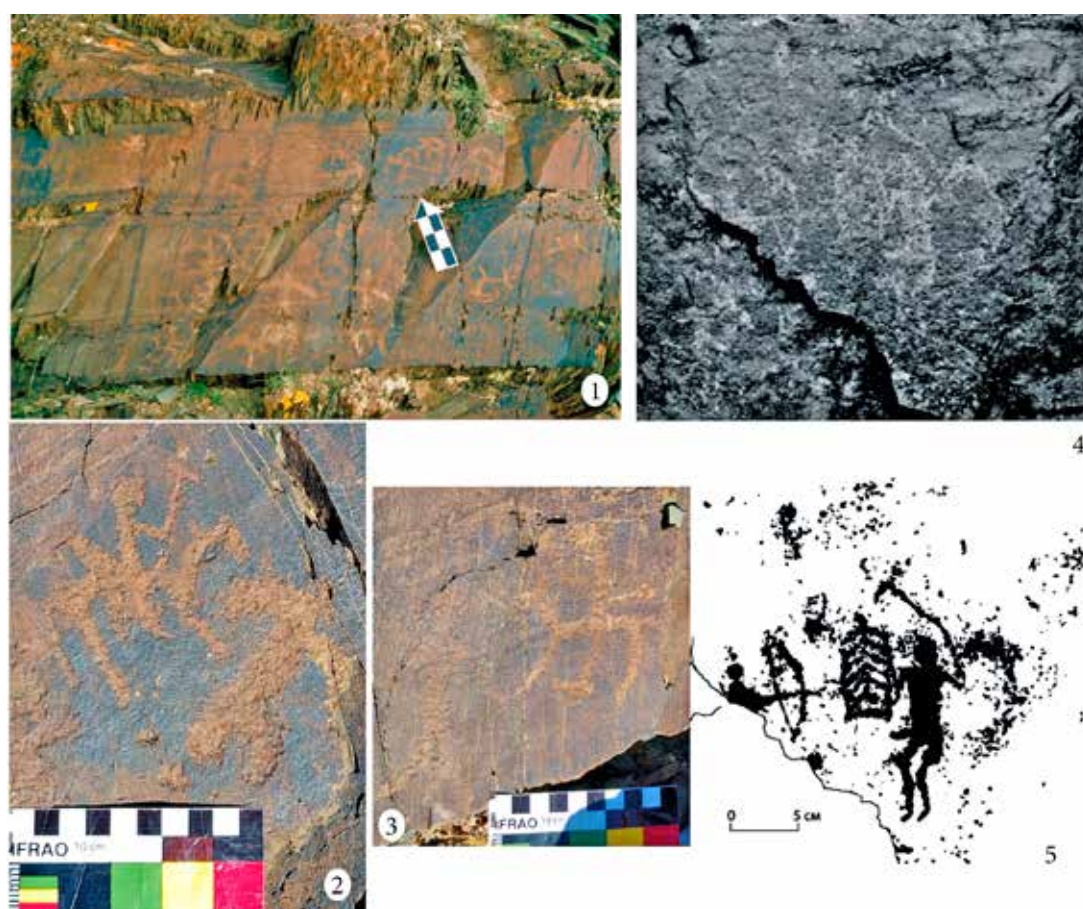

Рис. 4. Изображения древнего боевого оружия на петроглифах
 (1–3 – по Мөнхбаяр, 2022, с. 87–88, рис. 1; 4–5 – по: Цэрэндагва, Цэвээндорж, 2022, с. 33–44, 35, рис. 3)
 Fig. 4. Representations of ancient combat weapons on petroglyphs
 (1–3 – by Мөнхбаяр, 2022, pp. 87–88, fig. 1; 4–5 – by: Tserendagva, Tsevendorz, 2022, pp. 33–44, 35, fig. 3)

Согласно рассмотренным исследованиям металлические втоки относят ко времени от чемурчекской культуры ранней бронзы (Батболд и др., 2019, с. 194, 199, рис. 8; Ковалев, Мунхбаяр, 2022, с. 61; Мөнхбаяр, 2022, с. 89, 92–93, рис. 4.-7) до чандманской раннего железного века. На наш взгляд, такие находки можно рассматривать в рамках I тыс. до н.э. и относить к деталям боевого чекана. Наиболее близкие аналогии втоку из Баян-Энгэра датируются в пределах VII–V вв. до н.э.

Список источников

- Ариунболд Г., Базарсүрэн Ж., Эрдэнэхишиг Т. Монголын эртний улсуудын цэрэг. УБ., 2011. 159 с.
- Батболд Н., Молодин В.И., Черемисин Д.В., Ненахова Ю.А. Монгол-Оросын хамтарсан хадны зураг судлах ангийн хайгуул судалгааны урьдчилсан үр дүн // Монголын археологи – 2019 эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл (2019 оны 12 дугаар сарын 20-21). УБ., 2019. С. 190–199.
- Батсүх Д., Эрдэнэ-Очир Н. Монгол Алтайн пазырыкийн дайчдын зэр зэвсэг // SA. Tom XXXVI. Fasc 10. УБ., 2017. С. 139–168.
- Бямбадорж Т. Увс аймгийн нутаг дахь түүх соёлын дурсгалууд. УБ., 1999. 179 с.
- Вайнштейн С.И. Памятники казылганской культуры // Труды ТКАЭЭ. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. Т. II. М.; Л., 1966. С. 143–184.
- Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улаанбаатар, 1967. 148 с.
- Гришин Ю.С. Бронзовый и ранний железный века Забайкалья. М., 1975. 136 с. ил.
- Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1951. 140 с.
- Дорж Д., Новгородова Э.А. Петроглифы Монголии. УБ., 1979. 232 с.
- Завитухина М.П. Могильники ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. 1961. Вып. 3. С. 89–108.
- Завитухина М.П. Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 61–77.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с. : ил.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
- Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч. Петроглифы на чемурчекских ритуальных оградах в высокогорье Монгольского Алтая (3 тыс до н.э.): репертуар образов // Journal of the archaeology, history and culture. Journal of Ulaanbaatar state university Mongolia. Vol. 18(17). Ф.3. УБ., 2022. С. 61–76.
- Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая: изв. Лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. №4. С. 74–82.
- Кулемзин А.М. Воины древнего тагарского общества // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 71–75.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. 207 с., 156 ил.
- Маннай-Оол М.Х. Тува в скифское время. М.; Л., 1970. 124 с.
- Монголын эртний соёл (The Ancient Culture of Mongolia. Үзэсгэлэнгийн Монгол Солонгос хэл дээрх өнгөт католог. 2009 оны 3 сард БНСУ-ын Пусан хотын музейн түр үзэсгэлэнгийн танхим. Эрхэлсэн Сун Ги ху, Г. Эрэгзэн, Янг Си-еун.). Сөүл, 2009. 166 с.
- Мөнхбаяр Ч. «Бичигт хясууны тод үсгийн дурсгал» сэдэвт ажлын (ХИС-ийн дотоодын санхүүжилт бүхий төслийн) тайлан (2008–2009 оны хичээлийн жил). Ховд, 2009. 42 с.
- Мөнхбаяр Ч. Цамбагарав уулаар аяласан нь (Морин судалгааны ангийн өдрийн тэмдэглэл) // ЭШБ. ХоИС-ийн НХУС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг. “Соёмбо принтинг” хэвлэлийн компани. Том VIII, Fasc 31. УБ., 2016. С. 275–285.
- Мөнхбаяр Ч. Ховд аймгийн нутгаас илэрсэн хүрэл хутга ба буган чулуун хөшөөн дэх хүрэл хутганы ангилал // ЭШБ. ХоИС-ийн НХУС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг. “Соёмбо принтинг” хэвлэлийн компани. Том IX, Fasc 7. УБ., 2017. С. 55–69.
- Мөнхбаяр Ч. Алтайн урианхайн нуман тамганы үүсэл, хөгжлийн түүхэнд холбогдох нэгэн дурсгалын тухай // Алтайн арван гурван сан. Эрдэм шинжилгээний бага хурал. Баян-Өлгий, Буянт сум. 2022.07.19. УБ., 2022а. С. 10–25.
- Мөнхбаяр Ч. Хос өндрийн хадны зургийн байлдааны зээтүү бүхий морьтнуудын дүрслэлийн он цаг, дүрслэл, утга зүйн асуудалд // Journal of the archaeology, history and culture. Journal of Ulaanbaatar state university Mongolia. Vol. 18(17). Ф. 5. УБ., 2022б. С. 85–98.
- Мөнхбаяр Ч., Цогбаяр М., Тишкин А.А. Завхан аймгийн музейн хүрэл эдлэлийн солонгон задлалын үр дүн // ЭШБ. ХоИС-ийн НХУС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг. “Соёмбо принтинг” хэвлэлийн компани. Том IX, Fasc 8. УБ., 2017. С. 70–78.
- Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М., 1989. 384 с.
- Очир А., Баярсайхан Ж., Энхтөр Ч. Нэгэн чулуун хэвний тухай // Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology, Vol. 3, №1(287). УБ, 2007. С. 196–200.
- Радлов В.В. Сибири древности. МАР. №15. СПб., 1894. 90 с.
- Руденко С.И. Культура наследия Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 360 с., 128 табл.

- Санжмятав Т. Монголын хадны зураг. УБ., 1995. 105 с, табл.
- Сэр-Оджав Н., Долгорсүрэн Д. Дундговь аймаг хүрлийн үед. // Археологийн судлал. Том. IV, Fasc. 9. Улаанбаатар, 1964. 40 с.
- Төрбат Ц., Баяр Д., Цэвээндорж Д., Баттулга Ц., Баярхүү Н., Идэрхангай Т., Жискара П.-Х. Монгол Алтайн археологийн дурсгалууд – I (Баян-Өлгий аймаг). УБ, 2009. 424 с.
- Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тыс. до н.э.– III в. до н.э.). СПб., 2011. 172 с.
- Цэвээндорж Д. Чандманьская культура // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 108–117.
- Цэвээндорж Д. Чандманийн соёл // Археологийн судлал. Том. IX, Fasc. 4. Улаанбаатар, 1980. С. 34–200.
- Цэвээндорж Д. Монголын хүй нэгдлийн урлагийн дурсгал. УБ., 1983а. 109 с.
- Цэвээндорж Д. Чандманьский могильник – памятник раннего железного века Монголии. Улан-Батор, 1983. 204 с.
- Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Монголын археологи (Нэмж засварласан II хэвлэл). УБ., 2003. 259 с.
- Цэрэндагва Я., Цэвээндорж Д. Их Баян уулын Бичигтийн амны бамбайт дайчны дүрслэл. // Археологийн судлал. Том. XXI, Fasc. 4. УБ., 2022. С. 33–44.
- Cugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Furstenkurgan Aržan 2 in Tuva. 2010. 331 p.
- Эрдэнэ-Очир Д. Бронзовые чеканы и боевой топор из Монголии. // Вооружение и военное дело кочевников и центральной Азии. Новосибирск, 2007. С. 42–46.
- Эрдэнэ-Очир Н. Монголын эртний нүүдэлчдийн зэр зэвсэг (НТӨ II мянган жил – НТӨ III зуун). Монголын археологийн шинэ судалгаа” цуврал-II. УБ., 2016. 198 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Боролдой Чулуунбат Мунхбаяр, Ходский филиал Монгольского государственного университета, кафедра истории и обществоведения, преподаватель; 84000, Монголия, г. Ховд, пр-т Эрх чөлөө, 110, кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0003-0398-1927>, munkhbayar.ch@num.edu.mn

Boroldoi Ch. Munkhbayar, Branch school of Mongolian State University in Khovd aimag, Department of history and social science, teacher of Department; Mongolia, Khovd aimag, Freedom, 110, Doctor (Ph.D) of History, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0003-0398-1927>, munkhbayar.ch@num.edu.mn

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.5(470.56)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.39

О КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА

Никита Сергеевич Савельев

Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия

Резюме. Рассматривается история культурной атрибуции элитного некрополя около с. Филипповка на юге Оренбургской области. Показано, что в значительной степени определение культурной принадлежности этого памятника зависело от взглядов самих исследователей. В целом они могут быть разделены на эволюционный и дискретный подходы. Проводится сравнение основных характеристик погребального обряда и материальной культуры Филипповского могильника и прохоровской культуры. На основе этого анализа делается заключение о том, что Филипповский могильник относится не к начальной стадии прохоровской (раннесарматской) культуры, а к заключительной стадии савроматской культуры Южного Урала. Материалы свидетельствуют также о том, что в формировании прохоровской культуры элита Филипповки и других подобных памятников не принимала участия. В ее основе лежат традиции среднего и рядового населения предшествующего времени и мигрировавших с юга кочевников.

Ключевые слова: Южный Урал, скифо-сарматское время, прохоровская культура, филипповский круг памятников

Благодарности: статья подготовлена при поддержке гранта РНФ №22-28-00815 «Комплексная реконструкция освоения горных степей Южного Урала от эпохи камня до Нового времени (социокультурные и природные трансформации)».

Для цитирования: Савельев Н.С. О культурной атрибуции могильника Филипповка // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 192–197.

ABOUT CULTURAL ATTRIBUTION OF THE FILIPPOVKA BURIAL GROUND

Nikita S. Savelev

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

Abstract. The study considers the history of cultural attribution of an elite necropolis near the village of Filippovka in the south of the Orenburg region. It is shown that to a large extent the definition of the cultural identity of this site depends on the views of the researchers themselves. In general, there can be an evolutionary and a discrete approach. The main characteristics of the funeral rite and the tangible culture of the Filippovka burial ground and the Prokhorovka culture are compared. Based on this analysis, it is concluded that the Filippovka burial ground does not belong to the initial stage of the Prokhorovka (Early Sarmatian) culture. However, it belongs to the final stage of the Sauromatian culture of the Southern Urals. The materials also indicate that the elite of Filippovka and other similar necropolis was not involved in forming the Prokhorovka culture. It is based on the traditions of the average and ordinary population of the previous time and nomads who had migrated from the south.

Keywords: Southern Urals, Scythian-Sarmatian time, Prokhorovka culture, Filippovsky circle of sites

Acknowledgments: the article was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00815 "Comprehensive Reconstruction of the Development of the Mountain Steppes of the Southern Urals from the Stone Age to Modern Times (socio-cultural and natural transformations)".

For citation: Savelev N.S. About Cultural Attribution of the Filippovka Burial Ground // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 192–197.

Выносимый в название вопрос имеет принципиальное значение не только для конкретного некрополя, но и для всего круга подобных памятников Южного Урала, а также для культурно-хронологической периодизации кочевнических древностей региона в контексте других культур Евразийского пояса степей, и особенно его западного фланга, с которым Филипповка имеет значительную близость.

Фактически вопрос культурной атрибуции Филипповки и филипповского круга памятников практически единодушно с самого момента исследования этого могильника решается в рамках эволюционного подхода. Этот подход в качестве аксиомы принимает постулат о «вырастании» прохоровской культуры из недр савроматской (Смирнов, 1964; Мошкова, 1974; Пшеничнюк, 1983), наличии особого «древнепрохоровского» этапа в рамках последней (Таиров, Гаврилюк, 1988; Таиров, 1998, с. 87, 88), что логично приводит к общему заключению о том, что «практически места для савроматской культуры в памятниках Южного Урала почти не остается» (Пшеничнюк, 1995, с. 96). Эти предварительные выводы, сделанные на основе достаточно локальных материалов Южного Зауралья, постепенно были включены в общие культурогенетические построения, охватывающие всю огромную степную зону от Заволжья на западе до Мугоджар на востоке (Яблонский, 2015; 2017; Скрипкин, 2017). Это позволило говорить о том, что «Филипповский могильник является, очевидно, одним из наиболее древних раннесарматских памятников в Урало-Илекском междуречье вообще» (Яблонский, 2017, с. 214) и выделить переходный «филипповский» этап (2-я половина V — 3-я четверть IV в. до н.э.), который рассматривается как «начальный этап становления прохоровской культуры» (Скрипкин, 2017, с. 68, 73, 83).

Второй подход, упоминаемый в настоящее время только в качестве объекта критического анализа (Скрипкин, 2017, с. 68–73; Яблонский, 2010, с. 10–12, 81, 82; 2017, с. 212), может быть назван дискретным. На рубеже XX–XXI вв. он активно продвигался В.Ю. Зуевым (1998; 2016), в его основе лежит концепция «хронологического напластования памятников разных кочевых культур, сменявших друг друга на просторах Приуралья и Поволжья, однако никак не связанных между собою общей линией этно- и культурогенеза» (Зуев, 2016, с. 264). Краеугольным камнем этой концепции является положение о том, что «в V–IV вв. до н.э. в Приуралье и Заволжье существовала самобытная культура номадов скифского типа, сформировавшаяся в начале V в. до н.э. и прекратившая свое существование к концу IV в. до н.э.» (Зуев, 2016, с. 266), разделенная более чем вековым интервалом с последующей прохоровской (раннесарматской) культурой (Зуев, 1998, с. 48, 49). К сожалению, данные тезисы, часть из которых многими исследователями воспринимаются как вполне реальные, так и не были обоснованы и показаны В.Ю. Зуевым через системный анализ большого массива археологического материала (см.: Васильев, 2001а, с. 173–175).

Накопленные за последние десятилетия археологические данные, а также их анализ, в значительной мере ускороенный раскопками таких могильников, как Филипповка и Прохоровка, позволили выявить в каждом из описанных выше подходов внутренние противоречия и определенные преувеличения. Думаю, что их учет в будущем позволит выработать более стройную картину этнокультурного развития

кочевников Южного Урала середины — второй половины I тыс. до н.э., которая совместит в себе положения как «эволюционного», так и «дискретного» подходов. Так, с одной стороны, предположение В.Ю. Зуева (2016, с. 266) о наличии «150-летнего» временного отрезка, «для которого характерно полное отсутствие связующих линий эволюции единых погребальных традиций», не подтвердилось, что ярко показали материалы доисследования Прохоровских курганов (Яблонский, 2010; Федоров, 2011).

С другой стороны, ряд важных положений эволюционного подхода также не выдержал проверки временем, был пересмотрен или пересматривается сейчас. Во-первых, «тальковую» круглодонную керамику с богатым резным орнаментом сейчас нельзя рассматривать в качестве маркера раннего этапа формирования прохоровской культуры — ее появление является локальной зауральской особенностью, по времени она распространена шире и является своеобразной «лесостепной модой», которая никак не связана с этнокультурными процессами, протекавшими в кочевой среде (Савельев, 2000; 2022a). Во-вторых, заключение о внутреннем единстве могильника Переволочан-1, на основе чего был сделан вывод о раннем вызревании «раннепрохоровских» черт в Южном Зауралье (Пшеничнюк, 1995), сейчас полностью пересмотрено. С.В. Сиротин показал факт механического наложения на местный субстрат — носителей восточноприаральского комплекса (Таиров, 2006) принесенных извне дромосно-шатрово-катакомбных (т.е. собственно филипповских) традиций (Сиротин, 2016), что было поддержано и развито автором (Савельев, 2019). В-третьих, выделение «древнепрохоровского» этапа Южного Зауралья (2-я половина VI — V в. до н.э.), являющегося основанием для вывода о происхождении «прохоровских» традиций с крайнего востока и даже северо-востока южно-уральского региона (Таиров, 1998; 2004), в значительной степени скорректировано хорошо датированными предкавказскими аналогиями 2-й половины IV в. до н.э. (Марченко, Лимберис, 2009, с. 71–75; Мышкин, 2018, с. 9; Прокопенко, 2023, с. 128–130). Это не позволяет удревнять появление дромосных погребений в Зауралье и рассматривать их в отрыве от всего Южного Урала (Сиротин, 2021, с. 162–164). В-четвертых, становится все более понятно, что мечи и кинжалы т.н. «переходного» (от савроматских к сарматским) типа (Васильев, 2001б; 2004) не могут рассматриваться как прямые предковые формы для прохоровского оружия ни по своим основным морфологическим признакам (Николаев, 2023), ни по территории их распространения (Савельев, 2022б). Возможно, форма прохоровского клинкового оружия была привнесена со стороны либо появление новой формы произошло на существующей основе, но практически одномоментно и со значительной переработкой всех характеристик (а не только форм перекрестья и навершия).

Подобные примеры, которые можно перечислять и далее, несомненно, влияют на логичность всех построений эволюционного подхода. Однако, так или иначе, в урало-поволжском кочевниковедении в целом выработаны представления о комплексах признаков, характерных для «савроматской» (блюменфельдской) и последующей прохоровской (раннесарматской) культур. На этом фоне становится важным вопрос культурной атрибуции ключевых памятников, к тому же относящихся к т.н. «переходному» времени между этими культурами. В первую очередь этот вопрос касается могильника Филипповка-1. Ниже рассмотрим характерные черты этого памятника и сравним их с признаками «классической» прохоровской культуры.

1. Оформление подкурганного пространства и надмогильная архитектура: обвалованные центральные площадки с проходом с юга, деревянные «шатровые» сооружения, повсеместно распространенные тризны и кости лошадей (в т.ч. скелеты) на древнем горизонте, уздечные наборы в южном секторе.

2. Погребальный обряд: все крупные курганы — сочетание различных типов дромосных склепов (овальные, прямоугольные, крестовидные) с погребениями на древнем горизонте; единичные сопровождающие захоронения на периферии насыпи — в широких ямах, в т.ч. с положением умерших по диагонали, и подбоях; для боковых погребений характерны южные ориентировки, для центральных — сочетание южных и широтных.

3. Комплекс вооружения: сочетание больших по емкости колчанов с бронзовыми наконечниками стрел, длинных копий с массивными наконечниками, втоками и костяными чехлами, разнообразные типы позднесавроматских клинков и наиболее упрощенного их типа — т.н. «переходного», часть мечей и кинжалов богато украшена золотыми аппликациями и скульптурными композициями, защитное вооружение — железные чешуйчатые панцири с бронзовыми нагрудниками и наборные костяные доспехи.

4. Конская узда: трансформированная более ранняя под очень сильным влиянием западных (в основном — предкавказских и прикубанских) образцов.

5. Керамика: лепная — круглодонная «тальковая» керамика со сложным орнаментом, в т.ч. курьильницы с полыми ножками и двусторонние, сохранение предшествующих савроматских форм; гончарная — широкое распространение в том числе вьючных фляг.

6. Звериный стиль: широкое распространение сложно моделированных композиций — сцен терзания, противоборства, «загадочных» картинок, гипертрофированные изображения оленей, кошачьих хищников, верблюдов, волков, медведя, хищной птицы и т.д., их отдельных частей тела; оформление в зверином стиле значительной части предметов вооружения, конской сбруи, бытовых и ритуальных предметов. Иконография звериного стиля Филипповки (как и других памятников Южного Урала этого времени) свидетельствует о его восточном происхождении; для ряда предметов прослеживаются явные западные (предкавказские) влияния.

7. Каменные жертвенники: целые формы, за отдельными исключениями, отсутствуют, в основном представлены единичные фрагменты, в том числе со скульптурными ножками, оформленными в зверином стиле; основная масса представлена фрагментами плоских блюд с невысоким бортиком либо грубо обработанными круглыми плитами.

8. Зеркала: значительная часть найденных в Филипповке зеркал представлена крупными бронзовыми экземплярами с длинной ручкой и округлым диском с широким треугольного сечения валиком по краю, некоторые из этих зеркал орнаментированы пунсонным орнаментом из розетт и мифологических сцен; единичные экземпляры относятся к более ранним и более поздним типам.

9. Импорты: представлены предметами вооружения, конской сбруи, золотой, серебряной и бронзовой посудой, небольшими стеклянными сосудиками, украшениями, ювелирными изделиями, бусами и т.д.

По всем перечисленным выше признакам Филипповский некрополь — как в погребальном обряде и оформлении подкурганного пространства (сочетание широких овальных и широких прямоугольных ям, частично — с дромосами, погребений в наземных склепах, валы, шатры, тризны, находки конской узды и т.д.), так и в материальной культуре (вооружение, конское снаряжение, керамика, состав импорта) имеет прямейшие аналогии в элитных памятниках более раннего времени (V — рубеж V–IV вв. до н.э.) — Кырык-Оба-II, Лебедевка-II, Таксай, Илекшар и др. Все они расположены южнее, на территории, условно ограниченной широтным и меридиональным участками течения р. Урал — с севера и запада, Мугоджарами — с востока и р. Эмба — с юга. Отличия Филипповки от этих памятников — в первую очередь хронологические, а также в более стандартизированной материальной культуре (оружие, конская узда), наличии подбойно-катакомбных погребений и большем распространении южной ориентировки погребенных. Эти признаки ни по отдельности, ни все вместе не могут рассматриваться в качестве основания для выделения Филипповского некрополя из состава «савроматской» (при всей условности такого наименования) культуры Южного Урала VI/V–IV вв. до н.э. и отнесения к особому начальному этапу (по А.С. Скрипкину — «филипповскому») становления прохоровской культуры.

Перефразируя приведенное выше высказывание Л.Т. Яблонского (2017, с. 214), думаю, что сейчас более правильно говорить о том, что Филипповский могильник является одним из наиболее поздних элитных савроматских памятников Южного Урала в целом и самым северным из крупных элитных некрополей этого круга — применительно к Южному Приуралью (ср.: Сиротин, Богачук, Окороков, 2020).

Говоря о собственно прохоровской культуре Южного Урала, отмечу такие признаки, как средние и малые курганы, узкие прямоугольные, подбойные и катакомбные продольные погребения, плотное заполнение периферийных частей курганов погребениями по кольцу (т.е. формирование «курганов-кладбищ»), южные ориентировки, практически полное отсутствие элитных погребений и их значительно большая скромность по сравнению с Филипповкой, сильно стандартизированный погребальный инвентарь, который, за единичными исключениями, сильно отличается от описанного выше. В этом ряду особое положение занимают Прохоровские курганы, в которых, как и в могильнике Переволочан в Зауралье и для более раннего времени, фиксируется механическое наложение прохоровских традиций на поздние филипповские, которое датируется временем «не ранее рубежа IV–III в. до н.э.» (Федоров, 2011, с. 158).

Таким образом, яркий и хорошо узнаваемый «филипповский» комплекс — это комплекс материальной культуры и погребальной обрядности элиты позднего этапа культуры скифского времени (т.н. савроматской) Южного Урала. Прекращение его существования, судя по современным данным, происходит в последней трети IV — на рубеже IV–III вв. до н.э. Можно говорить о практически полном исчезновении элиты этого общества и, как следствие, разрушении сложно организованного «филипповского» мира Южного Урала (Савельев, 2023), что может быть связано только с бурными политическими событиями последних десятилетий IV в. до н.э.

И антропологические, и генетические данные свидетельствуют о том, что основная масса населения предшествующего времени продолжала проживать в степях Южного Урала. Это подтверждается и археологическими данными: одним из таких поздних комплексов является курган 3 могильника Ново-Музино с центральным катакомбным захоронением (Васильев, Сиротин, 2004, с. 179; рис. 1; 4). Воз-

можно, такую же позицию занимает и погребение 3 кургана Б Прохоровки с богатым разнообразным инвентарем (Яблонский, 2010, рис. 11–20). Именно это оставшееся население и является основой для формирования прохоровской культуры, при этом его традиции были сильно трансформированы под влиянием мигрантов, принесших продольные катакомбы, мечи и кинжалы «классического прохоровского» типа, гешировые и коралловые бусы, железные наконечники стрел и т.д. Судя по отсутствию этих черт в Филипповском некрополе и других подобных памятниках, появление прохоровского комплекса происходит уже позже описанного выше «исчезновения элиты».

Данная схема культурогенеза кочевого общества Южного Урала в значительной степени детализирует и корректирует положения эволюционного подхода, показывает особенности взаимодействия «раннего» и «позднего» населения, а также отсутствия между ними каких-либо хронологических лагун.

Список источников

- Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001а. С. 167–179.
- Васильев В.Н. Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до нашей эры. Уфа, 2001б. 153 с.: ил.
- Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 153–172.
- Васильев В.Н., Сиротин С.В. Ново-Мусинский 3 курган // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 173–180.
- Зуев В.Ю. Периодизация археологических памятников центральной части Евразийского пояса степей в I тысячелетии до н.э. (по материалам Южного Приуралья) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. СПб., 1998. С. 45–50.
- Зуев В.Ю. К проблеме выделения погребений раннесарматской элиты по археологическим материалам // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. СПб., 2016. С. 259–276.
- Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. Пластинчатые конские налобники из Прикубанья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. №3(39). С. 69–74.
- Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. 52 с.: ил.
- Мышкин В.Н. Конские налобники из кочевнических курганов скифского времени на Южном Урале // Нижневожжский археологический вестник. 2018. Т. 17. №2. С. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.2.1>
- Николаев С.Ю. Клинковое оружие «переходного» типа по материалам случайных находок в Южном Приуралье // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур. Волгоград, 2023. С. 69–80.
- Прокопенко Ю.А. Пластинчатые конские налобники конца IV — начала II в. до н.э. из памятников Центрального Предкавказья // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур. Волгоград, 2023. С. 128–133.
- Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983. 200 с.
- Пшеничнюк А.Х. Переволочанские курганы // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995. С. 62–96.
- Савельев Н.С. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // Уфимский археологический вестник. 2000. Вып. 2. С. 17–48.
- Савельев Н.С. Южный Урал в I тыс. до н.э. — особая контактная зона на крайнем востоке Европы // Уфимский археологический вестник. 2019. Вып. 19. С. 39–50.
- Савельев Н.С. Культурное место эпохи ранних кочевников на горе Крутая в Южном Зауралье // Российская археология. 2022а. №1. С. 53–66. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0869606322010172>
- Савельев Н.С. Динамика и особенности освоения кочевниками I тыс. до н.э. территории Южного Урала (по данным «случайных» находок клинкового оружия) // XXII Уральское археологическое совещание. Курган, 2022б. С. 234–237.
- Савельев Н.С. Филипповский некрополь и «филипповский» мир Южного Урала середины I тысячелетия до н.э. // Сокровища сарматских вождей: Древности середины I тысячелетия до н.э. из Филипповских курганов на Южном Урале. М., 2023. С. 36–42.
- Сиротин С.В. Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан-I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Оренбург, 2016. С. 253–263.
- Сиротин С.В. Дромосные погребения ранних кочевников Южного Урала: вопросы хронологии // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21. №1. С. 160–168. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.014>
- Сиротин С.В., Богачук Д.С., Огороков К.С. Филипповские параллели в погребальном обряде больших курганов некрополя «Высокая могила — Студеникин Мар» // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья. М., 2020. С. 203–217.
- Скрипкин А.С. Сарматы. Волгоград, 2017. 293 с.
- Смирнов К.Ф. Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М., 1964. 379 с.
- Таиров А.Д. Генезис раннесарматской прохоровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург, 1998. С. 87–96.

Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар, 2004. С. 3–21.

Таиров А.Д. Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый Шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. К 70-летию А.Х. Пшеничнюка. Уфа, 2006. С. 76–91.

Таиров А.Д., Гаврилюк А.Г. К вопросу о формировании раннесарматской (прохоровской) культуры // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 141–159.

Федоров В.К. Рец.: Яблонский Л.Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М.: Таус, 2010. 384 с. // Российская археология. 2011. №4. С. 155–177.

Яблонский Л.Т. Прохоровка: у истоков сарматской археологии. М., 2010. 384 с.

Яблонский Л.Т. Культурно-хронологические горизонты и проблема формирования раннесарматской культуры // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. 2015. №5 (35). С. 17–24. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2015.5.2>

Яблонский Л.Т. На востоке скифской ойкумены. М., 2017. 400 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Никита Сергеевич Савельев, Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, отдел археологических исследований, ведущий научный сотрудник; 450054, Россия, г. Уфа, пр. Октября, 71, кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0002-3643-2388>, sns_1971@mail.ru

Nikita S. Savelev, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Science, Department of Archaeological Research, Leading Researcher; 450054, Ufa, Russia, Oktyabrya Ave., 71, PhD, Associate Professor, <http://orcid.org/0000-0002-3643-2388>, sns_1971@mail.ru

Статья принята к публикации 14.07.2023.

The article approved after reviewing 14.07.2023.

Научная статья / Article

УДК: 903.223(571.51)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.40

ЛУКИ НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИАНГАРЬЯ В ФИНАЛЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Полина Олеговна Сенотрусова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В Нижнем Приангарье в материалах могильника Пинчуга-6 впервые найдены концевые накладки на кибыть лука из рога финала раннего железного века. Памятник датируется III–IV вв. н.э. В двух погребениях найдено семь концевых накладок. Они были разделены на два типа. Первый тип представлен плоскими накладками с вырезом для тетивы, которые попарно крепились на концах лука. Второй тип — это прямоугольные накладки с глубокими пазом, в который вставлялась деревянная кибыть. В Нижнем Приангарье традиция изготовления таких накладок уходит корнями в эпоху поздней бронзы и существует на протяжении всего раннего железного века, доживая до развитого средневековья включительно.

Ключевые слова: финал раннего железного века, Нижнее Приангарье, оружие, лук, концевые накладки, обработка рога

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирования: Сенотрусова П.О. Луки населения Нижнего Приангарья в финале раннего железного века // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 197–201.

BOWS OF THE POPULATION OF THE LOWER ANGARA REGION IN THE FINAL OF THE EARLY IRON AGE

Polina O. Senotrusova

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. Seven end plates for a bow made of horn were found at the Pinchuga-6 burial ground. This necropolis is dated to the 3rd-4th centuries AD. This is the largest fully studied burial ground of the end of the Early Iron Age in the valley of the lower reaches of the Angara. All overlays were divided into two types. The first type is represented by flat overlays with a cutout for a bowstring, which were attached in pairs to the ends of the bow. The second type is rectangular plates

with a deep groove into which a wooden backing bow was inserted. On the Angara, such plates began to be made as the Late Bronze Age and continued to be used throughout the Early Iron Age and the Middle Ages.

Keywords: end of the Early Iron Age, Lower Angara region, weapons, bow, end plates, horn handiwork

Acknowledgments: the work was supported by the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00470 “The World of the Ancient Nomads of Inner Asia: interdisciplinary Studies of Material Culture, Statues and Economy”)

For citations: Senotrusova P.O. Bows of the Population of the Lower Angara Region in the Final of the Early Iron Age // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 197–201.

История военного дела населения нижнего течения Ангары исследована неравномерно, многие периоды еще не получили своего фактического наполнения, что связано в первую очередь с состоянием источниковой базы. До недавнего времени большим белым пятном в ангарской археологии оставалось хунно-сяньбийское время. Закрытые комплексы этого периода были не известны, а датировка материала в его рамках носила сугубо умозрительный характер.

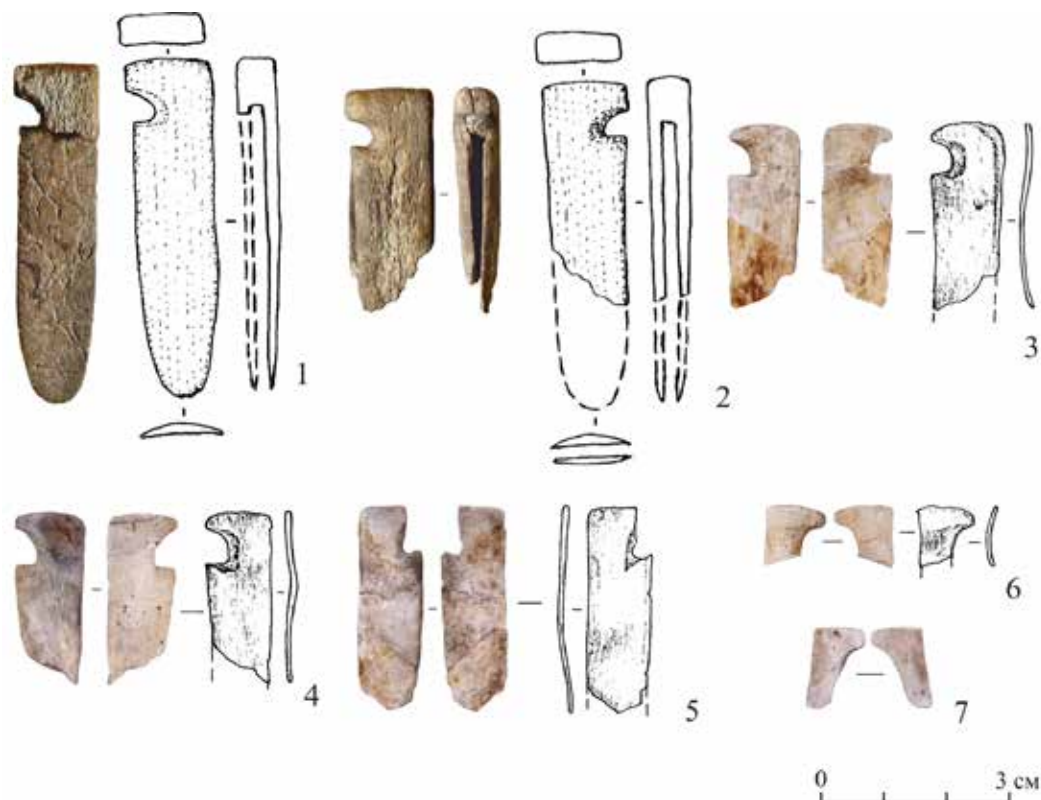
Началом формирования сколько-нибудь целостного представления о периоде 2-й четверти I тыс. н.э. послужило изучение могильника Пинчуга-6, на котором зафиксировано 18 погребений по обряду трупосожжения на стороне. Основные результаты изучения этого памятника уже введены в научный оборот (Mandryka, Senotrusova, Dedik, 2021), настоящая публикация продолжает серию статей, посвященных особенностям военного дела населения ангарских берегов в финале раннего железного века (Сенотрусова, 2022а, б). В ней представлены результаты анализа накладок на кибить лука из рога, найденных на могильнике Пинчуга-6.

Накладки на лук из рога отмечены в двух погребениях некрополя, в которых зафиксированы фрагменты от семи изделий, цифра эта не является точной. Дело в том, что все погребения совершены по обряду трупосожжения на стороне, при этом на значительной части предметов сопроводительного инвентаря фиксируются следы горения. В полной мере это относится к изделиям из рога, практически все они пострадали от воздействия огня. Предметы фрагментированы и деформированы, сложно определить их первоначальный размер, нельзя исключать и того, что среди обожженных человеческих костей удалось найти не все фрагменты роговых изделий. В работе учтены только те предметы, которые могут быть достоверно определены как накладки на кибить лука, многочисленные небольшие фрагменты плоских роговых изделий в общей сводке не учтены. Приводимые в статье цифры обозначают минимальное число подобных изделий.

Все дифференцируемые накладки отнесены к концевым по способу крепления, но по форме их можно разделить на два типа.

Первый тип представлен двумя идентичными изделиями из погребения №3 (рис.-1, 2). Это концевые накладки, прямоугольные в сечении, с вырезом для тетивы и глубоким пазом в нижней части. Накладки вытянутой формы, верхний край прямоугольной формы, нижний — закруглен. Оба предмета не пострадали от воздействия огня, но все равно сломаны. Поверхность накладок гладкая, тщательно обработанная. Размеры накладок, видимо, были идентичны. Длина целого изделия составляет 5,4 см, ширина — 1,4 см, толщина — 0,6 см. Ширина прорези — 0,3 см. По всей вероятности, это две концевые накладки от одного лука с симметричными плечами. В погребении №3 зафиксированы останки трех взрослых индивидов (Сенотрусова, Дедик, Мандрыка, 2022, с. 301), но находки немногочисленны. Здесь отмечены два железных наконечника стрелы, нашивки, пронизки, фрагменты неопределимых изделий из рога.

Ко второму типу отнесены фрагменты от пяти концевых накладок из погребения №16. Это плоские в сечении концевые накладки с прямоугольным верхним краем и вырезом для тетивы (рис.-3-7). Внешняя поверхность гладкая, тщательно обработанная. На внутренней стороне четырех изделий фиксируются неглубокие поперечные насечки, расположенные на расстоянии 0,4–0,5 см друг от друга. Все изделия представлены фрагментами, их точные параметры установить невозможно. Длина сохранившихся частей накладок от 1,1 до 3,7 см, ширина четырех изделий — 1,2 см, еще одной — 1,0 см, толщина — 0,2 см. По всей вероятности, в этом погребении мы видим фрагменты накладок не менее чем от двух луков с концевыми накладками. Погребение №16 — коллективное, в нем зафиксированы фрагменты костей как минимум пяти индивидов, среди которых двое детей, остальные — взрослые (Сенотрусова, Дедик, Мандрыка, 2022, с. 301). Это самое крупное погребение всего могильника, здесь помимо украшений, орудий труда и кузнечного лома найдены кинжал и многочисленные наконечники стрел из железа и рога.

Концевые накладки из рога на кибыть лука из могильника Пинчуга-6:

1–2 — из погребения №3; 3–7 — из погребения №16

End plates made of horn for a bow from the Pinchuga-6 burial ground:

1–2 — from burial No. 3; 3–7 — from burial No. 16

На могильнике Пинчуга-6 накладки на лук отмечены только в коллективных погребениях, в которых зафиксировано наличие останков взрослых людей, а также присутствуют другие предметы вооружения. По всей видимости, лук входил в обязательный набор оружия, необходимого взрослому мужчине.

В долине нижнего течения Ангары аналогии вышеописанным изделиям пока не известны, что обусловлено слабой изученностью периода 2-й четверти I тыс. н.э. Тем не менее накладки из рога на кибыть лука присутствуют в погребениях раннего железного века и средневековья, что позволяет проследить тенденции эволюционного развития этой категории предметов.

В комплексах раннего железного века Нижнего Приангарья, традиционно связываемых с цэпаньской археологической культурой, находки концевых накладок на лук с вырезами для тетивы встречаются довольно часто. При анализе инвентаря цэпаньских погребений В.И. Привалихиным выделено два типа этих изделий.

Один тип представлен сегментовидными в сечении «обкладками-пластинками», которые крепились попарно на концы лука (Привалихин, 1993, с. 19). Аналогичный комплект накладок от лука входил в состав инвентаря погребения в устье реки Цэпань. Здесь отмечено четыре предмета серповидной формы, с вырезом для тетивы, расположенным на 2 см ниже верхнего края накладки. Ширина изделий около 2 см, длина — до 12 см (Окладников, 1940, с. 109). Четыре фрагмента аналогичных предметов отмечены в погребении №13 могильника Сергушкин-3. Ширина и толщина накладок совпадает с изделиями из Пинчуги-6, длина наиболее крупного фрагмента более 8 см. Авторы исследования предложили датировку этого погребения в рамках IV–II вв. до н.э. (Герман, Казакова, 2014, с. 82). По четыре накладки отмечены в погребении №2 могильника Сосновый Мыс-2 и в погребении 3 со стоянки Пашина (Привалихин, 2011, рис. 3.-11; 5, 3.-6).

Аналогичные изделия известны и в Якутии. Две пары подобных серповидных накладок найдены в погребении у д. Белоусово в верховьях Лены. Длина накладок 19 см, вырез для тетивы расположен ниже верхнего края изделий (Окладников, 2003, с. 325). Погребение датируется IV–III вв. до н.э. Плоские боковые накладки на кибыть лука с вырезом для тетивы зафиксированы в V культурном слое поселения Улахан Сегеленнях, слой датируется по одной дате в диапазоне 110 г. до н.э. — 350 г. н.э. (Алек-

сеев, Бравина, 2022, с. 116). Есть пары плоских концевых накладок в Дюпсинском и втором Покровском погребениях, узкая хронология которых пока не определена (Степанов, Кузьмин, Джалл, 2014, рис. 2). Хотя исследователи уже неоднократно подчеркивали близость материалов раннего железного века Нижнего Приангарья и Якутии.

На Енисее единственная плоская концевая накладка с вырезом для тетивы происходит из погребения №5 могильника Усть-Шилка-II. Комплекс относится к шилкинской археологической культуре хуннского времени (Мандрыка, 2008, с. 121).

Таким образом, в ангарских погребениях раннего железного века парные концевые плоские накладки на кибить лука встречаются достаточно часто. От материалов могильника Пинчуга-6 их часто отличает изогнутая (серповидная) форма, большая ширина (до 2 см), полукруглая форма верхнего края, низкое расположение выреза для тетивы. При этом внутренняя хронология цэпаньской культуры требует уточнения и корректировки, что не позволяет однозначно определить время появления на Ангаре изделий этого типа. По морфологическим особенностям к пинчутским находкам ближе всего накладка из могильника Усть-Шилка-II, что может быть обусловлено их эпохальной близостью.

Концевые накладки, прямоугольные в сечении, с пазом в нижней части, также имеют аналогии в ангарских материалах. Небольшая концевая накладка на лук с вырезом для тетивы, прямоугольная в сечении и с расщепленной нижней частью, зафиксирована в погребении 4 со стоянки Пашина (Гаркуша, Марченко, Гришин, 2013, рис. 1.-7). Важно отметить, что в погребении по обряду ингумации отмечена только одна накладка. На основании радиоуглеродного анализа погребение датировано концом II — началом I тыс. до н.э. Еще две накладки этого типа отмечены на могильнике Усть-Зелинда-2 в погребении I тыс. до н.э. (Гаркуша, Марченко, Гришин, 2013, с. 191). Известны такие изделия и в других цэпаньских погребениях Нижнего Приангарья (Привалихин, 1993, с. 19).

Концевые накладки на кибить двух типов, найденные на могильнике Пинчуга-6, свидетельствуют о продолжении бытования в регионе сложносоставного лука с усиленными концами. Подобное оружие использовалось населением Нижнего Приангарья начиная с финала эпохи бронзы и на протяжении всего раннего железного века. Как уже справедливо отмечалось ранее, оба типа концевых накладок крепились к кибити сверху, а традиция изготовления подобных луков включает в себя территорию Нижнего Приангарья, бассейна Среднего Енисея, Верхнюю Лену и Центральную Якутию (Гаркуша, Марченко, Гришин, 2013, с. 192). Очевидно, что во 2-й четверти I тыс. н.э. она получила свое дальнейшее развитие. Концевые накладки на лук финала раннего железного века — узкие, тонкие, прямоугольной формы, с близко расположенным к краю вырезом для тетивы, изделия с пазом стали более вытянутыми. К сожалению, сохранность материала не позволяет определить общую длину изделий.

Традиция изготовления луков с расщепленными концевыми накладками не исчезла в регионе и в Средние века. Если в материалах 2-й половины I тыс. н.э. пока подобные изделия не известны, то вот в комплексах начала II тыс. н.э. такие находки не редкость. В погребальных комплексах лесосибирской археологической культуры преимущественно встречаются массивные концевые накладки-вкладыши из рога, длиной до 15 см, треугольные в сечении, с расщепленным основанием и характерным вырезом для тетивы. Аналогичные накладки, но уже из дерева фиксируются и в этнографических луках ангарских и енисейских остяков (Мандрыка, Сенотрусова, 2014).

Таким образом, традиция усиления кибити лука роговыми концевыми накладками существует в Нижнем Приангарье и сопредельных территориях не менее 2,5–3 тыс. лет и отражает самобытную линию развития оружия дальнего боя у населения тайги Средней и Восточной Сибири. Видимо, сложносоставной лук с усиленными роговыми накладками концами отвечал потребностям местных охотников и воинов.

Список источников

- Алексеев А.Н., Бравина Р.И. Хунно-сяньбийский пласт в культуре якутов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. №1. С. 115–121.
- Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Гришин А.Е. Погребения на стоянке Пашина (Северное Приангарье): проблемы определения хронологической и культурной принадлежности // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, №7. С. 186–197.
- Герман П.В., Казакова Е.А. Новые материалы Цэпаньской культуры Северного Приангарья (погребение 13 могильника Сергушкин-3) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. №3(26). С. 80–89.
- Мандрыка П.В. Могильник Усть-Шилка-II как индикатор культурно-исторической ситуации раннего железного века Енисейского Приангарья // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 7, вып. 3: Археология и этнография. 2008. С. 117–131.

Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О. Реконструкция лука средневекового населения южной тайги Средней Сибири // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Ч. 1. Кызыл, 2014. С. 236–238.

Окладников А.П. Погребение бронзового века в ангарской тайге // КСИИМК. 1940. Вып. 8. С. 106–112.

Окладников А.П. Скифы и тайга (К изучению памятников скифского времени в ленской тайге) // Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск, 2003. С. 322–329.

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1993. 25 с.

Привалихин В.И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья. История открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества. Красноярск, 2011. С. 161–183.

Сенотрусова П.О. Железные наконечники стрел населения Нижнего Приангарья в финале раннего железного века // Мир Центральной Азии — V. Новосибирск, 2022а. С. 34–36.

Сенотрусова П.О. Кинжал из могильника Пинчуга-6 (Нижнее Приангарье) // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности. Новосибирск, 2022б. С. 217–220.

Сенотрусова П.О., Дедик А.В., Мандрыка П.В. Погребальный обряд населения Нижнего Приангарья в финале эпохи железа (по материалам могильника Пинчуга-6) // КСИА. 2022. Вып. 266. С. 297–307.

Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Джалл Э.Д.Т. Новые данные по хронологии раннего железного века Якутии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 7. С. 106–112.

Mandryka P.V., Senotrusova P.O., Dedik A.V. Pinchuga-6 Burial Ground a New Site of the Finale of the Iron Age in the Lower Angara Region // Теория и практика археологических исследований. 2021. №3. С. 110–126.

Информация об авторе / Information about the Author

Полина Олеговна Сенотрусова, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0003-3969-9907>, pollina1987@rambler.ru

Polina O. Senotrusova, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Candidate of Sciences (History), Researcher; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; Doctor of History, <https://orcid.org/0000-0003-3969-9907>, pollina1987@rambler.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902.34(571.151)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.41

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ КОМПЛЕКСА ЖЕНСКИХ УКРАШЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ (по материалам некрополя Чобурак-I)

Николай Николаевич Серегин¹, Сергей Сергеевич Матренин², Илья Анатольевич Чудилин¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

²Барнаульский юридический институт МВД РФ, Барнаул, Россия

Резюме. В статье представлен опыт реконструкции комплекса украшений, обнаруженных в ходе раскопок одного из объектов жужанского времени на памятнике Чобурак-I (Чемальский район Республики Алтай). Компактный некрополь булан-кобинской культуры, полностью исследованный участниками археологической экспедиции АлтГУ, включал 12 непогребенных погребений. В женском захоронении кургана №34 обнаружен набор предметов сопроводительного инвентаря, состоявший преимущественно из разнообразных декоративных деталей, связанных с костюмом. Основная часть предметов датируется в рамках III–V вв. н.э. Судя по зафиксированным *in situ* находкам, в рассматриваемом объекте находились два головных убора — «нижний» и «верхний». Комплекс украшений включал также серьги, наконечник, бляхи-нашивки и подвеску из клыка марала.

Ключевые слова: Алтай, жужанское время, булан-кобинская культура, погребение, комплекс украшений, реконструкция

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МД-792.2022.2.

Для цитирования: Серегин Н.Н., Матренин С.С., Чудилин И.А. Опыт реконструкции комплекса женских украшений населения Алтая жужанского времени (по материалам некрополя Чобурак-I) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 201–205.

EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION OF THE WOMEN'S
JEWELRY COMPLEX IN ALTAI DURING THE ROURAN PERIOD
(based on the materials of the Choburak-I Necropolis)

Nikolai N. Seregin¹, Sergey S. Matrenin², Ilya A. Chudilin¹

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

²Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Barnaul, Russia

Abstract. The article presents the experience of reconstructing a complex of jewelry discovered during excavations of one of the objects of the Rouran period at the Choburak-I site (Chemal district of the Altai Republic). The compact necropolis of the Bulan-Koby culture, fully explored by the members of the ASU archaeological expedition, included 12 undisturbed burials. A set of accompanying inventory items found in the female burial of mound No. 34, consisting mainly of various decorative details associated with the costume. Most of the items date back to the 3rd — 5th centuries AD. Judging by the finds recorded *in situ*, the object under consideration contained two headdresses — “lower” and “upper”. The set of jewelry also included earrings, a braid, badges, patches, and a deer tusk pendant.

Keywords: Altai, Rouran period, Bulan-Koby culture, burial, jewelry complex, reconstruction

Acknowledgments: this work was supported by a grant from the President of the Russian Federation MD-792.2022.2.

For citations: Seregin N.N., Matrenin S.S., Chudilin I.A. Experience of Reconstruction of the Women's Jewelry Complex in Altai during the Rouran Period (Based on the Materials of the Choburak-I Necropolis) // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 201–205.

Обширный корпус археологических источников по булан-кобинской культуре Алтая, представленный преимущественно результатами раскопок погребальных объектов, позволил исследователям обратиться к реконструкции некоторых частей костюма кочевников данного региона, прежде всего к рассмотрению отдельных категорий украшений и головных уборов (Борисенко, Худяков, 2004, рис. 8; Тишкин, 2005, рис. 2.-1–7; Трифанова, 2005, рис. 4–6; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2011; Худяков, 2014; Трифанова, Соенов, 2019, рис. 29, 31, 33–35, 37–39). Несмотря на отличие подходов специалистов в вопросах функциональной атрибуции конкретных находок, бесспорным является факт значительного разнообразия таких декоративных предметов у населения Алтая на протяжении II в. до н.э. — V в. н.э. Приходится констатировать, что наиболее скромным в обозначенной области научных изысканий является опыт интерпретации вещественных материалов предтюрокского времени (2-я половина IV — 1-я половина V в. н.э.), который ограничивается наработками С.В. Трифановой и В.И. Соенова (2019, с. 80–81, рис. 37), выполненными по находкам из нескольких курганов могильника Верх-Уймон.

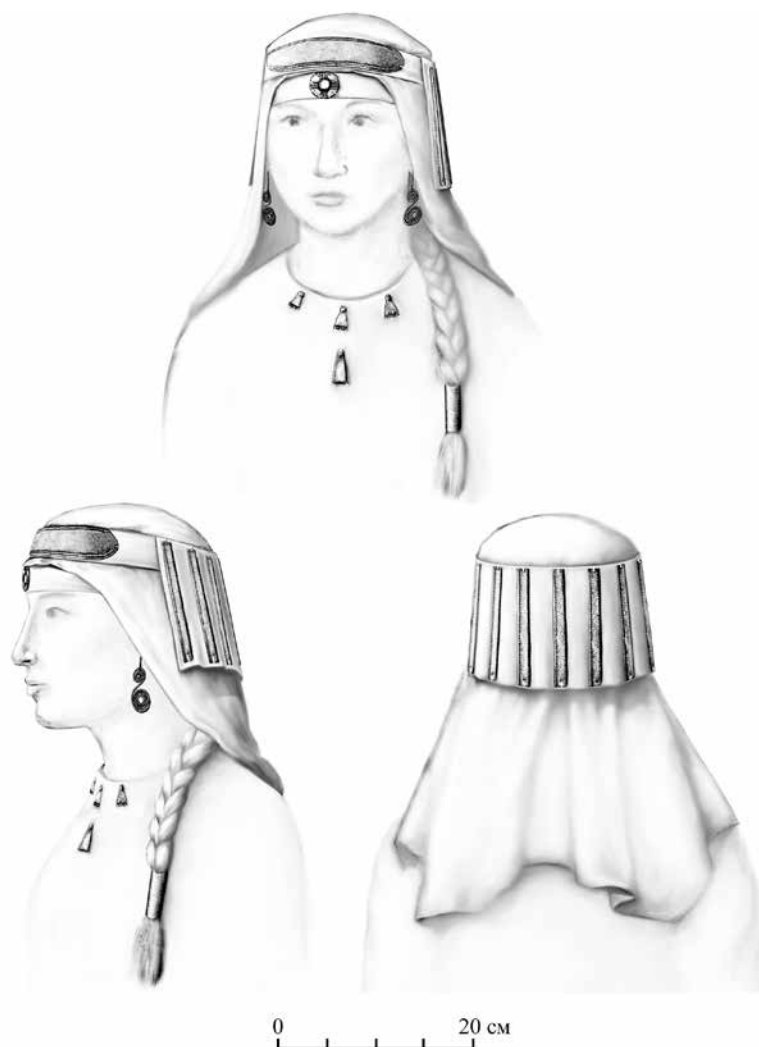
В связи с этим большое значение имеют новые материалы, полученные в процессе исследований памятника Чобурак-I в Северном Алтае. Данный погребально-поминальный комплекс расположен на правом берегу р. Катунь, к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай. Одним из результатов работ археологической экспедиции АлтГУ в этой местности стал полностью раскопанный некрополь булан-кобинской культуры. Он состоял из 12 курганов, в которых находились непо потревоженные захоронения, содержавшие материал, информативный для осуществления хронологических, этнокультурных и социальных реконструкций. Показательные элементы погребального обряда данных объектов (небольшая каменная насыпь с овальной крепидой; неглубокая и узкая яма; трупоположение человека вытянуто на спине с ориентацией головой в западный сектор горизонта с отклонением к северу; сопроводительное захоронение лошади «в ногах» человека) свидетельствуют об их принадлежности к дялянкой традиции обрядовой практики кочевников булан-кобинской культуры Алтая (Матренин, 2005, с. 96–97). Носители данной традиции являлись одной из групп полиэтничного населения региона, проживавшей, главным образом, в центральной и северной частях обозначенного региона на протяжении II в. до н.э. — V в. н.э. (Серегин, Матренин, 2016, с. 161–162). Анализ различных категорий материальной культуры, а также полученные результаты радиоуглеродного датирования свидетельствуют о хронологии некрополя Чобурак-I в рамках 2-й половины IV в. н.э. (Серегин и др., 2022; 2023; и др.).

В составе раскопанных на могильнике Чобурак-I объектов выделялся курган №34, в котором была зафиксирована ингумация женщины 30–35 лет (определения выполнены канд. ист. наук С.С. Тур) с многочисленным набором предметов сопроводительного инвентаря, состоявшим преимущественно из разнообразных декоративных деталей, связанных с костюмом. За черепом погребенной размещались нашивные украшения из цветного металла, орнаментированные точечным узором: одна слабо изогнутая пластина вытянуто-овальной формы большого размера с фрагментами ткани и семь пластин вытянуто-прямоугольной и вытянуто-трапецевидной формы меньших пропорций. Последние,

судя по выявленному *in situ* местонахождению, лежали последовательно, почти параллельно друг другу и перпендикулярно большой пластине. Под головой женщины найден накосник из бронзовой пластины, согнутой в полуобойму, а в области лба — металлическая нашивная бляха округлой формы из драгоценного металла, имеющая загнутые края (бортики) и сквозное отверстие большого диаметра в центре. В области грудной клетки зафиксированы четыре бронзовых бляхи-нашивки колокольчико-видной формы из цветного металла, которые использовались для украшения верхней плечевой одежды. Под тазовыми костями с правой и левой сторон обнаружены серьги из цветного металла, имеющие выделенное основание (щиток) в виде цилиндрической спирали. Кроме того, в рассматриваемом захоронении присутствовали и другие декоративные изделия, не имевшие отношения к головным уборам, — бронзовые бляхи-нашивки овальной формы, использовавшиеся для декорирования тканевой или кожаной сумочки, а также подвеска из клыка марала.

Таким образом, обнаруженный комплекс украшений включает несколько категорий металлических изделий, относящихся к женскому костюму. Основная часть обнаруженных предметов (большие и малые нашивные пластины, серьги) датируется в рамках III–V вв. н.э. (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 31.-7, 8, 11; 37.-3, 6; Соенов, 2000, рис. 2.-1–3; Худяков, 2014, рис. 4.-5, 6; 5.-8–10; 6.-21, 30; 7.-2; Трифанова, Соенов, 2019, с. 29, 30, 34, 49–53, 63–65; и др.). Важно подчеркнуть, что из рассматриваемого захоронения происходят бляхи-нашивки колокольчико-видной формы и бляха-нашивка с округлым абрисом, точные аналогии которым в известных материалах булан-кобинской культуры отсутствуют.

Судя по зафиксированным *in situ* находкам, с женщиной из погребения в кургане №34 некрополя Чобурак-I были помещены два головных убора (рис.). Один из них («нижний») представлял собой налобную повязку («диадему») из ткани или кожи, на которую пришивалась круглая металлическая

Реконструкция комплекса украшений женщины из погребения в кургане №34 некрополя Чобурак-I
 Reconstruction of the woman's jewelry complex from a burial in barrow No. 34 of the Choburak-I necropolis

бляха с отверстием в центре. Вероятно, данное изделие имело деревянную подкладку. В сквозные отверстия на бортиках бляхи могли пропускаться тонкие нити (ленты). Распространение практики использования таких повязок населением булан-кобинской культуры подтверждается материалами из других памятников Алтая эпохи Великого переселения народов (Трифанова, Соенов, 2019, с. 76–85).

Другой («верхний») головной убор представлял собой, по-видимому, матерчатую накидку с основанием (очельем) в виде повязки с нашивной слабо изогнутой металлической пластиной большого размера, орнаментированной точечным (пуансонным) декором. К ее затылочной части крепился отрез материи с пришитыми семью узкими пластинами вытянуто-прямоугольной и вытянуто-трапециевидной формы, украшенными точечным узором. Они располагались почти параллельно друг другу (перпендикулярно большой пластине), свисая на матерчатой основе до шеи и плеч. Такая «лучевидная» композиция изделий, вероятно, особенно эффектно смотрелась на темном фоне тканевой основы. Покрытые накидкой волосы были сплетены в одну косу (или собирались в пучок на затылке) и скреплялись обкладкой (наосником). Близкие варианты оформления головных уборов представлены в реконструкциях Ю.С. Худякова (2014, с. 111–112), основанных на материалах из объектов сянбийского времени некрополя Улуг-Чолтух-I из Северного Алтая.

Анализ взаимной встречаемости декоративных элементов головных уборов и верхней одежды с другими категориями сопроводительного инвентаря (Трифанова, Соенов, 2019, с. 63–65; Серегин, Матренин, 2020, с. 92) позволяет сделать вывод, что женщина, похороненная в кургане №34, имела высокий социальный статус в локальной группе «булан-кобинцев», оставившей могильник Чобурак-I, а также в целом среди других групп населения Алтая эпохи Великого переселения народов. Судя по имеющимся материалам, при жизни она была представительницей местной элиты кочевников Северного Алтая предтюрокского времени. Правомерность предложенной интерпретации подтверждается сравнением публикуемого погребального комплекса с другими известными некрополями булан-кобинской культуры, прежде всего объектами, относящимися ко 2-й половине IV — 1-й половине V в. н.э.

В целом представленные новые материалы и опыт их интерпретации расширяют имеющиеся представления об особенностях декоративного оформления головных уборов и верхней плечевой одежды населения Алтая на рубеже древности и средневековья, а также демонстрируют перспективы междисциплинарного исследования получаемых вещественных материалов.

Список источников

- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2004. №1 (17). С. 65–72.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // *Археологические исследования на Катуни*. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
- Матренин С.С. К вопросу о выделении типов погребений (по материалам памятников Горного Алтая II в. до н.э. — V в. н.э.) // *Западная и Южная Сибирь в древности*. Барнаул, 2005. С. 93–98.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. — XI в. н.э. Барнаул, 2016. 272 с.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. — XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул, 2020. 268 с.
- Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Неординарное погребение подростка с воинским инвентарем из некрополя жужанского времени Чобурак-I (Северный Алтай) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2022. №1. С. 122–133.
- Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение пожилого мужчины жужанского времени из Северного Алтая: опыт социальной интерпретации // *Археология Казахстана*. 2023. №1(19). С. 43–57.
- Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // *Древности Алтая*. Горно-Алтайск, 2000. №5. С. 48–62.
- Тишкин А.А. Возможности реконструкции женской одежды хуннского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // *Снаряжение кочевников Евразии*. Барнаул, 2005. С. 195–201.
- Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Женские металлические украшения из погребений сянбийского времени на Алтае (по материалам исследования памятника Степушка-I) // *Вопросы археологии Казахстана*. Алматы, 2011. Вып. 3. С. 420–431.
- Трифанова С.В. Реконструкция украшений головы из курганов Айрыдаша // *Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири*. Горно-Алтайск, 2005. С. 95–105.
- Трифанова С.В., Соенов В.И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск, 2019. 160 с.
- Худяков Ю.С. Женские украшения населения хунно-сянбийской эпохи в долине реки Эдиган в Горном Алтае (по материалам раскопок могильника Улуг-Чолтух) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2014. №1 (57). С. 107–114.

Информация об авторах / Information about the Authors

Николай Николаевич Серегин, Алтайский государственный университет, лаборатория древней и средневековой археологии Евразии, заведующий лабораторией; 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, доктор исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Nikolai N. Seregin, Altai State University, Laboratory of Ancient and Medieval Archaeology of Eurasia, Head of Laboratory; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; Doctor of History, <https://orcid.org/0000-0002-8051-7127>, nikolay-seregin@mail.ru

Сергей Сергеевич Матренин, Барнаульский юридический институт МВД РФ, кафедра истории и философии, доцент; 656038, Россия, ул. Чкалова, 49, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>, matrenins@mail.ru

Sergei S. Matrenin, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Department of History and Philosophy, Associate Professor; 656038, Russia, Chkalova Str., 49, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0001-7752-2470>, matrenins@mail.ru

Илья Анатольевич Чудилин, Алтайский государственный университет, музей археологии и этнографии Алтая, хранитель; 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, chudilin_ilia@mail.ru

Ilya A. Chudilin, Altai State University, Museum of Archaeology and Ethnography of Altai, Curator; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, chudilin_ilia@mail.ru

Статья принята к публикации 14.07.2023.

The article approved after reviewing 14.07.2023.

Научная статья / Article

УДК: 903.2(571.150)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.42

**БРОНЗОВОЕ ЗВЕНО ОТ УДИЛ ИЗ КУЛУНДЫ:
КОНТЕКСТ НАХОДКИ И РЕНТГЕНОФЛЮОРЕСЦЕНТНЫЙ АНАЛИЗ**

Алексей Алексеевич Тишкин¹, Ольга Григорьевна Филиппова²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

²Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

Резюме. В статье впервые публикуется металлическое звено от древних удил, случайно обнаруженное на территории Ключевского района Алтайского края в ходе сельскохозяйственных работ. Представлены обстоятельства и примерное место нахождения археологического предмета. Дано детальное описание изделия, а также приводятся результаты рентгенофлюоресцентного анализа, с помощью которого установлен химический состав использованного сплава. Элементы конского снаряжения являются важными культурно-хронологическими маркерами. Очередная находка позволяет дополнить имеющиеся сведения о пребывании древних кочевников на территории Кулунды. Она передана на хранение в Алтайский государственный краеведческий музей (г. Барнаул).

Ключевые слова: Кулунда, случайная находка, конское снаряжение, звено от удил, рентгенофлюоресцентный анализ, музей

Благодарности: работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства», А.А. Тишкин).

Для цитирования: Тишкин А.А., Филиппова О.Г. Бронзовое звено от удил из Кулунды: контекст находки и рентгенофлюоресцентный анализ // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 205–209.

**BRONZE LINK FROM THE BRIDLE FROM KULUNDA:
CONTEXT OF THE FIND AND X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS**

Alexey A. Tishkin¹, Olga G. Filippova²

¹Altai State University, Barnaul, Russia

²Altai State Museum of Local Lore, Barnaul, Russia

Abstract. The article for the first time publishes a metal link from an ancient bridle, accidentally discovered on the territory of the Klyuchevsky district of Altai Krai in the course of agricultural work. The circumstances and approximate location of the archaeological object are presented. A detailed description of the item is given, as well as the results of X-ray fluorescence analysis, with the help of which the chemical composition of the alloy used is established. Elements

of horse equipment are important cultural and chronological markers. The next find allows supplementing the available information about the stay of ancient nomads on the territory of Kulunda. It has been deposited in the Altai State Museum of Local Lore (Barnaul).

Keywords: Kulunda, accidental discovery, horse equipment, bridle link, X-ray fluorescence analysis, museum

Acknowledgments: this work was financially supported by Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00470 "The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy", A.A. Tishkin).

For citation: Tishkin A.A., Filippova O.G. Bronze Link from the Bridle from Kulunda: Context of the Find and X-ray Fluorescence Analysis // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 205–209.

В 2023 г. в Алтайский государственный краеведческий музей поступила случайная находка в виде одного звена от древних удил, изготовленного из цветного металла (рис.-1-4; рисунки выполнены А.Л. Кунгуровым, а фотоснимки сделаны С.В. Семеновым). Данный предмет был обнаружен главой фермерского хозяйства А.И. Жигайло в июне 2022 г. на распаханном поле в 8 км к юго-востоку от с. Каип Ключевского района Алтайского края в ходе культивации подсолнечника. Примерные координаты местонахождения следующие: N — 52°11'08.6"; E — 79°52'18.5". На поле есть барсучьи норы, а неподалеку расположен длинный заброшенный котлован, сооруженный в 1980-х гг. Звено удила зацепилось за культиватор, глубина погружения которого достигала не более 10 см. Данное обстоятельство указывает на то, что оно лежало близко к современной поверхности. Возможно, это было связано с деятельностью барсуков или с длительным антропогенным воздействием, которые стали причиной перемещения древнего изделия. Характерная темно-зеленая патина указывает в пользу того, что звено от удила могло очень долгое время находиться неглубоко в земле или вообще на поверхности. Оно не было связано с погребальными или поселенческими объектами. В непосредственной близости какие-либо археологические памятники отсутствуют. Не стоит исключать нахождение звена от удила в составе приклада. Наборы металлических предметов от конской амуниции аржано-майэмирского времени нередко обнаруживают в Сибири и Казахстане. Так, например, у с. Штабка (неподалеку от Барнаула) был обнаружен комплект таких изделий (Уманский, 1970; Тишкин, Кушакова, 2008). Хотя реальность всей ситуации с находкой у с. Каип свидетельствует пока больше в пользу обычной потери.

Обнаруженное звено удила имеет длину 9,97 см с учетом одного выступа на окончании, где хорошо видны следы от обломанного литника (рис.-1-4). Оно было отлито в двухстворчатой форме по восковой утрачиваемой модели. Об этом свидетельствуют следы лепки, а также хорошо выраженный литейный шов, который просматривается по периметру грызла и стремевидного окончания (рис.-1а, б; 3а, б; 4а, б). Однако на овальном кольце для внутреннего соединения звеньев этот шов отсутствует (рис.-3б; 4в). Внешние размеры данной части звена — 2×1,75 см. Внутренний диаметр — около 1,05 см. Диаметры грызла по центру — 8,2×7,7 мм. На нем заметны две свежие зазубрины (скорее всего, от культиватора), а также несколько древних (рис.-2а, б; 3а, б). На внутреннем кольце есть такие же отметины. Стремевидное окончание имеет длину 2,25 см, ширину в центре — 2,62 см (с литейным швом). Внутри него размеры такие: 2,26×1,47 см. На окончании оформлены два выступа для удержания ремня повода, один из которых, как уже отмечено, являлся частью литника, о чем свидетельствует характер слома. На одной стороне стремевидного окончания имеются свежие следы снятия поверхностных окислов. По всей видимости, так находчик хотел понять, из какого металла было изготовлено древнее изделие. Такое же снятие есть на внутреннем кольце (рис.-3а). Общий вид находки вполне удовлетворительный. Цвет его определяет темно-зеленая патина, в некоторых местах имеются окислы рыхлой структуры. Важно отметить, что внутреннее кольцо и стремевидное окончание расположены в разных плоскостях. В связи с этим наблюдаются особенности выполненной отливки по одному из древних способов (Минасян, 1994) Стержень грызла слегка согнут, но, скорее всего, не в ходе эксплуатации, а при изготовлении. Обработка поверхности готового изделия практически не производилась, что хорошо видно на фотоснимках (рис.-1а, 2а, 3а) и графических прорисовках (рис.-1б, 2б, 3б).

Аналогичные изделия были широко распространены в составе удила аржано-майэмирского времени на территории Южной Сибири и сопредельных регионов (Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 47, 48.-1-5, 49.-1-3; Шульга, 2008, рис. 54, 55; и др.). Имеются находки и отдельных звеньев.

Для установления химического состава сплава находки использовался портативный рентгенофлуоресцентный спектрометр «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США, в комплекте с карманным переносным компьютером и испытательным стендом). Этот прибор позволяет получить количественные определения содержания химических элементов нераз-

Случайная находка из Кулунды
An accidental find from Kulunda

рушающим методом. Для фиксации результатов применялась компьютерная программа с режимом «Аналитический», адаптированная для изучения соответствующих археологических находок и предусматривающая время измерения 30 секунд.

Сначала в двух разных местах тестировалась поверхность изделия, покрытая патиной и окислами (рис.-1а, 2а). Получены такие показатели:

— Cu (медь) — 87,16%; Sn (олово) — 9,43%; As (мышьяк) — 1,69%; Pb (свинец) — 1,01%; Bi (висмут) — 0,49%; Fe (железо) — 0,22%;

— Cu — 94,19%; Sn — 3,69%; As — 0,71%; Zn (цинк) — 0,5%; Fe — 0,43%; Pb — 0,27%; Bi — 0,15%; Ni (никель) — 0,06%.

Затем исследовалось место с потертой поверхностью на внутреннем соединительном кольце. Зафиксирован следующий схожий поэлементный ряд: Cu — 95,78%; Sn — 3,12%; As — 0,56%; Pb — 0,23%; Zn — 0,18%; Ni — 0,08%; Fe — 0,05%.

Дальнейшее изучение осуществлялось указанным прибором в разных участках, где механически были удалены поверхностные следы коррозии:

— Cu — 96,35%; Sn — 2,82%; As — 0,6%; Pb — 0,23%;

— Cu — 96,04%; Sn — 3,12%; As — 0,58%; Pb — 0,21%; Fe — 0,05%;

— Cu — 96,0%; Sn — 3,27%; As — 0,56%; Pb — 0,17%;

— Cu — 96,26%; Sn — 2,81%; As — 0,58%; Pb — 0,25%; Fe — 0,1%.

Перечисленные результаты свидетельствуют о медно-оловянном (бронзовом) сплаве с рудными примесями (мышьяк и свинец).

Полученные результаты рентгенофлуоресцентного анализа имеют близкие аналогии среди ранее изученных металлических деталей конского снаряжения, обнаруженных в памятниках майэмирской (маймерская) культуры (Хаврин, 2008; Tishkin, 2017; и др.). Особая близость обнаруживается с комплектами из Кондратьевки-XXI (Алехин, Шульга, 2003) и Березовки-I (Карамышево), хранящимися в Музее истории развития горного производства им. Акинфия Демидова г. Змеиногорска Змеиногорского района Алтайского края. Данное заключение продемонстрируем на примере ранее проведенного исследования удила из памятника Березовка-I (Карамышево). Таким же портативным спектрометром зафиксированы следующие показатели химического состава на участках, где были удалены поверхностные окислы: первое звено (с остатками литника): Cu — 95,39%; Sn — 3,58%; As — 0,71%; Pb — 0,24%; Fe (железо) — 0,08%; второе звено: Cu — 94,93%; Sn — 4,38%; As — 0,42%; Pb — 0,27% (Тишкин, 2020).

Данное обстоятельство подтверждает ранее высказанное предположение о распространении майэмирской (маймерской) культуры на равнинные территории южного Обь-Иртышского междуречья (Тишкин, 2019). Представленная находка звена от древних удила дополняет эту информацию. Она будет храниться в Алтайском государственном краеведческом музее (г. Барнаул).

Список источников

Алехин Ю.П., Шульга П.И. Курган Кондратьевка-XXI — новый памятник раннескифского времени на Рудном Алтае // Древности Алтая. №10. Горно-Алтайск, 2003. С. 62–70.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.

Минасян Р.С. Способы литья бронзовых удила в предскифское и скифское время // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 157–163.

Тишкин А.А. Майэмирская (маймерская) культура // История Алтая: в 3-х т. Т. I: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул; Белгород, 2019. С. 201–210.

Тишкин А.А. Предметы конского снаряжения аржано-майэмирского времени из Змеиногорского музея (Алтайский край) и перспективы их дальнейшего изучения // Краткие материалы XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции: «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК». Томск, 2020. URL: <http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Тишкин%20AA.pdf>

Тишкин А.А., Кушакова Н.А. Бронзовые наконечники из Штабки: технология изготовления, аналогии, датировка // Вопросы археологии и истории Сибири: Памяти профессора А.П. Уманского. Барнаул, 2008. С. 23–33.

Уманский А.П. Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье // Советская археология. 1970. №2. С. 169–179.

Хаврин С.В. Анализ состава раннескифских бронз Алтая // Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул, 2008. С. 173–178.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул, 2008. 276 с.

Tishkin A.A. Metallic Artifacts of Arjan-Mayemir Period from the Altai Territory: X-ray Fluorescence Analysis, Cultural and Chronological Attribution // Теория и практика археологических исследований. 2017. №1 (17). С. 123–144. DOI: 10.14258/tpai(2017)1(17).-09

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой, Отдел сопровождения НИОКР, главный научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department, R&D Support Department, Chief Scientific Officer; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Ольга Григорьевна Филиппова, Алтайский государственный краеведческий музей, отдел развития музея, заведующий отделом; 656043, Россия, г. Барнаул, ул. Ползунова, 39, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-7859-0942>, ogfilippova@yandex.ru

Olga G. Filippova, Altai State Museum of Local Lore, Department of Museum Development, Head of the Department; 656043, Russia, Barnaul, Polzunova Str., 39, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0001-7859-0942>, ogfilippova@yandex.ru

Статья принята к публикации 14.07.2023.

The article approved after reviewing 14.07.2023.

Научная статья / Article

УДК: 902(571.53/.55)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.43

ХОЛБО-4 — НОВЫЙ ОБЪЕКТ ЕЛГИНСКОГО ВРЕМЕНИ ПРИБАЙКАЛЬЯ

**Артур Викторович Харинский^{1,2}, Матвей Александрович Портнягин¹,
Григорий Леонидович Иванов³**

¹*Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия*

²*Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия*

³*Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьева-Амурского, Иркутск, Россия*

Резюме. Археологический объект Холбо-4 расположен в Ольхонском районе Иркутской области, в 1,2 км к юго-востоку от с. Шара-Тогот. В 2022 г. на нем вскрыта траншея размером 1×8 м. Траншея с востока пересекала каменную конструкцию, по форме напоминающую овал размером 21×24 м, вытянутый по линии север-юг. Он состоял из уложенных в один ряд и один слой камней. Все находки, обнаруженные в траншее, приурочены к слою серой супеси (глубина 4–28 см от поверхности земли). Они представлены фрагментами керамической посуды, целыми и фрагментированными костями животных, железными шлаками. Фрагменты керамических сосудов гладкостенные, плоскодонные, выполнены без применения гончарного круга. Среди орнаментов, украшавших сосуды, преобладают горизонтальные валики и прочерченный криволинейный орнамент. Археологический объект Холбо-4 можно отнести к елгинскому этапу в истории Байкальского региона и датировать в пределах III в. до н.э. — IV в. н.э.

Ключевые слова: Прибайкалье, елгинский этап, поселение, каменная конструкция, стратиграфия, керамические сосуды, железные шлаки

Для цитирования: Харинский А.В., Портнягин М.А., Иванов Г.Л. Холбо-4 — новый объект елгинского времени Прибайкалья // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 209–214.

HOLBO-4 — A NEW OBJECT OF THE YELGINSKY TIME OF THE BAIKAL REGION

Artur V. Kharinskii^{1,2}, Matvei A. Portniagin¹, Grigori L. Ivanov³

¹*Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia*

²*Irkutsk State University, Irkutsk, Russia*

³*Irkutsk Museum of Regional Studies Named after N.N. Muravyov-Amursky*

Abstract. The archaeological site Kholbo-4 is located in the Olkhonsky district of the Irkutsk region, 1.2 km southeast of the village of Shara-Togot. In 2022, a trench measuring 1×8 m was excavated on it. From the east, the trench intersected a stone structure resembling an oval measuring 21×24 m, elongated along the north-south line. It consisted of stones laid in 1 row and 1 layer. All the finds found in the trench are confined to a layer of gray sandy loam (depth 4–28 cm from the surface of the earth). They are represented by fragments of pottery, whole and fragmented animal bones, iron slags. Ceramic vessels are smooth-walled, flat-bottomed, made without the use of a potter's wheel. Among the ornaments decorating the vessels, horizontal bolsters and incised curvilinear ornament prevail. The archaeological site of Kholbo-4 can be attributed to the Yelga stage in the history of the Baikal region and dated within the 3rd century BC — 4th century AD.

Keywords: Baikal region, Yelga stage, settlement, stone structure, stratigraphy, ceramic vessels, iron slag

For citation: Kharinskii A.V., Portniagin M.A., Ivanov G.L. Holbo-4 — a New Object of the Yelginsky Time of the Baikal Region // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 209–214.

Археологический объект Холбо-4 находится в Ольхонском районе, в 1,2 км к юго-востоку от с. Шара-Тогот, в 190 м к северу от озера Большое Холбо (восточное), в центральной части распадка, с севера спускающегося к озеру. Распадок и его борта покрыты отдельно растущими лиственницами. Памятник открыт в 2000 г. А.В. Харинским. На его территории фиксируется конструкция, состоящая из уложенных в один ряд и один слой камней. По форме она напоминает овал размером 21×24 м, вытянутый по линии С–Ю (рис. 1). Северная и восточная границы конструкции слабо определены. На этих участках ее периметр угадывается лишь по отдельно расположенным камням. К юго-востоку от конструкции проходит проселочная дорога.

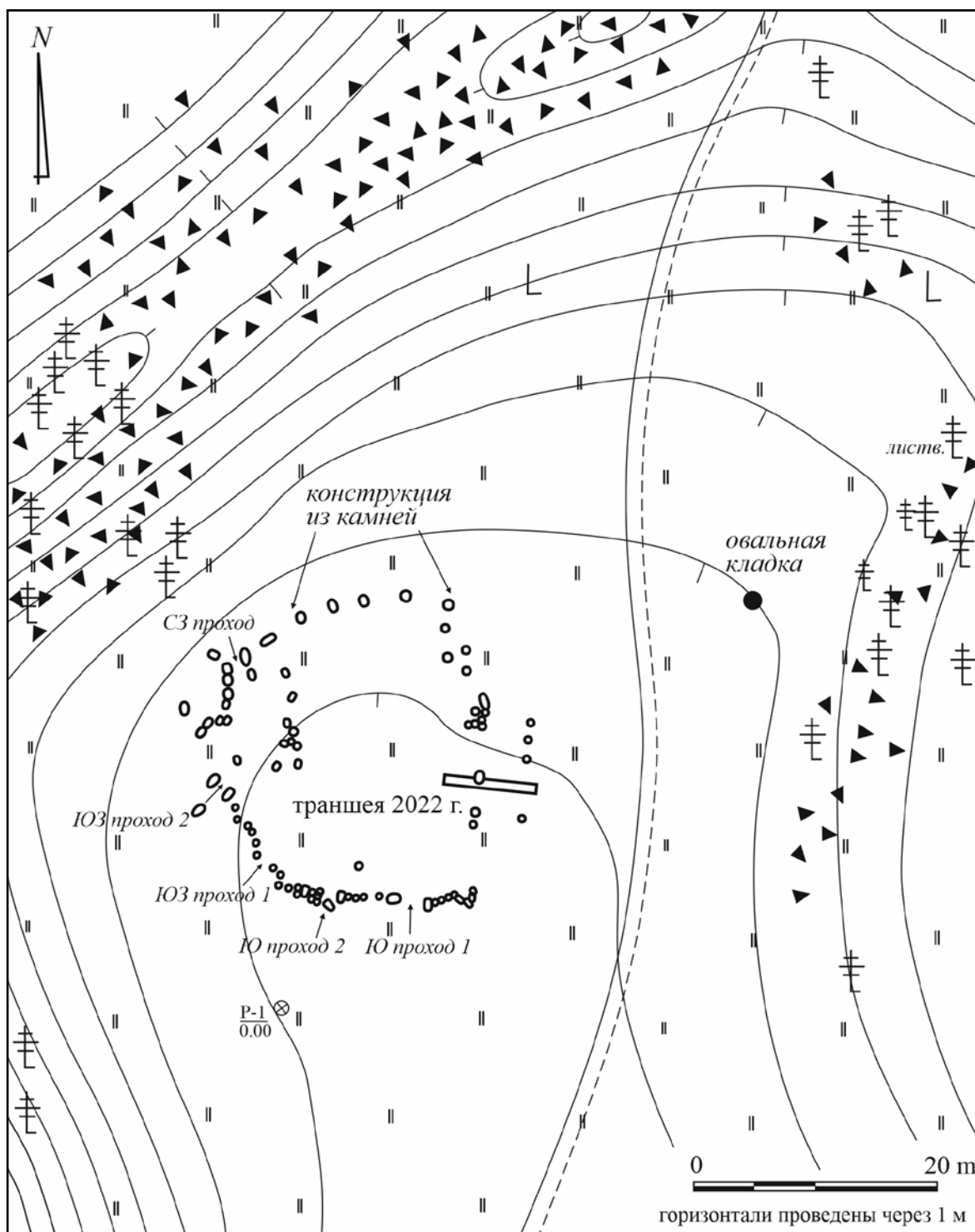

Рис. 1. План археологического объекта Холбо-4
 Fig. 1. The plan of the archaeological site Holbo-4

Южная и западная части выкладки из камней, обозначающей контуры конструкции, проходами делятся на пять участков: первый южный, второй южный, первый юго-западный, второй юго-западный и западный. С северной и восточной сторон камни, обозначающие контуры сооружения, располагаются разрозненно, поэтому выделить в этой части сооружения проходы затруднительно. Юго-восточный угол конструкции имеет форму треугольника размером 1,6×1,6 м, ориентированного вершиной на юг. От него гряда из камней следует на протяжении 2,5 м по направлению с азимутом 249° (юго-восточный участок) до первого южного прохода. Его ширина 2 м, ориентировка по азимуту 185°.

Длина второго южного участка гряды 5 м, ориентировка по азимуту 272°. Он заканчивается у второго южного прохода шириной 1,5 м, ориентированного по линии с азимутом 188°. Длина первого юго-западного участка гряды 5 м, он ориентирован по азимуту 295°. Участок завершается первым юго-западным проходом шириной 1,3 м, ориентированным по азимуту 226°. Второй юго-западный участок каменной гряды тянется от первого юго-западного прохода до второго юго-западного прохода. Он ориентирован по азимуту 336°. Его длина 6,9 м. Второй юго-восточный проход, ширина которого 1,4 м, ориентирован по азимуту 226°.

К северу от второго юго-западного прохода располагается пространство протяженностью 4 м, на котором камни гряды не прослеживаются, после него фиксируется продолжение участка гряды протяженностью 5 м, следующего в северном направлении до северо-западного прохода. Его ширина 1,1 м, ориентировка 342°.

Северо-западный участок гряды слегка выгнут наружу и берет начало от северо-западного прохода. Он ориентирован по азимуту около 76°, его протяженность 17 м. В отличие от южного участка его обозначают всего шесть камней. Северо-восточный участок гряды, длиной 9 м, ориентирован по азимуту 160°. Он обозначен всего несколькими камнями. Восточный участок гряды прямой, ориентирован по азимуту 183°. Его длина 16 м.

К основному овальному сооружению Холбо-4 примыкают еще две конструкции из выложенных в один ряд камней. Одна из них находится внутри западной части основного сооружения (№1), а другая примыкает к основному сооружению с востока (№2).

Для выяснения конструктивных особенностей каменных сооружений Холбо-4 и определения их культурно-хронологических особенностей на памятнике в 2020 г. решено было заложить траншею размером 1×8 м, раскопки которой продолжились в 2022 г. Ее длинные стенки ориентированы по азимуту 97° и располагались перпендикулярно восточному участку искусственной гряды. Глубина траншеи составила 50–90 см. Ей вскрыты следующие литологические слои: дерн мощностью 0,03–0,06 см; серая супесь — 0,16–0,24 см; серо-бурая супесь с дресвой и щебнем — 0,15–0,52 см; щебень и скальная крошка в желто-серой супеси вскрыта на 0,38 см. Мощность стратиграфических слоев в разных частях траншеи отличается.

В верхней части серой супеси залегают камни, образующие восточный участок основного овального сооружения Холбо-4. Самый крупный камень искусственной гряды наполовину уходил за пределы северной стенки траншеи. Размер камня 60×63 см, толщина 22 см. К югу от него в один слой располагаются более мелкие камни размером от 10×12 до 20×28 см. В восточной части траншеи отмечен камень размером 8×18 см, являющийся частью конструкции №2, пристроенной к овальному сооружению Холбо-4 с востока. В западной и центральной частях траншеи зафиксировано скопление камней, не образующих какой-либо конструкции. На глубине более 14–15 см от поверхности земли камни практически перестают встречаться.

С глубины 12–13 см от поверхности земли в средней части траншеи начали фиксироваться пятна прокала овальной формы. Их южная часть уходила за пределы стенки траншеи. В верхней части пятна имели серо-желтый цвет, а в основании — оранжевый. На глубине 26–28 см от поверхности земли они исчезают.

Сразу под дерном в траншее обнаружен археологический материал. Он фиксировался по мере расчистки рыхлых отложений по уровням залегания. Все находки приурочены к слою серой супеси (глубина 4–28 см от поверхности земли). Они представлены фрагментами керамической посуды, целыми и фрагментированными костями животных, железными шлаками. Большая их часть концентрируется у пятен прокала. Предварительно можно отметить, что остеологический материал преимущественно представлен останками овцы и коровы. В слоях серо-бурой супеси с дресвой и щебнем и желто-серой супеси со скальной крошкой археологический материал не фиксируется.

Среди обнаруженных находок наиболее показательны фрагменты керамических сосудов. Сосуды гладкостенные, плоскодонные, выполнены без применения гончарного круга. Среди их основных кон-

структивных элементов можно выделить придонную часть, тулово и устье. Во время формовки стенки сосуда крепились по периметру дна, с торцов. Устье напоминало усеченный конус, расширяющийся кверху, или цилиндр и крепилось с внешней стороны верхней части тулова (рис. 2.-1). Во время раскопок также найдены фрагменты сосудов, не имевшие устья, у которых верхняя часть тулова переходила в венчик (рис. 2.-11).

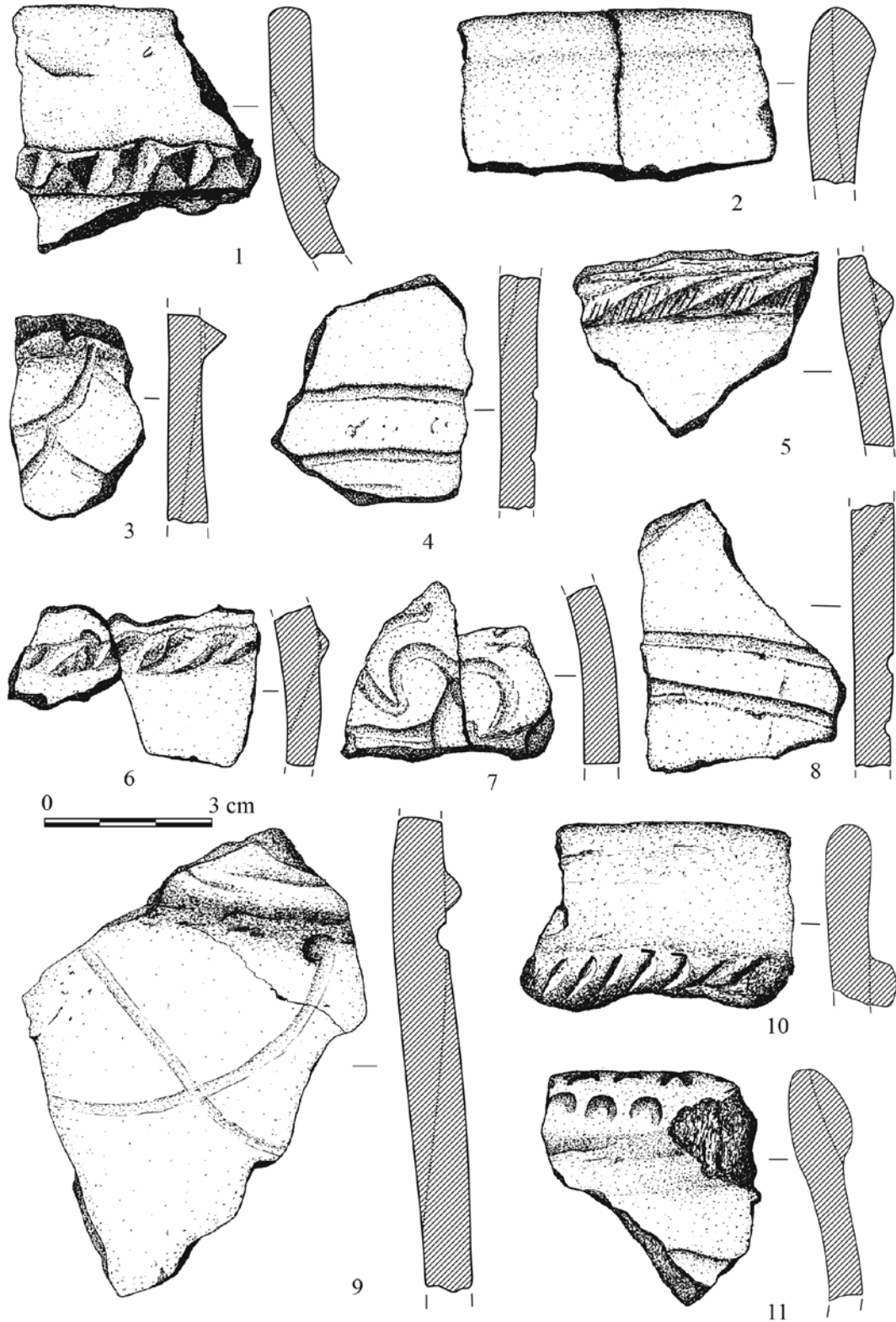

Рис. 2. Холбо-4, траншея 1, фрагменты керамических сосудов
Fig. 2. Holbo-4, trench 1, fragments of ceramic vessels

Венчики сосудов — округлой формы, зачастую имеют с внешней стороны овальный налест. Примером подобного оформления венчиков может служить один из обнаруженных фрагментов. Он не орнаментирован, в сечении имеет форму овала, с внешней стороны которого располагается небольшой треугольный выступ. Толщина венчика 1,2 см. Толщина стенок сосуда в нижней части фрагмента 0,8 см (рис. 2.-2).

Среди орнаментов, украшавших сосуды, преобладают горизонтальные налестные валики, которые крепились в месте перехода тулова емкости в устье. Большинство из них рассечено поперечными или наклонными вдавлениями, треугольными в сечении. Правда, встречаются единичные сосуды и с нерассеченными валиками (рис. 2.-9). Среди украшенных валиками сосудов можно выделить несколько. В средней части траншеи найдена верхняя часть сосуда с овальным в сечении венчиком и с прямым устьем. В месте перехода тулова в устье сосуд украшен валиком. Ширина валика 0,9–1,0 см, толщина 0,5 см. Валик рассечен вертикальными вдавлениями, треугольными в сечении, шириной 0,8–1,0 см (рис. 2.-1).

Валики, рассеченные наклонными вдавлениями, отмечены на остатках трех сосудов. На первом из них валик, в отличие от большинства сосудов, располагается не на месте перехода тулова в устье, а на тулове. Ширина валика 0,8–0,9 см, толщина 0,3 см. Валик рассечен наклонными, треугольными в сечении вдавлениями шириной около 0,5 см. (рис. 2.-6). Второй сосуд украшен треугольным в сечении налестным валиком шириной 0,8 см и толщиной 0,4 см. Валик рассечен наклонными вдавлениями, овальными в сечении, шириной 0,4 см. Они имели рубчатую поверхность. Рубчики располагались наклонно относительно вдавления. Валик крепился в районе перехода тулова сосуда в устье (рис. 2.-5). Третий сосуд имел округлый в сечении венчик шириной 0,9 см. Устье вертикальное. В его нижней части расположен налестный валик четырехугольной в сечении формы, шириной 0,9–1,1 см и толщиной 0,4 см. Он рассечен наклонными вдавлениями, треугольными в сечении, шириной 0,2 см. Расстояние между вдавлениями 0,2–0,4 см (рис. 2.-10).

Следующим по частоте встречаемости является прочерченный орнамент. Им выполнены композиции из дуг, пересекающих друг друга и обращенных выгнутой частью вниз, а также из криволинейных меандров, образованных двумя параллельными линиями. Первый из орнаментов зафиксирован только на одном сосуде, от которого сохранился фрагмент верхней части тулова. В районе перехода тулова в устье с внешней стороны сосуда располагался нерассеченный, треугольный в сечении налестный валик. Его ширина 0,8 см, толщина 0,3 см. Под валиком находилось круглое вдавление диаметром 0,6 см. От него вниз отходили прочерченные дугообразные линии, обращенные выгнутой частью вниз. Высота дугообразных элементов 3,7 см. Толщина линий 0,2 см. В нижней части дуги пересекаются друг с другом (рис. 2.-9).

Фрагментов сосудов, украшенных криволинейным меандром, обнаружено значительно больше. На одном из них в верхней части фрагмента располагается валик шириной 0,8 см. Его пересекают вертикальные вдавления треугольной формы шириной 0,4 см, расположенные на расстоянии 0,4–0,6 см. От валика вниз отходят дугообразные прочерченные фигуры, обращенные выгнутой частью вниз и образующие горизонтальный ряд. Под ними располагается еще один ряд подобных прочерченных элементов (рис. 2.-3). На другом фрагменте сосуда нанесены две параллельные прочерченные линии шириной 2 мм, имеющие небольшой изгиб. Линии находятся на расстоянии 1 см друг от друга, демонстрируя лишь часть узора (рис. 2.-4). Такая же часть узора представлена и на другом фрагменте (рис. 2.-8). Среди находок из траншеи имеются два фрагмента одного сосуда, на которых изображены меандры с закручивающимися внутрь концами, которые оканчиваются округлыми завитками, выполненными с помощью прочерченных кривых линий. Концы завитков соприкасались друг с другом (рис. 2.-7).

На одном из фрагментов сосуда, найденном во время раскопок, отмечен декор из дугообразных вдавлений. Венчик этого сосуда округлой формы, толщиной 1,1 см. Он образован благодаря округлому в сечении налесту. С верхней и внешней сторон венчик украшен дугообразными вдавлениями, обращенными выгнутой частью вверх. Ширина вдавлений 0,6 см, высота 0,5 см. Они находились на расстоянии 0,2 см друг от друга. Тулово сосуда украшено прочерченной линией шириной 0,2 см (рис. 2.-11).

Судя по особенностям орнаментики сосудов, археологический объект Холбо-4 можно отнести к елгинскому этапу в истории Предбайкалья и датировать в пределах III в. до н.э. — IV в. н.э. (Горюнова, Пудовкина, 1995; Харинский, 2005; 2014). Разделить обнаруженный на нем археологический материал на отдельные временные периоды затруднительно. Он достаточно однообразен. При этом иногда фрагменты одного сосуда могли залегать на разных уровнях слоя серой супеси, например, на глубине 14 и 18 см (рис. 2.-6). Единственным критерием, который может способствовать разделению получен-

ной коллекции на две хронологические части, является уровень залегания находок относительно основания камней, образующих овальную конструкцию Холбо-4. Их основание располагалось на глубине 10–12 см от поверхности земли, следовательно, археологический материал, обнаруженный глубже этого уровня, будет более архаичным. К числу элементов орнамента сосудов, характеризующих его и не встречающихся в более позднее время, относятся: нерассеченные налпные валики; валики, рассеченные наклонными вдавлениями; валики, располагающиеся на тулове сосуда, а не в месте перехода тулова в устье.

О функциональном назначении Холбо-4 на данном уровне исследований судить сложно. И это прежде всего связано с каменной конструкцией овальной формы, зафиксированной на нем. Возможно, она имела сакральное значение, но однозначно об этом говорить пока рано. Подобные объекты на территории Прибайкалья не исследовались.

Список источников

Горюнова О.И., Пудовкина Е.А. Могильник Елга-VII и его место в периодизации железного века Приольхонья // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск, 1995. С. 154–174.

Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Известия Лаборатории древних технологий. Вып. 3. Иркутск, 2005. С. 198–216.

Харинский А.В. Елгинские захоронения Прибайкалья // Известия лаборатории древних технологий. 2014. №3 (12). С. 20–44.

Информация об авторах / Information about the Authors

Артур Викторович Харинский, Иркутский национальный исследовательский технический университет, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИРНТУ; 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83; Иркутский государственный университет; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-4815-6069>, kharinsky@mail.ru

Artur V. Kharinskii, Irkutsk National Research Technical University, Director of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of Northern Asia, 664074, Russia, Irkutsk, Lermontov Str., 83; Irkutsk State University; 664003, Russia, Irkutsk, Karl Marx Str., 1, Dr. Sci. (History), Professor, <https://orcid.org/0000-0002-4815-6069>, kharinsky@mail.ru

Матвей Александрович Портнягин, Иркутский национальный исследовательский технический университет, лаборант-исследователь Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии; 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, <https://orcid.org/0000-0002-7245-105X>, matirk@yandex.ru

Matvei A. Portniagin, Irkutsk National Research Technical University, Laboratory Assistant Researcher of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of Peoples of Northern Asia; 664074, Russia, Lermontov Str., 83, Irkutsk <https://orcid.org/0000-0002-7245-105X>, matirk@yandex.ru

Георгий Леонидович Иванов, Иркутский областной краеведческий музей им Н.Н. Муравьева-Амурского, заведующий сектором научно-фондового отдела; 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 13, <https://orcid.org/0000-0003-4316-7372>, ivanov85@mail.ru

Grigori L. Ivanov, Irkutsk Museum of Regional Studies Named after N.N. Muravyov-Amursky, Head of the Sector of Museum Funds; 664003, Russia, Irkutsk, Karl Marx Str., 13, <https://orcid.org/0000-0003-4316-7372>, ivanov85@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.5(235.226)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.44

ОСОБЕННОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ КУРГАНОВ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ В СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ

Дул Цэнд

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В Северной Монголии в аймаках Хубсугул, Булган, Сэлэнгэ и Дархан-Уул с начала изучения погребальных памятников монгольского времени в 1980-х гг. раскопано 245 погребений на 41 памятнике. Хотя было получено множество материалов, чтобы предоставить достаточную информацию об истории средневековой Монголии, но в целом в этом регионе было проведено мало раскопок. По данным о количестве курганов ясно, что

на некоторых памятниках одновременно находится много курганов. Примечательно также, что по географическому положению погребальные комплексы развитого средневековья располагаются на склонах, у подножья и на седловинах гор, а также на террасах. Кроме этого, все курганы, раскопанные в Северной Монголии, находятся вдоль берегов рек. По материалам погребений, исследованных на территории Северной Монголии и датированных монгольским временем, в статье рассмотрено их расположение и отмечены некоторые особенности.

Ключевые слова: Северная Монголия, монгольское время, погребальные памятники, особенности расположения, база данных

Для цитирования: Цэнд Д. Особенности расположения курганов монгольского времени в Северной Монголии // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 214–218.

FEATURES OF THE LOCATION OF THE MONGOLIAN TIME BURIAL MOUNDS IN NORTHERN MONGOLIA

Dul Tsend

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. In Northern Mongolia, 245 burials at 41 sites have been excavated in Khubsugul, Bulgan, Selenge, and Darkhan-Uul aimags since the beginning of the study of funerary sites of Mongolian time in the 1980s. Although much material has been obtained to provide sufficient information on the history of medieval Mongolia, little excavation has been carried out in this region as a whole. It is clear from the data on the number of mounds that some sites contain a lot of mounds at the same time. It is also noteworthy that, geographically, the burial complexes of the developed Middle Ages are located on slopes, at the foot and on saddles of mountains and on terraces. In addition, all burial mounds excavated in Northern Mongolia are located along the riverbank. Based on the materials of burials investigated on the territory of Northern Mongolia and dated to the Mongolian time, the article considers their location and notes some peculiarities.

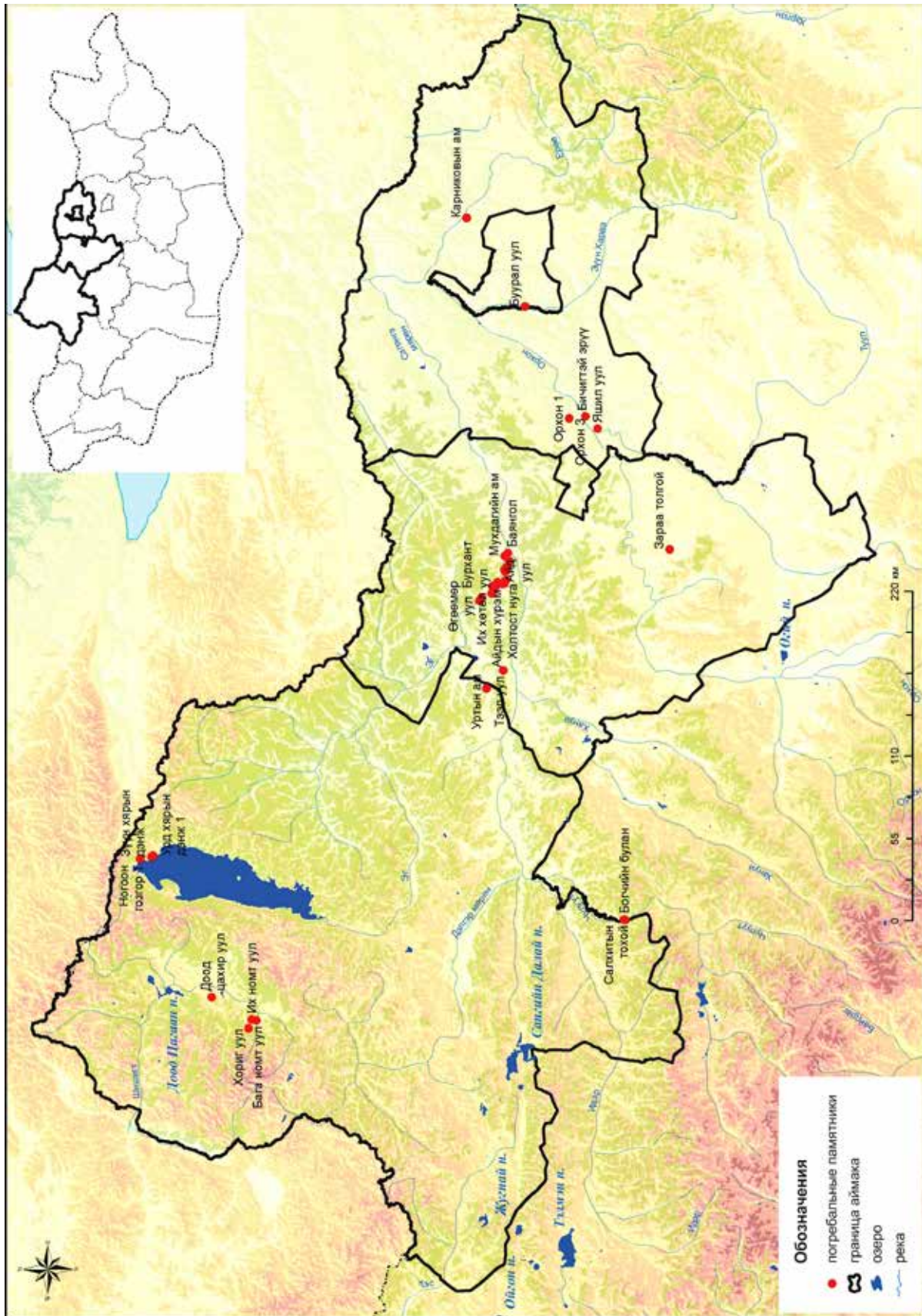
Keywords: Northern Mongolia, Mongolian time, funerary monuments, location, database

For citation: Tsend D. Features of the Location of the Mongolian Time Burial Mounds in Northern Mongolia // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 214–218.

В последние годы в Северной Монголии интенсивно ведутся археологические исследования. В результате раскопок, осуществленных в этом регионе, накоплено много материалов о погребальных памятниках, которые свидетельствуют об истории средневековых монголов. Северная Монголия включает современные аймаки Хубсугул, Булган, Орхон, Сэлэнгэ, Дархан-Уул. Раскопки погребальных памятников монгольского времени там начались в 1980-х гг. На основании имеющейся базы данных о погребальных памятниках монгольского времени в вышеуказанных аймаках всего до 2022 г. были исследованы четыре скальных захоронения и 241 курган на 41 погребальном комплексе (рис.). На основе этих сведений можно считать, что сформировано достаточное количество источников, чтобы определить особенности расположения курганов развитого средневековья в Северной Монголии и обобщить сведения о них. Поэтому в статье на основе имеющихся материалов, а также с помощью геоинформационных программ будут рассмотрены месторасположения и особенности курганов монгольского времени в Северной Монголии.

В настоящее время на территории Хубсугул аймака всего было раскопано 138 курганов на 11 памятниках в пяти сомонах (районах): Богчийн булан (1), Салхитын тохой (1) в сомоне Галт (Коновалов, 2017, с. 67–70, 76–77), Доод цахир уул (37) в сомоне Ринченлхумбэ (Эрэгзэн и др., 2020, с. 36; Эрэгзэн и др., 2022, с. 240), Уртын ам (1) в сомоне Тариалан (Эрдэнэбат, 2007, с. 224), Хориг уул (68), Их номт (17), Бага номт (1) в сомоне Улаан-Уул (Баярсайхан и др., 2019, с. 281–282; Баярсайхан, Кларк, Баяндэлгэр и др., 2019, с. 111; Эрэгзэн и др., 2020, с. 36), Ногоон гозгор (4), Зуун хярын дэнж (3), Урд хярын дэнж-I (1), Урд хярын дэнж-II (4) в сомоне Ханх (Харинский, Эрдэнэбаатар, 2011, с. 110–119; Оргилбаяр и др., 2018, с. 120; Оргилбаяр и др., 2019, с. 140; Оргилбаяр и др., 2019, с. 200).

На территории пяти сомонов Булган аймака всего было раскопано 68 курганов и четыре скальные захоронения на 24 памятниках: Зараа толгой (2) в сомоне Бурэгхангай (Наваан, 1986, с. 6–7), Айд уул (5), Тээл ууд (3), Айдын хурэм (4), Баруун бэлсэгийн ам (1), Бурхан толгой (3), Дурулж (2), Мухдагийн ам (9), Угуумур уул (1), Холтост нуга (5), Элст хутул (9), Эмгэнт хошуу (2), бригаде Хантай (1), Борхустын энгэр (1), Моностын булан (1), на горе Бурхант (8), на левом берегу Эгийн гола (1), Хужирт нуга (1), Уургийн гол (1), Шар могойтын дэнж (2), Холтост хурэм (2), на горе к северо-востоку от Холтост нугы (1), Баянгол (4), Их хутул (3) в сомоне Хутаг-Ундур (Лхагвасурэн, 2007, с. 81–98; Турбат, Амартув-

Месторасположение раскопанных курганов монгольского времени в Северной Монголии на карте-схеме
The location of the excavated mounds of the Mongolian time in Northern Mongolia on the schematic map

шин, Эрдэнэбат, 2003, с. 119–127; Эрдэнэбат, 2007, с. 229; Билэгт и др., 2021, с. 7–15; Цэнд, 2022, с. 78; Тишкин и др., 2022, с. 220–225).

На территории Сэлэнгэ аймака всего было раскопано 15 курганов на четырех памятниках: Бичигтэй эруу (3) и Яшил (3) в сомоне Орхонтуул (Билэгт и др., 2021, с. 7–15; Цэнд, 2023, с. 255); Карниковын ам (3) в сомоне Еруу; Орхон-I (5) и Орхон-III (1) в сомоне Баруунбурэн (Батсайхан, Улзийбаяр, 2006, с. 58–65). Также у горы Буурал на территории сомона Хонгор Дархан-Уул аймака было раскопано 20 курганов (Лхагвасурэн, 1989, с. 137–140).

По данным этих раскопанных курганов важно отметить, что они находились в местах, где зафиксировано много других погребальных объектов разного времени. Большое количество курганов монгольского времени очень редко встречаются на одном памятнике. Обычно на могильнике фиксируется от одной до пяти могил одновременно. В Северной Монголии отмечены случаи, когда исследованы крупные кладбища — на таких памятниках, как Хориг уул (68), Доод цахир уул (37), Их номт уул (17) и Буурал уул (20).

По географическому расположению погребальных памятников монгольского времени можно отметить, что обычно средневековые монголы хоронили умерших на южных склонах горы, у подножья горы или на террасах (Цэвээндорж и др., 2008, с. 237–242). Судя по месторасположению 41 памятника, где в Северной Монголии раскопаны курганы, то они также расположены на склонах, у подножья и на седловинах гор, а также на холмах, у оврагов или на террасах. Например, из 245 курганов 33% расположены на склонах гор, 7% — у подножья гор, 50% — на седловинах гор, 3% — на склонах у оврагов, 7% — на террасах. Из них курганы, расположенные на седловинах гор, встречаются только на памятниках, расположенных близко друг к другу в Хубсугул аймаке (Хориг уул, Их номт уул, Бага номт уул и Доод цахир уул), что, вероятно, является характерной особенностью для указанной территории.

Примечательно, что погребальные памятники расположены на горах и холмах вдоль берегов рек. В частности, горы и холмы, на которых расположены курганы, обычно располагаются по берегам больших рек (Орхон, Туул, Эг, Хараа, Еруу, Чулуут) и их притоков, а также на берегу озера. По указанному расположению памятников в Хубсугул аймаке два находятся у р. Чулуут, один — у р. Тээл, один — у р. Багтах, два — у р. Хориг, один — у р. Хуг, а четыре — на берегу оз. Хубсугул. На территории Булган аймака 16 зафиксированы по берегам р. Эгийн-гол, один — у р. Баруун бэлсэг, один — у р. Баян, два — у р. Бугс, два — у р. Уураг, один — у р. Шувуутай, один — у р. Тээл. На территории Сэлэнгэ аймака один памятник выявлен на берегу р. Орхон, один — у р. Туул, один — у р. Еруу, два — у р. Бургалтай. На территории Дархан-Уул аймака один могильник расположен на берегу р. Хараа.

Из указанных ситуаций видно, что у населения, жившего в Северной Монголии в период развитого Средневековья, была традиция хоронить умерших людей не только на высоких местах, а также по берегам рек и озер. Такая же тенденция отмечается при рассмотрении некоторых археологических памятников домонгольского периода.

Судя по количеству и распределению раскопанных курганов в Северной Монголии, собрано достаточно информации. Но нужно отметить, что исследования погребений монгольского времени проводились на немногих памятниках на такой большой территории. Учитывая региональный масштаб и особенности расположения курганов развитого средневековья, необходимо продолжить археологическое изучение в указанном направлении. С учетом сделанных наблюдений полагаем, что наибольшие перспективы выявления могильников монгольского времени в Северной Монголии имеют планомерные археологические обследования и раскопки в долинах больших и малых рек.

Список источников

Батсайхан З., Улзийбаяр С. 2005 онд Сэлэнгэ аймгийн нутагт археологийн судалгаа хийсэн тухай // *Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology*. 2006. Vol. 2. №2 (271). С. 57–66 (на монг. яз.).

Баярсайхан Ж., Кларк Ж., Кэйс Н., Батчулуун О., Лаури Б., Ванвэээр Н., Пичин А. Монгол-Америкийн хамтарсан “Умард Монгол” туслийн 2018 оны хээрийн судалгааны товч ур дун // *Монголын археологи-2018*. 2019. С. 281–283 (на монг. яз.).

Баярсайхан Ж., Кларк Ж., Баяндэлгэр Ч., Моффат И. Коч Р., Миллер А., Бямбадорж Б., Батчулуун О., Вондерворф С., Нямсурэн Б. Монгол-Америкийн хамтарсан “Умард Монгол” туслийн 2019 оны хээрийн судалгааны товч ур дун // *Монголын археологи-2019*. 2019. С. 111–116 (на монг. яз.).

Билэгт Л., Батсайхан З., Амартувшин Ч. Монгол-Америкийн хамтарсан экспедицийн тайлан // *Монголын археологи: Хээрийн судалгааны тайлан (1996–1999)*. 2021. Т. XII. С. 4–26 (на монг. яз.).

Коновалов П.Б. Средневековые погребальные памятники Монголии и вопросы раннемонгольской археологической культуры // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2017. Т. 13, №4. С. 65–84. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-65-84

Лхагвасурэн Х. Буурал уулын монгол булшууд // *Studia historica*. 1989. Т. XXIII, Ф. 15. С. 137–146 (на монг. яз.).
Лхагвасурэн Х. Монголын археологи (Чингэс хааны үе) тэргүүн дэвтэр. Улаанбаатар, 2007. 281 с. (на монг. яз.).
Наваан Д. Дундад зууны үеийн монголчуудын оршуулах зан уйлийг судлах асуудалд // *Studia archaeologica*. 1986. Т. XI, Ф. 1. С. 3–10 (на монг. яз.).

Оргилбаяр С., Эрдэнэбаатар Д., Харинский А.В. Монгол-Оросын хамтарсан “Тув Азийн археологи” туслийн Хувсгул аймгийн Ханх сумын нутагт явуулсан хээрийн шинжилгээний ажлын товч ур дүнгээс // *Монголын археологи-2017*. 2018. С. 120–123 (на монг. яз.).

Оргилбаяр С., Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д. Монгол-Оросын хамтарсан “Тув Азийн археологийн шинжилгээ-1” туслийн Хувсгул аймгийн Ханх сумын нутагт явуулсан малтлага судалгааны ажлын ур дүнгээс // *Монголын археологи-2018*. 2019. С. 140–146 (на монг. яз.).

Оргилбаяр С., Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Мандалсурэн Н., Баянсан П. Монгол-Оросын хамтарсан “Тув Азийн археологийн шинжилгээ-1” туслийн Хувсгул аймгийн Ханх сумын нутагт явуулсан малтлага судалгааны ажлын урьдчилсан ур дүнгээс // *Монголын археологи-2019*. 2019. С. 200–207 (на монг. яз.).

Тишкин А. А., Идэрхангай Т.-О., Цэнд Д., Оргилбаяр С., Амгаланбат Б., Эрдэнэпүрэв П., Батчимэг Б. Средневековые монгольские погребения, исследованные в долине Эгийн-гола (Северная Монголия) // *Теория и практика археологических исследований*. 2022. Т. 34, №4. С. 215–233. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2022\)34\(4\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2022)34(4).-12)

Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутаг дахь археологийн дурсгалууд (Хурлийн үеэс Монголы үе). Улаанбаатар, 2003. 295 с. (на монг. яз.).

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д. Северное Прихубсугулье в начале II тыс. н.э. // *Теория и практика археологических исследований*. 2011. Вып. 6. С. 107–124.

Цэвээндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Монголын археологи. Улаанбаатар, 2008. 239 с. (на монг. яз.).

Цэнд Д. Результаты исследований погребальных памятников монгольского времени на территории современной Монголии // *Известия Алтайского государственного университета*. 2022. №6 (128). С. 75–81. DOI: 10.14258/izvasu(2022)6-12.

Цэнд Д. Раскопки курганов монгольского времени у горы Яшил в 2022 году (Северная Монголия) // *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края*. 2023. Вып. XXIX. С. 254–258. DOI: 10.14258/2411-1503.2023.29.38

Эрдэнэбат У. Монгол улсын нутаг дэвсгэрт дундад зууны монголчуудын булш, оршуулгын дурсгалыг судалсан тойм // *Монгол улсын шинжлэх ухаан*. 2007. Т. 32. С. 213–253 (на монг. яз.).

Эрэгзэн Г., Баярсайхан Ж., Хурэлсух С., Мунхбаяр Л., Баяндэлгэр Ч., Содномжамц Д., Гонгоржав Н., Гунчин-Иш Г., Эрдэнэбаяр Б., Нямсурэн Д., Батчулуун О., Бямбадорж Б., Буян-Орших Б., Ариунболд Б., Оюунтулга М., Мунгундоож А., Баямбажаргал Б. Дархадын хотгорт явуулсан археологийн судалгааны товч ур дүн // *Монголын археологи-2020*. 2020. С. 36–39 (на монг. яз.).

Эрэгзэн Г., Баярсайхан Ж., Хурэлсух С., Баяндэлгэр Ч., Ангарагсурэн О., Эрдэнэцэцэг Р., Миллер А., Кларк Ж., Миллер Б. Монгол Америкийн хамтарсан “Умард хязгаар” туслийн хээрийн шинжилгээний ангийн 2022 оны судалгааны товч ур дүн // *Монголын археологи-2022*. 2022. С. 240–245 (на монг. яз.).

Информация об авторе / Information about the Author

Дул Цэнд, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; магистр, <https://orcid.org/0000-0003-0056-9865>, dultsendee@gmail.com

Dul Tsend, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Graduate Student; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; master, <https://orcid.org/0000-0003-0056-9865>, dultsendee@gmail.com

Статья принята к публикации 14.07.2023.

The article approved after reviewing 14.07.2023.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ В РАЗЛИЧНЫХ ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫХ ЗОНАХ (по материалам изучения археологических памятников)

Научная статья / Article

УДК: 903.4(571.6)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.45

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПРОМЫСЛОВЫЕ СТОЯНКИ МАЛИНОВКА-1 И МАЛИНОВКА-2 В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

**Яна Евгеньевна Анзулис, Станислав Данилович Прокопец, Ирина Владимировна Белова,
Дмитрий Михайлович Белов, Наталья Алексеевна Дорофеева, Елена Альбертовна Сергушева,
Евгений Юрьевич Шаповалов**

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия*

Резюме. В статье представлены результаты исследования двух средневековых промысловых стоянок, расположенных на севере Приморья, в Дальнереченском районе, на правом берегу р. Малиновка: Малиновка-1 и Малиновка-2. По результатам проведенных исследований памятники были определены как сезонные промысловые стоянки рыболовов. Полученные радиоуглеродные даты охватывают XI–XV вв. Хронологию памятника также определяют глиняные грузила- «кирпичики» для сетей, изделия из железа, определенный набор каменных орудий для работы с металлическими изделиями. Все они находят аналогии на памятниках Дальнего Востока периода средневековья, преимущественно в чжурчжэньской и покровской культурах.

Ключевые слова: Приморье, средневековье, промысловая стоянка, рыболовы, грузила, чжурчжэни, покровская культура

Для цитирования: Анзулис Я.Е., Прокопец С.Д., Белова И.В., Белов Д.М., Дорофеева Н.А., Сергушева Е.А., Шаповалов Е.Ю. Средневековые промысловые стоянки Малиновка-1 и Малиновка-2 в Приморском крае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 219–223.

MEDIEVAL FISHING CAMPS MALINOVKA-1 AND MALINOVKA-2 IN THE PRIMORSKY KRAI

**Yana E. Anzulis, Stanislav D. Prokopets, Irina V. Belova, Dmitry M. Belov,
Natalya A. Dorofeeva, Elena A. Sergusheva, Evgeny Yu. Shapovalov**

*The Institute of History, Archaeology and Ethnography (IHAE), the Branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia*

Abstract. The article presents the results of a study of two medieval fishing sites located in the north of Primorye, in the Dalnerechensky district, on the right bank of the Malinovka river: Malinovka-1 and Malinovka-2. According to the results of the research, the sites were identified as seasonal fishing sites for fishermen. The obtained radiocarbon dates cover the 11th–15th centuries. The chronology of the site is also determined by clay sinkers — “bricks” for nets, iron products, a certain set of stone tools for working with metal products. All of them find analogies in the sites of the Far East of the Middle Ages, mainly in the Jurchen culture and Pokrovskaya culture.

Keywords: Primorye, Middle Ages, fishing camp, fishermen, sinkers, Jurchens, Pokrovskaya culture

For citation: Anzulis Ya.E., Prokopets S.D., Belova I.V., Belov D.M., Dorofeeva N.A., Sergusheva E.A., Shapovalov E.Yu. Medieval Fishing Camps Malinovka-1 and Malinovka-2 in the Primorsky Krai // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 219–223.

Средневековые памятники в Приморье представлены преимущественно поселениями, городищами и могильниками, реже встречаются храмы. Такой тип памятников, как промысловые стоянки, до недавнего времени был неизвестен. В статье представлены результаты исследования двух средневековых промысловых стоянок, расположенных на севере Приморья, в Дальнереченском районе, на правом берегу правого притока р. Усури р. Малиновка: Малиновка-1 и Малиновка-2.

Описание памятников. Площадь промысловых стоянок Малиновка-1 и Малиновка-2 составляет 1518 и 686 м². Расстояние между ними всего около 100 м. По сути, это один памятник, протянувшийся вдоль левого берега реки. Особенности стратиграфии схожи: культурный слой начинается сразу под дерном, его мощность составляет 10–15 см. На южном участке Малиновки-2 выявлены остатки сильно разрушенного неолитическо-

го слоя. В целом насыщенность культурного слоя артефактами и следами жизнедеятельности крайне неравномерна: зоны хозяйственной деятельности, на которых сконцентрированы артефакты, угли, шлак, прокаленный грунт перемежаются совершенно пустыми участками, не содержащими никаких находок.

На памятнике **Малиновка-1** зоны хозяйственной деятельности в большинстве случаев связаны с наличием глубоких котлованов и небольших ям, заполненных углем и прокаленным грунтом. Выявлены три таких котлована, не относящихся к жилищным комплексам, поскольку в них отсутствуют остатки очажных устройств и конструктивных частей. Судя по находкам в них значительного количества глиняных грузил (большая часть из которых целые), фрагментов льячек (рис.-10), угля, прокаленного грунта и шлака, котлованы, очевидно, использовались для производственной деятельности. Возле котлована 1 (размеры 2,7×2,6 м, глубина 0,73 м) зафиксированы две ямы, расположенные на расстоянии 0,6 и 1 м от северного и западного углов котлована. Возможно, это ямы от столбов, поддерживавших навес хозяйственного сооружения.

Зоной, где также велась активная хозяйственная деятельность, являлась юго-восточная часть памятника. Здесь зафиксированы ямы, в заполнении которых присутствуют уголь, прокаленный грунт и обнаружены керамические грузила. Южнее располагался участок, давший наибольшее количество артефактов, в том числе 154 керамических грузила, железный нож, пять фрагментов каменных орудий. Хотя здесь не были выявлены объекты, но наличие прокаленного грунта, угля, обмазки указывало на активную хозяйственно-производственную деятельность на данной территории.

В ходе исследований памятника **Малиновка-2** также были выделены зоны хозяйственной деятельности, но без котлованов. В южной части памятника в слое темной серо-коричневой супеси обнаружены не крупные речные гальки, угли, шлак, обожженная обмазка, 48 керамических грузил, фрагменты керамических льячек, керамическая бусина. Рядом с этим участком выявлено шесть ям, округлых в плане, диаметром от 30 до 50 см и глубиной от 14 до 48 см, заполненных обмазкой.

На Малиновке-2, в отличие от первого памятника, найдены остатки постройки, которая могла иметь и жилое назначение. Это сооружение было наземным или, возможно, с незначительно углубленным котлованом, в его западном углу располагался прямоугольный в плане очаг (1×1,1 м, глубина 25–26 см), в заполнении которого обнаружены керамические грузила, шлак. В жилище выявлены ряды камней и их скопления, которые могли быть частью конструкции кана, сильно разрушенного из-за половодья и в процессе археологизации. Внутри сооружения обнаружено восемь ям, по углам сооружения и в центральной части. Некоторые из них были укреплены камнями и, вероятно, являлись столбовыми. Постройка прямоугольная в плане, ее размеры 4×6 м.

Обсуждение. Отсутствие следов капитальных жилищ на памятниках Малиновка-1 и Малиновка-2 говорит о сезонности их функционирования. На это же указывает характер и планиграфия обнаруженных здесь находок, включающих керамические грузила, каменные орудия и небольшое количество железных изделий (рис.-9). Здесь не обнаружено керамической посуды, кроме скопления разрозненных фрагментов неолитических сосудов в южной части поселения Малиновка-2. Каменный инвентарь памятника ограничен набором орудий, куда входят немодифицированные орудия из галек, морфологически оформленные оселки и их обломки (рис.-11–14). По результатам анализа каменного инвентаря можно говорить о позднем времени существования памятников, когда использовались только металлические орудия. Наличие лишь ограниченного набора орудий (оселки), причем представленных в основном обломками, позволяет говорить о непродолжительном времени заселения памятника и о его специфическом характере (промысловая стоянка), где производилась разделка добычи.

На это же указывает и присутствие значительного числа рыболовных грузил, их найдено рекордное количество для памятников Приморья — 609 экз. (397 на Малиновке-1 и 212 на Малиновке-2). Выделены два типа грузил:

1. Прямоугольные грузила с желобками по краям, прямоугольные в сечении, — абсолютное большинство изделий. Анализ весовых и размерных параметров целых изделий (без сколов и обломов) показывает отсутствие стандартизации в их производстве: весовой и размерный переходы плавные, без разрывов. Присутствуют как миниатюрные грузила, весом 5–6 г, так и крупные, до 40–68 г (рис.-1–5). Некоторые грузила орнаментированы (рис.-3, 5).

2. Цилиндрические грузила с желобками по краям, круглые в сечении (2 экз.) (рис.-6, 7).

Найдено и другое оборудование для рыболовной сети. Это плоские керамические изделия, овальные в плане, с двумя короткими насечками с одной из сторон (рис.-8). Вместе с ними были обнаружены и плоские речные гальки, аналогичные по форме.

Зоны распространения грузил в культурном слое памятников совпадают с зонами распространения других находок. Аналогии глиняным прямоугольным грузилам имеются на памятниках Дальнего

Находки с археологических памятников Малиновка-1 и Малиновка-2 (Приморье): 1-7 — керамические грузила; 8 — керамическое изделие; 9 — железная подвеска; 10 — льячка, 11-14 — каменные оселки
 Finds from the archaeological sites Malinovka-1 and Malinovka-2 (Primorye): 1-7 — ceramic fishing sinkers; 8 — ceramic product; 9 — iron pendant; 10 — crucible, 11-14 — whetstones

Востока, начиная от средневековья и до нового времени. В Приморье это памятники государств Бохай и Восточное Ся. В Приамурье — памятники покровской культуры (Васильев, 2006, с. 149). Подобные грузила были распространены у нанайцев еще в начале XX в. Для средневековых памятников Приморья характерен широкий ассортимент различных типов грузил, что объясняется 63 различными способами лова, зависящими от природно-климатических факторов: времени года, особенностей водоемов и берегов и т.д. (Лещенко, 1989). Однообразие грузил с памятника Малиновка-1, возможно, указывает на неизменные условия лова, приходящиеся на один и тот же сезон. Косвенно на это может указывать и состав дикорастущих растений, остатки которых получены на памятниках с использованием водной флотации. На обеих стоянках присутствовали остатки ореха-рогульника. Этот дикорос употребляется в пищу, в том числе автохтонным населением Приморья. Орех-рогульник созревает в августе-сентябре. В материалах с Малиновки-2 найдены семена амурского винограда. Его плоды поспевают в сентябре. На основании этих находок можно утверждать, что люди однозначно присутствовали здесь в конце лета — начале осени.

Исследование археоботанических материалов с памятников Малиновка-1 и Малиновка-2 продемонстрировало сходство видового состава растительных макроостатков, прежде всего семян культурных растений, обнаруженных на обоих памятниках. Это дает дополнительные основания к имеющимся археологическим данным предполагать идентичную культурную и хронологическую принадлежность обеих стоянок. Довольно обширный список культурных растений (три вида проса — японское, итальянское и обыкновенное, овес посевной, две разновидности ячменя — голозерный и пленчатый, соя культурная, пшеница мягкая, перилла, горох посевной), остатки которых зафиксированы на данных промысловых стоянках, имеют аналогии в материалах Приморья не ранее времени появления на этой территории средневековых государств. Присутствие среди семян культурных видов остатков овса посевного, не встреченного в Приморье на памятниках VII–XIII вв., но известного у дауров и дючеров на Амуре, Зее и Сунгари в XVII в. (Огородников, 1927, с. 31), может указывать на позднесредневековое время этих стоянок. Полученные радиоуглеродные даты охватывают XI–XV вв.

Наличие десяти видов культурных растений указывает на важную роль земледелия в системе хозяйства этого населения. Учитывая сезонный характер стоянок, логично предположить наличие и основных, всесезонных поселений с постоянным населением, занимавшимся выращиванием этих растений.

Выводы. Таким образом, проведенные исследования позволили выявить новый тип средневековых памятников в Приморье — сезонные промысловые стоянки рыболовов. Хронологию стоянок Малиновка-1 и Малиновка-2 определяют полученные по углю радиоуглеродные даты, приходящиеся на XI–XV вв.^{*}, и такие находки, как глиняные грузила-«кирпичики» для сетей, изделия из железа, определенный набор каменных орудий, предназначенных для работы с металлическими изделиями. Все они находят аналогии на памятниках Дальнего Востока периода средневековья, а именно в чжурчжэньской и покровской культурах.

Список источников

- Васильев Ю.М. Погребальный обряд покровской культуры (IX–XIII вв. н.э.). Владивосток, 2006. 371 с.
Лещенко Н.В. Типы рыболовных грузил со средневековых памятников Приморья (VIII — начало XIII в.) // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1989. С. 108–112.
Огородников В.Н. Туземное и русское земледелие на Амуре в XVII в. // Труды государственного Дальневосточного университета. Сер. III. №4. Владивосток, 1927. 93 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Яна Евгеньевна Анзулис, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, старший научный сотрудник; 690001, Россия, г. Владивосток, ул. Пушкинская 89, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-9102-0730>, 7yana7@mail.ru

Yana E. Anzulis, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher; 690001, Russia, Vladivostok, st. Pushkinskaya, 89, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-9102-0730>, 7yana7@mail.ru

Станислав Данилович Прокопец, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, старший научный сотрудник; 690001, Россия, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-8121-6625>, stas842005@mail.ru

Stanislav D. Prokopets, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher; 690001, Russia, Vladivostok, st. Pushkinskaya, 89, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-8121-6625>, stas842005@mail.ru

Ирина Владимировна Белова, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, научный сотрудник; 690001, Россия, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, <https://orcid.org/0000-0003-2919-389X>, irceo@mail.ru

Irina V. Belova, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Researcher; 690001, Russia, Vladivostok, st. Pushkinskaya, 89, <https://orcid.org/0000-0003-2919-389X>, irceo@mail.ru

Дмитрий Михайлович Белов, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, младший научный сотрудник; 690001, Россия, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, <https://orcid.org/0009-0006-8509-4342>, belov-dmitrii@mail.ru

Dmitry M. Belov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Junior Researcher; 690001, Russia, Vladivostok, st. Pushkinskaya, 89, <https://orcid.org/0009-0006-8509-4342>, belov-dmitrii@mail.ru

Наталья Алексеевна Дорофеева Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, младший научный сотрудник; 690001, Россия, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, <https://orcid.org/0000-0002-8844-7477>, dnaal@list.ru

^{*} Датирование проводилось в ИМКЭС СО РАН. 1. ИМКЭС-14C2258 1070 AD; 2. ИМКЭС-14C2257 1451 AD; 3. ИМКЭС-14C2259 1188 AD.

Natalya A. Dorofeeva, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Junior Researcher; 690001, Russia, Vladivostok, st. Pushkinskaya, 89, <https://orcid.org/0000-0002-8844-7477>, dnaal@list.ru

Елена Альбертовна Сергушева, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, старший научный сотрудник; 690001, Россия, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0003-4529-6485>, lenasergu@gmail.com

Elena A. Sergusheva, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher; 690001, Russia, Vladivostok, st. Pushkinskaya, 89, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0003-4529-6485>, lenasergu@gmail.com

Евгений Юрьевич Шаповалов Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, младший научный сотрудник; 690001, Россия, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, <https://orcid.org/0009-0007-9777-2275>, panzeriii@inbox.ru

Evgeny U. Shapovalov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Junior Researcher; 690001, Russia, Vladivostok, st. Pushkinskaya, 89, <https://orcid.org/0009-0007-9777-2275>, panzeriii@inbox.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 551.583.7(571.1)«638»

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.46

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА НА ПРИМЕРЕ КАМЕНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Татьяна Артемьевна Бляхарчук^{1,2}, Татьяна Николаевна Жилина¹, Марина Петровна Рыкун¹

¹Томский государственный университет, Томск, Россия;

²Институт мониторинга климатических и экологических систем
Сибирского отделения Российской академии наук, Томск, Россия

Резюме. В работе представлена реконструкция изменений палеоэкологических условий в период существования каменской археологической культуры с 2500 по 2000 кал. лет назад на юге Западной Сибири на основе моделирования биомов по пыльцевым данным четырех озерно-болотных отложений и опубликованным данным геохимического анализа отложений озера Большое Яровое и болота Долгонькое. Проведенный анализ показал, что тенденция постепенной аридизации климата к концу существования этой культуры была региональной и проявилась в различной степени в засушливых и более гумидных районах. При этом в степных районах и в горах аридизация климата сопровождалась зимним похолоданием и усилением континентальности климата. В меньшей степени иссушение климата коснулось равнинной подтаежной зоны Западной Сибири, где либо не происходило заметных изменений, либо, напротив, происходило увлажнение климата, как отмечено ранее в публикациях.

Ключевые слова: каменская археологическая культура, палеоклимат, пыльца, Сибирь, Алтай

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке бюджетного проекта ИМКЭС СО РАН №121031300226-5.

Для цитирования: Бляхарчук Т.А., Жилина Т.Н., Рыкун М.П. Палеоэкология верхнего Приобья в эпоху раннего железа на примере Каменской археологической культуры // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 223–227.

PALEOECOLOGY OF THE UPPER STREAM OF THE OB RIVER IN THE EARLY IRON AGE ON THE EXAMPLE OF THE KAMENSKAYA ARCHAEOLOGICAL CULTURE

Tatiana A. Blyakharchuk^{1,2}, Tatiana N. Zhilina¹, Marina P. Rykun¹

¹Tomsk State University, Tomsk, Russia;

²Institute of Monitoring of Climatic and Ecological Systems
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tomsk, Russia

Abstract. The paper presents a reconstruction of changes in paleoecological conditions during the existence of the Kamenkaya archaeological culture from 2500 to 2000 cal. years in the south of Western Siberia based on pollen data biome modeling from 4 lacustrine-marsh sediments and on published geochemical data of Bolshoye Yarvoe Lake and

Dolgonkoe Bog sediments. The analysis showed that the trend of gradual climate aridization by the end of the existence of this culture was regional and manifested itself to varying degrees in arid and more humid areas. In the steppe regions and in the mountains, the aridization of the climate was accompanied by winter cooling and an increase in the continentality of the climate. To a lesser extent, the climate drying affected the flat areas of subtaiga zone of Western Siberia, where either there were no noticeable changes, or, on the contrary, the climate was humidified, as noted earlier in publications.

Keywords: Kamenskaya archaeological culture, palaeoclimate, pollen, Siberia, Altai

Acknowledgments: this work was financially supported budget theme of IMCES SB RAS N 121031300226-5.

For citation: Blyakharchuk T.A., Zhilina T.N., Rykun M.P. Paleoeecology of Upper Stream of the Ob River in the Early Iron Age on the Example of the Kamenskaya Archaeological Culture // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 223–227.

Современные палеогеографические исследования приносят все больше доказательств того, что климат Сибири не был стабильным в период существования различных археологических культур и это могло оказывать на них определенное влияние. На юге Западной Сибири, где лесная зона контактирует с лесостепной подзоной и степной зоной, древнее население практиковало уклад жизни, экономически наиболее соответствующий природной обстановке, в которой они проживали. Климатические изменения, вызывавшие смещения границ природных зон, могли также влиять и на условия жизни людей с их адаптированной к среде экономикой. Мы провели анализ опубликованных палеорекоkonструкций климата для территории распространения каменной и староалейской культур в верховьях Приобья на равнинной территории Алтайского края и сопредельных территорий гор Южной Сибири и равнин Новосибирской и Томской областей. К настоящему времени для периода третьего тысячелетия назад, включающего ранний железный век в Сибири (конец VI в. до н.э. — начало I в. н.э.), когда были распространены отмеченные выше археологические культуры, имеется несколько опубликованных работ с палеоклиматическими реконструкциями (Рыкун, Кравченко Г.Г., Кравченко Д.Г., 2011; Рыкун, Кравченко, 2016; Rudaya et al., 2012; 2020; Бляхарчук Т.А., Бляхарчук П.А., 2015).

Рассматриваемый регион относится к территории континентального климата. В зональном отношении северо-восточная часть региона относится к более влажному и умеренно теплему климату, характерному для лесостепи, а юго-западная — к более сухому и теплему, характерному для степи. К юго-востоку от него расположены Алтайские горы, покрытые горными лесами, а к северу — подтаежная зона березовых лесов и наконец — таежная зона. Континентальность климата на территории распространения каменной культуры увеличивается с северо-востока на юго-запад. Юго-западная часть рассматриваемой территории в пределах Кулундинской равнины занята сухими и засушливыми степями, которые восточнее, на Приобском плато, переходят в умеренно засушливую степь (на юге) и южную лесостепь (севернее устья р. Алей). Ложбины древних стоков заняты реликтовыми сосновыми борами. На правобережье Оби преобладают лесолуговые и лесолугово-степные ландшафты. На песчаных надпойменных террасах Оби распространены лесные ландшафты — сосновые и сосново-березовые леса. Пойма Оби достаточно широкая, занята пойменными озерами, болотами и лугами. Территория поймы удобна для использования в качестве пастбищ и сенокосных угодий.

По современному состоянию ареал распространения памятников каменной культуры является интразональным — он перекрывает зоны от сухих степей и до средней лесостепи (через засушливую степь, умеренно засушливую степь и южную лесостепь). Это обстоятельство делает особенно актуальной реконструкцию палеоклиматических условий на территории распространения каменной культуры.

Палеоклимат периода существования каменной культуры. В последние годы вопрос реконструкции палеоклимата, в котором возникла и развивалась каменная культура, уже привлекал внимание исследователей в связи с обилием исследованных памятников этого периода и появившейся необходимостью объяснения специфики морфологической адаптации (по наиболее «экочувствительным» параметрам телосложения) у населения каменной и староалейской культур в сравнении с представителями андроновской культуры эпохи бронзы (Тур, Рыкун, 2014; 2015). Была предложена оригинальная гипотеза, объясняющая морфологическую изменчивость посткраниального скелета не только генетическими факторами, но и изменениями климата (Кравченко, Рыкун, Фукс, 2013). В основу таких выводов была положена реконструкция смещения природных зон, вызванная изменением климата от более влажного 2500 л.н. к более сухому на рубеже эр. При этом в период расцвета каменной культуры, по заключению авторов, лесостепная зона смещалась в современные степные ландшафты Кулунды, а в заключительный этап ее существования климат стал вновь ариднее, и лесостепь отступила к северо-востоку — в границы ее современного распространения. С помощью оригинальной методи-

ки расчета ПУТ (показателей увлаженности и теплообеспеченности, аналогичных элементам теплового и водного балансов, в работе В.С. Мезенцева, 1961) были построены картосхемы контрастных климатических ситуаций в ранний и поздний периоды существования каменной культуры. В основу реконструкций параметров палеоклимата были положены обобщенные палеоклиматические кривые, составленные Т.П. Левиной и Л.А. Орловой (1993).

Однако появление в последние годы более детальных палеоэкологических реконструкций для исследуемой территории подтолкнуло нас проанализировать по их конкретным данным, как менялись климат и ландшафты во время существования каменной культуры на юге Западной Сибири. Для этой цели мы взяли наиболее детальные и информативные палеоэкологические разрезы: озеро Большое Яровое (Косарева и др., 2020; Rudaya et al., 2012) и болото Долгонькое в 40 км к югу от Барнаула (Бляхарчук Т.А., Бляхарчук П.А., 2015). Первая временная серия представляет собой данные геохимического, магнитного и палинологического анализов донных отложений соленого степного озера из аридной части ареала каменной культуры. Вторая временная серия представляет собой высокоразрешающие данные гумусового анализа торфа из более гумидной лесостепной части ареала. Кроме того, для соседних территорий Алтая и Западно-Сибирской равнины мы выполнили реконструкцию изменений биомов по палинологическим данным разрезов Ново-Успенка в Томской области (Бляхарчук, 2012), Малый Лабыш в Кемеровской области (Blyakharchuk and Pupyshcheva, 2022), Моховое на границе Алтайского края и Республики Алтай (Бляхарчук, 2022) и Узунколь в Центральном Алтае (Blyakharchuk et al., 2004). Биомы реконструировались с помощью известной методики биомизации (Prentice et al., 1992), в таблицы которой мы внесли некоторые коррективы для отражения особенностей растительного покрова юга Западной Сибири. Для сравнения друг с другом все палеорекострукции были приведены к единой равномерной временной шкале на основе калиброванного возраста имеющихся в разрезах радиоуглеродных дат. Для анализа палеоэкологических данных был выбран интервал времени от 2500 до 2000 календарных лет назад, соответствующий времени существования каменной культуры.

Результаты магнито-минералогического и геохимического анализов отложений озера Большое Яровое (Косарева и др., 2020), охватывающие период существования каменной культуры, свидетельствуют о следующей палеоклиматической обстановке. С 2500 до 1800 кал. л.н. наблюдается снижение содержания как магнитожесткой биогенной составляющей (обусловленной обилием магнитотактических бактерий), так и магнитомягкой биогенной составляющей (отражающей содержание минерального детрита в озерном осадке), хотя последнее несколько запаздывает по фазе. Совместное снижение этих показателей трактуется авторами как увеличение сухости климата. Одновременно наблюдается практически неизменное содержание SrO, что говорит о постоянном уровне солености озера за это время и увеличении соотношения CaO/MgO. Последнее явление, по комментариям авторов, должно отражать увеличение влажности климата, что и реконструируется ими для среднего голоцена. Однако в раннем голоцене 9000 кал. л.н. резкий максимум соотношения CaO/MgO при минимальных значениях магнитных составляющих ими трактуется как отражение суровых условий с длительным промерзанием озера. Возможно, максимум соотношения CaO/MgO в конце периода существования каменной культуры отражает усиление сухости и континентальности климата, при котором зимние сезоны стали длительными и морозными. Авторы коррелируют свои геохимические и магнитные данные с реконструкциями биомов методом Прентиса по пыльцевым данным этого же разреза (Rudaya et al., 2012). Для времени существования каменной культуры по этим данным действительно характерно увеличение роли степного биома и снижение роли таежного биома.

Результаты анализа степени гумификации торфа в разрезе болота Долгонькое из лесостепной зоны Предалтайской равнины. Ранее проводившиеся исследования показали, что степень гумификации торфа, формирующаяся в верхнем аэробном слое торфяников, является климатозависимым показателем, поскольку она обусловлена работой аэробных микробов, разлагающих органику. Чем длительнее такие микробные комплексы воздействуют на отмершие растительные остатки, тем больше образуется гумуса. При подтоплении болотными водами аэробные микробы перестают работать и переводить органику в гумус. Таким образом, чем суше поверхность болота (ариднее климат), тем больше образуется гумуса, и наоборот. Измерения содержания гумуса по методике ACCROTELM (Chambers, Veilman and Yu, 2010) в отложениях болота Долгонькое показало хорошо выраженное квазипериодичное изменение его содержания в торфе. При этом в период существования каменной культуры сначала влажный интервал 2500 кал. л.н. сменился сухим периодом около 2400 кал. л.н., после которого имело место новое увлажнение около 2250 кал. л.н., а последнее к концу периода вновь сменилось на более сухой интервал времени на рубеже эр.

Результаты реконструкции биомов по пыльцевым данным из разрезов с сопредельных к каменной культуре территорий. Результаты биомизации по пыльцевым данным болота Моховое, расположенного в западных предгорьях Алтая на границе между березовой лесостепью и сосново-березовыми лесами предгорий, показали четко выраженную тенденцию сокращения таежного биома и увеличения степного биома за период существования каменной культуры. Биомизация пыльцевых данных расположенного севернее (в предгорьях Кузнецкого Алатау) болота Малый Лабыш отражает сходную картину постепенного сокращения роли таежного биома и увеличения роли степного биома с 2500 до 2000 кал. л.н. Реконструкция биомов по пыльцевым данным озера Узунколь в Центральном Алтае при общей тенденции снижения роли темнохвойной тайги и сосново-березовых лесов с 2600 по 2000 кал. л.н. демонстрирует более сложное поведение биомов степи, высокогорной тундры и лиственничных лесов. Так, степной биом в Центральном Алтае сокращался за время существования каменной культуры два раза, около 2400 и 2200 кал. л.н., и наоборот — максимально расширялся 2600, 2300 и 2000 кал. л.н. Интересно, что биомы высокогорной тундры и лиственничных лесов демонстрируют увеличение к концу периода существования каменной культуры. Последнее согласуется с нашей интерпретацией геохимических данных, которые указывают на усиление континентальности климата к концу периода. Для самого северного из рассмотренных пыльцевых разрезов — разреза Ново-Успенка, расположенного на юге Томской области, реконструкция биомов показала небольшое усиление биома степи и почти неизменное состояние биома тайги.

Таким образом, проведенный анализ имеющихся к настоящему времени палеоэкологических данных с территории распространения каменной культуры и сопредельных территорий показал, что тенденция постепенной аридизации климата к концу существования этой культуры была региональной и проявилась в различной степени в засушливых, умеренно гумидных и гумидных районах. При этом в степных районах и в горах аридизация климата сопровождалась зимним похолоданием, т.е. климат становился более континентальным. Наиболее слабо иссушение климата коснулось равнинной подтаежной зоны Западной Сибири. Для этой территории даже имеются данные, свидетельствующие об обратном изменении климата на рубеже эр, т.е. об увлажнении (Zhilich et al., 2017).

Список источников

- Бляхарчук Т.А. Новые палеопалинологические данные о динамике растительного покрова и климата Западной Сибири и прилегающих территорий в голоцене. Новосибирск, 2012. 138 с.
- Бляхарчук Т.А. Динамика растительного покрова западных предгорий Алтая в позднеледниковье и голоцене по данным спорово-пыльцевого анализа торфяных отложений болота «Моховое» // Актуальные проблемы современной палинологии. М., 2022. С. 53–56.
- Бляхарчук Т.А., Бляхарчук П.А. Динамика степени гумификации торфа как отражение климатической вариабельности позднего голоцена // Регионы нового освоения: современное состояние природных комплексов и вопросы их охраны. Хабаровск, 2015. С. 126–128.
- Косарева Л.Р., Щербаков В.П., Нургалиев Д.К., Нургалиева Н.Г., Сычева Н.К., Антоненко В.В., Кузина Д.М., Евтюгин В.Г. Периодизация климатических циклов в голоцене по синхронным вариациям магнитных и геохимических параметров осадков озера Большое Яровое (юго-запад Сибири) // Геология и геофизика. 2020. Т. 61, №7. С. 889–907.
- Кравченко Г.Г., Рыкун М.П., Фукс А.Л. Реконструкция палеоклиматических условий в эпоху раннего железного века верхнего Приобья (на территории распространения каменной культуры) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №3 (23). С. 38–42.
- Левина Т.П., Орлова Л.А. Климатические ритмы голоцена юга Западной Сибири // Геология и геофизика. 1993. Т. 34, №3. С. 38–55.
- Мезенцев В.С. Атлас увлажненности и теплообеспеченности Западно-Сибирской равнины. Омск, 1961. 66 л.
- Рыкун М.П., Кравченко Г.Г. Новые подходы в изучении морфологической изменчивости древних скотоводов Алтая (на примере каменной культуры скифского времени) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №5 (43). С. 164–168.
- Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Кравченко Д.Г. Междисциплинарные исследования этнокультурных процессов в Северной Евразии (на основе антропологических данных и геоинформационных технологий) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. №1(14). С. 126–134.
- Тур С.С., Рыкун М.П. Морфология посткраниального скелета древних скотоводов лесостепного Алтая: хронологическая и этнокультурная изменчивость // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. IV. С. 240–243.
- Тур С.С., Рыкун М.П. Сравнительный анализ посткраниального скелета скотоводов лесостепного Алтая эпохи бронзы и скифского времени // Человек и Север: антропология, археология, экология. Тюмень, 2015. Вып. 3. С. 43–46.
- Blyakharchuk T.A. and Pupyshcheva M.A. Dynamics of Vegetation and Fires in Gornaya Shoriya (Northern Altai Mountains) in the Late Holocene according to Palynological and Charcoal Research into Maly Labysh Mire // Contemporary Problems of Ecology. 2022. Vol. 15, No. 2. Pp. 109–117.

Blyakharchuk T.A., Wright Y.E., Borodavko P.S., W.O. van der Knaap, Ammann B. Late Glacial and Holocene Vegetational Changes on the Ulagan High-Mountain Plateau, Altai Mountains, Southern Siberia // *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 2004. Vol. 209. Pp. 259–279.

Chambers F.V., Beilman D.W. and Yu Z. Methods for Determining Peat Humification and for Quantifying Peat Bulk Density, Organic Matter and Carbon Content for Palaeostudies of Climate and Peatland Carbon Dynamics // *Mires and Peat*. 2010. 11. Vol. 7 Article 07. Pp. 1–10.

Prentice I.C., Cramer W., Harrison S.P., Leemans R., Monserud R.A., Solomon A.M. A Global Biome Model Based on Plant Physiology and Dominance, Soil Properties, and Climate. *Journal of Biogeography*. 1992. Vol. 19. Pp. 117–134.

Rudaya N., Krivonogov S., Stowiński M., Cao X., Zhilich S. Postglacial History of the Steppe Altai: Climate, Fire and Plant Diversity // *Quat. Sci. Rev.* 2020. Vol. 249. Article 106616. Pp. 1–20.

Rudaya N., Nazarova L., Nourgaliev D., Palagushkina O., Papin D., Frolova L. Mid-Late Holocene Environmental History of Kulunda, Southern West Siberia: Vegetation, Climate and Humans // *Quat. Sci. Rev.* 2012. Vol. 12. Pp. 32–42.

Zhilich S., Rudaya N., Krivonogov S., Nazarova L., Pozdnyakov D. Environmental Dynamics of the Baraba Forest-Steppe (Siberia) over the Last 8000 Years and Their Impact on the Types of Economy of the Population // *Quat. Sc. Rev.* 2017. Vol. 163. Pp. 152–161.

Информация об авторах / Information about the Authors

Татьяна Артемьевна Бляхарчук, Институт мониторинга климатических и экологических систем СО РАН, главный научный сотрудник Лаборатории мониторинга лесных экосистем; 634055, Россия, г. Томск, пр. Академический, 10/3, доктор биологических наук; Национальный исследовательский Томский государственный университет, кафедра географии, 634050, Россия, г. Томск, пр-т Ленина, 36, профессор, <https://orcid.org/0000-0001-7650-1600>, blyakharchuk@mail.ru

Tatiana A. Blyakharchuk, Institute of Monitoring of Climatic and Ecological Systems SB RAS, Laboratory of Monitoring of Forest Ecosystems; 634055, Russia, Tomsk, Akademicheski ave. 10/3, Doctor of Biological Sciences; National Research Tomsk State University, Faculty of Geology and Geography, Department of Geography, Professor, 634050, Russia, Tomsk, Lenina Ave. 36, <https://orcid.org/0000-0001-7650-1600>, blyakharchuk@mail.ru

Татьяна Николаевна Жилина, Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск), кафедра географии, доцент; 634050, Россия, г. Томск, пр-т Ленина, 36, кандидат географических наук, <https://orcid.org/0000-0002-0120-2961>, zhilinatn@mail.ru

Tatyana N. Zhilina, National Research Tomsk State University, Faculty of Geology and Geography, Department of Geography, PhD in Geographic Sciences; 634050, Russia, Tomsk, Lenina Ave. 36; Candidate of the Geographical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-0120-2961>, zhilinatn@mail.ru

Марина Петровна Рыкун, Национальный исследовательский Томский государственный университет; доцент кафедры антропологии и этнологии, заведующий кабинетом антропологии; 643050, Томск, пр-т Ленина, 36, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-4262-8731>, m_rykun@mail.ru

Marina P. Rykun, National Research Tomsk State University, Associate Professor, Department of Anthropology and Ethnology, Anthropologists Team Leader; 634050, Tomsk Russia Lenin Ave. 36, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-4262-8731>, m_rykun@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902.01(575.3)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.47

ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ЭНЕОЛИТА САРАЗМА

Галина Рахимовна Каримова, Малика Шавкатджоновна Кодирова

*Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук,
Душанбе, Таджикистан*

Резюме. Хозяйственно-производственная деятельность населения Саразма времени энеолита в основном базировалась на земледельческом укладе, сопровождавшемся скотоводством, рыболовным и охотничьим промыслом, которые были второстепенными. Скотоводство позволяло задействовать различные виды домашних промыслов — кожеобработку, плетение и ткачество. Планиграфия находок инструментов ткачества и плетения отражает, эту деятельность в каждом жилом комплексе. Каменные орудия, связанные с земледелием, определены — почвообрабатывающие, жатвенные и зернообрабатывающие. К видам домашнего производства также относятся: деревообрабатывающее, керамическое, металлургическое и металлообрабатывающее. Деревообрабатывающее представлено предметами быта. Керамическое — лепными сосудами различных форм и назначения.

Металлообрабатывающее представлено предметами, связанными с обработкой руды, а также с изготовлением и обработкой металлических изделий.

Ключевые слова: Саразм, энеолит, виды домашних промыслов

Благодарности: работа выполнена в рамках раздела «Энеолит» проекта фундаментальных исследований НАНТ «История таджикского народа» (проект ГРН 0121 ТД 1212 «Археология Таджикистана от каменного века до позднего средневековья»).

Для цитирования: Каримова Г.Р., Кодирова М.Ш. Домашние промыслы по материалам энеолита Саразма // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 227–232.

DOMESTIC CRAFTS FROM THE ENEOLITHIC SARAZM MATERIALS

Galina R. Karimova, Malika Sh. Kodirova

*A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences,
Dushanbe, Tajikistan*

Abstract. The economic-productive activity of the Sarazm population in the Eneolithic period was mainly based on the agricultural way of life, accompanied by cattle breeding, fishing and hunting, which were of secondary importance. Livestock breeding allowed the involvement of various types of domestic crafts — leatherworking, wickerwork and weaving. The planigraphy of the finds of weaving and weaving tools reflects these activities in each dwelling complex. Stone tools associated with farming are defined — tillage, reaping, and grain processing. The types of domestic production also include: woodworking, pottery, metallurgy and metalworking. Woodworking is represented by household objects. Ceramic is represented by molded vessels of various shapes and purposes. Metalworking is represented by the items associated with the processing of ore, as well as with the manufacture and processing of metal products.

Keywords: Sarazm, Eneolithic, types of domestic crafts

Acknowledgments: the work was carried out within the framework of the “Eneolithic” section of the NAST fundamental research project “History of the Tajik people” (project GRN 0121 TД 1212 “Archaeology of Tajikistan from the Stone Age to the Late Middle Ages”).

For citation: Karimova G.R., Kodirova M.Sh. Domestic Crafts from the Eneolithic Sarazm Materials // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 227–232.

Древнеземледельческое поселение Саразм — уникальный памятник энеолита — бронзового века Центральной Азии. Расположено в 15 км к западу от города Пенджикента Согдийской области Республики Таджикистан. Раскопки, начатые в 1977 г. и продолжающиеся до сегодняшнего дня, отразили богатейшие данные о строительном деле, материальной культуре, ремеслах и хозяйстве Саразма.

Общеизвестно, что для развития общества необходимы орудия труда и средства для жизни: пища, одежда, орудия производства, различные предметы потребления. Появление новых видов орудий идет параллельно с появлением новых отраслей домашних производств. Археологические материалы позволяют с достаточной полнотой дать характеристику существовавших направлений домашних промыслов, приведших к развитию высокопрофессионального ремесла.

Мы же сегодня рассмотрим существовавшее домашнее производство или домашние промыслы жителей Саразма, базировавшиеся на укладе жизни и ведении хозяйства — охоте, рыболовстве, скотоводстве и земледелии. Археологические данные о мастерских, о развитии орудий труда и технологий отражают многокомпонентное явление, имевшее место в жизнедеятельности саразмийцев — в сельском хозяйстве и в других отраслях жизнеобеспечения. Каждый уклад составил основу востребованных отраслей домашних промыслов, а позднее привел к сложению профессиональных производств. В.М. Массон (1971), рассматривая как показательное домашнее производство джейтунского населения, в числе наиболее важных называет производство кремневых орудий. Очевидно, это связано с широким использованием каменных орудий в предшествующих энеолиту хозяйствах охотников и скотоводов.

В системе хозяйственной деятельности саразмийских общин производство каменных орудий труда играло важную роль. Количественно данная группа среди орудий домашних производств занимала преобладающее место. Источником сырья служила галька поймы реки Зарафшан и камень предгорий.

Индустрия каменных орудий Саразма отражает технику как отщепового расщепления, так и кремневого пластинчатого типа, с применением краевой и сплошной плоской ретуши, что свидетельствует о многопрофильности и преемственности в мастерстве саразмийцев (Каримова, 2021, с. 101–109). Орудия представлены наконечниками стрел, сверлами, скреблами, ножами, вкладышами. Совершенно уникальны находки, отнесенные к категории «эстетические предметы». Это пять небольших «рожек», выполненных из черного кремня в технике сплошной плоской ретуши. Аналогии подобных рожек

известны по материалам памятников Урала (Вис-1), где определяются как предметы каменной скульптуры и названы «лунницами» (Сериков, 2011, с. 151, рис. 1). В 2019 г. найден еще один предмет, не имеющий аналогов, но выполненный в той же технике и также из черного кремня. Это крестовидный предмет, функции и использование которого не установлены.

Среди каменных орудий первое место занимают отбойники различной формы и веса — 161 экз. В Саразме насчитывается около 10 форм отбойников. Преобладают шаровидные формы и двуручные тяжелые отбойники. Они служили в основном для расщепления камня, а также для оббивки и пикетажа. Представлены наковаленки — 6,7%, сверла — 3,59%, ретушеры — 1,59% и в одном экземпляре — развертка и орудие, по форме близкое чопингу. Нуклеусов встречено всего 19 экз. (Раззоков А.Р., 2020, с. 89).

Разнообразный материал Саразма позволяет охарактеризовать в общих чертах функционирование домашних производств. Орудия домашних производств наиболее представительны: 1203 изделия, или 63,12% от общего количества орудий труда (Раззоков А.Р., 2020, с. 90). Четко выделяется целый ряд производств, на существование которых указывают соответствующие инструменты.

Охота. Среди домашних промыслов предметы каменного инвентаря широко использовались в быту в переработке продуктов скотоводства и охоты. Большое значение имела переработка продуктов животноводства, дающих большое количество сырьевого материала для изготовления одежды и обуви. Большим разнообразием характеризуются скребки. Они разнообразны по форме: концевые (24 скребка на пластинах, 11 — на отщепках), округлые, два боковых скребка на отщепках. Скребки — одна из самых многочисленных категорий (16% от общего числа орудий) и характеризуются большой вариативностью форм и типов заготовок. Среди скребков на пластинах специфичными формами являются скребки на массивных пластинах с узким высоким лезвием. Характерны также округлые скребки на массивных отщепках с высоким лезвием и орудия на обломках с выделенными шипами. Скребковые орудия использовались на разных стадиях производственных процессов.

Рыболовство. Выделенный набор охотничьего оружия Саразма довольно разнообразен (Раззоков А.Р., 1994). В нем преобладают кремневые орудия и оружие. Некоторые наконечники стрел, ножи, кинжалы, вкладыши ножей изготовлены из горного хрусталя, халцедона, яшмы и кварцита. В большом количестве встречаются отходы кремня и других пород камня, которые свидетельствуют о том, что орудия труда и оружие производили на территории самого поселения (Раззоков А.Р., 2020, с. 81).

Орудия охоты представлены ядрами для пращи, наконечниками стрел, дротиков и копий. Найдено 27 экз. ядер для пращи, изготовленных техникой оббивки и пикетажа (Раззоков А.Р., 2020, с. 37). Наконечники стрел (20 экз.) по технико-морфологическим признакам разделяются на пять групп: иволжистые, подтреугольные, подромбовидные, миндалевидные и удлинненно-листовидные. Несмотря на появление аналогичных металлических наконечников, каменные наконечники копий и дротиков продолжали использовать в Саразме и позже, в бронзовом веке (Исаков, 1991а, рис. 77.-7-8).

Среди фаунистических остатков Саразма пока не обнаружены кости рыб. Поэтому о рыболовстве можно судить лишь исходя из анализа орудий и географического расположения памятника (вблизи р. Зарафшан) (Раззоков А.Р., 2020, с. 83). Удельный вес орудий рыболовства по сравнению с орудиями охоты невелик. Это грузила для рыболовных сетей и единственный рыбный нож. Наличие грузил с выемками или кольцевыми желобками для привязывания поперек изделия (9 экз.) свидетельствует о том, что в Саразме, видимо, преобладал лов рыбы сетями (Раззоков А.Р., 2020, с. 37). Подтверждает наличие рыбного промысла и обнаружение трех рыболовных крючков из медной проволоки (Исаков, 1991, рис. 23.-8-9). Таким образом, из сопоставления этих двух категорий орудий видно, что по сравнению с рыболовством охота занимала более значимое место и что такие способы добычи пищи, как охота и рыболовство, при достаточно развитом скотоводстве не были уже особенно популярны.

Скотоводство. Основным источником данных о скотоводстве Саразма являются остеологические материалы. Обширный остеологический материал Саразма, обработанный А.К. Каспаровым, насчитывает 5684 кости и их фрагмента, 1609 из которых принадлежат к числу типологически определимых (Раззоков А.Р., 2020, с. 78). В целом остатки диких животных на поселении свидетельствуют о том, что охота в жизни саразмийцев имела вспомогательный характер. Поэтому можно констатировать, что в Саразме в скотоводстве доминировал мелкий рогатый скот (Раззоков А.Р., 2020, с. 80), шкура, кожа и шерсть, которого способствовали развитию домашних промыслов — обработке кожи, плетению и ткачеству.

Кожевенное дело. При обработке шкур и выделке кож использовали значительное количество скребел. Поскольку скребковые орудия встречены почти во всех жилых помещениях, очевидно, первоначальную обработку шкур производили в каждой семье (Раззоков А.Р., 2020, с. 86). Скребки представлены широким набором: для снятия мездры и мышечных волокон, пушения бахтармы и т.д. Это разно-

образные скобящие орудия: образцы на продольно расколотовой гальке, кремневые скребки высокого типа, концевые, трапециевидные, подтреугольные, ложила для кож-шкур, стамеска-скребок и двуручное ложило. Разнообразие типов орудий указывает на сложный и специализированный характер кожевенного производства.

Для изготовления обуви и одежды из шкур и кож применяли металлические и в редких случаях — кремневые кожевенные ножи, костяные и кремневые шилья и иглы, а также ложила для заглаживания швов. На поселении найдено 71 экз. костяных шильев (Разоков А., 1992, с. 37–42). Встречено также шесть металлических и четыре костяных иглообразных изделия. Использовались и кремневые проколки — 10 экз. Бронзовые иглы и шилья часто имели каменные рукоятки (Разоков А.Р., 2020, с. 87). Находка двух колодок показывает, что в древнем Саразме умели изготавливать обувь различного фасона. Колодки с более высокой пяточной частью, видимо, использовали для пошива низкой обуви с высоким голенищем, а с более низкой пяткой — для изготовления обуви без голенища, по-видимому, коротких ботинок или туфель (Разоков А.Р., 2020, с. 43). Возможно, это отражает наличие у саразмийцев сезонной обуви.

Ткачество и плетение. Развитию ткачества способствовало разведение мелкого рогатого скота, особенно тонкорунных овец и коз в горных местностях. Из их шерсти выделялись более тонкие ткани для разнообразной одежды, белья, одеял и т.п. В Саразме имеется прямое свидетельство, указывающее на использование шерсти для получения пряжи и выработки тканей. На раскопе VI в помещении 9 был найден кусок тлена шерстяной ткани, в которую были завернуты мелкие кости (Разоков А.Р., 2020, с. 95). С плетением циновки и сетей связана находка кочедыков, сделанных на продольно расчлененной трубчатой кости мелкого рогатого скота и на удлиненной тонкой сланцевой пластине с зауженным рабочим концом (Разоков А., 1992, с. 37–42). О существовании плетения также свидетельствуют десятки фрагментов глины с сохранившимися отпечатками циновки (Исаков, 1991а, рис. 28.-1–5). В материалах поселения Саразм представлено большое количество пряслиц (174 экз.), изготовленных из разнообразных пород камня и глины. Каменные пряслица (56 экз.) изготовлены из галек, оформленных абразивной техникой. Они имеют дисковидную, биконическую, шаровидную форму со следами подтески сверху и снизу. Керамические пряслица представлены 112 экз. (Разоков А.Р., 2020, с. 61). Они изготовлены из фрагментов керамики и имеют дисковидную форму. Каменные и керамические пряслица по размерам почти идентичны.

Земледелие. Землеобрабатывающие орудия Саразма малочисленны, что, скорее всего, связано с особенностями почвы. Видимо, для ее обработки достаточно было использовать деревянные мотыги (Разоков А.Р., 2020, с. 75) — сырье, которое плохо сохраняется и, как правило, используется вторично (растопка). Каменных орудий Саразма, связанных с земледелием, — 333 экз. (Разоков А.Р., 2020, с. 33) Среди орудий земледельческой отрасли хозяйства выделены почвообрабатывающие, жатвенные и зернообрабатывающие орудия. Из почвообрабатывающих найдены единственная мотыга и утяжелители для копалок.

На важность зернообработки в хозяйстве Саразма указывает значительное число и сильная изношенность рабочих поверхностей зернотерок, курантов, пестов, ступок. Их разнообразие свидетельствует о дифференцированной обработке зерна, которое либо дробили для получения круп, либо перетирали в муку. Грубый помол зерна и растирание его в муку осуществляли в крупных зернотерках двуручными тяжелыми курантами. Для производства крупы использовали каменные (и, возможно, деревянные) ступки (цилиндрической, кубовидной, подпрямоугольной, чашеобразной и овальной форм из мраморовидного известняка, песчаника, диорита) с глубокими емкостями и удлиненные песты цилиндрической формы с грибовидными рабочими поверхностями (Разоков А.Р., 2020, с. 77). Судя по планиграфии находок зернообрабатывающих инструментов, обработку зерна производили в каждом жилом комплексе. В Саразме в культурном слое обнаружено 118 зернотерок, кроме того, еще около 500 экз. собраны с поверхности. Выделены следующие типы форм зернотерок: овально-удлиненные, ладьевидные, подпрямоугольные аморфные. Примечательно, что отдельные зернотерки Саразма вторично использовались для растирания охры и красок. В 4-м помещении III раскопа (зернохранилище) был найден обломок керамической лопаты, используемой для сгребания зерна. Она сделана из фрагмента керамики, одной стороне которого придана тесловидная форма (Разоков А.Р., 2020, с. 34).

Деревообрабатывающее производство. Одним из видов домашнего производства являлось деревообрабатывающее (Разоков А.Р., 2020, с. 90). Важным показателем его выделения является наличие соответствующих орудий труда: кремневые скобели, долотовидные орудия, топоры, тесла, кремневые сверла, пилки, резцы, скобели, стамески. С помощью этих инструментов саразмийские мастера изготавливали разнообразные бытовые предметы: всевозможные сосуды — чаши, кубки, миски, ступки

для растирания зерна и минеральной краски, оправы для составных орудий, рукоятки палок-копалок, рукоятки для ножей, древки для стрел и копий, коробки самой разной величины и формы, сами орудия, конструкции для станков и т.д. Деревообрабатывающий промысел развивался на местном сырье, которое добывали в близлежащих галерейных лесах и рощах (Раззоков А.Р., 2020, с. 56).

Керамическое мастерство. Переход к производящему хозяйству ознаменовался появлением и повсеместным распространением керамических сосудов. В эпоху палеометалла совершенствуется технология изготовления керамических сосудов; повсеместно распространяется тонкая плотная керамика с примесью минералов, улучшается качество теста и обжиг, орнаментация сосудов становится разнообразнее (Раззоков Ф.А., 2020, с. 43–45). Саразмийская керамика изготовлялась главным образом лепным способом, хотя предполагается появление гончарного круга (Исаков, 1991, с. 12). Тесто сосудов содержит минеральные примеси (керамика с растительными примесями встречается крайне редко) (Isakov, Lyonnet, 1988; Lyonnet, 1996, с. 11–12; Раззоков Ф.А., 2020).

Керамическое производство в Саразме было оснащено специализированными инструментами для формовки, выравнивания венчиков и донцев сосудов, лощения, ангобирования, нанесения росписи (на поселении обнаружены оправки для кисточек), обжига и т.д. (Раззоков Ф.А., 2020, с. 97) Весь керамический материал был классифицирован в три основные группы: керамика расписная, без росписи и местная (Mutin, Razzoqov, 2016, с. 123–124).

В Саразме исследовано более 10 гончарных печей двух типов: прямоугольные и округлые (Каримова, 2021а, с. 429–430, илл. 1). Более распространенными являлись одноярусные двухкамерные прямоугольные печи. Гончарных печей округлой формы обнаружено две (Раззоков Ф.А., 2012; 2020, с. 45). Наиболее интересна печь округлой формы с опорным столбом в центре. Кроме того, имеется двухъярусная печь округлой формы (Раззоков Р.А., 2005, с. 77–85). Помимо этого, в северо-западном углу камеры были найдены более 15 кг размельченной дресвы из гранита, заготовленной в качестве примеси для изготовления керамики. В одном метре к северу от печи находились несколько фрагментов каменных плиток. Функциональный анализ этих плиток показал, что они являлись подставкой для лепки керамики (Раззоков Ф.А., 2020, с. 53). Глиняная посуда периода энеолита Саразма представляет широкий ассортимент (хумы, хумча, кубки, вазы, кувшины и др.), изготовлена только лепным способом (Раззоков Ф.А., 2020, с. 10). При изготовлении различных керамических сосудов применялась техника лепки, лощения, сверления, нанесения орнаментов, выравнивания ребристых венчиков и днищ сосудов. Об этом свидетельствуют найденные костяные шпатели (Раззоков А., 1992, с. 37–42), каменные и костяные лощила, сверла для починки керамики, подставки для лепки (Раззоков Ф.А., 2020, с. 50).

В Саразме найдена значительная коллекция каменных сосудов: чаши, тарелки, флакончик, миниатюрные сосудики и т.п. (Раззоков Р.А., 2020, с. 95–96). Каменные сосуды Саразма найдены в основном в обломках (70 экз.), но девять целых сосудов позволяют определить типологию и технологию изготовления изделий. Это полусферическая и усеченно-конусообразные чаши, миниатюрные сосудики усеченно-конусообразной формы (8 экз.), флакончики (6 экз.) (Раззоков Р.А., 2020, с. 62–64). В культурных слоях Саразма, найдены более 30 фрагментов донцев мраморных сосудов двух типов. Сырьем для их изготовления служил белый мрамор с прожилками и полосами различных оттенков цвета. Открыты специальные мастерские по обработке камня (мрамора, гипса). Во дворе I раскопа VI была обнаружена округлая яма, на дне которой найдено более 15 фрагментов заготовок округлой формы из гипса со следами первичной обработки. Фрагменты примитивных гипсовых сосудов были найдены в одном из помещений этого же строительного горизонта. Среди отходов производства встречены множественные обломки, отщепы и куски мрамора (Раззоков Р.А., 2020, с. 61).

Металлообрабатывающее производство. На территории поселения найдены следы металлургического и металлообрабатывающего производства. Так, на II, IV–VI раскопах были обнаружены фрагменты стенок разрушенных горнов, которые, судя по характерному нагару, использовались для плавки медной руды. Там же зафиксировано множество отходов литья и шлаков. Имеются фрагменты керамических изделий, которые определены как тигли и формы для литья (Исаков, 1991а, рис. 9.-8–19; рис. 24.-13–15). Найдена мастерская с двумя металлоплавильными горнами (Каримова, 2017, с. 253–256). Функциональные определения орудий показывают, что в Саразме производились в основном не предварительные действия, а последующие, такие как размельчение руды и доведение для использования (Isakov et al., 1987; Раззоков А.Р., 1993, с. 70–73). Хотя сохранялись сырые варианты, возможно, для обмена или торговли.

Набор металлических изделий составляет более 300 предметов, которые разделяются на две группы: связанные с обработкой руды, а также с изготовлением и обработкой металлических изделий. К первой группе относятся молот тяжелого действия и рудотерки (2 экз.). Во второй группе представ-

лены подставка-наковаленка (42 экз.), гладилки-выпрямители (28 экз.), матрицы (34 экз.), молоточки легкого и тяжелого действия для холодной и горячейковки (24 экз.) и абразивы (170 экз.) (Раззоков Р.А., 2020, с. 38–41). Среди них медные и бронзовые изделия представлены более чем 10 категориями: топор, тесло, ножи, кинжалы, наконечники копий и дротиков, шилья, проколки, рыболовные крючки, серпообразные предметы, зеркала, бусы, булавки, бритвы и т.п. Обнаружено также более десятка украшений из серебра и золота (Исаков, 1991а, с. 132).

Особое место занимало изготовление мелких ювелирных изделий. В этом производстве были заняты матрицы, подставки-наковаленки, молоточки легкого действия, гладилки-выпрямители, активные абразивы (Раззоков Р.А., 2020, с. 38).

Таким образом, характеристика хозяйственно-производственной деятельности жителей поселения Саразм отражает бытование различных видов домашних промыслов, которые в дальнейшем применялись в профессиональном ремесле и различных видах производственной деятельности.

Список источников

- Исаков А.И. Работы Саразмского отряда в 1983 г. // АРТ. 1991. Вып. 23. С. 348–358.
- Исаков А. Саразм (к вопросу становления ранне-земледельческой культуры Зарафшанской долины), раскопки 1977–1983 гг. Душанбе, 1991а. 244 с.
- Каримова Г.Р. Металлоплавильное производство Саразма (по архивным материалам Пенджикентской археологической базы) // АРТ., 2017. Вып. 39. С. 253–256.
- Каримова Г.Р. Каменная индустрия Саразма // Культуры азиатской части Евразии в древности и средневековье. Самарканд, 2021. С. 101–109.
- Каримова. Г.Р. Саразм — колыбель древнеземледельческой цивилизации в Таджикистане // Этногенез и этническая история таджикского народа: В 2 т. Т. 1. Душанбе, 2021а. С. 386–434.
- Массон В.М. Поселение Джейтун (Проблемы становления производящей экономики) // МИА. №180. Л., 1971. 208 с.
- Раззоков А. Костяные орудия Саразма // Изв. АН РТ. Серия общественных наук. 1992. №3. С. 37–42.
- Раззоков А.Р. Металлообрабатывающие орудия Саразма // Изв. АН РТ. Серия общественных наук. 1993. №1–2. С. 70–73.
- Раззоков А.Р. Работы саразмского отряда в 2002 г. // АРТ. 2005. Вып. 30. С. 77–85.
- Раззоков А.Р. Производственная деятельность населения Саразма (по экспериментально-трассологическим данным). Душанбе, 2020. 223 с.
- Раззоков Ф.А. Керамические горны древнеземледельческого поселения Саразм (IV–III тыс. до н.э.) // Мероси нийогон (Наследие предков). Душанбе, 2012. №15. С. 31–37.
- Раззоков Ф.А. Саразм и пути его развития в IV–III тыс. до н.э. (по данным новых методов изучения археологического материала из поселения Саразм). Душанбе, 2020. 170 с.
- Сериков Ю.Б. О своеобразии кремневой скульптуры Урала // Челябинский гуманитарий. 2011. №1(14). С. 146–161.
- Isakov A., Kohl P.L., Lamberg-Karlovsky S.S., Maddin R. Metallurgical Analyses from Sarazm, Tadjikistan SSR // Archaeometry, 1987. P. 90–102.
- Isakov A., Lyonnet B. Ceramiques de Sarazm (Tadjikistan, URSS): problemes dechanges et de peuplement a la fin du chalcolitique au debut de l age du Bronze // Paleorient, 1988. Vol. 14/1. P. 31–47.
- Lyonnet B. Sarazm (Tadjikistan) ceramiques // Memoires de la mission archeologique francaise en Asie Centrale. Paris, 1996. T. 7. 131 p.
- Mutin B., Razzokov A. Cultural Contacts across the Hindukush in the Early Bronze Age: Additional Insights from Sarazm — Soundings 11-11A (Tajikistan). // AMIT. Band 46, 2014. Berlin, 2016. P. 123–147.

Информация об авторах / Information about the Authors

Галина Рахимовна Каримова, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, отдел археологии, ведущий научный сотрудник; 734025, Таджикистан, г. Душанбе, пр-т Исмоила Сомони, 33, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-3700-1475>, karimovagalina2501@gmail.com

Galina R. Karimova, A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Department of Archaeology, Leading Researcher; 734025, Tajikistan, Dushanbe, Ismoil Somoni Ave., 33, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-3700-1475>, karimovagalina2501@gmail.com

Малика Шавкатджоновна Кодирова, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, отдел археологии, младший научный сотрудник; 734025, Таджикистан, г. Душанбе, пр-т Исмоила Сомони, 33, malika_shavkat@mail.ru

Malika S. Kodirova, A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Department of Archaeology, Junior Researcher; 734025, Tajikistan, Dushanbe, Ismoil Somoni Ave., 33, malika_shavkat@mail.ru

Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.

Научная статья / Article

УДК: 902(571.151)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.48

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ ЭНЕОЛИТА — РАННЕЙ БРОНЗЫ ГОРНОГО АЛТАЯ И РАССЕЛЕНИЕ АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СВЯЗИ С ОСОБЕННОСТЯМИ ХОЗЯЙСТВА

Геннадий Григорьевич Кравченко¹, Константин Николаевич Солодовников²

¹Томский государственный университет, Томск, Россия;

²Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия

Резюме. В работе исследуется связь неравномерного в пределах Горного Алтая распределения памятников афанасьевской культуры с системой их хозяйственной деятельности. Территория характеризуется большим разнообразием местных климатов. Картографирование археологических памятников культуры с районами местных климатов привело к выводу, что для поселения афанасьевцы выбирали районы с возможностью круглогодичных пастбищ для овец. Овцеводство было основой хозяйственной деятельности этого населения. К круглогодичным пастбищам предъявляются многочисленные требования. Некоторые районы удовлетворяют этим требованиям, но обладают суровыми климатическими характеристиками по отношению к человеку.

Ключевые слова: афанасьевская культура, Горный Алтай, расселение, климат, овцеводство, круглогодичные пастбища

Благодарности: работа выполнена по госзаданию №121041600045-8.

Для цитирования: Кравченко Г.Г., Солодовников К.Н. Территориальные группы памятников энеолита — ранней бронзы Горного Алтая и расселение афанасьевской культуры в связи с особенностями хозяйства // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 233–237.

TERRITORIAL GROUPS OF THE SITES OF THE ENEOLITHIC-EARLY BRONZE OF THE ALTAI MOUNTAINS AND THE AFANASIEVO CULTURE SETTLEMENT IN CONNECTION WITH THE PARTICULAR FEATURES OF THE ECONOMY

Gennady G. Kravchenko¹, Konstantin N. Solodovnikov²

¹Tomsk State University, Tomsk, Russia;

²Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen, Russia

Abstract. The authors investigate the connection between the uneven allocation of the sites of the Afanasievo archaeological culture in the Altai Mountains region and the system of their economic activity. A wide variety of the local climatic conditions is a characteristic feature for the region. The mapping of the archaeological monuments within the local climatic zones led to the conclusion: the inhabitants chose the areas with the possibility of all-year-round pasture for sheep for settlement. Sheep farming was the base of the economic activity. There were a lot of requirements for all-year-round pastures. Some areas satisfied the requirements, but they had harsh climatic characteristics for human inhabitation.

Keywords: Afanasievo culture, Altai Mountains, settlement, climate, sheep breeding, year-round pastures

Acknowledgments: this work was carried out according to state order No. 121041600045-8.

For citation: Kravchenko G.G., Solodovnikov K.N. Territorial Groups of the Eneolithic-Early Bronze of the Altai Mountains and the Afanasievo Culture Settlement in Connection with the Particular Features of the Economy // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. С. 233–237.

Формирование афанасьевской культуры на огромных пространствах Южной Сибири и Центральной Азии (Поляков, 2022) знаменует появление в глубинных районах Азии металлургии меди, курганного обряда погребений, а также производящего скотоводческого хозяйства преимущественно в виде овцеводства (Поляков, 2022; Шульга, 2012). Последнее фиксируется палеогенетическими исследованиями костей овец на афанасьевских поселениях (Hermes et al., 2020). Палеоизотопные исследования (Svyatko et al., 2017; Honeychurch et al., 2021; и др.) указывают на скотоводческую диету афанасьевского населения, а протеомный анализ зубного камня (Wilkin et al., 2020; Yang, 2020) — на присутствие в питании, впервые для территории распространения культуры, молока домашних животных. В горах Алтая афанасьевская культура существовала порядка 300 лет (Poliakov, Svyatko, Stepanova, 2019) и датируется по последним данным в пределах XXXII–XXIX вв. до н.э. (Poliakov, Svyatko, Stepanova, 2019; Hermes et al., 2020). В рамках работы, посвященной исследованию связи физических особенно-

стей афанасьевцев с географическими и биоклиматическими условиями (Солодовников и др., 2018), проведено картографирование и выделение групп памятников энеолита — ранней бронзы Русского Алтая и сопредельных территорий. Выявленное территориальное распределение (Солодовников и др., 2018, рис. 1) указывает, что афанасьевское население осваивало практически всю эту территорию, но неравномерно, что лишь отчасти может объясняться разной изученностью районов. Задачей данной работы является установление вероятных причин такой избирательности использования территории.

Система расселения алтайских афанасьевцев, вероятно, связана с их хозяйственной деятельностью, в основе которой было овцеводство (Шульга, 2012; Hermes et al., 2020). Овцы хорошо приспособлены к круглогодичному содержанию на пастбищах, главная характеристика которых — продуктивность. Она различна в разные времена года: в зимнее время в 2–3 раза ниже, чем летом. Количество скота лимитировано продуктивностью пастбища в зимнее время (Тортика, Михеев, Кортиев, 1994) и возможностью добывать овцами корм зимой. Овцы могут кормиться, если высота снега не превышает 5 см, при снеге от 5 до 10 см выпас затруднен, а более 10 см — практически невозможен. Учитываются также соотношение высот травостоя и снега, плотность снежного покрова на пастбище. Питание даже на хорошем зимнем пастбище для овец является экстремальным, поэтому ослабленные животные как можно раньше переводятся на весенние пастбища, которые должны находиться как можно ближе к зимним. Качество весенних пастбищ определяется запасами продуктивной влаги в почве, что зависит от накопленной величины осадков в зимний период. То есть зимнее и весеннее пастбища, как правило, размещаются на разных участках. Есть требования и к летним пастбищам. Овцы тяжело переносят сырой воздух, им вредно пастись на мокрых из-за росы или дождя пастбищах. Важной характеристикой пастбищ является и количество невыпасных дней из-за метеоусловий (Грингоф, Бабушкин, 2010, с. 101–108).

Для территории Горного Алтая характерно нарастание континентальности климата и убывание суммы твердых осадков с северо-запада на юго-восток (Ревякин, Галахов, Голещихин, 1979). Соответственно условия для пастбищного овцеводства должны быть наиболее подходящими в юго-восточной части территории, что и подтверждается фактическим состоянием в настоящее время (Мокашев, 2009). На Алтае доля овец и коз в структуре стада последовательно возрастает по мере движения от таежного низкогорья к степному среднегорью и полупустынному высокогорью, а доля крупного рогатого скота, наоборот, увеличивается в обратном направлении (Мокашев, 2009, с. 57–58). Но расположение афанасьевских памятников (Солодовников и др., 2018, рис. 1) не соответствует такому современному распределению пастбищных угодий и их использованию.

Необходимо отметить, что климат в рассматриваемое историческое время был другим. Существование афанасьевской культуры на Алтае относится к времени перехода от климатического оптимума голоцена к суббореальному климату. Первый период характерен формированием на Северо-Западном Алтае (долина р. Ануй) и в Центральном Алтае (долина р. Урсул) ландшафтных условий умеренно-засушливой степи — южной лесостепи. При переходе к суббореальному периоду с характеризующими его переменным климатом и относительным похолоданием эти ландшафты сменяются на лесостепные и лесные (Дергачева, Деревянко, Феденева, 2006, с. 120, 124). Климат высокогорья Юго-Восточного Алтая в рассматриваемое время был теплее современного (Русанов, 2015, с. 334–338). Здесь в фазу потепления, при несколько большем, чем в настоящее время, количестве осадков увлажнение территории было хуже. Вегетационный период в высокогорье и котловинах отличался чертами аридности. Чуйская и Курайская степи выгорали уже в начале лета (История Республики Алтай, 2002, с. 51–52).

Для оценки системы расселения алтайских афанасьевцев в связи с их хозяйственной деятельностью следует учитывать роль так называемых местных климатов (Модина, 1997). С их учетом в работах (Модина, 1997; Модина, Сухова, 2007) выполнено агроклиматическое районирование Горного Алтая, пригодное и для оценки продуктивности естественных кормовых угодий. В таблице приведены использованные для этого климатические показатели. Данные в столбцах 8–10 позволяют оценить формирование травостоя пастбищ во время вегетационного периода. Данные в последнем столбце дают возможность оценки использования территории в качестве зимнего пастбища.

Подрайон долин Пыжи, Уйменя, Кара-Кокши не мог использоваться афанасьевцами в качестве зимнего пастбища как переувлажненный и с большой высотой снежного покрова. В Прителецком подрайоне, в силу специфики котловины Телецкого озера, практически нет площадей для естественных пастбищ. В Чулышманском подрайоне, представляющем собой долину реки, глубина эрозионного вреза превышает 1000 метров, склоны очень крутые и на 70–80% представлены скальными обнажениями. Долина очень теплая и сухая из-за фенів, высота снежного покрова на начало марта составляет

Агроклиматическое районирование территории Горного Алтая
 Agro-climatic zoning of the territory of the Altai Mountains

Название подрайона / тип	Число памятников	Наличие фенот / число дней в году с фенами	Вертикальное распределение ландшафтной поясности	Плювиометрический градиент	Зима	Степень выхолаживания днищ летом	Осадки за май — июль	Запасы продуктивной влаги в слое почвы 20 см на начало вегетационного периода, мм	Коэффициент увлажнения за май — июль	Высота снежного покрова на начало марта, см
Катунско-Майминский / Д	11	Ф/70–100	ГИ	М	СС	У	350–400	40–50	0,9–1,0	20–50
Долины Пыжи, Уйменя, Кара-Кокши / Д	0	УФ/30–60	Н	СБ	С	У	300–400	70–80	1,2–1,4	70–90
Катунский среднегорный / Д	45	Ф/> 70	ГИ	М	СС	СЛ	245	20–40	0,7–0,8	10–20
Прителецкий / Д	0	Ф/> 100	ГИ	М	НС	У	250–400	35–60	0,8–1,0	20–40
Чулышманский / Д	0	Ф/> 100	ГИ	М	НС	ВСЛ	150–200	20–30	0,5–0,6	5–10
Семинско-Песчанский / Д	3	УФ /40–60	ЧИ	СМ	УС, С	СЛ и У	150–300	30–45	0,6–0,8	20–30
Ануйский / Д	11	УФ /40–60	ЧИ	СМ	УС, С	СЛ и У	200–230	30–40	0,7–0,8	5–10
Ининский / Д	7	Ф/> 100	ГИ	М	НС	ВСЛ	120–140	< 20	0,3–0,4	8–10
Урсульский / К	7	СФ/20–25	Н	СБ	С	У	150–170	15–20	0,4–0,5	10–15
Теньгинский / К	38	СФ/20–25	Н	У	С	У	200–220	20–35	0,6–0,7	5–15
Канский / К	1	УФ /40–50	ЧИ	СМ	С	ВС	170–190	20–25	0,5–0,6	8–10
Абайский / К	0	УФ /40–50	ЧИ	СМ	С	ВС	200–250	40–50	0,8–0,9	30–40
Чарышский / Д	16	УФ/40–60	ЧИ	СМ	УС, С	СЛ и У	280–320	30–50	0,8–0,9	10–12
Уймонский / К	2	СФ/20–25	Н	СБ	С	У	200–220	30–40	0,6–0,8	20–30
Улаганский / К	7	БФ	ГИ	О	ЖС	С	220–270	20–30	0,4–0,5	8–10
Курайский / К	1	БФ	ГИ	О	ЖС	С	90–110	10–15	0,2–0,3	8–10
Чуйский / К	3	БФ	ГИ	О	КС	У	<100	<10	0,1–0,2	5–8
Укок / К	1	БФ	ГИ	О	ЖС	С	180	–	–	<10

Примечания: Плювиометрический градиент — количественный показатель увеличения осадков при поднятии вверх по горному склону. Коэффициент увлажнения — отношение суммы осадков к величине испаряемости. **Тип подрайона:** Д — долинный, К — котловинный. **Наличие фенот:** Ф — феновый, УФ — умеренно феновый, СФ — слабо феновый, БФ — бесфеновый. **Вертикальное распределение ландшафтной поясности:** ГИ — глубокое инверсное, Н — нормальное, ЧИ — частичное инверсное. **Плювиометрический градиент:** М — малый, СМ — сравнительно малый, СБ — сравнительно большой, У — умеренный, О — отрицательный. **Зима:** СС — слабо суровая, С — суровая, НС — несуровая, УС — умеренно суровая, ЖС — жестко-суровая, КС — крайне суровая. **Степень выхолаживания днищ летом:** У — умеренная, СЛ — слабая, ВСЛ — весьма слабая, ВС — весьма сильная, С — сильная.

5–10 см, часто фенами снег испаряется полностью. При этом на водоразделах высота снега возрастает до 60–70 см. Частая повторяемость фенот весной приводила к тому, что в течение вегетационного периода на пастбищах долины не выросло достаточного количества кормов для использования их в зимнее время (Модина, Сухова, 2007). Другой теплой долиной с высокой повторяемостью фенот является долина Катунь в своей субмеридиональной части. Катунско-Майминский подрайон достаточно хорошо увлажнен в вегетационный период, зимой высота снега может быть большой, хотя и не критической из-за влияния фенот. Нижняя граница расположения памятников практически совпадает с границей наиболее интенсивных фенот (до с. Усть-Муны) (Модина, 1997). В Катунском среднегорном подрайоне концентрация памятников афанасьевской культуры наиболее высокая. Он отличается сухостью вегетационного периода, но ситуация здесь более благоприятная чем в долине Чулышмана. Высота снежного покрова невелика. Кроме надпойменных террас в качестве пастбищ могли использоваться склоны долины и приустьевых участков притоков. В Ининском подрайоне роль фенот очень велика, в результате это самый теплый район Центрального Алтая. Вегетационный период здесь даже более сухой, чем в долине Чулышмана. В рассматриваемое историческое время район был еще более сухим, что не способствовало формированию нужного травостоя. В результате количество памятни-

ков здесь гораздо меньше, чем в предыдущем подрайоне. Долины рек Чарыш, Ануй, Песчаная, Сема характеризуются как умеренно-феновые с умеренно-суровой зимой со слабым и умеренным выхолаживанием днищ летом. Территория достаточно хорошо увлажнена, но при этом высота снега в долинах незначительна. В силу особенностей рельефа здесь достаточно много склонов с различной экспозицией, которые могли использоваться и как зимние, и как весенние пастбища.

Для котловин Центрального Алтая характерна континентальность климата и выхолаживание днищ. В Уймонской (с Катандинской степью) и Абайской котловинах высота снежного покрова большая. По этой причине данные территории не могли использоваться в качестве круглогодичных пастбищ. Исключение составляет лишь Катандинская степь, где раскопан крупный афанасьевский курган (Полосьмак, Чикишева, 2020). В качестве зимних пастбищ здесь могли использоваться склоны горного обрамления.

Канская, Теньгинская и Урскульская котловины располагают значительными пастбищными ресурсами, пригодными для использования в разные сезоны года (Мокашев, 2009, с. 57–58). В них наблюдаются большие различия в увлажнении северных и южных склонов. Зима в Теньгинской котловине суровая, но она теплее, чем в соседних котловинах. В ней лучшие условия по увлажнению в вегетационный период по сравнению с Канской и Урскульской, а высота снежного покрова минимальна. Для зимы Урскульской котловины характерно сильное выхолаживание днища, действие фенов слабое. Подрайон недостаточно увлажнен, запасы продуктивной влаги в почве на начало вегетационного периода малы и они быстро расходуются. Афанасьевских памятников в Урскульской котловине значительно меньше, чем в Теньгинской. В Канской котловине в зимнее время значительна роль фенов, поэтому зимой она теплее Урскульской, но летом для нее характерно сильное выхолаживание днища, и она считается засушливой (Модина, 1997; Модина, Сухова, 2007). Улаганский подрайон является высокогорным (1200–1400 метров над уровнем моря). Зима здесь жестко-суровая, из-за сильного выхолаживания днища заморозки бывают даже летом. В вегетационный период подрайон удовлетворительно увлажнен, а высота снежного покрова составляет 8–10 см. Даже с учетом большей аридности в рассматриваемый период подрайон вполне мог использоваться в качестве круглогодичного пастбища, несмотря на суровость климата.

Юго-Восток представлен Чуйской и Курайской котловинами, а также плоскогорьем Укок, включая склоны обрамляющих их хребтов. Это самые высокогорные климатические подрайоны. Зима в Чуйской степи жестко-суровая, а осадков выпадает крайне мало. Афанасьевцам, по-видимому, без лошадей (Грушин, 2022, с. 87) и верблюдов в качестве средства передвижения способ вертикальных перекочек был недоступен. Здесь отсутствует лесная растительность, необходимая для постройки жилищ и топлива. В Курайской котловине также очень ограничены ресурсы тепла и влаги. По многим показателям Курайская котловина близка к Улаганской, но она засушливее. Плоскогорье Укок самое высокогорное, расположено западнее и характеризуется некоторой открытостью в сторону долины Бухтармы. Поэтому весной и осенью в результате проникающей сюда циклонической деятельности довольно часто выпадают осадки, но их количество уменьшается с запада на восток. Из-за низких температур территория даже при незначительных осадках оказывается переувлажненной. Зимой подрайон находится в зоне действия отрогов Азиатского антициклона и количество твердых осадков невелико. При этом суровость климата нарастает с запада на восток (Рудой и др., 2000). В отличие от Чуйской степи плоскогорье Укок могло оставаться круглогодичным пастбищем даже при иссушении климата, но здесь велика вероятность обильных снегопадов, делающих рискованным содержание скота (Шульга, 2012).

Приведенные выше данные позволяют сделать вывод о том, что расселение носителей афанасьевской культуры в пределах Горного Алтая обусловлено необходимостью иметь круглогодичные пастбища для овец. В условиях климата, более аридного, чем современный, афанасьевцы находили такие пастбища в центральном и северо-западном Алтае, прежде всего в прогреваемых фенами долинах и котловинах с подходящими склонами. Переход к суббореальному периоду голоцена привел к гумидизации климата. По имеющимся данным афанасьевское население, в отличие от восточно-европейских скотоводческих групп более поздних этапов бронзового века (Мимоход, 2019), не смогло создать адаптированную к таким изменениям систему хозяйства. Видимо, из-за этого афанасьевцы предпринимали попытки сместиться в более сухие юго-восточные регионы. Но эти территории с обширными безлесными пространствами также требовали другой модели хозяйства. Поэтому афанасьевские памятники здесь немногочисленны. Более благосклонной к афанасьевцам оказалась Минусинская котловина с ее аридным климатом. Они освоили эту территорию и существовали на ней до XXV в. до н.э. (Poliakov, Svyatko, Stepanova, 2019). В пределах Горного Алтая скотоводство возродилось значительно

позднее, с созданием его комплексной и лучше адаптированной формы, основанной прежде всего на одомашненной и приспособленной для верховой езды лошади. Это позволило освоить и те территории, на которых афанасьевские коллективы не могли вести свое хозяйство.

Список источников

- Грингоф И.Г., Бабушкин О.Л. Климат, погода и пастбищное животноводство. Обнинск, 2010. 352 с.
- Грушин С.П. Изучение афанасьевских поселений Горного Алтая в контексте проблемы выделения хозяйственно-культурных типов // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий). СПб., 2022. С. 87–89.
- Дергачева М.И., Дервянко А.П., Феденева И.Н. Эволюция природной среды Горного Алтая в позднем плейстоцене и голоцене. Новосибирск, 2006. 144 с.
- История Республики Алтай. Т. 1. Горно-Алтайск, 2002. 360 с.
- Мимоход Р.А. Теория оптимального кризиса: экология и адаптация // Природа. 2019. №1. С. 43–49.
- Модина Т.Д. Климаты Республики Алтай. Новосибирск, 1997. 177 с.
- Модина Т.Д., Сухова М.Г. Климат и агроклиматические ресурсы Алтая. Новосибирск, 2007. 180 с.
- Мокашев А.П. Вопросы территориальной организации горно-животноводческого хозяйства Алтая. Горно-Алтайск, 2009. 323 с.
- Полосьмак Н.В., Чижишева Т.А. Исследование кургана на памятнике Катанда-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 579–586.
- Поляков А.В. Хронология и культурогенез памятников эпохи палеометалла Минусинских котловин. СПб., 2022. 364 с.
- Ревякин В.С., Галахов В.П., Голещихин В.С. Горно-ледниковые бассейны Алтая. Томск, 1979. 309 с.
- Рудой А.Н., Лысенкова З.В., Рудский В.В., Шишин М.Ю. Укок (прошлое, настоящее, будущее). Барнаул, 2000. 172 с.
- Русанов Г.Г. Климатические условия среднего голоцена в высокогорье юго-восточного Алтая // Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»). СПб., 2015. С. 334–338.
- Солодовников К.Н., Кравченко Г.Г., Рыкун М.П. Морфологические особенности населения энеолита — ранней бронзы как результат адаптации к географическим и биоклиматическим условиям Алтайской горной страны // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. №4(43). С. 120–135.
- Тортика А.А., Михеев В.К., Кортиев Р.И. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // Этнографическое обозрение. 1994. №1. С. 49–61.
- Шульга П.И. О хозяйстве афанасьевцев Горного Алтая // Афанасьевский сборник — 2. Барнаул, 2012. С. 204–209.
- Hermes T.R., Tishkin A.A., Kosintsev P.A., Stepanova N.F. et al. Mitochondrial DNA of Domesticated Sheep Confirms Pastoralist Component of Afanasievo Subsistence Economy in the Altai Mountains (3300–2900 cal BC) // Archaeological Research in Asia. 2020. Vol. 24. 100232.
- Honeychurch W., Rogers L., Amartuvshin Ch., Diimaajav E., Erdene-Ochir N.-O., Hall M.E., and M. Hrivnyak. The Earliest Herders of East Asia: Examining Afanasievo Entry to Central Mongolia // Archaeological Research in Asia. 2021. Vol. 26. 100264.
- Poliakov A.V., Svyatko S.V., Stepanova N.F. A Review of the Radiocarbon Dates for the Afanasievo Culture (Central Asia): Shifting Towards the Shorter Chronology // Radiocarbon. 2019. Vol. 61, No. 1. P. 243–263.
- Svyatko S.V., Reimer P.J., Polyakov A.V., Soenov V.I., Stepanova N.F. et al. Stable Isotope Palaeodietary Analysis of the Early Bronze Age Afanasievo Culture in the Altai Mountains, Southern Siberia // Journal of Archaeological Science: Reports. 2017. Vol. 14. P. 65–75.
- Wilkin S., Ventresca Miller A., Taylor W.T.T., Miller B.K. et al. Dairy Pastoralism Sustained Eastern Eurasian Steppe Populations for 5,000 years // Nature Ecology & Evolution. 2020. Vol. 4. P. 346–355.
- Yang Y. Dairying Transformed Mongolia // Nature Ecology & Evolution. 2020. Vol. 4. P. 288–289.

Информация об авторах / Information about the Authors

Геннадий Григорьевич Кравченко, Томский государственный университет, кафедра прикладной информатики, доцент; 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, 36, кандидат физико-математических наук, <https://orcid.org/0009-0002-4289-7840>, ggk_07@mail.ru

Gennady G. Kravchenko, Tomsk State University, Department of Applied Informatics, Docent; 634050, Tomsk, Russia, Lenin Ave., 36, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Docent, <https://orcid.org/0009-0002-4289-7840>, ggk_07@mail.ru

Константин Николаевич Солодовников, Тюменский научный центр СО РАН, Институт проблем освоения Севера, старший научный сотрудник; 625026, Россия, г. Тюмень, ул. Малыгина, 86, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0003-0925-7219>, solodk@list.ru

Konstantin N. Solodovnikov, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Institute of the problems of Northern Development, Senior Researcher; 625026, Russia, Tyumen, Malygina Str., 86, Candidate of History, <https://orcid.org/0000-0003-0925-7219>, solodk@list.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article
УДК: 902(571.150)
DOI: 10.14258/msapea.2023.3.49

**ПОСЕЛЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
НА ЛЕВОБОЕРЕЖЬЕ БАРНАУЛЬСКОГО ПРИОБЬЯ:
ПРИРОДНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

Артур Леонидович Кунгуров, Алексей Алексеевич Тишкин
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье рассматривается специфика расположения поселений раннего железного века на северо-восточной оконечности Приобского плато. Данный участок относится к левобережью реки Оби на территории, которая традиционно именуется Барнаульским Приобьем. Он с юга ограничивается устьевой зоной Алея, а на севере — местом впадения Касмалы. Эта кромка Приобского плато сильно изрезана многочисленными логами, часть из которых имеют водотоки (родники, ручьи, небольшие и средние реки). На указанном отрезке в конце XX и в начале XXI в. зафиксировано существенное число поселений, связанных с деятельностью животноводов раннего железного века (40 памятников на протяжении 94 км). Рассматриваемая территория обследована не полностью. Существуют дальнейшие перспективы выявления поселений, что обусловлено перечисленными природно-ландшафтными особенностями.

Ключевые слова: Приобское плато, левобережье Барнаульского Приобья, поселение, ранний железный век, степной ландшафт, пойма, байрочный лес, животноводство

Благодарности: работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства», А.А. Тишкин).

Для цитирования: Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Поселения раннего железного века на левобережье Барнаульского Приобья: природные, культурные и хозяйственные особенности // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 238–241.

**EARLY IRON AGE SETTLEMENTS ON THE LEFT BANK OF THE BARNAUL PRIOBIE:
NATURAL, CULTURAL AND ECONOMIC PECULIARITIES**

Artur L. Kungurov, Alexey A. Tishkin
Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article deals with the specifics of the location of Early Iron Age settlements at the north-eastern end of the Ob plateau. This area belongs to the left bank of the Ob River in the territory traditionally called the Barnaul Priobie. It is bounded to the south by the Alei estuary and to the north by the Kasmala confluence. This edge of the Priobskoe plateau is heavily indented by numerous ravines, some of which have watercourses (springs, streams, small and medium-sized rivers). At the end of the 20th and beginning of the 21st century, a significant number of settlements associated with the activities of cattle breeders of the Early Iron Age (40 sites along 94 kilometres) were recorded along this section. The area under consideration has not been fully surveyed. There are further prospects for the identification of settlements due to the listed natural and landscape features.

Keywords: Priobskoe plateau, left bank of the Barnaul Priobie, settlement, Early Iron Age, steppe landscape, floodplain, bayrochny bairn forest, cattle breeding

Acknowledgments: the work was carried out with partial financial support of the Russian Science Foundation (project No. 22-18-00470 “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”, A.A. Tishkin).

For citations: Kungurov A.L., Tishkin A.A. Early Iron Age Settlements on the Left Bank of the Barnaul Priobie: Natural, Cultural and Economic Peculiarities // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 238–241.

Участок левобережья Барнаульского Приобья, о котором пойдет речь в настоящей публикации, представляет собой северо-восточную оконечность Приобского плато, которую огибает р. Обь, сначала протекая практически с юга на север, а затем поворачивая на запад (рис.). По физико-географическому районированию данная территория входит в Барнаульский район Приобской левобережной подпровинции Верхнеобской провинции Западно-Сибирской страны. Отчасти именно по этой причине ее называют Барнаульским Приобьем. На юге его граница проходит по устьевой зоне р. Алея, а на севере — в месте впадения р. Касмалы в Павловском районе Алтайского края.

Ландшафт рассматриваемого участка Приобского плато относится к возвышенному дренированному (элювиальному) степному и лугово-степному типу. Там распространены полого-увалистые лессовые плато

с богато-разнотравными красноковыльными степями на выщелоченных обычных черноземах. Увалы по кромкам плато разделены логами, которые в настоящее время превращаются в овраги. Данный процесс имеет природный и выраженный антропогенный характер. Пойменная зона, примыкающая к обрывам плато, демонстрирует низинный слабодренированный (полугидроморфный) ландшафт: обширные разнотравно-злаковые и осоково-злаковые луговые супесчано-суглинистые террасы низкого уровня на луговых и болотно-луговых почвах. На данной территории обычными являются старичные понижения и эрозионно-дефляционные котловины на террасах с осоковыми, вейниковыми и тростниковыми болотами (Алтайский край. Атлас, 1978, с. 148–151).

В конце XX и в начале XXI в. в представленном регионе зафиксировано значительное количество поселений раннего железного века — 40 памятников на протяжении 94 км (рис). При этом обследования проводились далеко не везде. Значительные площади находятся под городской, пригородной и промышленной застройкой.

Кроме поселений раннего железного века, исследователями обнаружены разнофациальные памятники практически всех эпох: от позднего палеолита до средневековья (Бородаев, Кунгуров, 1980; Кирюшин, Бородаев, Кунгуров, 1983; Бородаев, 1977; Авраменко, Фролов, 1997; Авраменко, Позднякова, 2001; Кунгуров, Сингаевский, 2006; и др.). Тем не менее именно памятники раннего железного века, как поселенческие (Сингаевский, 2006), так и погребальные комплексы (Лузин, Тишкин, 1999), составляют основную массу зафиксированных археологических объектов. Часть таких объектов была исследована, что позволяет предварительно выяснить специфику их размещения в регионе и реконструировать основные хозяйственные занятия древнего населения (Тишкин, Тишкина, 1995; Тишкина, 1996; Тишкин, Косинцев, 2000; Тишкин, Кунгуров, Семибратов, 2005; Кунгуров, 2018; и др.). Дополнительную информацию и материалы для анализа дают исследованные поселения правобережья Барнаульского Приобья на отрезке от Малого Гоньбинского Кордона, расположенного напротив Научного Городка и с. Гоньба, до с. Фирсово. Именно на том участке правый борт долины Оби имеет степной ландшафт, аналогичный левобережному. Выше и ниже по течению реки расположены обширные боровые массивы (Кунгуров, Кунгурова, 2018). Характерно и то, что на правобережном отрезке Барнаульского Приобья известно 30 памятников раннего железного века, синхронных левобережным (Кунгуров, 2006).

Основные причины выявленного числа археологических памятников на относительно небольшом участке в основном связаны с богатыми биоресурсами природно-ландшафтных зон Барнаульского Приобья и удобством их использования. При этом следует учитывать тот факт, что значительная часть поселений подверглась разрушению и раньше они были существенно больше, как, например, поселения Малого Гоньбинского Кордона-I или Фирсов-

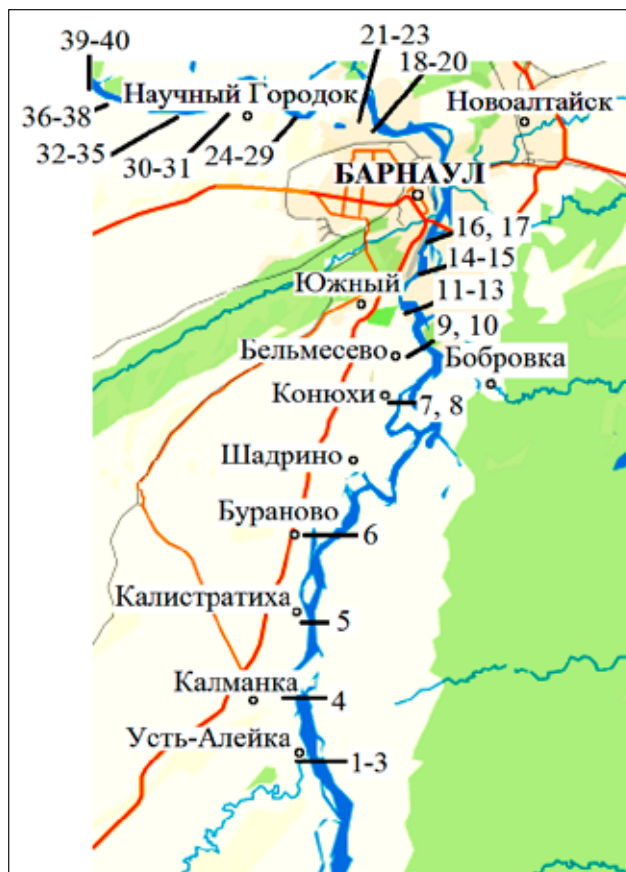

Схема расположения поселений раннего железного века на левобережье Барнаульского Приобья:

- 1-3 — Усть-Алейка-2, 3, Усть-Алейка-Клуб;
 4 — Усть-Марушка; 5 — Калистратиха; 6 — Бураново;
 7, 8 — Конюхи-1, 2; 9, 10 — Бельмесево-1, 2;
 11-13 — Крутой Лог-1-3; 14-15 — Цветы Алтая-1, 3 (Понамарев Лог); 16 — Ерестная-1; 17 — Береговая ул.;
 18-20 — Турина Гора-1-III; 21-23 — Казенная Заимка, Казенная Заимка-4, 5; 24-29 — Ляпиха-1-5, Гоньба-4;
 30-31 — Научный Городок-1, 2; 32-35 — Логовская Гора-1-3, Логовская Гора-4 (Куликово озеро); 36-38 — Страшный Яр-1-3; 39-40 — Извековка-1, Извековка
- Location scheme of the Early Iron Age settlements on the left bank of the Barnaul Priobie: 1-3 — Ust'-Aleika-2, 3, Ust'-Aleika-Club; 4 — Ust'-Marushka; 5 — Kalistratikha; 6 — Buranovo; 7, 8 — Konyukhi-1, 2; 9, 10 — Belmesevo-1, 2; 11-13 — Krutoy Log-1-3; 14-15 — Tsvety Altaya-1, 3 (Ponamarev Log); 16 — Eretnaya-1; 17 — Beregovaya st.; 18-20 — Turina Gora-1-III; 21-23 — Kazennaya Zaimka, Kazennaya Zaimka-4, 5; 24-29 — Lyapikha-1-5, Gon'ba-4; 30-31 — Nauchny Gorodok-1, 2; 32-35 — Logovskaya Gora-1-3, Logovskaya Gora-4 (Kulikovo Lake); 36-38 — Strashnyi Yar-1-3; 39-40 — Izvekovka-1, Izvekovka*

ского археологического микрорайона. Все памятники левобережья занимают устьевые зоны логов, которые активно разрушаются. Обычная высота расположения данных памятников в настоящее время составляет от 20 до 100 м над урезом воды. Анализ разрушения кромки плато показывает, что данная ситуация сформировалась только в последние столетия. Из-за активной распашки поверхности плато активизируется поверхностный водосброс, не фиксируемый степным дерном, что размывает древние лога, превращающиеся в крутосклонные овраги. Сохранившиеся более-менее целыми участки берега (в районе сел Володарка, Усть-Алейка, Калманка) показывают именно тот характер логов, который привлекал древних животноводов и позволял им успешно реализовывать свое хозяйство. Борты логов в указанных районах достаточно пологи и снижаются к краю плато до высоты 3–7 м. Они содержат небольшие ручьи и родники. Обследование истоков этих логов позволило отметить то, что они зачастую являлись сбросами из небольших степных озер, сейчас почти исчезнувших. Западнее Научного Городка чудом сохранилось реликтовое озеро Куликово. Кроме этого, старожилы с. Гоньба рассказывали о подобных озерах на водоразделе р. Середчихи / Ляпихи и Оби (бывшее село Абакша), от которых сейчас остались небольшие низинки. Учитывая сказанное, можно предварительно реконструировать условия, которые привлекали в этот регион древних кочевников.

1. Обширные пространства пойм и степных участков плато, пригодных для выпаса скота в различные периоды годового цикла. Лога, выходящие в долину Оби, позволяли контролировать выпас с возвышенных участков; степные озера, ручьи и родники, а также реки, старичные озера и протоки являлись постоянными источниками воды. Особенности исследованных памятников свидетельствуют об их сезонном (летнем) характере. Все исследованные объекты представлены преимущественно хозяйственными ямами и остатками навесов. Культурный слой достаточно беден, что также подтверждает временный характер поселений.

2. Богатые биоресурсы как степной, так и пойменной зоны. Они содержат многочисленные съедобные растения (наиболее известные из 40 видов: черемуха, облепиха, крыжовник, смородина красная и черная, шиповник, рябина, ежевика, малина, черника, клубника, земляника, калина, брусника, костяника, клюква, аир болотный, саранка, дикий лук (вшивик, слизун), щавель и др.), а также лекарственные растения (наиболее известные из 350 видов: душица обыкновенная, чебрец, мята перечная, кровохлебка аптечная, тысячелистник обыкновенный, тмин обыкновенный, горец змеиный, пижма обыкновенная, дурман обыкновенный, плаун булавовидный, адонис весенний, горечник Морисона, тимьян ползучий, бессмертник песчаный, девясил высокий, алтей лекарственный, синюха лазурная, зверобой продырявленный, аир болотный, вахта трехлистная (Растительный покров..., 1985)). Подтверждением активного использования в раннем железном веке растительных ресурсов региона является существенное количество зернотерок, которые встречаются на каждом поселении. Поскольку свидетельств существования земледелия в тот период времени в Барнаульском Приобье пока не известно, следует предположить активную переработку продуктов собирательства. Достаточно богат и животный мир характеризуемого региона. Согласно териографической карте Барнаульское Приобье находится на стыке следующих группировок млекопитающих равнин: лесные боровые, лесопольные (березовые и осино-березовые), долинские и пойменные (район пойм крупных равнинных рек). Представлены следующие промысловые (мясные и пушные) виды: лось, косуля, лисица, корсак, рысь, волк, медведь, заяц-беляк, суслик, хомяк, сурок, барсук, белка-телеутка, бурундук, колонок, хорь, горностай, выдра, водяная крыса, норка, бобр азиатский. Достаточно боровой и водоплавающей птицы: глухарь, тетерев, белая и серая куропатка, рябчик, большая горлица, перепел, коростель, дупель, большой кроншнеп, большой веретенник, погоныш, кряква, чирок-свистунок, шилохвость, свистуха, бекас, журавль. Очень богаты в регионе ихтиоресурсы. Достаточно указать то, что на отрезке Оби в районе поворота русла на запад ранее находились зимовальные ямы осетра и стерляди, а также их основные нерестилища. В Оби и ее протоках водятся плотва, окунь, щука, язь, налим, карась и линь, пескарь, ерш, а раньше достаточно часто встречался таймень (Алтайский край. Атлас, 1978, с. 208–211). Кости диких животных и рыбы — обычные находки на поселениях раннего железа. Например, на левобережном памятнике Турина Гора-II обнаружены остеологические материалы от лося, косули, медведя, волка, лисицы, колонка, птиц и многих рыб (Тишкин, Косинцев, 2000, табл. 1). На правобережном Поселении 1 Малого Гоньбинского Кордона-I найдены кости лося, благородного оленя, косули, кабана, барсука, лисы, волка и разной рыбы (Кунгуров, Кунгурова, 2018, с. 31, табл. 3). Обычны также находки керамических и каменных рыболовных грузил.

3. Удобные транспортные коридоры: зимние (долины рек) и летние (водоразделы) вдоль небольших рек, текущих с юго-запада на северо-восток и образующих ленточные боры Приобского плато.

Таким образом, фиксируемое скопление поселений раннего железного века на рассмотренном участке левобережья Барнаульского Приобья находит достаточно обоснованное объяснение. Остается осу-

шествить исследования для детальной культурно-хронологической идентификации объектов раннего железного века данного региона. Предварительное изучение показало то, что до рубежа VI / V вв. до н.э. поселения на обоих берегах Оби в Барнаульском Приобье являлись староалейскими (Цветы Алтая-1-3, Береговая улица, Логовские Горы-1-5, Новоалтайское поселение, поселения Фирсовского археологического микрорайона). В V-IV вв. до н.э. происходило смешивание разных традиций (Турина Гора-I), а основная масса поселений IV-II вв. до н.э. на обоих бортах долины Оби могут быть отнесены к каменной культуре (Турина Гора-II, Поселения 1 МГК-I и др.). Дальнейшее изучение материалов раскопанных и вновь исследованных памятников позволит более четко и обоснованно реконструировать намеченные процессы культурно-хозяйственного освоения Барнаульского Приобья в раннем железном веке.

Список источников

- Авраменко В.И., Позднякова О.А. Итоги разведки 2000 г. на территории Барнаула // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. Барнаул, 2001. С. 126-129.
- Авраменко В.И., Фролов Я.В. Новые находки эпохи раннего железа с территории г. Барнаула // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VIII. Барнаул, 1997. С. 181-184.
- Алтайский край. Атлас. Т. 1. М.; Барнаул, 1978. 222 с.
- Бородаев В.Б. Археологические памятники в районе г. Барнаула // 250 лет горного производства на Алтае. Барнаул, 1977. С. 3-9.
- Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л. Новые материалы к археологической карте Барнаульского Приобья // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 73-92.
- Кирюшин Ю.Ф., Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л. Археологические памятники на территории Барнаула // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983. С. 7-30.
- Кунгуров А.Л. Памятники археологии Первомайского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV. Барнаул, 2006. С. 327-385.
- Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Усть-Алейка-2 в Алтайском крае // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история): 2017 год. Вып. 13. Горно-Алтайск, 2018. С. 42-50.
- Кунгуров А.Л., Кунгурова О.Ф. Поселение 1 археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-I в Барнаульском Приобье (по исследованиям 1988 г.) // Теория и практика археологических исследований. 2018. №3 (23). С. 22-40.
- Кунгуров А.Л., Сингаевский А.Т. Памятники раннего железного века в устьевой зоне р. Алей // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV. Барнаул, 2006. С. 255-260.
- Лузин С.Ю., Тишкин А.А. Курганный могильник Казенная Займка-I // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 149-161.
- Растительный покров Западно-Сибирской равнины / И.С. Ильина, Е.И. Лапшина, Н.И. Лавренко и др.; отв. ред. В.В. Воробьев, А.В. Белов. Новосибирск, 1985. 250 с.
- Сингаевский А.Т. Памятники раннего железного века на территории Барнаула // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV. Барнаул, 2006. С. 273-279.
- Тишкин А.А., Косинцев П.А. Турина Гора-II — аварийный археологический объект на территории г. Барнаула // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул, 2000. С. 184-188.
- Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П. Аварийный памятник Усть-Алейка-Клуб в Калманском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия. Вып. XIV. Барнаул, 2005. С. 189-196.
- Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Комплекс аварийных археологических памятников близ Туриной Горы // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 106-110.
- Тишкина Т.В. Характеристика керамического комплекса Турина Гора-I (по материалам аварийных раскопок) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VII. Барнаул, 1996. С. 147-150.

Информация об авторах / Information about the Authors

Артур Леонидович Кунгуров, Алтайский государственный университет; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0009-0003-2291-1729>, artur.kungurov@mail.ru

Artur L. Kungurov, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0009-0003-2291-1729>, artur.kungurov@mail.ru

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеелогии, заведующий кафедрой, Отдел сопровождения НИОКР, главный научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department, R&D Support Department, Chief Scientific Officer; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.

Научная статья / Article

УДК: 902(571.150)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.50

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ БЕРЕЗОВАЯ ЛУКА ЭПОХИ БРОНЗЫ (Лесостепной Алтай)

Валентина Евгеньевна Приходько¹, Елена Григорьевна Пивоварова²,
Любовь Максимовна Полянская³, Евгений Петрович Rogozin⁴, Алексей Алексеевич Тишкин⁵

¹Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, Пушкино, Россия

²Алтайский государственный аграрный университет, Барнаул, Россия

³Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

⁴Киевский национальный университет им. Т.Г. Шевченко, Киев, Украина

⁵Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Проведено комплексное изучение хорошо сохранившегося культурного слоя уникального поселения Березовая Лука (возрастом ~4000 лет) и палеопочвы (2400 лет) в пойме р. Алей Алтайского края. В культурном слое накапливались P (фосфор) и K (калий), что обусловлено тысячами останков животных. В нем и палеопочве доминируют бактерии среднего и мелкого размера <0,43 мкм (80%), способствующие их выживаемости при недостатке влаги и питательных веществ. Спор грибов (26%) в культурном слое в три раза больше, чем в палеопочве (метод люминесцентной микроскопии). С рудой и шлаком от производства бронзы и от керамики в культурный слой поступали As, Cr, Pb, Cd, S, Zn и Mn, превышающие кларк литосферы, что могло влиять на здоровье людей. Согласно палинологическим данным климат был благоприятен для проживания «елунинцев». Это подтверждают и геохимические индексы выветривания и биологической активности. Климат был влажнее 2400 лет тому назад, на это указывает увеличение количества пыльцы разнотравья и уменьшение ксерофитов, появление кедра.

Ключевые слова: Лесостепной Алтай, эпоха бронзы, древнее поселение, палинология, микробные сообщества, поллютанты, палеопочва

Благодарности: работа выполнена по теме Государственного задания №0191-2019-0046 «Развитие почв в условиях меняющегося климата и антропогенных воздействий».

Для цитирования: Приходько В.Е., Пивоварова Е.Г., Полянская Л.М., Rogozin Е.П., Тишкин А.А. Комплексное изучение поселения Березовая Лука эпохи бронзы (Лесостепной Алтай) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. унт-та, 2023. С. 242–246.

COMPLEX STUDY OF BEREZOVAYA LUKA SETTLEMENT OF THE BRONZE AGE (Forest-Steppe Altai)

Valentina E. Prikhodko¹, Elena G. Pivovarova², Lyubov M. Polyanskaya³,
Evgeny P. Rogozin⁴, Alexey A. Tishkin⁵

¹Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science RAS, Pushchino, Russia

²Altai State Agricultural University, Barnaul, Russia

³Faculty of Soil Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

⁴Kyiv National University named after T.G. Shevchenko, Kyiv, Ukraine

⁵Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. Comprehensive study of the well-preserved cultural layer (CL) of the Berezovaya Luka unique settlement (~4000 ka BP) and paleosols (2.4 ka BP) in the river Alley floodplain of the Altai Kray was done. P and K accumulate in CL due to thousands of animal remains. In CL and paleosol dominate bacterial cells of medium and small size <0,43 μm (using nuclear filters), reaching 80%, contributing to their survival in the lack of moisture and nutrients; fungal spores (26%) CL is 3 times more than in paleosol (luminescent microscopy). As, Cr, Pb, Cd, S, Zn, Mn are concentrated in CL with slag and ore from bronze production and ceramic fragments, exceeding the lithosphere clark, which could affect people's health. According to palynological data, the climate was favorable for the Elunites etnos. This is also confirmed by geochemical indices of weathering and biological activity. 2.4 ka BP the climate was wetter, this is indicated by increase in forbs pollen, decrease in xerophytes, appearance of cedar.

Keywords: Forest-Steppe Altai, Bronze Age, ancient settlement, palynology, microbial communities, pollutants, paleosol

Acknowledgments: the work was carried out within the framework of the State assignment No 0191-2019-0046 "Soil Development in a Changing Climate and Anthropogenic Impacts"

For citation: Prikhodko V.E., Pivovarova E.G., Polyanskaya L.M., Rogozin E.P., Tishkin A.A. Complex Study of the Berezovaya Luka Settlement of the Bronze Age (Forest-Steppe Altai) // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 242–246.

Введение. Междисциплинарное изучение археологических памятников важно для реконструкции природной среды и хозяйственной деятельности древнего населения. Однако таких исследований в Лесостепном Алтае проводилось мало. Памятник елунинской культуры Березовая Лука имеет хорошую сохранность культурного слоя, который насыщен археологическим материалом. Изучены остатки пяти жилищ, исследовано около 1000 столбовых и хозяйственных ям, более 10 зольников, несколько очагов и построек (Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011).

В культурном слое доминируют костные останки животных, фрагменты керамических сосудов, каменные, костяные и металлические предметы, свидетельства бронзолитейного и другого домашнего производства. Люди в основном занимались животноводством. Среди обилия костей 99% принадлежит домашним особям. Преобладал мелкий рогатый скот, меньше было лошадей и крупного рогатого скота. Охота, рыболовство и собирательство играли вспомогательную роль. Из камней и костей изготавливались скребки, скребла, бифасы, дисковидные изделия, грузила, наковальни, абразивы и др. Выявлены остатки металлургического производства (кусочки руды, шлаки, сплески металла, обломки изделий). В качестве тиглей для выплавки металла могли использовать керамическую посуду. Изучены и другие разные археологические памятники елунинской культуры периода ранней бронзы: Колыванское-I, Павловка-I, Елунинский грунтовый могильник, Цыганкова Сопка-II, Телеутский Взвоз-I и др. (Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 40–61; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 51–71; Кирюшин и др., 2013, с. 103; и др.). Они создают хорошую основу для междисциплинарных исследований.

Цель публикации — представить результаты комплексного изучения культурного слоя поселения Березовая Лука и зафиксированной палеопочвы и сравнение их с современными аналогами для реконструкции природных условий.

Объекты исследования. Поселение Березовая Лука существовало в диапазоне 3,7–4,1 ka BP (^{14}C кал. 1 σ). Оно находится на берегу Алея (бассейн р. Оби), в 500 м от с. Безголосово Алейского района Алтайского края, в лесостепи. Координаты памятника — 52°24.337' N; 85°42.876' E. Высота над уровнем моря 255 м. В двух разрезах глубиной 4,5 м был изучен культурный слой древнего поселения мощностью 17–22 см, залегающий ниже 3 м. Пробы культурного слоя брались каждые 4 см. Также изучалась аллювиальная дерновая почва, сформировавшаяся над культурным слоем. Ее возраст (2370±90 ка кал. BP) был определен по гуминовым кислотам (Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2011, с. 51–71). Пробы фоновой почвы брались из разреза за пределами поселения на той же глубине, как распространен культурный слой.

Средняя температура января в рассматриваемом регионе достигает –17,6 °C, июля — +20,3 °C, годовое количество осадков составляет 440 мм (<https://ru.wikipedia.org/wiki/16.01.2019>)

Методы исследований. Почвенные анализы выполнены общепринятыми методами в Центре коллективного пользования Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН (г. Пущино, Россия). Содержание подвижного фосфора (P) определяли по Мачигину, Сорг — по Тюрину, CO₂ карбонатов — титриметрически, гранулометрический состав — пирофосфатным методом, валовое количество 27 макро- и микроэлементов — методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии на спектроскане МАКС-GV (исполнитель к.б.н. П.И. Калинин). Для характеристики бактерий и микроскопических грибов использовался метод прямой люминесцентной микроскопии. Для подсчета бактерий препараты окрашивали раствором акридина оранжевого, а для учета спор и мицелия грибов — калькофлуором белым. Для определения размеров бактерий применили метод «каскадной» фильтрации, пропускавая препараты из почв последовательно через фильтры с диаметром пор: 1,85; 1,45; 0,43; 0,38; 0,23 и 0,2 мкм. Подробнее методы описаны в одной из публикаций (Polyanskaya et al., 2016, p. 1123). Выполнен палинологический анализ палеопочвы и двух проб культурного слоя. Привлекались также данные такого же анализа, подготовленные С.Н. Бабенко для рецентного и двух проб культурного слоя (Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 150–173).

Результаты и обсуждение. Гранулометрический состав культурного слоя поселения Березовая Лука суглинистый, содержание Сорг в 4 раза меньше (0,4%), чем в палеопочве (1,4%). Накопление в культурном слое подвижного и валового количества фосфора (P), превышающее в 3–6 раз данные по фоновой почве, а также содержание калия (K) и стронция (Sr) отражают интенсивность их поступления из останков животных.

Со шлаком и рудой бронзолитейного производства поступали в культурный слой поллютанты 1 и 2 класса опасности: As (мышьяк), Pb (свинец), Cr (хром), Cd (кадмий), S (сера), в меньшей степени Zn (цинк) и Mn (марганец). Кроме того, ряд элементов (As, Cr, Pb) и меньше Zn обогащали культурный слой за счет разрушения обилия фрагментов керамики и остатков глины для ее изготовления. На источники этих элементов указывает состав руды, шлака и керамики (Григорьев, 2011, с. 148–151). На-

копление данных элементов превышает кларк литосферы и фоновое значение. В современных почвах выявлено большее, чем кларк, накопление As и Zr, но оно меньше, чем в культурном слое, и обусловлено природной аномалией региона, отмечаемой ранее (Ельчиногова, 2009, с. 100–120). Обогащение культурного слоя указанными элементами не достигает величин, опасных для здоровья людей, но для As приближается к нему, что могло оказывать отрицательное влияние на здоровье «елунинцев». Немного большие величины ряда геохимических индексов выветривания (Si/Al, Al/Ca+Mg+Na+K, K/Zr) и близость коэффициентов биологической активности (Mn/Sr, Mn/Al, Mn/Fe) в культурном слое по сравнению с современной почвой указывают на благоприятные условия выветривания и выщелачивания подвижных элементов.

Жизнеспособной биомассы бактерий и мицелия грибов, определенных с помощью люминесцентного микроскопа, в культурном слое меньше, чем в палеопочве. Особенностью культурного слоя является накопление биомассы спор грибов (0,14 мг/г), в 6 раз большее, чем в палеопочве, достигающее 26% общей микробной биомассы (в палеопочве всего 3%). Это обусловлено насыщенностью культурного слоя органическими продуктами жизнедеятельности древних людей. Методом «каскадной фильтрации» на ядерных фильтрах показано, что в палеопочве и культурном слое среди бактерий доминируют клетки среднего и мелкого размера диаметром <0,43 мкм, составляющие до 80% от общего их количества. Это служит способом их приспособляемости к недостатку влаги, кислорода и некоторых питательных элементов при погребении. Обогащение культурного слоя спорами грибов отмечалось ранее (Марфенина, Горбатовская, Горленко, 2001, с. 855).

В палиноспектрах культурного слоя поселения Березовая Лука найдено немного меньше пыльцы деревьев, чем в субрецентной пробе, за счет исчезновения пыльцы пихты и ивы, а в одной пробе — берез. Содержание пыльцы сосны обыкновенной близко в культурном слое и фоновом образце. Сосны (а также мелколиственные породы — березы) продуцируют пыльцу в большом количестве, она хорошо сохраняется и переносится на большие дистанции. То же можно сказать и о пыльце влаголюбивой ели, которой встречено мало в наших пробах.

Согласно палинологическим данным при функционировании поселения Березовая Лука климат был близок к современному. Об этом свидетельствует увеличение пыльцы разнотравья богатого состава, некоторое уменьшение пыльцы ксерофитов (полыни), накопление спор грибов, несмотря на небольшое сокращение палиноморф древесных пород в культурном слое по сравнению с фоновой пробой. В период формирования культурного слоя растительный покров был представлен злаково-разнотравной степью с наличием лугового разнотравья и березовыми лесами с папоротниками и мхами в наземном покрове. Светлые сосновые массивы, судя по небольшому участию их пыльцы, находились относительно далеко от поселения. Возможно, как и сейчас, их пыльца распространялась из Барнаульского ленточного бора, находящегося в 55 км от археологического объекта. Обводненные участки локализовались вблизи поселения. Травянистые ценозы не испытывали дефицита влаги, на это указывает обнаружение в культурном слое пыльцы влаголюбивых видов: осоковых и ежеголовника (рогоз), а также ольхи и спор грибов. Наличие пыльцевых зерен крапивы (Urticaceae) и гречишных (Polygonaceae) может быть объяснено хозяйственной деятельностью этноса. Воздействие человека на растительность проявилось в усилении роли сорняков: цикориевых (Cichorioideae), астровых (Asteroideae) и маревых (Chenopodiaceae), достигающих 47 и 62% (в фоне их 27%). Ранее в культурных слоях поселений отмечено накопление палиноморф этих семейств (Huang et al., 2018, p. 6630).

Судя по палинологическим данным палеопочвы, погребенной более 2400 лет тому назад, увлажненность климата была несколько больше современной. На это указывают появление кедра (*Pinus sibirica*), расширявшиеся ареалы разнотравья и мезофитов, сокращение локусов ксерофитов семейства полыней в палеопочве по сравнению с фоновым аналогом.

Анализ палеоклимата в период ранней бронзы на территории Алтая и сопредельных регионов. Для Лесостепного Алтая мало данных об эволюции окружающей среды и климате голоцена. Для Алтайских гор таких сведений больше. Реконструирован климат на основе характеристики ледников, уровня озер, дендрохронологии, свойств палеопочв гор Алтая с 54 радиоуглеродными датами. В фазу 4,9–4,2 ka BP было холодно и влажно, зафиксированы максимальные размеры ледников, превышавшие современные (Agatova et al., 2012, p. 74–88). Для Курайской впадины Алтая палинологическим методом выявлено, что климат 4,4 ka BP был теплый и влажный, исчезли широколиственные деревья, расширились болота и ареалы лиственницы в кедрово-сосновых лесах с пихтой (Ненашева, 2013, с. 115–120).

Изучены палеопочвы отложений в межгорном озере Тере-Холь на Саяно-Тувинской возвышенности. Установлено, что климат в период 6,25–3,8 кал. ka BP был относительно аридный, происходило

понижение уровня озера и усиление криогенных процессов. Следующий этап (3,8–2 ка кал. ВР) был влажнее (Bronnikova et al., 2014, p. 99–105). На основе палинологии отложений оз. Тере-Холь зафиксированы засушливые и холодные условия в период с 4,5 по 3,2 ка ВР (Болиховская, Панин, 2008, с. 71). Спорово-пыльцевые спектры торфа болота Луговое урочища Ергаки Западного Саяна показали, что на протяжении длительного времени, с 5,1 по 2,7 ка ВР, росли березовые леса и сформировалась березовая лесостепь на месте современных черневых хвойных лесов, а климат был засушливее современного (Blyakharchuk, Chernova, 2013, p. 31). С помощью изучения палиноспектров и диатомей с AMS-датами отложений Телецкого озера установлено снижение тепло-влагообеспеченности в фазу 3,9–3,6 ка ВР, тогда доминировали степные ассоциации с полынью, маревыми и осоками с минимумом лесов (Rudaya et al., 2016, p. 15–20). Палиноспектры осадков озер Минусинской котловины выявили влажный и холодный климат в период 4,6–4,1 ка ВР, влажный и теплый — 4,3–3,9 ка ВР (Dirksen, van Geel, Koulikova, 2007, p. 1103). В лесном поясе Улуг-Хемской котловины в разрезе Сесерлиг-1 при изучении черноземной лесостепной палеопочвы в слое с датой 4,1 ка ВР установлен умеренно теплый и влажный климат, а в интервале до 2,7 ка ВР происходило чередование степных и лесных условий, связанных с колебаниями тепла и влаги (Дергачева, Очур, 2012, с. 9, 11).

Анализ палинологических данных осадков из 30 озер Алтае-Саянской горной страны и сопредельных регионов показал значительный разброс параметров климата голоцена. Установлен тренд постепенного потепления с ~12 до ~9 ка ВР и последующая тенденция похолодания. Тренд возрастания увлажнения климата в течение голоцена являлся результатом комбинированного снижения температуры и увеличения осадков, что в основном было обусловлено климатическими событиями в Северной Атлантике (Zhang, Feng, 2018, p. 847).

Различия флуктуации климата в высокогорьях и низкогорьях Алтая зафиксированы по палинологическим данным для отложений межгорного оз. Канас и обобщенных сведений для осадков 14 озер высокогорного Алтая. В горах Алтая максимум распространения лесов отмечался в период 10–7 ка ВР, затем из-за похолодания климата их площади уменьшались, а в низкогорьях и равнинных территориях Алтая оптимум для лесов отмечен в среднем и позднем периодах голоцена (Huang et al., 2018, p. 6628).

Период 4,2–3,8 ка ВР считается аридным, и он проявлялся в глобальном масштабе. Анализ обширных данных об изменчивости климата «эпизода 4,2» ка ВР по сезонам для Евразии выявил, что зимой был холодный климат по всей территории, а количество осадков различалось от повышенного до пониженного в различных районах. Выдвинута гипотеза, что это вызвано расширением Сибирского антициклона, который блокировал западные ветры, поставлявшие влагу (Perşoiu, Ionita, Weiss., 2019, p. 555). Аналогичный вывод о региональной неоднородности климата в фазу 4,3–3,8 ка ВР был сделан для Средиземноморья (Vini et al., 2019. p. 1).

Заключение. Таким образом, благоприятная природная обстановка, близость реки и озера обуславливали функционирование елунинскому населению и высокую кормовую емкость лугов для животноводства. Использование бронзолитейного и гончарного производств способствовало развитию хозяйственно-культурного центра в период ранней бронзы в регионе, загрязненность культурного слоя поллютантами 1 и 2 класса опасности могло оказывать отрицательное влияние на здоровье и поведенческие функции этноса.

Список источников

- Болиховская Н.С., Панин А.В. Динамика растительного покрова Терехольской котловины (Юго-Восточная Тува) во второй половине голоцена // Палинология: стратиграфия и геоэкология. СПб., 2008. Т. II. С. 69–75.
- Григорьев С.А. Шлаки с поселения Березовая Лука и проблемы металлургии елунинской культуры // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2011. Т. II. С. 143–160.
- Дергачева М.И., Очур К.О. Реконструкция изменений природной среды в течение голоцена на территории Центрально-Тувинской котловины // Вестник Томского гос. ун-та. Биология. 2012. №1. С. 5–17.
- Ельчинонова О.А. Биогеохимические аспекты экологической оценки наземных экосистем Алтая. Барнаул, 2009. 142 с.: ил.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. II. Барнаул, 2011. 165 с.: ил.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко Ю.Ф., Тишкин А.А. Березовая Лука — поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. I. Барнаул, 2005. 288 с.: ил.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Шайхутдинов В.М. Особенности металлургического производства елунинской культуры (по материалам изучения ошлакованной керамики с поселения Павловка-I) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №1 (7). С. 103–111.

Марфенина О.Е., Горбатовская Е.В., Горленко М.В. Микологическая характеристика культурных слоев почв древнерусских поселений // Микробиология. 2001. №6. С. 855–859.

Ненашева Г.И. Растительность и климат голоцена межгорных котловин Центрального Алтая. Барнаул, 2013. 164 с.: ил.

Agatova A.R., Nazarov A.N., Nepop R.K., Rodnight H. Holocene Glacier Fluctuations and Climate Changes in the Southeastern Part of the Russian Altai (South Siberia) Based on a Radiocarbon Chronology // Quat. Sci Rev. 2012. V. 43. P. 74–93.

Bini M., Zanchetta G., Perşoiu A. et al. The 4.2 ka BP Event in the Mediterranean Region: an Overview // Clim. Past. 2019. V. 15. Pp. 555–577.

Blyakharchuk T.A., Chernova N.A. Vegetation and Climate in the Western Sayan Mts according to Pollen Data from Lugovoe Mire as a Background for Prehistoric Cultural Change in Southern Middle Siberia // Quat. Sci Rev. 2013. V. 75. P. 22–42.

Bronnikova M., Panin A., Uspenskaya O., Fuzeina Y., Turova I. Late Pleistocene–Holocene Environmental Changes in Ultra-Continental Subarid Permafrost-Affected Landscapes of the Terekhol' Basin, South Siberia // Catena. 2014. V. 112. Pp. 99–111.

Dirksen V.G., van Geel B., Koulikova M.A. Chronology of Holocene Climate and Vegetation Changes and Their Connection to Cultural Dynamics in Southern Siberia // Radiocarbon. 2007. V. 49 (2). Pp. 1103–1121.

Huang X., Peng W., Rudaya N. et al. Holocene Vegetation and Climate Dynamics in the Altai Mountains and Surrounding Areas // Geophysical Research Letters. 2018. V. 45. Pp. 6628–6636.

Perşoiu A., Ionita M., and Weiss H. Atmospheric Blocking Induced by the Strengthened Siberian High Led to Drying in West Asia during the 4.2 ka BP Event — a Hypothesis // Climate Past. 2019. V. 15. Pp. 781–793.

Polyanskaya L.M., Prikhod'ko V.E., Lomakin D.G., and Chernov I.Yu. The Number and Biomass of Microorganisms in Ancient Buried and Recent Chernozems under Different Land Uses // Eurasian Soil Science. 2016. V. 49. No 10. Pp. 1122–1133.

Rudaya N., Nazarova L., Novenko E. et al. Quantitative Reconstructions of Mid- to Late Holocene Climate and Vegetation in the North-Eastern Altai Mountains Recorded in Lake Teletskoye // Global and Planetary Change. 2016. V. 141. Pp. 12–24.

Zhang D., Feng Z. Holocene Climate Variations in the Altai Mountains and the Surrounding Areas: A Synthesis of Pollen Records // Earth-Science Reviews. 2018. V. 185. Pp. 847–869.

Информация об авторах / Information about the Authors:

Валентина Евгеньевна Приходько, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, ведущий научный сотрудник; 142290, Россия, Московская обл., г. Пущино, ул. Институтская, 2, доктор биологических наук, <https://orcid.org/0000-0003-3811-3601>, kpve00@mail.ru

Valentina E. Prikhodko, Institute of Physicochemical and Biological Problems in Soil Science RAS, Leading Research Scientist; 142290, Russia, Moscow Region, Pushchino, Institutskaya Str., 2, Doctor of Biology, <https://orcid.org/0000-0003-3811-3601>, kpve00@mail.ru

Любовь Максимовна Полянская, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет почвоведения, профессор; 119991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1, стр. 12, доктор биологических наук, <https://orcid.org/0000-0003-3811-3601>, lpolyanskaya@mail.ru

Lyubov M. Polyanskaya, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Soil Science, Professor; 119991, Russia, Moscow, Leninskiye Gory, 1, building 12, Doctor of Biology, <https://orcid.org/0000-0003-3811-3601>, lpolyanskaya@mail.ru

Евгений Петрович Рогозин, Киевский национальный университет им. Т.Г. Шевченко, научный сотрудник; 01601, Украина, г. Киев, ул. Владимирская, 60, кандидат биологических наук, <https://orcid.org/0000-0002-1071-9225>, rohazin@gmail.com

Evgeniy P. Rogozin, Taras Shevchenko National University, Researcher; 01601, Ukraine, Kyiv, Vladimirska Str., 60, Candidate of Biology, <https://orcid.org/0000-0002-1071-9225>, rohazin@gmail.com

Елена Григорьевна Пивоварова, Алтайский государственный аграрный университет, кафедра почвоведения и агрохимии, профессор; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Красноармейский, 73, доктор сельскохозяйственных наук, <https://orcid.org/0000-0002-1715-6672>, pilegri@mail.ru

Elena G. Pivovarova, Altai State Agrarian University, Department of Soil Science and Agrochemistry, Professor; 656049, Russia, Barnaul, Krasnoarmeisky Ave., 73, Doctor of Agriculture, <https://orcid.org/0000-0002-1715-6672>, pilegri@mail.ru

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.

ДРЕВНЕЙШЕЕ, ДРЕВНЕЕ И СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСКУССТВО ЕВРАЗИИ. ИЗВАЯНИЯ

Научная статья / Article

УДК: 7.031.1:903.27(235.226)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.51

ГРУППОВЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ СТИЛИЗОВАННЫХ ОЛЕНЕЙ В ГОРАХ МОНГОЛЬСКОГО АЛТАЯ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Варенов Андрей Васильевич

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Резюме. Статья посвящена интерпретации петроглифов в стиле оленных камней из Монгольского Алтая. Идея исследования заключается в том, что оленные камни и наскальные изображения отражали одни и те же представления. Каждый оленный камень монголо-забайкальского стиля олицетворял первопредка воздвигшего его древнего коллектива (племени?) и одновременно его вселенную (макрокосм). Отдельные фигуры оленей соответствовали входившим в данный коллектив социальным (скорее всего, родовым) группам. Если создавшее оленные камни общество имело дуально-экзогамную родовую организацию, то количество оленей (каждый из которых символизировал отдельный род) в группах на скальных плоскостях должно быть четным, а часто и кратным четырем. В статье даны примеры и интерпретации наскальных композиций с четырьмя, шестью, десятью и двумя оленями в подтверждение наших предположений.

Ключевые слова: Монгольский Алтай, петроглифы в стиле оленных камней, интерпретация

Для цитирования: Варенов А.В. Групповые изображения стилизованных оленей в горах Монгольского Алтая и их интерпретация // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 247–252.

GROUP CARVINGS OF STYLIZED DEER IN THE ROCK ART OF MONGOLIAN ALTAI AND THEIR INTERPRETATION

Andrey V. Varenov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the interpretation of deer stone style petroglyphs from Mongolian Altai. The plan of the research is that deer stones and rock carvings of deer reflected the same ideas. Each deer stone of Mongolian-Trans-Baikal style symbolized the ancestor of the ancient tribe and at the same time the Universe of that tribe. Figures of deer covering the surface of the statue corresponded to social groups (clans) comprising the tribe. If the society that created deer stones had a dual-clan exogamic structure, the number of deer depicted (each of which symbolized a clan) on rock surfaces should be even and often divisible by four. The article gives examples and interpretations of rock carvings with four, six, ten and two deer to confirm our suppositions.

Keywords: Mongolian Altai, deer stone style petroglyphs, interpretation

For citation: Varenov A.V. Group Carvings of Stylized Deer in the Rock Art of Mongolian Altai and their Interpretation // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing house of Altai University, 2023. P. 247–252.

Оленные камни, как явствует из их названия, покрыты изображениями оленей. Все они по особенностям нанесенных на поверхности фигур животных делятся на три типа: I — монголо-забайкальские (олени изображены с очень длинными изогнутыми телами и клювообразными мордами), II — саяно-алтайские (олени стоят на прямых вытянутых ногах — так называемая «поза на цыпочках»), III — общеевразийские (без изображений оленей) (Новгородова, 1989, с. 185). Датируется культура оленных камней в целом 1-й половиной, а камни монголо-забайкальского стиля — 1-й третью I тыс. до н.э. (Савинов, 1994, с. 110–113). Такие же рисунки животных, как и на оленных камнях, встречаются среди петроглифов, причем ареал их распространения шире, чем у оленных камней.

Первым серьезное внимание на изучение наскальных изображений в стиле оленных камней обратил Д.Г. Савинов. Он имел в виду «своеобразный и яркий изобразительный канон, представленный на оленных камнях монголо-забайкальского типа, для которого характерны изображения оленей с плавно очерченным туловищем и треугольным выступом на спине; клювообразной мордой с листовидным

ухом и большим округлым глазом <...>; ветвистыми, вытянутыми вдоль всей спины рогами» (Савинов, 1990, с. 174). Такие изображения, помимо Монголии, были ему известны в Забайкалье, Туве, Горном Алтае и в Казахстане. Но подлинным заповедником петроглифов в стиле оленных камней остаются горы Монгольского Алтая, что блестяще подтвердила международная экспедиция под руководством В.Д. Кубарева, Д. Цэвэндоржа и Э. Якобсон. Результатом ее работы стали две монографии (Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2005; Кубарев, 2009). В данной статье используются прорисовки петроглифов в стиле оленных камней из этих книг.

Именно в наскальных изображениях оленей многие исследователи видели истоки традиции создания оленных камней монголо-забайкальского стиля и специфики их декоративного оформления (Новгородова, 1989, с. 170, 226, 232; Савинов, 1994, с. 122, 141; Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2011, с. 57, 62). Этой же точки зрения придерживался и В.Д. Кубарев со своими соавторами (Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2005, с. 59). Специфика петроглифов, которую неоднократно подчеркивали при сравнении их с оленными камнями, заключается в организации изобразительного пространства (Савинов, 1994, с. 122). «На скале, в отличие от каменной стелы, имелось, как правило, достаточно места для более свободного размещения фигур» (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2011, с. 60). «Границы скальных плоскостей, в отличие от поверхности изваяний, гораздо менее ограничены, что давало возможность носителям традиции и авторам петроглифов гораздо свободнее воспроизводить содержание, заложенное в отдельные фигуры животных и многофигурные композиции с их участием» (Черемисин, 2012, с. 311). Парадокс данного положения заключается в том, что на «ограниченном пространстве поверхности изваяний» их создатели ухитрились размещать по несколько десятков фигур оленей, добиваясь эффекта «коврового узора» (Савинов, 1994, с. 121). А на скальных плоскостях стилизованные олени встречаются единично или небольшими группами по две-три-четыре особи, максимум до десяти голов.

Объяснение этого противоречия нам видится в обращении к семантике оленного камня и покрывающих его фигур стилизованных оленей. Еще 40 лет назад Э.А. Новгородова писала, что структура оленного камня, связь трех его частей (разделенных линиями ожерелья и пояса) передает «суть строения вселенной», а «сам монумент — гимн предку, давшему жизнь потомкам» и «большее место и роль на нем отводится тотемному образу — оленю» (Новгородова, 1984, с. 109). Отсюда остается всего один шаг до вывода, что если олень — это тотем древнего коллектива, то отдельные его изображения на стеле-макрокосме соответствуют образующим данный коллектив социальным группам, скорее всего, носящим родовой характер, поскольку космология древнего общества, как правило, соответствует его социологии (Варенов, 2016, с. 210). Предложенная нами ранее рабочая гипотеза заключалась в том, что создавшее оленные камни общество имело дуально-экзогамную родовую организацию, а значит, количество оленей на каждой из стел должно быть четным, а часто и кратным четырем.

Исследователи наскальных изображений Монгольского Алтая подчеркивали, что «расположение рисунков оленей в петроглифах по диагонали <...> идентично размещению их на многих оленных камнях Центральной Азии. Видимо, одинакова и семантика таких сюжетов для двух видов различных археологических памятников» (Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2005, с. 98). Если их рассуждения верны, то предложенным нами для объяснения семантики оленных камней правилам древней социологии (дуально-экзогамная родовая организация) должны соответствовать и изображения оленей на петроглифах. Эту идею мы и попробуем проверить в настоящей работе.

Группа из четырех оленей в стиле оленных камней представлена на композиции 397 памятника Хар-Салаа-IV (рис. 1.-1). Все олени обращены головами в одну сторону, вправо, у них длинные изогнутые тела с выступами (горбиками) на спинах, удлиненные морды (у передней пары более длинные и тонкие), ветвистые рога и в трех случаях из четырех — нередуцированные ноги. Фигуры оленей расположены парами друг над другом, что, на наш взгляд, прекрасно иллюстрирует идею социального объединения из четырех родов с дуально-экзогамной организацией.

Похожая группа из четырех животных представлена и на композиции 638 памятника Хаар-Салаа-VI (рис. 1.-2). Все олени на ней тоже развернуты головами вправо и расположены парами, только они выполнены не в классическом монголо-забайкальском стиле, а демонстрируют вариант оформления, переходный к саяно-алтайскому стилю. Выбитый в сходной манере олень есть и по другую сторону Монгольского Алтая, на его западном склоне, в пределах Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной республики (Варенов, 2018, с. 17, рис. 4.-3).

Группы из четырех стилизованных оленей встречены еще в нескольких пунктах Монгольского Алтая. Это композиции 631 из Хар Салаа-VI (представлены безрогие олени, т.е. самки), 1148 из Цагаан-Гол (правый берег) (представлены два самца и две самки) и 1300 из Цагаан-Гол (левый берег) (пред-

Рис. 1. Стилизованные олени Монгольского Алтая: 1 — композиция 397, Хар Салаа-IV; 2 — композиция 638, Хар Салаа-VI. По: (1-2 — Кубарев, 2009, с. 151, 211)
Fig. 1. Stylized deer of Mongolian Altai: 1 — composition 397; Khar Salaa-IV; 2 — composition 638, Khar Salaa-VI. As per: (1-2 — Kubarev, 2009, pp. 151, 211)

ставлены четыре самца) (Кубарев, 2009, с. 208, 349, 390). На композиции 358 из Хар Салаа-IV показаны четыре выполненных в саяно-алтайском стиле стоящих друг над другом коня, обращенных головами вправо (Кубарев, 2009, с. 142). Это наиболее простые случаи групповых композиций, где количество изображенных животных кратно четырем, все они одного вида и часто одного пола.

На композиции 1276 из Цагаан-Салаа выбито шесть стилизованных оленей в так называемом «круговом движении» (рис. 2.-1). Фигуры расположены очень плотно друг к другу и показаны не целиком. У трех из них есть лишь головы и шеи, еще у трех — головы, шеи и передняя часть туловища, поэтому разобрать детали изображенного достаточно сложно. В качестве реперных точек для определения точного количества фигур оленей на этой композиции мы приняли глаза животных. В нижнем ряду находятся четыре движущихся справа налево оленя. У двух задних животных морды вытянуты вперед, влево, а у двух передних головы развернуты назад, так что их морды обращены направо, навстречу задним оленям. В верхнем ряду парциальные фигуры (только головы и шеи) еще двух оленей, обращенных мордами друг к другу.

Очевидно, что на композиции 1276 из Цагаан-Салаа нижний ряд из четырех попарно обращенных друг к другу мордами оленей олицетворяет четыре связанных между собой дуально-экзогамной организацией рода. Похоже, что два верхних оленя обозначают еще два связанных между собой экзогамных рода, входящих в ту же социальную структуру, состоящую в целом из шести родов, но занимают в ней

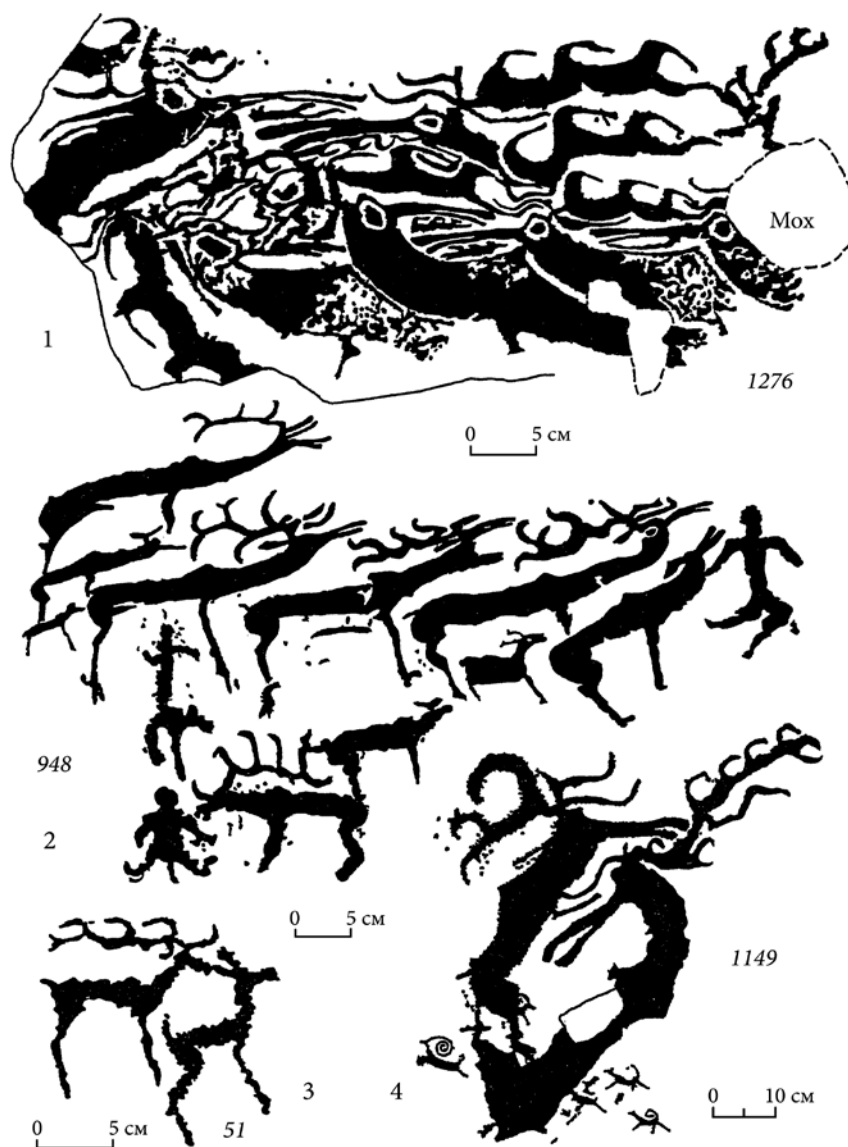

Рис. 2. Стилизованные олени Монгольского Алтая:

1 — композиция 1276, Цагаан Салаа; 2 — композиция 948, Бага Ойгур-11;

3 — композиция 51, Цагаан Салаа-1; 4 — композиция 1149, Цагаан-Гол (правый берег).

По: (1, 4 — Кубарев, 2009, с. 349, 383; 2, 3 — Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2005, с. 158, 373)

Fig. 2. Stylized deer of Mongolian Altai:

1 — composition 1276, Tsagaan Salaa; 2 — composition 948, Baga Oigor-11;

3 — composition 51, Tsagaan Salaa-1; 4 — composition 1149, Tsagaan-Gol (right bank).

As per: (1, 4 — Kubarev, 2009, pp. 349, 383; 2, 3 — Kubarev, Tsevendorj, Jakobson, 2005, pp. 158, 373)

более высокое положение, чем остальные. Композиционно похожие схемы наскальных изображений стилизованных оленей есть в горах Хэланьшань на территории Нинся-Хуэйского автономного района Китайской Народной Республики (Варенов, 2018, с. 19–22, рис. 6.-1, 7.-1–3, 8.-1–2). В ущелье Гуйтоугоу из уезда Пинло встречена плоско лежащая плитка камня размерами 23×25 см с выбитыми на ней семью стилизованными оленями. Три из этих изображений животных полные, причем одно замыкает композицию сверху, а два других — снизу, а еще четыре фигуры, расположенные между ними, — парциальные. В двух случаях показаны головы с шеями и рогами, а еще в двух — только круглый глаз и клювовидная морда. На композиции из ущелья Суюйкоу в уезде Хэлань три стилизованных оленя окружают сцену терзания: два с разных сторон сверху мордами друг к другу, а еще один замыкает ее снизу.

На композиции 948 из Бага Ойгур-11 показано десять стилизованных оленей, как с рогами, так и без рогов, т.е. как самцов, так и самок (рис. 2.-2). В верхнем ряду изображены четыре движущихся направо оленя с обращенными вперед рогатыми головами и перед ними одна безрогая самка. У них

тощие вытянутые тела, длинные прямые ноги и рога умеренной величины. Ниже самцов расположены еще четыре небольшие фигурки безрогих оленей, т.е. самок. Еще ниже обращенный головой влево самец, отличающийся по пропорциям тела и форме рогов от животных, находящихся в верхнем ряду. Рядом с его мордой выбита сидящая мужская фигура, а перед самкой из верхнего ряда — женская.

Судя по различиям в стилях изображения, сначала на композиции 948 из Бага Ойгур-II был выбит верхний ряд из пяти оленей (четыре самцов и одной самки), а потом другим мастером снизу к нему был добавлен другой ряд, также из пяти оленей, но противоположного пола. Возможно, впрочем, что первоначальными изображениями являются четыре самца из верхнего ряда и четыре самки из нижнего. Тогда самка в верхний ряд и самец в самый низ композиции были добавлены позже, в пользу чего говорит периферийное расположение последнего. Рядом с этими двумя изображениями оленей размещены соответствующие им по полу мужская и женская фигуры, ясно давая понять, что под рисунками оленей подразумеваются люди, скорее всего, целые их группы.

Наиболее многочисленны парные изображения стилизованных оленей. Они бывают как одного пола (чаще оба с рогами), так и разнополые (рис. 2.-3). По мнению Е.Г. и М.А. Дэвлет, «сочетание изображений пары оленей и олененка <...> связано с идеей воспроизводства» (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2011, с. 61). Эту особенность подметили и исследователи петроглифов Монгольского Алтая, посчитавшие, что «часто встречаемые парные разнополые изображения оленей <...> отображают извечную тему плодородия» (Кубарев, Цэвэндорж, Якобсон, 2005, с. 98). Но если для разнополых фигур животных ссылка на пресловутое «плодородие» может быть оправданной, то как тогда быть с однополыми парами оленей (рис. 2.-4)? Наметившийся в последние годы среди людских представителей западной цивилизации тренд к росту популярности однополых браков вряд ли когда находил понимание и сочувствие среди представителей рода *Cervidae* и иных животных. Разумеется, никаким плодородием в таких случаях и не пахнет.

На наш взгляд, для парных изображений стилизованных оленей на скалах справедливы и оправданны те же приемы интерпретации, апеллирующие к древней социологии, что и для композиций, состоящих из большего числа фигур, вплоть до десятков особей на гранях и сторонах оленных камней. На последних, как известно, изображались только олени с рогами, т.е. одни самцы. С точки зрения всего коллектива (племени?) и его первопредка, воплощенного в оленном камне, все входящие в данный коллектив роды гендерно равны, поэтому на стелах и нет изображений безрогих оленей, т.е. самок. Тогда фигура отдельного стилизованного оленя на скальной поверхности свидетельствовала о желании члена древнего социума обозначить свой род, аналогично нанесению на скалы тамги в более поздний период (Варенов, 2018, с. 26). Не всегда умелые рисунки стилизованных оленей на скалах, заметно отступающие от классического канона, скорее всего, появлялись из-за того, что их создавали случайные художники-любители, а не использующие лекала мастера-профессионалы, которым доверяли украшение оленных камней (Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2011, с. 60).

Две фигуры оленей на одной скальной плоскости отражали ситуацию, когда человек хотел отметить не только свой род, но и род жены, связанный с его собственным в рамках дуально-эзогамной организации. Причем он мог изобразить оленей как однополыми, так и разнополыми, подчеркивая, что род жены, с его собственной точки зрения, — это именно женский род. Если создателем наскальных изображений выступала женщина, у нее не только два, но и четыре оленя, обозначающих родственные группы, могли оказаться самками, как на композиции 631 из Хар Салаа-VI (Кубарев, 2009, с. 208). Возможно, композицию 948 из Бага Ойгур-II с десятью оленями начал создавать мужчина, изобразив четырех оленей-самцов, символизирующих близкие роды. Потом находившаяся рядом его жена добавила к ним четырех самок (связанные с первой четверкой роды) и, как вишенку на торте, отдельные рисунки оленя и важенки (оленухи) рядом с фигурами мужчины и женщины, обозначив так себя и своего мужа (см. рис. 2.-2).

Список источников

- Варенов А.В. О китайских неолитических корнях оленных камней монголо-забайкальского стиля и их социально-семантической интерпретации // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2016. №2. С. 195–211.
- Варенов А.В. Петроглифы «в стиле оленных камней» и «демонические псы» из Китая // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2018. Т. 17, вып. 10: Востоковедение. С. 9–29. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-10-9-29
- Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Об изображении «скифских оленей» в наскальном искусстве и на оленных камнях // «*Terra Scythica*». Новосибирск, 2011. С. 53–63.
- Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск, 2009. 420 с.

Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск, 2005. 640 с.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. М., 1984. 168 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). М., 1989. 384 с.

Савинов Д.Г. Наскальные изображения в стиле оленных камней // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990. С. 174–181.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994. 208 с.

Черемисин Д.В. Петроглифы в стиле оленных камней на Алтае: новые находки и размышления // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2012. Т. XVIII. С. 310–315.

Информация об авторе / Information about the Author

Андрей Васильевич Варенов, Новосибирский государственный университет, кафедра востоковедения, доцент; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0003-2145-8611>, avvarenov@mail.ru

Andrey V. Varenov, Novosibirsk State University, Chair of Oriental Studies, Associate Professor of the Chair of Oriental Studies; 630090, Russia, Novosibirsk, Pirogov str., 1, Candidate of Science (History), <https://orcid.org/0000-0003-2145-8611>, avvarenov@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902/904

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.52

ГИЛЬГАМЕШ И КАРАКОЛ: РЕКОНСТРУКЦИЯ БРОДЯЧЕГО МЕТАСЮЖЕТА

Игорь Вячеславович Ковтун

Независимый исследователь, Кемерово, Россия

Резюме. Работа посвящена сопоставлению иконографии и содержательно-смысловых аспектов аккадской композиции, изображающей схватку Гильгамеша и Энкиду с Небесным Быком, и одной из сцен, нарисованных на плите из могильника Каракол. Выделяется перечень формальных и содержательных совпадений двух композиций, рассматриваются признаки, позволяющие соотнести ключевые черты их героев, реконструируется инвариантная праоснова мифа, положенного в основание сюжетных перипетий месопотамского эпоса и горно-алтайского фольклорного нарратива. Высказано предположение о происхождении каракольского сюжета, привнесенного в Южную Сибирь в процессе распространения на северо-восток индонуристанских филиаций распавшегося индоиранского языкового единства. Обоснованы истоки исходного прамифа, связанного с мифокалендарными практиками населения субконтинентальных ареалов Передней, Центральной и Северо-Западной Азии I-й половины III тыс. до н.э.

Ключевые слова: Гильгамеш, каракольская культура, окуневская культура, мифокалендарный сюжет, индоевропейцы, индонуристанские диалекты, бык

Для цитирования: Ковтун И.В. Гильгамеш и Каракол: реконструкция бродячего метасюжета // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 252–258.

GILGAMESH AND KARAKOL: RECONSTRUCTION OF A NOMADIC META-THEME

Igor V. Kovtun

Independent Researcher, Kemerovo, Russia

Abstract. The work deals with comparing of iconography and meaning aspects of Akkadian composition representing the battle of Gilgamesh and Enkidu with the Sky Bull and one of the scenes from a plate of Karakol cemetery. The paper contains a list of formal and semantic matches of two compositions, considers the parameters allowing the comparison of their characters' key features, reconstructs the invariant pre-base of the myth which is the base of the narrative twists and turns of Mesopotamian epos and Altai Mountains folklore narrative. An assumption has been put forward about Indo-European sources of the Karakol theme brought to Southern Siberia when spreading of Indo-Nuristani filiations of fallen Indo-Iranian linguistic unity to the North-East. The work proved the sources of the primary myth connected to the mytho-calendar practices of the first half of 3rd millennium BC in the population of sub-continental areas of Western, Central and North-Western Asia.

Keywords: Gilgamesh, Karakol culture, Okunevo culture, myth-calendar narrative, Indo-European people, Indo-Nuristani dialects, bull

For citation: Kovtun I.V. Gilgamesh and Karakol: Reconstruction of a Nomadic Meta-Theme // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 252–258.

В изобразительном искусстве Передней, Центральной и Северо-Западной Азии известны уникальные образцы генерации и сонаправленной трансформации жанра, сюжета и фабулы отдельных архаичных и календарно обусловленных мотивов ближневосточного фольклора. В переосмысленном и кодифицированном виде данные мифокалендарные нарративы влились в древнейшие литературные памятники Месопотамии, став органичной содержательной составляющей мировоззренческих традиций колыбели цивилизаций. Но динамический потенциал культурного импульса, давшего начало серии таких оригинальных повествований, не ограничился исходным ареалом. Транскультурные процессы окончания 1-й — начала 2-й половины III тыс. до н.э. обусловили проникновение видоизмененных фрагментов и вторичных вариаций этих переднеазиатских сюжетов далеко на северо-восток. Поэтому небезынтересно, что неочевидные параллели отдельным ближневосточным героям и сюжетным коллизиям усматриваются в далеких от Двуречья персонажах и композициях изобразительных памятников центрально- и североазиатских культур. Это позволяет конкретизировать содержательные соответствия между протографическими контекстами отдельных фольклорно-мифологических повествований Передней Азии и смысловым значением ряда изобразительных артефактов из удаленных субконтинентальных азиатских ареалов.

Один из подобных примеров, на мой взгляд, запечатлен в выполненной краской композиции плиты 1 из погребения 5 могильника Каракол. На плоскости плиты выбита предшествующая созданию крашенных изображений и иначе ориентированная фигура лося каракольско-джойского типа, представляющая самую раннюю фазу «ангарской» традиции (Ковтун, 1993; 2001). У левого края плиты нарисованы две стилизованные антропоморфные фигуры, судя по их несоразмерности, вероятно, не связанные с центральной композиционной триадой участников действия. Из трех персонажей мизансцены два занимают фланкирующие позиции и переданы анфас. Левое (от наблюдателя) изображение антропоморфного существа с расставленными ногами отличается лучезарным шестнадцатилучевым ореолом и отведенными в стороны опущенными руками, держащими продолговато-вытянутые эллипсообразные предметы с острыми окончаниями. Правая антропоморфная фигура характеризуется также разведенными в стороны, но параллельными земле руками, а главное, уникальной конфигурацией головы или головного убора-маски в форме усеченного треугольника (рис. 1).

Характеристику центрального образа изложу словами автора находки: «Четвертая фигура, возможно, является главной по значению: она выше других и выделяется среди них массивным туловищем, показанным в профиль, и наличием маски иного типа. Она напоминает собой квадратную морду какого-то крупного зверя с высунутым из раскрытой пасти языком. Крупный глаз показан простейшим приемом — кружком незакрашенного фона плиты. На голове, кроме восьми остроконечных лучей с точками или каплевидными окончаниями, в лобной части маски изображены небольшие овально-кольцевые рога, выполненные двумя контурными линиями. Короткие руки этой фигуры согнуты в локтях, плечи приподняты. Они держат две ветви оленьих (?) рогов с четырьмя отростками на каждой» (Кубарев, 2009, с. 21) (рис. 1).

Изображения голов центрального и правого персонажей уникальны и не имеют параллелей в каракольском искусстве. Аналогичное замечание применимо и к «ветвистым» предметам в руках центральной фигуры. Левый антропоморф, напротив, располагает широким перечнем вариативных соответствий. Образы с лучезарными ореолами известны среди крашенных и выбитых каракольских изображений. Обычно их относят к числу т.н. «солнцеголовых» антропоморфов, обнаруживающих внешние сходства с некоторыми окуневскими персонажами и с соответствующими петроглифами Северо-Западной и Центральной Азии.

Сценография композиции выстроена вокруг центральной фигуры, занимающей указанную позицию и представляющей собой объект приложения усилий двух окружающих его различных субъектов действия. Они статичны, но намерения этих действующих лиц удостоверяются вызывающими позами, выраженными движениями рук и сопутствующей атрибутикой. Кроме того, обоюдное противопоставление крайних персонажей центральному образу подчеркнуто контрастом плана и профиля, отличающих крайние и центральное изображения соответственно. Природа иконографической комбинации деталей рисунка, выполненных анфас/профиль, а равно композиционных сочетаний фигур в профиль

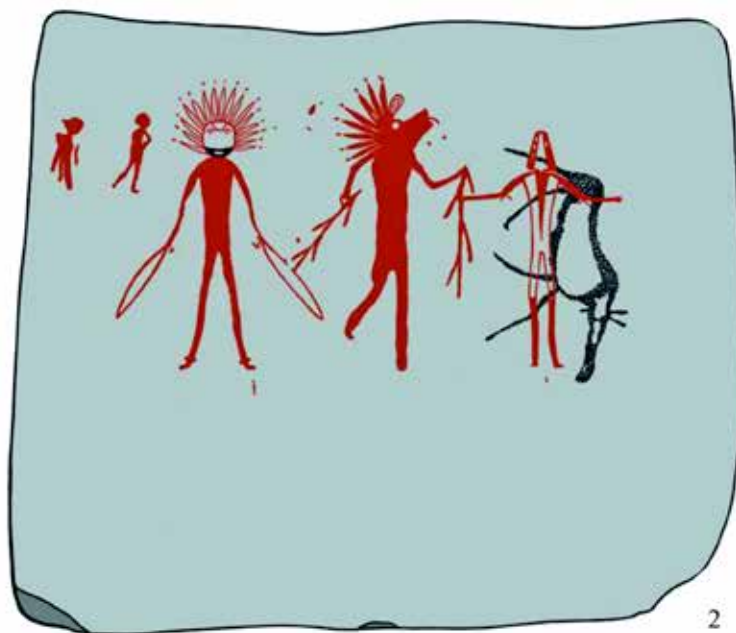

Рис 1. Плита 1 из погребения 5 могильника Каракол
Fig. 1. Plate 1 from the burial 5 of the Karakol cemetery

и анфас, обусловлена семантической доминантой (см. обзор: Кузин-Лосев, 2020, с. 41–42, 44–45; и др.). Совмещение плановых и профильных образов, как иконографический прием, зачастую означает различную сущность и/или сюжетный конфликт персонажей, подобным образом отраженный в данных мизансценах. Такие композиции построены на содержательной амбивалентности смысловых значений плановых и профильных изображений. Они олицетворяют качественные отличия или даже антагонизм героев сцены, переданных в профиль и анфас. Архетипическая ситуация конфликта разворачивает действие любого структурированного сюжета, а мифологического — в особенности. Поэтому комбинация различных проекций символизирует экспозицию ключевого узла фабулы сюжета и/или событийную кульминацию повествования. Таким образом, ранние формы наскального и типологически близкого ему искусства юга Западной Сибири демонстрируют генерацию описываемого иконографического средства выражения движущей коллизии запечатленного мифа. Так выглядит алгоритм композиционного смыслообразования и изобразительной смыслопередачи, транспонирующих мифологический нарратив в область иконографических практик.

Именно такая триада образов, композиционно структурированная по принципу анфас — профиль — анфас, представлена на цилиндрической печати аккадского времени из коллекции Британского музея (рис. 2). В левой композиционной группе герой и человекобык с лицами анфас борются со вздыбленным буйволом/быком, переданным в профиль. В.К. Афанасьева обоснованно полагает, что данная сцена связана с эпосом о Гильгамеше, иллюстрируя эпизод борьбы Гильгамеша и Энкиду с Небесным Быком, посланным Иштар (в шумерской версии мифа — Инанной, а Иштар — в аккадской. — И.К.) в Урук за отказ Гильгамеша принять ее любовь. Автор отмечает соответствующую тексту эпоса разницу в параметрах героев: человекобык — Энкиду ниже Гильгамеша ростом. Созвучны эпосу и позы героев, а также описание момента убийства Небесного Быка:

«Погнал Энкиду, быка повернул он,
За толщу хвоста его ухватил он,
А Гильгамеш, как боец отважный и воин могучий,
Меж его рогами, меж головой и шеей вонзил
кинжал свой».

Так они и изображены: «человекобык держит быка за хвост, а герой, стоящий в фас, вонзает быку кинжал в загривок» (Афанасьева, 1979, с. 129).

Сравнение этой печати с каракольской сценой обнаруживает удивительные совпадения деталей двух композиций. Помимо схемы анфас — профиль — анфас между аккадской и каракольской композициями усматривается еще семь соответствий: голова центральной профильной фигуры передана запрокинутой и обращенной мордой кверху; рогатость центральной фигуры; правый персонаж рукой удерживает центральную фигуру за хвост или «ветвистый» предмет в руке последней; левый персонаж обладает неким острым оружием/орудием в качестве кинжала или двух продолговато-вытянутых эл-

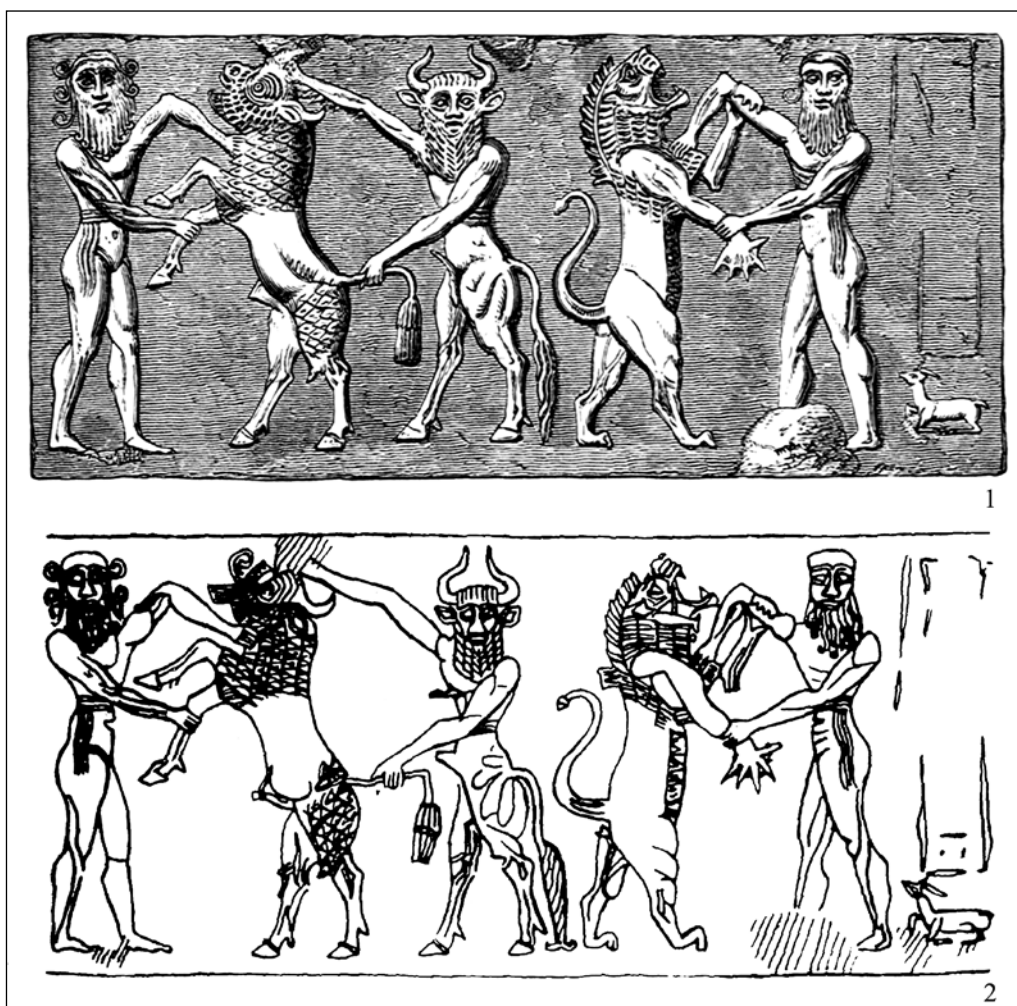

Рис 2. Композиция цилиндрической печати аккадского времени
Fig. 2. The composition of the cylindrical stamp of the Accadian period

липсообразных предметов с острыми окончаниями; крайние персонажи антропоморфны, но головы правых фигур наделены нечеловеческими чертами в виде бычьих рогов или головного убора-маски в форме усеченного треугольника; ноги правых персонажей отличаются от ног левых своей зооморфностью или силуэтным исполнением, а также разными конфигурациями лодыжки и ступни/копыта; правый персонаж ниже левого.

Разумеется, художественные воплощения героев переднеазиатской и горно-алтайской сцен несопоставимо различны и изобразительному соотношению не подлежат. Но сочетание в двух сценах восьми (включая структуризацию анфас — профиль — анфас) композиционно-содержательных сходений случайным образом возникнуть не могло. Отличие изобразительных «почерков» не исключает совпадения прототипической смысловой основы двух композиций. Одну и ту же идею, эпизод или вариации мифа можно передать кардинально различными изобразительными средствами. На это указывают приведенные аналогии в формальных деталях обеих сцен и их персонажей, удостоверяющие схожие локации и сравнимое распределение означающих элементов изображений. Поэтому налицо фрагментарные, но системные соответствия между иконографической структурой двух композиций и их формальными, но значимыми изобразительными элементами. Перечисленные сходения, как и совпадающие отличия образов, демонстрируют объединяющий данные сцены и их персонажей семантический инвариантный остаток, восходящий к общему истоку. Закономерно, что в изобразительном тексте обеих композиций сохранились следы архаичного обряда, сопровождавшего данный мировоззренческий комплекс. Следовательно, каракольская сцена, скорее всего, изображает не только ключевой эпизод мифа, но и ритуальное действие ее создателей с тремя маскированными участниками, исполнявшими в данном обряде роли главных героев фольклорного повествования. Это позволяет реконструировать смысловое значение мифологемы, изображенной на каракольской плите, в т.ч. с привлечением переднеазиатских соответствий.

Записи многих эпических песен на шумерском языке, в т.ч. о Гильгамеше, сохраняют явные черты фольклорного происхождения (Иванов, 2004, с. 228). основополагающая идея мифа о победе Гильгамеша и Энкиду над Небесным Быком обусловлена календарной подоплекой и восходит к ежегодному месопотамскому ритуалу смены полугодий. Не случайно описание убийства и расчленения туловища Небесного Быка Гильгамешем и Энкиду, по моему мнению, напоминает ритуально-обрядовые практики жертвоприношения. С истечением первого полугодия, в котором заканчиваются основные земледельческие работы, «Бык-хозяин полугодия расчленяется, и части его раздаются всем концам света для соблюдения порядка на Земле» (Емельянов, 1996, с. 372–377). На этот же лейтмотив указывает и то, что антагонист Гильгамеша Небесный Бык носит имя созвездия Тельца — Гуданна, т.е. «Бык Неба». Данное созвездие до конца III — 2-й трети II тыс. до н.э. выступало маркером весеннего равноденствия. После 1-й трети II тыс. до н.э. точка последнего смещается к Овну (Емельянов, 2015, с. 72–73; Климишин, 1985, с. 29; Боголюбов, 2002, с. 87–88). Поэтому указанные реалии звездного неба могли найти отражение в астральном мифе III тыс. до н.э. о борьбе с Небесным Быком — Тельцом и его жертвенном заклании при наступлении нового года в день весеннего равноденствия. В кодифицированной мировоззренческой традиции Двуречья эта вежа подверглась утилитарной корректировке в соответствии с актуальными циклами месопотамского земледельческого календаря. Но в архаичном прамифе, как инвариантной основе шумеро-аккадского повествования, календарные даты, скорее всего, приурочивались к астрономическим признакам весенних сроков новолетия.

Генерация и транскультурная диффузия данного мифологического метасюжета, вероятно, обусловлены факторами многоступенчатых межэтнических взаимодействий. Так, Вяч.Вс. Иванов (2009, с. 70) вслед за И.М. Дьяконовым предполагает более древние и в т.ч. индоевропейские истоки повествований о Гильгамеше, предшествовавшие царствованию его исторического прототипа в конце XXVII — начале XXVI в. до н.э. О распространении вариаций подобных бродячих сюжетов могут свидетельствовать лексические заимствования, удостоверяющие индоевропейско-шумерские контакты и связи. Среди показательных и хронологически значимых соответствий фигурирует индоевропейское *r(e)ud(h) — ‘медь’, восходящее к шумерскому слову urudu ‘медь’ (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 712, 876). Из шумерского в праиндоевропейский пришли такие симптоматичные для разбираемого случая лексемы, как ‘корова’ и ‘бык’ (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 876). Думается, параллельно этому заимствованному обозначению индоевропейцами могли быть восприняты и пространственные фрагменты шумерского мировоззренческого комплекса, присущего обозначаемому. Хотя в последнем случае не исключено и обратное влияние в процессе мультикультурной генерации ранних форм общеевразийского фольклора.

Происхождение каракольских и окуневских древностей связано с распространением на северо-восток индонуристанских филиаций распавшегося в середине III тыс. до н.э. индоиранского единства (Ковтун, 2019, с. 4; и др.). В Северо-Западной Азии исторически исходная и нарративно прототипическая фигура жертвенного Небесного Быка зачастую замещается и/или вытесняется сложным композитным персонажем. Так, каракольский образ демонстрирует комбинацию антропоморфных признаков с **головой**, сочетающей черты быка, медведя и ирреальные детали, включая «язык-жало» (рис. 1). По моему мнению, способность данного сверхъестественного существа к левитации олицетворяют «ветвистые» предметы в его руках, напоминающие крылья немногочисленных летящих окуневских быков разливского типа, в т.ч. на стеле из с. Аскиз (см. по: Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 55, 176, рис. 188; Есин, 2012, с. 32; Ковтун, 2020, с. 31). Указанный признак, по определению, адекватен потенциальному качеству шумеро-аккадского Небесного Быка, побежденного Гильгамешем и Энкиду. Соответственно композиция аскизской стелы, включающая фигуру летящего крылатого быка, также представляется изобразительным воплощением тематически схожей мифологемы, но содержательно более близкой к переднеазиатскому пробразу. В этом качестве аскизский бык и сопутствующий ему антропоморф, возможно, составляют одну из древнейших сибирских иллюстраций космогонической тавроктонии.

Небезынтересно сочетание стилизованных бычьих и медвежьих черт головы каракольского персонажа. О вероятности подобного слияния могут свидетельствовать наскальные изображения летящих медведей минусинской традиции, относимые мною к афанасьевскому времени, а также петроглифы и мелкая пластика окуневской, крохалевской и позднейших культур. Большинство этих примеров связано с метасюжетом космической погони, также привнесенным в Северную Азию индоевропейскими мигрантами (Ковтун, 2021, с. 13–25). Поэтому не исключен мифокалендарный синтез переосмысленных сибирских версий изначальных переднеазиатских представлений о заклании быка и рекомбинированного образного ряда индоевропейского повествования о космической погоне.

Жертвенность центрального образа каракольской сцены удостоверяется числовой символикой, связывающей его с левым (от наблюдателя) персонажем, увенчанным шестнадцатилучевым ореолом. У переданного в профиль композитного существа голова окружена восемью лучами, что при мыслимом развороте анфас удваивает их число соразмерно ореолу левого образа. Сопоставимая кратность и совпадение количества знаковых символов указывают на единство пространственно-временного континуума героев изобразительного повествования. Соответственно категория количества, сочетаемая с означающей комбинацией различных проекций персонажей, олицетворяет календарное время кульминационной точки фабулы сюжета. Полагаю, шестнадцатичастная и кратная ей восьмичастная числовая символизация ореолов двух участников мизансцены означает сроки и признаки периода полнолуния. В ведийских источниках, например, это число связывалось еще и с творцом всего сущего Праджапати: «Этот Праджапати — год, (он состоит) из шестнадцати частей. Его ночи — пятнадцать частей, неизменна его шестнадцатая часть. Благодаря ночам он и растет, и уменьшается. В ночь полнолуния он проникает этой шестнадцатой частью во все, что одушевленно, и рождается на следующее утро» (Брихадараньяка Упанишада, I. 5. 14). По мнению А.Я. Сыркина (1992, с. 174), «Праджапати ассоциируется здесь с луной, которую древнеиндийская традиция также делила на 16 частей», а М. Элиаде (1999, с. 174) видит в этом следы собственно индийской восьмиричной системы.

Таким образом, время победы двух героев и жертвенного убийства каракольского композитного персонажа отождествлялось с полнолунием, совпадающим с нахождением созвездия Тельца в точке весеннего равноденствия. Данная фабула каракольской сцены восходит в т.ч. и к фольклорному нарративу — устному «протографу» шумеро-аккадского повествования о борьбе Гильгамеша и Энкиду с Небесным Быком. Не исключено и опосредованное влияние собственно первого записанного эпоса на широкое распространение фабулы, видоизмененных персоналий, а также подразумеваемых мифокалендарных отсылок повествования. К перечисленным вероятным заимствованиям относится еще и сам жанр эпической поэмы, возникший вместе с циклом о Гильгамеше. Создание и распространение этих фольклорных преданий, а затем и древнейшего литературного памятника катализируют сложение устных героических сказаний далеких, в т.ч. центрально- и североазиатских сообществ, вплоть до каракольско-окуневского ареала.

Список источников

- Афанасьева В.К. Гильгамеш и Энкиду. Эпические образы в искусстве. М., 1979. 219 с.
Боголюбов М.Н. Ригведа I, 105. Трита в колодце // Вопросы языкознания. 2002. №2. С. 86–89.
Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. 1328 с.

- Емельянов В.В. Шумерская эпическая песня «Гильгамеш и Небесный Бык»: К анализу одного календарного мифа // Кунсткамера: Этнографические тетради. 1996. Вып. 10. С. 372–377.
- Емельянов В.В. Гильгамеш. Биография легенды. М., 2015. 358 с.
- Есин Ю.Н. Древнейшие изображения повозок Минусинской котловины // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2012. №1 (3). С. 14–47.
- Иванов Вяч.Вс. Литературы Древнего Востока: краткий конспект лекций. Литературный институт, 1988 г. // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. III. М., 2004. С. 227–235.
- Иванов Вяч.Вс. Евразийские эпические мифологические мотивы // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 5: Мифология и фольклор (Язык. Семиотика. Культура). М., 2009. С. 49–78.
- Климишин И.А. Календарь и хронология / 2-е изд., перераб. и доп. М., 1985. 320 с.
- Ковтун И.В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. Кемерово, 1993. 140 с.
- Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии (Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая). Новосибирск, 2001. 184 с.
- Ковтун И.В. Лунарные мифы Северо-Западной Азии (III–II тыс. до н.э.). Кемерово, 2019. 264 с.
- Ковтун И.В. Хронология главной плоскости Тутальской писаницы // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2020. Вып. 11. С. 13–43.
- Ковтун И.В. Происхождение североазиатского мифа о космической погоне // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2021. Вып. 14. С. 11–46.
- Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009. 264 с.
- Кузин-Лосев В.И. Ракурс в поэтике искусства эпохи раннего металла Северного Кавказа // Теория и практика археологических исследований. 2020. Т. 31, №3. С. 39–52. DOI: 10.14258/tpai(2020)3(31).-04.
- Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006. 236 с.
- Сыркин А.Я. Комментарии // Упанишады: В 3 кн. Кн 1. Брихадараньяка Упанишада. М., 1992. С. 161–226.
- Упанишады: В 3 кн. Кн. 1. Брихадараньяка Упанишада. М., 1992. 239 с.
- Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999. 488 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Игорь Вячеславович Ковтун, независимый исследователь; Россия, г. Кемерово, доктор исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-8183-4319>, ivkovtun@mail.ru

Igor V. Kovtun, Independent Researcher; Russia, Kemerovo, Doctor of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-8183-4319>, ivkovtun@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.27:903.226:004.65(571)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.53

РАЗРАБОТКА БАЗЫ ДАННЫХ О КИНЖАЛАХ, ИЗОБРАЖЕННЫХ НА «ОЛЕННЫХ» КАМНЯХ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Ольга Сергеевна Лихачева

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье приводятся результаты разработки базы данных, предназначенной для систематизации изображений короткоклинкового оружия, выбитого на «оленных» камнях. Она представляет собой таблицу в формате Microsoft Office Excel 2010 и предназначена для решения ряда задач, связанных с изучением культуры ранних кочевников Внутренней Азии. Осуществляется подробный разбор включенных в нее столбцов и обосновывается необходимость предложенной структуры. Всего на текущий момент в базу данных занесена информация с более чем 100 изваяний, происходящих с территории Монгольской Народной Республики. Продолжается регулярное ее пополнение новыми сведениями. На примерах демонстрируются возможности, которые дает предложенная компоновка таблицы: какую информацию можно выбирать, используя инструмент «фильтры», и как это может быть применено при изучении самих изобразительных источников и военного дела древнего населения рассматриваемого региона.

Ключевые слова: база данных, систематизация, обобщение, кинжалы, изобразительный источник, «оленный» камень

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

Для цитирования: Лихачева О.С. Разработка базы данных о кинжалах, изображенных на «оленных» камнях Внутренней Азии // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 258–262.

DEVELOPMENT OF A DATABASE ON DAGGERS DEPICTED ON THE “DEER” STONES OF INNER ASIA

Olga S. Likhacheva

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article presents the results of the development of a database designed to systematize images of short-bladed weapons stamped on “deer” stones. The database is a table in Microsoft Office Excel 2010 format and is designed to solve a number of tasks related to the study of the culture of the early nomads of Inner Asia. A detailed analysis of the table is carried out and the necessity of the proposed structure is justified. In total, at the moment, the database contains information from more than 100 sculptures originating from the territory of the Mongolian People’s Republic. It continues to be regularly updated with new information. The examples demonstrate the possibilities offered by the proposed layout of the table: what information can be selected using the “filters” tool, and how it can be applied when studying the visual sources themselves and the military affairs of the ancient population of the region in question.

Keywords: database, systematization, generalization, daggers, pictorial source, “deer” stone

Acknowledgments: the work was carried out with the financial support of the Russian Academy of Sciences (project No. 22-18-00470 “The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Studies of Material Culture, Sculptures and Economy”).

For citation: Likhacheva O.S. Development of a Database on Daggers Depicted on the “Deer” Stones of Inner Asia // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 258–262.

Разработка, наполнение и использование баз данных (далее — БД) нашли широкое применение и активно используются в археологических исследованиях на протяжении уже двух десятилетий. Группировка информации с применением программ Microsoft Office Excel или Microsoft Access дает целый ряд преимуществ при последующем ее использовании. При создании БД максимально аккумулируются все имеющиеся на текущий момент источники, что дает возможность их полного обзора, с постоянным дальнейшим пополнением, в случае если это возможно. Во время работы по заполнению таблиц происходит первичная систематизация и группировка данных, позволяющая сразу выявить наиболее значимые признаки. Последнее упрощает поиск объектов/предметов по заданным параметрам. Программа дает возможность быстро создавать необходимую выборку или сделать предварительную статистическую обработку материала.

На настоящий момент существует два наиболее активно разрабатываемых направления в этой области. Это создание БД археологических памятников, чаще всего определенных микрорайонов (Иванищева и др., 2011; Кочкуркина, 2019; Перескоков и др., 2022; Попов, Лазин, 2015; 2016; Тишкин, Дашковский, Ожиганов, 2019). Формирование БД по вещественным источникам. В данном случае критерии отбора материала крайне разнообразны и определяются темой исследования. Так, это могут быть находки из конкретного археологического комплекса (Кекеев, Буратаев, 2015, с. 70–73). Предметы, объединенные одним центром производства (Серегин, Докучаев, 2019, с. 129–134), но чаще всего это определенная категория инвентаря, например оружие (Лысов, 2012, с. 107–119; Митько, Тетерин, Борисенко, 2007, с. 3–6) и т.д. В меньшей степени в поле зрения исследователей остались памятники монументального искусства (Соенов, Урбушев, Каранина, 2019; Казаков, Лбова, Жумадилов, 2021). Таким образом, разработка БД по одному из подобных источников сегодня является актуальной задачей.

В рамках данной статьи нами приводится обзор БД, включающей изображения кинжалов, представленных на «оленных» камнях. Стоит отметить, что в целом «оленные» камни являются очень многогранным и многослойным источником, в котором содержится большой пласт информации по истории «ранних» кочевников Внутренней Азии. Ввиду чего необходима последовательная обработка всех представленных на них реалий, а затем уже выявление взаимосвязи между ними и рассмотрение всего комплекса. Кинжалы, в свою очередь, являются одним из наиболее часто фиксируемых и детально проработанных изображений (Савинов, 1994, с. 97; Тишкин, 2016, с. 118). Следовательно, заслуживают первоочередного внимания хотя бы с той точки зрения, что дадут весьма объемную по количеству выборку.

При создании БД «Изображения кинжалов на „оленных“ камнях Монголии» использовалась программа Microsoft Office Excel 2010, поскольку она обладает оптимальными возможностями для работы с исследуемым материалом. Сформированная таблица предназначена для сбора, систематизации и обработки сведений по изображениям короткоклинкового оружия, представленного на «оленных» камнях. На текущий момент в нее включены сведения по более чем 100 таким изваяниям, происходящим с территории Монгольской Народной Республики. При сборе сведений использовались как публикации, так и материалы, полученные в ходе ряда российско-монгольских экспедиций, в которых в отдельные годы принимал участие и сам автор (Волков, 2002; Тишкин, 2013а; Тишкин, Шелепова, 2014).

Общая структура БД представляет собой один лист Microsoft Office Excel 2010, всего 18 столбцов (А–R). Единицей информации является отдельно взятое изваяние, на котором имеется изображение кинжала. Дается название памятника, указывается номер объекта внутри памятника, если их более одного. Приводимые в таблице столбцы дают исчерпывающую информацию как по самому «оленному» камню, так и по изображению кинжала, представленного на нем (рис. 1).

Первый блок данных касается памятника и содержит следующие параметры: Географическая привязка/GPS координаты, в случае если они известны (столбец В); Расположение внутри объекта (столбец С). Эти данные необходимы для точной идентификации изваяния во избежание путаницы, так как, к сожалению, очень часто, осматривая одни и те же комплексы, исследователи давали разную нумерацию «оленным» камням внутри них, а порой и разные названия самим памятникам. Такая ситуация может приводить к дублированию информации, что, как следствие, отражается на статистике.

Следующие три столбца дают общую характеристику самого «оленного» камня: Размеры ОК (столбец D), Изображения другого оружия (столбец E); Изображения элементов снаряжения и костюма, животных (столбец F). Столбцы E и F позволяют сразу рассмотреть кинжал внутри комплекса изображенных реалий, установить корреляцию с другими объектами. Данная информация необходима при выходе на реконструкцию военного дела и при графическом воссоздании облика воина того времени. Так, используя «фильтр», можно выявить как наименее, так и наиболее полные воинские наборы, в которые входили кинжалы.

Наибольшее количество столбцов посвящено характеристике самого изображенного кинжала (столбцы G–P). В столбце G указывается Расположение кинжала на ОК, которое позволяет определить способ ношения этого вида оружия (Тишкин, 2013б, с. 51). Далее следует Размер кинжала (столбец H) и уточнение, изображен он «В ножнах или без ножен» (столбец I). В последующих шести столбцах дается последовательное описание деталей кинжала, начиная от верха изделия. В качестве основных параметров берется форма (поскольку работа идет с плоскостным изображением, подразумевается прежде всего абрис) и размер. Итак, последовательно характеризуются: Навершие (столбец J); Рукоять (столбец K); Перекрестие (столбец L); Клинок (столбец M); Ножны (столбец N). Отдельно отмечается Декоративное оформление деталей кинжала (столбец O), в том случае, если оно фиксируется. Рассматриваемая часть БД разработана на стандартных принципах классификации клинкового оружия, что должно облегчить последующую обработку материала, в том числе типологический анализ представленных изображений (Лихачева, 2020, с. 75–78). Выборки по этим графам могут продемонстрировать самые распространенные формы деталей, их сочетание между собой и т.д.

Отдельный раздел содержит графические данные — Фото или рисунок выбитого на ОК кинжала (столбец P).

Вся дополнительная информация в случае ее наличия должна выноситься в Примечания (столбец Q). Заключительный столбец (R) содержит библиографические данные.

Разработанная БД представляет собой максимально возможную совокупность данных, скомпонованных таким образом, что она может быть предназначена не только для характеристики отдельно взятого вида вооружения, в данном случае кинжалов, но и выхода на реконструкции отдельных аспектов военного дела «ранних» кочевников: частота встречаемости короткоклинкового оружия в воинских наборах, изображенных на «оленных» камнях; корреляция его с другими видами вооружения; наполнение комплектов, представленных на изваянии, и выделение среди них как «элитных», так и максимально простых; графическая реконструкция воинов того времени и т.д.

Быстрому решению указанных выше задач способствует структура БД, позволяющая производить отбор необходимых данных путем применения «фильтра».

Планируется ее дальнейшее пополнение, что позволит пользователям получать новые сведения для более детального изучения представленного вида изобразительных источников в целом и изучаемого вида оружия в частности. Данные будут расширяться как за счет введения в таблицу описания новых объектов, уже известных или выявленных в предстоящих полевых сезонах, так и включения

дополнительных сведений по уже занесенным «олненным» камням, но не отраженным в ранних публикациях, по которым, в большинстве своем проводилась работа (Волков, 2002). Кроме того, предполагается расширение географического охвата рассматриваемых памятников.

Представленная БД может быть использована как справочный и демонстрационный материал, упрощающий поиск и обработку статистических данных. Возможно ее применение в учебном процессе. БД предназначена для археологов, историков и широкого круга пользователей, интересующихся военным делом ранних кочевников и монументальным искусством того периода.

Список источников

- Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002. 248 с.
- Иванищева А.А., Иванищева Е.А., Иванищева М.В., Иванищев А.М. База данных по памятникам археологии Мариинско-Волго-Балтийской водной системы // Успехи современного естествознания. 2011. №7. С. 24–25.
- Казаков В.В., Лбова Л.В., Жумадилов К.Б. Информационная система наскального искусства Сибири // Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2021616133, 16.04.2021. Заявка №2021615018 от 08.04.2021.
- Кекеев Э.А., Буратаев Е.Г. База данных археологических коллекций из раскопок курганной группы Восточный Маныч // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. №3. С. 70–73.
- Кочуркина С.И. Археологические памятники Карелии // Свидетельство о регистрации базы данных RU 2019620153, 24.01.2019. Заявка №2019620028 от 09.01.2019.
- Лихачева О.С. Вооружение и военное дело населения Лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н.э.). Барнаул, 2020. 304 с.
- Лысов М.Ю. База данных «Предметы вооружения Алтая и сопредельных территорий скифо-сакского времени» // Базы данных в исторических исследованиях. Барнаул, 2012. С. 107–119.
- Митько О.А., Тетерин Ю.В., Борисенко А.Ю. Значение базы данных о русском оружии эпохи позднего средневековья и нового времени из Сибирского региона на сайте информационного центра «Военное дело народов Сибири и Центральной Азии» и возможности использования археологических информационных ресурсов в преподавании археологии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2007. Т. 6, №3. С. 3–6.
- Перескоков М.Л., Мингалев В.В., Мингалева М.К., Козьякова П.С., Васильева А.В., Якимова Д.А. База данных памятников археологии раннего железного века и эпохи Великого переселения народов Пермского Прикамья — ArcheoPerm IR // Свидетельство о регистрации базы данных 2022620786, 08.04.2022. Заявка №2022620551 от 24.03.2022.
- Попов А.Н., Лазин Б.В. Археологические памятники острова Русский // Свидетельство о регистрации базы данных RU 2015620707, 29.04.2015. Заявка №2015620158 от 06.03.2015.
- Попов А.Н., Лазин Б.В. Археологические памятники островов Залива Петра Великого // Свидетельство о регистрации базы данных RU 2016620601, 13.05.2016. Заявка №2016620249 от 15.03.2016.
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994. 209 с.
- Серегин Н.Н., Докучаев В.А. База данных предметов китайского «импорта» из археологических памятников Алтая // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2019. Вып. 13. Барнаул, 2019. С. 129–134.
- Соенов В.И., Урбушев А.У., Каранина С.Ю. Памятники наскального искусства Республики Алтай // Свидетельство о регистрации базы данных RU 2019622029, 11.11.2019. Заявка №2019621989 от 01.11.2019.
- Тишкин А.А. Выявление, документирование и изучение «олненных» камней в долине реки Буянта (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013а. Т. 7, №1. С. 73–90.
- Тишкин А.А. «Оленные» камни как отражение культа предков и вождей: результаты изучения археологических комплексов в долине Буянта (Монгольский Алтай) // КСИА. Вып. 229. М., 2013б. С. 44–56.
- Тишкин А.А. Новые находки «олненных» камней в Монголии с изображением меча и панциря // Вестник ТГУ. История. 2016. №4 (42). С. 117–123.
- Тишкин А.А., Дашковский П.К., Ожиганов А.Н. Формирование базы данных о погребальных памятниках Алтая аржано-майэмйрского времени // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV. 2019. С. 278–280.
- Тишкин А.А., Шелепова Е.В. Об использовании «олненных» камней при сооружении тюркских оградок Монгольского Алтая // Известия Алтайского государственного университета. 2014. №4/1 (84). С. 221–229.

Информация об авторе/ Information about the Author

Ольга Сергеевна Лихачева, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, старший преподаватель; 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-3223-7841>, lihaolga@yandex.ru

Olga S. Likhacheva, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Senior Lecturer; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; Candidate of History, <https://orcid.org/0000-0002-3223-7841>, lihaolga@yandex.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902.03

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.54

К ВОПРОСУ ОДНОГО НАУЧНОГО ЗАБЛУЖДЕНИЯ. ДРЕВНЕТЮРКСКАЯ СКУЛЬПТУРА ИЗ БАХТЫ

Юрий Иванович Ожередов

Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Анадырь, Россия

Резюме. Сообщение направлено на уточнение места обнаружения одной древнетюркской каменной скульптуры из собрания Музея археологии и этнографии Томского государственного университета. Актуальность данного исследования обусловлена появлением в научной литературе сведений, не соответствующих действительности, в отношении первоначального места нахождения артефакта и имени человека, доставившего его в музей. В нескольких публикациях появилось сообщение о том, что данную скульптуру Г.Н. Потанин вывез «из Синцзяна, возможно, из китайской части Монгольского Алтая» и доставил в Томский университет. На самом деле фигура доставлена попечителем Западно-Сибирского учебного округа, руководителем Археологического музея В.М. Флоринским в 1886 г. из Семиреченской области, с территории современного Казахстана, где была найдена у с. Бахты.

Ключевые слова: Флоринский, Семиречье, Бахты, древнетюркская круглая скульптура

Для цитирования: Ожередов Ю.И. К вопросу одного научного заблуждения. Древнетюркская скульптура из Бахты // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 263–267.

ON A SCIENTIFIC MISCONCEPTION. AN ANCIENT TURKIC SCULPTURE FROM BAKHTA

Yuri I. Ozheredov

Chukotka Branch of the North-Eastern Federal University Named after M.K. Ammosov, Anadir, Russia

Abstract. The paper aims to clarify the place of discovery of an ancient Turkic sculpture presently in the collection of the Museum of Archaeology and Ethnography in Tomsk State University. The relevance of the research is due to the disinformation circulating in scientific literature with regard to the artifact's original location and the name of the person who delivered it to the museum. Several publications mention that G.N. Potanin transported it “from Xinjian, perhaps, from the Chinese part of Mongol Altai” and delivered it to Tomsk university. In fact, the sculpture was brought by the head of West Siberian educational district and the director of Museum of Archaeology V.M. Florinsky in 1886 from the Semirechye Oblast, present days Kazakhstan, where it was found near the Bakhta village.

Keywords: Florinsky, Semirechye, Bacthy, ancient Turkic sculpture

For reference: Ozheredov Yu.I. On a Scientific Misconception. An Ancient Turkic Sculpture from Bakhta // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing house of Altai University, 2023. P. 263–267.

Собрание древнетюркской монументальной каменной скульптуры Археологического музея Императорского Томского университета сформировалось в конце XIX — начале XX в. Началом ему послужили изваяния из Семиреченской области, ныне территории Казахстана, доставленные в Томск усилиями попечителя Западно-Сибирского учебного округа и устроителя музея В.М. Флоринского в 1885–1887 гг. (Флоринский, 1888а, с. 39; Ожередов, 2016). Первые шаги к отбору образцов, достойных изучения и музейного экспонирования, В.М. Флоринский предпринял в 1884 г. (ГАТО. Л. 138, 140). В связи с чем в 1885 г. томская газета «Сибирский вестник» с полной уверенностью объявила о принадлежности трех «казахстанских» скульптур к собранию Археологического музея Томского университета (Сибирский вестник, 1885). Однако в силу ряда обстоятельств в музей изваяния попали далеко не сразу и не одновременно, а порознь, через 2–3 года от момента их формального приобретения. Последнее из них оказалось в университете лишь в 1887 г. Столь же непростой оказалась история поступления фигуры из селения Белый Ануй в Горном Алтае, растянувшаяся на два года (Ожередов, 2014). Все крупноформатные скульптуры, поступившие в университет, решением В.М. Флоринского были установлены перед фасадом главного корпуса университета. И лишь единственная малогабаритная фигура с момента ее поступления разместились в археологическом отделе экспозиции музея (Флоринский, 1896, с. 39; Ожередов, 2016, с. 466–467).

Как показывает история старых музеев, нередки случаи, когда отдельные яркие предметы в какой-то момент и порой без видимой причины обрели мифами и легендами. Часто это «слава» заслуженная и по делу, а иногда надуманная, обусловленная недостатком или полным отсутствием достоверных

Рис. 1. Археологический музей Томского университета. Скульптура из Бахты в экспозиции XIX в. Фото из альбома «Императорский Томский университет». 1892 г.

Fig. 1. Archaeological museum in Tomsk university. Bakhta sculpture in 19 c. exposition. The photo is taken from the album «Imperial Tomsk University». 1892

источников. Вместе с тем известны и вовсе парадоксальные случаи рождения легенды при наличии документальных источников и уже опубликованных результатов прежних научных исследований. Несмотря на маловероятность подобного происшествия, такое случилось с последней из вышеупомянутых «томских» скульптур, вошедшей в 1886 г. в экспозицию музея.

Мифологический шлейф потянулся за ней, как ни огорчительно, «с легкой руки» известного специалиста в области изучения первобытной и средневековой истории Сибири и Центральной Азии В.Д. Кубарева*. Речь идет о недостоверности сведений о первоначальном местонахождении скульптуры и истории ее поступления в томский музей.

При упоминании краски на губах изваянии, открытого Г.Н. Потаниным в Северо-Западной Монголии, интернациональный авторский коллектив делает отсылку к томской скульптуре и констатирует: «Подобная деталь (раскраска губ красной краской) известна на еще одном миниатюрном изваянии (у него также подкрашены брови черным цветом), находящемся в экспозиции музея Томского университета. Оно было вывезено Г.Н. Потаниным из Синьцзяна, возможно, из китайской части Монгольского Алтая» (Кубарев, Якобсон, Цэвээндорж, 2000, с. 76). Через четыре года в книге, выпущенной издательством СО РАН в серии научно-популярной литературы, утверждение о доставке данной скульптуры Г.Н. Потаниным из Синьцзяна повторяется буквально дословно (Кубарев, 2004, с. 112). При этом, как и в первом случае, автор не приводит источник, послуживший основанием к данному утверждению. Смелое заявление, наверное, осталось бы досадным курьезом, как это бывает, и постепенно предалось забвению, несмотря на его несоответствие истине, но не в этом случае.

По прошествии трех лет из печати выходит статья Г.В. Кубарева, который в своем исследовании полностью вторит предшественнику: «Так, у привезенной Г.Н. Потаниным в Томский университет небольшой скульптуры были раскрашены губы, глаза и брови» (Кубарев, 2007, с. 143). Нет сомнений, что речь идет о той же скульптуре. Но при этом, видимо, для пущей убедительности автор сделал ссылку на одну из частей (выпуск II, 1881 г.) книги Г.Н. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии», по-

* Данное утверждение, безусловно, исходит от российского автора, интерес которого к древнетюркским скульптурам из МАЭС имеет давнюю историю.

Рис. 2. Изображение древнетюркской скульптуры из Бахты (по: Флоринский, 1896, табл. IX.-3)
Fig. 2. Ancient Turkic sculpture from 'Bakhta' (from: Florinsky, 1896, table IX.-3)

Рис. 3. Древнетюркская скульптура из Бахты в экспозиции МАЭС ТГУ. 2014 г.
Fig. 3. Ancient Turkic sculpture from 'Bakhta' in the exposition of МАЭС ТГУ. 2014

священную первую экспедиции автора в Монголию в 1876–1877 гг. Ссылка дана под рисунком в виде фамилии автора и года издания книги. В тексте ссылки нет, поэтому невозможно понять, на какие конкретно страницы и рисунки сделана ссылка. Вместе с тем в списке использованной литературы книга имеется, т.е. источник показан как действующий (Кубарев, 2007, с. 144, рис. 2.-3). Как выяснилось при обращении к указанному источнику, в книге Г.Н. Потанина имеется семь фигур с антропоморфным обликом, каждая из которых описана и сопровождается прорисовкой (Потанин, 1881, с. 66–74, табл. VII–IX, XVI, XVIII). Однако «томская» скульптура не фигурирует ни в тексте, ни в иллюстрациях. Следует заметить, что аналогичную аналитическую работу по книге Г.Н. Потанина проделал в свое время В.М. Флоринский (1896, с. 45–48), который определенно обратил бы внимание на хорошо знакомую ему фигуру из с. Бахты, будь она там представлена.

В то же время реальную картину «биографии» интересующей нас скульптуры вполне определенно рисуют разные источники. В печатном каталоге Археологического музея находим следующую запись: «1511. Каменная баба, привезенная из г. Верного В.М. Флоринским. Найдена на границе Кульджи и Семиреченской области, близ селения Бахты* (Флоринский, 1888а, с. 85). В Примечаниях к каталогу В.М. Флоринский писал: «В археологическом музее Томского университета в настоящее время имеется три каменные бабы в натуре и 11 фотографических снимков. Из числа первых один экземпляр полу-

* Бахты (каз. *Бақты*) — село в Урджарском районе Абайской области Казахстана (прежде — Восточно-Казахстанская область). Административный центр и единственный населенный пункт Бахтинского сельского округа. На карте Казахстана село располагается в границах казахских кочевий.

чен из селения Бахты, на границе Кульджи... Экземпляр каменной бабы, вывезенной из селения Бахты и хранящийся ныне в музее Томского университета, также имеет довольно тщательную отделку. Судя по лицу, он изображает женщину, но без головного украшения. В руках, сложенных около желудочной области, ... держит чашу, а на шее имеет ожерелье или обруч» (Флоринский, 1888б, с. 166–167, 168–169).

В своей монографии Василий Маркович отметил: «Из числа первых, один экземпляр привезен мною в 1886 г. из селения Бахты, на границе Кульджи...» (Флоринский, 1896, с. 37, табл. VIII.-9). Фигура упоминалась в перечне предметов, приобретенных в 1885 г., но в отличие от других крупных и тяжелых экземпляров, доставленных пароходами по воде, эту В.М. Флоринский привез в Томск самостоятельно, так как это была самая малоформатная и легкая из всех «семиреченских» фигур. «Размер ее 14 вершков вышины и 8 вершков ширины» (Сибирский вестник, 1885), по данным Флоринского, «вышина 66 см, ширина 36 см» (Флоринский, 1888б., с. 85)*. Напомню, что с момента поступления в музей фигура, в отличие от других, выставленных перед корпусом университета, хранилась в экспозиции, где она была сфотографирована, а изображение в литографированном виде представлено в книге (Флоринский, 1896, с. 39, табл. VIII.-9).

Скульптура представляет собой поясное трехмерное изображение с крупной головой. Почти правильное круглое лицо (высота — 25 см, ширина — 24 см), выполнено в типичной для древнетюркской скульптуры манере: уплощенные рельефные брови и нос высечены в Т-образной форме, четко проработаны узкие глаза с обозначенными зрачками и небольшой рот. Заметно выделяются непропорционально большие уши, спускающиеся на плечи в манере, близкой к изображениям божеств буддийского пантеона. Руки персоны согнуты в локтях, в широких кистях указаны все пальцы, удерживающие с двух сторон широкий сосуд, напоминающий пиалу.

В.М. Флоринский писал: «Судя по лицу, он изображает женщину... на шее она имеет ожерелье, или обруч. Подобных шейных украшений показано в атласе гр. Уварова несколько и все они также относятся к женским фигурам» (Флоринский, 1888а, с. 168–169). Примечательно, что в нашем случае рельефом показано широкое, чуть «угловатое» в плане изделие, напоминающее гривну, низко спускающуюся на грудь. По мнению представителей хакасского этноса, в этом предмете воплощена идея их традиционного нагрудного женского украшения, именуемого *пого*. «У тюркских народов украшения всегда наделялись особыми свойствами: выступали в качестве оберегов, хранителей души человека, обладая особенной силой против нечистых духов; служили как бы овеществленным носителем будущего семейного благополучия, а также знаком половозрастного и семейного статуса». К данной семантике склоняет и наличие на лицевой стороне хакасских пого нашитых раковин каури, славящихся магическими свойствами сильного апотропея (Тугоякова, рис. 5; Ожередов, 2022а, с. 85; 2022б, с. 114, 117). Скульптура тщательно проработана и отшлифована со всех сторон, за исключением нижней грани. Судя по неровностям снизу, фигура, возможно, была обломлена. На поверхности скульптуры заметны следы черной краски, подкрасившей брови, зрачки глаз, волосы спереди и запачкавшей длинным потоком левое плечо. Вероятно, именно эти особенности физиогномики и «косметическая» подкраска позволили В.М. Флоринскому высказать предположение о женском образе модели.

На основании перечисленных данных, подкрепленных надежными архивными и литературными источниками, касающимися данной фигуры, имеется возможность устранить существующую в литературе неточность. Напомню, что относительно «...миниатюрного изваяния ... находящегося в экспозиции музея Томского университета», у которого «подкрашены брови черным цветом», В.Д. Кубарев писал: «...оно было вывезено Г.Н. Потаниным из Синьцзяна, возможно, из китайской части Монгольского Алтая» (Кубарев, Якобсон, Цэвээндорж, 2000, с. 76). Однако, как видно из учетной документации музея и достоверных литературных источников, к Синьцзяну и Потанину данная скульптура не имеет ни малейшего отношения. Фигура была доставлена в томский музей его основателем, попечителем Западно-Сибирского округа В.М. Флоринским в 1886 г. из г. Верный (современный г. Алматы), куда ранее была вывезена из окрестностей с. Бахты в казахстанском Семиречье.

Список источников

ГАТО. Ф. 126. Оп. 1. Д. 61. Л. 138, 140. Управление Западно-Сибирского учебного округа.

Кубарев В.Д. Путешествие в страну «стерегущих золото грифов»: Из полевого дневника археолога. Новосибирск, 2004. 134 с.

* Современные замеры показали высоту 61 см, ширину в плечах — 34–36 см, высоту головы над плечами — 17 см. Толщина фигуры — 12,5 см. Не исключено, что фигура была фрагментирована. К такому предположению склоняет незаконченность композиции, обрывающейся в районе пояса, и неровности на нижней торцовой части изваяния.

Кубарев В.Д., Якобсон Е., Цэвээндорж Д. Алтай — заповедная зона (предварительные результаты полевых исследований в 1993–1998 гг.) // Международная конференция по первобытному искусству. Т. II. Кемерово, 2000. С. 64–77.

Кубарев Г.В. Древнетюркские изваяния: воплощение эпических героев или воинов-предков? // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. №1 (29). С. 136–144.

Ожередов Ю.И. Древнетюркское изваяние с р. Белый Ануй (документальная история одной находки) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул, 2014. С. 87–92.

Ожередов Ю.И. Древнетюркская монументальная скульптура из Семиречья в собрании Томского государственного университета // Актуальные проблемы археологии Евразии. Алматы, 2016. С. 457–470.

Ожередов Ю.И. Культурно-хронологическая локализация раковины каури у народов Западной и Южной Сибири по данным археологии и этнографии // Теория и практика археологических исследований. 2022а. Т. 34, №1. С. 75–94.

Ожередов Ю.И. Раковина каури в культурах мира (по материалам археологии и этнографии) // Народы и религии Евразии. 2022б. Т. 27, №4. С. 100–141.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия исполненного в 1876–1877 годах по поручению Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1881. Вып. 2. 181 с. Примечания. 90 с., 26 табл.

Сибирский вестник. 1885. №57.

Тугоякова Э.К. Пого — женское нагрудное украшение хакасов. URL: <https://urok.1sept.ru/articles/514548>

Флоринский В.М. Археологический музей Томского университета. Томск, 1888а. 378 с.

Флоринский В.М. Примечания к описанию Археологического музея Сибирского университета // Археологический музей Томского университета. Томск, 1888б. С. 1–275.

Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Ч. II. Вып. 1 // Известия Императорского Томского университета. Кн. 9. Томск, 1896. С. 1–272, 12 табл.

Информация об авторе / Information about the Author

Юрий Иванович Ожередов, Северо-Восточный федеральный университет, Чукотский филиал, научный сотрудник; 689000, Россия, г. Анадырь, ул. Строителей, 13, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-4849-0745>, nohoister@gmail.com

Yuri I. Ozheredov, North-Eastern Federal University, Chukotka Branch, Researcher; 689000, Anadyr, Russia Stroitelei Ave., 13, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-4849-0745>, nohoister@gmail.com

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902(571.66)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.55

МОБИЛЬНОЕ ИСКУССТВО КАМЕННОГО ВЕКА КАМЧАТКИ

Ирина Юрьевна Понкратова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Резюме. При изучении предметов мобильного искусства в эпоху каменного века Камчатки предположено, что наиболее древними были артефакты персональной орнаментации (финальный палеолит, ~13,3–12,5 тыс. л.н., 12,0–10,1 тыс. л.н.). Это бусы и подвески из пиррофиллита, агальматолита, янтаря, кварцита, сланца. Каменная скульптура изготавливалась в неолите (~7,8–4,5 тыс. л.н. — начало II тыс. н.э.), при этом на протяжении всего периода древний художник изображал фигурки рыбок. Разнообразная зооморфная скульптура (киты, тюлени, медведи, олени, собаки, лисы) появляется в эпоху среднего неолита (~4000–1500 л.н.), что, вероятно, связано с формированием новой фауны в это время. В этот же период появляется антропоморфная скульптура. Каменные фигурки выполнены из местных пород камня (обсидиан, кремь, халцедон, базальт) техникой оббивки с последующим оформлением крутой ретушью. Предметы могли использоваться в обрядовой деятельности, изображать персонажей из ительменских мифов.

Ключевые слова: финальный палеолит, неолит, п-ов Камчатка, зооморфные фигурки, антропоморфная пластика, мобильное искусство

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке РФ (проект №23-28-00140 «Человек в архаичном искусстве Северной Евразии: смена парадигмы»).

Для цитирования: Понкратова И.Ю. Мобильное искусство каменного века Камчатки // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 267–275.

MOBILE ART OF THE STONE AGE OF KAMCHATKA

Irina Yu. Ponkratova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

Abstract. When studying objects of mobile art in the Stone Age of Kamchatka, it was assumed that the most ancient artifacts were personal ornamentation (~final Paleolithic, 13.3–12.5 thousand years ago, 12.0–10.1 thousand years ago). These are beads and pendants made of pyrophyllite, agalmatolite, amber, quartzite, slate. Stone sculpture was made in the Neolithic (~7.8–4.5 thousand years ago — the beginning of the 2nd millennium AD), while throughout the entire period the ancient artist depicted figurines of fish. Various zoomorphic sculptures (whales, seals, bears, deer, dogs, foxes) appeared in the Middle Neolithic era (~4000–1500 years ago). This is probably due to the formation of a new fauna at that time. During the same period, anthropomorphic sculptures were made. The stone figures are made of local stone rocks (obsidian, flint, chalcedony, basalt) with flake stone technology and sharp retouching. The objects could be used in ritual activities, depict characters from Itel'men myths.

Keywords: Final Paleolithic, Neolithic, Kamchatka peninsula, zoomorphic figurines, anthropomorphic plastic, mobile art

Acknowledgments: this work was financially supported by the Russian Scientific Foundation (Project No. 23-28-00140 “Man in the Archaic Art of Northern Eurasia: Paradigm Shift”).

For citation: Ponkratova I.Yu. Mobile art of the Stone Age of Kamchatka // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 267–275.

Введение. Особым явлением в каменном веке Камчатки являются предметы искусства — многоуровневый источник знаний о культуре населения каменного века. Их анализ позволяет дополнить знание об уровне техники и технологии обработки каменного инвентаря, провести культурные и хронологические параллели с культурами сопредельных территорий во времени и пространстве, выявить особенности самоидентификации членов коллективов, демонстрируемые в существовании определенных традиций, обрядов и религиозных представлений (Понкратова, 2019).

«Мобильное искусство» — термин дискуссионный (Дикова, 2003, с. 7), тем не менее сегодня он успешно используется в работах, посвященных первобытному искусству (напр.: Лбова, Волков, 2021; и др.). В нашем исследовании термин «мобильное искусство» используется для описания и интерпретации предметов персональной орнаментации (украшений) и скульптуры из камня, размер которой не превышает 12–15 см (размеры находок на археологических памятниках Камчатки и сопредельных территорий варьируют от 0,5 до 10–12 см в длину и от 0,5 до 1,5 см в ширину). Это предметы из разряда палеоглиптики — художественно-декоративного направления в обработке камня, при котором использовались физические и цветовые особенности сырья, соблюдался определенный канон изображения (профильно-плоскостная ориентация, характерные черты лососевых), выдерживались размерные пропорции (все фигурки небольшие, портативного характера), использовались определенные инструменты (ретушеры, отжимники) (Табарев, 2007, с. 80).

Детально мы пока не рассматриваем найденные массово на археологических памятниках эпохи неолита Камчатки лабретки — искусно и разнообразно выполненные из различных пород камня предметы персональной орнаментации. С учетом многочисленности находок этих лицевых украшений на Камчатке (Васильевский, 2002; Дикова, 1980; Понкратова, 2020; Пташинский, 2017; и др.), Алеутских и Курильских островах (Васильевский, 2002; и др.), в Японии (Кодама, Оба, 1958; и др.) для выявления их генезиса необходимо дополнительное исследование.

Наскальное искусство — петроглифы, которые обнаружены и успешно исследуются на сопредельных территориях (напр.: Диков, 1971; Дэвлет, Миклашевич, Мухарева, 2009; Кочмар, 1992; и др.), на Камчатке пока не найдены.

Предметы персональной орнаментации, как и находки каменной скульптуры на Камчатке и в целом на Дальнем Востоке, не редки — встречаются в археологических комплексах от палеолита до палеометалла. Частично они систематизированы и интерпретированы в работах Р.С. Васильевского, А.П. Окладникова (1979), М.А. Кирьяк (Диковой) (2003; и др.), Д.Л. Бродянского (2002; и др.) и др. Не всегда идеи о мобильном искусстве населения Севера Дальнего Востока России в каменном веке поддерживались (напр.: Лебединцев, 2018; и др.), но факт этого феномена на Камчатке, как и в целом на Дальнем Востоке, в Сибири и других регионах, невозможно отрицать.

Предметы мобильного искусства каменного века Камчатки опубликованы авторами находок в работах, посвященных исследованию археологических объектов разных эпох (напр.: Диков, 1977; Дикова,

1980; 1983; Пономаренко, 2000; 2014; и др.). Часть описываемых нами предметов находится в открытом доступе в информационной системе (Древнейшее искусство...).

Цель данного исследования — на основе описания и систематизации новых материалов предположить хронологию, отличительные признаки и значение предметов, характеризующих мобильное искусство древнего населения п-ова Камчатка в каменном веке.

Материалы и обсуждение. Хронологическая схема периодизации каменного века Камчатки включает: финальный палеолит (13,3–12,5 тыс. л.н.; 12,0–10,1 тыс. л.н.), мезолит (~9,9–8,6 тыс. л.н.), неолит (~7,8 — начало II тыс. н.э.). В свою очередь, в неолите выделены: ранний (~7,8–4,5 тыс. л.н.), средний (~4–1,5 тыс. л.н.), поздний (~I — начало II тыс. н.э.) периоды. Особенностью эпохи являются перерывы между периодами, что предполагает заселение полуострова в конце плейстоцена — раннем голоцене разными группами населения (Понкратова, 2022).

Предметы мобильного искусства обнаружены на стоянках финального палеолита и неолита. На стоянках эпохи мезолита связанные с искусством артефакты пока не зафиксированы.

Финальный палеолит (~13,3–10,1 тыс. л.н.). Предметы персональной орнаментации — украшения (бусины, подвески, бисер, их заготовки) найдены на стоянках Ушки в VII и VI культурных слоях (Диков, 1977; Понкратова, 2022; Gómez, Ponkratova, 2016; и др.) (рис. 1).

Бусины, бисер и их фрагменты представлены как серийными, типичными, так и уникальными предметами, плоскими и объемными, симметричными и асимметричными, круглой, подпрямоугольной, подтреугольной формы. Преобладают изделия округлой формы, плоские в профиле, с одним отверстием в центре (бисер); выполненные в основном из мягких пород камня (пирофиллит, агальматолит) (рис. 1.-1). Размеры бусин: 3–7 мм в диаметре, толщина 1–3 мм. Подвески различаются по форме — овальной

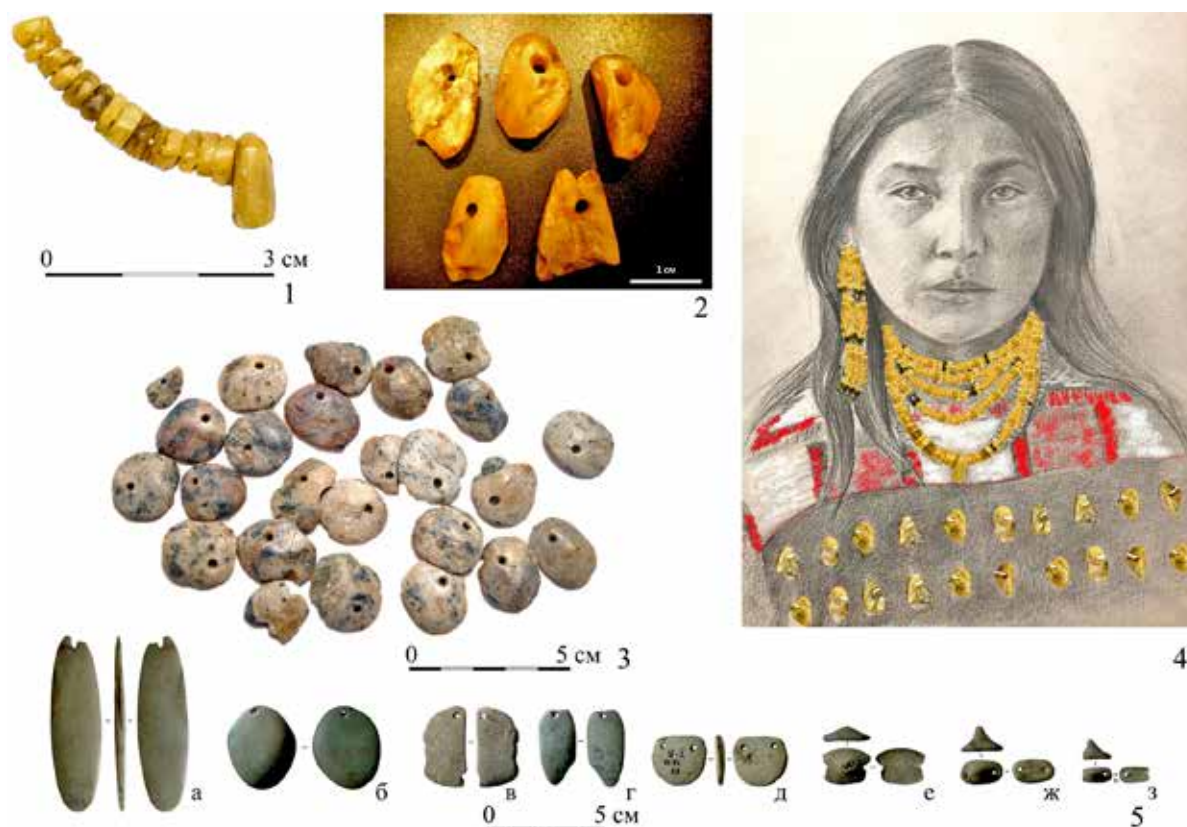

Рис. 1. Предметы персональной орнаментации (финальный палеолит): 1 — нитка бусин, 2, 3 — подвески (стоянка Ушки-*V*, культурный горизонт *VII*), 4 — историческая реконструкция, основанная на находках каменных украшений, обнаруженных на стоянке Ушки-*V* (художник Д.В. Судакова), 5, а-д — украшения (подвески?), 5, г-з — украшения из камня, описанные как лабретки Н.Н. Диковым (стоянка Ушки-*I*, культурный горизонт *VI*). 1-4 — по: Понкратова, 2022, 5 — по: Gómez Coutouly, Ponkratova, 2016
 Fig. 1. Personal ornamentation items (Final Paleolithic): 1 — thread of beads, 2, 3 — pendants (Ushki-*V* site, cultural horizon *VII*), 4 — historical reconstruction based on finds of stone ornaments found at Ushki-*V* site (painter — D.V. Sudakova), 5, а-d — jewelry (pendants?), stone ornaments described as labrettes by N.N. Dikov (Ushki-*I* site, cultural horizon *VI*). 1-4 — by: Ponkratova, 2022, 5 — by: Gómez Coutouly, Ponkratova, 2016

и округлой в профиле с одним отверстием в центре или у края, или с двумя — по краям изделия. Размеры подвесок: 12–15 мм в длину, 10–11 мм в ширину, толщина 4 мм (рис. 1.-2–3, 5). Заготовки — в виде уплощенных округлых фрагментов сырья различного размера, иногда с точкой кернения в центре.

Технология изготовления бус и подвесок состояла из ряда последовательных стадий: подбор сырья; заготовка формы путем оббивки или обработки резчиком (?); сверление, шлифовка и полировка заготовки. Сырье, применяемое для изготовления бусин и подвесок, — небольшие гальки или их обломки из пиррофиллита, агальматолита, янтаря, а также кварцита и сланца (в единичных случаях) обнаружены вместе с изделиями.

Бусины и подвески, несомненно, являлись частью сложных изобразительных систем (ожерелий, расшитой одежды, украшениями посуды особого назначения или других изделий престижного характера) (рис. 1.-4). Древнейшее население Камчатки могло использовать бусины в качестве амулетов, для украшения одежды и предметов быта, ритуальных изделий. На связь украшений с ритуальной практикой указывает их расположение на охристой площадке рядом с очагом (Ушки-V), а также в захоронении (Ушки-I) (Диков, 1977). Использование изделий, возможно, было связано с почитанием огня и очага, промысловой магией, верой в загробную жизнь.

В Северной Азии появление первых палеолитических украшений исследователи связывают со временем, переходным от среднего к верхнему палеолиту (50–40 тыс. л.н.). Сравнение украшений Камчатки с одной стороны и Забайкалья, Горного Алтая — с другой позволяет выделить ряд сходных позиций. Это применение специфичных для палеолита методов обработки сырья (сверления, шлифования, пиления) не фиксируется на других, кроме украшений, типах изделий; морфологическое и технико-технологическое сходство целого ряда изделий (мелких округлых бусин с цилиндрическим отверстием в центре, небольших подвесок из камня разных форм); нахождение подавляющего количества украшений в слоях памятников, определяемых как поселения или интенсивно используемые охотничьи стоянки со структурно выраженными поселенческими объектами — жилищами, хозяйственными ямами, очагами; ярко выраженная приуроченность большинства украшений к очагам жилищных конструкций; наличие пигментов на ряде украшений. В то же время палеолитические украшения Забайкалья и Горного Алтая в целом представлены более разнообразными видами и формами (диски с отверстиями, кольца, бусины-пронизки, предметы с отверстиями и насечками), изготовлены из различных материалов (камень, кость, скорлупа страусиных яиц) (Лбова, Волков, 2021).

На территории Севера Дальнего Востока России и Якутии находки украшений в виде каменных бус сравнительно редки. Древнейшими считаются палеолитические украшения, изготовленные из бивня и кости, найденные на Янской стоянке (Питулько, Павлова, Иванова, 2014). Наиболее схожие по форме, но отличающиеся по времени, материалу (раковины), технике изготовления бусины обнаружены в погребальных неолитических комплексах бассейна реки Колымы — Каменка-2, Помазкино-3 (Кашин, 2013; Кашин, Калинина, 1997), Родинское, Бурулгино (МАН АНИЦ АН Якутии), Усть-Нил и Хуренджа (Слободин, 1999). Схожими по форме подвесками и бусинами из раковин индейцы Калифорнии украшали корзины, пояса, серьги, свистульки, собирали из них ожерелья. Процесс изготовления бусин, подобных камчатским, зафиксирован в этнографических описаниях народа кашая: «... для изготовления бус раковины разбивали на небольшие кусочки и оббивали их края, придавая заготовкам круглую форму. Затем в центре высверливали отверстие и нанизывали заготовки на прутья длиной около двадцати сантиметров. Следующий этап состоял в обтачивании их краев на каменной плите. Заготовки, нанизанные на ветку, двумя ладонями катали вперед и назад на плите из песчаника. После обтачивания все диски, находившиеся на одной ветке, были одного диаметра...» (Индейцы Калифорнии..., 2018, с. 97). Проводимые эксперименты подтверждают возможность изготовления бусин таким способом (Heredia, 2018). Уникальность камчатских финальнопалеолитических украшений определяется массовостью находок подобного рода; фиксацией ряда дошедших до нас непотревоженных скоплений артефактов.

Неолит. Скульптура. Каменная (зоо- и антропоморфная) скульптура эпохи неолита Камчатки представлена в основном предметами из частных коллекций, тем не менее немногочисленные находки на хорошо изученных стратифицированных археологических памятниках позволяют проследить определенную закономерность (рис. 2, 3).

Ранний неолит (~7,8–4,5 тыс. л.н.). В ранненеолитическом, датируемом по углю ^{14}C ~6,7–4,4 тыс. л.н. культурном горизонте стоянки Ушки-V найдено изделие в виде изображения рыбки, выполненное на небольшой пластине из обсидиана. Мелкой крутой ретушью обработан периметр фигурки, выделены хвост, слегка приподнятый вверх, и небольшая голова. Более крупными фасетками

Рис. 2. Зооморфная и антропоморфная скульптура из камня: 1-3 — фигурки рыбок (стоянка Ушки-У, ранний неолит), 4, 5 — фигурки медведей (стоянка Ушки-У, подъемный материал), 6 — фигурка тюленя (стоянка Столбовая-1, жил. 1, средний неолит), 7-11 — антропоморфные фигурки (Авачинская бухта, средний неолит). 1-4, 6-11 — обсидиан, 5 — халцедон. Фото автора

Fig. 2. Zoomorphic and anthropomorphic stone sculpture: 1-3 — fish figurines (Ushki-V site, Early Neolithic), 4, 5 — bear figurines (Ushki-V site, elevating material), 6 — seal figurine (Stolbovaya-1 site, dw. 1, Middle Neolithic), 7-11 — anthropomorphic figurines (Avacha Bay, Middle Neolithic). 1-4, 6-11 — obsidian, 5 — chalcedony. Photo by the author

ретуши обработано брюшко (рис. 2.-1). Там же обнаружены фигурки рыбок на отщепках из обсидиана (рис. 2.-2, 3). Голова одной из них оформлена крупными сколами, один из которых естественного происхождения, второй — искусственного (рис. 2.-2). Другая фигурка по контуру обработана крупной ретушью, при этом особое внимание уделено оформлению головы и хвоста (рис. 2.-3). Возможно, с IV культурным слоем связаны и другие фигурки, обнаруженные на берегу озера. Один предмет представляет собой профильное фигурное изображение медведя, выполненное на отщепе из обсидиана. По контуру предмет обработан мелкой ретушью, оформляющей абрис фигурки — подчеркнуто грузное тело зверя, лапы и голова. Оформление головы произведено более крупными сколами, особое внимание уделено оформлению носа и пасти (рис. 2.-4). Другое изделие представляет собой изображение головы медведя, выполненное на отщепе из халцедона. Хорошо проработана морда зверя, вытянутый нос, ноздри, очертания пасти, лобная часть и ухо. Загривок оформлен плоской стелющейся перекрывающей ретушью средних размеров (рис. 2.-5). Следы утилизации на всех предметах не обнаружены: ретушь и сколы сделаны преднамеренно*.

Средний неолит (~4,0–1,5 тыс. л.н.). На стоянке Столбовая-I (Усть-Камчатский район) в датированном по углю ^{14}C ~2,0–1,9 тыс. л.н. жилище в комплексе с другими артефактами была найдена фигурка морского млекопитающего (рис. 2.-6). Изделие представляет собой изображение тюленя, выполненное на небольшом сколе из обсидиана. Крупной крутой ретушью обработан периметр фигурки, выделены в лежащем положении тело и приподнятая небольшая голова. Здесь же была найдена изготовленная техникой оббивки с последующей шлифовкой лабретка — предмет неутилитарного назначения, используемый для ношения в щеке или нижней губе (Понкратова, 2022).

* Аналитики — канд. ист. наук Е.Ю. Гирия (ИИМК, г. Санкт-Петербург), д-р ист. наук, доцент П.В. Волков (ИАЭТ СО РАН, НГУ, г. Новосибирск), Н.А. Дорофеева (ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток).

Ранее зооморфные и антропоморфные фигурки, лабретка были обнаружены Т.М. Диковой на стоянке Авача в культурном слое II (~3,9–2, 9 тыс. л.н.) (1983, с. 139, табл. 38, с. 146, табл. 45). На стоянке у устья ручья Рябухина на мысе Лопатка (южная часть Елизовского района) (~3,9–2,8 тыс. л.н.) найдены предметы искусства из кости — с орнаментом и сквозными отверстиями, клювовидные; зооморфная фигурка (Пономаренко, 2000, с. 303, табл. 112).

В 2000-х гг. при строительстве одного из домов коттеджного поселка в Авачинской бухте был собран комплекс артефактов: тесла со следами шлифовки, ретушеры из камня и кости, фрагменты костяных орудий, многочисленные отщепы из обсидиана, а также пять антропоморфных фигурок. Исходя из расположения находок между вулканическими пеплами извержений вулканов Ксудач 1750 л.н. и Авачинский 3300 л.н. находки можно отнести к эпохе среднего неолита. Схожесть комплекса артефактов с находками в культурном слое II стоянки Авача (Дикова, 1983) позволяет предположить одновременность археологических объектов. Интерпретировать фигурки можно как изображения мужчин (2 экз.), женщин (2 экз.) и ребенка (1 экз.) (рис. 2.-7–11). Изготовленные из обсидиана фигурки схожи с изделиями, найденными на стоянке Авача (Дикова, 1983, с. 147, рис. 73), но отличаются своими размерами: мужчины — 7, 2×3,3×0,5 см (рис. 2.-7), 5,1×3,2×0,6 см (рис. 2.-9), женщины — 6,3×3,2×0,4 см (рис. 2.-8), 4,1×3,1×0,4 (рис. 2.-10), ребенок — 3,2×3,1×0,5 см (рис.2.-11). Изделия обработаны крупной крутой ретушью; части тел — голова, ноги, руки выделены реалистично, при этом лица не проработаны. У фигурок женщин отчетливо обозначен большой живот, что не исключает изображение женщины, ожидающей рождения ребенка. У одной из фигурок (рис. 2.-8) обломана нога. Фигурки со сломанными конечностями были найдены и ранее (Кирияк (Дикова), 2003, табл. 45, рис. 2, 3, 5, с. 49), что позволяет предположить преднамеренный скол.

Поздний неолит (~I — начало II тыс. н.э.). При исследовании поздненеолитической стоянки Крутоберегово (т. 118/08) обнаружены изготовленные из халцедона зооморфные фигурки рыбки и головы медведя (?) (рис. 3.-1, 2) (Понкратова, 2022).

Фигурки рыбок, медведя, собак, россомахи, лисы, бобра (?), оленя (?), белки-летяги (?) были найдены в разных местах в Авачинской бухте (рис. 3.-3–20). Исходя из облика собранных рядом с фигурками изделий, предварительно их можно датировать поздним неолитом. Фигурки выполнены на отщепе и пластинах из обсидиана, халцедона, кремня; мелкой крутой ретушью обработаны периметры фигурок — выделены отдельные части тел животных, головы, хвосты и плавники рыб.

Рис. 3. Зооморфная скульптура из камня (поздний неолит): фигурки рыбки и головы медведя (1, 2) (стоянка Крутоберегово (т. 118/08), фигурки рыбок (3–14), собак (15, 18), медведя (16), оленя (?) (17), белки-летяги (?) (19), россомахи, лисы, бобра (20) (Авачинская бухта).

1–3, 5, 9, 10, 14, 15, 20 — халцедон, 4, 7, 11, 13, 16–19 — кремнь, 6 — обсидиан, 8 — базальт
 Fig. 3. Zoomorphic stone sculpture (Late Neolithic): figurines of fish and bear's head (Krutoberegovo site (Point 118/08), figurines of fish (3–14), dogs (15, 18), bear (16), deer (?) (17), flying squirrels (?) (19), wolverine or beaver (20) (Avacha Bay). 1–3, 5, 9, 10, 14, 15, 20 — chalcedony, 4, 7, 11, 13, 16–19 — flint, 6 — obsidian, 8 — basalt

Анализируя хронологическую последовательность появления каменной скульптуры на полуострове, можно предположить, что первыми изображениями древнего художника были изготовленные на отщепках и пластинах фигурки рыбок в раннем неолите. В эпоху среднего неолита зафиксированы фигурки, изображающие млекопитающих. Возможно, это напрямую было связано с ростом общей биопродуктивности морских экосистем в северо-западной части Тихого океана около 4,8 тыс. л.н., когда за счет сохранившихся или мигрировавших из других зоогеографических областей видов произошло новое формирование фауны (Крылович, 2013). Расположение и состав фаунистических останков археологических стоянок среднего и позднего неолита свидетельствуют о том, что объектами охоты и морского промысла населения были тюлени, северные морские котики, сивучи, каланы и др., промысловые птицы.

Неизменным объектом рыбной ловли, начиная еще с первых периодов заселения Камчатки, оставались лососевые виды рыб (Понкратова, 2022). И фигурки рыбок, вероятно, связаны с добычей рыбы, их участием в промысловых (сезонных) церемониях и ритуалах, в том числе с обрядами, посвященными «рыбьему богу» Хантаю, описания которых встречаются в этнографическое время (Крашенинников, 1994) и свидетельствуют о занятии населения рыболовством. Этому не противоречат месторасположения стоянок, на которых обнаружены изделия: например около богатого ихтиофауной водоема (Большое Ушковское озеро, стоянки Ушки), на берегах рек, озер и моря (устье реки Авача, стоянка Авача и др.). Тотемистические представления фиксируются в мифологии (Ительменские сказки..., 2014) и, безусловно, связаны в основном с культом рыбы, который позднее широко представлен в культуре ительменов Камчатки (История и культура ительменов..., 1990). Для народов Камчатки рыба была и остается одним из важнейших источников самообеспечения. И все, что связано с ее добычей, сопровождалось и сегодня сопровождается разнообразными обрядами. Ительмены верили, что если в жилище находится изображение рыбы, то сезонный подход рыбы будет богатым. Отмечаемый в июне день первой рыбы является для них особым праздником: в этот день задабривают реку, «чтобы год был рыбным». Осенний ительменский обрядовый праздник «Алхалалалай» считается главным праздником ительменов, на котором коренные жители Камчатки благодарят природу за ее дары: чтобы камчатские реки были полны лососем, чтобы охота в камчатских лесах всегда была удачной (личные наблюдения).

Фигурки рыбок в древности были распространены на Дальнем Востоке России (Чукотка, Приморье, Приамурье, Сахалин и др.) (Дикова, 2003; Медведев, 2007; Шубина, Яншина, 2014; и др., музейные коллекции ДВФУ, ИИАЭ ДВО РАН, ИАиЭТ СО РАН, СахГУ, СОКМ, ХКМ им. Н.И. Гродекова и др.), в Северной Америке (напр.: Гаврилова, Табарев, 2004; и др.). Учитывая их неутилитарный характер, исследователи считают их предметами «престижной экономики» — одного из самых ранних механизмов социальной дифференциации в первобытном обществе, свидетельствующем о существовании специфических «престижных технологий, экспонирования украшений и декоративных изделий членами коллектива, придания этим предметам особого социального и ритуального значения» (Табарев, 2007).

Зооморфные (киты, тюлени, медведи, олени, собаки, росوماхи, лисы и пр.) и антропоморфные фигурки могли быть связаны как со спецификой хозяйства и ритуальными церемониями, так с персонажами любимых ительменами мифов и сказок. В числе действующих персонажей собака Лала, лиса Петенга, «нерпушка», «китик», медведи, олени (Ительменские сказки..., 2014; Сказки и мифы ительменов, 1974). Основными героями сказок выступают мужчины Тылвал, Челькутх, их жены и сестры Синаневт, Анаркльнавт, Рынгена, дети. Не исключаем, что некоторые из них и изображались древним художником (рис. 2.-6-9, рис. 3). В сказке «Тылвал и Немал-Человек» упоминается о великане, изображением которого могла быть отличающаяся от остальных своим большим размером фигурка из Авачинской бухты (рис. 2.-7). В камчатских сказках встречаются сюжеты, где женщин наказывают за провинности путем нанесения увечья ногам — возможно, этим можно объяснить преднамеренность скола одной из ног на женских фигурках (рис. 2.-8), которые неоднократно повторяются на фигурках.

Некоторые аналоги антропоморфной камчатской скульптуре встречаются в европейской части России (напр.: Замятнин, 1948), о чем уже отмечалось ранее (Кирьяк (Дикова), 2003, с. 22), на севере Хоккайдо, на Курильских островах, в Приморье и др. Схожая по размеру и форме антропоморфная фигурка из обсидиана вместе с персональными украшениями (бусами) и подвеской в виде медведя обнаружена при раскопках погребения Токорогавакакоо (г. Токоро, Хоккайдо, Япония, эпи-дземон). По интерпретации исследователей, похороненный здесь мужчина занимал в поселении положение шамана (Хаккуцусарэта нихонрэтто, 1995).

Заключение. Анализ и систематизация предметов мобильного искусства в эпоху каменного века Камчатки позволяет заключить, что наиболее древними были артефакты, связанные с персональной орнаментацией (финальный палеолит, ~13,3–12,5 тыс. л.н., 12,0–10,1 тыс. л.н.). Это миниатюрные бусы

и подвески из пиррофиллита, агальматолита, янтаря, кварцита, сланца. Каменная скульптура создавалась в основном техникой оббивки с последующим оформлением мелкой крутой ретушью в неолите (~7,8–4,5 тыс. л.н. — начало II тыс. н.э.). При ее изготовлении использовались обсидиан, кремьень, халцедон, базальт — широко распространенные на полуострове породы камня. На протяжении всего неолита древний художник изображал фигурки рыбок, которые, вероятно, использовались в промысловых церемониях. Разнообразная зооморфная (киты, тюлени, медведи, олени, собаки, росомахи, лисы и пр.) скульптура появляется в эпоху среднего неолита (~4,0–1,5 тыс. л.н.), что, возможно, было связано с формированием новой фауны около 4,8 тыс. л.н. В это же время появляется антропоморфная скульптура в виде фигурок женщин, мужчин, ребенка. Зооморфные и антропоморфные фигурки могли как использоваться в обрядовой деятельности, так и изображать персонажей ительменских мифов и сказок.

Список источников

- Бродянский Д.Л. Искусство древнего Приморья: (каменный век — палеометалл). Владивосток, 2002. 220 с.: ил.
- Васильевский Р.С. Лабретки в культурах Северотихоокеанского региона // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №2. С. 71–78.
- Васильевский Р.С., Окладников А.П. Изображения медведей в неолитическом искусстве Северной Азии // Звери в камне: Первобытное искусство. Новосибирск, 1979. С. 230–238.
- Гаврилова Е.А., Табарев А.В. Лосось в промыслах, мифах и ритуалах древних и традиционных культур тихоокеанского Севера // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X, ч. 1. Новосибирск, 2004. С. 57–60.
- Диков Н.Н. Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. М., 1971. 134 с.: ил.
- Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). М., 1977. 391 с.: ил.
- Дикова Т.М. Лабретки Южной Камчатки // Новейшие данные по археологии Севера Дальнего Востока (материалы Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедиции). Магадан, 1980. С. 56–63.
- Дикова Т.М. Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М., 1983. 232 с.: ил.
- Древнейшее искусство Сибири и Дальнего Востока. Информационная система мобильного искусства. URL: <http://mobileart.artemiris.org/ru>
- Дэвлет Е.Г., Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н. Новейшие полевые исследования петроглифов Чукотки // Вестник РГНФ. 2009. №3 (56). С. 213–223.
- Замятин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы // Советская археология. 1948. № 10. С. 85–123.
- Индийцы Калифорнии: каталог коллекций Кунсткамеры. СПб., 2018. 344 с.: ил.
- История и культура ительменов: историко-этнографические очерки. Л., 1990. 208 с.
- Ительменские сказки, собранные В.И. Иохельсоном в 1910–1911 гг. Б.м., 2014. 207 с.: ил.
- Кашин В.А. Неолит Средней Колымы. Новосибирск, 2013. 224 с.: ил.
- Кашин В.А., Калинина В.В. Помазкинский археологический комплекс как часть циркумполярной культуры. Якутск, 1997. 112 с.: ил.
- Кирьяк (Дикова) М.А. Древнее искусство Севера Дальнего Востока как исторический источник (Каменный век): 2-е изд., испр. и доп. Магадан, 2003. 278 с.: ил.
- Кодама С., Оба Т. О лабретках // Хоппо бунка кэнкю-хококу. Хоккайдо до Дайгаку, 1958. Вып. 13. С. 271–293 (на яп. яз.).
- Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. Новосибирск, 1992. 262 с.: ил.
- Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. В 2 т. Петропавловск-Камчатский, 1994. Т. 1. 488 с. Т. 2. 339 с.
- Крылович О.А. Динамика фауны позвоночных Командорско-Алеутской островной гряды в среднем и позднем голоцене: автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2013. 24 с.
- Лбова Л.В., Волков П.В. Древнейшее искусство Сибири: технологии, формы, символы. СПб., 2021. 149 с.: ил.
- Лебединцев А.И. «Фигурные предметы» со стоянок каменного века северо-востока Сибири: критический обзор // Stratum plus. 2018. №1. С. 155–161.
- Медведев В.Е. Каменные скульптурные изображения в неолите нижнего Приамурья // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007. С. 46–50.
- Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Иванова В.В. Искусство верхнего палеолита Арктической Сибири // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2014. С. 6–17.
- Понкротова И.Ю. Знаки и образы в искусстве каменного века п-ова Камчатки (по данным исследования стоянки Ушки-V) // Тезисы докладов Международной конференции «Знаки и образы в искусстве каменного века», 27–29 ноября 2019 г. М., 2019.
- Понкротова И.Ю. Средний неолит полуострова Камчатка // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. №5. Археология и этнография. С. 86–102.
- Понкротова И.Ю. Каменный век полуострова Камчатка: дис. ... доктора исторических наук: 5.6.3. / Северо-Восточный государственный университет. Магадан, 2022. В 2-х т. Т. 1. 252 с. Т. 2. 243 с.

- Пономаренко А.К. Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2000. 312 с. : ил.
- Пономаренко А.К. Тарьинская культура неолита Камчатки // Тихоокеанская археология. Владивосток, 2014. Вып. 30. С. 7–230.
- Пташинский А.В. К вопросу о типологии лабреток южной Камчатки // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2017. №1 (29). С. 12–24.
- Сказки и мифы ительменов // Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки (азиатские эскимосы, чукчи, керекти, коряки и ительмены). М., 1974. 646 с.
- Слободин С.Б. Археология Колымы и континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан, 1999. 233 с.: ил.
- Табарев А.В. Каменные фигурки рыб по материалам финальнопалеолитических памятников: версии и интерпретации // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007. С. 79–80.
- Шубина О.А., Яншина О.В. Предварительные итоги археологического исследования поселения Янкито-2 на о. Итуруп в 2013 году // Вестник Сахалинского музея. 2014. №1. С. 3–47.
- Хаккуцусарэта нихонрэтто (Японский архипелаг в раскопках). Синхаккэн кокогакусосухо (Сообщения о новых археологических раскопках), 1995. Токио, 1995. 111 с. (на яп. яз.).
- Gómez Coutouly Y.A., Ponkratova I.Y. The Late Pleistocene Microblade Component of Ushki Lake (Kamchatka, Russian Far East) // PaleoAmerica. 2016. Vol. 2. P. 303–331.
- Heredia J. Arqueología experimental, collar calcolítico. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Wd1IRjkazcs>

Информация об авторе / Information about the Author

Ирина Юрьевна Понкратова, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, старший научный сотрудник; 195251, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29, доктор исторических наук, доцент, <https://0000-0003-3410-3430,ponkratova1@yandex.ru>

Irina Yu. Ponkratova, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia, senior researcher; 195251, Russia, St. Petersburg, Polytechnic Str., 29, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, <https://0000-0003-3410-3430,ponkratova1@yandex.ru>

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.27(571.52)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.56

«ОЛЕННЫЙ» КАМЕНЬ ИЗ ТУВЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ РИСУНКОВ

**Алексей Алексеевич Тишкин, Сергей Юрьевич Бондаренко,
Алексей Алексеевич Тишкин (мл.)**

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. В статье демонстрируется опыт получения графических изображений на основе цифровой копии «оленного» камня, экспонируемого в стеларии одного из филиалов Национального музея Республики Тыва (г. Кызыл), где собрана большая коллекция древних каменных изваяний. Такая работа отражает поиск оптимальных методик автоматической компьютерной прорисовки, основанной на данных фотограмметрии. «Оленные» камни с хорошо различимыми изображениями уже не вызывают определенных трудностей для их всесторонней презентации и публикации, в том числе с демонстрацией развертки. Изваяния с разными рельефами и многочисленными изображениями требуют более сложного алгоритма применения имеющихся и новых цифровых технологий. Результаты таких разработок будут представлены в других публикациях.

Ключевые слова: Тува, музей, «оленный» камень, фотограмметрия, 3D-модель, изображения, графический рисунок

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»). Авторы благодарны директору Национального музея Республики Тыва К.А. Бичелдею за возможность осуществить фотограмметрию части «оленных» камней, а также кандидату исторических наук М.Е. Килуновской за сотрудничество в деле изучения древних изваяний Тувы.

Для цитирования: Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю., Тишкин Ал.Ал. «Оленный» камень из Тувы: современные возможности получения графических рисунков // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 275–281.

“DEER” STONE FROM TUVA: MODERN POSSIBILITIES OF OBTAINING GRAPHIC DRAWINGS

Alexey A. Tishkin, Sergey Yu. Bondarenko, Aleksei A. Tishkin (Jr.)

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article demonstrates the experience of obtaining graphic images based on a digital copy of the “deer” stone exhibited in the stela of one of the branches of the National Museum of the Tyva Republic (Kyzyl), where a large collection of ancient stone sculptures. This work reflects the search for optimal techniques of automatic computer drawing based on photogrammetry data. “Deer” stones with clearly distinguishable images no longer cause certain difficulties for their comprehensive presentation and publication, including the demonstration of the sweep. The statues with different reliefs and multiple images require a more sophisticated algorithm for the application of available and new digital technologies. The results of such developments will be presented in other publications.

Acknowledgments: This work was financially supported by Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00470 «The world of ancient nomads of Inner Asia: interdisciplinary studies of material culture, sculptures and economy»). The authors are grateful to K.A. Bichelday, Director of the National Museum of the Republic of Tyva, for the opportunity to carry out photogrammetry of a part of the “deer” stones, and to M.E. Kilunovskaya, Candidate of Historical Sciences, for her cooperation in the study of ancient sculptures of Tuva.

Keywords: Tuva, museum, “deer” stone, photogrammetry, 3D-model, images, graphic drawing

For citation: Tishkin A.A., Bondarenko S.Y., Tishkin A.I. “Deer” Stone from Tuva: Modern Possibilities of Obtaining Graphic Drawings // *Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology*. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 275–281.

Основной массив «оленных» камней находится в Монголии (Монгол..., 2021). Там зафиксировано более 1300 таких изваяний, и процесс их выявления постоянно продолжается. Несмотря на то что данная категория археологических источников имеет уже длительную историю изучения (Волков, 1981; 2002; Савинов, 1994; Монгол..., 2021; Эрдэнэпурэв, 2023; и др.), необходима современная комплексная программа исследований с использованием геоинформационных и цифровых технологий для достоверной фиксации места нахождения и имеющихся изображений.

На территории России Республика Тыва является хранительницей наибольшего числа рассматриваемого вида древних изваяний. Так сложилось, что многие «оленные» камни оказались в музеях. Крупное собрание находится в Национальном музее Республики Тыва (г. Кызыл) и его филиалах. Одна часть хранится в фондах, а другая по-разному экспонируется. Кроме этого, отдельные экземпляры «оленных» камней из Тувы имеются в трех музеях г. Санкт-Петербурга. Есть они и в Новосибирске (Тишкин, Бондаренко, 2023). Значительное количество известных «оленных» камней Тувы в той или иной степени опубликовано (Маннай-оол, 1970; Кызласов, 1979; Килуновская, Семенов, 1998; 1999; Чугунов, 2014; Монгуш, 2019; и мн. др.). Сохранились памятники, где такие изваяния отражают определенный археологический контекст. Однако и они в большинстве случаев перемещены со своего первоначального места.

В рамках реализации проекта РНФ в прошлом году осуществлялось современное документирование «оленных» камней Тувы. Такая работа проводилась на археологических комплексах, а также в музеях. Промежуточные результаты нашли отражение на двух сайтах*. Получен огромный объем информации, который потребовал решения проблем его обработки для дальнейшего научного использования. Одному такому моменту посвящена данная публикация.

При изучении «оленных» камней основной задачей является адекватная передача изображений, находящихся на нем. Она решалась разными способами (Миклашевич, 2011; Тишкин, 2013; и др.). Их недостатки и некоторые достоинства мы здесь не будем рассматривать, так как обратимся к применению современных технологий, которые основываются на полученных фотограмметрических данных. Опыт такой работы уже демонстрировался (Тишкин и др., 2020; Свойский и др., 2021; Тишкин, Свойский, Зиганшина, 2022; Тишкин, Бондаренко, 2023; и др.), но работа в выбранном направлении продолжается. Важным этапом ее стала апробация нескольких технологий перевода цифровых копий в графические прорисовки, что является наиболее привычной формой не только для презентации и публикации изображений, но и для детального изучения. Хотя для этого в определенных случаях годятся рендеры при их оптимальной обработке. В любом случае имеющаяся цифровая модель «оленного» камня является базовой основой для разного рода исследований имеющегося изобразительного потенциала.

* Мир древних кочевников Внутренней Азии. URL: <http://nomads-asia.ru/expeditions/ekspediciya-v-respubliku-tyva>; Древние изваяния Внутренней Азии. URL: <https://rssda.su/workdata/rsf-22-18-00470/>

В настоящее время фотограмметрия стала важным инструментом для археологов, поскольку она обеспечивает возможность точного документирования и расширенного анализа объектов и артефактов. Одним из основных применений фотограмметрии в археологии является создание высокодетализированных 3D-моделей — цифровых копий объекта. Эти модели позволяют проводить довольно широкий анализ форм и размеров, а также выявлять закономерности проявлений и взаимосвязи фиксируемых элементов. В качестве примера продемонстрируем один из полученных результатов. Исходным объектом стал «оленный» камень, находящийся в стеларии филиала «Алтын Дошка» Национального музея Республики Тыва. Судя по этикетке, изваяние происходит из кургана могильника Красная горка (Кызыл-Даг), расположенного в Кызылском районе (кожууне) Республики Тыва. Оно изготовлено из песчаника и датировано VIII–VI вв. до н.э. Изображения нанесены точечной выбивкой. К сожалению, экспонирование не позволяет полностью видеть этот «оленный» камень. Вокруг выделяющейся части посыпана крупная мраморная крошка белого цвета.

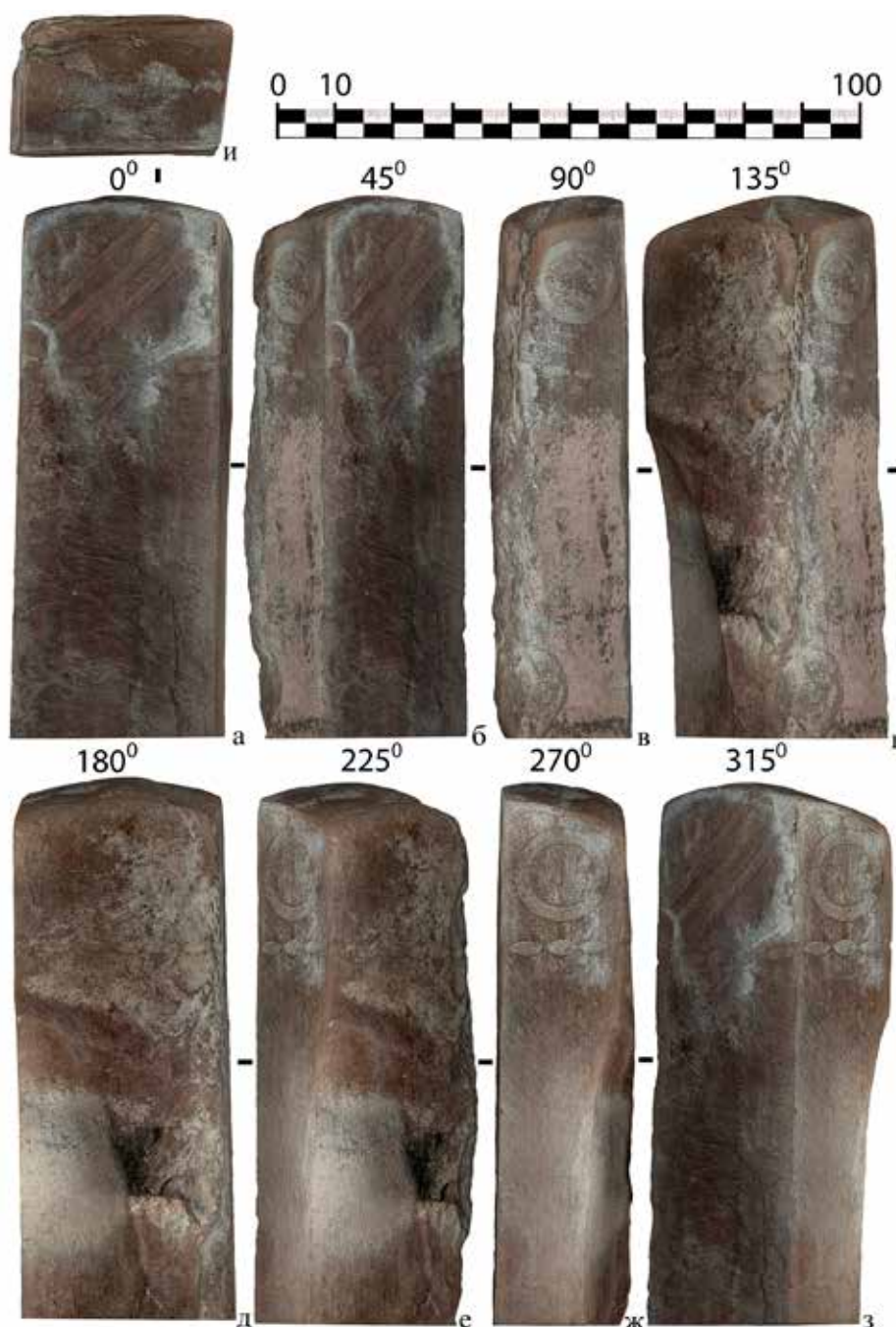

Рис. 1. Рендеры цифровой копии «оленного» камня
Fig. 1. Renders of the digital copy of the “deer” stone

Для создания цифровой копии кратко представленного древнего изваяния было сделано почти 700 снимков по его периметру. Фотограмметрия производилась фотоаппаратом Sony Alpha A7R Mark II Body с объективом 28 mm и кольцевой вспышкой Godox WITSTRO AR400. На основе обработанных данных получена 3D-модель «оленного» камня, которая содержит более 400 млн полигонов с дискретностью создания менее 0,2 мм (рис. 1). Это позволило провести изучение изваяния с достаточно высокой точностью.

Исследование модели включало использование созданного алгоритма машинного обучения для построения контуров выбивки путем проведения анализа данных, их классификации, фильтрации, преобразования, извлечения необходимой информации, обратного преобразования и принятия решений. Поскольку выбивка на камне четкая и глубокая, а точность построения модели на несколько порядков выше, это позволило машинному алгоритму точно выявить различия в структуре камня и создать текстуру, в которой вероятное геометрическое место точек, соответствующее выбивке, помечено

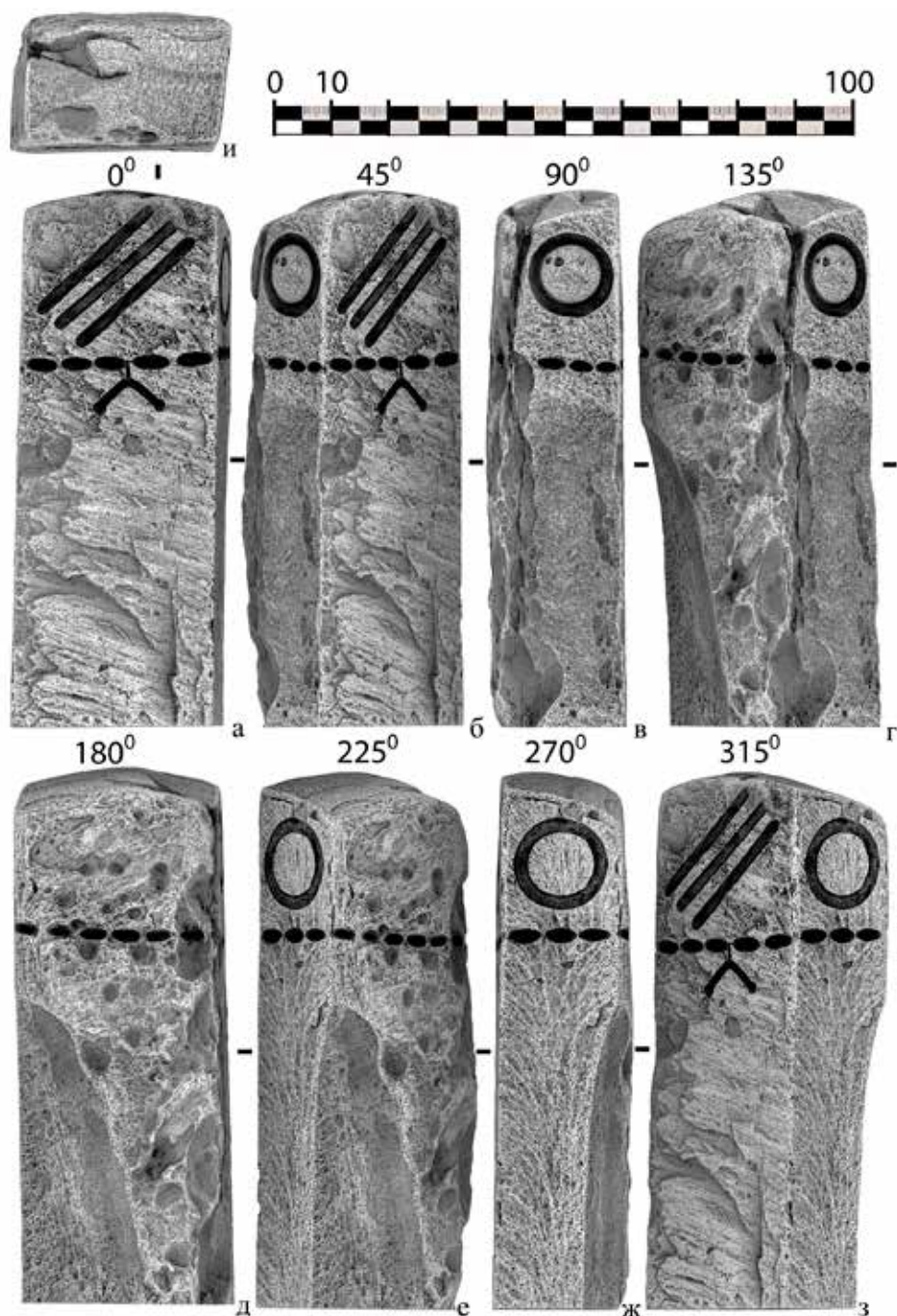

Рис. 2. Графическая иллюстрация «оленного» камня
 Fig. 2. Graphic illustration of the "deer" stone

более темным цветом. При помещении данной текстуры на объект путем рендера можно получить всестороннюю графическую иллюстрацию объекта (рис. 2).

Дальнейшая работа с 3D-моделью позволили нам реализовать еще одну возможность — создать развертку (рис. 3). Для построения развертки недостаточно было использовать встроенный механизм UV-развертки (нахождение соответствия между координатами на поверхности трехмерного объекта и координатами на текстуре), имеющийся в большинстве профессиональных 3D-редакторов, из-за необходимости минимально возможных искажений поверхности. Такая задача не решается базовыми возможностями программного обеспечения. Поэтому нами был создан алгоритм, выполняющий обозначенную задачу, исходя из критерия того, что развертка считается адекватной при минимально геометрически искаженной форме выбивок на камне. При этом форма развертки самого «оленного» камня не учитывается.

Рис. 3. Развертка плоскостей «оленного» камня:
1 — по цифровой модели; 2 — по графической иллюстрации
Fig. 3. Deployment of the planes of the “deer” stone:
1 — according to the digital model; 2 — according to the graphic illustration

Построенные развертки, а также ортогональные рендеры цифровой копии «оленного» камня в его точном виде с выделением выбивок позволяют получить более полное и всестороннее восприятие объекта (рис. 1–3). Кроме этого, имеется возможность отразить его форму и размеры, а также детально описать зафиксированные изображения.

«Оленный» камень имеет форму, похожую на четырехгранную призму с параллелепипедом в основании со скошенным до половины высоты одним углом (рис. 1). Его видимые размеры: 90,5×35×23 см.

В верхней части хорошо просматриваются несложные изображения. На лицевой стороне четко выбиты три наклонные параллельные полосы длиной 26–27 ($\pm 0,2$) см и шириной 2–2,1 ($\pm 0,1$) см (рис. 2). Ниже расположены пять овальных лунок, демонстрирующих ожерелье. Размеры этих выбивок находятся в пределах 5–6 ($\pm 0,2$) см в длину, 2,3–2,5 ($\pm 0,1$) см в ширину. Глубина их — 0,1–0,2 см. Оригинальная подвеска показана прикрепленной к ожерелью линией длиной 3 см и шириной 0,7 см. Она имеет две одинаковые части (длиной 8 см и шириной 1,4 см), отходящие от центра под углом. На концах видны расширения. На правой стороне изваяния показана серьга в виде окружности (рис. 2). Внешний диаметр этой выбивки составляет 14,5 ($\pm 0,2$) см, а внутренний — 10 ($\pm 0,1$) см. Ниже располагаются три лунки продолжающегося ожерелья. Их длина составляет 3,5–4,8 ($\pm 0,1$) см, ширина — 1,7–1,9 ($\pm 0,1$) см, глубина — 0,1–0,2 см. Несмотря на то что угол камня в этом месте отбит, признаков начала четвертой лунки не обнаруживается. По всей видимости, когда делалась выбивка, его уже не было, что учитывалось при нанесении изображений. На задней стороне «оленного» камня выявлены шесть лунок (рис. 2), отличающихся размерами: длина от 3,5 до 4,5 ($\pm 0,1$) см, ширина от 1,7 до 2,1 ($\pm 0,1$) см, глубина 0,1–0,2 см. На левой стороне изваяния также имеется окружность, демонстрирующая вторую серьгу (рис. 2). Ее диаметры больше предыдущей и составляют следующие показатели: внешний — 16 ($\pm 0,2$) см, внутренний — 10,5 ($\pm 0,2$) см. Ниже также располагаются три относительно крупные овальные лунки длиной 5,1–5,3 ($\pm 0,1$) см, шириной 2,1–2,3 ($\pm 0,1$) см и глубиной 0,1–0,2 см. Все ожерелье состоит из 17 элементов (рис. 3.-2).

Продемонстрированные результаты работы с цифровой копией простого по исполнению «оленного» камня позволили распространить имеющиеся возможности на другие изваяния с многочисленными и более сложными изображениями. В ходе такой деятельности пришлось усовершенствовать методику и алгоритм для воспроизводства более качественного уровня. Данный подход обеспечил возможность демонстрации уточненных изображений и выявления новых деталей, что будет представлено в других публикациях.

Список источников

- Волков В.В. Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981. 254 с.
- Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002. 248 с.
- Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни Тувы (Часть 1. Новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности) // Археологические вести. 1998. №5. С. 143–154.
- Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни Тувы (Часть 2. Сюжеты. Стиль. Семантика) // Археологические вести. 1999. №6. С. 130–145.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979. 208 с.
- Маннай-оол М.Х. Тува в скифское время. Уюкская культура. М., 1970. 122 с.
- Миклашевич Е.А. Изображения на курганных плитах и стелах Хакасии (некоторые проблемы изучения и музеефикации) // Древнее искусство в зеркале археологии. Кемерово, 2011. С. 214–232 (Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VII).
- Монгол ба бус нутгийн буган хушууний соел: Эрдэм шинжилгээний каталог. Боть I / ред. Ц. Төрбат. Улаанбаатар, 2021. 496 н. (на монг. яз.).
- Монгуш Ч.А.-С. Коллекция каменных памятников в собрании Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. 2019. №2. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/847> (дата обращения: 13.08.2022 г.). DOI: 10.25178/nit.2019.2.7
- Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994. 208 с.
- Свойский Ю.М., Романенко Е.В., Зиганшина А.А., Тишкин А.А. Использование современных цифровых технологий для документирования и всестороннего изучения «оленных» камней, хранящихся в музеях России // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая. Абакан, 2021. С. 131–136. DOI: 10.31600/978-5-907298-19-4
- Тишкин А.А. Выявление, документирование и изучение «оленных» камней в долине Буянта (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №1. С. 73–90.
- Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю. «Оленные» камни, использованные тюрками: новый взгляд на сохранившиеся изображения (по материалам Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XXIX. Барнаул, 2023. С. 239–247. DOI:10.14258/2411-1503.2023.29.36

Тишкин А.А., Свойский Ю.М., Зиганшина А.А. «Оленные» камни на Алтае: опыт современного документирования // Мир Центральной Азии — V. Новосибирск, 2022. С. 20–22. https://doi.org/10.53954/9785604788981_20

Тишкин А.А., Свойский Ю.М., Романенко Е.В., Зиганшина А.А., Идэрхангай Т. Новые результаты документирования «оленных» камней у поселка Баян зурх (Монгольский Алтай) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре: В 3 т. Т. III. Самара, 2020. С. 103–105.

Чугунов К.В. Оленные камни Чинге-Тэя (предварительное сообщение) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул, 2014. С. 41–54.

Эрдэнэпурэв П. История изучения «оленных» камней в Центральной Монголии // Изв. Алт. гос. ун-та. 2023. №3 (131). С. 81–85.

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой Отдел сопровождения НИОКР, главный научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department, R&D Support Department, Chief Scientific Officer; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Сергей Юрьевич Бондаренко, Алтайский государственный университет, Отдел сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат технических наук, доцент; <https://orcid.org/0000-0003-4295-4120>, bonsu@yandex.ru

Sergey Yu. Bondarenko, Altai State University, Department of support of research and development works, Research Officer; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0003-4295-4120>, bonsu@yandex.ru

Алексей Алексеевич Тишкин (мл.), Алтайский государственный университет, Институт истории и международных отношений, студент; Отдел сопровождения НИОКР, лаборант-исследователь; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, <https://orcid.org/0009-0005-2788-4824>, mattcraft@mail.ru

Aleksei A. Tishkin (Jr.), Altai State University, Institute of History and International Relations, Student; Department of Research and Development Support, Research Laboratory Assistant; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61, <https://orcid.org/0009-0005-2788-4824>, mattcraft@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.27:004(575.2)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.57

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ДОКУМЕНТИРОВАНИИ «ОЛЕННЫХ» КАМНЕЙ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Алексей Алексеевич Тишкин¹, Кубатбек Шакиевич Табалдиев², Сергей Юрьевич Бондаренко¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

²Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан

Резюме. В Кыргызстане пока обнаружено небольшое количество «оленных» камней. Однако их изучение имеет важное значение при реализации проекта Российского научного фонда. Эти древние изваяния маркируют западную границу архаичной кочевой империи, которая существовала на территории Внутренней Азии в конце эпохи бронзы и в начале раннего железного века. В данной статье демонстрируется применение цифровых технологий при документировании одного из «оленных» камней, стоящего сейчас у Национального исторического музея Кыргызской Республики. Указаны другие аналогичные объекты, изученные в ходе проведенных обследований. Обозначены перспективы дальнейшего выявления древних изваяний. При этом важно установить их контекст среди других археологических памятников на основе уже имеющегося опыта работ.

Ключевые слова: Кыргызстан, «оленные» камни, фотограмметрия, цифровые технологии, графические изображения

Благодарности: работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФ (проект №22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства», А.А. Тишкин, С.Ю. Бондаренко).

Для цитирования: Тишкин А.А., Табалдиев К.Ш., Бондаренко С.Ю. Использование цифровых технологий при документировании «оленных» камней в Кыргызстане // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 281–286.

USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE DOCUMENTATION OF “DEER” STONES IN KYRGYZSTAN

Alexey A. Tishkin¹, Kubatbek Sh. Tabaldiev², Sergey Yu. Bondarenko¹

¹Altai State University, Barnaul, Russia

²Kyrgyz-Turkish University “Manas”, Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract. A small number of “deer” stones have been discovered in Kyrgyzstan so far. However, their study is important for the implementation of the Russian Science Foundation project. These ancient statues mark the western border of an archaic nomadic empire that existed in Inner Asia at the end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age. This article demonstrates the use of digital technology in documenting one of the “deer” stones now standing by the National History Museum of the Kyrgyz Republic. Other similar objects studied in the course of the surveys are indicated. Prospects for further identification of ancient sculptures are outlined. At the same time, it is important to establish their context with other archaeological sites on the basis of the existing experience of work.

Keywords: Kyrgyzstan, “deer” stones, photogrammetry, digital technologies, graphic images

Acknowledgments: this work was financially supported by Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00470 «The world of ancient nomads of Inner Asia: interdisciplinary studies of material culture, sculptures and economy», A.A. Tishkin, S.Yu. Bondarenko).

For citation: Tishkin A.A., Tabaldiev K.Sh., Bondarenko S.Yu. Use of Digital Technologies in the Documentation of “Deer” Stones in Kyrgyzstan // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing house of Altai University, 2023. P. 281–286.

В ходе реализации проекта Российского научного фонда летом 2023 г. авторами статьи было предпринято изучение «оленных» камней, ранее обнаруженных в Кыргызстане. К настоящему времени таких древних изваяний в республике известно совсем немного (Табалдиев, 2011, с. 36–41, 43, 47; 2017, с. 588–591, рис. 3; и др.). Однако существуют перспективы дальнейшего выявления рассматриваемого вида археологических объектов. Данное заключение подтверждает новая находка в Кочкорской долине около с. Семиз-Бел, зафиксированная в ходе обследований, проведенных авторами статьи, и еще не введенная в научный оборот. К сожалению, в этом и в других случаях не прослеживается связь изваяния с конкретным памятником.

Некоторые «оленные» камни размещены в музейных собраниях и парковых зонах. Один из них, о котором речь пойдет в данной публикации, располагается возле Национального исторического музея Кыргызской Республики среди множества тюркских скульптур (Табалдиев, Притеева, 2019). В г. Бишкеке имеется аналогичное изваяние, установленное у входа в среднюю образовательную школу №10. Его привезли в 1956 г. из Иссык-Кульской области. Данный объект глубоко закопан, и видна только его верхушка высотой 0,38 см. Следующий «оленный» камень был переиспользован в тюркское время (Табалдиев, 2017, рис. 3.–4), поэтому он находится среди многочисленных раннесредневековых статуй на территории Археолого-архитектурного комплекса «Башня Бурана», примерно в 70 км от столицы Кыргызстана. В с. Кара-Суу (Кочкорский район Нарынской области) возле средней школы создан небольшой этнопарк, где имеется своеобразный «оленный» камень.

Перечисленные древние изваяния фиксировались фотоаппаратом Sony Alpha A7R Mark II Body с объективом 55 mm и кольцевой вспышкой Godox WITSTRO AR400. Полученные результаты обрабатываются с помощью современных цифровых технологий. Один из полученных результатов демонстрируется в данной статье.

Как уже было отмечено, изучался «оленный» камень (Табалдиев, 2011, с. 37), установленный у Национального исторического музея. Он был найден в районе горного хребта Терскей-Ала-Тоо, который ограничивает Иссык-Кульскую котловину с юга. Для создания полной цифровой копии древнее изваяние было извлечено из грунта и вокруг него сделано 1475 снимков. На основе этих данных получена 3D-модель, которая содержит более 600 млн полигонов с дискретностью создания менее 0,08 мм (рис. 1). Это позволило провести изучение обелиска и выявить на нем изображения с высокой точностью.

«Оленный» камень имеет овоидную форму. Углы у него скругленные, сглаженные, но в нижней расширяющейся части имеются сколы. Зафиксированы такие: 77×44×24 см.

Дальнейшее исследование полученной цифровой копии включало использование ранее разработанного алгоритма (см. предыдущую статью в данном сборнике). В результате была получена графическая иллюстрация (рис. 2) и ее развертка (рис. 3). Они уточнили ранее полученные прорисовки (Табалдиев, 2011, нижний рис. на стр. 37).

На поверхности древнего изваяния имеется серия изображений (рис. 2, 3). Две наклонные полосы длиной 19,5 ($\pm 0,5$) см и шириной 1,2–1,6 ($\pm 0,1$) см расположены в верхней части лицевой стороны. Их длина, число и положение отличаются от аналогичных изображений в стандартной схеме, фиксируемой у большинства «оленных» камней Монголии и сопредельных территорий (Савинов, 1994; Волков, 2002; Монгол..., 2021; и др.). Наклон в другую сторону недавно был отмечен на изваянии из Тувы (Тишкин, Бондаренко, 2023). Ниже указанных полос выбит кинжал длиной 16 см, из которых 11,2 см приходится на клинок шириной 1–1,1 см в центре. Размах перекрестия составляет 6,4 см, а ширина его — 1–1,2 см. Навершие у короткой рукояти шириной 1–1,3 см имеет округлую форму диаметром 2,2 ($\pm 0,1$) см.

На правой стороне демонстрируется серьга в виде неровной окружности. Внешний диаметр ее составляет 10,4 ($\pm 0,2$) см, а внутренний — 7,2 ($\pm 0,2$) см. Там же располагается рисунок чекана, имеющего рукоять длиной 11 см. Боевая часть длиной 6,8 см слегка наклонена, обух имеет явное расширение (рис. 2).

На задней узкой стороне изображения отсутствуют, а основной набор зафиксированных петроглифов располагается на левой плоскости (рис. 2). Вторая серьга показана также в виде окружности, которая несколько больше предыдущей. Внешний диаметр ее составляет 10,7–11,5 ($\pm 0,2$) см, а внутренний — 7,6–8,1 ($\pm 0,2$) см. Немного ниже (в наклонном положении) хорошо фиксируется боевой

Рис. 1. Рендеры цифровой копии «оленного» камня
Fig. 1. Renders of the digital copy of the “deer” stone

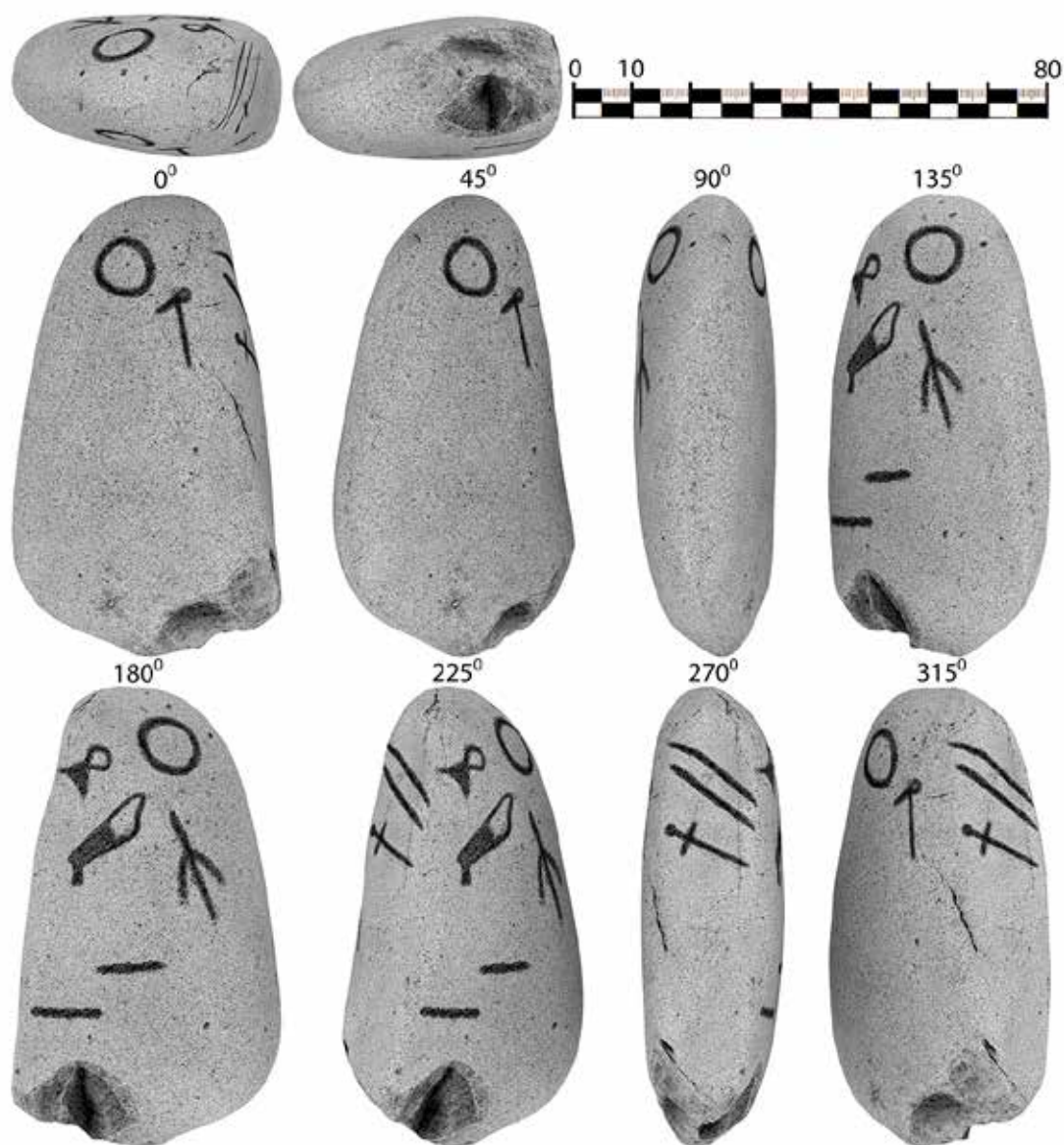

Рис. 2. Графическая иллюстрация «оленного» камня
 Fig. 2. Graphic illustration of the "deer" stone

лук в характерном горите. Длина этого изображения 19,5 см, а ширина 5,7 см. Справа и слева от него имеются рисунки, которые не встречаются на «оленных» камнях в таком контексте. Один из них похож на колокольчик с ручкой в виде петельки или на подвеску. Высота петроглифа 8,2 см, ширина основания 7 см. Другой рисунок похож на «трезубец», расположенный под наклоном. Его общая длина оказалась 19,5 см. Боковые «зубья» имеют длину 7,5 ($\pm 0,1$) см и ширину 1,4–1,6 см. Внешне изображение похоже на широко распространенную тамгу («птичья лапка») крупного размера. Однако совершенно не исключен другой вариант интерпретации такого рисунка. Две горизонтальные полосы шириной 1,5–1,6 ($\pm 0,1$) см, не связанные между собой и с другими петроглифами, расположены в нижней части левой стороны «оленного» камня. Одна из них (верхняя) имеет длину 11,3 см, а другая (нижняя) — 11,8 см.

Представленный «оленный» камень с выявленными характерными изображениями предметов вооружения и их стандартным расположением (Тишкин, 2013, рис. 3) имеет массу аналогий среди изученных древних изваяний Монголии и сопредельных территорий. Это один из самых западных образцов наряду с другими, известными в Кыргызстане. Такие находки, на наш взгляд, демонстрируют западную периферию архаичной кочевой империи (Тишкин, 2017), сформировавшейся в переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку.

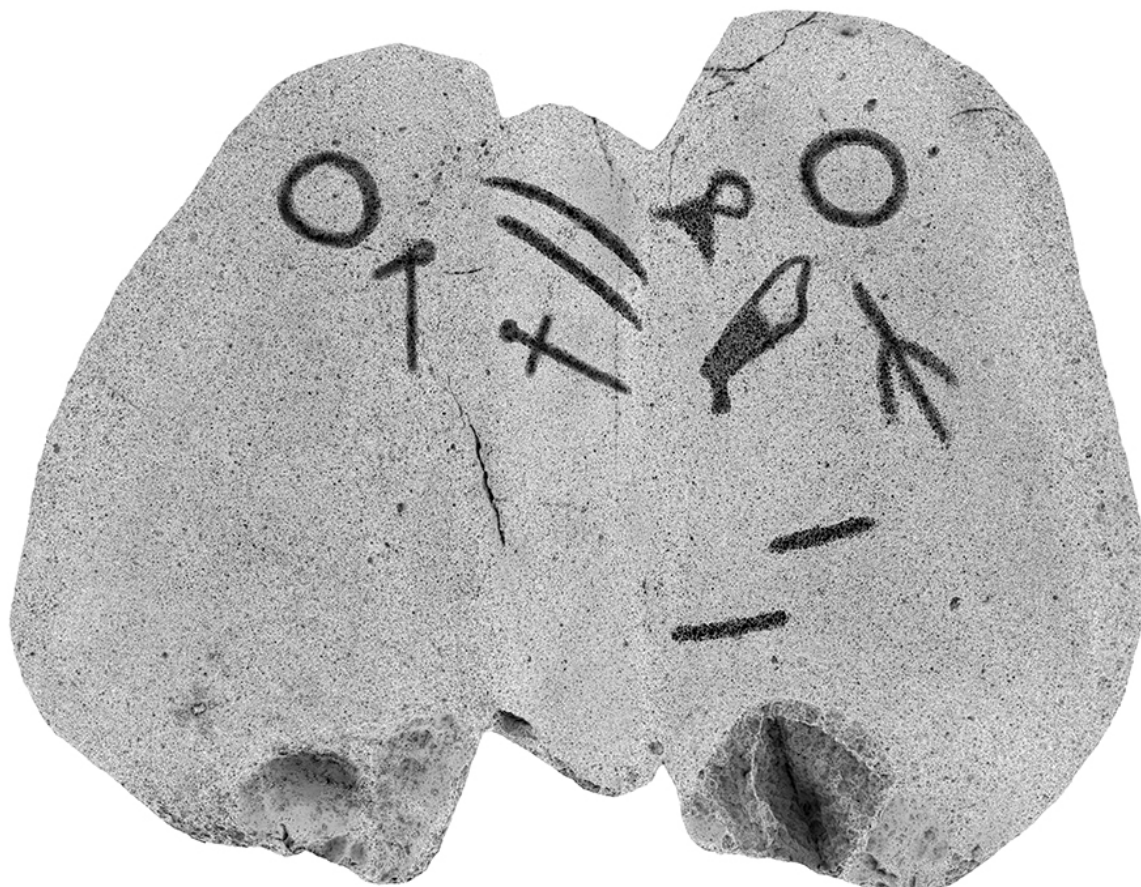

Рис. 3. Развертка плоскостей «олонного» камня по графической иллюстрации
Fig. 3. Deployment of the planes of the “deer” stone according to the graphics illustrations

Список источников

- Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002. 248 с.
Монгол ба бус нутгийн буган хушууний соёл: Эрдэм шинжилгээний каталог. Боть I / ред. Ц. Төрбат. Улаанбаатар, 2021. 496 н. (на монг. яз.).
Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994. 208 с.
Табалдиев К.Ш. Древние памятники Тянь-Шаня. Бишкек, 2011. 320 с.
Табалдиев К.Ш. Древние этнокультурные связи Алтая и Тянь-Шаня (Тенир-Тоо, Ала-Тоо) // Мир Большого Алтая. 2017. №3 (4). С. 580–595.
Табалдиев К.Ш., Притеева Н.А. Таш айкелдер. Каменные изваяния. Stone sculptures. Бишкек, 2019. 179 с.
Тишкин А.А. Выявление, документирование и изучение «олонных» камней в долине Буянта (Монгольский Алтай) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №1. С. 73–90.
Тишкин А.А. «Оленные» камни Монголии и сопредельных территорий как один из показателей архаичной кочевой империи (к постановке вопроса) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Барнаул, 2017. С. 1026.
Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю. «Оленные» камни, использованные тюрками: новый взгляд на сохранившиеся изображения (по материалам Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. 2023. Вып. XXIX. С. 239–247. DOI:10.14258/2411-1503.2023.29.36

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Алексеевич Тишкин, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, заведующий кафедрой, Отдел сопровождения НИОКР, главный научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Alexey A. Tishkin, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Head of Department, R&D Support Department, Chief Scientific Officer; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61; Doctor of History, Professor, <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>, tishkin210@mail.ru

Кубатбек Шакиевич Табалдиев, Кыргызско-Турецкий университет «Манас», отделение истории, профессор; 720044, Кыргызстан, г. Бишкек, пр. Мира, 56, доктор исторических наук, доцент, kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg

Kubatbek Sh. Tabaldiev, Kyrgyz-Turkish University “Manas”, Department of History, Professor; 720044, Kyrgyzstan, Bishkek, Mira Ave., 56, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, kubatbek.tabaldiev@manas.edu.kg

Сергей Юрьевич Бондаренко, Алтайский государственный университет, отдел сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, научный сотрудник; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; кандидат технических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0003-4295-4120>, bonsu@yandex.ru

Sergey Yu. Bondarenko, Altai State University, Department of support of research and development works, Research Officer; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor; <https://orcid.org/0000-0003-4295-4120>, bonsu@yandex.ru

Статья принята к публикации 14.07.2023.

The article approved after reviewing 14.07.2023.

Научная статья / Article

УДК: 903.27(517.3)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.58

**«ОЛЕННЫЕ» КАМНИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ МОНГОЛИИ:
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
(по материалам изданного каталога)**

Пурэвдорж Эрдэнэпурэв

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Изучение «оленных» камней в Монголии началось в конце XIX в., и уже опубликовано много исследовательских работ. В 2021 г. был издан трехтомный иллюстрированный каталог «Культура оленных камней Монголии и соседних регионов», в котором приводятся сведения о 1318 древних изваяниях. На основе этого издания автор статьи подготовил информацию об «оленных» камнях, находящихся в Хангайских горах Центральной Монголии. В данном регионе постоянно проводятся обследования, но специальные исследования именно древних изваяний еще не проводились, поэтому есть перспективы открытия новых «оленных» камней. В статье речь пойдет о процессе выявления и изучения «оленных» камней, а также приводятся новые факты. Этот анализ данных важен для наших будущих исследований. В Центральной Монголии зарегистрировано 592 таких изваяния. Для их детального изучения будут привлечены новые методы и технологии документирования, что существенно расширит наши знания о древних кочевых культурах Внутренней Азии.

Ключевые слова: Центральная Монголия, Хангайские горы, «оленный» камень, каталог, анализ

Для цитирования: Эрдэнэпурэв П. «Оленные» камни в Центральной Монголии: информационный потенциал (по материалам изданного каталога) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 286–290.

**“DEER” STONES IN CENTRAL MONGOLIA: INFORMATION POTENTIAL
(Based on the Materials of the Published Catalog)**

Purevdorj Erdenepurev

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The study of “deer” stones in Mongolia began in the late 19th century, and many research papers have already been published. In 2021, a three-volume illustrated catalog “The Culture of Deer Stones of Mongolia and Neighboring Regions” was published, which contains information about 1318 ancient sculptures. Based on this publication, the author of this article prepared information about the “deer” stones located in the Khangai Mountains of Central Mongolia. Surveys are constantly conducted in this region, but special studies of ancient statues have not yet been done, so there are prospects for the discovery of new “deer” stones. In this article we will talk about the process of discovering and studying “deer” stones and provide new facts. This data analysis is important for our future research. There are 592 such statues recorded in Central Mongolia. New methods and documentation technologies will be utilized to study them in detail, which will significantly expand our knowledge of the ancient nomadic cultures of Inner Asia.

Keywords: Central Mongolia, Khangai Mountains, “deer” stone, catalog, analysis

For citation: Erdenepurev P. “Deer” Stones in Central Mongolia: Information Potential (based on the Materials of the Published Catalog) // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 286–290.

Высокогорная зона, протянувшаяся с юго-востока на северо-запад в центральной части современной Монголии, называется Хангайскими горами. На этой территории располагаются Архангай и Уверхангай аймаки, а также северная часть аймака Баянхонгор, западная часть аймака Булган, восточная часть аймака Завхан и южная часть аймака Хубсугул. При определении вышеперечисленных регионов мы опирались на опубликованную в каталоге «Культура оленных камней Монголии и соседних регионов» (Монгол ба бус..., 2021) фоновую карту распространения «оленных» камней в долинах рек и крупных гор. Хангайские горы являются благоприятной местностью для животноводства. Там протекает несколько крупных рек (Орхон, Хануй, Идэр, Тамир, Онги, Завхан, Сэлэнгэ, Туй, Байдраг и др.) и имеются тысячи археологических памятников, оставленных древними кочевниками.

На основе информации указанного каталога автор намерен отобразить и изучить «оленные» камни, относящиеся к Центральной Монголии, начиная с Хангайских гор. Для этого важно уточнить границы обозначенного региона. В большинстве научных публикаций границы Хангайских гор четко не определены и используются в общих чертах. Авторы каталога обозначили Хангайско-Хубсугульский район на основании распространения «оленных» камней и связанных с ними херексуров (Төрбат и др., 2021, с. 51). Данная территория охватывает большой регион. Мы же взяли для анализа лишь Хангайские горы, которые содержат участки разной высоты, а также речные и межгорные долины.

Важно дать краткие сведения об «оленных» камнях в Хангайских горах и характеристики местности, где они находятся: в центральной части, в долине р. Северный Тамир, зафиксировано более 100 изваяний. Это наибольшее количество когда-либо зарегистрированных древних изваяний в одной речной долине (Гантулга, Ерөөл-Эрдэн, Магай, 2016, с. 20). Археологический комплекс Жаргалантын ам с «оленными» камнями и с множеством жертвенников, расположен в долине реки Хануй (Волков, 2002, с. 98; Турбат и др., 2011, с. 44; Гантулга, Идэрхангай, 2021, с. 130–146). На ближайшей территории довольно много статуй с уникальными изображениями, в частности панциря (Идэрхангай и др., 2014, с. 127; Тишкин, 2016, с. 118). Помимо долин двух указанных рек, есть крупная зона, охватывающая бассейны таких рек, как Хунуй, Суман и Орхон, где много «оленных» камней. На юге в долинах рек Туй, Заг и Байдраг тоже отмечена высокая концентрация, и там есть такие крупные комплексы, как Шатар чулуу и Хиргисуурийн дэнж (Төрбат, Батболд, Баярхүү, 2021, с. 268, 270). В западной части региона изваяния древних кочевников разбросаны по долинам рек Завхан и Идэр. Есть там «оленные» камни с многочисленными жертвенниками и херексурами. Среди них отметим Дааган Дэл и Дээд Шумуултайн гол (Волков, 2002, с. 69–71; Баярхуу, Энхбаяр, 2021, с. 473–477). В северной части Хангайских гор изваяния сосредоточены в долине Цагаан нуура, в месте слияния рек Дэлгэрмурун и Идэр и в других местах. В этом районе расположены жертвенные комплексы с 6–8 «оленными» камнями, такие как Нухтийн Ам-I, Нухтийн Ам-II, Хушуутийн дэнж (Баярсайхан, 2017, с. 224, Эрдэнэ-Очир, Гантулга, Батсүх, 2021, с. 232). Восточная и юго-восточная части рассматриваемого региона связаны с долинами рек Орхон, Онги и Таац. Там расположены комплексы с 5–8 «оленными» камнями и жертвенниками, а также плиточные могилы. Среди них выделяются Арцатын ам и Тэмээн чулууны ам (Төрбат, Гантулга, Энхбаяр, 2021, с. 13, 29).

Из приведенной информации видно, что основные комплексы культуры «оленных» камней и херексуров расположены в Хангайских горах. В общей сложности там зарегистрировано 592 изваяния на 226 памятниках. Чтобы увидеть их распределение на территории Хангайских гор, была создана следующая карта-схема с обозначением точками найденных «оленных» камней (рис. 1), что указывает на высокую плотность таких объектов, а также на участки для необходимого обследования. На приведенной карте отражена ситуация, охватывающая 36 сомонов шести аймаков. Областью с наибольшей концентрацией является Архангай аймак, где всего зарегистрировано 269 «оленных» камней. Также крупные скопления изваяний отмечаются в долине р. Хойд тамир и долинах рек Хануй и Хунуй. Там рядом с ними находятся многочисленные жертвенники, в которых, как правило, находят кости лошадей.

Три основных типа «оленных» камней встречаются в Центральной Монголии, но их количественное распространение отличается. Так, из 592 «оленных» камней 491 изваяние, или 83%, являются монголо-забайкальскими, 64, или 11%, — евразийскими, 37, или 6%, — саяно-алтайскими, что отражено на диаграмме (рис. 2).

Как отмечается в изданном каталоге (Монгол ба бус..., 2021), только часть «оленных» камней осталась на своих первоначальных местах, а большинство скульптур было перемещено и их использовали при сооружении плиточных могил, тюркских оградок и современных захоронений. Поэтому мы уточнили местонахождение «оленных» камней в Центральной Монголии. Из 592 «оленных» камней 38 связаны с херексурами (6%), 273 — с жертвенными сооружениями (46%), 93 — перенесенные (16%),

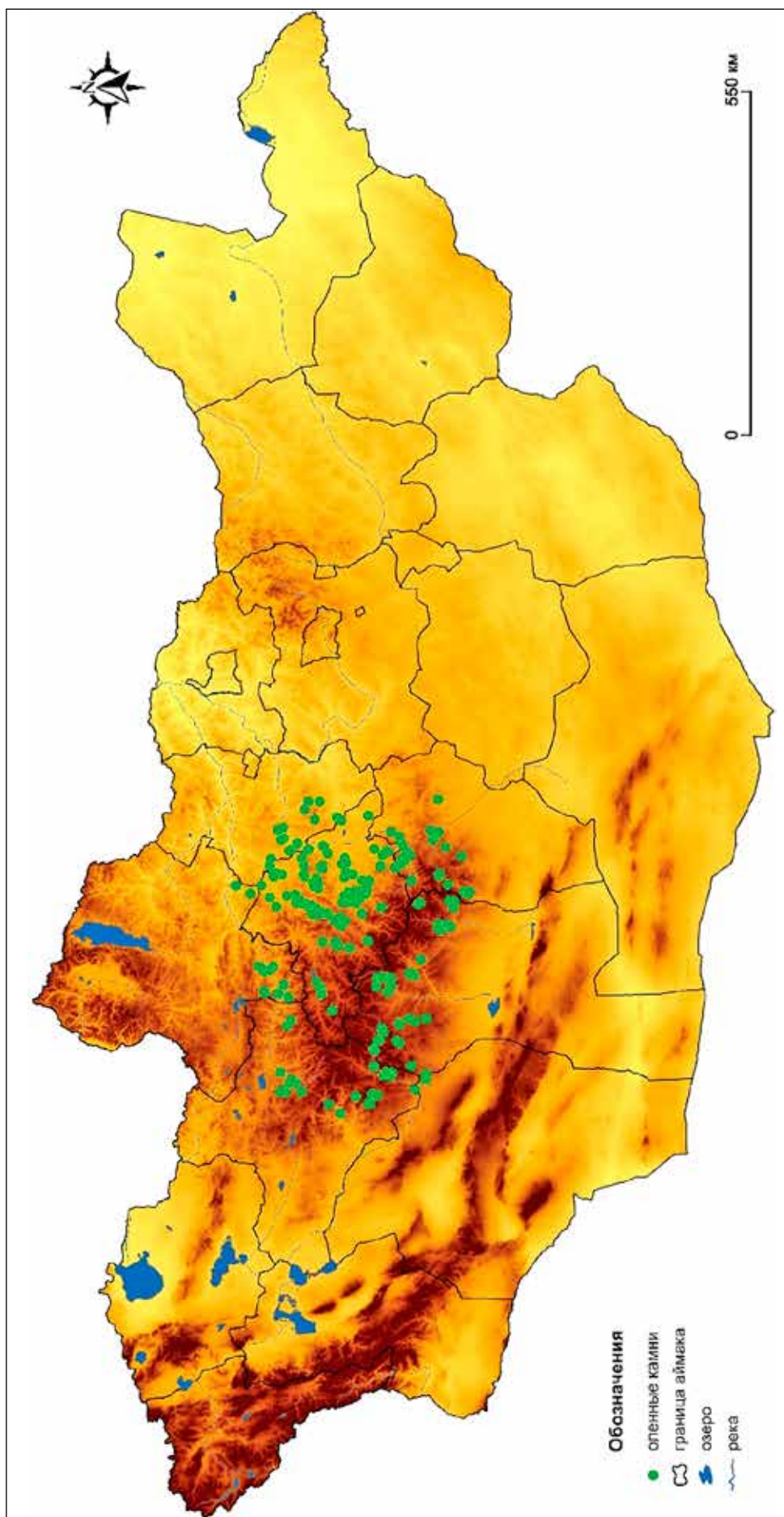

Рис. 1. Местонахождение «оленьих» камней в Центральной Монголии
Fig. 1. Locations of "deer" stones in Central Mongolia

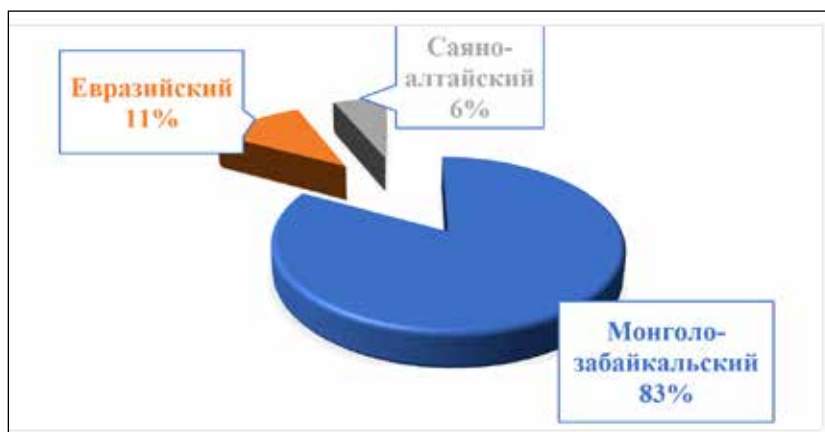

Рис. 2. Соотношение различных типов «оленных» камней
Fig. 2. Ratio of different types “deer” stones

146 — в плиточных могилах (25%), 28 — в тюркских оградках (5%), 14 — для других целей (2%). Согласно этим цифрам наибольший процент представляют «оленные» камни, связанные с жертвенниками. Они отражают мемориальные комплексы. Поэтому понятно, что скульптуры в Хангайских горах сохраняют свой первоначальный стиль. Также ожидается, что в этом регионе будут найдены новые «оленные» камни, потому что с момента выхода вышеуказанного каталога в рассматриваемом регионе зарегистрировано еще четыре «оленных» камня (Эрдэнэбаатар, Галбадрах, Мижддорж, 2021, с. 7–14; Эрдэнэпурэв, 2023, с. 259–262). Поэтому в дальнейшем целесообразно активизировать раскопки в дополнение к детальной археологической разведке в этом районе. Поскольку «оленные» камни преобладают в плиточных могилах, то наиболее вероятно, что они снова будут обнаружены там. То же можно сказать и о тюркских оградках.

Трехтомный каталог позволяет продолжить изучение «оленных» камней, получить новые факты и сделать новые выводы. 592, или 45% от общего числа «оленных» камней, выявленных на территории Монголии, расположены в Хангайских горах. Основываясь на этой информации, можно сделать несколько предположений. «Оленные» камни обнаружены на огромной территории Евразии, но большое количество сосредоточено в Хангайских горах. Эти изваяния обычно располагаются в долинах рек, и большинство из них находится в комплексах с жертвенными сооружениями, что, по-видимому, характерно для памятников этого региона. Также упомянутые выше изображения на «оленных» камнях этого региона более уникальны и разнообразны, чем в других регионах. Существенно преобладают изваяния монгольско-забайкальского типа. Эти памятники, расположенные в Хангайских горах, имеют удовлетворительную сохранность и нуждаются в полном документировании современными геоинформационными методами с использованием цифровых технологий в ближайшем будущем. Кроме каталога, существует много других статей и монографий. Этот вид исследований нельзя считать законченным, так как многие вопросы и проблемы остаются не выясненными.

Список источников

- Баярсайхан Ж. Монголын умард нутгийн буган хөшөөд. Улаанбаатар, 2017. 327 т. (на монг. яз.).
- Баярхүү Н., Энхбаяр Г. Завхан аймгийн буган хөшөөд // Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Боть I. Улаанбаатар, 2021. С. 428–495 (на монг. яз.).
- Волков В.В. Оленные камни Монголии. М., 2002. 248 с.
- Гантулга Ж., Ерөөл-Эрдэнэ Ч., Магай Ж. Хойд Тамирын буган хөшөө. Хойд тамирын хөндий дэх археологийн судалгаа-I. Улаанбаатар, 2016. 187 т. (на монг. яз.).
- Гантулга Ж., Идэрхангай Т. Архангай аймгийн буган хөшөөд // Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Боть. I. Улаанбаатар, 2021. Т. 24–193 (на монг. яз.).
- Идэрхангай Т., Амгаланбат Б., Даваахүү Э., Цэнд Д., Алтансүх Б., Баянсан П., Эрдэнэпурэв П. Архангай аймгийн Эрдэнэмандал сумын нутагт явуулсан археологийн хайгуул судалгааны ажлын 2014 оны тайлан // МУИС-ийн УБС-ийн Түүх, археологийн тэнхимийн ГБСХ. Улаанбаатар, 2014. (на монг. яз.).
- Монгол ба бүс нутгийн буган хушууний соёл: Эрдэм шинжилгээний каталог. Боть I–III / ред. Ц. Төрбат. Улаанбаатар, 2021. 464 т.; 496 т.; 442 т. (на монг. яз.).
- Тишкин А.А. Новые находки «оленных» камней в Монголии с изображением панциря и меча // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №4 (42). С. 117–123.

Төрбат Ц., Батболд Н., Баярхүү Н. Баянхонгор аймгийн буган хөшөөд. Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Боть I. Улаанбаатар, 2021. С. 264-341 (на монг. яз.).

Төрбат Ц., Баярсайхан Ж., Батсүх Д., Баярхүү Н. Жаргалантын амны буган хөшөөд. Улаанбаатар, 2011 192 т. (на монг. яз.).

Төрбат Ц., Гантулга Ж., Баярхүү Н., Батсүх Д., Төрбаяр Н., Эрдэнэ-Очир Н., Батболд Н., Цэлхагарав Ц. Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Улаанбаатар, 2021. Т. III. 442 т. (на монг. яз.).

Төрбат Ц., Гантулга Ж., Энхбаяр Г. Өвөрхангай аймгийн буган хөшөөд // Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Боть II. Улаанбаатар, 2021. С. 6-49 (на монг. яз.).

Эрдэнэбаатар Д., Галбадрах Б., Мижиддорж Э. Хануй голын сав нутгаас шинээр илэрсэн буган хөшөөд // Journal of the Archaeology, History and Ethnography. 2021. Vol. 17 (16) (на монг. яз.).

Эрдэнэ-Очир Н., Гантулга Ж., Батсүх Д. Хөвсгөл аймгийн буган хөшөөд // Монгол ба бүс нутгийн буган хөшөөний соёл. Боть II. Улаанбаатар, 2021. С. 230-407 (на монг. яз.).

Эрдэнэпурэв П. «Олений» камень в Краеведческом музее Улзийт сомона Архангайского аймака (Монголия) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2023. Вып. XXIX. С. 259-262

Информация об авторе / Information about the Author

Пурэвдорж Эрдэнэпурэв, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61; магистр истории, <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>, eegiip48@gmail.com

Purevdorj Erdenepurev, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Graduate Student; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61; Master's Degree in History, <https://orcid.org/0000-0001-9245-9692>, eegiip48@gmail.com

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ, ИХ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ, КОМПЛЕКСНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ. МУЗЕЕФИКАЦИЯ, РЕСТАВРАЦИЯ И АТРИБУЦИЯ РАЗНОВРЕМЕННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

Научная статья / Article

УДК: 902:069.1(571.150)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.59

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ КАБИНЕТА АНТРОПОЛОГИИ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АЛТАЯ АГУ

**Валерия Евгеньевна Алексеева, Виолетта Олеговна Сайберт,
Марина Юриевна Кузеванова**

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Кабинет антропологии, основанный А.Р. Кимом в 1988 г. и находящийся в составе Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (АГУ), обладает большой коллекцией, которая сейчас насчитывает более 2000 единиц хранения. В настоящее время это второй кабинет в Сибири по численности имеющегося собрания и по его значимости после Кабинета антропологии Томского государственного университета (созданного в 1889 г.). Открытие антропологического кабинета в АГУ дало толчок для развития нового научного направления такими исследователями, как А.Р. Ким, Д.В. Поздняков, К.Н. Солодовников и С.С. Тур, которая с 1995 г. и по настоящее время является заведующей кабинетом. В настоящее время Музей археологии и этнографии Алтая стал учебно-научным подразделением Института истории и международных отношений АГУ.

Ключевые слова: Алтайский государственный университет, Кабинет антропологии, история развития, антропология

Благодарности: статья подготовлена в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект 850000Ф.99.1. БН66АА04000).

Для цитирования: Алексеева В.Е., Сайберт В.О., Кузеванова М.Ю. История становления кабинета антропологии Музея археологии и этнографии Алтая АГУ // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. унт-та, 2023. С. 291–294.

HISTORY OF FORMATION OF THE ANTHROPOLOGY CABINET OF THE MUSEUM OF ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF ALTAI ASU

Valeria E. Alekseeva, Violetta O. Saybert, Marina Yu. Kuzevanova

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The Anthropology Cabinet, founded by A.R. Kim in 1988 and located within the Museum of Archaeology and Ethnography of Altai Altai State University (ASU), has a large collection, which now numbers more than 2,000 items. At present it is the second cabinet in Siberia by the number of available collections and by its importance after the Cabinet of Anthropology of Tomsk State University (established in 1889). The opening of the Anthropology Cabinet at ASU gave impetus to the development of a new scientific direction by such researchers as A.R. Kim, D.V. Pozdnyakov, K.N. Solodovnikov and S.S. Tur, who has been the head of the Cabinet since 1995. Currently, the Museum of Altai Archaeology and Ethnography has become an educational and scientific subdivision of the Institute of History and International Relations of ASU.

Keywords: Altai State University, Anthropology Department, History of development, anthropology

Acknowledgments: the article was prepared within the framework of the state task of the Altai State University “The Turkic world of the Greater Altai: unity and diversity in history and modernity” (project number 850000F.99.1. BN66AA04000).

For citation: Alekseeva V.E., Saybert V.O., Kuzevanova M.Yu. History of Formation of the Anthropology Cabinet of the Museum of Archeology and Ethnography of Altai ASU // Modern solutions to topical problems of Eurasian archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House Alt. un-ta, 2023. P. 291–294.

Сбор и систематизация антропологических материалов являются важной основой для изучения и реконструкции исторических процессов и этногенеза, а также при классификации антропологических типов населения Алтая и юга Западной Сибири. Такие материалы необходимо централизованно хранить в учреждениях, где работают специалисты в области антропологии.

Исторически основными центрами в России по сбору антропологического материала являются Музей антропологии и этнологии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН в г. Санкт-Петербурге (1714 г.), Музей антропологии в Московском государственном университете (1883 г.), Кабинет антропологии Томского государственного университета (1889 г.). В настоящее время особое значение имеет созданный в 1988 г. Кабинет антропологии в Алтайском государственном университете (АГУ), о котором и пойдет речь в данной публикации.

С момента создания в АГУ Кабинета антропологии прошло уже 35 лет, но на его становление потребовалось 15 лет. Процесс формирования Кабинета антропологии можно условно разделить на три этапа: первый (1974–1988 гг.) — начало накопления антропологических материалов, полученных при раскопках погребальных комплексов Алтая и Верхнего Приобья; второй (1988–1999 гг.) — систематизация и изучение антропологических материалов; третий (1999 г. — настоящее время) — становление кабинета антропологии как учебно-научного подразделения АГУ (сначала в рамках исторического факультета, а потом в системе Института истории и международных отношений).

В 1973 г. состоялось открытие Алтайского государственного университета. В том же году для чтения лекций по курсу археологии был приглашен из Барнаульского государственного педагогического института Алексей Павлович Уманский. Он совместно с Аллой Степановной Шемякиной руководил первой археологической практикой в 1974 г. Работы проходили на территории Алтайского края в Тюменцевском районе недалеко от с. Грязново на могильниках Грязново-I–III. Полученные материалы послужили началом формирования антропологической коллекции в стенах АГУ. С того года начались регулярные археологические работы, проводимые сотрудниками АГУ на памятниках Алтая и Верхнего Приобья, что увеличило количество и археологических, и антропологических материалов (Кирюшин, Тишкин, Шамшин, 2002, с. 34).

На начальном этапе находки, полученные в ходе полевых работ, хранились дома у преподавателей, но со временем их количество увеличивалось, и это стало проблемой. Затем постепенно коллекции стали заполнять кафедру всеобщей истории, на которой и без того было тесно. В 1977 г. историко-филологический факультет переехал в новый корпус университета на ул. Димитрова, 66. Для археологов было выделено отдельное помещение, расположенное в полуподвале (комната №26 напротив нынешней типографии). Данное приобретение состоялось благодаря В.А. Посредникову и В.Д. Славину, которые на тот момент были сотрудниками кафедры всеобщей истории и проводили археологические экспедиции. В скором времени полученный кабинет был полностью заставлен шкапами и коробками с находками, а на полках хранилось оборудование (Кунгуров, 2023, с. 245).

Следующее расширение рабочего пространства археологов было связано с открытием внебюджетной хоздоговорной Лаборатории археологии, этнографии и истории Алтая (корпус «Д», ауд. 204), которая стала новым местом хранения антропологических материалов (Кирюшин, 2023, с. 246). Лаборатория была открыта в 1978 г. благодаря активной работе Ю.Ф. Кирюшина, который стал основателем и вдохновителем археологических научно-исследовательских направлений в университете (Тишкин, Грушин, 2023, с. 107). Затем место расположения лаборатории постоянно менялось. В 1979 г. археологи переехали в кабинет 413 корпуса «Д», и параллельно им было выделено место для хранения оборудования и археологических материалов в подвальном помещении нынешнего корпуса «Л», где размещался химический факультет (Кирюшин, 2023, с. 246). Там же хранились антропологические коллекции до 1988 г.

В 1984 г. для организации выставки к приезду делегации из Японии использовалась аудитория 105, где ранее размещался Музей истории образования на Алтае. В настоящее время именно в ней располагается кабинет антропологии. Выставка сыграла большую роль в становлении будущего Музея археологии и этнографии Алтая. В 1985 г. к приезду члена ЦК КПСС Гейдара Алиевича Алиева было выделено помещение картинной галереи (современное помещение музея), где и была организована экспозиция и первичное фондохранилище. В том же году Музей археологии и этнографии Алтая получил статус самостоятельного подразделения университета, что способствовало развитию археологической науки и формированию фондов антропологических коллекций (Неверов, 2003, с. 78–79).

После открытия музея и формирования его фондов начался второй этап истории становления кабинета антропологии. Он связан с приездом из г. Томска и началом работы в АГУ в 1988 г. Аркадия Романовича Кима. Это состоялось благодаря приглашению Ю.Ф. Кирюшина, который защитил докторскую диссертацию и в том же году возглавил открывшуюся кафедру археологии, этнографии и источниковедения. А.Р. Ким работал в Кабинете антропологии Томского государственного университета и в АГУ стал заниматься организацией аналогичного подразделения. Он совместно с Г.Л. Нехведавичюсом, на тот момент директором музея, готовил помещение для хранения антропологических

коллекций, а также договаривался с археологами о передаче антропологических коллекций в АГУ. Им была начата работа по систематизации и анализу уже имеющихся материалов. В том же году Аркадий Романович начал ведение журнала поступлений краниологических серий, которую впоследствии планировал опубликовать в виде каталога, как это было сделано в ТГУ в 1974 г. (Кирюшин, 1996, с. 11). Кабинет антропологии был основан в 1988 г. на добровольных началах в стенах Музея археологии и этнографии Алтая АГУ, в нем осуществлялись камеральная обработка, хранение, каталогизация и анализ материалов. А.Р. Ким заведовал кабинетом вплоть до 1993 г. В 1995 г. в АГУ начала свою работу Светлана Семеновна Тур, которая стала новым заведующим кабинетом антропологии и продолжила начинания А.Р. Кима по развитию антропологической науки в стенах университета.

В 1999 г. кабинет антропологии получил статус учебно-научного подразделения в структуре исторического факультета, а позднее он вошел в состав Музея археологии и этнографии Алтая АГУ, который в настоящее время является частью Института истории и международных отношений.

Кабинет антропологии осуществляет деятельность по хранению и изучению остеологических материалов. В настоящее время в фондах содержится более 2000 целых и фрагментарных черепов и около 800 посткраниальных скелетов. Имеется свыше 200 одонтологических серий, а также коллекция костных патологий различного происхождения. Фонды кабинета ежегодно пополняются за счет материалов, поступающих из раскопок археологов Алтайского государственного университета, Алтайского государственного педагогического университета, Горно-Алтайского государственного университета и некоторых других учреждений. Они служат серьезной научной базой для изучения происхождения, палеодемографии, социальной структуры и палеоэкологии древнего населения Алтая, а также представляют интерес для медиков и генетиков в связи с развитием таких научных дисциплин, как палеопатология и палеогенетика человека.

Помимо коллекций в кабинете антропологии имеется библиотека специальной учебной и научной литературы. В основу ее было положено личное собрание А.Р. Кима, переданное вдовой ученого на постоянное хранение. В настоящее время фонд библиотеки состоит из 475 книг, журналов, сборников научных трудов и монографий, 84 авторефератов кандидатских и докторских диссертаций, 156 ксерокопий или отдельных оттисков статей. За период деятельности кабинета антропологии было опубликовано более 60 научных работ.

Кабинет антропологии АГУ поддерживает тесные научные контакты с Кабинетом антропологии Томского государственного университета, лабораторией антропологии Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск), кафедрой истории и археологии Горно-Алтайского госуниверситета, сектором этнической антропологии Института проблем освоения Севера (Тюмень), лабораторией физической антропологии Института археологии РАН (Москва), отделом этнической антропологии и лабораторией пластической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН (Москва), отделом антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), кафедрой нормальной анатомии и кафедрой судебной медицины Алтайского государственного медицинского университета и др.

Таким образом, за 35 лет работы кабинета антропологии в стенах Алтайского государственного университета он стал важным научным центром по изучению палеоантропологических материалов Алтая и юга Западной Сибири.

Список источников

Кирюшин Ю.Ф. Аркадий Романович Ким // Археология, антропология и этнография Сибири. Барнаул, 1996. С. 9–12.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Шамшин А.Б. Археология в Алтайском университете // Археология восточноевропейской лесостепи: К 60-летию академика РАН Анатолия Пантелеевича Деревянко. Т. 16. Воронеж, 2002. С. 34–42.

Кирюшин Ю.Ф. Аркадий Романович Ким // Институт истории и международных отношений Алтайского государственного университета. 1973–2023: очерки истории. Барнаул, 2023. С. 305–307.

Кунгуров А.Л. Начальный этап организации Музея археологии и этнографии Алтая при Алтайском государственном университете // Институт истории и международных отношений Алтайского государственного университета. 1973–2023: очерки истории. Барнаул, 2023. С. 245–247.

Неверов В.И. Университет — моя любовь! Барнаул, 2003. 198 с.

Тишкин А.А., Грушин С.П. Краткая история становления археологии в Алтайском государственном университете и деятельность кафедры археологии, этнографии и музеологии на современном этапе // Институт истории и международных отношений Алтайского государственного университета. 1973–2023: очерки истории. Барнаул, 2023. С. 105–115.

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексеева Валерия Евгеньевна, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, магистрант 1 курса; Научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии «Большой Алтай», лаборант-исследователь; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, alekseeva_2001_182@mail.ru

Valeria E. Alekseeva, Altai State University, 1st year master's student of the Department of Archeology, Ethnography and Museology, Scientific and Educational Center of Altaic Studies and Turkology "Big Altai", laboratory researcher; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, alekseeva_2001_182@mail.ru.

Сайберт Виолетта Олеговна, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, преподаватель; Музей археологии и этнографии Алтая АГУ, заместитель директора; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, vita77792@mail.ru

Violetta O. Saybert, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, teacher, Museum of Archaeology and Ethnography of Altai ASU, Deputy Director; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, Candidate of Historical Sciences, vita77792@mail.ru

Кузеванова Марина Юриевна, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, ведущий документовед; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, kuzevanova_m@mail.ru

Marina Yu. Kuzevanova, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography, and Museology, Leading Document Analyst; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, kuzevanova_m@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902:391.7(571.16)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.60

ОПЫТ КАТАЛОГИЗАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ (каталог перстней XVI–XVII вв. из фондов ТОКМ)

Анна Ивановна Боброва, Елена Анатольевна Андреева

Томский областной краеведческий музей, Томск, Россия

Резюме. Публикация посвящена методам и результатам работы авторов статьи над каталогом перстней XVI–XVII вв. из Томского областного краеведческого музея. Перстни поступили в результате археологических работ, проводившихся в 1940–2010-х гг., из 11 памятников (в основном могильников) Томско-Нарымского Приобья. Они были оставлены различными этническими группами, главным образом, южными селькупскими и чулымскими тюрками. Авторы предложили комплексный и системный подход к изучению коллекции. Были подвергнуты сравнительному анализу как внешние характеристики предметов, так и «контекст» их нахождения в захоронении (пол, возраст погребенного, местоположение украшения). В результате получены статистические данные, позволившие сделать ряд наблюдений о некоторых общих и особенных чертах бытования перстней у разных этносов региона в позднем средневековье. Делается вывод о перспективности изучения перстней как специфического археологического источника.

Ключевые слова: Нарымское Приобье, археологические коллекции, XVI–XVII вв., перстни, каталог, южные селькупы, чулымские тюрки

Для цитирования: Боброва А.И., Андреева Е.А. Опыт каталогизации археологических источников (каталог перстней XVI–XVII вв. из фондов ТОКМ) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 294–298.

THE EXPERIENCE IN CATALOGING OF ARCHAEOLOGICAL SOURCES (Catalog of Rings of the 16th–17th Centuries from the Funds of the Tomsk Museum of Local Lore)

Anna I. Bobrova, Elena A. Andreeva

Tomsk Regional Museum of Local Lore, Tomsk, Russia

Abstract. The publication is devoted to the methods and results of work on creating a catalog of rings of the 16th–17th centuries, located in the Tomsk Regional Museum of Local Lore. The rings were discovered as a result of archaeological work carried out in the 1940s–2010s at 11 sites (mostly burial grounds) in the Tomsk-Narym Priobye. They were left behind by various ethnic groups, mainly the southern Selkups and the Chulym Turks. The authors proposed a comprehensive and systematic approach to the study of the collection. Both the external characteristics of the objects and the “context” of their presence in the burial (gender, age of the buried, location of the decoration) were subjected to a comparative analysis. As

a result, statistical data were obtained, which made it possible to make a number of observations about some common and special features of the existence of rings among different ethnic groups of the region in the late Middle Ages. It is also concluded that the study of rings as a specific archaeological source is promising.

Keywords: Narym Priobye, archaeological collections, 16th–17th centuries, rings, catalogue, southern Selkups, Chulyms Turks

For citation: Bobrova A.I., Andreeva E.A. The Experience in Cataloging of Archaeological Sources (Catalog of Rings of the 16th–17th Centuries from the Funds of the Tomsk Museum of Local Lore) // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 294–298.

Перстни как самостоятельный предмет изучения привлекают внимание современных исследователей. Это украшение — атрибут людей с относительно высоким статусом. Захоронения с перстнями в сибирских могильниках, как правило, оказываются более богатыми и в отношении другого погребального инвентаря. Изготовление перстней является показателем степени развития ремесла в данной местности, торговых связей между разными территориями — как в случаях с сибирскими перстнями XVI–XVII вв., поставлявшимися из Русского государства. Изображения на перстнях дают пищу для размышлений о духовной сфере общества, в котором они бытовали. Расширение знаний в области «перстневедения» позволяет археологам использовать эти предметы в качестве датирующих артефактов (Адамов, 2014, с. 44–49; Боброва, Барсуков, Тишкин, 2018, с. 55–63; Боброва, Барсуков, 2019, с. 213–216; Кузина, 2013, с. 243–246; Молодин, 1979, с. 88–89; и др.).

То, что эти украшения можно рассматривать как маркеры некоторых социальных, культурных, экономических явлений, наглядно показала наша работа над каталогом перстней из археологического собрания Томского областного краеведческого музея. Особенно если принимать в расчет не только внешние характеристики предметов, но и обстоятельства их бытования, обнаружения. Такую «базу данных» в нашем случае составили материалы археологов, передавших свои находки в томский краеведческий музей. Подобный комплексный подход в сочетании с системностью и использованием статистических методов открывает новые эвристические возможности при обращении к перстням как к историческому сточнику. Он позволил превратить перечень музейной коллекции в инструмент исследователя.

Была принята программа описания каждого предмета, состоящая из двух частей. В первой давались внешние характеристики перстня: его тип (со щитком или кастом), сюжет изображения (при его наличии), форма, размеры, материал элементов перстня: шинки (ободка), щитка или каста, вставки в каст. Во второй части обращалось внимание на «контекст» обнаружения украшения. Поскольку большая часть перстней была получена в результате раскопок могильников, во многих случаях в материалах, переданных в музей археологами, сохранились сведения по поводу пола и ориентировочного возраста владельца перстня, а также места обнаружения предмета в захоронении.

В основу членения самого каталога были положены этногеографический принцип и разделение по памятникам. В перечень был включен 91 перстень из 11 памятников позднего средневековья (XVI–XVII вв.) Томско-Нарымского Приобья. Они принадлежали нескольким этническим группам, связанным проживанием на определенной территории. В соответствии с этим были выделены четыре раздела, в которых, в свою очередь, находки группировались по памятникам. Назовем эти крупные структурные единицы, дающие представление о характере использованных в каталоге материалов.

I. Южные селькупы. Приобье: Остяцкие курганные группы I и II (Молчановский курганный могильник); Пачангская курганная группа (Дульзон, 1955, с. 230–250; 1957, с. 443–488).

II. Южные селькупы. Прикетье: Ёлтыревская курганная группа II; Карбинская курганная группа II (Боброва, 2012, с. 56–91; 2013, Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1059).

III. Чулымские тюрки. Причулымье: Балагачевская курганная группа; Белоярская курганная группа II; Тигалдинская курганная группа; Тургайские курганные группы I и II (Дульзон, 1953, с. 27–334; Беликова, 2000, с. 153–185).

IV. Томские татары. Притомье: Городище Тоянов городок: находки в культурном слое городища (Водясов, 2019. Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6/№).

Таким образом, получилось несколько выборок, сделанных по этногеографическому признаку (за исключением малочисленного раздела IV). С другой стороны, единообразная структура описания предметов позволила формировать «выборки» и по другим признакам — полу, возрасту владельцев перстней, типу, форме, местонахождению украшений, сюжетам изображений — и также осуществлять их статистический анализ. Материалом такого анализа послужили итоговые таблицы, представившие

в формализованном виде данные по различным параметрам сравнений. В силу относительной малочисленности «выборок» их нельзя считать в полной мере репрезентативными, но в то же время ряд из них и вся общность в совокупности позволили сделать наблюдения, которые могут послужить базой для дальнейших исследований.

Перстни в Среднем Приобье XVI–XVII вв. не были большой редкостью, но в то же время имелись отнюдь не у всех людей (по материалам ТОКМ: от 8,8% до 33,3% погребенных). Обладателями этих украшений являлись, очевидно, члены семей племенной знати — взрослые и дети, мужчины и женщины. И так было в разных этнических группах.

Владельцев перстней оказалось больше среди мужчин — за ними, прежде всего, власть, сила, богатство. Зато женщины и часть детей (возможно, девочек) нередко отличались большим количеством украшений в отдельных погребениях. Так, 29 перстней из музейной коллекции были найдены в 16 мужских погребениях, 38 — в семи женских и девять — в десяти детских. Причем 11 мужчин захоронены с одним перстнем (69%), и лишь пятеро имели больше (2, 3, 3, 4, 6). В то же время обладательниц единственного перстня оказалось только две, погребенных же с двумя, тремя, пятью перстнями, насчитывалось по две в каждой группе, одна — с четырьмя и одна — с 12 перстнями! Такие отличия по половому признаку, вероятно, отражают традиционные особенности женского наряда, «блиставшего» изрядным количеством подвесок, или же веру в их магическую силу: если перстень — оберег, то таким образом более слабые члены семей могли получать дополнительную защиту.

На пальцах рук носили перстни и мужчины, и женщины, и дети. Иногда на обеих руках. Подчас по два на одной руке, а то и на одном пальце. Мужчины предпочитали перстни на пальцах. Но не только. В нескольких мужских погребениях перстеньки обнаружены в области головы, пояса, коленей, предплечья. В последнем случае указывалось, что украшения были обнаружены рядом с пластинчатым наручным браслетом, что предполагает возможность их использования в качестве подвесок. Возможно, и в других случаях перстни, обнаруженные «выше кисти», «около локтевого сустава», также могли играть роль подвесок, возможно, к особому мужскому наручному атрибуту.

Женщины, судя по положению украшений в погребениях (область головы, грудной клетки, таза и др.), тоже использовали перстни в качестве подвесок на гривну, к поясу, головным уборам, косам. Такого рода декор хорошо известен по сибирским археологическим и этнографическим материалам.

Большинство перстней из археологического собрания музея являются щитковыми (с печатками) — 62 из 91 (68%). Перстней со вставками всего 27, у 15 из них сохранились фрагменты вставок. Как правило, это стекловидная полупрозрачная масса (стекло или паста), имевшая серый, голубой или зеленоватый цвет. На единичных вставках сохранились следы рельефных изображений, на одной — полировки. Каст и шинка тоже были украшены: кое-где остались вкрапления, похожие на эмаль. На некоторых перстнях, несмотря на коррозию, отчетливо виден декор: на касте в виде косых насечек или зерни, на шинке в виде насечек, цепочек колец, «елочки», растительных узоров (розетки, ветки, листья).

На 52 щитковых перстнях и семи со вставками сохранились изображения (иногда частично), позволяющие сделать заключения или предположения об их сюжете. Судя по материалам ТОКМ, самыми популярными персонажами на перстнях были птицы (20 из 59). При этом пернатые в геральдических позах, даже будучи выделенными в особую группу, лидируют среди всех прочих сюжетов. Невольно приходят на память многочисленные отливки птиц «анфас» в сибирской древней металлопластике, связанные с мифологическими представлениями. Перстни с изображениями птиц обнаруживались не только в разных погребениях, но и различных памятниках, удаленных друг от друга, относящихся к территории различных этнических групп.

Таковыми же «универсальными» и довольно многочисленными были перстни с тамгообразным и другим абстрактным орнаментом — 13 (в их числе девять с тамгообразными насечками). Это также позволяет думать об их сравнительно широком распространении в Приобье (особенно среди тюркского населения), предполагая отношение таковых если не к традиции владельческих знаков, то к «обережной силе» орнамента.

Следующая по численности группа в коллекции — перстни с изображениями людей (восемь, в том числе на четырех — вместе с животными). Среди них можно опознать воина, охотников, сказочного персонажа, летящего, видимо, на грифоне, Адама и Еву, стоящих у Древа познания. Содержатся в собрании ТОКМ несколько перстней с изображениями мифических животных (единорога, «лютого зверя», Пегаса) и льва, который для средневековых сибиряков был таким же загадочным неведомым существом, как тот же «лютый зверь». «Львиных» перстней в музейной коллекции набирается семь.

На трех — лев, стоящий в геральдической позе у дерева, изображен в паре с единорогом. Появление в Приобье артефактов с таким сюжетом позволяет строить предположения о его довольно широком распространении и популярности образа кошачьего хищника по обе стороны от Урала.

Наличный материал, имеющийся в ТОКМ, не позволяет установить каких-либо корреляций сюжета изображений на перстнях с полом их обладателей или локацией перстней на одежде и теле человека. Скорее можно говорить, что такой зависимости не существовало. Так, изображения орлов в геральдических позах, которые в XVII в. превращались в элемент государственной символики России и использовались как печати, встречаются не только в мужских, но в женских и детских погребениях. Размещались такие перстни опять же не только на пальцах, но и на поясах. Владельцами перстневых изображений других животных в геральдических позах (характерных для гербов и печатей) оказались исключительно женщины, носившие подобные украшения на подвесках к поясу. Один из двух хранящихся в ТОКМ перстней с надписью выявлен в захоронении ребенка, вряд ли употреблявшего предмет как именную актовую печать. Тамгообразные перстни (с насечками) из коллекции ТОКМ принадлежали и взрослым обою пола, и детям и имели разную локацию, в том числе в мужских погребениях у головы. Между тем такого рода украшение для живого человека было бы затруднительно использовать в качестве, например, владельческого клейма. Видимо, перстни-печатки среди средневекового аборигенного населения Приобья, хотя и являлись предметами статусными, указывая на социальное/материальное положение их носителей, скорее всего, не применялись для подтверждения властных или владельческих полномочий, а использовались исключительно как украшения и, вероятно, обереги. Тем не менее в отдельных случаях этот тезис может подвергаться сомнению (ввиду особо высокого статуса некоторых погребенных с перстнями), и точку в решении данного вопроса ставить рано.

В музейной коллекции обнаружилось несколько идентичных изображений, у которых к тому же нашлись «близнецы» среди украшений, бытовавших в Московском царстве. Причем сибиряки — владельцы одинаковых перстней находились не только в одном поселении, принадлежа к одной этнической группе, но и проживали порой на значительном удалении друг от друга. Так, два явно одинаковых изделия попали в музей, один — из могильника около с. Молчаново (Обь, южные селькупы), другой — из археологического памятника около д. Балагачево (чулымские тюрки), находящегося за 350 км от первого. Видимо, перстни поступали в Приобье из Русского государства серийно (возможно, целыми связками одинаковых) и распространялись по Оби и ее притокам среди аборигенного населения. Из каких именно мест привозили перстни в Сибирь, в настоящее время точно определить не представляется возможным. Но можно отметить, что ряд сюжетов на томских находках близок (иногда едва ли не идентичен) к изображениям на печатках из Московского царства и Речи Посполитой, включенным в тематический интернет-ресурс^{*}.

В археологических фондах ТОКМ более всего перстней принадлежало чулымским тюркам. Они обнаружены в 18 погребениях (пяти мужских, четырех женских, двести детских). При этом наиболее представительной по перстневым находкам является Балагачевская курганная группа — 39 перстней (83%). Она же дает наибольшую концентрацию украшений в женских захоронениях не только для данного памятника, но и для всей перстневой коллекции ТОКМ. Это объясняется прежде всего находками пояса с 11 перстнями-подвесками и гривны с пятью перстнями в двух женских погребениях. И в третьем погребении женщины имелся не единственный перстень, а три, найденные в области головы.

Вообще в захоронениях чулымских тюрков перстни обнаруживали у представителей обоих полов на пальцах (но обильно лишь в одном из подростковых захоронений), в области таза и поясницы (использовались, вероятно, как подвески к поясу), в области головы (подвеска к прическе или головному убору). Но вот перстни в области грудной клетки (украшения на косах, груди) были найдены только в женских и детском (у девочки?) захоронениях, включая гривну с пятью перстнями. А перстни выше кисти, на предплечье (в том числе под особым обручем, вероятно, браслетом, к которому крепились пара перстневых подвесок) обнаружены только в двух мужских захоронениях.

Зато сходное местоположение перстней-подвесок (возле правого локтя) также встречается в мужских захоронениях южных селькупов: один у обских и один у кетских. Женских нагрудных украшений с перстнями в коллекцию ТОКМ из раскопанных селькупских могильников не поступало. Пару перстней, найденных около плеч в одном из женских захоронений на Остяцкой курганной группе II, скорее всего, использовали в качестве наконечников подвесок. В одном из мужских захоронений на Остяцкой Горе II перстень, обнаруженный на третьем поясничном позвонке, можно, пожалуй, атрибутировать как подвеску к поясу.

^{*} Открытый электронный каталог старинных перстней. URL: <https://rings.guru/> (дата обращения 28.03.2023).

Такое сравнение приводит к выводу о том, что способы использования перстней в группе южных селькупов и группе чулымских тюрок, по крайней мере частично, совпадали. Имеющиеся отличия (например, отсутствие гривен с перстяными подвесками у селькупских женщин) можно пока оставить за скобками — для категоричных утверждений недостаточна «база данных». Но отметим, что подобные гривны для чулымских тюрок (и тюрок вообще) — один из важных специфических признаков их материальной культуры, об этом известно из археологических и этнографических источников, в то время как у селькупов были собственные представления о статусности в одежде.

Среди погребений южных селькупов не нашлось столь щедрого на перстяные находки памятника, как Балагачевский могильник в Причудлыме. И в целом могильники селькупов выглядят несколько беднее на перстни, чем это наблюдается у тюрок, и менее разнообразны по способам ношения — большинство украшений оказалось наперстными.

Неравномерность раскопанных могильников, курганов и погребений на Оби, Кети, Чулыме не позволяет восстановить в полной мере объективную картину распространения перстней в культуре проживавших в этом регионе этнических групп аборигенного населения. Данные, полученные при анализе коллекции ТОКМ, нуждаются в подтверждении на основе более широкого фактологического фундамента. Являются ли они игрой случая или представляют собой отражение общей картины бытования перстней в обеих этнических группах в XVII в., могут показать лишь дальнейшие исследования и расширение круга источников. Надеемся, что вслед за каталогом перстней томского музея появятся подобные работы других сибирских музеев, а наш опыт окажется полезным для коллег в части формирования общей базы данных.

Список источников

Адамов А.А. Серебряные перстни с чернением болгарского типа из Предуралья // Труды КАЭЭ ПГГУ. Пермь, 2014. Вып. 9. С. 44–49.

Беликова О.Б. Р.А. Ураев и его раскопки средневековых могильников в Причудлыме // Труды ТОКМ. Томск, 2000. Т. 10. С. 153–185.

Боброва А.И. Карбинский курганный могильник II — археологический памятник позднесредневековой истории Прикетья // Труды ТОКМ: Материалы и итоги полевых исследований. Томск, 2012. Т. 17. С. 56–91.

Боброва А.И. Отчет о научно-исследовательской работе: «Археологические раскопки 2007 года Ёлтыревской курганной группы II в Колпашевском районе Томской области». 2013 // Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1059. 79 л.

Боброва А.И., Барсуков Е.В. Перстни в культуре аборигенов Томско-Нарымского Приобья // Северный Археологический Конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2019. С. 213–216.

Боброва А.И., Барсуков Е.В., Тишкин А.А. Определение состава металла щитковых перстней из погребальных комплексов XVII–XVIII вв. Томско-Нарымского Приобья // Теория и практика археологических исследований. 2018. Вып. 4 (24). С. 55–63.

Водясов Е.В. Отчет о научно-исследовательской работе археологической экспедиции Томского государственного университета на территории Кировского района г. Томска в 2018 году: исследование археологического комплекса «Тоянов городок». Томск, 2019 г. // Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 6/№.

Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар // Ученые записки ТГПИ. Томск. 1953. Т. 10. С. 127–334.

Дульзон А.П. Пачангский курганный могильник // Ученые записки ТГПИ. Томск, 1955. Т. 14. С. 230–250.

Дульзон А.П. Остяцкий курганный могильник XVII века у села Молчаново на Оби // Ученые записки ТГПИ. Томск, 1957. Т. 16. С. 443–488.

Кузина А.В. Перстяные украшения Нижнего и Среднего Приобья // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. Екатеринбург; Сургут, 2013. С. 243–246.

Молодин В.И. Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979. 182 с.

Открытый электронный каталог старинных перстней. URL: <https://rings.guru/> (дата обращения 28.03.2023).

Информация об авторах / Information about the Authors

Анна Ивановна Боброва, Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова, старший научный сотрудник; 634050, г. Томск, пр-т Ленина, 75; кандидат исторических наук, a_bobrova@bk.ru

Anna I. Bobrova, Tomsk Regional Museum of Local Lore, Senior Researcher; 634050, Tomsk, Lenin Ave., 75; Candidate of Historical Sciences, a_bobrova@bk.ru

Елена Анатольевна Андреева, Томский областной краеведческий музей им. М.Б. Шатилова, зав. научно-исследовательским отделом; 634050, г. Томск, пр-т Ленина, 75, кандидат исторических наук, nurrikissam@list.ru

Elena A. Andreeva, Tomsk Regional Museum of Local Lore, Head of the Research Department; 634050, Tomsk, Lenin Ave., 75; Candidate of Historical Sciences, nurrikissam@list.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 737 (470.41) «14»:069.1

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.61

О КЛАДЕ БУЛГАРСКИХ МОНЕТ XV В. ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Алексей Игоревич Бугарчев¹, Евгения Флюоровна Шайхутдинова¹⁻³

¹Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань, Россия

²Казанский федеральный университет, Казань, Россия

³Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева — КАИ, Казань, Россия

Резюме. Статья казанских авторов посвящена публикации ранее не изданного клада серебряных монет. В настоящее время он хранится в Музее археологии РТ. Основная часть клада состоит из акче болгарской чеканки первой трети XV в. Представлены эмитенты 1412—1420-х гг.: Чекре, Дервиш, Мухаммад и Гийас ад-Дин. Основным топонимом — Булгар, но есть и экземпляры с «трехногий тамгой» вместо указания монетного двора. Здесь также обнаружены дирхамы XIII–XIV вв. (3 экз.) и монеты династии Гиреев Крыма (14 экз.). Большинство болгарских монет весят в диапазоне 0,56–0,66 г (60% от всего клада). Построенная гистограмма с использованием метрологии 137 монет показала максимум кладовых экземпляров на значении 0,62±0,02 г.

Ключевые слова: акче, дирхам, монета, клад, метрология, Булгар, XV век

Для цитирования: Бугарчев А.И., Шайхутдинова Е.Ф. О кладе болгарских монет XV в. из фондов Музея археологии Республики Татарстан // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 299–302.

ABOUT THE TREASURE OF BULGARIAN COINS OF THE 15TH CENTURY FROM THE FUNDS OF THE MUSEUM OF ARCHAEOLOGY OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Alexey I. Bugarchev¹, Evgenia F. Shaykhutdinova¹⁻³

¹Institute of Archaeology Named after A.Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the RT, Kazan, Russia

²Kazan Federal University, Kazan, Russia

³Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev — KAI, Kazan, Russia

Abstract. The article of the Kazan authors is devoted to the publication of a previously unreleased treasure of silver coins. It is currently preserved in the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan. The main part of the treasure consists of akche Bulgarian minting of the first third of the 15th century. Issuers of the 1412 — 1420s are represented: Chekre, Dervish, Muhammad and Geyas ad-Din. The main toponym is Bulgar, but there are also copies with a “three-legged” tamga instead of indicating the mint. Dirhams of the 13th — 14th centuries (3 copies) and coins of the Girey dynasty of Crimea (14 copies) were also found here. Most Bulgarian coins weigh in the range of 0.56–0.66 g (60% of the total treasure). A built histogram using the metrology of 137 coins showed a maximum of storerooms at 0,62±0,02 g.

Keywords: akche, dirham, coin, treasure, metrology, Bulgar, 15th century

For citation: Bugarchev A.I., Shaikhutdinova E.F. About the Treasure of Bulgarian Coins of the 15th Century from the Funds of Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 299–302.

В Музее археологии Республики Татарстан хранится клад средневековых серебряных монет. По предварительной информации, монеты были найдены в Рыбнослободском районе Татарстана. Ранее клад не публиковался.

Данная статья посвящена вводу в научный оборот данного комплекса.

Приведем состав клада:

1. Арыг-Буга (1260–1264), Булгар — 1 экз. (вес 0,56 г).

2. Узбек (1311–1341) — 1 экз. (0,65).

3. Джанибек (1341–1358) — 1 экз. (0,83).

4–5. Чекре (1412–1414) — 2 экз. (0,54; 0,63).

6–16. Дервиш (1414–1419) — 11 (0,51; 0,57 — 2; 0,59 — 2; 0,61 — 2; 0,62 — 2; 0,66 — 2).

17–22. Дервиш, Булгари — 6 (0,54; 0,59; 0,60; 0,61; 0,63; 0,70).

23–28. Дервиш? Мухаммад? — 6 экз. (0,56; 0,58; 0,59; 0,60; 0,61; 0,66).

29–32. Мухаммад «ал-адил» («правосудный») (1419–1423) — 4 экз. (0,54; 0,64 — 3).

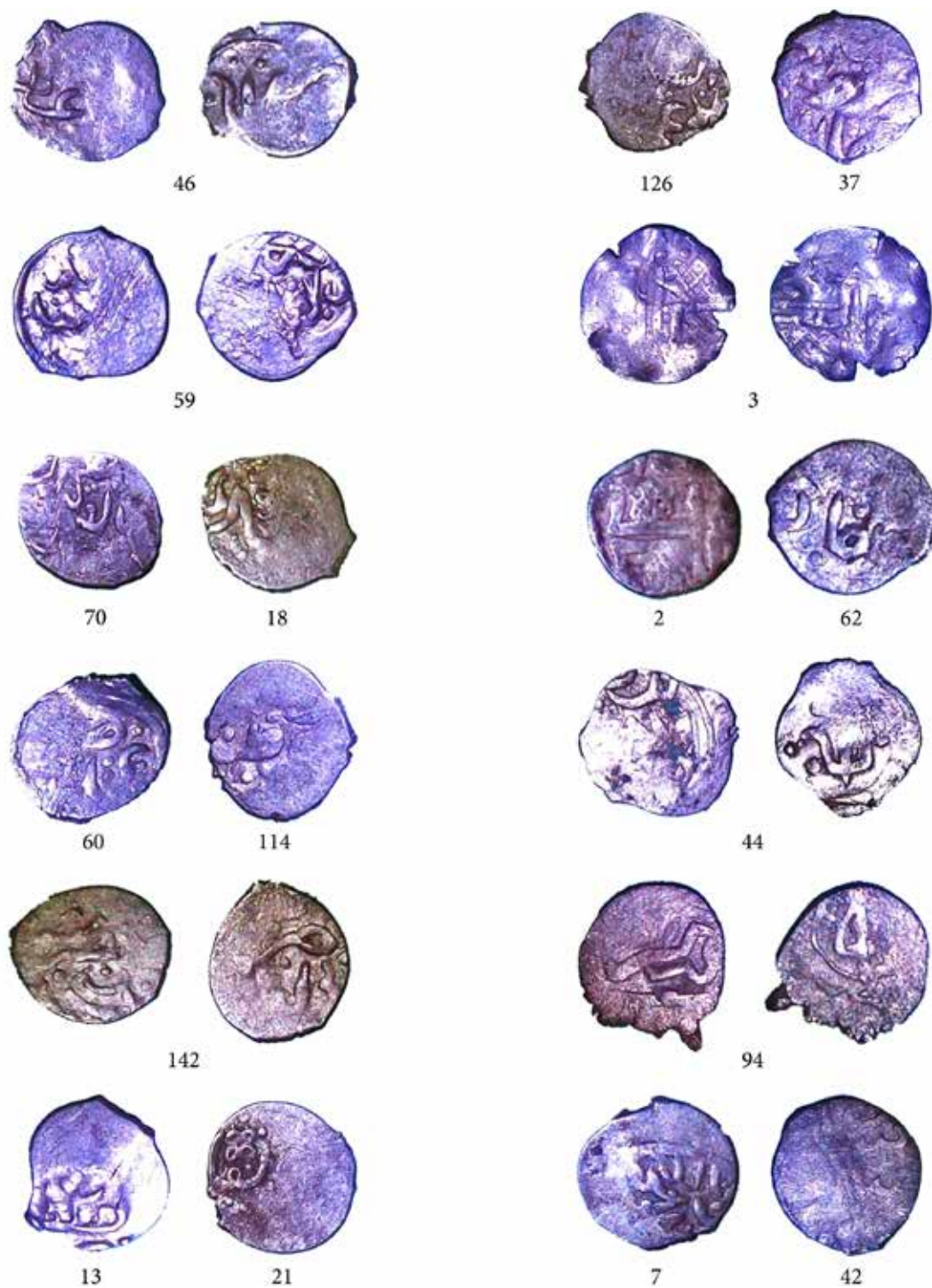

Рис. 1. Фототаблица. Описание: 46 — с «трехногой тамгой», вес 0,58 г; 59 — с топонимом Булгар, вес 0,58 г; 70 — с топонимом Булгар, вес 0,67 г; 18 — Дервиш, МД Булгари, вес 0,59 г; 60 — с топонимом Булгар, вес 0,58 г; 114 — Дервиш? Мухаммад?, вес 0,58 г; 142 — Мухаммад, Булгар, вес 0,50 г; 13 — Чекре, вес 0,63 г; 21 — Дервиш, «Булгари», вес 0,63 г.; 126 — стерто, вес, 0,63 г; 37 — Мухаммад, Булгар, вес 0,54 г; 3 — Джанибек, вес 0,83 г; 2 — Узбек, вес 0,65 г; 62 — с топонимом Булгар, вес 0,59 г; 44 — с «трехногой тамгой», вес 0,51 г; 94 — стерто, вес 0,42 г; 7 — Дервиш, вес 0,57 г; 42 — Гийас ад-Дин, Сарай, вес 0,74 г

Fig. 1. Photo Table. Inventory: 46 — with a "three-legged tamga", weight 0.58 g.; 59 — with the toponym 'Bulgar', weight 0.58 g.; 70 — with the toponym 'Bulgar', weight 0.67 g.; 18 — 'Dervish', "Bulgari", weight 0.59 g.; 60 — with the toponym 'Bulgar', weight 0.58 g.; 114 — 'Dervish? Muhammad?', weight 0.58 g.; 142 — Muhammad, 'Bulgar', weight 0.50 g.; 13 — Chekre, weight 0.63 g.; 21 — Dervish, "Bulgari", weight 0.63 g.; 126 — erased, weight, 0.63 g.; 37 — Muhammad, 'Bulgar', weight 0.54 g.; 3 — Janibek, weight 0.83 g.; 2 — Uzbek, weight 0.65 g.; 62 — with the toponym 'Bulgar', weight 0.59 g.; 44 — with a "three-legged tamga", weight 0.51 g.; 94 — erased, weight 0.42 g.; 7 — Dervish, weight 0.57 g.; 42 — Gheyas al-Din, Sarai, weight 0.74 g.

33–40. Мухаммад (после 1423), Булгар — 8 экз. (0,27; 0,44; 0,50 — 2; 0,54; 0,61; 0,63; 0,84).

41. Анонимная? (1419) — 1 экз. (0,59).

42. Гийас ад-Дин, Сарай (южный МД) (1420-е) — 1 экз. (0,74);

43–46. С «трехногой тамгой» на оборотной стороне (1420-е) — 4 экз. (0,49; 0,51; 0,57; 0,58).

47–74. С топонимом «Булгар» (1420-е) — 28 экз. (0,37; 0,38; 0,39; 0,42; 0,48; 0,49; 0,51; 0,53; 0,56–3; 0,57; 0,58–3; 0,59–2; 0,60–2; 0,62; 0,63; 0,65; 0,66; 0,67–2; 0,71; 0,72; 0,78).

75–88. Крымские Гирей (середина — 2-я половина XVI в.) — 14 экз. (0,41; 0,42; 0,43; 0,45 — 2; 0,46; 0,49; 0,50; 0,52; 0,53; 0,54; 0,57; 0,59; 0,60).

89–151. Стертые (остатки легенд — Султан ал-азам, Султан, Азам (великий), Зарб (чекан) и полностью стертые) (1420-е — 1430-е) — 63 экз. (0,34; 0,36; 0,38; 0,41 — 2; 0,42; 0,44; 0,46 — 2; 0,48; 0,50; 0,52 — 2; 0,53; 0,55; 0,56 — 2; 0,57 — 3; 0,58; 0,59 — 2; 0,60 — 2; 0,61 — 4; 0,62 — 8; 0,63 — 4; 0,64 — 4; 0,65 — 2; 0,66 4; 0,67; 0,68; 0,69 — 2; 0,71 — 2; 0,72 — 2; 0,73 — 2; 0,74; 0,80).

Всего 151 экземпляр. Судя по составу, клад относится к комплексам длительного накопления. Выявлено три дирхама XIII–XIV вв., которые метрологически не выделяются среди других монет. Основная часть клада относится к 1420-м годам (рис. 1).

Рассмотрим отдельные кладовые группы.

Первые акче с именем Дервиша чеканены на МД Сарай в 818 г.х. (1415–1416 гг.). На болгарских региональных выпусках даты не ставились. Выделяется группа монет с указанием МД Булгари («Булгарский»). Шесть экземпляров с стертым указанием эмитента по оформлению лицевой стороны могли выпускаться и во время Дервиша, и во время Мухаммада, то есть до 822/1420 г. включительно.

Акче с именем Мухаммада и титулом «Султан правосудный», по нашим представлениям, были выпущены в период 822–826 г.х. (1419–1423 гг.).

Один экземпляр Гийас ад-Дина мы относим ко времени 828–829 г.х. (1424–1426 гг.). Подобные монеты как единичные находки и в составе кладов довольно часто встречаются на Средней Волге. Нами зафиксировано не менее 40 экземпляров (Бугарчев, Купцов, 2021, с. 94).

Акче с «трехногой тамгой» появились в обращении в 822/1419 г. Об этом свидетельствует состав Рыбнослободского клада 2005 г. (Тростьянский, 2005). Монеты чеканились с именами Мухаммада и Гийас ад-Дина на протяжении 1420-х гг., а, возможно, и в начале 1430-х гг.

Рассмотрим метрологию публикуемого клада (без учета акче Крымских Гиреев). Используя информацию о весе монет, мы построили гистограмму.

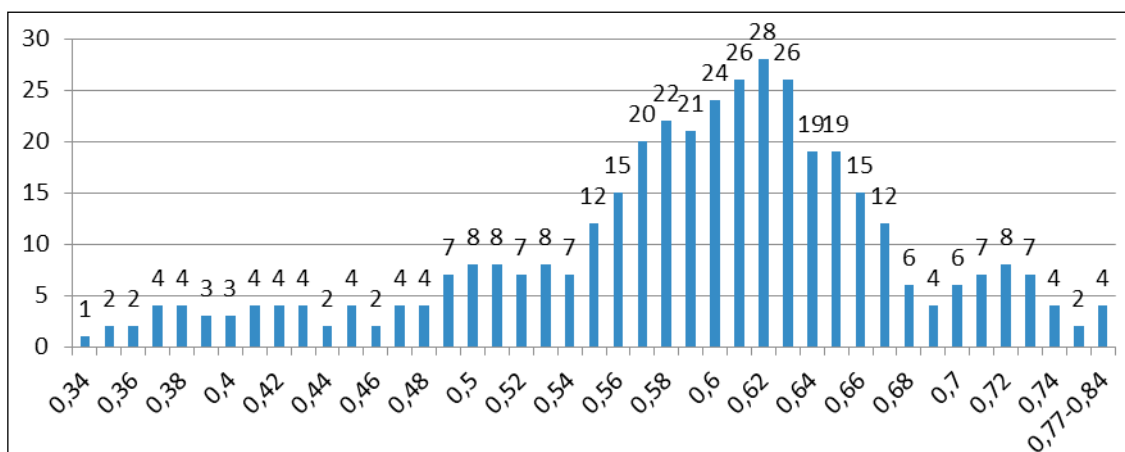

Рис. 2. Зависимость количества монет от значения их веса. Рыбнослободский клад.

Учтено 137 экз. Гистограмма 1 суммарная*

Fig. 1. The dependence of the number of coins on the value of their weight. Rybnoslobodsky treasure.

137 copies were counted. Histogram 1 total

Мода $0,62 \pm 0,02$ г (20,4% от всех учтенных экземпляров). Не учтен экземпляр весом 0,27 г.

Диапазон значений веса — от 0,27 до 0,84 г. Основная масса монет находится в диапазоне 0,56–0,66 г — 82 экз., или 60% от всего клада.

Для XV в. нам известно о 55 кладах, состоявших из болгарских или найденных на территории бывшей Волжской Булгарии монет. По времени тезаврации они разделяются на две группы: с младшей монетой

* Принцип построения суммарной гистограммы см.: Петров, 2003, с. 13–16.

822 / 1419–1420 гг. (акче с именем Хаджи-Мухаммада); с младшей монетой 2-й половины XV в., т.е. с дирхамами южно-волжской и крымской чеканки. Наш Рыбнослободский клад относится ко второй группе.

По нашим представлениям, чеканка серебряных монет в Среднем Поволжье прекращается в 1430-е гг. Судя по составам найденных кладов, в денежном обращении нового государственного образования — Казанского ханства находятся дирхамы и акче, чеканенные на монетных дворах Сарай, Хаджи-Тархан, Орду-Базари, Иль УйМуазам и др. (например, клад «Караульная Гора») (Бугарчев, Петров, Шайхутдинова, 2022). Также используются денги и копейки русских княжеств. Например, в Иски-Казани обнаружено более 80 монет Нижегородско-Суздальского и Московского княжеств (Бугарчев, Степанов, 2021, с. 42–43). Как отмечает доктор исторических наук А.Г. Ситдилов, «уже со второй половины XV в. московская монетная чеканка становится преобладающей в волжской торговле, хотя в торговом обороте присутствуют еще монеты удельных княжеств и Золотой Орды» (Ситдилов, 2006, с. 182).

Можно отметить и небольшое количество крымских акче династии Гиреев.

Клад из Рыбнослободского района Татарстана, хранящийся в Музее археологии, является ценным источником по средневековой истории России и Татарстана.

Список источников

Бугарчев А.И., Купцов А.Е. О находках монет Гийас ад-Дина II в Татарстане // Двадцать первая Всероссийская нумизматическая конференция. Тверь, 2021. С. 94–96.

Бугарчев А.И., Петров П.Н., Шайхутдинова Е.Ф. Монеты Хаджи-Тархана XV в. из клада Караульная Гора (по материалам из фондов НМ РТ) // Европейская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Алматы, 2022. Т. 5. С. 242–247.

Бугарчев А.И., Степанов О.В. Монетные находки на территории Иски-Казанского археологического комплекса. Материалы X–XV вв. Казань, 2021. 95 с., илл.

Петров П.Н. Очерки по нумизматике монгольских государств XIII–XIV веков. Нижний Новгород, 2003. 180 с.: ил.

Ситдилов А.Г. Волжская торговля в XV–XVI вв. // Татарская археология. 2006. №3–4 (18–19). С. 170–189.

Тростянский О.В. Клад золотоордынских монет XV в. с территории Татарстана // Труды Международных нумизматических конференций. Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. М., 2005. С. 157–158.

Информация об авторах / Information about the Authors

Алексей Игоревич Бугарчев, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, лаборант-исследователь; 420012, Россия, г. Казань, ул. Бутлерова, 30, Abugar.61@rambler.ru

Alexey I. Bugarchev, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Laboratory Research Assistant; 420012, Russia, Kazan, Butlerov str., 30, Abugar.61@rambler.ru

Евгения Флоровна Шайхутдинова, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, научный сотрудник; Казанский федеральный университет, доцент; Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева — КАИ, доцент, кандидат технических наук, Россия, г. Казань, ул. Бутлерова, 30, <https://orcid.org/0000-0003-4816-7670>, 420012, eugeh@mail.ru

Evgenia F. Shaykhutdinova, Institute of Archaeology Named after A.Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Science Researcher; Kazan Federal University, Associate Professor; Kazan National Research Technical University Named after A.N. Tupolev — KAI, Associate Professor; Ph.D., 420012, Russia, Kazan, Butlerov str., 30, <https://orcid.org/0000-0003-4816-7670>, eugeh@mail.ru

Статья принята к публикации 14.07.2023.

The article approved after reviewing 14.07.2023.

Научная статья / Article

УДК: 903.01(571.151)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.62

РЕСТАВРАЦИЯ ДЕРЕВЯННЫХ ДЕТАЛЕЙ ОСНОВ СЕДЛА ИЗ МОГИЛЬНИКА ЯЛОМАН-II

Наталья Анатольевна Васильева

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

Резюме. Материалы могильника Яломан-II, который был исследован А.А. Тишкиным в начале 2000-х гг., являются информативно значимыми и привлекают особый интерес для изучения. В погребениях этого памятника сложились условия, благодаря которым сохранились редкие деревянные изделия древних кочевников Алтая. Таким предметом является седло из могилы-1 кургана №33. Оно дошло до наших дней фрагментированным, но при этом

почти целым. От него сохранились две полки и две луки. находка достаточно быстро была введена в научный оборот и подняла ряд вопросов. Со временем сохранность седла ухудшилась и потребовалось проведение консервационно-реставрационных работ. Данная статья посвящена вопросам сохранения этой уникальной находки.

Ключевые слова: археологическое дерево, консервация, реставрация, седло, погребение, древние кочевники, Алтай

Для цитирования: Васильева Н.А. Реставрация деревянных деталей основ седла из могильника Яломан-II // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 302–307.

RESTORATION OF THE WOODEN SADDLE DETAILS FROM THE YALOMAN-II CEMETERY

Nataliya A. Vasilyeva

The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The materials of the Yaloman-II burial ground, which was investigated by Dr. A.A. Tishkin in the early 2000s, are informatively significant and are of particular interest for study. There are conditions that have preserved rare wooden objects of the ancient nomads of Altai in the tombs of this burial ground. Such an object is also a saddle from tomb 1 of barrow 33. It has reached our days fragmented, but at the same time almost intact. Two panels of saddletree, pommel and cantle were preserved. The find was rather quickly introduced into scientific environment and raised several questions. Over time, the state of preservation of the saddle deteriorated and conservation and restoration work was required. This article is devoted to the process of this unique find conservation.

Keywords: archaeological wood, conservation, restoration, saddle, tomb, ancient nomads, Altai

For citation: Vasilyeva N.A. Restoration of the Wooden Saddle Details from the Yaloman-II Cemetery // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 302–307.

Введение. Детали конского снаряжения являются одними из ключевых находок при изучении истории древних кочевых культур. Именно они помогали всаднику управлять лошадью, от них немало зависела скорость и удобство преодоления дальних расстояний. Поиск более практичной и комфортной конструкции седла отразился в эволюции этих изделий, обнаруженных в памятниках скифо-сакского, хуннского и тюркского времени. Появление новых материальных свидетельств, помогающих более подробно изучить меняющийся типологический ряд древних седел, является ярким событием в археологических кругах. Так и детали жесткого седла из могильника Яломан-II (курган №33, могила-1)* стали не только новым объектом для изучения, но и подняли ряд вопросов и в какой-то степени дебатов, касающихся его хронологической принадлежности (Степанова, 2011; Мыльников, Тишкин, 2016; и др.). Однако данная статья не будет касаться сторон научной дискуссии, она посвящена проблемам сохранения находки.

Памятник Яломан-II (Онгудайский район, Республика Алтай) исследован под руководством А.А. Тишкина в первом десятилетии XXI в. (Тишкин, Мыльников, 2016). Большой удачей можно назвать то, что во многих раскопанных «каменных ящиках» сложились специфические условия, способствующие сохранению органических материалов. Отмечено, что деревянные артефакты в погребальных комплексах часто находились в пустотах, не заполненных грунтом (Тишкин, Мыльников, 2016, с. 42). Древесина при обнаружении оказалась сухой. Участки мерзлоты в погребениях не зафиксированы. Можно предположить, что сохранности археологической древесины из погребений Яломан-II способствовала среда с ограниченным доступом кислорода (если он вообще присутствовал) и относительно постоянным температурно-влажностным режимом, стабильность которого поддерживалась плотными каменными плитами и климатом Центрального Алтая. В любом случае сложившаяся ситуация препятствовала быстрому развитию и распространению биологических заражений — главного врага древесины.

Сохранность деревянных деталей седла из могилы-1 кургана №33 могильника Яломан-II позволила достаточно быстро реконструировать и ввести в научный оборот новую находку (Тишкин, Горбунов, 2003; Тишкин, 2011; Мыльников, Тишкин, 2016; и др.). А.А. Тишкин подчеркнул уникальность данного изделия: «Седла, деревянные основы которых найдены в погребениях курганов №29 и 33 могильника Яломан-II, являются промежуточным вариантом между хуннским (сюннским) с полумягкой основой и тюркским с жесткой» (Тишкин, Мыльников, 2016, с. 74). Спустя некоторое время ему все же понадобилась реставрация.

Описание до реставрации. 18 ноября 2019 г.** седло поступило в Лабораторию научной реставрации предметов из органических материалов Государственного Эрмитажа. Подробное описание его

* Погребение датировано 2-й половиной IV — началом V в., в том числе радиоуглеродным методом (Тишкин, 2017).

** Спустя приблизительно четыре месяца была объявлена пандемия с карантином, поэтому начало реставрационных работ с этой находкой пришлось отложить почти на полтора года.

с технико-технологическим анализом отражено в вышедшей статье (Мыльников, Тишкин, 2016) и в изданной монографии (Тишкин, Мыльников, 2016). Ниже приводится краткое описание состояния находки на момент поступления в реставрационную лабораторию. Комплект представлял собой четыре деревянные детали: две полки и две луки. На них имеются сквозные круглые отверстия, через которые, очевидно, проходили кожаные ремни (возможно, шнуры или веревки), скреплявшие все детали вместе. Элементы такого соединения не обнаружены — вероятнее всего, они не сохранились*. Все детали оказались фрагментированы: они разделились на несколько крупных и множество мелких кусочков. Так, передняя лука седла распалась на три части (рис. 1.-1), задняя — на четыре крупных и множество мелких (рис. 1.-2), левая полочка — на три крупных и несколько мелких (рис. 3.-1), правая — на семь крупных и множество мелких (рис. 3.-2).

Рис. 1. Луки седла до (1, 2) и после реставрации (3, 4)
 Fig. 1. The pommel and the cantle before (1, 2) and after conservation (3, 4)

Фрагменты складывались в крупные детали, но не во всех случаях между ними было плотное сцепление, поскольку некоторые из них деформировались, кроме того, частично разрушились края стыков. Древесина была сухая, очень легкая по весу, рыхлая, светлая, в местах сколов и утрат осыпалась мелкими щепками. На разных участках деталей неравномерно лежали скопления плотных корок белого цвета (рис. 2.-1, 3). Кроме того, поверхность, трещины и вмятины оказались покрыты пожелтевшей, достаточно жесткой пленкой** (рис. 2.-1, 2). На поверхности всех фрагментов фиксировались многочисленные потертости, царапины, местами утрата и вздутие верхнего слоя, сколы по краям, продольные и поперечные трещины, а также почвенные загрязнения (рис. 2).

Исследования

Предварительные исследования показали, что детали седла вырезаны из древесины березы (*Betula* sp.)***. Скопления белых пятен на их поверхности — результат осаждения солей из грунтовых или, скорее всего, талых вод. Основными компонентами солей, пропитавших слои древесины, являются кальций, сера и фосфор****. Исследование поверхности деталей***** с помощью стереомикроскопа Zeiss Stemi

* Надо отметить, что в данном погребении изделия из кожи не найдены.

** Со слов автора раскопок, для предотвращения быстрого разрушения артефакта был применен лаковый коллоксилин. Согласно современным требованиям, подобные вещества не рекомендуется применять для консервации археологических находок.

*** Определение породы древесины микроскопическим методом по анатомическим признакам было проведено дважды в разное время в Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа (ОНТЭ ГЭ) старшим научным сотрудником, к.б.н. М.И. Колосовой и ведущим научным сотрудником, к.б.н. А.В. Степановой.

**** Автор выражает благодарность за консультации и за помощь в определении состава наслоений зам. зав. ОНТЭ ГЭ С.В. Хаврину.

***** Проведено автором статьи.

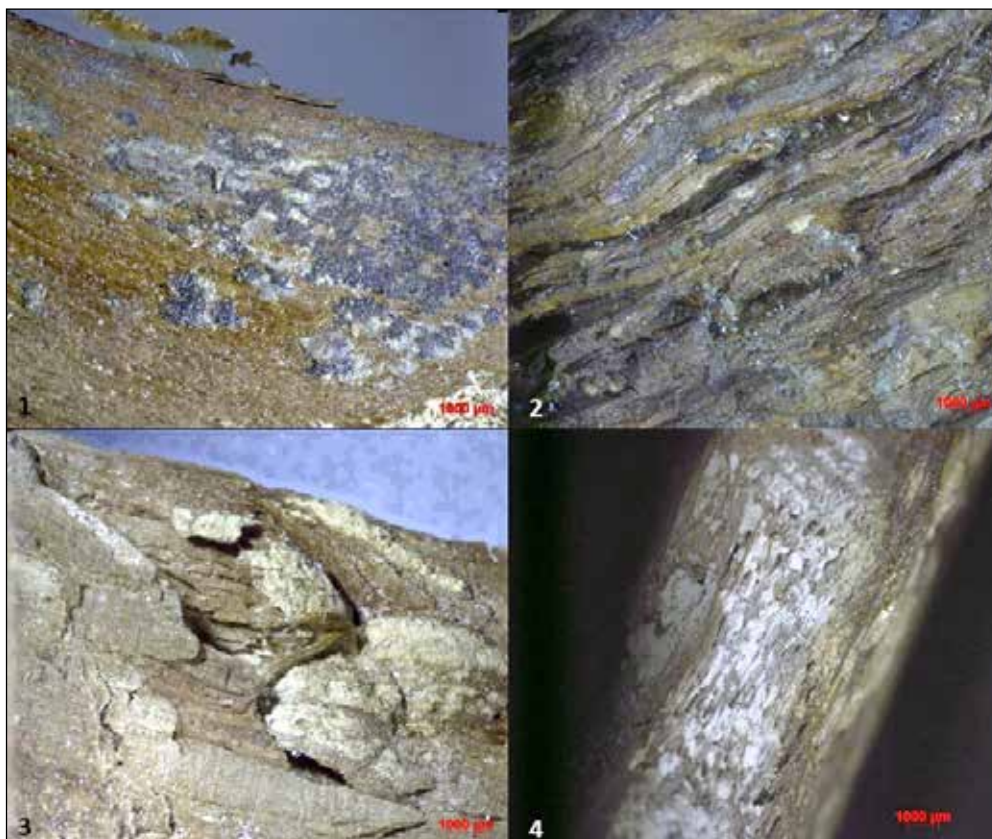

Рис. 2. Разрушения и загрязнения поверхности деталей седла.
Съемка выполнена с помощью микроскопа Zeiss Stemi 2000-C
Fig. 2. Surface's destruction and contamination of the saddle details.
Image taken with a Zeiss Stemi 2000-C microscope

Рис. 3. Полочки седла до (1, 2) и после (3, 4) реставрации
Fig. 3. Two panels of saddletree before (1, 2) and after (3, 4) conservation

2000-С показало, что загрязнения представляли собой частицы грунта (песок, мелкие камни), остатки разложившейся спрессованной органики темного цвета*, практически полностью покрытые плотной жесткой пленкой лака (рис. 2).

Реставрационные мероприятия. Для сохранения изделия было необходимо провести удаление загрязнений, укрепить древесину, подобрать и склеить фрагменты. Первая задача — расчистка поверхности от загрязнений, как ни странно, оказалась наиболее длительной и кропотливой по сравнению с последующими этапами работ. Во-первых, нужно было убрать лаковую пленку, что было сделано с помощью ацетоновых** компрессов. Процесс растворения пленки требовал постоянного контроля, поскольку под этим покрытием были участки с сильно деградированной древесиной, и могло произойти обрушение верхних слоев внутрь или дополнительная фрагментация (рис. 2.-3). По мере удаления пленки вместе с ней частично уходили загрязнения и скопления солей. Однако в некоторых местах соли настолько впитались в древесину (рис. 2.-4), что потребовалось дополнительное применение микрокомпрессов, смоченных попеременно то ацетоном, то трехпроцентным водным раствором лимонной кислоты. Выдержка компрессов также постоянно контролировалась. Места предмета, непокрытые пленкой, были очищены сильно отжатыми ватными тампонами, предварительно смоченными водно-спиртовой смесью (1:1).

Рис. 4. Общий вид седла после реставрации
Fig. 4. General view of the saddle after restoration

Второй, не менее ответственный этап реставрационных работ заключался в проведении консервационной пропитки. Для укрепления археологической древесины подошла следующая схема обработки: трижды*** детали были обработаны пятипроцентным раствором полибутилметакрилата (ПБМА-нв) в смеси растворителей этанол-ксилол-ацетон (2:4:1). В четвертый раз торцы и места утрат были дополнительно пропитаны тем же составом, только десятипроцентной концентрации. После каждой пропитки фрагменты изделия помещались и оставлялись на несколько дней в закрытой замкнутой среде****, таким образом искусственно создавались условия, способствующие более равномерному и глубокому распределению полимера во фрагментах. После окончания пропитки детали оставались в вытяжном шкафу до полного испарения растворителей****. В целом процесс пропитки занял около трех недель. Третий этап работ, наиболее увлекательный из всех, — подбор и склейка фрагментов. В качестве клея был использован тридцатипроцентный раствор ПБМА в ацетоне. Некоторые сложности при склеивании вызвали деформированные кусочки древесины. Однако с помощью таких нехитрых приспособлений, как мешочки с песком, эти задачи тоже удалось выполнить.

После сборки всех деталей клеевые швы, расходящиеся трещины и места утрат были восполнены мастикой, которая состояла из десятипроцентного раствора поливинилбутирала***** в этаноле с добавлением древесной муки и микросферы. Мастика наносилась послойно, по мере высыхания предыдущего слоя. После отвердевания она была тонирована акварелью.

* Возможно, от несохранившегося кожаного или войлочного покрытия.

** Другие растворители не были эффективны.

*** Тремя подходами с перерывами между ними от двух до трех дней.

**** Под стеклянными колпаками или под плотным полиэтиленом.

***** Контроль сушки после пропитки осуществлялся по весу контрольного образца.

***** Марки КБ.

Для упаковки и транспортировки седла в Барнаул использованы микалентная бумага, пупырчатая пленка, картонные коробки.

Заключение. В результате проведенных мероприятий материал находки стабилизирован. Древесина укреплена. Форма предмета восстановлена. Изделие приобрело экспозиционный вид и уже представлено на выставке Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Данный предмет является источником для изучения широкого спектра тем, в том числе технологии древней деревообработки, дендрохронологии, ксилотомии, а также традиционного коневодства и погребального обряда древних кочевников.

Отдельный интерес представляет изучение погребального инвентаря, включавшего детали конской амуниции, в данном случае седла, железных удила и остатков деревянных псалиев. Эти изделия служили, скорее всего, для конского захоронения, обнаруженного в заполнении могилы над ящиком. Данный вопрос требует отдельного детального рассмотрения, обозначу лишь несколько моментов.

Седла и другие элементы снаряжения верхового коня известны по находкам в памятниках знати пазырыкской культуры, где условия способствовали сохранению органических материалов (Руденко, 1953; Полосьмак, 2001). Большое число уздечных наборов было найдено и в конских захоронениях малых и средних курганов на территории Алтая (Кубарев, 1987). В.Д. Кубарев (1987, с. 14–15) выделял погребения «типично пазырыкской культуры, но с отсутствием сопроводительных захоронений коней». Надо отметить, что в этих комплексах не обнаружены элементы конской амуниции, но есть фигурные изображения коней, которые могли располагаться среди набора сопроводительной посуды (Васильева, 2021, с. 402). Обычай помещения удила в захоронения известен по материалам могильника Кокэль, расположенного на территории соседней Тувы (Вайнштейн, 1970). Таким образом, реставрированный объект на сегодняшний день является не только зрелищным музейным экспонатом, но и выступает важным источником для восстановления культуры древних кочевников.

Список источников

Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г. (погребения Казылганской и Сыын-Чюрекской культур) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III. Л., 1970. С. 7–79.

Васильева Н.А. О моделях в погребальном инвентаре пазырыкской культуры: обзор источников, этнографические параллели, подходы к интерпретации // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии. СПб., 2021. С. 399–413.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 304 с.

Мыльников В.П., Тишкин А.А. Жесткие деревянные основы седел с памятника Яломан-II на Алтае: междисциплинарный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. №3 (44). С. 47–55.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001. 336 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 402 с.

Степанова Е.В. Седла гунно-сарматского времени — попытка реконструкции // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. I. С. 388–389.

Тишкин А.А. Деревянные находки из памятника Яломан-II на Алтае // Теория и практика археологических исследований. Вып. 6. Барнаул, 2011. С. 165–176.

Тишкин А.А. Результаты радиоуглеродного датирования курганов жужанского времени памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. №49. С. 54–59. DOI: 10.17223/19988613/49/10

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX, ч. I. Новосибирск, 2003. С. 488–493.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревообработка на Алтае во II в. до н.э. — V в. н.э. (по материалам памятников Яломан-II и Бош-Туу-I). Барнаул, 2016. 192 с.: ил. (Археологические памятники Алтая. Вып. 2).

Информация об авторе / Information about the Author

Нагалия Анатольевна Васильева, Государственный Эрмитаж, Отдел научной реставрации и консервации, Лаборатория научной реставрации предметов из органических материалов, художник-реставратор высшей категории; 190000, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34; <https://orcid.org/0000-0002-5926-6984>, nvasiljeva@yandex.ru

Natalia A. Vasilyeva, State Hermitage Museum, Department of Scientific Restoration and Conservation, Laboratory of Scientific Restoration of Objects from Organic Materials, Artist-Restorer of the Highest Category; 190000, Russia, St. Petersburg, Dvortsovaya Naberezhnaya, 34; <https://orcid.org/0000-0002-5926-6984>, nvasiljeva@yandex.ru

Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.

Научная статья / Article
УДК: 902.2:72.012.1(571.13)
DOI: 10.14258/msapea.2023.3.63

КАТОРЖНЫЙ ОСТРОГ ВТОРОЙ ОМСКОЙ КРЕПОСТИ: АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ В МУЗЕИФИКАЦИИ ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

**Юрий Викторович Герасимов, Дарья Петровна Загородникова, Максим Юрьевич Здор,
Михаил Андреевич Корусенко, Дмитрий Николаевич Павлов**
Омский научный центр СО РАН, Омск, Россия

Резюме. В статье представлены основные результаты историко-археологического изучения каторжного острога Омской крепости, в котором отбывал наказание Ф.М. Достоевский. От зданий сохранились остатки кирпичных фундаментов, перекрытых позднейшими наслоениями города. В результате полевых работ 2021–2022 гг. были обнаружены фундаменты двух строений и следы деревянной ограды площадки острога. Анализ исторических документов позволил интерпретировать выявленные фундаменты как принадлежащие жилой казарме и столовой. На основе полученных данных планируется разработка проекта музеефикации объекта культурного наследия. В статье проанализированы некоторые варианты предлагаемых проектов, а также представлена авторская концепция создания музейного объекта.

Ключевые слова: Омская крепость, каторжный острог, архитектурно-археологические экспозиции, Ф.М. Достоевский, музеефикация

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства культуры Омской области.

Для цитирования: Герасимов Ю.В., Загородникова Д.П., Здор М.Ю., Корусенко М.А., Павлов Д.Н. Каторжный острог Второй Омской крепости: археология и история в музеефикации объекта культурного наследия // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 308–312.

THE CONVICT PRISON OF THE SECOND OMSK FORTRESS: ARCHAEOLOGY AND HISTORY IN THE MUSEUMIFICATION OF THE CULTURAL HERITAGE SITE

Yuri V. Gerasimov, Daria P. Zagorodnikova, Maksim Yu. Zdor, Michael A. Korusenko, Dmitry N. Pavlov
Omsk Scientific Center SB RAS, Omsk, Russia

Abstract. The article presents the main results of the historical and archaeological study of the convict prison of the Omsk fortress where F.M. Dostoevsky served his sentence. From the buildings there are remains of brick foundations, covered with later layers of the city. As a result of the field work in 2021–2022, the foundations of two buildings as well as traces of a wooden perimeter of the prison site were discovered. An analysis of historical documents made it possible to interpret the identified foundations as belonging to the residential barracks and dining room. Based on the data obtained, it is planned to develop a project for the museumification of the cultural heritage site. The article analyzes some variants of the proposed projects, and also the author's concept of creating a museum object is presented.

Keywords: Omsk fortress, convict prison, architectural and archaeological expositions, F.M. Dostoevsky, museumification

Acknowledgments: the study was carried out with the financial support of the Ministry of Culture of the Omsk Region.

For citation: Gerasimov Yu.V., Zagorodnikova D.P., Zdor M.Yu., Korusenko M.A., Pavlov D.N. The Convict Prison of the Second Omsk Fortress: Archaeology and History in the Museumification of the Cultural Heritage Site // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 308–312.

История города Омска началась со строительства в 1716 г. небольшого укрепления на левом берегу Оми, в устье реки, из которого выросла первая Омская крепость. В 1768 г. на правом, более высоком берегу Оми была построена новая крепость, в истории города обозначенная как вторая (Палашенков, 1967, с. 17). Крепость занимала площадь в 30 гектаров, укрепления состояли из четырех бастионов (Подгорный, Степной, Тарский и Форштадтский) и трех полубастионов (Омский, Ильинский, Иртышский). Охватывавший крепость земляной вал имел 3,5 м в высоту, со стороны Иртыша он возвышался на 12 м над плесом реки. С внешней стороны вал был обведен широким сухим рвом в 2,4 м глубиной. В крепость вели четверо деревянных ворот: Омские — с востока, со стороны Омской слободы, Тарские — с северной стороны, Тобольские и Иртышские — со стороны Иртыша. Против Омских и Тарских ворот через ров были сделаны подъемные мосты. Реки Омь и Иртыш с их высокими крутыми террасами, дополнительно эскарпированными, служили естественной защитой крепости с западной и южной сторон (Палашенков, 1967, с. 17).

Известно, что уже в конце 1770-х гг. в Степном бастионе располагался острог для ссыльных каторжан, состоявший, судя по историческим картам, из пяти сооружений, четыре из которых расположены по периметру стен бастиона, а пятое — по осевой продольной линии (Омское Прииртышье..., 2015, с. 310, 311). Пятиугольный в плане земляной бастион защищал северо-восточный угол крепости, соединяя северную куртину, в которой располагались Тарские ворота, и глухую восточную, выходящую к Подгорному бастиону.

История строительства и развития каторжного острога до настоящего времени изучена слабо. Исторические карты разных лет показывают различную конфигурацию строений острога, количество которых варьировалось от двух до пяти. На «Чертеже каторжного острога Омской крепости, выполненном кондуктором 2-го класса Ершовым в 1847 году» (Комплект открыток..., 2020), показаны четыре здания: старая казарма, сохранившаяся еще с XVIII в., расположенная у юго-западного фланка бастиона, новая, у северо-восточного фланка, кухня у северо-западного фаса и амбар с ледником у исходящего угла.

Территория острога была окружена деревянной оградой. Опираясь на изображение внешнего вида острога, выполненного кондуктором 2-го класса Ершовым, ее представляют как частокол из бревен с воротами в южной стенке. В 1859 г. к северу от крепости, на окраине Кадышевского форштадта, был построен новый четырехэтажный тюремный замок, а каторжный острог закрыт. Территория острога была заброшена, постройки разобраны. На карте Омска 1879 г. никаких указаний на остатки каторжного острога уже не содержится*. После упразднения Второй Омской крепости в 1864 г. валы были срыты, рвы засыпаны, началась застройка освобожденных площадей гражданскими зданиями, но вплоть до конца XIX столетия территория бывшего каторжного острога оставалась запущенным пустырем.

История каторжного острога Омской крепости связана с именем Ф.М. Достоевского, который с 1850 г. отбывал здесь четырехлетнюю ссылку. Увлеченный демократическими и социалистическими идеями, Ф.М. Достоевский с 1847 г. стал посещать собрания петрашевцев, в 1849 г. был арестован и приговорен к смертной казни. Позднее приговор был заменен ссылкой в Сибирь на каторгу, и 23 января (4 февраля) 1850 г. через Тарские ворота Ф.М. Достоевский был доставлен в каторжный острог Второй Омской крепости. В Омске писателю впервые пришлось длительное время жить одной жизнью с народом. Он работал на кирпичном заводе, обжигал и толоч алебастр, трудился в инженерной мастерской, разгребал снег на улицах города. Все обитатели тюрьмы спали на нарах вместе: на каждого человека приходилось примерно по три доски. На пояс каждого арестанта закреплялись четырех-пятикилограммовые кандалы, поверх которых надевались штаны. Все годы каторги кандалы не снимались (Семерун, 2020, с. 55). В остроге, столкнувшись с преступным миром, Ф.М. Достоевский осознал многие отвлеченные понятия: интеллигенция и народ, преступление и наказание, свобода и ее границы, проблемы сильной личности. По окончании ссылки писатель был отправлен служить рядовым в Семипалатинск. Из-за болезни в 1859 г. ему было разрешено оставить военную службу и вернуться в Санкт-Петербург (Семерун, 2020, с. 56).

Для Ф.М. Достоевского ссылка стала одной из самых трагичных страниц жизни. Вся тяжесть своей каторги писатель отразил в «Записках из Мертвого дома». По описанию в произведении острог представлял собой «неправильный шестиугольник», обнесенный «высоким тыном, то есть забором из высоких столбов, врытых стойком глубоко в землю, крепко прислоненных друг к другу ребрами... Как входите в ограду — видите внутри ее несколько зданий. По обеим сторонам широкого внутреннего двора тянутся два длинных одноэтажных сруба. Это казармы. Здесь живут арестанты, размещенные по разрядам. Потом, в глубине ограды, еще такой же сруб: это кухня, разделенная на две артели; далее еще строение, где под одной крышей помещаются погреба, амбары, сараи. Средине двора пустая и составляет ровную, довольно большую площадку. Здесь строятся арестанты, проходит поверка и переключка...» (Достоевский, 2022, с. 42). В память о великом писателе в Омске поставлен памятник, открыт Государственный литературный музей, его именем названы университет и одна из улиц.

В 1920-х гг. на территории правого берега Оми начались работы по сносу старых деревянных построек и строительству на их месте кирпичных многоэтажных домов, подобные работы проходили и на участке где ранее располагался каторжный острог. В настоящее время на территории Степного бастиона Второй Омской крепости расположен жилой дом 1938 г. постройки и его придомовая территория с разбитым сквером. В 2016 г. в ходе работ по благоустройству территории был обнаружен фрагмент кирпичной кладки на известковом растворе, интерпретированный как остатки фундамента одного из строений каторжного острога. В 2021 г. сотрудниками лаборатории историко-культурных

* План города Омска 1879 года // ЭтоМесто. 2009–2023. URL: План города Омска 1879 года (etomesto.ru) (Дата обращения 04.04.2023).

экспертиз Омского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук (ЛИКЭ ОНЦ СО РАН) и волонтерами из Омского музея просвещения были организованы полевые работы по его изучению. Итогом работ стало обнаружение культурного слоя Второй Омской крепости XVIII–XIX вв., а также фиксация конструктивных элементов фундамента зданий и ограды каторжного острога. Установлено, что ограда острога представляла собой частокол на прожилинах, опорные столбы которых были заглублены в землю более чем на полсажени. Объект археологического наследия получил наименование «Культурный слой Второй Омской крепости. Степной бастион и каторжный острог».

В 2022 г. работы были продолжены, выполнены археологические раскопки на территории выявленного объекта археологического наследия. В результате исследовательских работ в северо-западной части раскопа была открыта конструкция из кирпича, представляющая собой остатки ленточного фундамента разрушенного здания. Внешняя и внутренняя версты образованы ложковыми рядами в пять кирпичей коричнево-оранжевого цвета, пространство между которыми забутовано кирпичным ломом на известковом растворе. Форма и размеры кирпичей, использование известкового раствора для их скрепления позволяют предполагать принадлежность этой конструкции к одному из зданий каторжного острога Омской крепости и датировать ее не позднее 1-й половины XIX в., которое на основании анализа исторических карт интерпретировано как жилая казарма №2 каторжного острога Омской крепости. Сохранившаяся часть фундамента казармы имеет Г-образную форму, длина его лент составляет 2,9 м и 4,32 м, ширина — до 0,95 м. Нижний ряд кирпичей уложен на забутовку, представленную кирпичным дробом, с небольшой прослойкой серо-желтой супеси с вкраплением дробленого кирпича, извести, мелкого строительного мусора. Для сооружения фундамента была вскрыта траншея шириной до полсажени ($\approx 1,05$ м), дно которой было забутовано кирпичным ломом, укрепленным известковым раствором, и уже на подготовленное таким образом основание уложены вышележащие элементы. Затем траншея была засыпана землей, а на фундаменте возведено деревянное здание казармы.

В 2023 г. планируется продолжение работ по дальнейшему поиску и исследованию фундаментов здания казармы №2 и кухни-столовой.

Итогом исследовательских работ станет проект музеефикации выявленных элементов каторжного острога Степного бастиона. В современном музееведении музеефикация понимается как «направление музейной деятельности, заключающееся в преобразовании историко-культурных или природных объектов в музейные объекты с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности» (Каулен, 2012, с. 13).

Проведение музеефикации раскрытого комплекса или отдельного объекта зависит от вида, типа и состояния сохранности памятника. В современном музееведении принято выделять несколько типов архитектурно-археологических экспозиций.

1. Открытая экспозиция. Предусматривает экспонирование остатков комплекса или объекта *in situ* (музеефицированный культурный слой по всей площади распространения находок). Памятник должен выступать как целостный объект музейного показа под открытым небом.

2. Фрагментарная открытая экспозиция. Предусматривает создание экспозиции *in situ* на отдельных участках раскопов под открытым небом (культурный слой лишь частично музеефицируется). Памятник, таким образом, выступает в виде фрагментов объекта музейного показа.

3. Полуоткрытая (комбинированная) экспозиция. Предусматривает создание экспозиции как *in situ* под открытым небом, так и под навесами и в павильонах.

4. Павильонный способ экспонирования музеефицированных памятников.

5. Закрытая экспозиция. Предусматривает экспонирование культурного слоя в павильонном режиме, как под открытым небом, так и под землей.

6. Заповедная территория в границах распространения культурного слоя при невозможности консервации всего культурного слоя или его отдельных участков на памятнике большого научного значения (Кепин, 2013, с. 152).

Омск, как исторический город, фрагментарно сохранивший свое историческое место, представляется объектом культуры, реновация которого возможна с помощью современных артефактов при условии максимального использования исторических объектов, в том числе в их руинированном состоянии (Чирков, 2011, с. 106). Так к 300-летию города проводились работы по реконструкции исторического ландшафта и музеефикации территории Второй Омской крепости. Был восстановлен исторический облик семи построек начала XIX в. — арсенала, обозного сарая, кухни-столовой, инженерной мастерской, цейхгауза, двух казарм (1823 и 1833 гг. постройки), внутренняя планировка самих зданий отвечает их новому функциональному назначению.

С обнаружением культурного слоя и элементов фундамента зданий каторжного острога Второй Омской крепости возникает необходимость в разработке проекта их музеефикации, в проработке способов и методов введения объектов в музейную среду города.

В 2016 г. сотрудники омского отделения ВООПИиК выступили с проектом по реконструкции и музеефикации казарм Омского каторжного острога. Были предложены два варианта того, как это памятное место могло бы выглядеть в перспективе: демонстрация руин фундамента под стеклом, сопровождаемая лекцией об исторических событиях, либо частичное восстановление исторических казарм, одна из которых может быть представлена как фрагмент в разрезе (Чекмарева Е.В., Чекмарева Т.В., 2019, с. 3).

Сохранение памятника, на наш взгляд, возможно в форме консервации подлинного руинированного исторического ландшафта, с информационными указателями границ самого каторжного острога и Степного бастиона второй Омской крепости.

Одновременно можно создать физический макет каторжного острога в масштабе, который будет отвечать критериям достоверности, и вписать его в пространство музейных экспозиций по истории города. Например, в Омском государственном историко-краеведческом музее демонстрируется макет Первой Омской крепости, можно расширить экспозицию музея и добавить макетную визуализацию Второй Омской крепости и каторжного острога.

Создание исторических реконструкций в виде новоделов-макетов фрагментов зданий в реальном масштабе как части экспонируемых руинированных остатков каторжного острога, по нашему мнению, может быть определено как неудачный подход при музеефикации. Из-за плотной городской застройки территория экспонирования выявленных руин имеет небольшие размеры, и макет-новодел в масштабе 1:1 деформирует все экспозиционное пространство. Здесь, как нам представляется, в дополнение к экспонированию руинированных фрагментов зданий стоит использовать методы, которые нам предоставляют современные технологии, например, воссоздать комплекс каторжного острога и самой Второй Омской крепости в виртуальной среде. Кроме этого, современные средства цифровой визуализации позволяют вписать его в новый исторический ландшафт города в виде, например, лазерной 3D-проекции или голограммы.

Таким образом, в настоящее время остается актуальной проблема сохранения и публичного представления археологического наследия для широкой общественности. Проработка предложенных нами вариантов позволит сохранить как архитектурный облик исторического центра города Омска, так и археологический культурный слой в условиях современной городской застройки. Финальный вариант проекта музеефикации можно будет создать, изучив результаты работ по исследованию культурного слоя каторжного острога второй Омской крепости в 2021–2023 гг.

Список источников

- Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома. М., 2022. 352 с.
- Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. 432 с.
- Кепин Д.В. Концептуальные подходы к проектированию «Археопарков» // Вопросы музеологии. 2013. №2(8). С. 150–159.
- Комплект открыток «Достоевский Ф.М. в Омске» / авт.-сост. — В.С. Вайнерман; дизайн, обработка фотоматериалов — И.Н. Котов. Издано при поддержке Министерства культуры Омской области. Омск, 2020.
- Омское Прииртышье и город Омск на картах, планах и чертежах XVII — начала XIX века. Тобольск, 2015. 384 с.
- Палашенков А.Ф. Памятники и памятные места Омска и Омской области. Омск, 1967. 235 с.
- Семерун Ю.С. Омский период в жизни Федора Михайловича Достоевского // Национальные приоритеты России. 2020. №2 (37). С. 52–57.
- Чекмарева Е.В., Чекмарева Т.В. Музеи под открытым небом. Проект музеефикации фрагментов острога Омской крепости // Строительство: наука и образование. 2019. Т. 9, вып. 4. С. 1–26.
- Чирков В.Ф. Омская крепость: проблемы музеефикации территории // Омская крепость: историко-культурное наследие. Омск, 2011. С. 106–108.

Информация об авторах / Information about the Authors

Юрий Викторович Герасимов, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, ведущий инженер; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15, кандидат исторических наук, <http://orcid.org/0000-0002-5066-576X>, ngajapti@yandex.ru

Yuri V. Gerasimov, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Lead Engineer; 644024, Russia, Omsk, Karl Marx Ave., 15; PhD in history, <http://orcid.org/0000-0002-5066-576X>, ngajapti@yandex.ru

Дарья Петровна Загородникова, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, ведущий инженер; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15, магистр, <https://orcid.org/0000-0003-1748-8535>, Darja2007@mail.ru

Daria P. Zagorodnikova, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Lead Engineer; 644024, Russia, Omsk, Karl Marx Ave., 15; Master Student, <https://orcid.org/0000-0002-2676-9841>, Darja2007@mail.ru

Максим Юрьевич Здор, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, ведущий инженер; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15, магистр, <https://orcid.org/0000-0002-1842-101X>, m-zdor@yandex.ru

Maksim Yu. Zdor, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Lead Engineer; 644024, Russia, Omsk, Karl Marx Ave., 15; Master Student, <https://orcid.org/0000-0002-1842-101X>, m-zdor@yandex.ru

Михаил Андреевич Корусенко, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, старший научный сотрудник; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-7004-1287>, otto.link@gmail.com

Michael A. Korusenko, Omsk Scientific Center SB RAS, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Research Fellow; 644024, Russia, Omsk, Karl Marx Ave., 15; PhD in History; <https://orcid.org/0000-0001-7004-1287>, otto.link@gmail.com

Дмитрий Николаевич Павлов, Омский научный центр СО РАН, сектор методов исследования проблем развития регионов, ведущий инженер; 644024, Россия, г. Омск, пр-т Карла Маркса, 15, магистр, <https://orcid.org/0000-0002-2676-9841>, nvp-omsk@mail.ru

Dmitry N. Pavlov, Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Sector of Methods in Researching Problems of the Development of Regions, Lead Engineer; 644024, Russia, Omsk, Karl Marx Ave., 15; Master Student, <https://orcid.org/0000-0002-2676-9841>, nvp-omsk@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 911.3(510)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.64

ПРИГРАНИЧНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ОКРУГОВ ХАНЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Екатерина Александровна Гирченко

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Резюме. В период Западной Хань (206 г. до н.э. — 9 г. н.э.) в коридоре Хэси после победы ханьской армии над хунну были образованы четыре новых округа. Основным источником информации об особенностях функционирования городов-гарнизонов региона являются деревянные плашки ханьцзяни. Всего в пределах современной провинции Ганьсу обнаружено более 80 тыс. таких находок. Это списки солдат; учетные книги различных видов административных и воинских задач; подсчеты финансов; записи о выдаче одежды, пайков; официальные документы чиновников и императорские указы, документы о торговых сделках и т.д. Их перевод и сопоставление с другими письменными источниками позволяют определить специфику торговых контактов с кочевыми народами, особенности административного управления и быта приграничных городов на рубеже эр.

Ключевые слова: Китай, династия Хань, Великий шелковый путь, приграничная торговля, ханьцзяни, письменные источники, межкультурное взаимодействие

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект №22-78-10121 «Связи между культурами Сибири и Северного Китая в эпоху древности и раннего средневековья по данным археологии»).

Для цитирования: Гирченко Е.А. Приграничная документация северо-западных округов Ханьской империи // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 312–317.

FRONTIER DOCUMENTATION OF THE NORTH-WEST OF THE HUN EMPIRE

Ekaterina A. Girchenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract. During the Western Hun period (206 BCE — 9 CE) in the Hexi corridor after the victory of the Hun army over the Xiongnu, four new prefectures were formed. The main source of information about these garrison towns are wooden slips — hanjian. There are more than 80,000 hanjian discovered within the modern Gansu province. These are lists

of soldiers; accounting books of administrative and military tasks; finance calculations; records of the issuance of clothing, rations; documents of officials and imperial decrees, trade transactions, etc. Their translation and correlation with the main written sources make it possible to reconstruct the specifics of trade contacts with nomadic peoples, the peculiarities of administrative management and daily routine in northwest China at the turn of common era.

Keywords: China, Hun Dynasty, Great Silk Road, border trade, Hanjian wooden slips, written sources, intercultural interaction

Acknowledgments: this work was financially supported by the RSCF (Project No. 22-78-10121 “Links between the Cultures of Siberia and Northern China in the Antiquity and the Early Middle Ages according to Archaeological data”).

For citation: Girchenko E.A. Frontier Documentation of the North-West of the Hun Empire // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 312–317.

Регулярные вторжения хунну на территорию Ханьской империи были серьезной угрозой северо-западным рубежам Китая. Первые 70 лет правления Хань ничего не могли противопоставить кочевой угрозе из-за экономической и социальной нестабильности, наследием времен гражданских войн конца предыдущей династии Цинь, а также внутренних конфликтов между центральным правительством и регионами. Ситуация начала стабилизироваться во времена правления императоров Вэнь-ди (180–157 гг. до н.э.) и Цзин-ди (157–141 гг. до н.э.), что позволило императору У-ди (141–87 гг. до н.э.) вплотную заняться укреплением северных границ. Длительное противостояние закончилось победой ханьских войск и возвращением ранее занятых хунну земель в районе современных провинции Ганьсу и частично Внутренней Монголии. У-ди основал в коридоре Хэси, тянущемся на 1000 км от верховьев Хуанхэ до гор Бэйшань и Луншоушань, четыре новых округа — Увэй, Чжанье, Цзюцюань и Дуньхуан, где была продолжена Великая китайская стена, основана линия укреплений со сторожевыми башнями и контрольно-пропускными пунктами. Прибывающие в регион этнические ханьцы в основном были солдатами, и теперь в этой пограничной зоне наблюдалась самая большая концентрация ханьской армии. В регионе также появилась довольно развитая система почтовой службы, в задачи которой входил в том числе контроль за передвижением иностранцев в пределах округов. Местное население состояло из различных групп неханьских народов, и приток в регион ханьцев и основание крепостей первоначально обострили этнические конфликты и конкуренцию за ресурсы местности. Тем не менее начало функционирования Великого шелкового пути и стабильное экономическое развитие так или иначе постепенно сблизили ханьских колонизаторов и местные народы, в результате чего в последующие эпохи сформировалась новая идентичность жителей северо-запада империи, часто противопоставляемая внутренним регионам.

На рубеже нового тысячелетия китайское правительство запустило проект экономического развития западных районов КНР. Строительство высокоскоростных железных дорог и автомагистралей по территории провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района затрагивало районы функционирования древнего Шелкового пути, что привело к открытию множества новых памятников, в особенности на территории коридора Хэси и четырех округов, что позволило обогатить представления о жизни гарнизонов, развитии транспорта и ведении торговли. Предметом специального исследования являются деревянные дощечки ханьцзяни с нанесенными на них сведениями о торговой, административной, бытовой жизни городов-крепостей северо-запада Ханьской империи. Всего в районе коридора Хэси и соседних территорий в пределах современной провинции Ганьсу обнаружено более 80 тыс. таких находок, около 80% из них относятся ко времени династии Хань. Первые находки такого типа, около 40 деревянных табличек, были сделаны еще в 1901 г. Аурелем Стейном в Ния в Синьцзяне. С тех пор насчитывается уже более 200 тыс. документов на бамбуковых или деревянных дощечках, найденных по всему Китаю (Tsang Wing Ma, 2020, p. 531). Основная часть старой коллекции была вывезена на Тайвань и хранится сейчас в Институте истории и филологии Академии Синика в Тайбэе, где была создана электронная база данных с возможностью интерактивного использования архива (рис. 1). Находки нового тысячелетия хранятся в Музее провинции Ганьсу и в Музее деревянных и бамбуковых дощечек в Ланьчжоу — там выставленные образцы помещены в запечатанные стеклянные колбы (рис. 2). Центр исследования деревянных и бамбуковых дощечек был основан в 2012 г. (музей открыт в 2021 г.) и сейчас там хранится порядка 40 тыс. планок ханьского времени.

Приграничная документация, находимая при раскопках городов-крепостей, — невероятно информативный источник, так как благодаря сухому климату она достаточно хорошо сохранилась. Личная переписка встречается крайне редко, в основном это документы административного и торгового содержания, датируемые серединой Западной Хань — началом Восточной Хань и позволяющие восстановить особенности ежедневного функционирования приграничной системы крепостей. Планки

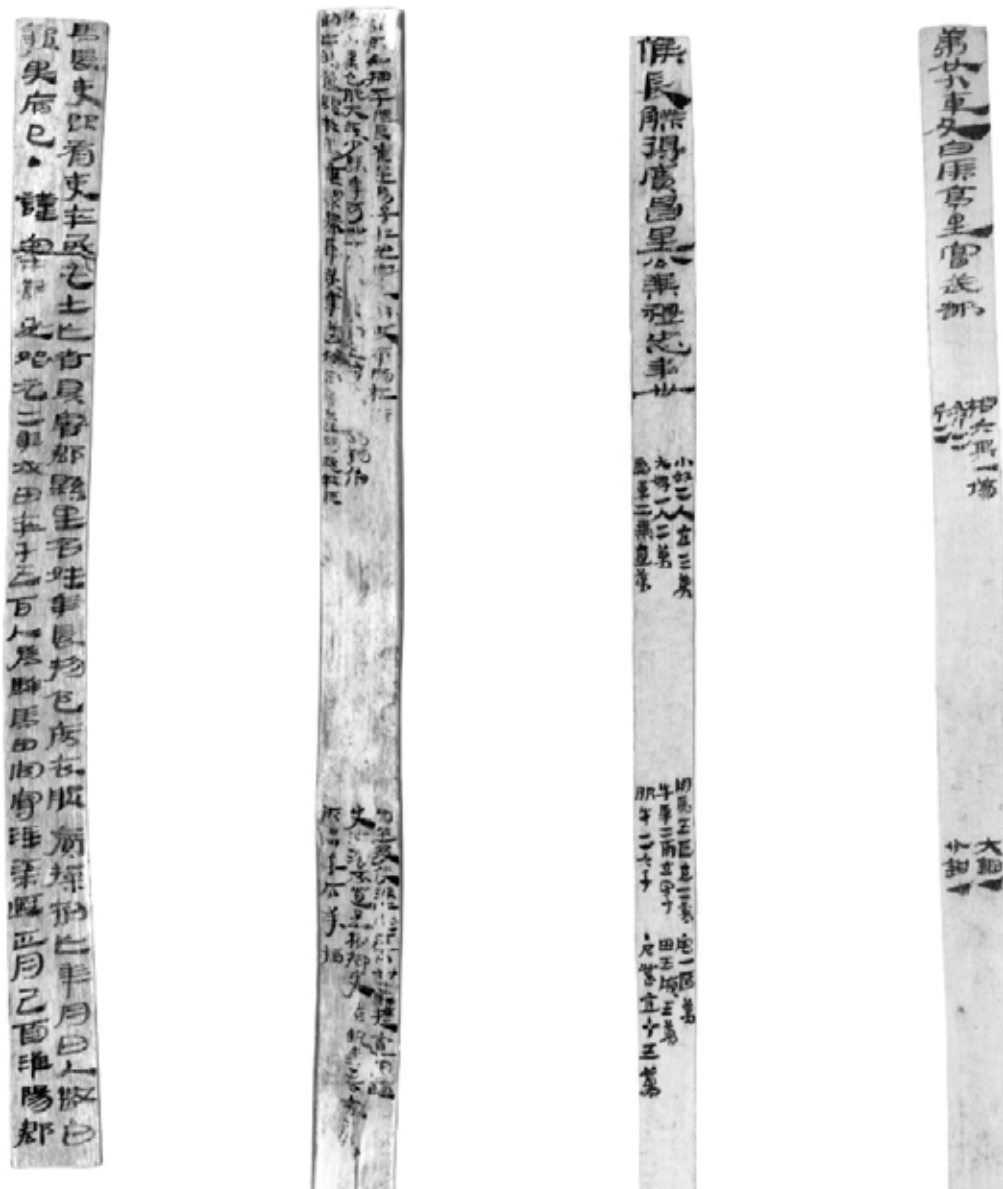

Рис. 1. Цзюйяньские ханьцзяни в интерактивной базе данных Института истории и филологии Академии Синика, Тайвань; по: (Шиюйсо узан Цзюйянь ханьцзянь...)
 Fig. 1. Juyan hanjian in the interactive database of the Institute of Archaeology and Philology of Sinica Academy, Taiwan; after: (Shiyuisuo zang Juyan hanjian...)

с записями, как правило, находят в колодцах, мусорных ямах или в фундаменте стен. Большинство этих текстов представляют собой оригинальную документацию, от которой избавились спустя определенный период времени, вероятно, чтобы освободить место в хранилищах для более актуальных материалов. Причина, по которой местные чиновники решили (или им было приказано) выбросить ненужные документы, а не сжечь их, — довольно дискуссионная тема в среде исследователей (Giele, 2010; Tsang Wing Ma, 2020). Чаще всего возможной причиной называют боязнь вызвать неконтролируемый пожар при сжигании значительного количества бамбуковых или деревянных документов. Кроме того, существовал запрет на разжигание огня рядом с хранилищами или вход с факелом в помещение с документами.

Административная система приграничных городов-крепостей отличалась от устройства внутренних округов. Деревянные и бамбуковые плашки ханьцзяни длиной до 25 см и шириной 2,5–3 см из Дуньхуана и Цзюйяня, где были найдены наиболее многочисленные находки, показывают, что военный глава региона, дувэй, назначался из центра, несколько хоу, служивших под его началом, отвечали за участки с несколькими сторожевыми башнями. Сельскохозяйственное ведомство было достаточно

Рис. 2. Ханьцзяни в специальных колбах в экспозиции Музея деревянных и бамбуковых дощечек (г. Ланьчжоу, пров. Ганьсу); по: (Wang Ru, 2023)
Fig. 2. Hanjian in special tubes in the exposition of the Museum of Wooden and Bamboo Slips (Lanzhou, Gansu Province); after: (Wang Ru, 2023)

развитым, что было обусловлено стремлением У-ди сделать регион не зависящим от поставок из внутренних районов страны. Система имела название туньянь и подразумевала освоение региона руками колонистов из внутренних районов. В конце каждого года сельскохозяйственное ведомство тяньгуань должно было предоставлять отчет о количестве и состоянии пахотных земель кэньтянь. Некоторые плашки из Цзюйяня свидетельствуют, что основной рабочей силой были солдаты-земледельцы тяньцзу. Информация о занятых в земледелии солдатах содержала имя, возраст, ранг и место происхождения. Согласно исследованиям Судзуки Наоми, средней возраст переселенцев не превышал 29 лет, что в целом соответствует реформам императора Цзин-ди, который поднял призывной возраст с 20 до 23 лет (Судзуки, 2017, с. 144).

Большая часть ханьцзяней свидетельствуют о торговых операциях, продаже товаров, передаче имущества на время, найме рабочих и судебных делах по спорным случаям. Сделка подтверждалась составлением документации при участии третьей стороны в качестве свидетеля. Если возникал спор, суть и течение этого конфликта строго фиксировались, самым показательным примером являются 33 плашки из Цзюйяня, рассказывающие о том, как некий командир Су в 28 г. до н.э. вызвал на суд местного жителя Коу Эня, который нарушил условия соглашения. Су изначально нанял Коу Эня для продажи рыбы в соседнем уезде Лудэ и должен был выплатить за продажу 5 тыс. рыб на сумму не менее 400 тыс. монет одного быка и примерно 1026 кг зерна. Коу Энь смог продать это количество за 320 тыс. монет. Чтобы компенсировать разницу, его сын Цинь ловил рыбу три месяца и отдавал ее жене Су. Сам Су не был удовлетворен этим и решил, что суд должен их рассудить. Итог данного конфликта неизвестен, но представляет собой наиболее подробное описание судебных разбирательств по торговому конфликту (Tsang Wing Ma, 2020, p. 537).

Вторая по численности группа записей — отчеты почтовых служб чжи. Построение разветвленной сети почтовых станций было стратегически важной задачей для нестабильного региона, где были основаны четыре северо-западных округа. Почтовые станции имели четыре основные функции: 1) передача официальных документов; 2) предоставление жилья и питания для путешественников; 3) предоставление лошадей и экипажей; 4) содержание конюшен для почтовых перевозок. На раскопках в Сюаньцюани рядом с Дуньхуаном были обнаружены порядка 23 тыс. деревянных плашек, так как там на пути из Ханьского Китая в Центральную Азию находилась почтовая станция, встречавшая в том числе иностранных купцов. Согласно отчетам археологов, на плашках упоминаются 24 государства, в том числе Лоулань (царство в пустыне Такла-Макан) с народом юэчжей, Даюань (в центре и на востоке Ферганской долины), княжества Цзинцзюэ, Хотан (Юйтянь, юг Такла-Макан в Хотанском оазисе).

Один из документов повествует о том, что из Юйтяня прибыло 1074 человека, другой — о 479 купцах из Цзинцзюэ, отправляющихся домой. У этих делегаций были подорожные грамоты, заверенные местной администрацией, о том, что в Сюаньцюани они могут получить питание и остаться на постой. Другой документ содержит более детальные сведения: «три посланца страны усуней получили 2 доу 4 шэна (4 л и 800 мл) проса. Каждый ел по два раза по 4 шэна проса. Направились на запад». Ни одни из рассмотренных посетителей Сюаньцюани не имели политических или дипломатических целей, это были, как правило, торговцы (Ху Пиншэн, Чжан Дэфан, 2001, с. 143).

Иногда плашки сопровождаются насечками кэчи, их форма соответствовала определенным числовым показателям, обозначающим суммы денег, объемы зерна и других товаров и т.д., т.е. нужно было владеть не только письмом, но и техникой шудао, гравировки по дереву и бамбуку. На некоторых ханьцзянях, представляющих собой договоренности о торговых операциях, тексты одинаковы. Дело в том, что условия договоренности между сторонами записывались два раза, затем на «квитанции» вырезался символ кэчи, обозначающий оговоренную сумму денег, и она разламывалась на две половины, разделяя и символ. Половинки оставались у двух сторон соответственно. Если при возможных проверках и разбирательствах в дальнейшем, при соединении две планки полностью смыкались на месте разлома, это служило подтверждением законности сделки.

Третья группа — записи административного содержания — это списки работников, подворий, призывников и осужденных; учетные книги различных видов ежедневных административных и воинских задач; подсчеты финансов; записи о выдаче одежды, хлебных пайков; официальные документы чиновников разных классов; императорские указы (Giele, 2015). Количество членов семьи и их возможность пребывания в гарнизонах также строго фиксировались на деревянных планках: «27 ноября первого года правления императора Сюань-ди солдат Хучжун собирается поместить в регистрационные книги членов семьи для свободного прохода внутрь гарнизона» (73EJT37:96) или «На втором году правления императора Цзяньпина грамота на въезд получена Шэньчжаном в Бяньчули уезд Чжаоу. Жене 35 лет. Дочери 4 года, сыну 1 год. Имущество — телега и четыре коровы» (73EJT37:175). Такой акцент на возрасте связан с ранжированием налоговых сборов в зависимости от возраста члена семьи. Часто пол ребенка мог быть не прописан, но возраст был обязателен. Офицеры и их чиновники дополнительно получали жалованье в несколько сотен монет в месяц в зависимости от ранга. Зерно также распределялось из государственных хранилищ всем членам их семей, проживающим в этом районе. Солдаты-срочники получали пайки из продуктов питания, одежды и снаряжения, но не получали жалования. Пайки различались в зависимости от статуса (военнослужащие, гражданские, судимые), пола и возраста человека, например, офицеры получали самое большое количество нешелушеного зерна в месяц — 3,33 даней (1 дань — 20 л), а группа с наименьшим показателем, младенцы женского пола — 1,16 даней. Мужчинам также выдавался небольшой паек соли. Количество распределяемого зерна варьировалось в зависимости от должности, периода работы, возраста и т.д., самых низких показателей было достаточно для пропитания, но не позволяло иметь излишки.

Ханьцзяни фиксировали как успехи на службе, так и проступки солдат, например, один из наиболее подробных текстов фиксирует наказание некоего Ши Гуандэ, местного чиновника из Цзюйяня: он вовремя не проверил сторожевые башни, за которые он отвечал, что привело к проблемам с военной техникой в них. На планке фиксируются все детали инцидента, вплоть до подробного описания неполадок. Итогом стало то, что Ши был выпорот 50 ударами за свою ошибку.

Помимо административных протоколов, имеется небольшое количество личных писем, в которых люди делились подробностями военной службы, но чаще отправляли в родные места просьбы прислать больше одежды. Одно из частных цзюйяньских писем выставлено в Музее ханьцзяней в Ланьчжоу и адресовано солдатом пограничной службы своему младшему брату. Он услышал от людей, приехавших из его родных мест, что брат болен, и написал письмо, поручив односельчанину передать его. Тем не менее письмо было найдено в Цзюйяне, поэтому, скорее всего, оно так и не покинуло гарнизон.

Наиболее редкий тип документации ханьского времени — документы в погребальных склепах. Такие записи очень отличаются от религиозных текстов и, согласно классификации Энно Гилле, необходимость их помещения в могилу могла быть связана: 1) с желанием принести пользу умершему в загробном мире, где он продолжит свою жизнь; 2) с необходимостью обратиться к другим обитателям загробного мира с целью заручиться поддержкой в отражении какого-либо негативного влияния; 3) с желанием продемонстрировать статус, достижения, происхождение и т.д. современникам и будущим поколениям, надеясь на их почтение, похвалу или возможное подражание; 4) с целью сокрытия (временного или постоянного) текстов, которые больше не должны были циркулировать среди живых,

но для которых существовали некоторые аргументы против их полного уничтожения; 5) с необходимостью заполнить пустое пространство внутри гробов; 6) со случайным попаданием текстов в число предметов погребального инвентаря (Giele, 2003, p. 428–434). Ярким примером находок, по крайней мере первого типа, являются тексты из Шуйхули (современная провинция Хубэй), например могила №11 местного чиновника Си. Эти тексты преимущественно административного или юридического характера, иногда — медицинские или математические записи, а также календари. Эти тексты могли быть частью земной жизни погребенного, и его потомки считали важным положить в могилу в числе прочего сопроводительного инвентаря.

Таким образом, всестороннее изучение деревянных табличек ханьцзяней и их соотношение с другими письменными источниками эпохи Хань позволят реконструировать процессы экономического развития региона, интенсивность торговых контактов с кочевыми народами, объемы и видовое разнообразие экспорта и импорта, особенности ежедневного быта, рацион питания и специфику административного управления округов на северо-западе Китая на рубеже эр.

Список источников

Судзуки Наоми. Кан дай фуrontia кэйсэйся но пурофиру: Кёэн Канкан, Катамидзуканэски Канкан ни миру соцу но нэнрэй ни тякумоку ситэ [Личные карточки ханьских пограничников. Оценка возраста солдат по ханьцзяням из Цзюйяня и Цзяньшуйцзинь] // Сю:эн рё:ики кара мита Син Кан тэйкоку [Взгляд с окраин на империи Цинь и Хань]. Токио, 2017. С. 137–172. (на яп. яз.)

Ху Пиншэн, Чжан Дэфан. Дуньхуан Сюаньцюань ханьцзянь шицуй [Разбор плашек ханьцзяней из Сюаньцюаня в Дуньхуане]. Шанхай, 2001. 250 с. (на кит. яз.)

Шиюйсо цзан Цзюйянь ханьцзянь цзыляо ку (База данных цзюйяньских ханьцзяней Института истории и филологии) [Электронный ресурс]. URL: <https://wcd-ihp.ascdc.sinica.edu.tw/woodslip/index.php> (на кит. яз.) (дата обращения: 10.12.2022)

Giele E. Using early Chinese Manuscripts as Historical Source Materials // Monumenta Serica. 2003. No. 51. P. 409–438.

Giele E. Excavated Manuscripts: Context and Methodology // China's Early Empires: A Re-appraisal. Cambridge, 2010. P. 114–134.

Giele E. Private Letter Manuscripts from Early Imperial China // A History of Chinese Letters and Epistolary Culture. Leiden, 2015. P. 403–474.

Tsang Wing Ma. Excavated Texts // Handbook of Ancient Afro-Eurasian Economies. Berlin; Boston, 2020. Vol. 1: Contexts. P. 529–555.

Wang Ru. Slipping into History // China Daily. 31.03.2023. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202303/31/WS642603a1a31057c47ebb7818_5.html (дата обращения: 10.04.2023)

Информация об авторе / Information about the Author

Екатерина Александровна Гирченко, Институт археологии и этнографии СО РАН, отдел археологии каменного века, научный сотрудник; 630090, Россия, г. Новосибирск, пр-т Акад. Лаврентьева, 17, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-5304-2595>, ekaterina.girchenko@gmail.com

Ekaterina A. Girchenko, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Stone Age Archaeology Department, Researcher; 630090, Russia, Novosibirsk, Acad. Lavrentiev Ave., 17; Candidate of History, <https://orcid.org/0000-0001-5304-2595>, ekaterina.girchenko@gmail.com

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.225(571.150)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.65

КАМЕННЫЙ КЛЕВЕЦ ИЗ ЛОКТЕВСКОГО РАЙОНА

Геннадий Егорович Иванов

Независимый исследователь, Барнаул, Россия

Резюме. Статья посвящена анализу достаточно редкого изделия эпохи энеолита — начала раннего бронзового века — каменного клевета из светло-серого кварцитового песчаника со сверленным отверстием, найденного весной 2000 г. жителем с. Новенькое Локтевского района Максимом Владимировичем Сюсюковым на вспаханном поле и происходящего, вероятно, из древнего могильника или поселения. Дается подробное описание находки, определяется ее типологическая и хронологическая принадлежность. Ближайшие аналогии из Северного Казахстана позволяют датировать орудие концом IV — III тыс. до н.э., указывают на неоднократно отмечавшиеся уже

западные связи населения Алтая в этот период и расширяют имеющуюся источниковую базу по комплексу вооружения населения алтайских степей в эпоху энеолита — начале раннего бронзового века.

Ключевые слова: Алтай, энеолит и ранний бронзовый век, каменные сверленные орудия ударного действия, каменные сверленные клевцы

Для цитирования: Иванов Г.Е. Каменный клевец из Локтевского района // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 317–320.

KAMENNY KLEVETS FROM THE LOKTEVSKY DISTRICT

Gennady Egorovich Ivanov

Independent Researcher, Barnaul, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of a rather rare product of the Eneolithic era — the beginning of the Early Bronze Age — a stone pecker made of light gray quartzite sandstone with a drilled hole, found in the spring of 2000 by Maxim Vladimirovich Syusyukov, a resident of Novenkoye village of the Loktevsky district, in a plowed field and probably originating from an ancient burial ground or a settlement. A detailed description of the find is given, its typological and chronological affiliation is determined. The closest analogies from Northern Kazakhstan make it possible to date the gun to the end of the 4th — 3rd thousand BC, point to the Western connections of the Altai population that have already been repeatedly noted during this period and expand the available source base for the complex of weapons of the population of the Altai steppes in the Eneolithic era — the beginning of the early Bronze Age.

Keywords: Altai, Eneolithic and Early Bronze Age, stone drilled impact tools, stone drilled peckers

For citations: Ivanov G. E. Kamenny Klevets from the Loktevsky District // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 317–320.

Весной 2000 г. житель с. Новенькое Локтевского района Алтайского края Максим Владимирович Сюсюков нашел на поверхности вспаханного картофельного поля к востоку–северо-востоку от села каменный клевец и медную или бронзовую иглу, квадратную в сечении.

Находка двух древних изделий на небольшом по площади участке позволяет предположить наличие здесь разрушаемого могильника или поселения. В окрестностях села известно более 20 археологических местонахождений, открытых рубцовским краеведом Г.А. Ключиным и датированных от эпохи неолита до средневековья (Казаков, Кирюшин, Тишкин, 1996, с. 109–113).

Предмет, изготовленный из светло-серого кварцитового песчаника, несколько раз попадал под лемех плуга и зубья бороны, о чем свидетельствуют многочисленные свежие глубокие борозды и мелкие царапины и срезы на его поверхности, не приведшие все же к его разрушению, что свидетельствует об очень высокой прочности изделия.

Орудие имеет стройные очертания. Соотношение длины к ширине и высоте равно 4:1, 3:1 (длина изделия 18 см, максимальная ширина 6,0 см, максимальная высота 4,6 см). Спинка выпуклая, заovalенная, брюшко уплощенное, почти прямое по длинной оси. Утолщения на брюшке вокруг втулки нет. Отверстие биконическое, сверленное с обеих сторон, не совсем правильной формы. Отчетливо видны следы кругового вращения сверла в виде мелких параллельных горизонтальных царапин. Максимальная ширина отверстия вверху — 2,9 см, внизу — 3,3 см, минимальный диаметр в нижней трети — около 2 см. Отношение бойковой части к обушковой составляет 1,5 к 1. Вес изделия 558 г.

В отличие от классических каменных сверленных топоров рабочая часть данного орудия имеет конусовидную в плане и округлую в сечении (клевцовую) форму. Обушок хорошо выражен, имеет подцилиндрическую в плане и подокруглую в сечении форму. Торец слегка расширен и скошен внутрь. Изделие выполнено техникой пикетажа и хорошо заглажено по всей поверхности. На торцах бойка и обушка имеются незначительные следы использования в виде очень мелких неглубоких забоин (рис.).

Изделие пополняет уже довольно многочисленную и яркую коллекцию сверленных каменных орудий ударного действия разных типов, найденных на Алтае, в основном в предгорной его зоне, и датирующихся концом IV — III тыс. до н.э. (Кызласов, 1965, с. 165–168, рис. 2, 3; Цыб, 1981, с. 6–13; Абдулганев, Кирюшин, Кадиков, 1982, с. 54–58, рис. 2, 3; Деревянко, Молодин, 1994, с. 111, рис. 93.-3; Деревянко, Молодин, Маркин, 1987, с. 45, рис. 21; Баженов, Бородаев, Малолетко, 2002, с. 42–44, табл. I; Кирюшин, 2002, с. 19–20, 34–35, рис. 27, 28; Кунгуров, Фролов, Филиппова, 2019, с. 140–146)). Отметим, что все известные изделия — топоры, клевец же найден впервые.

К этим топорам хронологически, типологически и по функциональному назначению примыкают бронзовые топоры из клада у с. Шипуново (Кирюшин, Иванов, 1996) и из с. Плотниково (Гришин, 1971, с. 48, табл. 12.-3).

Каменный клевец из с. Новенькое. Фото
Kamenny klevets from the village of Novenkoe. Photo

Еще Л.Р. Кызласов (1965, с. 166–167), приводя первую сводку каменных сверленных топоров с Алтая, указал на западные связи их носителей, осуществлявшиеся через казахстанские степи. Этот тезис поддерживается и современными исследователями (Мерц И.В., Плешаков, Мерц В.К., 2018, с. 232).

Ближайшей аналогией клевцу из с. Новенькое по типу, технике изготовления и размерам является каменный клевец из с. Плоское (Северный Казахстан) (Мерц И.В., Плешаков, Мерц В.К., 2018, с. 228–231, рис. 1.-3) и обломок такого же орудия из с. Тортколь (Мерц И.В., Кукушкин, Мерц В.К., 2017, с. 125–128, рис. 1.-3).

Находка вместе с клевцом металлического шила, квадратного в сечении, не противоречит датировке. Подобные орудия появляются в энеолите (Черных, 1978, рис. 41.-8–10, 14, 15). На Алтае четыре медных шила, квадратных в сечении, найдены вместе с энеолитической керамикой на поселении Цыганкова Сопка-I (Кирюшин, 2002, с. 25, рис. 48.-12–15).

Таким образом, находка из с. Новенькое пополняет типологический ряд сверленных каменных орудий с Алтая еще одним редким типом, свидетельствующим о близости культуры населения юго-западного Алтая культуре населения Северного Казахстана, и расширяет наши представления о вооружении населения Алтая в энеолитическую эпоху.

Список источников

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52–77.

Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М. Владимировка на Алтае — древнейший медный рудник Сибири. Томск, 2002. 119 с.

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы // САИ. Вып. В3–12. М., 1971. 89 с.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. Ч. I. Новосибирск, 1994. 262 с.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В. Археологические исследования на Алтае в 1986 году (предварительные итоги советско-японской экспедиции). Препринт. Новосибирск, 1987. 76 с.

Казаков А.А., Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Локтевский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 99–113.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е. Новые находки металлических изделий из Шипуновского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. 7. Барнаул, 1996. С. 81–88.

Кунгуров А.Л., Фролов Я.В., Филиппова О.Г. Каменные сверленные топоры из долины р. Чарыш // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV. Барнаул, 2019. С. 140–146.

Кызласов Л.Р. Древнейшие орудия горного дела на Алтае // Новое в советской археологии. МИА. 1965. №130. С. 165–168.

Мерц И.В., Кукушкин И.А., Мерц В.К. Случайная находка каменного сверленного клевца в северо-восточной части Сарыарки (Казахстан) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIII. Барнаул, 2017. С. 125–130.

Мерц И.В., Плешаков А.А., Мерц В.К. Случайные находки каменных сверленных орудий из фондов Северо-Казахстанского областного музея (Казахстан) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXIV. Барнаул, 2018. С. 227–233.

Цыб С.В. Каменные «боевые» топоры Западной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 6–13.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // Советская археология. 1978. №4. С. 53–82.

Информация об авторе / Information about the author

Геннадий Егорович Иванов, независимый исследователь; Россия, г. Барнаул, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0003-3410-7378>, ge80866@yandex.ru

Gennady E. Ivanov, Independent Researcher; Russia, Barnaul, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0003-3410-7378>, ge80866@yandex.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902.2(571.150)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.66

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС АЛТАЙСКОГО ВАРИАНТА КУЛАЙСКОЙ И ОДИНЦОВСКОЙ КУЛЬТУР С ПОСЕЛЕНИЯ КОРЧАЖКА-5

Александр Альбертович Казаков

*Барнаульский юридический институт МВД РФ, Барнаул, Россия
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия*

Резюме. Впервые публикуются материалы алтайского варианта кулайской и одинцовской культур с многослойного поселения Корчажка-5, представленные выделенным типологически керамическим комплексом. Их немногочисленность и отсутствие на исследованной площади поселения конструкций, относящихся к этим периодам, может свидетельствовать об использовании площади мыса, на котором расположено поселение, как кратковременной стоянки с целью осуществления различных видов хозяйственной деятельности. Несмотря на достаточно хорошую изученность Иткульского микрорайона, публикация ранее не введенных в научный оборот материалов из многослойных комплексов позволяет пополнить источниковую базу по археологии Алтая.

Ключевые слова: археологическая культура, поселение, керамика, типологический комплекс, датировка

Для цитирования: Казаков А.А. Керамический комплекс алтайского варианта кулайской и одинцовской культур с поселения Корчажка-5 // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 320–324.

CERAMIC COMPLEX OF THE ALTAI VARIANT OF THE KULAIKAYA AND ODINTSOVSKAYA CULTURES FROM THE KORCHAZHKA-5 SETTLEMENT

Aleksandr A. Kazakov

*Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia
Altai State University, Barnaul, Russia*

Abstract Materials of the Altai variant of the Kulaiskaya and Odintsovskaya cultures from a multilayer settlement of Korchazhka-5, presented by a typologically distinguished ceramic complex, have been published for the first time. Their small number and the absence of structures belonging to those periods on the studied settlement area may indicate the use of the cape area on which the settlement is located as short-term encampments for the purpose of carrying out various

types of economic activities. Despite the fairly good knowledge of the Itkul microdistrict, the publication of materials from multilayer complexes that were not previously introduced into scientific circulation makes it possible to replenish the source base on the archeology of Altai.

Keywords: archaeological culture, settlement, ceramics, typological complex, dating

For citations: Kazakov A.A. Ceramic Complex of the Altai Variant of the Kulaiskaya and Odintsovskaya Cultures from the Korchazhka-5 Settlement // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 320–324.

Поселение Корчажка-5 находится на границе Троицкого и Зонального районов Алтайского края на южном берегу оз. Большой Иткуль. Расположено в 2 км к юго-западу от с. Вершинино, на северной оконечности гривы высотой 3–4 м. С двух сторон (запада и востока) грива ограничена болотистой поймой, с севера — озером. Памятник открыт Б.Х. Кадиковым (1959, с. 18–19) во время обследования берегов оз. Иткуль в 1955 г. На момент открытия на площади поселения прослеживалось шесть западин округлой формы диаметром до 4,5–5 м. Они размещались на площади 1800 кв. м (Абдулганеев и др., 2003, с. 59). В 1959 г. Б.Х. Кадиков исследовал это поселение раскопом площадью около 200 кв. м (Паршикова, 2016, с. 242).

Памятник многослойный. Основной комплекс поселения относится к корчажкинской культуре (по названию поселения) и датируется X — 1-й половиной VII в. до н.э. (Кирюшин, Шамшин, 1987, с. 137, 149). Типологически выделяются материалы III тыс. до н.э., V–III вв. до н.э. и I тыс. н.э. (Абдулганеев и др., 2003, с. 59). Керамика I тыс. н.э. представлена фрагментами сосудов алтайского варианта кулайской культуры и одинцовской культуры.

При интерпретации материалов этого поселения основное внимание исследователей было сосредоточено на ранних комплексах. Материалы более поздних периодов в научный оборот до сих пор не введены. В настоящее время в публикациях нет и плана поселения (рис. 1). Поэтому основной целью настоящей работы является введение в научный оборот интересных, но практически не известных широкому кругу исследователей материалов алтайского варианта кулайской и одинцовской культуры.

Материалы алтайского варианта кулайской культуры представлены фрагментами венчиков, по которым удалось частично реконструировать пять сосудов (рис. 1). О форме сосудов говорить сложно, так как нет ни одного полностью реконструированного. Прямые венчики четырех частично реконструированных сосудов позволяют говорить о баночных формах, которые представлены как закрытыми, так и открытыми банками. Один сосуд имеет очень слабую профилировку венчика, что не позволяет говорить о его баночной форме. Но столь слабая профилировка, в свою очередь, не позволяет отнести этот сосуд и к горшкам, что свидетельствует о наличии в этом комплексе сосудов переходных форм, от баночной к горшковидной. Один подобный сосуд из пяти указывает на слабую распространенность подобной формы в характеризуемом комплексе.

Формы венчиков сосудов прямые, с горизонтальным срезом. Встречены с округлым и приостренным срезами. В трех случаях из пяти срезы венчиков орнаментировались. Орнамент по срезу венчика наносился тем же штампом, что и по тулову сосуда.

Орнаментировалась только верхняя часть сосуда. Все орнаментальные элементы нанесены в статичной манере, штампованием. Из орнаментальных элементов встречены ямки, гребенчатый штамп, S-видный гребенчатый штамп, полулунный штамп и насечки. Встречено два орнаментальных мотива. Самый распространенный — горизонтальный. В двух случаях имеется елочка.

Орнаментальная композиция достаточно проста. Она представлена рядом ямок по верхней части венчика и горизонтальными полосами других орнаментальных элементов. В двух случаях горизонтальные полосы образуют мотив «елочка». В орнаментальной композиции представлен только один орнаментальный элемент, если не считать ямок. Один сосуд орнаментирован только ямками, расположенными в три горизонтальных ряда.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в одном случае ямки нанесены по уже ранее нанесенному орнаменту (гребенке). Жемчужины, которые должны образовываться на внутренней стороне сосуда после нанесения ямок, во всех случаях заглажены частично либо полностью.

По ряду признаков, таких как преимущественно баночные формы сосудов, наличие сосудов переходных от баночных к горшковидным форм, прямые венчики с горизонтальными и округлыми срезами, обедненные орнаментальные композиции, представленные не более чем двумя элементами орнамента, одним из которых являются ямки, нанесение ямок поверх орнамента, использование S-видного гребенчатого штампа, заглаживание жемчужин, образующихся при нанесении ямок с внутренней стороны со-

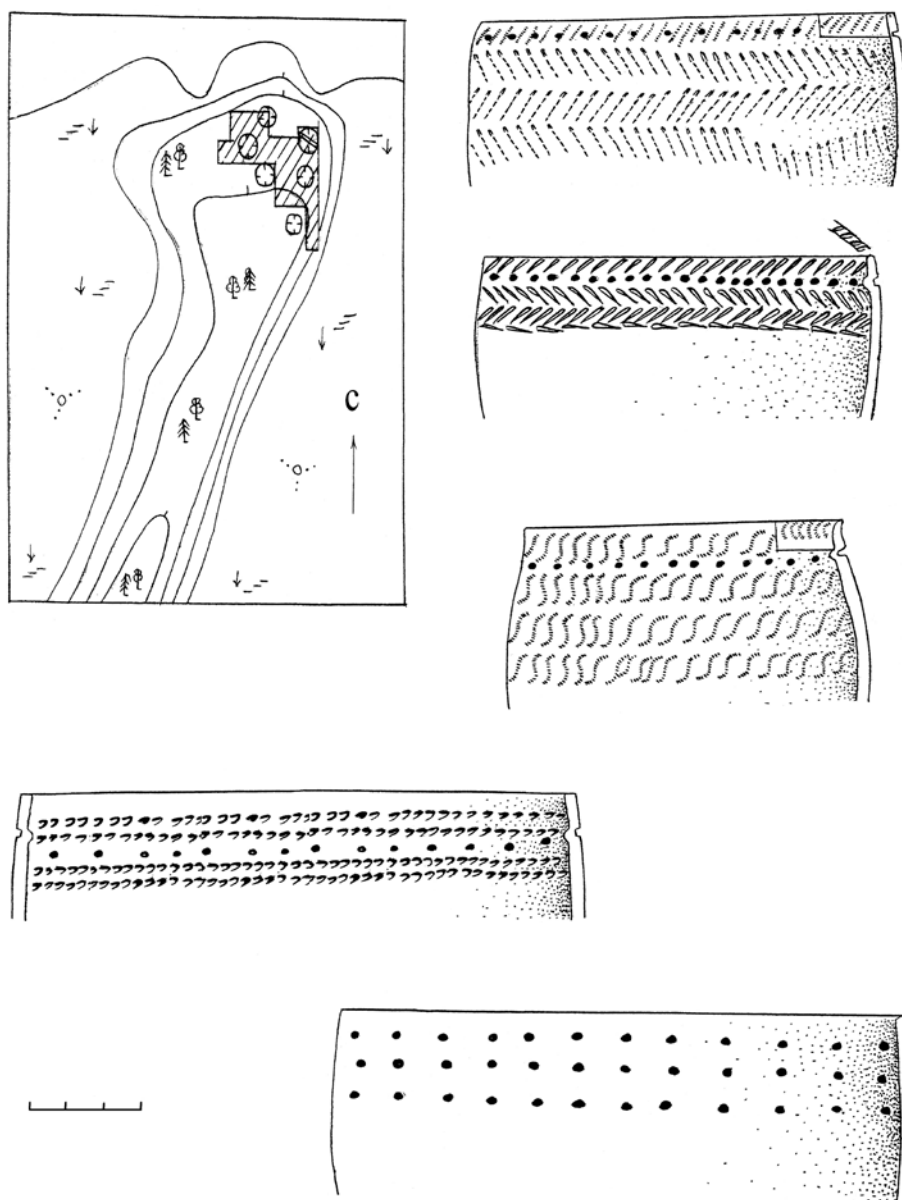

Рис. 1. Поселение Корчажка-5. Глазомерный план и керамический комплекс фоминского этапа алтайского варианта кулайской культуры
 Fig. 1. The Korchazhka-5 settlement. The eye-measuring plan and the ceramic complex of the Fominskii stage of the Altai variant of the Kulaiskaya culture

суда, и др. (Казаков, 2022, с. 181), этот комплекс керамики можно отнести к фоминскому этапу алтайского варианта кулайской культуры и датировать II — 1-й половиной IV в. н.э. (Казаков, 2022а, с. 240).

Материалы одинцовской культуры представлены фрагментами венчиков, по которым частично реконструированы четыре сосуда (рис. 2). У двух сосудов стенки прямые. Практически отсутствующая профилировка может говорить о вытянутых пропорциях сосудов, когда высота тулова больше диаметра его венчика. У двух других венчики профилированные, с явно выраженной шейкой, что свидетельствует об их горшковидной форме. У двух сосудов венчики срезаны внутрь тулова, у двух — венчики плоские горизонтальные. Отсутствие полностью реконструированных сосудов не позволяет говорить о форме их дна.

Орнамент нанесен по верхней части сосудов. Все элементы нанесены в статичной манере, штампованием. Из орнаментальных элементов присутствуют ямки, мелкозубый гребенчатый штамп, наколы неправильной подтреугольной формы и полулунный штамп. У трех сосудов орнаментированы срезы венчиков. В одном случае для орнаментации среза использовался тот же штамп, что и при орнаментации тулова, в двух других случаях венчики орнаментировались другими орнаментальными элементами, но тем же способом штампования.

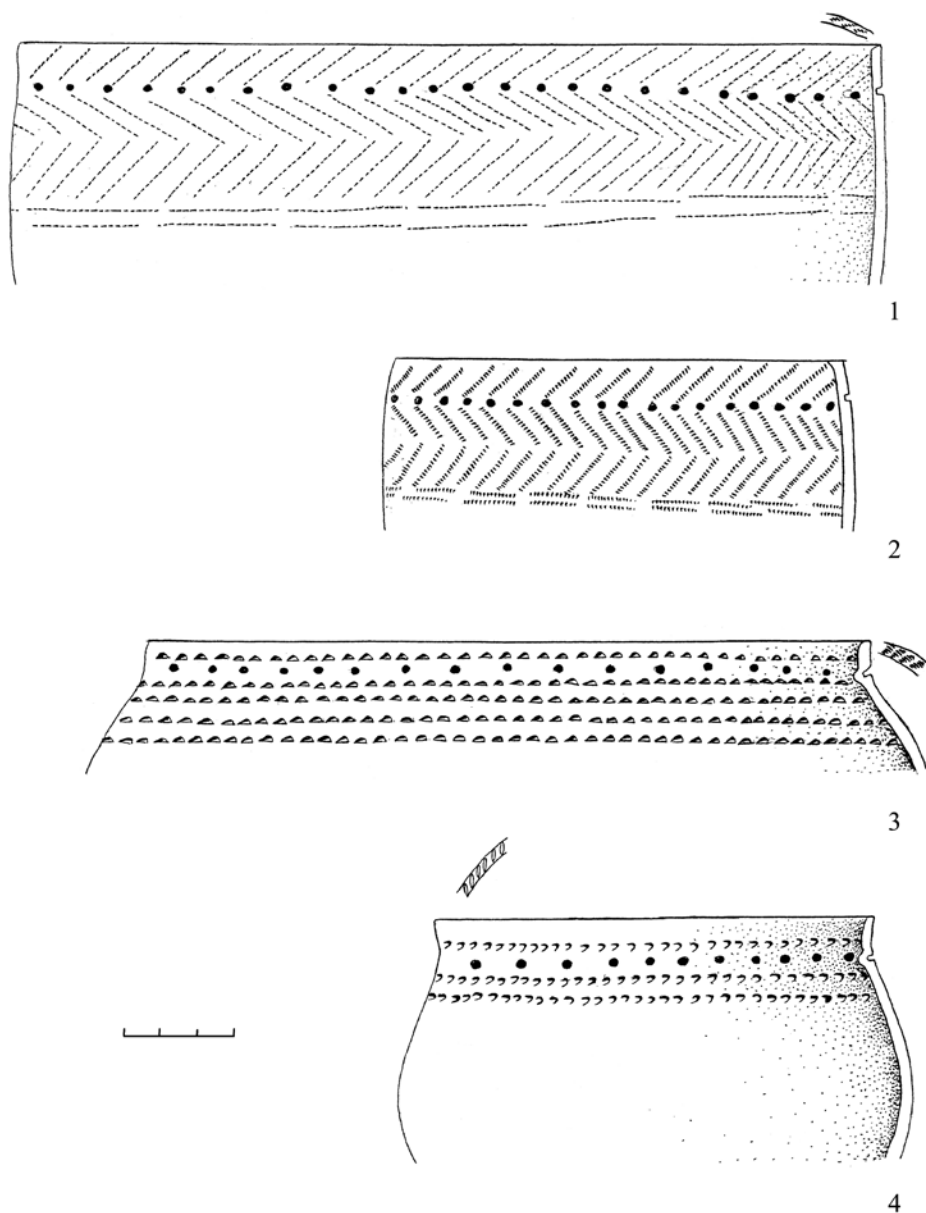

Рис. 2. Поселение Корчажка-5. Керамический комплекс сошникововского (1, 2) и одинцовского (3, 4) этапов одинцовской культуры
 Fig. 2. The Korchazhka-5 settlement. Ceramic complex of the Soshnikovskii (1, 2) and Odintsovskii (3, 4) stages of the Odintsovskaya culture

Орнаментирована только верхняя часть сосудов. Наиболее распространенный орнаментальный мотив горизонтальный. Встречен и мотив «елочка». Орнаментальная композиция проста и представлена горизонтальными полосами, которые в некоторых случаях образуют мотив «елочка». При нанесении орнаментальной композиции использовался только один орнаментальный элемент, не считая ямок.

Культурно-хронологическая интерпретация этого комплекса не вызывает особых затруднений. По ряду признаков, таких как вытянутые пропорции сосудов, горшковидные формы, использование в орнаментальной композиции одного орнаментального элемента, отсутствие фигурных штампов, в том числе различных вариаций уточки, нанесение ряда ямок по шейке сосуда, этот комплекс можно отнести к одинцовской культуре (Казаков, 2014, с. 105–106).

Керамический комплекс одинцовской культуры представляет два этапа ее развития. Сосуды баночных форм вытянутых пропорций относятся к сошниковскому этапу, для которого характерно преобладание в орнаментальной композиции гребенчатой елочки (рис. 2.-1, 2), горшковидные сосуды относятся к одинцовскому этапу одинцовской культуры (рис. 2.-3, 4) (Казаков, 2014, с. 105–106). В целом представленная керамика одинцовской культуры датируется 2-й половиной IV — VI в.

Список источников

- Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х., Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. История исследования археологических памятников Зонального района // Зональный район. История, люди и судьбы. Барнаул, 2003. 852 с.
- Кадиков Б.Х. Итоги археологических разведок Бийского музея // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959. Вып. 3. С. 18–19.
- Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул, 2014. 152 с.
- Казаков А.А. К вопросу о культурно-хронологической однородности комплекса Ближние Елбаны-VII (по материалам Государственного Эрмитажа) // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2022. №78. С. 172–187. DOI: 10.17223/19988613/78/22
- Казаков А.А. Алтайский вариант кулайской археологической культуры // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий). СПб., 2022а. С. 239–241.
- Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 137–158.
- Паршикова Т.С. Археологические исследования Б.Х. Кадикова (1950–1960-е гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2016. №2 (90). С. 241–244.

Информация об авторе / Information about the Author

Александр Альбертович Казаков, Барнаульский юридический институт МВД России, кафедра истории и философии, профессор; 656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49; Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, докторант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0000-0003-2652-2002>, kaa-2862@mail.ru

Kazakov A. Albertovich, Barnaul Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, Department of History and Philosophy, Professor; 656038, Russia, Barnaul, Chkalova Str., 49; Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Doctoral Student; 656049, Russia, Barnaul, Lenin Ave., 61, PhD in History, Associate Professor, <https://orcid.org/0000-0003-2652-2002>, kaa-2862@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 903.227

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.67

ЦИНСКАЯ САБЛЯ С ОРНАМЕНТИРОВАННЫМ КЛИНКОМ

Олег Андреевич Митько

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Резюме. Автором представлено описание и культурная атрибуция редкого для Южной Сибири типа сабли из коллекции Минусинского краеведческого музея. Ножны и детали прямой рукояти не сохранились. Выделяется небольшое перекрестье, которое являлось упором для гарды. Гарда чашеобразной формы развернута высоким бортом в сторону клинка. Длина слабоизогнутого клинка составляет 75,5 см, ширина — 2,8 см. Клинок был согнут, а затем выпрямлен. Одна из его сторон декорирована картушем. Он представляет собой оформленный рамкой орнамент, состоящий из комбинации геометрических и растительных элементов. Техника декорирования — тауширование. Минусинскую саблю можно отнести к одной из разновидностей *люэдао*, отличающейся от базовой модели более прямым клинком и прямой рукоятью. Высказано предположение, что она могла быть изготовлена маньчжурским кузнецом. Время бытования сабли можно отнести ко 2-й половине XIX — началу XX в.

Ключевые слова: город Минусинск, енисейские кыргызы, маньчжуры, случайная находка, сабля, орнаментация

Благодарности: исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021). Автор выражает благодарность сотрудникам Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартынова за помощь в подготовке статьи.

Для цитирования: Митько О.А. Цинская сабля с орнаментированным клинком // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 324–329.

QING SABER WITH ORNAMENTED BLADE

O.A. Mitko

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The author presents a description and cultural attribution of a type of saber, rare for Southern Siberia, from the collection of the Minusinsk Museum of Local Lore. The scabbard and details of the straight handle have not been

preserved. A small crosshair stands out, which was the emphasis for the guard. The bowl-shaped guard is deployed with a high side towards the blade. The length of the slightly curved blade is 75,5 cm, the width is 2,8 cm. The blade was bent and then straightened. One of its sides is decorated with a cartouche. It is a framed ornament consisting of a combination of geometric and floral elements. Decorating technique is taushing. The Minusinsk saber can be attributed to one of the varieties of *luedao*, which differs from the basic model in a more straight blade and a straight handle. It has been suggested that it could have been made by a Manchu blacksmith. The time of existence of the saber can be attributed to the second half of the 19th century — the beginning of the 20th century.

Keywords: city of Minusinsk, Yenisei Kyrgyz, Manchus, chance find, saber, ornamentation

Acknowledgments: the study was conducted as part of the implementation of the State task of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity (project No. FSUS-2020-0021). The author expresses his gratitude to the staff of the Minusinsk Regional Museum N.M. Martyanova for help in preparing the article.

For citation: Mitko O.A. Qing Saber with Ornamented Blade // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 324–329.

В фондах Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартянова хранится небольшая коллекция длинноклинкового оружия, в которой практически каждый экземпляр имеет не только морфологические и технологические особенности, но и свою «индивидуальную историю». Даже среди серийных сабель и палашей из погребений енисейских кыргызов IX–XIV вв. встречаются уникальные образцы с эпиграфическими надписями и орнаментированными клинками (Митько, Ключников, Васильев, 2018; Митько, 2019).

В состав минусинской коллекции оружия входит сабля, заметно отличающаяся от других экземпляров. Она оформлена на хранение под инвентарным номером 818, но в карте учета сведения о времени и обстоятельствах поступления отсутствуют. Косвенным свидетельством о времени поступления может служить наклеенная на клинок пожелтевшая бумажная этикетка с шифром. Как и еще на двух экземплярах оружия позднего времени («найденные в Минусинском округе» в начале XX в. сабли с грубо изготовленными пластинчатыми гардами, инвентарные номера АЖ 809 и АЖ 810), чернильная надпись на этикетку нанесена каллиграфическим почерком перьевой ручкой. Не исключено, что это было сделано при поступлении сабли в музей или, что более вероятно, позднее, при очередной инвентаризации фондов.

Метрические данные сабли достаточно стандартны. Общая длина составляет 84,5 см, длина слабо изогнутого клинка — 75,5 см, длина хвостовика — 9 см. Длина слегка выделенной и раскованной лишь на одну сторону елмани — 35 см, ширина до 3,6 см. В поперечном сечении клинок имеет треугольную (клиновидную) форму, ширина у гарды и в центральной части — 2,8 см. Обух плоский, толщина от 0,4 до 0,6 см. Долы и рикассо на клинке отсутствуют (рис.-1).

Хвостовик прямой, более широкий у перекрестья и сужающийся к сплюсненному концу, на его поверхности расположены две железные заклепки. От лезвия хвостовик отделен сформированным при ковке клинка небольшим перекрестьем (длиной 3,8 см) с концами треугольной формы. Перекрестье служило не для защиты руки от ударов противника, а являлось упором для гарды, которая имеет чашеобразную форму, с высоким бортом со стороны клинка*. Ее диаметр 7,3 см (рис.-2).

Сабля выкована из полосы железа кузнечным способом, включая хвостовик и упор в виде перекрестья. Лезвие остро заточено по всей длине клинка, изгиб составляет 1,5 см (измерен по методу А.Н. Кулинского) (2007). Это позволяет отнести саблю к слабоизогнутым образцам, однако прямой хвостовик предполагает и прямую рукоять. Из набора на эфес сохранилась лишь гарда и две заклепки на хвостовике, что свидетельствует о том, что обкладка рукояти была деревянной и крепилась с помощью железных заклепок.

Общая сохранность удовлетворительная. Отмечается неглубокая поверхностная коррозия и два повреждения на гарде: глубокая трещина и небольшая зарубина. Небольшие зарубины заметны на лезвии в первой трети клинка; их могли нанести как при боевом применении сабли, так и незадолго до попадания в музей.

* В отечественных публикациях мы не обнаружили упоминания о типологии гард подобного типа на традиционных китайских саблях. Помимо названия «чашеобразная», встречаются и другие определения: гарда «с широким бортиком», «гарда с глубокой отбортовкой» (Пастухов, 2010, с. 284). Очевидно, по аналогии с японскими цуба, у которых края (мими) имеют разную форму, С. Добридень (2016, с. 12) китайские паньшоу обозначил как «гарды с буртиком». Нет рационального объяснения и положения чашеобразной гарды, развернутой бортом в сторону лезвия. Различные комментаторы истории китайского оружия пишут о ее назначении в качестве защиты кисти руки от встречного удара, прикрытия от попадания дождевой воды в ножны и даже для предотвращения стекания крови на рукоять.

Сабля из коллекции клинкового оружия Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова:
1 — фотография сабли в двух проекциях; 2 — хвостовик с гардой;
3 — картуш на одной из сторон клинка; 4 — следы техники декорирования

Saber from the collection of bladed weapons of the Minusinsk Museum of Local Lore named after N.M. Martyanova:
1 — a photograph of a saber in two projections; 2 — shank with a guard;
3 — cartouche on one side of the blade; 4 — traces of decoration technique

На клинке на расстоянии 48 см от острия прослеживаются следы сгиба. Очевидно, сабля была согнута, а затем распрямлена, что часто встречается на длинноклинковом оружии из погребений енисейских кыргызов (Митько, 2018). Однако в данном случае признаков вторичного термического воздействия не зафиксировано. Косвенно это может служить свидетельством невысокого качества металла.

Одна из сторон клинка декорирована картушем. Он представляет собой оформленный рамкой орнамент, состоящий из комбинации геометрических и растительных элементов (ряды повторяющихся треугольников, сдвоенные спирали, завиток). Длина расположенного вдоль обуха рисунка около 20 см (рис.-3).

Общее сочетание конфигурации клинка и чашеобразной гарды не типично для длинноклинкового оружия Сибири, хотя сабли и палаши с пластинчатым перекрестием встречаются на археологических памятниках. Однако все находки относятся к импортному оружию. В 2003 г. на юге Красноярского края в погребении могильника Коя-3 был обнаружен палаш с долами на лезвии и с пластинчатой гардой. Погребение датировано автором раскопок началом Нового времени, а сам палаш отнесен к маньчжурским образцам боевого оружия (Скобелев, 2006, с. 173–175, рис. 12).

На территории Алтая найдены две сабли с пластинчатыми гардами. Сабля с плоской гардой каплевидной формы из Шебалинского района Республики Алтай определена как раннеманьчжурская (Горбу-

нов, Тишкин, 2005, с. 47). Особый интерес представляет китайская сабля со слабоизогнутым клинком, долами и орнаментированным прибором эфеса, включая гарду, обнаруженная в Степном Алтае в районе с. Кабаково (Уманский, 1994; Горбунов, 2006, с. 68, рис. 59.-1, 4; Тишкин, 2009, с. 150, рис. 99; фото 39).

Крайней западной географической точкой распространения оружия с пластинчатой гардой в Сибири является территория Омской области. Железный палаш с гардой овальной формы, датированный периодом XVIII–XIX вв., был обнаружен на могильнике сибирских татар Бергамак-II. Морфологические особенности оружия послужили основанием для отнесения его к кирасирским армейским палашам образца 1798 г. или кавалергардским палашам образца 1802 г. (Шлющинский, Татауров, 2006). Однако дополнительные анализы, учитывающие наличие двухсантиметрового бортика по верхнему краю гарды, позволили отнести находку к «дао» — традиционному китайскому клинковому оружию (Герасимов, 2008, с. 212).

Стоит упомянуть и саблю из Гобийского Алтая, на которую ссылаются многие отечественные оружейеведы. На ее лезвие нанесено клеймо в виде хищного животного, диаметр плоской дисковидной гарды с бортиком по краю — 7,5 см. В посвященной ей публикации отмечаются аналогии среди китайского холодного оружия XVII в. (Плотников, Батсайхан, 1993, с. 214).

Из коллекции Приморского государственного музея было опубликовано китайское оружие XIX в., среди которого несколько сабель *нювэйдао* и *люедао* имеют гарды чашеобразной формы с высокими бортами (№20–23) (Пастухов, 2010). Находки на территории Дальнего Востока разных типов клинкового оружия породили весьма интересную дискуссию о культурной атрибуции «амурских сабель» (Пастухов, 2012; Добридень, 2016).

Рассматриваемую нами минусинскую саблю можно отнести к поясным однолезвийным китайским «мечам» сабельного типа, известным во времена китайской династии Цин под общим именем «дао». Несмотря на то, что по ряду признаков минусинская сабля отличается от базовой модели *люэдао*, на наш взгляд, ее можно отнести к одной из ее разновидностей — с прямой рукоятью. Прямые рукояти, отсутствие дола и слабый изгиб клинка также характерны для *цицзядао* («меч семьи Ци») и *яньмаодао* («гусиное перо»), однако у этого типа сабель плоские гарды и отсутствует елмань. В то же время известно, что у тунгусо-маньчжурских племен XVII в. навыки добычи железной руды и кузнечное дело были достаточно хорошо развиты. Корейские источники упоминают, что в главном городе Нурхаци проживали ремесленники, умевшие делать стрелы, доспехи для воинов и коней. Подчеркивалось, что «все они маньчжуры» (Кычанов, 1997, с. 209). Мы не исключаем, что минусинская сабля является изделием маньчжурских кузнецов, которые многое восприняли от монголов и оказали влияние на конструкцию китайских сабель *дао*.

Что касается нанесенного на клинок орнамента, то его можно рассмотреть в двух аспектах: художественном — в рамках искусствоведения и культурологии и технологическом — характеризующем приемы декорирования железных предметов.

Центральным элементом орнамента является спираль, древнейший и семантически чрезвычайно глубокий символ. Даже самое краткое описание его бытования в пространстве и времени может занять не одну страницу любой рукописи. В Сибири в этнографическое время спиралевидный узор с зооморфными и антропоморфными мотивами фиксируется в прикладном искусстве от долган на Крайнем Севере до населения Южной Сибири и Амурского бассейна. По мнению С.В. Иванова (1963, с. 242, 388), в пределах отдельных памятников этот взятый отдельно символ не поддается расшифровке. Что касается крупных регионов, то по своим стилистическим особенностям орнамент, включающий в себя элементы спирали, примыкает к эвенкийско-эвенскому художественному пластику.

Сказанное относится и к изображениям слившихся парных спиралей на картуше минусинской сабли, мотив которых можно проследить на Амуре со времен создания петроглифов Сикачи Аляна и вплоть до этнографического времени у нанайцев, удэгейцев, маньчжур (Иванов, 1963, рис. 234; 264.-1; 265.-1–6; 268).

Как отметил С.В. Иванов, длительность существования этого мотива заключается «в стойкости семантики и законченности формы, обладающей мягкими плавными очертаниями и строгой симметрией». Однако создается впечатление, что орнамент в виде слившихся парных спиралей сложился, такие мотивы приняли «устойчивые формы где-то на стороне и уже в готовом виде проникли на Амур. Стоит нам выйти за пределы Амурского бассейна, и некоторые мотивы ведут нас к бурятам и монголам, другие к маньчжурам и китайцам» (Иванов, 1963, с. 388).

Макрорисунки орнаментированного участка клинка позволила определить технику декорирования. Рисунок нанесен способом поверхностной таушировки, для которой характерно механическое крепление цветного металла на железной основе. Предварительно острым зубилом (длина лезвия до 1 см) были нанесены неглубокие симметричные насечки, как с небольшим наклоном относительно

обуха клинка, так и перпендикулярно ему. Зона насеченной поверхности больше, чем необходимо для крепления орнамента. Вырезанные из тонкого листа узкие полоски металла золотистого цвета и отдельные орнаментальные фигуры были закреплены ударами ювелирного молоточка (рис.-4).

Определение химического состава цветного металла сделано не было, поэтому, опираясь на визуальные наблюдения, мы можем предположить, что была использована тонко сплюснутая золотая фольга. Металл не потерял своего яркого цвета, как это могло бы случиться с медью или латуной. После завершения операции тауширования поверхность рисунка была подвергнута механической обработке абразивом, все заусенцы убраны. В результате этих операций большая часть цветного металла была надежно закреплена в железной основе, и орнамент отчетливо выделялся на темном фоне клинка.

Для нас остался не выясненным один из важных этапов тауширования, на обязательность применения которого указывают исследователи и описывают этнографы. Железная основа и накладываемый на нее металл перед закреплением подвергались термической обработке. С.И. Вайнштейн (1974, с. 84–85), описывая технику «серебрения» железных изделий с использованием насечки, отмечал, что температура достигала до 800 °С. Подобная операция приводит к своеобразному «сплаву» двух металлов и повышению износоустойчивости нанесенного орнамента, с учетом его постоянного контакта с внутренней поверхностью ножен. Одновременно с этим при постепенном охлаждении происходит снижение твердости нагреваемого участка клинка, что в целом может отразиться на качестве оружия. Возможно, зафиксированные в средней части клинка следы сгибания связаны с изменением физико-механических свойств металла при декорировании сабли.

В заключение отметим, что в связи с отсутствием информации об обстоятельствах принятия в фонды Минусинского краеведческого музея рассматриваемой нами сабли можно высказать лишь несколько предположений по поводу периода ее бытования и идентификации последних владельцев. На наш взгляд, период ее бытования можно отнести ко 2-й половине XIX — началу XX в.

Типологически сабля близка к китайским «мечам» сабельного типа *люэдао* и *цицзядао*, ставшим в позднецинское время основным уставным оружием императорской армии, ядро которой составляли этнические маньчжуры. Сохранность сабли позволяет считать, что она прошла процесс «археологизации» и, возможно, попала в Минусинск с территории Тувы, которая до Синьхайской революции входила в состав Китая. Не исключено также, что сабля с орнаментированным клинком была приобретена в Квантунской области, где были расквартированы российские гарнизоны, либо взята в качестве трофея (или сувенира?) одним из военнослужащих экспедиционного корпуса, участвовавшего в 1900–1901 гг. в подавлении восстания ихэтуаней (Бирюк, 2010). В любом случае в Минусинском крае она была утеряна, а затем обнаружена и передана в музей кем-то из находчиков, но уже с поврежденным эфесом.

Список источников

- Бирюк С.Н. Русская армия в Китайском походе 1900–1901 гг.: Состав, организация, численность // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века. Вып. 1. Владивосток, 2010. С. 289–307.
- Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. М., 1974. 224 с.
- Герасимов Ю.В. К проблеме культурно-исторической принадлежности палаша из могильника Бергамак-II // Интеграция археологических и этнографических исследований. Новосибирск; Омск, 2008. С. 209–212.
- Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. 2: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Средневековые находки оружия с Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XIV. Барнаул, 2005. С. 44–47.
- Добридень С. К проблеме амурских мечей // Историческое оружиеведение. 2016. №3. С. 5–26.
- Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.) М.; Л., 1963. 506 с.
- Кулинский А.Н. Атрибуция и описание холодного и некоторых видов ручного метательного оружия и штыков: методические рекомендации. СПб., 2007. 225 с.
- Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. 319 с.
- Митько О.А. Длинноклинковое оружие в погребальной обрядности енисейских кыргызов (IX–XIV вв.): попытка семантического анализа ритуальных действий // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 2. Барнаул, 2018. С. 195–200.
- Митько О.А. Надписи на средневековых палашах и саблях енисейских кыргызов // Stratum plus. 2019. №5. С. 233–242.
- Митько О.А., Ключников Т.А., Васильев Д.Д. Неизвестная криптограмма на лезвии клинка // Эпиграфика Востока. Т. XXXIII. М., 2018. С. 143–146.
- Пастухов А.М. Китайское холодное оружие XIX в. // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века. Вып. 1. Владивосток, 2010. С. 279–288.

Пастухов А.М. Сабли из находок на Амуре в контексте комплекса вооружения приамурских племен позднего средневековья и начала нового времени // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 3: Археология и этнография. С. 268–272.

Плотников Ю.А., Батсайхан З. Сабля с Гобийского Алтая // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 212–214.

Скобелев С.Г. Новая находка палаша в позднесредневековом кыргызском погребении на Енисее // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3 (приложение 2): Археология и этнография. С. 150–176.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул, 2009. 208 с.

Уманский А.П. Еще раз о кабаковской сабле-палаше // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 85–89.

Шлюшинский А.В., Татауров С.Ф. Русское оружие на тагарских памятниках XVI–XVIII вв. в Среднем Прииртышье // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск, 2006. С. 143–145.

Информация об авторе / Information about the Author

Митько Олег Андреевич, Новосибирский государственный университет, заведующий сектором археологии Лаборатории гуманитарных исследований; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/000-0002-7741-3167>, omitis@gf.nsu.ru

Oleg A. Mitko, Novosibirsk State University, Head of the Archaeology Sector of the Laboratory for Humanitarian Research; 630090, Russia, Novosibirsk, Pirogova Str., 1, Candidate of Sciences (History), <https://orcid.org/000-0002-7741-3167>, omitis@gf.nsu.ru

Статья принята к публикации 14.07.2023.

The article approved after reviewing 14.07.2023.

Научный обзор / Scientific review

УДК: 903'1(51)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.68

КРАТКИЙ ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ О ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЕ, ИЗДАННЫХ В КИТАЕ

Цзиньшань Му

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Резюме. Понимание пазырыкской культуры китайскими учеными началось с перевода исследований советских и российских археологов. В данной статье подробно рассматривается этот процесс, который можно условно разделить на два этапа. Первый этап определяется с 1950-х по 1990-е гг. Наиболее важным результатом его стала публикация монографии «Древняя история Южной Сибири». Второй этап рассматривается с начала XXI в. по настоящее время. Изучение пазырыкской культуры на этом этапе продемонстрировало разнообразные характеристики. В целом на представление пазырыкской культуры в Китае через работы советских и российских ученых сильно повлияла политическая ситуация, в то же время такой процесс также является отражением истории сотрудничества между археологическими кругами Китая и России.

Ключевые слова: пазырыкская культура, «Древняя история Южной Сибири», китайско-российская археология, Алтай, Синьцзян

Для цитирования: Му Ц. Краткий обзор публикаций советских и российских исследователей о пазырыкской культуре, изданных в Китае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 329–332.

A BRIEF REVIEW OF PUBLICATIONS BY SOVIET AND RUSSIAN RESEARCHERS ON THE PAZYRYK CULTURE PUBLISHED IN CHINA

Jinshan Mu

Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The understanding of the Pazyryk culture by Chinese scholars began with the translation of studies by Soviet and Russian archaeologists. This article discusses in detail this process, which can be conditionally divided into two stages. The first stage is defined from the 1950s to the 1990s. Its most important result was the publication of the monograph “Ancient History of Southern Siberia”. The second stage is considered from the beginning of the XXI century to the present. The study of Pazyryk culture at this stage has demonstrated a variety of characteristics. In general, the representation of

Pazyryk culture in China through the works of Soviet and Russian scientists for Chinese scientists was strongly influenced by the political situation, at the same time, such a process is also a reflection of the history of cooperation between the archaeological circles of China and Russia.

Keywords: Pazyryk culture, "Ancient History of Southern Siberia", China-Russia archeology, Altai, Xinjiang

For citation: Mu J. A Brief Review of Publications by Soviet and Russian Researchers on the Pazyryk Culture Published in China // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 329–332.

Пазырыкская культура — одна из самых известных археологических культур в евразийском степном поясе. В научных кругах Китая о ней известно уже давно. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР был раскопан ряд памятников пазырыкской культуры (Шульга Д.П., Шульга П.И., 2017, с. 24–29; Му, 2020, с. 138–147), вызвавших особое внимание у ученых из Китая и России. Советские и российские археологи долгое время вели исследовательскую работу, которая принесла огромные результаты. Понимание пазырыкской культуры китайскими учеными неотделимо от перевода публикаций советских и российских ученых. В данной статье рассматривается этот процесс, который можно условно разделить на два этапа.

Первый этап: 1950–1990-е гг. Ниже представлены основные переводы и публикации работ, связанных с пазырыкской культурой.

В 1957 г. в «Археологическом журнале» была опубликована статья С.И. Руденко (1957, с. 37–48), в которой представлены некоторые крупные курганы пазырыкской культуры, раскопанные советскими учеными на Алтае. На основании найденных артефактов автор полагал, что Древний Китай и алтайские племена имели взаимное влияние, поскольку были обнаружены бронзовые зеркала, традиционный китайский шелк и другие изделия. Как показало исследование, перечисленные артефакты были привезены непосредственно из Китая. Большое количество находок со скифским орнаментом, обнаруженных в Северном Китае, указывает на влияние племен Алтая на древнекитайское искусство.

В 1960 г. в журнале «Археология» была опубликована переведенная статья М.П. Грязнова «Пять древних пазырыкских курганов на Алтае» (Грязнов, 1960, с. 63–80), в которой подробно описывалась форма и структура пазырыкского кургана, погребальные обряды, инвентарь и др.

В 1981 г. была официально опубликована монография «Древняя история Южной Сибири», которую написал советский археолог С.В. Киселев (1981). Во второй части этой книги он охарактеризовал пазырыкскую культуру. По сравнению с предыдущими статьями, опубликованными в Китае, которые содержали материал о больших пазырыкских курганах, эта книга стала первой, демонстрирующей рядовые курганы пазырыкской культуры. Стоит отметить, что наибольший вклад монографии С.В. Киселева заключается в представленной периодизации. Это повлияло на формирование понимания китайскими учеными доисторической культурной основы Южной Сибири. Поскольку при построении культурно-хронологической концепции в монографии много внимания уделяется Минусинской котловине, долгое время она была местом, привлекающим внимание китайских археологов, изучающих евразийские степи. По мнению некоторых ученых, его даже можно назвать священным (Пан Линь, 2020).

Второй этап: с начала XXI в. по настоящее время. В указанное время на китайский язык также были переведены и опубликованы работы, связанные с пазырыкской культурой. В 2004 г. в Китае вышла статья американского ученого Бо Лоэргрена «Древняя арфа Пазырыка» (Бо, 2004, с. 94–101). Автор осуществил подробный сравнительный анализ двух арф: одна была обнаружена в Китае на памятнике Закунлук в уезде Циемо (Синьцзян), а другая — в кургане пазырыкской культуры на Алтае. Эти арфы имеют много общего в форме и деталях. Автор считает, что население Древнего Китая и племена древних евразийских степей были тесно связаны, а появление арфы может быть результатом культурного обмена.

В 2013 г. в Китае была опубликована статья монгольского ученого Ц. Турбата «Исследование пазырыкских курганов Алтая в Монголии» (Турбат, 2013, с. 133–140). В этой статье обобщается история открытия и исследования пазырыкской культуры на северо-западе Монголии с 2005 г., а также представлены особенности географического распространения пазырыкской культуры в Монголии, погребальные обряды и характеристики человеческих костей, обнаруженных в курганах.

Следует отметить, что перевод двух вышеупомянутых статей не является результатом работы российских археологов, поскольку с 1980-х гг. китайские археологи изучали только английский язык. Но в последние десять лет появились молодые археологи Китая, знающие русский язык.

В 2012 г. в Китае был издан перевод монографии А.А. Тишкина и Н.Н. Серегина «Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии

и этнографии Алтайского государственного университета)», в которой рассматривались и находки из курганов пазырыкской культуры (Тишэньцзинь, Селецзинь, 2012).

В 2016 г. в Китае было опубликована статья «Исследование маски лошади на раннем этапе пазырыкской культуры», написанная молодой российской исследовательницей В. Бусовой (2016, с. 319–329). Из-за мерзлоты в могилах пазырыкской культуры на Алтае сохранились маски из органических материалов для лошадей. На основе изучения деревянных и кожаных деталей этих масок автор попыталась восстановить способы соединения и крепления конского снаряжения, а также провела научно-технологические испытания изготовленных копий.

В 2017 г. на основе лекций приглашенного российского профессора А.А. Тишкина, прочитанных им в Нанкинском университете, автор данной статьи подготовил перевод публикации «Древние народы Алтая» (Тишкин, 2017, с. 72–83). В ней кратко представлены культурные реликвии раннего железного века на Алтае, в том числе из памятников пазырыкской культуры.

В 2018 г. в Китае вышла еще одна статья А.А. Тишкина: «Древняя китайская лаковая посуда, обнаруженная в курганах ранних кочевников Алтая» (Тишкин, 2018, с. 188–197). В качестве основного материала использовались находки лаковой посуды на могильнике Яломан-II. В статье демонстрируется многопрофильный метод изучения состава лаков и делается вывод о том, что эти лаковые изделия происходят из Китая. В своем исследовании автор также обратил внимание на лаковую посуду, обнаруженную в могильниках пазырыкской культуры Алтая, и обозначил ряд новых задач в исследовании лаковой посуды и направление будущих исследований.

В 2018 г. в Китае была опубликована статья российской исследовательницы М. Очир-Горяевой «Географическое положение могильника пазырыкской культуры» (Очир-Горяева, 2018а, б, с. 198–214). В статье показаны расположение могильника пазырыкской культуры, локация и устройство курганов, ориентация лошади, положение человеческих костей и инвентарь, а также расположение некоторых сооружений с восточной и западной сторон кургана. Утверждается, что устройство кургана в пазырыкской культуре соответствует определенным стандартам, отражающим социальную структуру и мировоззрение пазырыкского народа.

В том же году в Китае была опубликована еще одна статья М. Очир-Горяевой (2018, с. 175–182). Автор попыталась восстановить прототип маски лошади пазырыкской культуры по материалам, хранящимся в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург). Маски для лошадей она делит на два типа. Первый тип имитирует козла или оленя, а украшение покрывает всю морду лошади. Второй тип имитирует головы птиц и зверей. Автор считает, что украшение на голове лошади пазырыкской культуры связано с социальным статусом и могло использоваться в ритуальных целях.

В 2020 г. в Китае была переведена и опубликована совместная статья А.А. Тишкина и П.К. Дашковского (2020, с. 200–222), ранее опубликованная на английском языке: «The Social Complexity of the Pazyryk Culture in Altai, 550–200 BC». В ней рассматриваются критерии оценки государственности: пространственно-территориально-географический фактор; численность и плотность населения; хозяйственно-культурные типы; ремесленная деятельность; наличие крупных центров консолидации населения; социальная стратификация, включая аппарат управления; налогообложение; внешнеполитические контакты; знаково-коммуникативная система; мировоззрение и др. Авторы определили этап социального развития пазырыкской культуры и указали на то, что общество находилось на пути становления государства.

Помимо опубликованных статей, российские ученые В.И. Молодин, А.А. Тишкин, А.А. Ковалев, М. Очир-Горяева и другие читали лекции о пазырыкской культуре в Китае. Содержание этих лекций полностью не опубликовано, поэтому автор не может их изложить. Стоит также указать, что последние два десятилетия российские археологи стали активно участвовать в конференциях, которые проводятся в Китае, и публиковать тезисы своих докладов.

В целом на представление пазырыкской культуры в Китае через работы советских и российских ученых сильно повлияла политическая ситуация. В 1950–1960-е гг. советско-китайские отношения были достаточно тесными, поэтому китайские ученые перевели большое количество работ советских археологов. С 1960-х по 1980-е гг. китайско-советские отношения переживали сложное время, поэтому исследование работ советских археологов резко прекратилось. К примеру, «Древняя история Южной Сибири» была переведена в середине 1960-х гг., но только в 1981 г. монографию опубликовали (Ван, Комиссаров, 2013, с. 45–51). В 1980–1990-е гг. основным направлением китайской археологии стало исследование археологической культуры южного и северного Китая. При этом меньше внимания уделялось приграничным районам страны. В начале XXI в. китайские археологи установили культурную по-

следовательность южного и северного Китая, и приграничные регионы стали представлять огромный интерес для изучения. Российские археологические круги тоже стали изучать материалы приграничных регионов Китая. Сейчас ученые могут свободно выбирать направления и темы исследований в соответствии со своими интересами. На этом фоне вполне естественно, что китайские и российские археологи вновь начали тесно сотрудничать. Обзор, представленный в данной статье, отображает лишь часть этого исторического процесса.

Список источников

- Бо Л. [博·劳厄格伦]. Бацзэлэйкэ дэ гудайшуйн [巴泽雷克的古代竖=Древняя арфа Пазырыка] // Инъюэ яньцзю [音乐研究=Музыкальные исследования]. 2004. №2. С. 94–101 (на кит. яз.).
- Бусова В. [布洛瓦·芭芭拉]. Бацзэлэйкэвэньхуа цзаоци мамяньцзюй фуяоань яньцзю [巴泽雷克文化早期马面具复原研究=Исследование маски лошади на раннем этапе пазырыкской культуры] // Бэйфан миньцзю каогу [北方民族考古=Археология народов Севера]. 2016. №3. С. 319–329 (на кит. яз.).
- Ван Пэн, Комиссаров С.А. Распространение в Китае советской и российской археологической литературы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. №12 (4). С. 45–51.
- Грязнов М.П. [М.П.格里亚兹诺夫]. Аэртай бацзэлэйкэ дэ уцзо гучжун [阿尔泰巴泽雷克的五座古墓=Пять древних пазырыкских курганов на Алтае] // Каогу [考古=Археология]. 1960. №7. С. 63–80 (на кит. яз.).
- Киселев С.В. [С.В.吉谢列夫]. Наньсиболия гудай ши [南西伯利亚古代史=Древняя история Южной Сибири]. М., 1981. 720 с. (на кит. яз.).
- Му Ц. Памятники пазырыкской культуры в Синьцзяне // Теория и практика археологических исследований. 2020. №2. С. 138–147.
- Очир-Горяева М. [马丽娜·奥切尓-嘎力雅耶娃]. Бацзэлэйкэ муцзан дэдилифанвэй [巴泽雷克墓葬的地理方=Географическое положение могильника пазырыкской культуры] // Бэйфан миньцзю каогу [北方民族考古=Археология народов Севера]. 2018а. №6. С. 198–214 (на кит. яз.).
- Очир-Горяева М. [马丽娜·奥切尓-嘎力雅耶娃]. Шэньшоу дэ хуашэнь:бацзэлэйкэ вэньхуа маши яньцзю [神兽的化身:巴泽雷克文化马饰研=Воплощение мифических зверей: исследование пазырыкских культурных орнаментов на лошадях] // Бэйфан миньцзю каогу [北方民族考古=Археология народов Севера]. 2018б. №6. С. 175–182 (на кит. яз.).
- Пан Линь [潘玲]. Маньтан элосы каогу тунхан дэ чжунго цинцзе [漫谈俄罗斯考古同行的中国情结=Разговор о китайском комплексе русских археологов] // Шикун вацзюэцзи [时空挖掘机=Космический экскаватор]. 2020. 11.11 (на кит. яз.).
- Руденко С.И. [С.И.鲁金科]. Лунь чжунго юй гудай аэртайчжицзянь дэ гуаньси [论中国与古代阿尔泰部落的关系=О древних связях Китая с племенами Алтая] // Каогусяэбао [考古学报=Археологический журнал]. 1957. №2 (16). С. 37–48 (на кит. яз.).
- Тишкин А.А. [А.А.提什金]. Аэртай дэ гудайминьцзю [阿尔泰的古代民族=Древние народы Алтая] // Дачжун каогу [大众考古=Популярная археология]. 2017. №7. С. 72–83 (на кит. яз.).
- Тишкин А.А. [提什金 А.А.]. Аэртай цзаоци юмуньцзю муцзан чутудэ чжунго гудайцици [阿尔泰早期游牧民族墓葬出土的中国古代漆器=Древняя китайская лаковая посуда, обнаруженная в курганах ранних алтайских кочевников] // Бэйфан миньцзю каогу [北方民族考古=Археология народов Севера]. 2018. №5. С. 188–197 (на кит. яз.).
- Тишкин А.А., Дашковский П.К. [А.А.提什金, П.К.达史科夫斯基著 牧金山译]. Тунван гоцзяч жилу: аэртай бацзэлэйкэ жэньцзюнь шэхуэй фачжань шуйпин пингу [通往国家之路:阿尔泰巴泽雷克人群(公元前550-公元前200年)社会发展水平评估=О государственности «пазырыкцев»] // [北方民族考古=Археология народов Севера]. 2020. №10. С. 200–222 (на кит. яз.).
- Тишэньцзинь А.А., Селецзинь Н.Н. Цзиньшу цзин: Аэртай гудай хэ чжуншицидэ цзыляо: (Гэньцзюй Аэртай голи дасюэ Аэртай каогусяэ юй миньцзюсяэ боугуань цзыляо) [Тишкин А. А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтайского государственного университета)]. Пекин, 2012. 137 с. (на кит. яз.).
- Турбат Ц. [策·图尔巴]. Мэнгуто бацзэлэйкэмуцзан дэ яньцзю [蒙古国阿尔泰巴泽雷克墓葬的研究=Исследование пазырыкских курганов Алтая в Монголии] // Цаюань вэньбу [草原文物=Степные культурные реликвии]. 2013. №2. С. 133–140 (на кит. яз.).
- Шульга Д.П., Шульга П.И. Проникновение пазырыкской культуры в Синьцзян // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, №4. С. 24–29.

Информация об авторе / Information about the Author

Цзиньшань Му, Алтайский государственный университет, кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, Россия, г. Барнаул, пр-т Ленина, 61, <https://orcid.org/0000-0002-7463-9638>, mujinshan@mail.ru

Jinshan Mu, Altai State University, Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Post-Graduate Student; 656049, Barnaul, Russia, Lenin Ave., 61, <https://orcid.org/0000-0002-7463-9638>, mujinshan@mail.ru

Статья принята к публикации 14.07.2023.

The article approved after reviewing 14.07.2023.

Научная статья / Article

УДК: 903.57(574.5)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.69

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КАТАКОМБЫ-10 МОГИЛЬНИКА ТУЛЕБАЙТОБЕ-III

Александр Николаевич Подушкин

*Южно-Казахстанский государственный педагогический университет,
Центр археологии, Шымкент, Казахстан*

Резюме. Публикация посвящена результатам археологического исследования кургана №10 могильника Тулебайтобе-III, расположенного в Южном Казахстане, в котором открыто коллективное погребение в катакомбе, получен комплекс артефактов, включающий керамику столового назначения (горшок и кувшин), дистанционное оружие (костяная срединная накладка на рукоять лука, железные черешковые наконечники стрел), оружие ближнего боя (клевец-чекан), конскую упряжь (части узды, удила), бытовые предметы (железные ножи, поясные пряжки) и ритуальный каменный артефакт. Данный комплекс своим происхождением и этнокультурными параметрами связан с государством Кангюй и датируется I в. до н.э. — III в. н.э.

Ключевые слова: Южный Казахстан, могильник, катакомба, керамика, Кангюй

Для цитирования: Подушкин А.Н. Археологический комплекс Катакомбы-10 могильника Тулебайтобе-III // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 333–338.

ARCHAEOLOGICAL COMPLEX OF CATACOMB-10 OF THE TULEBAITOBЕ-III BURIAL GROUND

Alexander N. Podushkin

South Kazakhstan State Pedagogical University, Center of Archaeology, Shymkent, Kazakhstan

Abstract. The publication is devoted to the results of an archaeological study of mound 10 of the Tulebaitobe-III burial ground, located in South Kazakhstan, in which a collective burial in a catacomb was discovered, a complex of artifacts was obtained, including tableware (pot and jug), remote weapons (a bone middle lining on the bow handle, iron stalked arrowheads), melee weapons (calling), horse harness (parts of a bridle, bit), household items (iron knives, belt buckles) and a ritual stone artifact. This complex, by its origin and ethno-cultural parameters, is associated with the state of Kangyui, and dates back to the 1st century BC — 3rd century AD.

Keywords: Southern Kazakhstan, burial ground, catacomb, ceramics, Kangyuy

For citation: Podushkin A.N. Archaeological Complex of Catacomb-10 of the Tulebaitobe-III Burial Ground // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 333–338.

Коллектив Центра археологии Южно-Казахстанского государственного педагогического университета продолжил исследование могильника Тулебайтобе-III, который находится в составе большой группы археологических памятников арыско-бадамского укрепленного района периода государства Кангюй II в. до н.э. — IV в. н.э. (Республика Казахстан, Туркестанская область, Ордабасинский район, среднее течение р. Арысь).

Могильник Тулебайтобе-III расположен на левой лессовой надпойменной террасе р. Бадам, недалеко от ее впадения в р. Арысь, в месте, где надпойменные террасы нивелируются и постепенно исчезают. Собственно терраса высотой от поймы р. Бадам порядка 35–45 м изрезана вытянутыми гребневидными лессовыми возвышенностями, протянувшимися в направлении северо-восток–юго-запад, поверху которых располагаются курганы.

Могильник Тулебайтобе-III относится к типу могильников с насыпями, оформленными в цепочку; насыпи «каплевидные» по форме, со смещенной в северную сторону высотной точкой и крутым северным склоном. Всего зафиксировано 20 курганов, из которых раскопкам в полевом сезоне 2023 года подвергся курган №10.

Курган №10 неправильной «каплевидной» формы, в юго-западном секторе насыпи, со смещением порядка 5–6 м от центра кургана, вблизи кромки насыпи обнаружена Т-образная трехчастная катакомба, которая состоит из:

— узкотраншейного двухступенчатого дромоса длиной 7,5 м (при этом на ступеньках обнаружены два крупных паховых блока, которые выступали в качестве укрепляющего фактора для ступеней; рис. 1.-Т);

Рис. 1. Могильник Тулебайтобе-111, курган 10.
 Внешний вид катакомбного сооружения, погребение и экспликация инвентаря
 Fig. 1. Burial ground Tulebaitobe 111, barrow 10.
 External view of the catacomb structure, burial and explication of grave goods

— овално-прямоугольного в разрезе лаза, заложенного с внутренней стороны вертикальной кладкой из прямоугольного кирпича-сырца, а с внешней стороны лаз заложен обломками кирпича-сырца и пахсовых блоков, посаженных на глиняный раствор. В месте соединения лаза и камеры отмечена ступенька высотой 0,3 м (рис. 1.-11);

— правильной овално-прямоугольной в плане погребальной камеры размерами 3×2 м при максимальной высоте прямого свода 0,9 м (рис. 1.-11).

Вся конструкция вытянута почти в правильном направлении юго-запад–северо-восток, в катакомбе-10 на уровне пола камеры открыто коллективное погребение, включающее три костыка, лежащих в анатомическом порядке (рис. 1.-11):

— **костык 1**, принадлежавший мужчине средних лет, располагался вдоль юго-восточной стенки камеры; его правая кисть лежала на функциональном камне, хорошо полированном и напоминающем концевую часть ладьевидной зернотерки (рис. 1.П.-11), а в районе левого бедра находился большой железный бытовой нож, приближенный по назначению к боевому (рис. 1.П.-8);

— **костык 2**, принадлежавший женщине также средних лет, зафиксирован почти в центре камеры; у этого костыка найдены две железные щитковые рамчатые большая и малая поясные пряжки с подвижным язычком (рис. 1.П.-9–10);

— **костык 3** принадлежал подростку мужского пола (он располагался параллельно костыку 2), рядом с ним отмечен следующий погребальный инвентарь:

— столовый горшок (у изголовья) и крупный столовый кувшин (в ногах; рис. 1.П.-1–2);

— группа изделий вблизи изголовья, относящихся к вооружению и конскому снаряжению: фрагменты железного кованого прямого штыря, по функциональности напоминающего чекан (или клевец — ударное оружие ближнего боя); часть срединной костяной накладки на кибить сложносостав-

ного лука и железные фрагменты конской упряжи (предположительно узды и удил; рис. 1.П.-3–5). Эта группа железных изделий, очевидно, имеет отношение и к костяку 2;

— железные трехлопастные черешковые наконечники стрел, лежащие у правого предплечья плотной группой, которые, очевидно, находились в кожаном колчане (рис. 1.П.-б);

— бытовой железный небольшой нож (располагался у левой тазовой кости, вблизи кисти левой руки; рис. 1.П.-7).

Все костяки лежат компактно, прижатыми друг к другу, это дает основание предполагать, что перед нами члены одной семьи, погребенные в одно время. Обряд погребения — труположение на спине изголовьем на юго-восток.

Погребальный инвентарь включает:

Керамика:

— горшок столовый грушевидной формы, с короткой горловиной, двумя вертикальными петлевыми желобчатыми ручками на плечике сосуда. Изделие сделано из хорошего теста на быстровращающемся гончарном круге, покрыто ангобом светло-коричневого цвета, поверх которого фиксируются крупные мазки, брызги и потеки ангоба более темного коричневого, почти черного оттенка. Кроме того, значительная часть тулова сосуда украшена кольцевым станковым рифлением (рис. 2.-1);

— кувшин столовый грушевидной формы с выраженной горловиной и вертикальной петлеобразной ручкой, верхнее основание которой крепится к каннелюре под венчиком, а нижнее — к тулову сосуда. Кувшин украшен станковым рифлением, покрыт ангобом светло-серого цвета, а также сверху покрыт ангобными потеками, пятнами и брызгами более темного коричневого и почти черного оттенков (рис. 2.-2).

Вооружение:

— фрагмент костяной хорошо обработанной срединной пластины на рукоять-кибить сложносоставного лука (в разрезе артефакт имеет тонкий профиль дугообразной формы, соответствующей деревянной основе; рис. 2.-3);

— железные черешковые трехлопастные наконечники стрел с треугольной конфигурацией ударной части и прямыми жальцами (рис. 2.-4); с ромбической конфигурацией ударной части (рис. 2.-5, 8); с треугольной ударной частью, но слабовыраженными лопастями (рис. 2.-9–10). Все наконечники на поверхности черешков имеют следы от деревянного древка. В их числе — один наконечник с относительно длинной ударной частью, короткими лопастями и выраженными следами ритуальной порчи: специально приведен в негодность посредством удара боевой части о твердый предмет, что привело к искривлению наконечника (рис. 2.-7);

— крупные фрагменты железного изделия, трактуемого как боевой чекан (клевец; форма почти восстанавливается). Представляют собой две части округлого в разрезе штыря, заканчивающегося на концах острыми конусами (рис. 2.-11).

Бытовые изделия из железа:

— миниатюрный бытовой однолезвийный черешковый нож со слегка изогнутой спинкой и следами деревянной рукоятки на черешке (рис. 2.-12);

— относительно большой черешковый однолезвийный нож с прямой спинкой и следами деревянной ручки на черешке (мог использоваться в качестве боевого ножа; рис. 2.-13);

— пряжка малая поясная с округлым щитком, круглой рамкой и подвижным язычком, со следами кожи на лицевой поверхности (рис. 2.-14);

— пряжка большая поясная с квадратным щитком, круглой рамкой и сильно изогнутым подвижным язычком, со следами тонкой кожи на лицевой поверхности (рис. 2.-15);

— части железных скрепляющих скоб с остатками дерева от изделия непонятного назначения (рис. 2.-20–22).

Артефакты конского снаряжения (упряжи):

— железные фрагменты узды (рис. 2.-16–17) и остатки железных удил (рис. 2.-18–19).

Ритуальный предмет (или орудие труда) из камня:

— функциональный камень из мелкозернистого гранита, обе его рабочие поверхности хорошо полированы и напоминают концевую часть ладьевидной зернотерки (рис. 2.-23).

Экспликация инвентаря катакомбы-10 могильника Тулебайтобе-III иллюстрирует следующую картину: основная масса находок связана с костяком 3 (горшок в изголовье, кувшин в ногах; рядом с изголовьем наконечники стрел и группа артефактов из железа, у пояса слева бытовой нож). В какой-то степени упомянутую группу артефактов из железа и, возможно, керамический горшок можно отнести к костяку 2 (в районе таза этого костяка обнаружены также две поясные железные пряжки);

наконец, с костью 1 связаны железный большой нож слева у бедренной кости и функциональный камень в районе кисти правой руки (рис. 1.-11).

Из особенностей обрядности катакомбы-10 могильника Тулебайтобе-III отметим, что в погребальных памятниках Южного Казахстана периода государства Кангюй впервые зафиксирован вариант ритуальной порчи дистанционного оружия, чего ранее не было, в отличие от встречающейся традиционной ритуальной порчи клинкового оружия и бронзовых зеркал.

Хронологические выкладки

Хроноиндикаторами из катакомбы-10 могильника Тулебайтобе-III являются несколько артефактов. В их числе: вариант использования катакомбной погребальной конструкции как временной и этнокультурный фактор; керамический комплекс катакомбы-10; вооружение и бытовые предметы.

Например, Т-образная трехчастная катакомба со ступенчатым (пандусным) траншейным дромосом как погребальная конструкция и функциональный по назначению склеп для осуществления групповых захоронений с соответствующим обрядом отмечена в памятниках Южного Казахстана, в кругу сарматских и кангюйских племенных объединений в первые века до — первые века нашей эры. Это

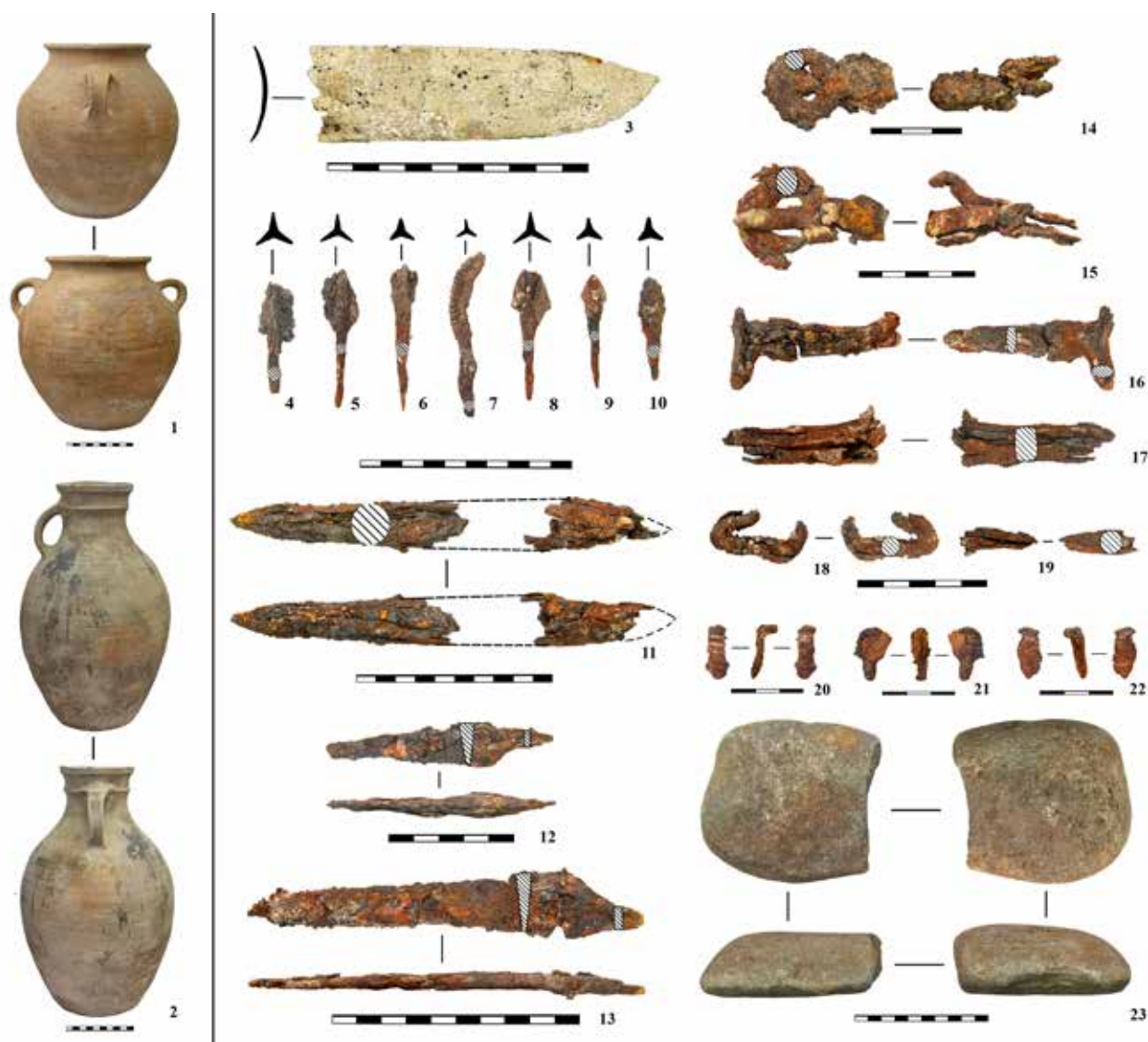

Рис. 2. Могильник Тулебайтобе-III, курган 10. Погребальный инвентарь: 1-2 — керамика; 3 — фрагмент срединной костяной накладки на рукоять лука; 4-10 — железные черешковые наконечники стрел; 11 — фрагменты железного клевца; 12-13 — ножи; 14-15 — пряжки; 16-22 — железные фрагменты конской упряжи (узды, удила); 23 — функциональный камень

Fig. 2. Burial ground Tulebaitobe III, kurgan 10. Funeral inventory: 1-2 — ceramics; 3 — a fragment of a median bone overlay for a bow handle; 4-10 — iron stalked arrowheads; 11 — fragments of an iron tong; 12-13 — knives; 14-15 — buckles; 16-22 — iron fragments of horse harness (bridle, bit); 23 is a functional stone

могильники Актобе (Максимова и др., 1968, с. 193–201, рис. 8), Борижарский (Нурмуханбетов, 1975, с. 106–115, рис. 2 и 3; табл. III), катакомбные могильники арысской культуры Южного Казахстана (Каратобе, Алтынтобе, Культобе; Подушкин, 2000, с. 53–65; 77–81).

Вышеупомянутый керамический комплекс близок по происхождению в контексте технологии изготовления (быстро вращающийся круг), декору (станковое рифление, каннелюра под венчиком кувшина, ангобные потеки, брызги) и назначению (столовая и ритуальная посуда) керамике арысской культуры Южного Казахстана второго каратобинского этапа — культуры государства Кангюй, датируемого первыми веками до — первыми веками н.э., он отмечен на многих памятниках региона (Подушкин, 2000, с. 132–135).

Набор дистанционного оружия в виде костяных срединных накладок на сложносоставной лук и железных черешковых трехлопастных наконечников стрел также традиционен для времени I в. до — III в. н.э., он хорошо фиксируется в погребальных памятниках казахстанско-среднеазиатского региона и более восточных территорий в это время. Например, известные сложносоставные рефлексирующие М-образные луки сюннуского (хуннского) типа (симметричные, асимметричные) с костяными (роговыми) накладками на деревянную основу широко бытовали в среде сюнну, сарматов и Кангюй в первые века до нашей эры (Бернштам, 1950, с. 66–67; Литвинский, 1966, с. 68; Худяков, 1986, с. 25–30; рис. 2, 3).

Близкие по конструкции железные черешковые трехлопастные наконечники стрел из катакомбы-10 могильника Тулебайтобе-III находят аналогии в среднеазиатских материалах первых веков до — первых веков н.э. (Литвинский, 1965, с. 77–81, рис. 4; Брыкина, Горбунова, 1984, с. 29–31; рис. 17, 20, 22; Горбунова, 2000, с. 40–41; рис. 1.-3, 5, 16; 2.-1, 4), в могильниках Жаман-Тогай и Шаушукумский по средней Сырдарье (Максимова и др., 1968, с. 184, табл. III.-2, 5; с. 221, табл. XVIII), в средне- и позднесарматских памятниках Северного Причерноморья первых веков н.э. (Симоненко, 2010, с. 96–99; рис. 69).

Особо отметим находку чекана (клевца) как оружия ближнего боя в катакомбе-10 могильника Тулебайтобе-III, которая сделана впервые в археологии Южного Казахстана. Такой вид вооружения не известен в других памятниках периода государства Кангюй, поэтому прямых аналогий этому артефакту найти пока не удалось. Между тем подобное оружие имело хождение в эпоху раннего железного века на территории Евразии от Северного Причерноморья до Алтая среди элиты скифо-саков (Мелюкова, 1964, с. 66–68, табл. 21.-4; Горелик 2003, с. 47, табл. XXVIII) и ранних сарматов (прохоровская раннесарматская культура; Смирнов 1989, с. 172–173, табл. 65.-16). По данным археологических источников последних десятилетий Кангюй выступает в качестве преемника культурных традиций азиатских саков после распада сакского союза племен в III в. до н.э., об этом свидетельствует сакский этнический компонент в материалах арысской культуры Южного Казахстана (Подушкин, 2000, с. 145–151), а некоторые крупные ученые склонны рассматривать Кангюй как позднесакское государство (Б.А. Литвинский считает, что «...ранний Кангюй — это позднесакское государство, занимавшее территорию средней Сырдарьи»; Литвинский, 1967, с. 36).

Надо полагать, такая преемственность распространялась и на военное искусство, поэтому сейчас достаточно аргументированно можно говорить о том, что клевцы (чеканы) практиковались в этом государстве в качестве оружия ближнего боя.

Таким образом, инвентарь исследованной катакомбы 10 могильника Тулебайтобе-III, основываясь на особенностях погребальной конструкции, этнокультурных параллелях, хронологических выкладках, можно отнести к кругу племен I в. до н.э. — III в. н.э. в рамках государственного объединения Кангюй.

Список источников

- Бернштам А.Н. Чуйская долина. М.; Л., 1950. 249 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. №14.).
Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г. Железные наконечники стрел из Ферганы // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 28–36.
Горбунова Н.Г. О вооружении среднеазиатских скотоводов (II (III?) в. до н.э. — V в. н.э.) // РА. 2000. №2. С. 40–51.
Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н.э.). СПб., 2003. 336 с.
Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // Советская археология. 1965. №2. С. 75–91.
Литвинский Б.А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии (к проблеме эволюции лука на Востоке) // Советская археология. 1966. №4. С. 51–69.
Литвинский Б.А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы // Советская археология. 1967. №2. С. 29–37.
Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968. 271 с.
Мелюкова А.И. Вооружение скифов. Свод археологических источников. Вып. Д 1–4. М., 1964. 91 с.
Нурмуханбетов Б.Н. Катакомбы Борижарского могильника // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С. 106–115.
Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. — VI в. н.э. Туркестан, 2000. 201 с.

Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 165–177.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 266 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Александр Николаевич Подушкин, Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, Центр археологии; 160012, Казахстан, г. Шымкент, ул. Байтурсынова, 13, доктор исторических наук, профессор, <https://orcid.org/0000-0003-1603-1373>, p_a_n_alex@mail.ru

Alexander N. Podushkin, South Kazakhstan State Pedagogical University, Center for Archaeology; 160012, Kazakhstan, Shymkent, Baitursynova str., 13, Doctor of Historical Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0003-1603-1373>, p_a_n_alex@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article

УДК: 902(571.151)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.70

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ЗЕРКАЛ СКИФСКОЙ ЭПОХИ ИЗ СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРИЙ АЛТАЯ

Елена Александровна Радовская^{1,2}, Святослав Сергеевич Радовский¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

²Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

Резюме. В рамках статьи обобщаются сведения о 10 металлических зеркалах скифской эпохи, в разные годы зафиксированных на территории северных предгорий Алтая. Приводится краткое описание изделий и культурно-хронологическая интерпретация на основе современных археологических данных. Четыре предмета являются случайными находками, остальные получены в результате раскопок погребальных комплексов. Наиболее ранними являются пять зеркал округлой формы без орнамента с центральной ручкой-петлей на обороте. К более поздним экземплярам относятся два фрагмента «восточных» зеркал (сарматского типа). Большая часть предметов обнаружена в материалах быстринской культуры. Определение принадлежности остальных зеркал затруднено вследствие расположения мест обнаружения рассматриваемых вещей в пределах ареалов нескольких археологических общностей.

Ключевые слова: металлические зеркала, скифская эпоха, северные предгорья Алтая, случайная находка, могильник
Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МД-792.2022.2.

Для цитирования: Радовская Е.А., Радовский С.С. История изучения металлических зеркал скифской эпохи из северных предгорий Алтая // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 338–343.

HISTORY OF THE STUDY OF METALLIC MIRRORS OF THE SCYTHIAN AGE FROM THE NORTHERN FOOTHILLS OF ALTAI

Elena A. Radovskaya^{1,2}, Svyatoslav S. Radovsky¹

¹Altai State University, Barnaul, Russia

²Altai State Museum of Local Lore, Barnaul, Russia

Abstract. The article summarizes information about 10 metal mirrors of the Scythian era, documented in different years on the territory of the northern foothills of Altai. A brief description of the items and cultural and chronological interpretation based on modern archaeological data are given. Four items are random finds, the rest were obtained as a result of excavations of burial complexes. The earliest are five rounded mirrors without ornamentation with a central looped handle on the back. Later specimens include two fragments of “oriental” mirrors (of the Sarmatian type). Most of the objects were found in the materials of the Bystryanskaya culture. Determining the belonging of the remaining mirrors is difficult due to the location of the places of discovery of the items in question within the ranges of several archaeological communities.

Keywords: metal mirrors, Scythian era, northern foothills of Altai, chance find, burial ground

Acknowledgments: this work was supported by a grant from the President of the Russian Federation MD-792.2022.2.

For citation: Radovskaya E.A., Radovsky S.S. History of the Study of Metallic Mirrors of the Scythian Age from the Northern Foothills of Altai // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 338–343.

В скифскую эпоху территория северных предгорий Алтая, расположенная на границе горной и лесостепной зон рассматриваемого региона, являлась местом пересечения ареалов нескольких археологических культур. Так, материалы быстринских захоронений в некоторой степени демонстрируют отдельные черты, характерные для предметного комплекса и погребального обряда пазырыкской, каменской и староалейской общностей скифо-сакского времени. Отдельные элементы ритуальной практики и сопроводительного инвентаря имеют аналогии в материалах культур раннескифского периода Алтая и сопредельных территорий.

Изучению материалов, полученных в ходе раскопок некрополей скифской эпохи на территории северных предгорий Алтая, посвящены разделы монографий и статьи целого ряда исследователей (Киселев, 1951, с. 329–334; Суразаков, 1989, с. 132–135; Киреев, 1992, с. 54–58; Абдулганеев, 2001, с. 285–287; Шульга, 2015, с. 16–18; 158–168; Радовский, Серегин, 2020, с. 20–37; и др.). Отдельного рассмотрения, на наш взгляд, требует такая категория находок, как металлические зеркала. Данные изделия являются важным хронологическим и этнокультурным маркером, подчеркивающим наличие определенных традиций или инокультурных влияний у населения отдельных территорий. В этой связи обратимся к истории изучения и обнаружения рассматриваемой группы предметов, полученных в ходе исследований на обозначенной выше территории.

Первые достоверные сведения о находках металлических зеркал на территории северных предгорий Алтая относятся к 1-й четверти XX в. В 1915 г. (согласно книге поступлений Бийского крае-

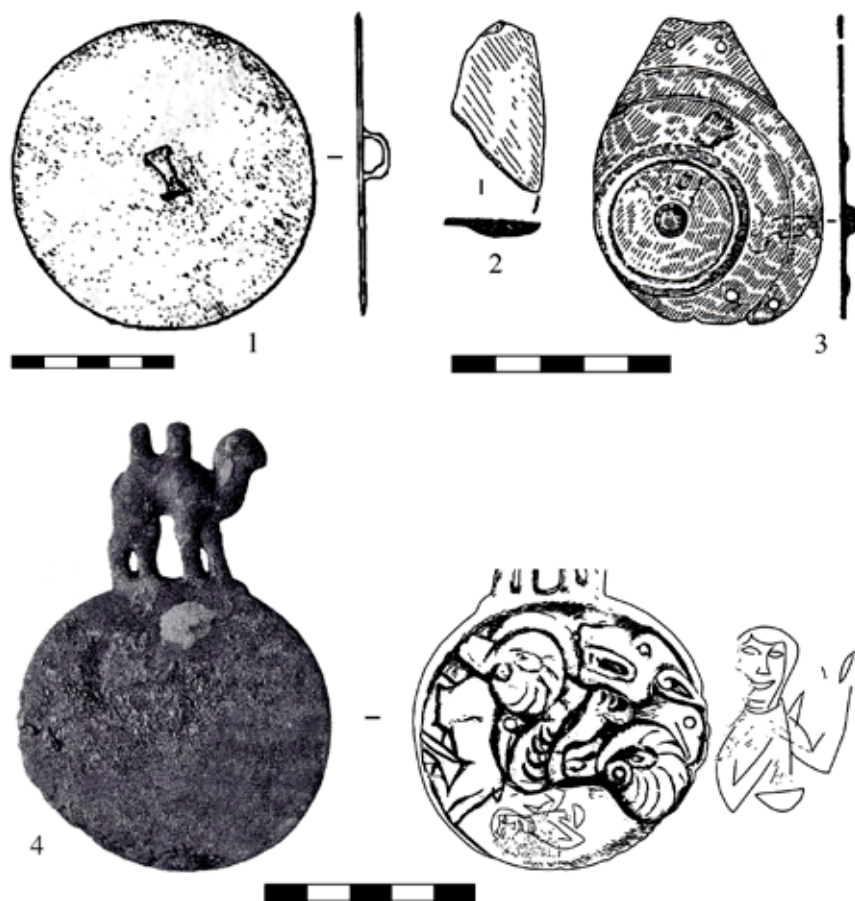

Рис. 1. Металлические зеркала скифской эпохи из северных предгорий Алтая: 1 — случайная находка металлического зеркала у с. Савинского (по: Абдулганеев и др., 2003, рис. 5.-3); 2 — фрагмент металлического зеркала из захоронения 2 кургана №4 могильника Быстрианка (по: Завитухина, 1966, рис. 7.-9); 3 — металлическое зеркало из могилы-2 кургана №12 могильника Быстрианка (по: Завитухина, 1966, рис. 7.-8); 4 — металлическое зеркало из кургана №40 некрополя Первомайский (по: Ширин, 2010, рис. 2.-4, 3.-1)
 Fig. 1. Metal mirrors of the Scythian era from the northern foothills of Altai: 1 — Accidental discovery of a metal mirror near the village. Savinsky (after: Abdulganeev and others, 2003, fig. 5.-3); 2 — Fragment of a metal mirror from burial 2, mound №4 of the Bystryanka burial ground (after: Zavitukhina, 1966, fig. 7.-9); 3 — A metal mirror from grave-2 of mound №12 of the Bystryanka burial ground (after: Zavitukhina, 1966, fig. 7.-8); 4 — A metal mirror from mound №40 of the Pervomaisky necropolis (after Shirin, 2010, fig. 2.-4, 3.-1)

ведческого музея — в 1918 г.) местным археологом-любителем, волостным писарем с. Фоминского М.Д. Копытовым было получено, а затем передано в фонды Бийского краеведческого музея округлое металлическое зеркало без бортика, с центральной ручкой-петлей (рис. 1.-1). Изделие зафиксировано в окрестностях с. Савинского в осypi правого берега р. Уткуль (ныне Зональный район Алтайского края) (БКМ. Ф. 2. Д. 30.2). находка относится исследователями к скифо-сакскому времени и датируется V–III вв. до н.э. (Абдулганеев и др., 2003, с. 52–53, рис. 5.-3). Однако, учитывая аналогии из близлежащих регионов, следует ограничить период бытования изделий подобного типа для данной территории в пределах VI–IV вв. до н.э. Определение культурной принадлежности зеркала затруднено, поскольку предмет является случайной находкой, обнаруженной в зоне предполагаемой границы ареалов староалейской и быстрианской общностей.

В 1930 г. Алтайской археологической экспедицией Общества изучения Сибири под руководством С.М. Сергеева осуществлялись раскопки 14 курганов у современного с. Быстрианского Красногорского района Алтайского края (Завитухина, 1966, с. 60). В процессе изучения погребений данного комплекса в двух из них были зафиксированы фрагменты металлических зеркал. Первое изделие было обнаружено в могиле-2 кургана №4, содержащей захоронение подростка (рис. 1.-2) (Завитухина, 1966, рис. 7.-9). Следующая находка сделана в объекте №12, под насыпью которого выявлены два погребения. При зачистке одного из них в районе голени умершего зафиксирован обломок зеркала (рис. 1.-3), аналогии которому, по мнению М.П. Завитухиной (1966, с. 74, рис. 7.-8), имеются среди китайских зеркал периода Чжань-го (V–III вв. до н.э.). В монографии А.С. Суразакова изделие из кургана №12 отнесено к типу «медалевидных» зеркал, датирующихся V–III вв. до н.э. (Суразаков, 1989, с. 77–78, 79, рис. 35.-15). Однако циркульный орнамент, представленный концентрическими кругами-валиками, а также выпуклость в центральной части тыльной стороны диска указывают на принадлежность этого фрагмента к «восточным» зеркалам (сарматского типа). Подобным образом данная находка интерпретировалась В.А. Могильниковым и А.П. Уманским (1995, с. 21), по мнению которых, изделие следует датировать III–II вв. до н.э. По-видимому, к данному периоду следует отнести и фрагмент второго зеркала из захоронения 2 кургана №4, с валиком по краю. В целом рассмотренные погребения курганной группы у с. Быстрианского соотносятся с населением одноименной культуры скифо-сакского времени северных предгорий Алтая.

Весьма интересная находка была зафиксирована в 1960-е гг. в Целинном районе Алтайского края. На территории, занимаемой курганами Первомайского могильника, местный краевед П.Ф. Рыженко обнаружил металлическое зеркало, отличительной особенностью которого являлось необычное сочетание на боковой рукояти двух отверстий и дополнительной недолитой петли (рис. 2.-1). В целом изделие характерно для пазырыкской и быстрианской культур скифо-сакского времени (Кунгуров, Горбунов, 2001, с. 120, рис. 5.-3), однако исследователи склонны относить его к последней, при этом датируя V–IV вв. до н.э. (Тишкин, Серегин, 2011, с. 37).

В 1970 г. Б.Х. Кадиковым, А.П. Марковым и другими сотрудниками Бийского краеведческого музея обследовались окрестности с. Верх-Озерное Быстроистокского района Алтайского края. В результате ими была собрана небольшая коллекция археологических предметов (БКМ. ОФ 9671). По всей видимости, из данных сборов происходит зеркало с округлым диском без орнамента с центральной ручкой-петлей, уточнение происхождения которого затруднено ввиду отсутствия точных сведений в музейной документации (БКМ. ОФ 9671/8). Как и в случае с находкой из с. Савинского, изделие обнаружено на «пограничной территории» ареалов распространения староалейской и быстрианской культур. Период бытования подобных предметов обычно ограничен VI–IV вв. до н.э.

Еще одно зеркало из северных предгорий Алтая обнаружено в результате раскопок курганного могильника Точилинский Елбан, находящегося в 1,5 км к югу от с. Точильного Смоленского района Алтайского края. Памятник открыт в 1987 г. М.Т. Абдулганеевым при обследовании проектируемой трассы Бийск — Белокуриха. В течение полевых сезонов 1987, 1989 и 1990 гг. на данном комплексе были раскопаны восемь погребений и одна яма. В могиле-2 археологами обнаружено металлическое зеркало округлой формы с центральной ручкой-петлей (рис. 2.-3). В настоящее время вопрос культурной принадлежности памятника остается открытым (Абдулганеев, Тишкин, 1999, с. 100–105). Высказывались мнения об отнесении могильника к быстрианской, майэмирской и пазырыкской культурам, а также указывалось влияние тасмолинской и саргатской общностей на население, оставившее некрополь (Абдулганеев, Тишкин, 1999, с. 100–105; Абдулганеев, 2001, с. 286, Тишкин, 2003, с. 165; Шульга, 2008, с. 15; История Алтая, 2019, рис. 2.140.-3). Время создания комплекса Точилинский Елбан определено в рамках VI в. до н.э. (Абдулганеев, Тишкин, 1999, с. 104–105).

В течение ряда лет (1994, 1997, 2001 и 2004 гг.) Предгорным отрядом НПЦ «Наследие» под руководством М.Т. Абдулганеева осуществлялись раскопки погребального комплекса Рубцовский в Советском районе Алтайского края. В могиле-10 рассматриваемого некрополя было найдено дисковидное зеркало с центральной рукоятью-петлей в виде фигуры противопоставленных голов животных. Наиболее близкая аналогия рассматриваемому предмету происходит из памятника Новотроицкое-I (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, рис. 125.-6). Время сооружения могильника Рубцовский определено М.Т. Абдулганеевым в рамках VI–IV вв. до н.э. (Абдулганеев, 2009, с. 376). Кроме этого, VI–V вв. до н.э. датирована могила-1 кургана №15 некрополя Новотроицкий-I, содержащая зеркало, подобное находке из рассматриваемого комплекса (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 181). Автором раскопок могильник Рубцовский отнесен к северному варианту пазырыкской общности, однако при этом отмечаются параллели в погребальном обряде и сопроводительном инвентаре с соседней быстрианской культурой (Абдулганеев, 1998, с. 172–175; 2009, с. 382).

Уникальное зеркало для рассматриваемого региона, не имеющее полных аналогий, обнаружено на могильнике Первомайское, расположенном в 8 км к юго-востоку от с. Победа Целинного района Алтайского края. Некрополь исследовался Ю.В. Шириным в 2006–2008 гг. (Ширин, 2009, с. 346–349). Находка зафиксирована в могиле кургана №40. Подробное описание предмета приводится в отдельной работе автора раскопок (Ширин, 2010, с. 200–209), в связи с чем ограничимся лишь его краткой характеристикой (рис. 1.-4). Изделие представляет собой округлый диск диаметром 8 см с боковой ручкой, отлитой в виде фигуры стоящего двугорбого верблюда (Ширин, 2010, с. 202, рис. 2.-4). На тыльной стороне предмета представлена рельефная многофигурная композиция, состоящая из изображений птиц, баранов и волка, выполненных в характерном скифо-сибирском зверином стиле. В дальнейшем при удалении окислов на рельефной стороне зеркала на гладком участке спины свернувшейся фигуры волка была выявлена гравировка в виде поясного изображения человека с поднятой левой рукой (Ширин, 2010, с. 206, рис. 3.-1). По мнению исследователей, до обнаружения данной находки антропоморфные изображения не были зафиксированы на металлических зеркалах древних кочевников (Кубарев, 2002, с. 67; Ширин, 2010, с. 200–209).

Второе зеркало было обнаружено при раскопках могилы-5 кургана №44 некрополя Первомайское**. Изделие выполнено в виде округлого диска с центральной ручкой-петлей. Особенности погребального обряда и сопроводительного инвентаря позволили отнести большую часть погребений курганной группы рассматриваемого могильника к захоронениям быстрианской культуры. Общая хронология существования некрополя определена в рамках VI–IV вв. до н.э. (Ширин, 2010, с. 206).

В 2007 г. в процессе дорожных работ, осуществляемых в 3 км от ул. Кольцевой г. Белокуриха Алтайского края, в разрушенной могиле было зафиксировано металлическое зеркало в виде массивного диска с центральной ручкой-петелькой (рис. 2.-2). Исходя из выявленного круга близких аналогий, находку предварительно датировали VI–V вв. до н.э., а вопрос об определении ее культурной принадлежности пока остается открытым (Тишкин, Серегин, 2011, с. 15, 33, табл. VIII). Принимая во внимание внешние особенности изделия, предмет можно отнести как к культурам раннескифского (бийкенская, майэмирская), так и скифо-сакского (пазырыкская, быстрианская) времени.

Таким образом, на территории северных предгорий Алтая за период с 1915 по 2007 г. обнаружено 10 металлических зеркал, относящихся скифской эпохе***. Четыре из них являются случайными находками, остальные получены в результате раскопок погребальных комплексов. Небольшое число найденных зеркал, с учетом довольно значительного количества исследованных комплексов на рассматриваемой территории (более 180 захоронений), соотносится с подобными показателями в материалах культур лесостепного Алтая. Население пазырыкской общности, напротив, демонстрирует распространение традиции сопровождения умерших такими предметами. Металлические зеркала зафиксированы «в среднем в каждой третьей-четвертой могиле», всего более 160 находок (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 76–77).

Большинство изделий (5 экз.), приведенных в статье, представляют собой округлые диски без орнамента, с центральной ручкой-петлей на обороте. Эти предметы являются наиболее ранними образцами, фиксирующимися в материалах как раннескифского, так и скифо-сакского периодов. Синхронны им или, вероятнее, несколько поздним временем датируются зеркала из памятников Первомайский

* Находка не опубликована.

** Находка не опубликована.

*** В работе не учитывались неопубликованные зеркала из Майминского археологического комплекса (материалы раскопок и сборов С.М. Киреева, хранятся в Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина).

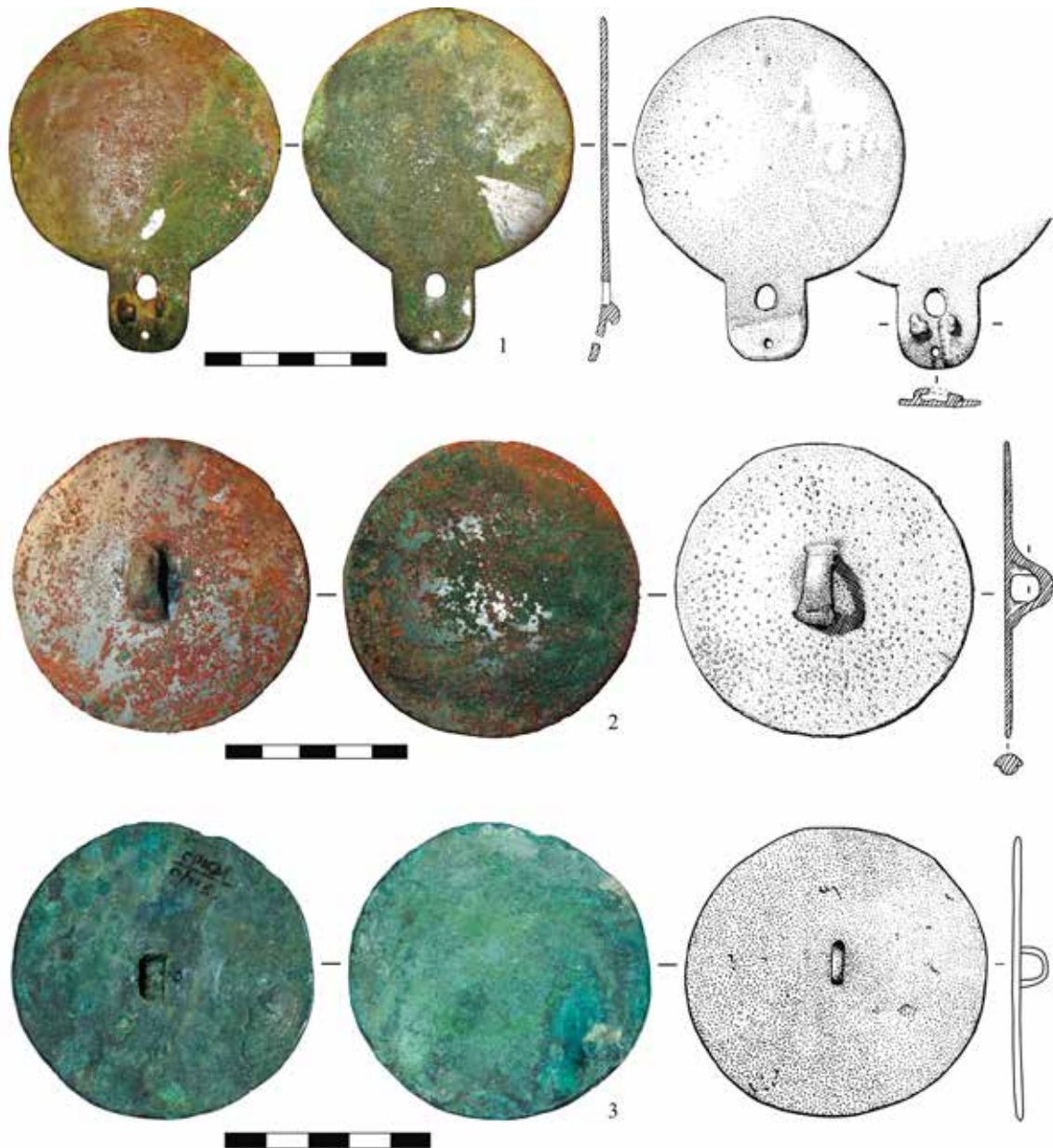

Рис. 2. Металлические зеркала скифской эпохи из северных предгорий Алтая: 1 — случайная находка металлического зеркала на памятнике Первомайский (по: Тишкин, Серегин, 2011, табл. ХТТ); 2 — металлическое зеркало из разрушенной могилы в г. Белокуриха (по: Тишкин, Серегин, 2011, табл. VТТТ); 3 — металлическое зеркало из погребения 2 комплекса Точилинский Елбан (фото авторов; рис. по: Абдуганеев, Тишкин, 1999, рис. 5.-10)
 Fig. 2. Metal mirrors of the Scythian era from the northern foothills of Altai: 1 — Accidental discovery of a metal mirror at the Pervomaisky site (after: Tishkin, Seregin, 2011, pl. ХТТ); 2— a metal mirror from a destroyed grave in Belokurikha (after: Tishkin, Seregin, 2011, pl. VТТТ); 3 — a metal mirror from burial 2 of the Tochilinskiy Elban complex (photo by the authors; fig. after: Abdulganeev, Tishkin, 1999, fig. 5.-10)

и Рубцовский с рукоятями в виде изображения животных (с боковым и центральным держателем соответственно). В рамках V–IV вв. до н.э. определяется датировка случайной находки из Целинного района с боковой ручкой и недолитой петлей. К V–III вв. до н.э. относятся изделия из могильника Быстрянка, вероятно, представляющие собой фрагменты «восточных зеркал» (сарматского типа), распространенных в лесостепном Алтае. Примечательно, что предмету из могилы-2 кургана №12 была придана «медалевидная» форма, присущая большинству таких изделий из памятников пазырыкской культуры.

Перспективы дальнейшего изучения металлических зеркал из северных предгорий Алтая связаны с разработкой классификации и построением типологии предметов и уточнением их датировки. Отдельным направлением исследования станет определение основных направлений культурных связей быстрянской общности, в том числе посредством изучения рассматриваемых изделий.

Список источников

- Абдуганеев М.Т. Могильник у поселка Рубцовский // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1998. Вып. IX. С. 172–175.
- Абдуганеев М.Т. О компонентах сложения быстрианской культуры // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 285–287.
- Абдуганеев М.Т. Археологические памятники Советского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2009. Вып. XVII. С. 365–386.
- Абдуганеев М.Т., Кадиков Б.Х., Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. История исследования археологических памятников Зонального района // Зональный район: история, люди и судьбы. Барнаул, 2003. С. 50–79.
- Абдуганеев М.Т., Тишкин А.А. Погребальные комплексы скифского времени левобережья низовьев Катунь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. Вып. 4. С. 99–111.
- Завитухина М.П. Курганы у с. Быстрианского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. Вып. №8. Л., 1966. С. 61–77.
- История Алтая. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Белгород, 2019. 391 с.
- Киреев С.М. Погребения быстрианской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск, 1992. С. 54–58.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь. Барнаул, 2004. 292 с.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
- Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. №3 (11). С. 63–77.
- Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Случайные археологические находки с Верхнего Чумыша (по материалам музея с. Победа) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. С. 111–126.
- Могильников В.А., Уманский А.П. Два зеркала из Новотроицких курганов // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С. 19–31.
- Радовский С.С., Серегин Н.Н. Погребальные сооружения населения быстрианской культуры скифо-сакского времени (северные предгорья Алтая) // Северные Архивы и Экспедиции. 2020. Т. 4. №1. С. 20–37.
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 214 с.
- Тишкин А.А. О соотношении бийкенской и майэмирской археологических культур Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и средневековье. Книга II. СПб., 2003. С. 164–166.
- Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (По материалам музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул, 2011. 144 с.
- Ширин Ю.В. Продолжение исследования курганной группы Первомайская // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2009. Вып. XVII. С. 346–349.
- Ширин Ю.В. Бронзовое зеркало с гравировкой из северных предгорий Алтая // След на песке. Материалы и исследования по археологии. Томск; Северск, 2010. С. 200–209.
- Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Барнаул, 2008. 276 с.
- Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и верхнем Приобье. Ч. II. Новосибирск, 2015. 322 с.
- Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Елена Александровна Радовская, Алтайский государственный университет, Лаборатория междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая АлтГУ, младший научный сотрудник; кафедра археологии, этнографии и музеологии, аспирант; 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61; Алтайский государственный краеведческий музей, отдел фондов, научный сотрудник; 656043, Россия, г. Барнаул, ул. Ползунова, 46а, <https://orcid.org/0000-0003-3512-7899>, narudtseva@mail.ru

Elena A. Radovskaya, Altai State University, Laboratory for Interdisciplinary Study of Archaeology of Western Siberia and Altai Altai State University, Junior Researcher; Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Postgraduate Student; 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61; Altai State Museum of Local Lore, Department of Funds, Researcher; 656043, Russia, Barnaul, Polzunova str., 46a, <https://orcid.org/0000-0003-3512-7899>, narudtseva@mail.ru

Святослав Сергеевич Радовский, Алтайский государственный университет, Лаборатория древней и средневековой археологии Евразии, младший научный сотрудник; 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, <https://orcid.org/0000-0001-8668-3831>, radovskiy1996@mail.ru

Svyatoslav S. Radovsky, Altai State University, Laboratory of Ancient and Medieval Archeology of Eurasia, Junior Research Fellow; 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61, <https://orcid.org/0000-0001-8668-3831>, radovskiy1996@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

Научная статья / Article
УДК: 903'15:069(571.150)
DOI: 10.14258/msapea.2023.3.71

**ВЫСТАВКА «КОЧЕВНИКИ. ПОКОРИТЕЛИ ПРОСТРАНСТВ И ВРЕМЕН»
В АЛТАЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ**

Ольга Григорьевна Филиппова

Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

Резюме. В публикации приводится информация о выставочном проекте Алтайского государственного краеведческого музея «Кочевники. Покорители пространств и времен», осуществленном в 2023 г. Впервые в пространстве выставочных залов общей площадью более 100 кв. м авторы проекта представили тему древних кочевников Алтая. Организаторы в партнерстве с ведущими научными центрами Сибири по изучению археологии Алтая представили жителям Алтайского края свыше 700 подлинных артефактов, относящихся к различным археологическим культурам Лесостепного и Горного Алтая. В пространстве залов в хронологической последовательности разместили предметы, как найденные в результате экспедиционных исследований профессиональных археологов, так и случайные находки, поступившие в музей от граждан.

Ключевые слова: археология, музей, выставка, Алтайский край

Благодарности: автор выражает благодарность за поддержку и содействие в реализации проекта А.А. Тишкину, Я.В. Фролову, О.С. Лихачевой, Н.Н. Серегину, Н.Н. Головченко.

Для цитирования: Филиппова О.Г. Выставка «Кочевники. Покорители пространств и времен» в Алтайском государственном краеведческом музее // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 344–347.

**EXHIBITION «NOMADS. CONQUERORS OF SPACES AND TIMES»
IN THE ALTAI STATE MUSEUM OF LOCAL LORE**

Olga G. Filippova

Altai State Museum of Local Lore, Barnaul, Russia

Abstract. The publication provides information about the exhibition project of the Altai State Museum of Local Lore «Nomads. Conquerors of space and time», implemented in 2023. For the first time in the space of exhibition halls with a total area of more than 100 sq. m. the authors of the project presented the theme of the ancient nomads of Altai. The organizers, in partnership with the leading scientific centers of Siberia for the study of Altai archeology, presented over 700 authentic artifacts belonging to various archaeological cultures of the Forest-Steppe and Mountain Altai to the residents of the Altai Territory. In the space of the halls, objects found both as a result of expeditionary research by professional archaeologists and random finds received by the museum from citizens were placed in chronological order.

Keywords: archeology, museum, exhibition, Altai region

Acknowledgments: the author would like to thank A.A. Tishkin, Ya.V. Frolov, O.S. Likhacheva, N.N. Seryogin, N.N. Golovchenko for their support and assistance in the implementation of the project.

For citation: Filippova O.G. Exhibition «Nomads. Conquerors of Spaces and Times» in the Altai State Museum of Local Lore // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 344–347.

Презентация археологического наследия Алтая — одна из приоритетных тем в деятельности КГБУ «Алтайский государственный краеведческий музей» (далее — АГКМ). За последние четыре года тема древнего прошлого региона была представлена частично как в выставочных проектах (выставка отреставрированных предметов «Фонды+», выставка художественных работ Николая Марци «Скифы Сибири. Пробуждение», выставка, посвященная пещерам Алтая «Тайны каменных сводов»), так и культурно-образовательных (студия «Юный археолог», серия мастер-классов, теплоходные экскурсии и др.). Небольшой раздел постоянной экспозиции также посвящен археологии Алтая.

В апреле — мае 2023 г. сотрудники АГКМ впервые представили своим посетителям тематическую выставку по археологии Алтая «Кочевники. Покорители пространств и времен». В пространстве двух выставочных залов организаторы разместили 700 подлинных предметов из собраний четырех учреждений — АГКМ, Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск) (далее — МИКНС СО РАН), Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (г. Бар-

наул) (далее — МАЭА АлтГУ), частного музея «Мир времени» (г. Барнаул). Основная идея выставки — показать мир кочевых и полукочевых сообществ, существовавших на территории Лесостепного и Горного Алтая в поздней древности и средневековье. Задачами проекта также являлись презентация богатого археологического наследия региона; популяризация научных открытий и достижений в области археологического знания; расширение информационного поля жителей и гостей региона по данной теме. Выставка территориально размещалась в выставочном зале АГКМ (г. Барнаул, ул. Ползунова, 39) и занимала два зала общей площадью более 100 кв. м.

При распределении последовательности комплексов археологических предметов учитывался хронологический принцип (сменяемость периодов и археологических культур), географический принцип (деление на Лесостепной и Горный Алтай) и тематический (распределение предметов внутри — вооружение, предметы быта, украшения, конское снаряжение и т.д.). При отборе предметов также учитывалась их аттрактивность и степень сохранности. От экспонирования многих предметов, изготовленных из железа, авторы концепции вынуждены были отказаться ввиду неудовлетворительного их состояния.

Структура выставки включала разделы и подразделы. В основе принципа распределения археологических артефактов внутри разделов находилась современная культурно-хронологическая периодизация, отраженная в издании «История Алтая. Древнейшая эпоха. Древность и средневековье», вышедшем в 2019 г. в Барнауле под общей редакцией д.и.н., профессора А.А. Тишкина (История Алтая, 2019, с. 5–9).

Аржано-майэмирское (раннескифское) время представляли немногочисленные предметы из коллекции АГКМ: бронзовые наконечники стрел (комплекс памятников Ближние Елбаны, поселение и могильник Уралапово и др.), бронзовые ножи (поселение Горелый Кордон-I, Новенькое-XXIV), предметы конского снаряжения (роговые трехдырчатые псалии с городища «Елбанка», бронзовые удила со стремевидными окончаниями из с. Узнезя Чемальского района).

Первый зал в основном включал материалы периода поздней древности из фондов АГКМ (каменная и староалейская археологические культуры, VI–II вв. до н.э.) и МИКНС СО РАН (Горный Алтай, пазырыкская культура, 2-я половина VI — III в. до н.э.), из фондов МАЭА АлтГУ — (Горный Алтай, булан-кобинская культура, II в. до н.э. — середина V в. н.э.).

Предметы староалейской и каменной археологических культур были объединены в один раздел «Скифо-сакское время» и включали такие подразделы, как «скифская триада», предметы культа и быта, украшения. Большой комплекс предметов представлял курганный могильник Камень-II, исследованный В.А. Могильниковым в 1974–1976 гг. вблизи г. Камень-на-Оби в ходе Алейской археологической экспедиции Института археологии АН СССР (Могильников, Куйбышев, 1982, с. 113). Представленный на выставке предметный ряд включал железный боевой чекан, каменные курительницы, керамические сосуды, детали конской узды (псалии, пронизки). Одно из центральных мест в данном разделе занимала также коллекция художественной металлопластики из фондов АГКМ, привлекающая внимание большей части посетителей. Она включала артефакты, выполненные в «скифо-сибирском зверином стиле», которые происходят из погребений Новоалтайского могильника (раскопки Э.М. Медниковой), могильника Клепиково, Новообинского комплекса (клада) у с. Новообинка Петропавловского района Алтайского края, а также случайные находки у с. Штабка. Неизменный интерес также вызывал бронзовый котел с ручками, выполненными в виде фигур стоящих лошадей, найденный в ленточном бору возле Серебренникова Алейского района (Фролов, 2006, с. 106). Предметы из Новотроицкого некрополя, содержавшие золото, располагались в отдельной витрине и включали различные украшения женского головного убора, восьмерковидные серьги, различные пронизки. Все они поступили в музей по результатам совместных многолетних экспедиций А.П. Уманского и В.А. Могильникова, которые проводили исследование данного памятника в 1970–1980-е гг. (Шульга, Уманский, Могильников, 2009).

Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН представил комплекс «эталонных» предметов пазырыкской археологической культуры Горного Алтая. Разнообразие яркого предметного ряда, представляющего животноводов-кочевников скифо-сакского времени, создавали артефакты, выполненные из дерева, войлока, кожи, бересты, бронзы и железа. На выставке экспонировалось более 160 единиц хранения, полученных в ходе многолетних комплексных исследований ученых Института археологии и этнографии СО РАН — д.и.н. В.Д. Кубарева, д.и.н., члена-корреспондента РАН Н.В. Полосьмак, д.и.н. профессора, академика РАН В.И. Молодина. Широкий предметный ряд, включающий разнообразные сосуды, детали костюма, украшения, поясную garnитуру, votивное оружие и другие предметы материальной культуры, происходил из курганных могильников с юго-востока Горного Алтая (Уландрык, Юстыд и др.), а также с плато Укок (Ак-Алаха-1, 3, Верх-Кальджин-2). Жителям и гостям г. Барнаула впервые представилась возможность

познакомиться с лучшими образцами изделий, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле: деталями женских и мужских головных уборов, шейными гривнами, украшениями одежды, кожаными аппликациями, деталями конского снаряжения и др.

Музей археологии и этнографии Алтая АлтГУ презентовал на выставке находки булан-кобинской археологической культуры (II до н.э. — середина V в. н.э.) и представил предметный ряд из двух некрополей, расположенных в Центральном Алтае, — Яломан-II и Степушка-I. Их изучением многие годы занимались ученые Алтайского государственного университета под руководством д.и.н., профессора А.А. Тишкина. Из предметов вооружения экспонировались костяные наконечники стрел из кургана №14 и железные наконечники стрел из кургана №17 курганного могильника Степушка-I (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018). Женские украшения в виде бус из стекловидной пасты и уникальный кожаный пояс с металлической пряжкой в виде ящерицы, являющийся ярким образцом изобразительного искусства, появившимся под влиянием культурных традиций центральноазиатских хунну, происходили из древнего некрополя Яломан-II (Тишкин, Матренин, 2017, с. 81).

Второй зал целиком представлял средневековую эпоху — одну из наиболее ярких страниц истории Алтая, когда он являлся частью тюркских империй Центральной Азии. Представленный на выставке небольшой комплекс предметов из фондов АГКМ включал предметы из курганного могильника и поминального Кара-Коба-I — железные стремена, удила с псалями, цурки, накладка на переднюю луку ленчика седла, украшенная растительным орнаментом. Материалы поступили в музей по результатам археологических работ Института археологии АН СССР под руководством В.А. Могильникова, проходивших в Онгудайском районе Горно-Алтайской автономной области в 1980 г. (Могильников, 1990, с. 137–185). Данный раздел был дополнен двумя металлическими зеркалами из фондов МАЭА АлтГУ, обнаруженными в ходе исследований экспедицией Алтайского госуниверситета могильника Шибе-II, расположенного в Онгудайском районе Республики Алтай.

Предметный ряд артефактов сроткинской археологической культуры (середина VIII — XII в.) являлся одним из наиболее насыщенных. Большая часть представленных на выставке артефактов происходит из комплекса памятников Гилевского водохранилища, исследованных в ходе аварийных раскопок 1970–1980-х гг. под руководством В.А. Могильникова (2002, с. 5–6). Музейному посетителю представили предметы вооружения, снаряжения верхового коня, украшения костюма, предметы быта и орудия труда, многочисленные украшения. Ярким акцентом данного подраздела стал также полуторалезвийный железный меч X–XI вв. — случайная находка с территории Красногорского района Алтайского края (Горбунов, 2017, с. 233).

Оборонительное вооружение тюркских воинов было представлено в научно-художественной реконструкции, выполненной народным мастером Алтайского края В.Г. Замятиным, а также научной реконструкцией Г.Л. Нехведавичюса доспеха тюркского воина из фондов частного музея «Мир времени». Визуальным акцентом этого зала являлась реконструкция поминального комплекса тюркского времени — каменной оградки с изваянием из коллекции АГКМ.

Завершал вставку раздел, включающий материалы монгольского времени из фондов АГКМ. Большая часть предметов относилась к вооружению и включала железные наконечники стрел, боевой топор с Г-образным клинком, уникальную саблю из Кабаково (конец XIII — 1-я половина XIV в. н.э., империя Юань) и другие предметы. Доспехи монгольского воина были представлены в научно-художественной реконструкции В.Г. Замятина.

Все разделы выставки снабжались текстами и аннотациями, графическими реконструкциями разных авторов (Д.В. Позднякова, О.С. Лихачевой), а также рисунками отдельных артефактов (А.Л. Кунгуров, И.А. Чудилин), представленных в различных публикациях. Существенным информационным дополнением выставки стали карты-схемы с расположением памятников различных археологических культур, предоставленные кафедрой археологии, этнографии и музеологии АлтГУ.

Привлечение коллекций ведущих сибирских научных центров в области археологии позволило наиболее полно воспроизвести историю кочевников, проживающих на Алтае в различные исторические периоды, использование подлинных экспонатов помогло представить яркие страницы древней истории.

Во время работы выставки музеем был организован научно-популярный лекторий с приглашением спикеров из Алтайского государственного университета и Алтайохранкультуры. Его слушателями стало более 150 человек, которые получили уникальную возможность общения с учеными-археологами.

Важной частью проекта стал интерактивный комплекс, созданный в рамках реализации гранта губернатора Алтайского края в сфере культуры «Царские курганы Алтая: от науки к творчеству». Он включал VR-приложение модели одного из царских курганов пазырыкской группы и его разборную

диораму. Это результат совместного проекта Автономной некоммерческой организации по развитию культуры и краеведения «Многоликий Алтай», АГКМ, КГБУ ДО «Детский технопарк Алтайского края «Кванториум 22». Презентация комплекса состоялась в рамках акции «Ночь музеев» и вызвала неподдельный интерес участников акции всех возрастов.

Яркое представление «картины прошлого» давно ушедших племен с использованием подлинных археологических артефактов и современных VR и 3D технологий позволило менее чем за 2 месяца привлечь свыше 4000 человек. Около 1,5 тысячи стали участниками экскурсий и лекций.

Выставка «Кочевники. Покорители пространств и времен» — первый масштабный опыт презентации археологического наследия Алтая в пространстве выставочных залов Алтайского государственного краеведческого музея. Его успех стал возможным во многом благодаря поддержке коллег. Автор публикации выражает искреннюю благодарность всем, кто поддержал реализацию данного проекта в ходе многочисленных научных консультаций, предоставил публикации, материалы и фотографии.

Список источников

Горбунов В.В. История поступления археологических коллекций эпохи средневековья с территории Алтая в собрание Алтайского государственного краеведческого музея // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2017. Вып. XXIII. С. 227–235.

История Алтая: в 3 т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / под общ. ред. А.А. Тишкина. Барнаул; Белгород, 2019. 392 с.: ил.

Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 137–185.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. М., 2002. 362 с.: ил.

Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // Советская археология. 1982. №2. С. 113–134.

Тишкин А.А., Матренин С.С. Изделия из художественного металла в поясных гарнитурах кочевников Алтая хуннского времени (по материалам памятника Яломан-II) // Краткие сообщения Института археологии. 2017. №247. С. 74–86.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул, 2018. 368 с.: ил. (Археологические памятники Алтая. Вып. 3).

Фролов Я.В. Коллекция художественной металлопластики эпохи раннего железа из собрания Алтайского государственного краеведческого музея // Труды Алтайского государственного краеведческого музея. Т. II. 2006. С. 105–126.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

Информация об авторе / Information about the Author

Ольга Григорьевна Филиппова, Алтайский государственный краеведческий музей, отдел развития музея, заведующий отделом; 656043, Россия, г. Барнаул, ул. Ползунова, 39, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0001-7859-0942>, ogfilippova@yandex.ru

Olga G. Filippova, Altai State Museum of Local Lore, Department of Museum Development, Head of the Department; 656043, Russia, Barnaul, Polzunova Str., 39, Candidate of Historical Sciences, <https://orcid.org/0000-0001-7859-0942>, ogfilippova@yandex.ru

Статья принята к публикации 14.07.2023.

The article approved after reviewing 14.07.2023

Научная статья / Article

УДК: 903.054(571.17)

DOI: 10.14258/msapea.2023.3.72

АССОРТИМЕНТ ИЗДЕЛИЙ КУЗНЕЦОВ ГОРНОЙ ШОРИИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И АРХИВНЫМ ИСТОЧНИКАМ XVII В.

Юрий Викторович Ширин¹, Роман Андреевич Мартюшов²

¹Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово, Россия;

²Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

Резюме. Обработка большой серии архивных документов XVII в. позволила уточнить наши представления о кузнечной активности металлургов Горной Шории. В документах в числе кузнечной продукции упоминались не только бытовые предметы, но и вооружение — панцири, куяки, шлемы, копья, сабли, наконечники стрел. Мак-

симально разнообразный ассортимент кузнечных изделий брали в счет ясачных сборов в 1-й половине XVII в. Наибольший объем кузнечных изделий был получен от девяти групп кузнечных татар из 31, которые платили ясак. Оружие было получено только в шести из этих девяти групп. Расположение упомянутых в документах ясачных волостей с наибольшими поставками кричного железа и кузнечных изделий хорошо соотносится с размещением изученных археологических памятников металлургии.

Ключевые слова: кузнецы, ясак, Горная Шория, вооружение, кузнечные татары

Благодарности: работа выполнена в рамках гос. задания АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Для цитирования: Ширин Ю.В., Мартюшов Р.А. Ассортимент изделий кузнецов Горной Шории по архивным источникам XVII в. // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 347–351.

PRODUCTS RANGE OF THE MOUNTAIN SHORIA BLACKSMITHS ACCORDING TO THE ARCHIVAL SOURCES OF THE 17TH CENTURY

Yury V. Shirin¹, Roman A. Martyushov²

¹Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS, Kemerovo, Russia;

²European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

Abstract. Processing of a large series of archival documents of the 17th century allowed us to clarify our ideas about the forging activity of the Mountain Shoria blacksmiths. The documents about the blacksmithing, products mentioned not only household items, but also weapons: chain mails, kuyaks, helmets, spears, sabers, arrowheads. The largest volume of blacksmith products was received from 9 groups of Kuznetsk Tatars out of 31 who paid yasak. Weapons were obtained from only six of the nine groups. The location of the yasak volosts mentioned in the documents with the largest supplies of bloomery iron and blacksmith products correlates well with the location of the studied archaeological sites of metallurgy.

Keywords: blacksmiths, yasak, the Mountain Shoria, weapons, Kuznetsk Tatars

Acknowledgments: The work was carried out according to the state task АААА-А21-121012090006-0 “Socio-cultural Genesis and Cross-Border Interaction of Ancient and Medieval Societies in the Contact Zones of Western and Central Siberia”.

For citation: Shirin Yu.V., Martyushov R.A. Products Range of the Mountain Shoria Blacksmiths According to the Archival Sources of the 17th Century // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 347–351.

В конце XVIII в. варка железа и кузнечество в структуре традиционных занятий коренного населения Горной Шории уже не имели такого большого значения, как зафиксированное в русских документах XVII в. Условия, которые могли способствовать угасанию этих ремесел, были весьма противоречивыми и еще требуют своего внимательного исследования (Ширин, 2021б). К началу XX в. жители Горной Шории по хозяйственному укладу, в основном ориентированному на охоту, мало чем отличались от большинства коренных народов таежной зоны Саяно-Алтайского региона. По ряду причин тип хозяйства шорцев в работах первых советских этнографов был заметно архаизирован и описан как реликт древней культуры пеших охотников и рыболовов Северной Евразии. Такой подход к культурной характеристике шорцев неизбежно сказался и на принижении уровня развития местной металлургии в предшествующее время (Потапов, 1936, с. 101–102). При этом специальных исследований по истории металлургии кузнечных татар с опорой на комплекс археологических и архивных источников XVII–XVIII вв. никто не проводил вплоть до недавнего времени. Разрозненные сведения по этой теме извлекались из единичных случайно опубликованных документов и чаще всего использовались в качестве своеобразных иллюстраций, без должной критики. На археологическом материале продукция кузнечных татар также пока плохо изучена. Среди кузнечных изделий XVII–XVIII вв., полученных при раскопках Кузнецка и его окрестных деревень, типологически выделены предметы, которые с высокой вероятностью могли быть изготовлены кузнечными татарами. В их числе: наконечники стрел, пластины доспехов, фрагменты конской упряжи, ножи и некоторые инструменты, курительные трубки, а также крицы весом от 280 до 480 г (Ширин, 1999, с. 212; Зиняков, 2014, с. 82–93; Ширин, Ермолаев, 2019, с. 383). Также в качестве вещей «шорского производства» предлагалась атрибуция для некоторых предметов защитного вооружения, найденного на сопредельных Кузнецкому краю территориях (Сунчугашев, 1979, с. 162–163; Бобров, Худяков, 2008, с. 652). Но эти гипотезы пока не получили необходимого

подтверждения. Кузнечных инструментов XVII–XVIII вв. на территории Горной Шории также пока известно единицы.

Отсутствие в музейных собраниях достоверных образцов кузнечной продукции XVII–XVIII вв. из Горной Шории, а также скудость археологических источников усиливали нарастающий в историографии скептицизм в оценках значения этого металлургического центра (Martyushov, Shirin, 2018, p. 917). Стало понятно, что без привлечения новых источников эту проблемную ситуацию прояснить будет сложно.

Для начала нами была проведена ревизия уже имеющихся археологических источников, а также активизированы полевые археологические исследования металлургии кузнечных татар. Были получены новые, весьма обнадеживающие результаты, показывающие перспективность этого научного направления (Ширин, 2019; Ширин, Ермолаев, 2019; Асочакова, Ширин, 2020). В том числе проведена серия натуральных реконструкций плавок железа с целью прояснения характера древних технологических процессов и расчета трудозатрат (Ширин, 2021б; Ширин, Водясов, Зайцева, 2021). Но накопление, обработка и осмысление получаемых в ходе раскопок и экспериментов материалов еще потребуют многих лет кропотливого труда большого коллектива специалистов. Параллельно, для формирования более целостной картины кузнечной активности металлургов Горной Шории, была продолжена работа и по выявлению письменных источников. Прежде всего нас интересовали сведения о распределении варки железа и кузнечества по волостям, о профессиональных навыках кузнецов и качестве их продукции. В ранних публикациях без опоры на источники утверждалось, что «все» обитатели верхотомских, мрасских и кондомских волостей владеют кузнечными навыками и плавят железо. Но больше это не воспринималось как вполне допустимое обобщение. В уже известных документах в перечне изделий кузнечных татар упоминались не только бытовые предметы, но и вооружение — панцири, бехтерцы, куюки, шлемы, копыя, рогатины, сабли, наконечники стрел. Все эти сведения также происходят из документов общего характера, где не оговаривались ни объемы, ни качество продукции, ни центры производства. Зная о существовании прямой рекомендации царской администрации брать предметы вооружения в зачет государева ясака (ОР РГБ. Сборник грамот. №202. Л. 1–7), мы сосредоточили свое внимание на анализе сохранившихся ясачных книг Кузнецкого уезда. Пока нами прочитана лишь незначительная их часть — от одной до четырех книг за каждое десятилетие XVII в., но и этого числа уже достаточно для предварительных выводов.

Подтвердились наши ожидания: ясачные книги действительно содержат важные сведения, позволяющие скорректировать представление о степени распространенности металлургии железа в ясачных волостях. Следует учитывать, что в состав ясака, который собирался наиболее ценными мехами, иные категории поступали крайне редко, особенно на ранних этапах объясачивания сибирского населения. Из документа 1631 г. мы знаем, что воеводам Кузнецка прямо предписывалось брать ясак железом лишь в самых крайних случаях (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 30. Л. 480.). Чаще всего послабления случались, когда был «год не соболист». Таким образом, кузнечные изделия попадали в состав ясака редко, нерегулярно и в количествах, вряд ли отражающих реальные объемы производства. Но даже с учетом отмеченных ограничений, важных для интерпретации сведений ясачных книг, мы можем отметить разную степень вовлеченности ясачного населения из разных волостей в черную металлургию и кузнечество, в том числе и в изготовление вооружения. Анализ записей ясачных книг за длительный период позволяет выделить волости, особенно активные как в производстве кричного железа, так и в кузнечестве. Важно отметить, что расположение упоминаемых в документах ясачных волостей с наиболее объемными поставками железа и изделий из него хорошо соотносится с размещением изученных археологических памятников металлургии Нового времени и с характером полученных в ходе их раскопок материалов (Ширин, 1999, рис. 1; 2021а, рис. 1).

Требуется отдельного анализа и то, как отражались в составе ясака меняющиеся тенденции в отношении к кузнечной деятельности кузнечных татар со стороны царской администрации. Начиная с 1623 г. воеводы, следуя указам царя, периодически пытались наложить запрет на торговлю ясачного населения с кочевниками предметами вооружения — «куюками, шапками железными, копыями, рогатинами и никакой ратной збруей» (ОР РГБ. Собрание грамот. №202. Л. 1–11). В ответ на очередное подобное предписание, полученное в 1641 г., кузнецкий воевода А.И. Зубов в своей отписке царю Михаилу Федоровичу в 1644 г. сообщал, что ясачные люди отказываются выполнить этот приказ, заявляя, что «...тем де мы ясачные люди и живем». А.И. Зубов писал, что якобы «...ясачные люди, кондомские и мрасские, приготовили на продажу черным и белым калмыкам больши дву тысяч куюков и шапок железных против того ж» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 136. Л. 352). По сведениям из другого источника,

кроме прочего железа, которое приобрели джунгары во время их прохода в 1644 г. через кондомские и мрасские волости «в киргизы», действительно перечислены (без указания числа) куяки, шлемы, стрелы и копья (РГАДА. Ф. Зюнгорские дела, 1645 г. Д. 1. Л. 34–39).

В ясачных книгах Кузнецкого острога за просмотренные нами 12 лет XVII в. (1627, 1630, 1631, 1636, 1637, 1642, 1649, 1650, 1661, 1671, 1681, 1697 гг.) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 8. Л. 1–33об.; Оп. 1. Д. 22. Л. 706–757; Д. 32–42. Л. 959–1005об.; Д. 71. Л. 1–47; Д. 127. Л. 226–301; Д. 154. Л. 268–373; Д. 271. Л. 368–389об.; Д. 271. Л. 390–542; Д. 426. Л. 1–137; Д. 713. Л. 425об.–617; Д. 716. Л. 1090–1266об.; Д. 1137. Л. 1–92об.) среди кузнечных изделий, принятых русскими сборщиками в счет ясака, кроме железных криц упомянуты: таган (846), котел (27), обыл (6), озуп (1), кирка (8), бугач (3), ширим (1), шапка железная (36, из них 3 — с пластинчатыми бармицами), куяк на коже (2), полицы куяшные (1 набор), копы или рогатина (4), сулема (2), стремя (1 пара). Вызывает затруднение номинация некоторых изделий. *Обыл* и *озуп* достаточно хорошо идентифицируются на этнографическом материале как традиционные сельскохозяйственные орудия; *куяк* — доспех из приклепанных к мягкой основе стальных пластин (*полиц*); *сулема* — разновидность сабли; *кирка* — это, скорее всего, тесло (*керге*). Осталось не ясным, что такое *бугач* (возможно, небольшой котелок) и *ширим*.

Максимально разнообразные кузнечные изделия брали в счет ясачных сборов преимущественно в 1-й половине XVII в. Как видно из приведенного перечня, объемы оружия, которое можно было изъять из торговли с кочевниками без большого ущерба для пушной доли ясака, были весьма незначительными. Для многих дальних волостей сохранялся статус двоеданцев, и ясачные осознанно приберегали большую и лучшую часть кузнечной продукции для выплаты алмана.

Русский рынок был не только не в состоянии обеспечить нужный спрос на железные изделия кузнецких татар, но и не мог предложить им в обмен необходимые товары в достаточном объеме. Относительно востребованным было только железо как сырье. Видимо, поэтому в ясачных сборах преобладали именно крицы, а примерно с 1660-х гг. из кузнечных изделий в ясаке можно встретить, пожалуй, только таганное железо, максимально удобное для переделки. Железо, как сырье, иногда поступало из Кузнецка на продажу в другие сибирские города (Вилков, 1967, с. 58).

В 1655 г. кузнецкий воевода Ф.Е. Баскаков в ответ на грамоту Сибирского приказа писал «*И в нынешнем, государь, во 163-м году августа в 9 день послал я, холоп твой, к тебе, к государю, к Москве, тринадцать шапок железных простых, на сукна не набиваны, да двести шездесят шапочных полиц, да триста девяносто гвоздья железных, чем набивать на ушки шапочные полицы, и те твои государевы шапки посланы к тебе, ко государю, к Москве, осыпаны овсяною мукою, за твоею государевою кузнецкою печатью*» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 471. Л. 27). Такие пересылки были весьма не рентабельны для казны, а оружие было относительно дорогим. Куяк на коже принимался за 5–8 соболей, шапка железная — за 3–4 соболя, сулема — за соболя, 2 копы — за соболя. Для сравнения, в счет ясака за соболя брали не менее пуда криц железа.

К сожалению, дополнить информацию ясачных книг по ассортименту изделий кузнецких татар сведениями из иных документов крайне сложно. Воевода А.И. Зубов прямо пишет, что «...в Кузнецкий, государь, острог твои государевы ясачные люди куяков и шапок железных и никакой ратной збруи и черново железа продавать не приносят» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 136. Л. 350–351). Судя по всему, кузнецы, ориентируясь на более выгодный рынок сбыта, если и выполняли единичные заказы служилых людей в обмен на нужные им товары (Крижанич, 1965, с. 419), то участники таких сделок явно уклонялись от их документальной фиксации. В налоговых записях о сборах с торговых сделок упоминаний изделий кузнецов из ясачных волостей практически нет.

Среди ясачных волостей наибольший объем кузнечной продукции в течение нескольких лет получен из девяти ясачных групп: из Базаракова и Сазымова улусов на Томи, из Бежбоякова, Енданова и Тугоякова улусов в нижнем течении Мрассу, из Бокчетаева и Когудеева улусов, а также Итиберской и Сарачорской волостей на Кондоме. Но пока только в шести ясачных группах отмечены поставки предметов вооружения — из Бежбоякова, Енданова, Тугоякова и Бокчетаева улусов, а также из Итиберской и Сарачорской волостей. Такое соотношение представляется не случайным. Из этих же волостей и улусов получены максимальные объемы и кричного железа (Ширин, 2021а, рис. 1), что показывает наиболее высокий уровень развития железоделательного ремесла именно у этих групп ясачного населения.

С учетом этих данных известно наблюдение Г.Ф. Миллера, записанное им по итогам поездки по Кузнецкому уезду в 1734 г., наполняется более емким содержанием. Он писал: «*Живущие здесь (у богатых месторождений руды. — Ю.Ш., Р.М.) ...татары стремятся по своим возможностям лучше исполь-*

звать это данное природой богатство и плавят руду ...в маленьких ручных печах в железо. В Бешба-
яковой и Елейской волостях по Мрасе имеются различные улусы, которые почти исключительно от
этого имеют себе пропитание, а по Кондоме все волости, исключая последнюю Карачерскую, занима-
ются этим ремеслом. Они издавна, с первого завоевания этих мест, уплачивали свой ясак выплавлен-
ным ими железом, что, однако, позднее переменилось, когда в Сибири сами начали использовать желез-
ную руду. ...Калмыки, невзирая на то, что эти местности были объяснены с русской стороны, все же
не прекратили требовать с них старый ясак для себя. ...Те татары, которые плавят железо, имеют
перед остальными преимущество в том, что они еще постоянно могут приносить этому народу ясак
своим железом, вместо мехов. Некоторые же волости, которые не имеют поблизости железной руды
или не умеют ее плавить, покупают железо у других для ясака калмыкам» (Миллер, 2003, с. 78).

Дальнейшие целенаправленные археологические и архивные поиски не только помогут еще боль-
ше конкретизировать существующие оценки уровня развития металлургии и кузнечного ремесла ко-
ренных жителей Южной Сибири в XVII–XVIII вв., но и значительно продвинут нас в понимании усло-
вий трансформации их хозяйственных укладов в течение нового времени.

Список источников

Асочакова Е.М., Ширин Ю.В. Морфология и геохимия кузнечных шлаков из Горной Шории // Сибирские
исторические исследования. 2020. №2. С. 111–124.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху
позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV — первая половина XVIII в.). СПб., 2008. 784 с.

Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967. 324 с.

Зиняков Н.М. К вопросу об особенностях кузнечного производства Кузнецкого острога и окрестных дере-
вень в XVII–XVIII вв.: на основе металлографических исследований // Культура русских в археологических ис-
следованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. Т. I. С. 82–93.

Крижанич Ю. Политика. М., 1965. 735 с.

Миллер Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской Провинции в Сибири в нынешнем его состоянии,
в сентябре 1734 г. // Кузнечная старина. Новокузнецк, 2003. Вып. 5. С. 63–85.

Потапов Л.П. Очерки по истории Шории. М.; Л., 1936. 260 с.

Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии (эпоха железа). Новосибирск, 1979. 192 с.

Ширин Ю.В. Металлургия кузнечных татар в XVIII веке // Вопросы археологии и истории Южной Сибири.
Барнаул, 1999. С. 209–216.

Ширин Ю.В. Металлургический комплекс кузнечных татар на поселении Шартон-1 // Вестник ТГУ. История.
2019. №6. С. 192–201.

Ширин Ю.В. Локализация ясачных волостей кузнечных татар в XVII — первой четверти XVIII века // Уче-
ные записки музея-заповедника «Томская Писаница». Кемерово, 2021а. Вып. 13. С. 97–103.

Ширин Ю.В. Трансформация металлургического комплекса в структуре хозяйственных занятий кузнечных
татар в XVII–XVIII вв. // Язык. Культура. Этнос. Чтения памяти Э.Ф. и Ф.Г. Чиспиковых. Новокузнецк; Красно-
ярск, 2021б. С. 352–355.

Ширин Ю.В., Водясов Е.В., Зайцева О.В. Экспериментальное изучение черной металлургии кузнечных та-
тар // Геоархеология и археологическая минералогия — 2021. Миасс; Челябинск, 2021. С. 172–178.

Ширин Ю.В., Ермолаев М.А. Проблема интерпретации металлургических площадок на средневековых па-
мятниках Горной Шории // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXV. Барнаул,
2019. С. 381–385.

Martyushov R.A., Shirin Yu.V. Difficulties Interpreting of Written and Archaeological Sources of Information of Fer-
rous Metallurgy of the Kuznetsk Tatars // Bylye Gody. 2018. Vol. 49, Is. 3. P. 915–930.

Информация об авторах / Information about the Authors

Юрий Викторович Ширин, Федеральный исследовательский центр угля и углекислоты Сибирского отделе-
ния Российской академии наук, Институт экологии человека, старший научный сотрудник; 650000, Россия, г. Ке-
мерово, Советский пр-т, 18, кандидат исторических наук, <https://orcid.org/0000-0002-2116-1677>, shirin_a@mail.ru

Yury V. Shirin, The Federal Research Center of Coal and Coal-Chemistry Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences, Institute of Human Ecology, Senior Researcher; 650000, Russia, Kemerovo, Sovetsky Ave., 18, Candidate of
History, <https://orcid.org/0000-0002-2116-1677>, shirin_a@mail.ru

Роман Андреевич Мартюшов, Европейский университет в Санкт-Петербурге, магистрант; 191187,
г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А, <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0001-9599-7277>, martyushov-romanandreevich@gmail.com

Roman A. Martyushov, European University at St. Petersburg, Master's Student; 191187, Russia, St. Petersburg, Gaga-
rinskaya Str., 6/1A, <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0001-9599-7277>, martyushovromanandreevich@gmail.com

Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.

Научная статья / Article
УДК: 903.02:069(571.150)
DOI: 10.14258/msapea.2023.3.73

**КОМПЛЕКС АНТИЧНОЙ КЕРАМИКИ
ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ МАУ «ЭКОЦЕНТР»**

**Александр Викторович Шмидт^{1, 3}, Светлана Юрьевна Измайлова²,
Руслана Богдановна Галив³**

¹Музей Природы и Человека, Ханты-Мансийск, Россия

²Казанский федеральный университет, Казань, Россия

³Региональный историко-культурный и экологический центр, Мегион, Россия

Резюме. В археологической коллекции музея «Экоцентр» хранится 19 фрагментов античной посуды, найденной вблизи Ростова-на-Дону на одном из базовых памятников скифо-античного периода Северного Причерноморья — Елизаветовском городище. Керамика представляет собой обломки различных древнегреческих сосудов: ойнохой, болсала, канфара, киликов, скифоса, мегарской чаши, амфор, светильников и различных блюд. Статья направлена на решение вопроса: каким образом артефакты из Северного Причерноморья оказались в небольшом краеведческом музее, расположенном в Западной Сибири.

Ключевые слова: античная керамика, Елизаветовское городище, музей, Северное Причерноморье, Западная Сибирь

Для цитирования: Шмидт А.В., Измайлова С.Ю., Галив Р.Б. Комплекс античной керамики из археологической коллекции МАУ «Экоцентр» // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 352–356.

**A COMPLEX OF ANTIQUE CERAMICS
FROM THE ARCHAEOLOGICAL COLLECTION OF THE “ECOCENTR” MUSEUM**

Alexandr V. Shmidt^{1, 3}, Svetlana Yu. Izmaylova², Ruslana B. Galiv³

¹Museum of Nature and Human, Khanty-Mansiysk, Russia

²Kazan Federal University, Kazan, Russia

³Regional Historical, Cultural and Ecological Center, Megion, Russia

Abstract. The archaeological collection of the “Ecoentr” Museum contains 19 fragments of antique tableware. Ceramics were found near Rostov-on-Don on the base monument of the Scythian-antique period of the Northern Black Sea region — the settlement of Elizavetovskoe. Ceramics are fragments of various ancient Greek vessels: oinochoe, bolsal, kantharos, kylix, skyphos, “megarion” bowl, amphorae, lamps, etc. The article is aimed at solving the question: how did artifacts from the Northern Black Sea region end up in a small museum in Western Siberia.

Keywords: antique ceramics, the settlement of Elizavetovskoe, museum, Northern Black Sea region, Western Siberia

For citation: Shmidt A.V., Izmaylova S.Yu., Galiv R.B. A Complex of Antique Ceramics from the Archaeological Collection of the “Ecoentr” Museum // Modern Solutions to Current Problems of Eurasian Archaeology. Vol. III. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2023. P. 352–356.

Достаточно часто в фондах краеведческих музеев оказываются экспонаты, назначение и/или происхождение которых определить очень сложно. Особенно это характерно для так называемых «ранних поступлений». Неточности или полное отсутствие информации о предмете (неизвестно, кто сдатчик и дата приемки, нет легенды, ошибочный номер в Книге поступлений и т.п.) вынуждают сотрудников проводить целые детективные расследования, чтобы выяснить хоть какую-то историю экспоната (напр.: Волков, Белоусов, Кирюшин, 2007, с. 15–16). В археологической коллекции МАУ «Экоцентр» (г. Мегион) такими «непонятными» экспонатами стали фрагменты керамики античного облика, происходящие с т.н. «Елизаветинского городища» под Ростовом-на-Дону (Акты приема в постоянное хранение №62 от 08.11.1991; №63 от 09.11.1991; №64 от 09.11.1991), на которые обратили внимание в ходе сверки в 2022 г.

Всего коллекция насчитывает 19 обломков посуды, отличающейся большим типологическим разнообразием:

- фрагмент ойнохой с частью рукояти, датируемый V–III вв. до н.э. (рис. 2.-3). Ойнохоя — это древнегреческий кувшин с одной ручкой и широким раструбом устья, завершающимся тремя сливами. Такие сосуды, предназначенные для разливания вина за пиршественным столом, известны с эпохи крито-минойской культуры;

- фрагмент ручки крупной амфоры V–IV вв. до н.э. (рис. 1.-2). По мнению исследователей, такие амфоры изготавливали на греческом острове Хиос в Эгейском море;
- ручка от чернолакового болсала, выполненного в IV в. до н.э. (рис. 2.-1). Чаши типа «болсал» изготавливаются с низким поддоном. Они имеют практически вертикальные стенки, утонченный верхний край и петлевидные ручки, прикрепленные почти горизонтально к тулову сосуда;
- фрагмент канфара (древнегреческий сосуд для питья в форме кубка с двумя вертикальными ручками) с налепом на ручке. Конец IV — III в. до н.э. (рис. 1.-1);
- горлышко чернолакового флакона IV–III вв. до н.э. (рис. 1.-8);
- носик от открытого масляного светильника IV–III вв. до н.э. (рис. 1.-3);
- фрагмент расписного керамического рыбного блюда V–IV вв. до н.э. (рис. 2.-4);
- фрагмент донца чернолаковой миски со штампованным орнаментом IV — начала III в. до н.э. (рис. 2.-9);

Рис. 1. Античная керамика из фондов музея «Экоцентр»
Fig. 1. Antique ceramics from the funds of the "Ecoentr" Museum

Рис. 2. Античная керамика из фондов музея «Экоцентр»
 Fig. 2. Antique ceramics from the funds of the "Ecoentr" Museum

- фрагмент ножки чернолакового килика V в. до н.э. (рис. 2.-2). Килик — древнегреческая неглубокая круглая чаша с широким устьем, на ножке, с двумя горизонтальными ручками по бокам;
- фрагмент венчика чернолаковой чаши IV–III вв. до н.э. (рис. 1.-7);
- фрагмент дна чернофигурного скифоса V–IV вв. до н.э. (рис. 2.-5). Скифос — древнегреческая керамическая чаша для питья на низкой ножке с двумя горизонтально расположенными ручками;
- фрагмент ручки килика V–IV вв. до н.э. (рис. 1.-5);
- фрагмент венчика килика (рис. 1.-4). По характеру исполнения декоративной росписи можно предположить, что чаша изготовлена в Ионии (область на западном побережье Малой Азии у Эгейского моря) во 2-й четверти VI в. до н.э.;
- фрагмент стенки столовой амфоры VI — начала V в. до н.э., расписанной с внешней стороны желтой и красной красками (рис. 2.-8);

- фрагмент миски со штампованным орнаментом, покрытой зеленой глазурью — IV в. до н.э. (рис. 2.-6);
- фрагмент венчика расписного килика, датируемого началом V в. до н.э. (рис. 2.-7);
- в коллекции присутствуют фрагменты дорогой посуды. Прежде всего венчик мегарской чаши IV в. до н.э. Это разновидность изысканных керамических сосудов периода эллинизма. Свое название они получили от города Мегара (42 км к западу от Афин), где находился один из ведущих центров производства этой посуды. Чаши имеют характерную полусферическую форму. Их изготавливали в формовочных матрицах с награвированным декором. На оттиске получались выпуклые, рельефные изображения. В короткое время мегарские сосуды приобрели популярность и их выпуском стали заниматься многие мастерские в Аттике и западной части Малой Азии. Рельефный декор мегарских чаш имеет множество вариаций, но основные — цветочные орнаменты. У нашего фрагмента в видимой части нанесено рельефное изображение гирлянды, растительный орнамент и орнитоморфная фигура (рис. 2.-10);
- фрагмент закрытого светильника, покрытого черной глазурью (V–III вв. до н.э.). Как и мегарская чаша, светильник профилирован в формовочной матрице с награвированным декором. В результате на оттиске получилось рельефное изображение, напоминающее уложенные одна к другой ноги парнокопытных (рис. 1.-9). Скорее всего, речь идет о быках, так как культ данного животного получил широкое распространение в Средиземноморье еще со времен крито-микенской цивилизации.

Работа с материалом позволила выяснить, что изначально в названии памятника «Елизаветинское городище» допущена ошибка. В действительности в 4 км к юго-западу от г. Ростов-на-Дону, в островной части дельты Дона расположено Елизаветовское городище — один из базовых памятников скифо-античного периода Северного Причерноморья.

Возникнув на рубеже VI–V вв. до н.э. как сезонная стоянка, в IV в. до н.э. Елизаветовское городище превращается в стационарное поселение городского типа — восточный региональный центр Скифского государства. Его выгодное расположение позволило скифам поставить под свой контроль важный перекресток транспортных коммуникаций (Копылов, 2016), а городу — стать крупным торговым центром.

Основу экономики Елизаветовского городища составило промысловое рыболовство, превратившееся в ведущую экспортную отрасль хозяйства поселения. Кроме этого, относительно важную роль играло отгонно-пастбищное скотоводство. Торговля осуществлялась с племенами сарматов и меотов, но прежде всего с греческими колониями, представлявшими Боспорское царство. На территории поселения даже существовал так называемый «греческий квартал» со своим подобием акрополя (Марченко, Житников, Копылов, 2000).

В конце IV в. до н.э. скифское поселение городского типа прекратило функционировать, и на его месте Боспор основал Большую греческую колонию. Есть мнение, что исход скифского населения из дельты Дона стал следствием победы Эвмела в династической борьбе 310–309 гг. до н.э. Тогда скифы поддержали законных наследников престола, которые потерпели поражение. Отсутствие следов военного вторжения свидетельствует о том, что переход Елизаветовского городища под патронаж Боспорского царства произошел мирным путем.

С приходом греков основные функции, характеризовавшие в прошлом скифское поселение, значительно расширились: Елизаветовское городище по-прежнему занимает центральное положение среди других подобных объектов городского типа Нижнего Подонья и Северо-Восточного Приазовья; колония становится главным центром международной оптовой торговли в регионе; город обрел черты крупного ремесленного центра — единственного в Северо-Восточном Приазовье. По мнению исследователей, в 1-й трети III в. до н.э. на территории Елизаветовского городища проживало более 2,5 тыс. чел. (Копылов, 2008).

Став в конце IV в. — 1-й четверти III в. до н.э. крупнейшим в регионе центром международной торговли, Большая греческая колония почти в два раза нарастила общий ввоз продукции в керамической таре. Это подтверждают многочисленные обломки греческих амфор и другой импортной посуды, найденные в ходе археологических исследований памятника. Судя по клеймам на керамике, товары поступали из таких крупных греческих полисов, как Синоп, Гераклея, Фасос, Амастрия, Колхида, Родос, Книд, остров Кос и других средиземноморских центров. С рынков Елизаветовского городища импортная продукция расходилась как по другим греческим городам Боспора, так и по «варварским» племенам — скифам, сарматам, меотам.

В 1-й половине III в. до н.э. греческая колония дважды подвергалась нападению, предположительно со стороны кочевых племен. После первого вторжения разрушенные и сожженные постройки были

вновь восстановлены и поселение продолжило функционировать. Окончательно Елизаветовское городище было уничтожено во второй половине 70-х или середине 60-х гг. III в. до н.э. Следы пожаров и разрушений обнаружены на всей исследованной площади, что говорит об одномоментном уничтожении колонии. Останки погибших жителей так и остались лежать среди развалин. Город исчез с карты истории на 2000 лет.

Раскопки Елизаветовского городища проводятся с 1824 г., а с 1964-го полевые работы осуществляются ежегодно Южно-Донской археологической экспедиций. На сегодняшний момент исследованная площадь памятника превышает 20000 м².

Хронология керамики из археологической коллекции МАУ «Экоцентр» вполне соотносится с этапами функционирования Елизаветовского городища. Ее принадлежность к данному памятнику в принципе не вызывает сомнений. Однако возник логичный вопрос: каким образом фрагменты античной посуды из Северного Причерноморья попали в фонды небольшого музея, расположенного в Западной Сибири (фамилия сдатчика в документах не прописана)?

По этому поводу выдвигались разные предположения. Правильный путь поиска подсказали другие экспонаты из археологической коллекции Экоцентра — неолитические нуклеусы, в Карточках научного описания которых значилось: «Время и документы поступления: 02.1989 г. от Яковенко Э.В. археологические раскопки. Передал профессор института г. Чернигова. Акт приема в постоянное хранение №13 от 02.02.1989».

Элеонора Викторовна Яковенко — профессор кафедры всеобщей истории Черниговского педагогического института. Тема ее докторской диссертация: «Скифы на Боспоре (греко-скифские отношения в VII–III вв. до н.э.)». В 1976–1986 гг. участвовала в раскопках Елизаветовского городища в составе Южно-Донской археологической экспедиции. Прямая связь очевидна, однако Э.В. Яковенко никогда не была в Мегионе.

Зато в Черниговском педагогическом институте училась Виктория Ивановна Сподина — основатель первого в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре школьного этнографического музея. Впоследствии музей стал городским, а затем был преобразован в МАУ «Экоцентр». В институте Виктория Ивановна посещала занятия Э.В. Яковенко. В 1979 г., будучи студенткой 2-го курса, участвовала в раскопках Елизаветовского городища, где и собрала по отвалам коллекцию античной керамики, которая уже не представляла научной значимости для исследователей. Став учителем истории, В.И. Сподина использовала эти фрагменты в своей преподавательской деятельности в качестве учебного пособия. В дальнейшем эти и другие археологические предметы, привезенные из Чернигова, были переданы в фонды музея города Мегион, которым Виктория Ивановна руководила много лет.

Список источников

Волков П.В., Белоусов Р.В., Кирюшин К.Ю. Калданный камень из археологических собраний Каменского краеведческого музея // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул, 2007. С. 13–17.

Копылов В.П. Большая греческая колония на месте Елизаветинского городища (к проблеме двух Танаисов) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. №6. С. 60–64.

Копылов В.П. О времени сооружения оборонительных рубежей Елизаветовского городища // Боспорские исследования. 2016. №32. С. 3–11.

Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. М., 2000. 281 с.

Информация об авторах / Information about the Authors

Александр Викторович Шмидт, Музей Природы и Человека, заведующий отделом археологии; 628011, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 11, кандидат исторических наук; tison172@mail.ru

Alexandr V. Shmidt, Museum of Nature and Human, Department of Archaeology, Head of the Department; 628011, Russia, Khanty-Mansiysk, Mira Str., 11; Candidate of Sciences (History), tison172@mail.ru

Светлана Юрьевна Измайлова, Казанский федеральный университет, Департамент образования, ведущий специалист; 420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, svetlyachok2004@mail.ru

Svetlana Yu. Izmaylova, Kazan Federal University, Department of Education, Leading Specialist; 420008, Russia, Kazan, Kremlyovskaya Str., 18, svetlyachok2004@mail.ru

Руслана Богдановна Галив, Региональный историко-культурный и экологический центр, директор; 628684, Россия, ХМАО-Югра, г. Мегион, ул. Заречная, 16б, <https://ecocentr-megion.ru/>, rgaliv@mail.ru

Ruslana B. Galiv, Regional Historical, Cultural and Ecological Center, Director; 628684, Russia, KhMAO-Yugra, Megion, Zarechnaya Str., 16b, <https://ecocentr-megion.ru/>, rgaliv@mail.ru

*Статья принята к публикации 14.07.2023.
The article approved after reviewing 14.07.2023.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГКМ — Алтайский государственный краеведческий музей.
АлтГПУ — Алтайский государственный педагогический университет.
АлтГУ (АГУ) — Алтайский государственный университет.
АН — Академия наук.
АО — Археологические открытия.
АРТ — Археологические работы в Таджикистане.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика.
БМАК — Бактрийско-Маргианский археологический комплекс.
ВолГУ — Волгоградский государственный университет.
ВООПИиК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры.
ГАУ НСО — Государственное автономное учреждение Новосибирской области.
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ГЭ — Государственный Эрмитаж.
ДВО — Дальневосточное отделение.
ДВФУ — Дальневосточный федеральный университет.
ИА — Институт археологии.
ИАЭТ — Институт археологии и этнографии.
ИТУ — Императорский Томский университет.
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока.
ИИМК — Институт истории материальной культуры.
ИМКЭС — Институт мониторинга климатических и экологических систем.
ИОКМ — Иркутский областной краеведческий музей им. Н.Н. Муравьева-Амурского.
ИРНТУ — Иркутский национальный исследовательский технический университет.
ИС — исходное сырье.
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории.
КАЭЭ — Камская археолого-этнографическая экспедиция.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии.
МАО АНИЦ — Музей арктической археологии им. С.А. Федосеевой Арктического научно-исследовательского центра.
МАИКЦА — Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии.
МАО — Московское археологическое общество.
МГУ — Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
НАН — Национальная академия наук.
НАНТ — Национальная академия наук Таджикистана.
НГУ — Новосибирский государственный университет.
НИР — Научно-исследовательские работы.
НМ — Национальный музей.
ОАН — объект археологического наследия.
ПГГУ — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

ПЦФ — программно-целевое финансирование.
РА — Российская археология.
РАН — Российская академия наук.
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд.
РК — Республика Казахстан.
РНФ — Российский научный фонд.
РО НА — Рукописный отдел Научного архива.
РТ — Республика Татарстан.
САИ — Свод археологических источников.
СахГУ — Сахалинский государственный университет.
СНГ — Содружество Независимых Государств.
СО — Сибирское отделение.
СОКМ — Свердловский областной краеведческий музей им. О.Е. Клера.
СССР — Союз Советских Социалистических Республик.
ТАЭ — Тувинская археологическая экспедиция.
ТГПИ — Томский государственный педагогический институт.
ТГУ (ТомГУ) — Томский государственный университет.
ТНИИЯЛИ — Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории.
УрО — Уральское отделение.
ФМ — формовочные массы.
ФНЦ — Федеральный научный центр.
ХКМ — Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова.
ХМАО-Югра — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра.
ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза.
ЦКП — Центр коллективного пользования.
ЮУрГУ — Южно-Уральский государственный университет.
ЮУ ФНЦ МиГ — Южно-Уральский федеральный научный центр минералогии и геоэкологии.
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ.
ЯФ — Якутский филиал.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ СОВРЕМЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

<i>Автушкова А.Л., Плахута Д.О.</i> К проблеме археологического изучения озера Чаны	3
<i>Анзулис Я.Е.</i> Жилища и хозяйственные постройки Новоселищенского городища (западное Приморье)	8
<i>Варенов А.В.</i> О количестве оленей на оленных камнях Ушкийн Увэра	12
<i>Виноградов Д.А.</i> К вопросу о тагарской культуре в Красноярской лесостепи	18
<i>Герасимов Ю.В., Корусенко М.А.</i> Городище Веселый-I и некоторые вопросы формирования южной границы таежных культур эпохи раннего средневековья в Среднем Прииртышье	23
<i>Грушин С.П.</i> Алексей Алексеевич Тишкин в «бронзе»	28
<i>Жогова Н.А., Бусова В.С., Семенов А.В.</i> История исследований и современный этап изучения стоянок эпохи бронзы — раннего железного века Тувы	35
<i>Мандрыка П.В.</i> Методика изучения археологических объектов, углубленных в однородные песчаные грунты	41
<i>Марсадалов Л.С., Зяблицкий С.С.</i> Горные структуры Алтая и пазырыкская культура	44
<i>Тихонов С.С.</i> О маркерах границ проживания населения Сибири	51
<i>Цыбиктаров А.Д.</i> Специфика культурно-исторического развития населения степей Монголии и Южного Забайкалья в эпоху бронзы и раннего железа	54

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Валиулина С.И., Соловьева Е.Н., Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Сыроватский В.В.</i> Химический состав стеклянных бус из археологических памятников Якутии	59
<i>Епимахов А.В.</i> Диагностирование мобильности по данным анализа изотопии стронция: возможности и ограничения	63
<i>Завьялов В.И., Терехова Н.Н.</i> Средневековая черная металлургия в свете экспериментальных данных	66
<i>Куслий М.А., Графодатский А.С., Тишкин А.А.</i> Генетические исследования древних и современных лошадей Алтая и сопредельных территорий	70
<i>Маргарян К.Г., Таиров А.Д.</i> Естественно-научные исследования могильника Кичигино-I в Южном Зауралье	79
<i>Тишкин А.А., Омаров Г.К., Калитова Н.</i> Предварительные определения состава металлических изделий из археологической коллекции музея с. Курчум (Восточный Казахстан)	85
<i>Тишкин А.А., Шнайдер С.В., Баранова С.В., Черноносков А.А., Ершова О.В., Срывкина Ю.В., Коваль В.В.</i> О возможности применения ZooMS-анализа при изучении древних изделий из кожи	90
<i>Фролов Я.В., Тишкин А.А.</i> Фрагменты металлических котлов с территории лесостепного Алтая	94

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

<i>Белова И.В., Клюев Н.А.</i> Керамика с примесью ракушки в комплексах раннего палеометалла Приморья	99
<i>Дьяконов В.М.</i> Стоянка эпохи ранних металлов в устье ручья Мастах на реке Пеледуй в Юго-Западной Якутии	103
<i>Ковалев А.А.</i> Новые находки кинжалов бронзового века: вновь к проблеме «северных» путей взаимодействия Древнего Китая с культурами степной зоны	108
<i>Ковалевский С.А.</i> О назначении ирменских зернотерок и жерновов	116
<i>Савко И.А.</i> Андроновская (федоровская) керамика поселения Чекановский Лог-3 в предгорьях Алтая	120
<i>Сотникова С.В.</i> К вопросу о «белом металле» андроновского населения (по материалам погребальных памятников)	125
<i>Степанова Н.Ф.</i> Курильницы эпохи ранней бронзы из Горного Алтая	129
<i>Федорук А.С., Иванов Г.Е., Федорук О.А.</i> Керамика переходного типа от развитой бронзы к поздней поселения Калиновка-II (Восточная Кулунда)	133
<i>Фрибус А.В., Дубова Н.А., Хью К., Куфтерин В.В., Сычева О.В.</i> Редкие типы погребальных конструкций Гонур-депе: исключение из правил или развитие традиции?	139

ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОЧЕВНИКИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

<i>Бояринцева К.Е.</i> Украшения из раннесредневекового памятника Сростки-I	145
<i>Головченко Н.Н.</i> Дифференциация предметного комплекса одежды из детско-юношеских погребальных комплексов эпохи раннего железа Верхнего Приобья	148
<i>Горбунов В.В.</i> Эволюция панцирных пластин булан-кобинской культуры	153
<i>Дашковский П.К.</i> Результаты изучения кургана №29 скифо-сакского периода на могильнике Чинета-II (Алтай)	158
<i>Идэрхангай Т.-О.</i> Раскопки новых курганов сяньбийского времени в Северной Монголии: погребальный комплекс у горы Гавилуй в Хонгор сомоне Дархан-Уул аймака	162
<i>Илюшин А.М.</i> Культовые площадки в культуре аборигенов развитого средневековья долины р. Касьмы на территории Кузнецкой котловины	167
<i>Кудинова М.А., Комиссаров С.А., Соловьев А.И.</i> Культура Северной Ци (550–577) в контексте кросс-культурных связей в восточной части Евразии (по материалам элитных погребальных комплексов)	169
<i>Маргарян К.Г.</i> Каменные алтарики раннего железного века Обь-Иртышского междуречья	175
<i>Марченко Ж.В., Гришин А.Е.</i> Курган с «усами» Троицкое-1 в Северной Кулунде	182
<i>Мунхбаяр Ч.Б.</i> О бронзовом втоке, найденном на Монгольском Алтае	186
<i>Савельев Н.С.</i> О культурной атрибуции могильника Филипповка	192
<i>Сенотрсова П.О.</i> Луки населения Нижнего Приангарья в финале раннего железного века	187
<i>Серегин Н.Н., Матренин С.С., Чудилин И.А.</i> Опыт реконструкции комплекса женских украшений населения Алтая жужанского времени (по материалам некрополя Чобурак-I)	201
<i>Тишкин А.А., Филиппова О.Г.</i> Бронзовое звено от удил из Кулунды: контекст находки и рентгенофлюоресцентный анализ	205
<i>Харинский А.В., Портнягин М.А., Иванов Г.Л.</i> Холбо-4 — новый объект елгинского времени Прибайкалья	209
<i>Цэнд Дул.</i> Особенности расположения курганов монгольского времени в Северной Монголии	214

РЕКОНСТРУКЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ В РАЗЛИЧНЫХ ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫХ ЗОНАХ (по материалам изучения археологических памятников)

<i>Анзулис Я.Е., Проконец С.Д., Белова И.В., Белов Д.М., Дорофеева Н.А., Сергушева Е.А., Шаповалов Е.Ю.</i> Средневековые промысловые стоянки Малиновка-1 и Малиновка-2 в Приморском крае	219
<i>Бляхарчук Т.А., Жилина Т.Н., Рыкун М.П.</i> Палеоэкология верхнего Приобья в эпоху раннего железа на примере каменной археологической культуры	223
<i>Каримова Г.Р., Кодирова М.Ш.</i> Домашние промыслы по материалам энеолита Саразма	227

<i>Кравченко Г.Г., Солодовников К.Н.</i> Территориальные группы памятников энеолита — ранней бронзы Горного Алтая и расселение афанасьевской культуры в связи с особенностями хозяйства	233
<i>Кунгуров А.Л., Тишкин А.А.</i> Поселения раннего железного века на левобережье Барнаульского Приобья: природные, культурные и хозяйственные особенности	238
<i>Приходько В.Е., Пивоварова Е.Г., Полянская Л.М., Rogozin E.П., Тишкин А.А.</i> Комплексное изучение поселения Березовая Лука эпохи бронзы (Алтай)	242

ДРЕВНЕЙШЕЕ, ДРЕВНЕЕ И СРЕДНЕВЕКОВОЕ ИСКУССТВО ЕВРАЗИИ. ИЗВЯЯНИЯ

<i>Варенов А.В.</i> Групповые изображения «стилизованнных» оленей в горах Монгольского Алтая и их интерпретация	247
<i>Ковтун И.В.</i> Гильгамеш и Каракол: реконструкция бродячего метасюжета	252
<i>Лихачева О.С.</i> Разработка базы данных о кинжалах, изображенных на «оленных» камнях Внутренней Азии	258
<i>Ожередов Ю.И.</i> К вопросу одного научного заблуждения. Древнетюркская скульптура из Бахты	263
<i>Понкратова И.Ю.</i> Мобильное искусство эпохи неолита Камчатки	267
<i>Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю., Тишкин А.А. (мл)</i> «Оленный» камень из Тувы: современные возможности получения графических прорисовок выбитых изображений	275
<i>Тишкин А.А., Табалдиев К.Ш., Бондаренко С.Ю.</i> Использование цифровых технологий при документировании «оленных» камней в Кыргызстане	281
<i>Эрдэнэпүрэв Пүрэвдорж.</i> «Оленные» камни в Центральной Монголии: информационный потенциал (по материалам изданного каталога)	286

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ, ИХ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ, КОМПЛЕКСНЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ. МУЗЕЕФИКАЦИЯ, РЕСТАВРАЦИЯ И АТРИБУЦИЯ РАЗНОВРЕМЕННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ

<i>Алексеева В.Е., Сайберт В.О., Кузеванова М.Ю.</i> История становления кабинета антропологии Музея археологии и этнографии Алтая АГУ	291
<i>Боброва А.И., Андреева Е.А.</i> Опыт каталогизации археологических источников (каталог перстней XVI–XVII вв. из фондов ТОКМ)	294
<i>Бугарчев А.И., Шайхутдинова Е.Ф.</i> О кладе болгарских монет XV в. из фондов Музея археологии Республики Татарстан	299
<i>Васильева Н.А.</i> Реставрация деревянных деталей основ седла из могильника Яломан-II	302
<i>Герасимов Ю.В., Загородникова Д.П., Здор М.Ю., Корусенко М.А., Павлов Д.Н.</i> Каторжный острог Второй Омской крепости. Археология и история в музеефикации объекта культурного наследия	308
<i>Гирченко Е.А.</i> Приграничная документация северо-западных округов Ханьской империи	312
<i>Иванов Г.Е.</i> Каменный клевец из Локтевского района	317
<i>Казаков А.А.</i> Керамический комплекс алтайского варианта кулайской и одинцовской культур с поселения Корчажка-5	320
<i>Митько О.А.</i> Цинская сабля с орнаментированным клинком	324
<i>Му Ц.</i> Краткий обзор публикаций советских и российских исследователей о пазырыкской культуре, изданных в Китае	329
<i>Подушкин А.Н.</i> Археологический комплекс Катакомбы-10 могильника Тулебайтобе-III	333
<i>Радовская Е.А., Радовский С.С.</i> История изучения металлических зеркал скифской эпохи из северных предгорий Алтая	338
<i>Филиппова О.Г.</i> Выставка «Кочевники. Покорители пространств и времен» в Алтайском государственном краеведческом музее	344
<i>Ширин Ю.В., Мартюшов Р.А.</i> Ассортимент изделий кузнецов Горной Шории по архивным источникам XVII в.	347
<i>Шмидт А.В., Измайлова С.Ю., Галив Р.Б.</i> Комплекс античной керамики из археологической коллекции МАУ «Экоцентр»	352
Список сокращений	357

Научное издание

**СОВРЕМЕННЫЕ РЕШЕНИЯ
АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ЕВРАЗИЙСКОЙ АРХЕОЛОГИИ**

Выпуск 3

Сборник научных статей

Редактор: Н.Ю. Ляшко
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова
Редактор англоязычных аннотаций: Е.А. Россинская

Для оформления обложки использованы фотоснимки А.А. Тишкина

Издательство Алтайского государственного университета
Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 30.08.2023.
Дата выхода издания в свет 08.09.2023.
Формат бумаги 60x84 1/8. Усл.-печ. л. 41,85.
Гарнитура Minion Pro. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Тираж 150 экз. Заказ №566.

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66